

Кровавый закон

А
н
а
с
т
а
с
и
я

Вернер

Во всем мире нет страшнее наказания, чем Кровавый закон. Преступников ожидает беспощадная кара. Выжить невозможно. Спасая свою сестру, Олиф становится преступницей. Теперь ее новый дом — это пустыня. Срок наказания — три года. Здесь за воду могут прирезать родного брата, за место в тенике — убить родную мать. Здесь каждый Изгнанник автоматически становится врагом. Здесь нельзя давать волю чувствам. Здесь нельзя любить. Можно ли выжить в этой безжалостной пустыне? Ведь, как известно, чем упорнее ты сопротивляешься, тем упорнее тебя пытаются убить.

Анастасия Вернер

Кровавый закон

Если бы тогда я могла знать... Да неужели я бы не спасла сестру? Спасла бы. Если бы знала, все равно поступила бы так же... знание ничего не меняет.

Вокруг меня, словно мотыльки, летали тысячи песчинок, поднимаемые из-под моих уставших ног. Они кружили, попадая в глаза, забивая нос и залетая в рот, мешали мне двигаться, мешали смотреть, но я продолжала свой путь. Куда я шла? Никуда. Просто переставляла ноги вперед, чтобы только идти. Останусь на том же месте, и меня схватят Песчаники. Вечные преданные хозяева пустыни.

Солнце нещадно палило, в горле было настолько сухо, что дышать становилось практически невозможно. По всему телу градом катился пот, шея онемела без получения кислорода, но снимать повязанную поверх головы рубаху было нельзя. Солнечный удар мне обеспечен.

Еще месяц назад я и подумать не могла, что окажусь в этой пустыне.

Кровавому закону могли подвергнуться все. На Народные собрания я ходила редко — дома было слишком много забот. Если бы я тогда знала... Один неверный шаг, одно неверное движение и тебя кидают в яму позора, мнут, топчут и выносят приговор — Кровавый закон. Пустыня. Срок наказания — три года.

Как выжить в пустыне три года? На каждом шагу опасность: если не умрешь от жажды, тебя сморит солнце. Не умрешь от жары, тебя убьет неизбежность. Не убьет совесть, умрешь от рук Песчаников. А если продержишься так несколько месяцев, сам начнешь искать смерть...

Я не искала смерти. Но и в жизни смысла больше не видела. На мне стоит клейм Изгнанника. Я не вернусь. Никогда.

Олиф стояла в середине площади и молча ждала приговора. Вокруг витала атмосфера всеобъемлющей ненависти, словно именно в этот момент в окружающих ее людях проявлялись самые гадкие человеческие пороки. Они вылезали наружу под гул толпы, формируясь в настоящих чертиков, которые теперь с нетерпением ожидали приговора. На лицах людей читалось открытое отвращение. Они кричали, махали руками, плевали под ноги, выражая злость, ненависть, презрение. Олиф осуждали, но осуждали несправедливо. К сожалению, знала об этом лишь она сама. И от этого было еще больнее искать в толпе знакомые лица. Девушка пристыжено зажмурилась и съежилась под нескончаемыми воплями.

Ее судьба решалась на Народном собрании. Вся эта церемония была лишь данью традиции, каждый из присутствующих понимал, чем все закончится для молоденькой преступницы. Но чертики в людях не сдавались — они жаждали зрелища. Им хотелось посмотреть на сломленного злым роком человека, заглянуть в небольшие карие глаза, чтобы с ликованием понять — она сдалась. Ее судьба решена. Им хотелось увидеть, как девчонка пересечет Песчаную Завесу. И сгинет навсегда.

Олиф никогда не была сентиментальной или слишком впечатлительной. Жизнь научила ее играть по своим правилам. Однако теперь девушка не могла сдержать колючих слез. В ее голове крутилась лишь одна мысль: «несправедливо». Холодная, сырая камера, горбушка черствого хлеба, и удушающее одиночество. Олиф не выделялась особой гениальностью, но и дурочкой тоже не была. Она знала, чем все закончится, однако до боли в суставах не желала в это верить.

Когда Главный Старейшина поднялся со своего места и попросил ее подойти, она нерешительно шагнула вперед.

— Осознаешь ли ты всю страшную силу своего поступка? — грубым, посаженным голосом спросил старик.

Олиф виновато опустила глаза и медленно кивнула, пытаясь показать, что ужасно раскаивается. Хотя, на самом деле, стоило ей вспомнить о толстом дружиннике, как внутри нее поднималась дикая ярость. Если бы ей дали еще один шанс, чтобы все исправить, она поступила бы также.

— Раскаиваешься ли ты в своем поступке?

Олиф отчаянно закивала. В данный момент она была готова пойти на все, лишь бы только ее не судили Кровавым законом. По сравнению с этим, даже смерть казалась одолжением.

Лучше уж пусть сразу закидают камнями.

— Братья мои, — обратился Главный Старейшина к остальным представителям закона, которые сидели по кругу. — Принимаете ли вы раскаяние этой девушки, как оправдание ее поступку?

Им нужно было всего лишь поднять руку. На собрании восседало десять Старейшин, и Главный — на тот случай, если голоса будут равными. Олиф с надеждой смотрела на суровые лица взрослых мужчин, но никто из них не поднимал рук. Кто-то неодобрительно качал головой, кто-то злобно сжимал пальцы в кулак, кто-то нервно отбивал барабанную дробь на своем стуле. Но никто не поднял рук.

Внезапно Олиф заметила среди толпы знакомые карие глаза. Марика стояла и с надеждой прижимала кулачки ко рту, видимо, молилась Берегиням за судьбу старшей сестры. Олиф ободряюще улыбнулась и тут же опустила глаза, пряча слезы.

Никто не поднимет рук. Она убила воина из Первой Дружины. Этому нет прощения. Теперь Марике придется стать старшей в семье.

— Да будет так! — Старейшина поднял костлявые руки вверх, рукава огромной мантии плавно поползли вниз. — Три Берегини мира Нави хотят, чтобы преступник понес заслуженное наказание. Да свершится над окаянной Кровавый закон!

Люди оглушительно заголосили, одобряя принятое Старейшинами решение, и уважая волю Берегинь. Чертики на их лицах радостно возликовали, предвкушая невиданное, манящее зрелище.

Кто-то схватил Олиф под локотки и повел по направлению к Песчаной Завесе, отделяющей пустыню от их села. Девушка, не чувствуя ног, слабо подчинилась, и словно в бреду пошла со стражниками. Перед глазами все поплыло.

— Не надо... — прошептала она без всякой надежды на спасение.

Никто из преступников не хочет в пустыню, все всегда надеются избежать Кровавого закона. За то время, что они проводят в камере, единственное, что они могут — это молиться. Молиться всем известным Берегиням, даже мира Нави. И Олиф тоже молилась так, как никогда раньше. Вот только это ее не спасло. Редко когда ей удавалось выбраться на Народные собрания, и как над преступником свершается Кровавый закон, представляла смутно. Однако где-то в глубине души зарождался леденящий ужас. Олиф понимала, что так просто ее в пустыню не выпустят.

Девушка начала беспомощно упираться ногами, вырывать руки из цепкой хватки стражников и, в конце концов, в отчаянии заголосила:

— Не надо!!! Пожалуйста, не надо!!!

Ее никто не слушал. Все давно привыкли к такой предсмертной мантре. «Не надо!», «Отпустите!», «Я не виноват!», «Это несправедливо» — все эти слова преступники повторяли из раза в раз. Не желающий это слушать народ, в преддверии нового развлечения, быстро обгонял Старейшин, возглавлявших процессию, и чуть ли не бегом направлялся к Песчаной Завесе. Чертики в этих людях подпрыгивали в нетерпении, кидали на девушку злые, колючие взгляды, давая понять, что сегодня оборвется еще одна ниточка чьей-то бесполезной жизни.

Олиф продолжала вырываться до тех пор, пока один из стражников не залепил девушке смачную пощечину.

— Угомонись!! — зарычал он.

От боли на глаза навернулись слезы. Лучше бы ее закидали камнями.

Кончики пальцев онемели, на шее вступила испарина, в животе натянулась тугая струна... «Только не Кровавый закон, только не Кровавый закон, — повторяла про себя девушка, как заведенная. — Только не Кровавый закон».

Люди продолжали обгонять их, но стражники почему-то дернули девушку совершенно в противоположную сторону. За ними последовали и Старейшины. Олиф в отчаянии завертела головой, оглянулась — никто за ними не шел. Куда ее ведут? Впереди показалась кузница, из нее выбежал хозяин и услужливо поклонился, снимая потрепанную шапку. Пальцы одного из стражников сильнее сомкнулись на предплечье девушки. Ее сердце учащено забилося, в горле пересохло.

Главный Старейшина кивком указал на Олиф и махнул рукой. Кузнец тут же кинулся открывать двери, куда ввели ничего не понимающую девушку. Остановились возле какого-то железного стола, на котором лежала металлическая палка, раскаленная добела. Стражники силком заставили девушку опуститься на колени и вытянуть вперед руку. Перевернули ладоншкой вверх.

И тут Олиф вспомнила, что полагается делать Изгнанникам, прежде, чем отправить их в пустыню.

Она начала отчаянно дергаться, кричать, лишь бы высвободить руку. К ней подошел кузнец. Олиф умоляюще посмотрела на него. Не он ли просил ее о помощи, когда в его семье не осталось даже жалкой крошки черствого хлеба? Не ему ли она помогала с его младшей дочкой, когда ту схватила лихорадка? После этого он позволит сделать это с ней?!

Кузнец виновато опустил взгляд и в следующую секунду прижег молодую, но уже повидавшую мозоли кожу. Прямо посередине ладони.

— А-А-А!!! — завопила Олиф каким-то не своим голосом, словно ей только что заживе начали отрезать пальцы на руке, один за другим.

Ладонь разъедало на части. Кузнец не убирал раскаленный металл, и девушка от безысходности начала вырываться, в тщетной попытке прекратить эту боль.

— Хватит, — грозно приказал Старейшина.

Кузнец с облегченным выдохом убрал палку, взял со стола какую-то деревянную чашу с непонятным раствором внутри, черпнул немного на палец и принялся намазывать ее на рану вырывающейся девушке.

По щекам Олиф градом текли слезы. Руку словно пережевывали маленькие термиты по маленьким кусочкам, боль была невыносимая. Казалось, что чертики решили пойти за ней попятам, несмотря на то, что люди давно уже были возле Песчаной Завесы. И теперь они победно смеялись, брызжа на холодный пол огненной слюной.

Мазь помогла не сразу. Сперва пропал жар, за ним боль. Сама рана не зажила. Так Изгнанникам ставили клеймо — прижигали кожу. Эта их метка. В зависимости от того, на какой срок тот отправляется в пустыню, ему в большей или меньшей степени держали раскаленный металл. За время их наказания все должно зажить.

У Олиф рана была глубокая.

Ее снова схватили под локотки, подняли с земли и повели к Песчаной Завесе. Ноги не держали, то и дело она спотыкалась и повисала на руках у стражников. Те грубо поднимали девушку, заставляя идти вперед.

Наконец, они приблизились к Песчаной Завесе. Она была высокой и прозрачной, при солнечном свете на ней играли радужные блики; она казалась упругой, словно пружина и тонкой, словно шелк. На приемлемом расстоянии друг от друга стояли вышки, где дежурили бдительные часовые, следящие, чтобы ни один преступник не выбрался из пустыни.

Люди, словно перила, расступились перед Олиф и сжали в руках что-то странное.

— Срок твоего наказания три года, — громким басом объявил Главный Старейшина. — До его истечения ты не имеешь права приближаться к границе и находиться в селе Чернь. Тебе приписывается клеймо Изгнанника, теперь твой дом — это пустыня. Любая попытка пресечь наказание карается смертью. Отправляйся с миром, да помилуют тебя Берегини.

С этими словами Главный Старейшина вручил Олиф небольшой мешочек, сделанный из грубой ткани, и махнул рукой. Практически сразу заложило уши от душераздирающего крика:

— У-у-у!!!

Олиф пошатнулась, кто-то замахнулся и кинул в девушку гнилым помидором. На сером платье моментально образовалось красное пятно. Олиф глупо смотрела на образующиеся подтеки, пока в нее не попали еще одним гнилым продуктом. А затем еще одним. И еще. В отчаянии девушка съежилась и закрыла голову руками. В нее не переставали попадать все новые помидоры, и наконец, не выдержав, она побежала. Олиф даже не посмотрела куда несется, ей хотелось только одного — поскорее укрыться от всего этого. Под ногами что-то противно чмавкнуло, она поскользнулась и кубарем полетела на землю. Девушка ожидала услышать смех, презрительное гудение, но вокруг было тихо-тихо, как в гробу.

Олиф поднялась на ноги и сквозь прозрачную оболочку увидела людей, только недавно кидавших в нее гнилыми помидорами, а теперь провожающих девушку победными, злыми взглядами.

Она пересекла Песчаную Завесу.

Чертики в людях радостно начали пританцовывать.

Сердце девушки ухнуло в пятки. Вот и все. Выбор сделан, судьба решена. В этой пустыне ей придется находиться три года.

Целых три года!

Олиф тяжело опустилась на рыхлый песок. Тело уже предательски покрывалось потом. Девушка подняла глаза к небу, но тут же зажмурилась — свет тут был намного ярче того, к которому она привыкла. От резкой смены температуры закружилась голова. Как же можно продержаться здесь так долго?

Ответ сам всплыл в сознании.

Никак.

Олиф не выживет, просто не сможет... Три года без еды и воды... в пустыне с клеймом Изгнанника. Она умрет страшной, жестокой смертью. Уже сейчас Олиф чувствовала себя, как в бане. Одежда постепенно нагревалась, щеки становились красными, по позвоночнику игриво скатилась капелька выступившего пота, щекоча кожу. Девушка приложила руки к лицу, в надежде как-то охладить дыхание. Когда она вдыхала носом, горячий воздух обжигал кожу, но если дышать ртом — пересохнет горло.

Неожиданно, где-то позади нее, послышался оглушительный вопль:

— Выпустите меня отсюда!!! Выпустите!!!

Прямо к Песчаной Завесе бежал какой-то оборванец. Он весь оброс волосами, борода доходила ему до шеи, от штанов остались лишь какие-то огрызки, его голова была перевязана льняной рубахой, а сам он был по пояс оголен.

— Выпустите!!! Выпустите!!! — истошно вопил он.

Первая предупреждающая стрела попала рядом с ним, но мужчина ее словно не заметил, он продолжал бежать, стараясь быстро переставлять вязнущие в песке ноги.

— Отпустите меня!!! Смилуйтесь!!!

Вторая стрела угодила точно в коленку. Изгнанник споткнулся и упал носом в песок, однако сдаваться не собирался — сжал кулаки и упрямо пополз вперед. Последняя стрела прекратила его сопротивление.

Впавшая в ступор Олиф секунду смотрела на обмякшее тело, а потом вскочила на ноги — с колен что-то упало — и побежала к человеку. Аккуратно перевернула тело. Мужчина задыхался, изо рта шла кровь, однако он смог посмотреть на девушку. И в его взгляде сквозила благодарность.

— Не надо... — прошептал он

— Чего не надо? — удивилась девушка.

Но уголки его губ дернулись в подобие улыбки, и взгляд остекленел навсегда.

Олиф молча провела рукой по безжизненному телу. Что он делал так близко от границы? Борода отросла чуть ниже шеи, значит, в пустыне он продержался больше месяца... К тому же, никто не знает, сколько раз он мог ее отрезать. Что же заставило его молить о пощаде? Пальцы девушки нащупали что-то теплое, но определенно твердое и... железное. Нож. Откуда?! Олиф испуганно отпрянула.

Рядом с ее пальцами, в песок, вонзилась стрела. Девушка тут же одернула руку и посмотрела на одну из вышек: стражник раздраженно показывал ей, чтобы убиралась отсюда к чертям собачьим. Повинуясь какому-то невероятному, вселяющему ужас порыву, Олиф запустила руку в складки оставшейся на мужчине одежды и незаметно вытащила оружие, тут же спрятав его в рукаве бесцветного платья. Развязала и сняла с головы трупа жесткую рубаху. И только после этого опрометью кинулась подальше от Песчаной Завесы, пока ее не постигла участь этого Изгнанника.

* * *

Солнце, казалось, решило поиздеваться над измученной девушкой. От жары тело начало зудеть, платье только усиливало раздражающее неудобство, хотелось разодрать его на кусочки, чтобы стало хоть чуточку холоднее. Но какое-то внутреннее смущение не позволяло Олиф поступить так с одеждой. Поэтому она, пересилив гордость, подняла подол платья и связала его концы в районе колен. Ноги были непривычно оголены, но прохладнее не стало. В горле постепенно зарождалось неприятное ощущение сухости, вдруг захотелось пить. Олиф остановилась и попыталась сглотнуть слюну, но не смогла. Слюны не было. Девушка вдруг тяжело задышала, ее охватило волнение — вот так она и умрет, от жажды.

Берегини помогите...

Чтобы не думать об иссушающем солнце, Олиф начала вспоминать события недельной давности. В тот роковой день ей пришлось бежать на базар за липой и облепихой. Она прекрасно помнила, как хотела еще и зерна купить на те жалкие монетки, что удалось скопить за неделю. Дома ее ждали три голодных рта — две сестры и брат. Олиф так торопилась, что не заметила телегу, перевозящую сено с поля — благо удалось вовремя отскочить. Девушка быстренько расплатилась и понеслась домой. Тимка болел уже третий день — жар не спадал, наоборот, становилось только хуже.

Ее сразу должна была насторожить необычная тишина в доме. Обычно Тара играла с младшим братом — Тимом, на углу двора, чтобы не растоптать только-только созревшие семена. Олиф поднялась в маленький деревянный дом по скрипучим ступенькам и только тут сообразила, что слышит приглушенные стоны. Не раздумывая ни секунды, она схватила с печи чугунную сковородку и кинулась туда, откуда доносились звуки.

Где-то в подсознании Олиф поняла, что происходит. Это должно было случиться. Не зря же несколько Перводружинников чуть ли не весь месяц околачивались возле старенького, почти развалившегося домика.

Олиф ненавидела воинов из Первой Дружины — наглые, хамоватые, они считали себя всесильными, получая все, чего захотят. Этот захотел Марику. Ей было всего четырнадцать.

Со всей ненавистью Олиф кинулась на Перводружинника, впервые не почувствовав ни страха, ни смущения перед человеком, выше ее по положению. Она с размаху огрела его сковородкой. Мужчина покачнулся, его руки, лежащие на ремне штанов, обвисли, и он начал заваливаться вперед.

— А-а! — закричала Марика, на которую упала эта груда скопления свиного жира.

Олиф бросилась к сестре, схватила девчонку за руки и с неимоверным усилием вытащила ее из-под обездвиженного воина.

Олиф не рассчитала силу удара. Дружинник умер.

Наверное, в таких случаях полагается что-то чувствовать: вину, сострадание, горечь... Но у Олиф в душе было пусто, словно пустыня забрала странную способность чувствовать.

Девушка вскинула голову и решила идти дальше до тех пор, пока не свалится с ног от усталости. Это будет быстро, и жажда не успеет сморить. Олиф злобно поправила съехавшую с головы рубаху и медленно побрела вперед, рассекая песок голыми ступнями. Казалось, она шла по огню. Стоять на раскаленных песчинках больше пяти секунд было невозможно.

Олиф переставляла ноги с чувством какой-то опустошенности. Там, за Песчаной Завесой у нее остались две сестры и братик... Как они теперь без нее?

Девушке приходилось подрабатывать сиделкой в доме у одного богатого воина из Первой Дружины. Каждые две недели он выдавал ей пять монет. Питаться приходилось дешевой крупой. Иногда из зерен, которые Олиф получала за работу на полях, они пекли хлеб, но он получался жесткий и горьковатый, по размеру чуть больше ладони.

Теперь Марике придется стать старшей.

Олиф так хотела, чтобы ее сестре не пришлось жить той же жизнью, какой жила она сама. Ведь ей каждый день приходилось крутиться до потери пульса, беспокоиться о том, чем накормить семью и где раздобыть денег. Работа была тяжелой, но материально это никак не окупалось. Однако помимо работы был еще один способ. Можно было стать содержанкой Перводружинника. Ты ему тело, он тебе — крышу над головой. Олиф до последнего надеялась, что Марика не пойдет по этому пути. Как бы тяжело не было, ее сестра должна найти силы идти вперед, не теряя при этом уважения. Хотя бы перед самой собой.

Она должна найти хорошего мужа из батраков, и тогда ей не придется тащить всю семью на своих хрупких плечах. Нет, Олиф не жалела о своем поступке. Лучше уж пусть сгинет в пустыне, чем позволит обесчестить свою сестру. Да, она убила человека, но он это заслужил. В любом случае, девушка за собой вины не чувствовала.

Вокруг нее пролегали большие, волнистые песчаные хребты. Казалось, что под землей скрывалось огромное существо со странным хребтом, и именно его по случайности занесло песком. Настолько удивительным был рельеф. То чуть поднимался, образуя песчаные горки, то, наоборот, уходил вниз. А по ним сверху как будто кто-то провел пятерней, и теперь на песке, словно на муке, красовались волнистые линии от чужих пальцев. Стоять и смотреть на это, было легко, а вот идти по такому массиву — нет.

Ступни. Болят, ноют ступни. Олиф не сразу обратила на это внимание и теперь смотрела на ноги с закушенной от боли губой. Ступни были сплошь в ожогах. Раскаленный песок действовал похлеще любой сковородки. Шаг замедлялся, на пятки было невозможно ступить.

— Ай! — стиснув зубы, выдавила Олиф и плюхнулась на песок.

Как же ей было больно... Она посмотрела на ноги — краснота расплзалась все дальше, кожа словно горела, ужасно хотелось приложить чего-нибудь холодного. С удивлением девушка поняла, что покраснения виднеются и на икрах. Чертово солнце! Чертов песок! Как же она будет двигаться дальше?!

А может... и не надо? Зачем? Неужели она сможет найти тут что-то, кроме песка? Если только очередные равнины, возвышения и снова равнины. Больше в этом забытом Берегинями месте ничего нет. Раскаленный песок, палящее солнце и кактусы.

Кактусы... они как-то умудряются выживать здесь. Стоят вот так, неподвижно, годами, столетиями, а Олиф? Три года. Она не продержится. Не выживет. Да и зачем?

Пить хотелось ужасно. Где взять воды? Должен же здесь идти дождь. Или нет?

Неожиданно рядом с ней прошмыгнула тень. Перебирая тоненькими ножками, зверек тоже искал укрытия от палящего солнца. И нашел. Подбежал к остолбеневшей девушке и пристроился рядом, в отбрасываемой ее телом тени.

— А-а-а!!! — завизжала Олиф.

Зверек был похож на паука, но только с панцирем, как у скорпиона. Из-под него выглядывали два черных глаза и большие усики. Оно размахивало хвостом (наверняка ядовитым!) и чистило лапками морду, однако, вопреки всему, девушка почувствовала жуткое отвращение. Тело зверька как будто сплошь было покрыто слизью — тягучей и липкой.

Олиф зашевелилась и обитатель пустыни, почуяв опасность, прошмыгнул подальше от тени и скрылся среди бесконечных песчаных пылинок. Девушка знала, что животные как никто другой чувствуют воду. Она хотела вскочить и попробовать догнать зверька, но идти по такому песку голыми ногами больше не могла.

Внезапно ей в голову пришла идея.

Олиф, продолжая сидеть на песке, развязала концы связанного в узел платья с обеих сторон и позволила ему свободно упасть к щиколоткам, чтобы в следующий момент оторвать значительный кусок своей одежды. Вещь была старая — она принадлежала еще бабушке Олиф — и сделать это было не трудно, правда, теперь из оставшегося подола выглядывали разорванные нитки. Но в пустыне вряд ли кто-нибудь придаст этому значение.

Ткань, шириной аж в две ладони, Олиф разделила еще на две части и аккуратно, стараясь не пропустить ни одной щелочки, начала обматывать свои ступни. Попробовала встать — терпимо. Идти можно. Внутри загорелась слабая надежда, что все-таки удастся хоть немного попить. Раз здесь есть звери, значит, должна быть и вода.

Старейшины наверняка специально не дали ей даже маленькой баклажки — быстрее умрет. Меньше забот. Но ведь... не могут так Берегини с людьми поступать. Нет. Олиф искренне не верила, что Кровавый закон придумали они. Старейшины врут, Песчаную Завесу не могли создать Берегини, они должны защищать миры, а не обрекать их на вечные мучения.

Волхвы объясняли появление Песчаной завесы тем, что когда-то один из людей, а именно — Гурум Какой-то-Там (стыдно признаться, но запомнить его фамилию она так и не смогла), вызвал гнев Трех Берегинь мира духов — Нави, за что те пришли в мир людей — Яви, и превратили свою ярость в зловещие, неукротимые пески, простилающиеся очень-очень далеко. Туда они и отправили преступника в вечные скитания. Когда Три Берегини мира Яви увидели злодеяние своих сестер, было уже поздно. Единственное, что им оставалось — оградить остальных людей от гибели, и они создали Песчаную Завесу, которая отделяла смертельную пустыню от обычной земли. Но с каждым годом Песчаная Завеса

постепенно продвигалась вперед, поэтому волхвы решили приносить жертву всем Берегиням (чтобы уж наверняка) с отчаянной мольбой не дать Завесе поглотить селения.

А преступников ожидала участь Гурума Какого-то Там.

Олиф была виновата, она понимала это, но... не принимала. Кровавый закон — слишком жестокое наказание за спасение сестры. Да, она убила человека. Воина из Первой Дружины. Но так было нужно. Берегини должны понять это. И простить ее.

Олиф повернула голову, и на секунду ее ослепил какой-то яркий свет. Она зажмурилась и уже под другим углом посмотрела на странный предмет. Нож. Все это время она придерживала его рукой, чтобы он не кололся в рукаве. Наверное, пока она рвала платье, он выпал.

Нож. Как тот человек умудрился пронести его за Песчаную Завесу?

В тюрьме преступников тщательно обыскивают, не давая шанса на быструю смерть. Какую же надо иметь ловкость (и смелость), чтобы суметь повернуть такое... за это же и пожизненно могут в пустыню отправить.

Олиф хотела взять острый предмет, случайно коснулась металла и тут же одернула руку. Горячий. Пришлось аккуратно поднять за темную ручку. Покрутив из стороны в сторону, она заключила, что это обычный кухонный нож. Скорее всего, им резали баранину или свинину. При мысли о еде девушка облизнулась, только усилив этим жажду. Провела пальцами по острию — тупой. Не ржавый, именно тупой. Конечно, вполне возможно, что его прошлый хозяин резал им еду, листья, предметы, да что угодно, но на острие виднелись маленькие неестественные зубчики.

Олиф неожиданно резко отвела взгляд и порывисто поднялась. Она не хотела знать, для чего раньше использовали этот нож.

Ступни болезненно ныли, но хотя бы песок больше не обжигал. На открытых плечах и оголенных по колено ногах к завтрашнему утру обгоревшая кожа будет болеть так, что не прикоснуться, но то будет завтра. До него еще нужно дожить.

Олиф пошла дальше, сама не понимая зачем. Просто шла.

«Мне бы хоть каплю воды», — эта мысль поселилась в голове уже давно, но сейчас стала нарастать все сильнее.

Жажда становилась невыносимой.

Берегини помогите...

Но сколько бы Олиф не молилась, внезапных ударов грома, яркого света и всего тому подобного не произошло.

— Какие же эти Старейшины подлые! — в сердцах крикнула девушка в песчаную пустоту.

Могли бы ее хоть напоить перед тем, как судить! Олиф не злилась, у нее вообще не осталось никаких видимых желаний. Казалось, любое движение отнимает кучу сил, а уж тратить их на бесполезные эмоции, ей откровенно было жаль. Девушка сделала еще несколько шагов и остановилась, как вкопанная.

Неожиданная догадка так поразила ее, что Олиф едва удержалась, чтобы не треснуть себя по лбу. Старейшина же вручил ей какой-то мешочек! Несомненно, там могло и вовсе не быть никакой воды, но внутри девушки вдруг пробудилась такая надежда, что она даже не стала рассматривать другие варианты. Вместо этого резко развернулась и быстро пошла в сторону Песчаной Завесы. Да, теперь Олиф вспомнила: когда она побежала к тому умирающему человеку, что-то упало с ее колен. Дура.

Олиф отчаянно надеялась, что не упадет в обморок к тому моменту, как доберется до спасительного мешочка.

Девушка шла и шла, рассекая песок перевязанными ступнями, не обращая внимания ни на беспощадную жару, ни на барханы, с вершин которых стаей мотыльков слетали пески, ведомые поднявшимся ветром. В душе у Олиф теплился маленький лучик надежды, ослепленная им она не замечала своей жажды. Адреналин, бурлящий в крови, отогнал слабость и наступающую сонливость. Но тошноту он отогнать не смог. А Олиф шла и шла, не замечая ничего.

Поэтому она испытала сильное удивление, когда ноги у нее подкосились, и она упала носом в песок.

Девушка со слабым стоном поднялась и несколько минут просто стояла, пытаясь нормализовать зрение — перед глазами все плыло. Когда, наконец, ей удалось привести себя в чувство, она продолжила путь, но теперь каждое движение давалось с трудом. Еще недавно ощущаемый голод куда-то пропал, его место сменила тошнота. Олиф неожиданно очень захотелось лечь здесь и не вставать, просто полежать... просто отдохнуть.

«Нет, — одернула себя девушка. — Нельзя!».

Она упрямо шагала вперед.

Как жарко. Платье изрядно мешало, прилипало к телу, но Олиф его не снимала — стыдилась. Кого? Она сама не знала.

На ум почему-то пришли содержанки Перводружинников. Как они выглядят в Правске, Олиф не представляла, но у них в селе — даже слишком нагло. В высших кругах быть содержанкой видимо давало определенные преимущества, иначе, чем объяснить их «дружелюбие»? Однажды Олиф довелось попасться под руку одной такой «лапочке», так та чуть не вышвырнула девушку из дома, благо Перводружинник решил всё мирным путем. С того раза Олиф старалась лишней раз к себе внимания не привлекать. Как можно продавать свое тело за жалкое положение среди высшей знати? Все равно ведь их там никогда не примут...

И Олиф не примут. Не как «лапочку», а как Изгнанницу. После истечения срока наказания, ты перестаешь быть клейменым, но ведь у людей всегда есть свое мнение на этот счет. Плохой всегда будет плохим. Преступник — преступником. А Изгнанник... люди не прощают таких, как Олиф. Слишком уж давно завелась эта поговорка, и очень прочно засела в уме каждого жителя Правского княжества — «изгнанники не возвращаются».

Подумать о том, зачем же тогда ей хвататься за жизнь в этом гиблом месте, Олиф не успела — впереди показалась Песчаная Завеса. Высокая стена уходила высоко в небо. Не видно было, где она заканчивается, как будто прозрачная пелена сливалась с облаками. В свете дня ее контуры переливались разными цветами, словно радуга. Впечатление омрачали вышки. Часовые, как деревянные игрушки, казалось, вообще не дышали, лишь следили за соблюдением правил. А правило здесь было только одно — всех впускать и никого не выпускать. За исключением тех, у кого срок наказания истек. Но таких тут уже давно не водится...

Как же незамеченной пробраться к мешочку, и не получить стрелу? Хорошо, если ее пристрелят сразу, а если нет? Скитаться по пустыне с кровоточащей раной — не слишком приятный исход. Олиф видела, как часовые выпускают предупреждающие стрелы.

«Хоть одна такая — сразу назад!» — решила про себя девушка.

Она попыталась сглотнуть слюну, но тут же одернула себя. И так пить хотелось до

изнеможения, еще и слюна оставшуюся во рту влагу соберет.

Олиф легла на горячий песок и внимательно стала наблюдать, как будто ждала чего-то. Вот один часовой повернулся к другому, сложил ладошки возле рта, что-то крикнул. Второй повторил движение, что-то ответил. Оба повернулись и снова застыли.

Олиф не двигалась. Какое-то внутреннее чутье подсказывало ей: «Лежи!». И она лежала. Откуда-то справа подул ветерок, девушка удивленно повернула голову и улыбнулась теплым порывам. Ветер в пустыне — вещь опасная, но Олиф об этом не знала, она только смотрела на кружащий танец маленьких песчинок. Они летали вокруг ее тела, огибали его, но не все. Некоторые попадали прямо на девушку, словно пологим ковром укрывая ее. И тут Олиф сообразила: прикрытие.

Она отползла немного назад, прячась в небольшом песчаном углублении, и, словно катушка, начала кататься по песку, стараясь, чтобы он полностью облепил серое платье. Когда она более менее «слилась» с песочным цветом, то вновь вернулась на прежнее место. Сердце сковали сомнение и страх — а вдруг не выйдет? Однако терять ей все равно уже нечего, тогда чего волноваться? У нее есть только два варианта: да или нет. Оба примерно с одинаковой вероятностью ведут к смерти.

Олиф глубоко вдохнула и поползла.

Песок был до ужаса горячий. Девушка старалась держать корпус прямо, но задняя часть тела так и норовила подняться. Как бы девушка ни старалась, но ползти вот так было невыносимо трудно. Несмотря на постоянные работы на полях, в животе образовалась тугая струна, и он непривычно заболел, словно там здорово растянули кожу. Олиф опасливо остановилась, огляделась. На секунду ей показалось, что какая-то тень промелькнула среди песчаных хребтов, но девушка не успела присмотреться — один из часовых, кажется, что-то заподозрил. Мужчина облокотился о каменные перила, немного свесился, пытаясь рассмотреть в песчаной мгле то, что насторожило его. Олиф испуганно съежилась и затаила дыхание. Поднять голову она решила лишь спустя несколько минут.

Обошлось.

Девушка продолжила путь, но теперь поползла в два раза медленнее, аккуратно переставляя руки и ноги. Мешочек лежал буквально у самой Завесы. Даже если ей удастся доползти незамеченной еще некоторое расстояние, то к Завесе она не приблизится — заметят. Ей поможет только чудо...

Справа от нее показалось какое-то движение. Она не ошиблась — тень действительно была человеком. Он стремительно бежал прямо к Песчаной Завесе и что-то истошно вопил. Олиф настороженно наблюдала за Изгнанником, и не сразу заметила полоску песка, тянущегося за ним.

Что-то преследовало его.

Сердце девушки пропустило несколько ударов, в течение которых, из-под песка высунулась огромная, черная, блестящий хвост, чем-то напоминающий змеиный. Хвост замахнулся и ударил человека. Тот вскрикнул и кубарем покатился с небольшого песчаного возвышения. Однако вскоре снова вскочил на ноги и, не прекращая вопить, кинулся наутек.

Олиф испуганно припала к земле, чтобы, не дай Берегиня, оно ее не заметило. Ей хотелось закричать, так же броситься прочь, пока эта тварь занимается Изгнанником, но она продолжала лежать. Мысли вихрем крутились в голове. Это шанс. Шанс раздобыть воду. Рискованный, безумно опасный, но все же, какой-никакой — шанс выжить. Терять ей нечего.

Олиф с удвоенной силой принялась работать руками и ногами, уже не обращая внимания на выгнувшуюся спину и заднюю нижнюю часть тела. Только бы успеть. Страх разогнал адреналин в крови, какой-то леденящий душу азарт завладел девушкой. Мельком глянула в сторону. Человек бежал напрямик к Песчаной Завесе. Надеялся, что часовые спасут его? Полоска песка все так же продолжала преследовать его.

«Надеюсь, меня эта тварь не заметила», — подумала Олиф.

Она решили рискнуть — встала на колени и поползла уже на карачках. Так было быстрее. Чем ближе Изгнанник приближался к Завесе, тем сильнее ею завладевал страх. Почему лучники не стреляют? Человек наверняка задавался тем же вопросом, но надежды не отпускал. Из песка снова высунулся хвост, и вот, наконец, первая стрела была выпущена. Рядом с человеком. Как предупреждающая.

На секунду Олиф остолбенела. При чем тут Изгнанник, когда его преследует эта тварь?! Но тут девушка сообразила, что тоже должна была получить предупреждающую стрелу. Значит, ее еще не заметили. Она продолжила стремительно ползти. До Завесы оставалось всего чуть-чуть... еще немного... вот он. Олиф заметила темную ткань на песке. Прибавила сил.

Она схватила мешочек ровно в тот момент, когда раздался оглушительный вопль. Девушка повернула голову и увидела мертвого Изгнанника. Тело плашмя лежало на песке, а из груди торчала стрела, на которую он так надеялся. Они убили его. Не песчаную тварь, а человека. Олиф судорожно прижала мешочек к груди. Она вдруг остро ощутила, что пора делать ноги. Девушка уже хотела вскочить, но не успела. Земля сотряслась, и из-под песка высунулась огромная змеиная морда, разинула пасть, и утащила мертвое тело под землю.

Откуда-то из глубины послышалось пробирающее до костей победное шипение.

Оторопевшую девушку заставила очнуться стрела. Олиф так и подпрыгнула, когда та врезалась в землю рядом с ее ногой. Мельком глянула на спокойные лица часовых и кинулась наутек.

Слава Берегиням, больше стрел не было.

... Два года тому назад.

В дверь настойчиво стучали. Даже сквозь пуховую подушку девушка прекрасно слышала, что если она сейчас же не впустит незваного гостя, ей будет очень, очень плохо. Хотя куда уж хуже? И так голова раскалывается...

Шина злобно поднялась с кровати, подошла к двери и отворила щеколду. В комнату ворвался покрасневший отец, весь полыхавший гневом.

— Ты почему не отрывала?!

— Я спала.

— Я двадцать минут долблюсь в эту дверь! За это время можно было столько всего сделать!!! Где он?!

Опять началось. Девушка устало вздохнула.

— Кто?

— Тот, с кем ты провела эту ночь!

— Я спала одна, — спокойно ответила она.

— Не ври мне, Шина! Слуги видели, как ты выбиралась из окна прошлой ночью! Где ты была?!

Девушка чертыхнулась про себя. Вечно эти слуги суют свой нос куда ни попади!

— Я дышала свежим воздухом.

Мужчина, казалось, раздулся от злости, упитанные щеки покраснели еще больше, глаза метали молнии. Он отпихнул непослушную дочь, распахнул двери шкафа и усиленно принялся копаться в ее вещах. Сколько раз уже повторялась эта история. И почему он так уверен, что любовники обязательно должны прятаться в шкафах? Был бы у нее любовник, она бы точно не пустила его туда. Как-никак, там же ее личные вещи!

Наконец, не найдя доказательств своим предположениям, мужчина повернулся к дочери.

— Отныне ты наказана! Тебе запрещается выходить куда бы то ни было без сопровождающих слуг!

— Я и так без них никуда не выхожу, — сквозь зубы проговорила Шина.

— Я все сказал! — Ее отец развернулся и наглядно громко хлопнул дверью.

Девушка закатила глаза и плюхнулась обратно на постель. Если бы он знал, где она была прошедшей ночью, он бы ее вообще из дома не выпустил! После помолвки ее отец, словно с цепи сорвался — вечно проверяет ее на наличие любовников. Неужели он не понимает, что она до такого не опустится?

Вчера ее друг Лекс предложил ей вкусить последние дни «холостяцкой жизни». Шине пришлось переодеться в мужскую одежду (если бы отец узнал — голову бы снес сразу!), и вместе с Лексом они пошли в настоящий мужской притон! Парень напоил ее какими-то напитками, а что было дальше, она вообще не помнит! Проснулась с утра в своей постели (уже хорошо!).

Нужно проведать этого аспида и расспросить обо всем. Ходить в сопровождении слуг Шина уже давно привыкла. Дочь купца как-никак. Девушка принялась копаться в своей одежде, которую так любезно разворошил ее отец. Выбрала самое незаметное платье светло-голубого оттенка, с небольшим вырезом на груди и искусно расписанным золотыми нитями

подолом. Дернула за веревку, чтобы вызвать слуг, а сама начала стягивать ночную сорочку и чепчик. Р-р! Дьявольская дань моде!

Служанки появились спустя несколько минут и внесли в комнату бадейку, до краев наполненную свежей водой. Шина быстренько умылась и расслабилась, позволяя работницам одевать ее и колдовать над прической. Все как обычно.

Получив разрешение отца (а так же его укоризненный взгляд), девушка отправилась по давно знакомому адресу. Она смогла бы отыскать этот дом даже с завязанными глазами.

С Лексом они дружили с детства. Оба дети богатых родителей, всегда крутились в одних кругах, имели общие интересы. Кто знает, возможно, он мог бы стать ее мужем, но отец Лекса — Перводружинник, и сын, независимо от своей воли, пошел по его пути. Таков обычай. А жаль. Иногда, то есть, очень-очень часто, Шина замечала, что этот статус «воина» пагубно сказался на ее друге. Лекс и раньше-то не скупился на роскошь, а теперь вообще из нее не вылезает. Завел себе содержанку (и не одну!), ходит по всяким злочным притонам, в общем, ведет самую разгульную жизнь.

«Когда-нибудь, он нарвется», — эта мысль не покидала Шину уже очень давно.

Впереди показался большой деревянный дом, тщательно выкрашенный в красный цвет. Крылечко увивала длинная, зеленая лиана. Шина никогда не любила эти растения, потому что росли они быстро, и ей почему-то казалось, что однажды она может проснуться в своей комнате, полностью увитая зелеными стеблями, словно коконом.

Шина остановилась и повернулась к служанкам.

— Вот двадцать монет. Идите. — И вручила счастливым девушкам деньги.

Этот фокус она придумала давно — не очень-то хотелось разговаривать с Лексом при посторонних, и особенно слушать: «Не подходите к нему больше, чем на десять шагов», «не смотрите туда», «не смотрите сюда»... надоело.

Шина поднялась по ступенькам и постучала. Лекс наверняка еще спит, но ему так или иначе придется вставать — скоро строевая подготовка, про которую, он, естественно забыл. Спустя несколько минут послышались шаги и смачные ругательства. Дверь с размаху распахнулась, и перед девушкой предстал по пояс оголенный друг.

— Кого там еще принесло?! — прорычал он, но заметив Шину, вежливо заткнулся и отошел в сторонку. — О-о, кто к нам пожаловал!

— Разрешить мне войти? — Девушка скрестила руки на груди.

— Э-э-э, ты не совсем вовремя, посидишь в столовой? — Лекс одной рукой по шире открыл дверь, а второй придержал одеяло, повязанное вокруг пояса.

— Ну ладно, — сказала Шина, стараясь не акцентировать внимание на его «одежде».

Девушка вошла внутрь и едва удержалась, чтобы не зажать нос рукой. В доме очень ощутимо пахло перегаром. Она проследовала в столовую, снедаемая любопытством. Что же Лекс прячет от нее? Жаль, слуг расспросить не получится — все они приходят только в обед, да и сам безответственный хозяин постоянно срывается на них и выгоняет. Шина опустилась на один из стульев, разместившихся за громадным столом, и только тут заметила, что в комнате ощутимо пахнет табаком.

В этот момент в двери показался ее друг, уже одетый в нормальные, приличные штаны и рубаху с распахнутым воротом. Он приветливо улыбнулся и подошел к серванту.

— Ты что, начал курить?! — ошарашено спросила девушка.

— Не я, — ответил Лекс и глотнул бардовой жидкости из хрустального стакана. — Она. Шина проследила за его кивком и на секунду потеряла дар речи. В дверях стояла

девушка с длинными рыжими, практически красными, кудрявыми волосами, закутанная в шелковую простынь. Она кокетливо оголила стройную белоснежную ножку и провела пальчиком по шее. Как Шина не старалась сдержаться, ее челюсть все равно упала. Девушка удивленно уставилась на своего друга. Ее взгляд красноречиво вопрошал: «Еще одна?!». Лекс в ответ лишь пожал плечами, что означало два варианта: либо «та мне надоела», либо «одна хорошо, а две лучше».

Шина злобно прищурилась и недружелюбно произнесла, обращаясь к содержанке:

— Не будете ли вы так любезны, принести мне стакан воды?

Рыжая удивленно посмотрела на своего хозяина, тот кивнул и девушка удалилась.

— Не слишком ли много для одного тебя? — не выдержала Шина.

— Не завидуй, — улыбнулся он в ответ.

— Я и не завидую, но это уже третья за неделю!

— И что? — не понял Лекс.

— Ты прикармливаешь их, а потом бросаешь!

— Я никогда не бросаю. Это их работа.

— Все равно нельзя так играть с людьми!

Лекс скептически хмыкнул и ничего не ответил.

— Мог бы ты ее попросить соблюдать хотя бы элементарные правила приличия? — решила сменить тему девушка.

Ее друг озадаченно сдвинул брови — после такой ночи мозги совершенно отказывались работать.

— Пусть оденется, — пояснила Шина.

— Не волнуйся, — сообразил парень. — Это она так только при тебе.

Шина задохнулась от возмущения.

— Хочешь сказать, что в остальное время она одета с иголочки?

— Нет, — удивился ее друг. — В остальное время она ходит голая.

— Лекс!

Ее друг улыбнулся и сделал еще один глоток из хрустального бокала. Эта девчонка была слишком наивной для этого мира. Ей повезло родиться в богатой семье, за ней всегда присматривал отец, служанки и сам Лекс. Естественно, девушку никто не обижал. И вот теперь она сидит здесь и смотрит на него осуждающим взглядом. Для нее слово «любовница» означает предательство, а для него — игрушка.

В этот момент вернулась его пассия и протянула Шине стакан с водой. Та аккуратно приняла его и поставила на стол, даже не испробовав жидкость. Рыжая радостно повернулась к Лексу и бодро спросила:

— О чем сплетничаете?

— О тебе. — Парень приблизился к девушке и обнял ее за талию.

— Правда?

— Да. Иди погуляй. — И пока та не успела опомниться, вытолкнул ее за дверь.

На укоризненный взгляд своей подруги он только развел руками и недоуменно спросил:

— Что?

— Ты знаешь, «что».

— Да ничего с ней не случится.

Шина только покачала головой. Воззвать к разуму друга она уже давно отчаялась. Он был уверен, что девушки — это игрушки, поиграл-поиграл и выкинул. Ни одна еще не

проводила с ним больше месяца. Кроме Шины. Но и то, потому, что к ней он относился, как к ребенку. Да и нрав у него в последнее время стал... вроде все хорошо и вдруг раз — как сорвется! В тайне девушка начала его немного побаиваться.

— Тебе сегодня на строевую подготовку, — решила напомнить Шина.

— Вот дерьмо! — выругался Лекс.

— Прекрати ругаться! — упрекнула его подруга.

— Чья бы корова мычала. Вчера такими частушками нас с Майлзом окатила, я даже и подумать не мог, что ты такие слова знаешь.

— Не может быть! — ахнула девушка и прикрыла рот ладонями.

— От кого, от кого, а от тебя я такого не ожидал! — грозным тоном отчитал ее друг, а в глазах плясали смешинки.

— Прекрати смеяться надо мной! — расстроилась девушка. Половину вчерашней ночи она вообще не помнила, но один вопрос ее очень сильно интересовал: — Лекс, а... как я вчера до дома добралась?

Парень на секунду оторопел, а потом догадался, что подруга просто не помнит. Ей же лучше.

— Я тебе помог.

— Да? Это хорошо. А то отец мне опять сегодня выговор устроил... надеюсь, нас не видели.

Лекс почесал в затылке. «Помог» выглядело так, что он с перекинутой через плечо девушкой пробирался сквозь заросли кустарника на заднем дворе ее дома, а его друг Майлз благоразумно затыкал ей рот, чтобы та не орала во весь голос похабные частушки. Вместе, им все-таки удалось забраться на второй этаж и уложить эту гулену спать. А вот заметил их кто-то или нет, он как-то не обратил внимания.

— Так, ладно, — решил уйти от сколькой темы Лекс. — Проводишь меня?

— Конечно, — кивнула Шина.

Девушка поднялась и опасливо покосилась на дверь. Хоть его подружка и была «лапочкой», Шине все равно было жаль ее. Такого обращения никто не заслужил. Как бы эту мысль еще до Лекса донести? Шина перевела взгляд на своего друга. Высокий, почти на полторы головы выше нее самой, стройный, с карими глазами и кожей бронзового отлива. Особенно ей нравились его волосы — темные, с коричневым оттенком, казалось, что они мягкие-мягкие. Признаться, у девушки иногда возникало такое острое желание пощупать их, что она еле сдерживалась. К сожалению, он их никогда не отращивал — только они достигали плеч, он тут же вызывал цирюльника.

Ее друг собрал последние нужные вещи и поинтересовался:

— Ну что, идем?

— Идем, — кивнула Шина.

Они вышли на улицу, и пошли вдоль домов и лавок разных купцов. Пока им не «посчастливилось» встретить кого-нибудь из отцовских знакомых, Шина быстро отыскивала своих служанок. Они все вместе отправились на площадь, и Лекс завел свою шарманку:

— Как ты можешь так спокойно жить, зная, что скоро от твоей свободы останется один шиш?

— Ой, Лекс, замужество это еще не конец света, — мягко ответила Шина, хотя эта тема начала ее изрядно напрягать.

— Как это не конец света? Представь, у тебя появится муж. С друзьями не погулять,

любовника не завести — точнее завести, но это тебе очень дорого обойдется, никакого разнообразия. Тебе останется только по утрам носить ему тапочки, подавать кофе к завтраку и следить за порядком в доме. А потом, за один-единственный раз вашего совместного разделения супружеского ложа, ты забеременеешь, а как разродишься — разжиреешь, а за тобой и твой муж, чтобы не выделяться. И будет у вас прекрасная семейная жизнь: он с любовницей, ты с детьми, оба неудовлетворенные жизнью.

— Лекс! — возмутилась Шина. — Прекрати! Я не ты! Мне не нужны любовники!

— Да? — скептически поднял бровь ее друг. — Посмотрим, что ты скажешь после десяти лет воздержания.

— Лекс! У нас с мужем будет хорошая семья! Он будет заниматься торговлей, а я домашним хозяйством. У нас будет трое детей, — разошлась девушка и мечтательно закатила глаза. — Два мальчика и девочка. Но сперва появятся мальчики, чтобы защищать мою принцессу. Тем более мы с мужем будем прекрасно ладить друг с другом, так что нужда в каких-либо посторонних похождениях сама собой отпадет.

— А собака? — покачал головой Лекс. Он прекрасно понимал, каким ударом станет для нее реальность. Никакой идиллии, никакого обоюдного доверия. Да и вряд ли они полюбят друг друга, только на мозги друг другу будут капать.

— Что?

— Собака. У вас будет собака?

— Эм... наверное, да. Только маленькая, чтобы не покалечила детишек.

Лекс удивленно присвистнул.

— Ты его видела?

— Кого? — Шина недоуменно посмотрела на друга.

— Женишка своего.

— Лекс! Он не женишок!

— Ну так, видела?

Шина замялась.

— Пока еще нет.

Лекс резко остановился, посмотрел на нее, как на полоумную, а затем бессовестно расхохотался.

— Прекрати! — обиделась девушка.

— Шина, ты же его не видела ни разу!

— И что?

— Может быть он прыщавый толстый коротышка.

— Не в красоте дело, — насупилась в ответ на такое мерзкое предположение девушка.

— А в чем?

— В любви, во взаимопонимании и уважении.

— Какая любовь, если вы даже не виделись с ним? — недоумевал Лекс. Конечно, он был прекрасно осведомлен о том, что девчонка со своим принцем ни разу не встречалась, просто ему нужно было намекнуть ей, что это дело уже пахнет безумием.

— Придет со временем, — отрезала девушка.

— Как придет, сообщи мне.

Некоторое время они шли в молчании, лишь позади них слышалось заговорщицкое щебетание служанок. Шина глубоко вдыхала, стараясь не поддаваться панике. А что, если Лекс прав? Она же ни разу не видела своего жениха. А если они не полюбят друг друга?

Ее раздумья прервал радостный детский голосок:

— Лекс!!!

К ним навстречу бежал младший брат Лекса — Дик. Озорной мальчуган двенадцати лет, с такими же карими глазами и темными волосами, как у ее друга. Дик тоже должен был стать Перводружинником, наверняка, сейчас возвращался с тренировки. Он добежал до нас и тут же получил подзатыльник.

— Знаешь за что? — осведомился Лекс.

Дик только понуро опустил голову и кивнул. Шина удивленно уставилась на Лекса — раздавать подзатыльники не входило в его правила. Но в следующую секунду ее друг потрепал мальчугана по голове, и тот весело улыбнулся.

— А на площади Народное собрание сейчас, — ябедничал он по дороге.

— Кого судят? — без особой жалости спросил Лекс. Пока эти потасовки не закончатся, не начнется строевая подготовка.

— Какую-то «лапочку», — пожал плечами мальчишка.

Лекс кивнул. Отлично, все закончится в два раза быстрее.

— А за что, не знаешь? — уныло спросила Шина.

Дик отрицательно покачал головой.

Вдалеке послышались громкие голоса людей. Шина уставилась в землю, стараясь не показать своего волнения. Она неожиданно поняла, что не хочет идти на площадь, но и оставить Лекса одного тоже не могла. Они прошли еще несколько ярко расписанных домов, и попали в водоворот кричащих, ликующих, мельтешащих людей. Лекс полез сквозь эту толпу, и Шине ничего не оставалось, как последовать за ним. Парень, как мог, отпихивал людей, чтобы расчистить путь.

Наконец, Шина добралась до середины площади. Стражники вели пол локотки вырывающуюся «лапочку», за ними медленно потянулась и вся остальная процессия. Шину подхватил этот нескончаемый поток людей, они обогнули площадь, преодолели ворота, отделяющие Правское княжество от пустыни, и остановились перед Песчаной Завесой.

«Лапочка» верещала во весь голос:

— Нет!!! Я ни в чем не виновата!! Это все Кург, я ничего не сделала, слышите, ничего!! Отпустите меня!! Это все он! Меня подставили!!

В это время Старейшина зачитывал приговор, но сквозь этот дикий визг что-то разобрать было невозможно. Шина даже не прислушивалась. Она заметила в толпе маленькую ревущую девочку. Глаза у нее были небесно-голубого цвета, прямо, как у «лапочки». Да и волосы такие же, и линия подбородка... Шина вдруг подумала, что если бы на месте этой «лапочки» оказалась ее собственная мама, то она бы не ревела, а пыталась добраться до нее, не отпускать, бороться. Хоть и впустую.

Осужденной вручили какой-то мешочек, и стражники снова схватили ее под локотки, чтобы завести за Песчаную Завесу. Оттуда не было выхода. Как только «лапочка» преодолела границу, тут же плюхнулась на песок и разревелась. Но ни голоса, ни всхлипов слышно не было.

Люди начали расходиться.

В толпе мелькнул какой-то темный силуэт. По коже Шины пробежались мурашки. Она быстро развернулась и решила найти Лекса. Внутри все похолодело от страха. Объяснить свое состояние девушка не могла, но предчувствие чего-то плохого накрепко поселилось в ее сознании. Она быстро пробиралась сквозь толпу, пока не услышала знакомый голос.

Однако, когда она добралась до его обладателя, то на несколько мгновений впала в ступор. Лекс ругал брата. Причем не просто отчитывал, он его бил.

— Я тебе сказал ждать меня здесь!!!

— Лекс!!! Ты что делаешь?! — закричала Шина и бросилась на помощь.

Лекс толкнул мальчишку на землю и хотел с размаху ударить ногой, но в этот момент на него налетела Шина.

— Хватит, Лекс, прекрати!

Он словно не слышал ее, вместо этого грубо отпихнул мешающую девушку, та полетела на землю и больно приложилась головой о каменную кладку.

Кто-то из толпы заметил неравную драку, несколько мужиков схватили Лекса за руки и попытались оттащить. Парень попытался и их ударить, но те хорошенько врезали ему в живот, отбивая какую-либо охоту к сопротивлению. Шина вскочила на ноги, и, стараясь не обращать внимания на плывущий перед глазами мир, подошла к Дику. Сквозь пелену она все же смогла различить кровь, нескончаемыми струйками бегущую из носа и рта ребенка. Шина обняла мальчика за плечи и повела подальше отсюда, напоследок кинув на Лекса уничтожающий взгляд.

... Шина отвела Дика к себе домой, служанки похлопотали над мальчиком, залечивая раны. Вечером ему нужно было вернуться обратно в свой дом, и на предложение остаться мальчишка вежливо отказался. Оказывается, Лекс уже не впервые его бьет, и в основном за мелкие проказы. Шина знала многие семьи, где розги — единственно верное наказание, но чтобы Лекс...

Вечером она вызвалась проводить Дика до дома. Ей просто очень хотелось заглянуть в глаза своему другу. Это уже не тот Лекс, которого она знала. Прежний никогда бы не поднял руку на ребенка.

Свет в окнах не горел. Странно.

Шина постучала в дверь, но ни шагов, ни ругательств (что очень характерно для Лекса) не послышалось. Может, вернулись слуги? Спустя минуту дверь отворилась, и на пороге появился ее лучший друг. Особых изменений с ним не произошло, разве что глаза стали более уставшими. Он немного отошел, впуская младшего брата, который стрелой бросился в дом. Шина не уходила, но и заходить не собиралась. Она искала в этом чужом для нее человеке черты прежнего друга.

— Шина я... — начал было он, но девушка его остановила:

— Нет. Не надо. Эти привилегии окончательно тебя испортили. Ты мне больше не друг. Она развернулась, чтобы уйти, но он схватил ее за руку и дернул на себя.

— Ты что?! Из-за простой драки говоришь, что я тебе больше не друг?!

— Не из-за простой.

— Эй! — рявкнул он и встряхнул девушку. — Я все тот же Лекс!

— Нет. — Шина высвободила свою руку из его цепких пальцев. — Я вас не знаю.

И быстро сбежала вниз по ступенькам.

Она шла по пустой улице, не замечая ничего вокруг, пытаясь понять, что случилось с ее лучшим другом? Он бы никогда не поднял на нее руку, никогда! Почему он так изменился? Власть. Как же она портит людей. Еще вчера он был твоим лучшим другом, а уже сегодня готов убить. Шина искренне жалела, что Лекс родил в семье Перводружинника. Испорченный, наглый хам.

В тишине пустой улицы раздалось какое-то копошение. Шина не успела даже

оглянуться на звук, как кто-то дернул ее за руку и прижал спиной к себе. Теплая ладонь в черной перчатке зажала девушке рот.

— Не рыпайся, и, может быть, обойдемся без жертв.

От этого стального голоса по ее спине пробежали мурашки. Шина в оцепенении стояла и боялась даже вздохнуть. Поняв, что девчонка не сопротивляется, незнакомец отнял руку от ее рта, но не отпустил. На всякий случай.

— Без лишнего ора, поняла?

Шина отчаянно закивала.

— У меня для тебя послание. -

Незнакомец провел по шее девушки чем-то острым, но явно не ножом — предмет был не холодный, а какой-то... тонкий. Шина инстинктивно дернулась, и мужчина крепче сжал ее в тиски.

— Тихо-тихо, это всего лишь конверт.

Он помахал перед лицом девушки запечатанной бумажкой.

— Мы следим за тобой, Шина. Знаем каждое твое действие наперед, так что советуем сразу выполнять все условия. Поняла, малышка?

Шина кивнула.

— Вот и отлично. Первое условие: никому не рассказывать о нашей встрече. Это ясно?

Еще один кивок.

— Умница. Второе условие: после прочтения сжечь конверт. Только попробуй нарушить хоть одно условие, и тебе конец. За неповиновение поплатится и твоя семья, и твои друзья, и даже женихи. Осознаешь, в какое дерьмо вляпалась, м?

Незнакомец нежно провел уголком конверта по шее девушки, та вздрогнула от страха. Одним ловким движением он свернул его вчетверо и аккуратно сунул в декольте платья.

— Там надежнее.

С этими словами он толкнул девушку вперед, она не удержалась на ногах и упала на дорогу. Когда Шина поднялась, мужчины уже не было.

Ее колотила нервная дрожь. Кто он? Что ему нужно? Какое еще неповиновение? И что вообще за конверт? Она судорожно вздохнула. Конверт. Девушка трясущимися руками вытащила бумажку, оказавшуюся не запечатанной. Странно. Все письма имеют печать. Достала послание. Медленно пробежала глазами по строчкам. Потом еще раз. И еще.

Когда она поняла, что от нее хотят, листок безнадежно выпал у нее из рук.

Как же мне жарко. В горле было так же сухо, как и в этой чертовой пустыне. Берегини... хотя впрочем, они меня не слышат. Уже.

За всю историю Кровавого закона из пустыни вернулось всего трое. Один из них спился и умер в компостной яме через месяц. Второго топором зарезал какой-то мужик, увидев, что Изгнанник прошел рядом с его дочерью. Третьего люди закидали камнями на повторном Народном собрании...

Их не приняли. И никогда не примут.

Дома у меня остались две сестры и брат... Смогут ли они выжить, опекаемые четырнадцатилетней девчонкой, которой придется слишком рано повзрослеть? Я буду надеяться. Это все, что мне теперь остается. Я спасла сестренку, пожертвовав своей свободой, домом, семьей, будущим, и теперь надеялась, что не напрасно.

Я хотела домой, но теперь, даже Берегини меня не спасут...

...я умираю... Жизнь медленно покидала тело вместе с водой. Каждый вдох давался с трудом, в груди отдавалось тягучей болью, словно внутри все разрывалось на тысячи мелких осколков. Как эти песчинки.

Иногда я слышала музыку. Страшную, темную мелодию. Она почти никогда не менялась, всегда один и тот же мотив. Низкий и в то же время такой тонкий, едва уловимый, словно он доходил до меня откуда-то издалека. Ты идешь по раскаленному песку, смотришь на палящее солнце, на высокие барханы и слышишь такую мягкую мелодию. Словно мягкий шепот, но совершенно не добрый. Когда я слышу эту музыку, то содрогаюсь всем телом.

В селе мы часто хоронили воинов из Дружины. Собирали сено, у кого сколько есть, обкладывали его палками и клали на них безжизненное тело. Затем поджигали. Но было еще кое-что. Мы пели. Странную, погребальную песенку:

Спи спокойно, воин,
Жизнь дана лишь раз,
Куда пойдешь ты дальше,
Выбирай сейчас.
Спи спокойно, воин,
И не забывай,
Всех, кого ты в схватке,
Гибнуть оставлял.
Дух теперь бесплоден,
И надежды нет,
Но спи спокойно воин,
На много тысяч лет.

Я слышала эту песенку в пустыне. Однажды. Мелодия была такая знакомая... Иногда мне казалось, что там, за этими бесконечными песками, за горами, за всем миром, там, среди облаков сидит старый, безжизненный менестрель и перебирает костлявыми пальцами тонкие струны волшебной арфы. Он управляет ей, словно марионеткой. Потянет за одну ниточку... и звучит похоронный аккорд. Последний, завершающий. И все. Точка.

Зачем держаться за жизнь? Я мертвый человек. Живой труп. Перебираю ногами рыхлый песок. Он похож на зерно. То зерно, которое я покупала на базаре. Иду вперед, как

заведенная. Ищу воду. Но зачем? Не проще лечь здесь и ждать конца? Жизнь больше не имеет смысла.

Надеюсь, Тимка выздоровел. Облепиха должна была помочь. Я потратила на нее два динара. Хотя, какая теперь разница. В голове всплыл образ младшего брата. У Тима одного в семье были светлые волосы. Но он еще маленький. Два года всего. Наш папа так хотел мальчика...

Жаль, что так и не увидел.

Он умер на войне. Тимка часто говорил, как хочет стать похожим на папу. Что ж, пускай. Только бы они справились.

Сердце вдруг так болезненно защемило. Ведь я их больше никогда не увижу. Ни озорного смеха, ни детского плача, ни этих карих глаз больше никогда не будет в моей жизни. Я умру в этой пустыне. Но самое страшное было в том, что они и сами это знают. У них больше нет старшей сестры.

Изгнанница.

Она умерла. Навсегда.

* * *

Олиф ненавидела свои волосы. Из всех существующих на земле предметов, больше всего она ненавидела свои волосы. Длинные, тонкие, ломкие, непослушные. Раньше она заплетала их в обычную косу, но та все время болталась туда-сюда и просто невыносимо мешала. Отстричь пряди Олиф не могла — женщинам полагалось иметь длинные волосы. Тогда она решила заплетать их по-другому: начинать косу не сзади, а сбоку, в районе уха, плести ее вокруг головы до другого уха, а оставшийся конец просто доплетать и перевязывать куском ткани. Теперь волосы не болтались сзади, и не били ее по попе, а свисали сбоку и доходили буквально до груди.

Казалось бы — все идеально. Как бы ни так.

Волосы постоянно выбивались из замысловатой прически. Приходилось заправлять их за уши, но они, то и дело, возвращались на прежнее место.

Олиф злобно дунула на темную выбившуюся прядь. Зря. Горло обожгло сухим воздухом. Как ей это надоело. Она и дня не провела в пустыне, а уже балансирует между жизнью и смертью. Как люди умудряются выживать здесь месяцами?

Олиф прикрыла ладонью глаза в надежде хоть немного ослабить солнечные лучи. Когда же наступит вечер? Сколько еще ждать? Тогда должно стать намного холоднее, солнце скроется за краем земли и песок, наконец-то, остынет. Олиф сможет хоть ненадолго избавиться от этой невыносимой жажды. Во всяком случае, она искренне на это надеялась.

Неожиданно вокруг нее закружились песчинки, попадая в глаза и забивая рот. Девушка поперхнулась, остановилась, сплевывая жесткие хрустящие кристаллики, начала тереть глаза. Обернулась и поняла, что это дует ветер. Горячий и обжигающий. Дышать стало намного тяжелее, в рот попадал жесткий песок, глаза застилала пелена. Рубаху, повязанную вокруг ее головы, начало сдвигать.

«Ничего себе ветерок», — подумала девушка.

Она зажмурилась, придерживая рукой одежду, и продолжила путь. Если бы ее сейчас спросили, а зачем она вообще куда-то идет? Зачем тратит последние силы? Не проще ли

остаться здесь и попытать удачу у Берегинь? Если бы ее спросили об этом, она бы не ответила. Мотивы своих действий были не понятны даже ей самой. Просто нужно было куда-то идти, не оставаться на одном месте, двигаться.

Олиф судорожно схватила ткань рубахи и почувствовала, как из рукава выпал нож. Она остановилась, опустилась на колени и принялась беспорядочно водить руками по песку, в надежде отыскать предмет. Глаза открыть не получалось, а интуиция тут была не помощником. После кучи бесплодных попыток найти единственную вещь, которая могла бы защитить ее, Олиф беспомощно легла на песок. Каждое движение давалось с трудом. Она многое бы отдала, лишь бы разучиться дышать, лишь бы не чувствовать эту сухость во рту.

К тому же чудовищная тварь не выходила у нее из головы. Эта штука утащила человека. Не трудно было догадаться, чем питается «зверек». До этого момента нож как-то помогал девушке не поддаваться панике. В конце концов, она все равно умрет. Это лишь вопрос времени. Другое дело, как. Незачем врать самой себе. Олиф до колик в коленках хотелось жить. Она была не готова умирать. Невозможно так быстро привыкнуть к мысли, что через минуту ты можешь повалиться навзничь и уже не встать. С этим не смириться так просто, так быстро.

Ей нужно найти нож. Тварь может напасть в любой момент. Не исключено, что уже сейчас она ползет прямо под девушкой, с хитро прищуренными глазищами, предвкушающими сладкую добычу. Олиф срочно нужно найти нож. Без него она погибнет. А умирать ей пока не хотелось. Не ради смерти она спасала сестру.

Олиф начала шарить руками по песку, пропуская между пальцами небольшие потоки маленьких песчинок, похожих на уменьшенные варианты хребтов. Те, в свою очередь, безжалостно забивались под ногти. Но Олиф было все равно. Она привыкла к грязи под ногтями, к мозолям на женской руке, к загрубевшей коже. Ей не впервой. Главное — найти оружие, какую-никакую защиту. Но сколько бы девушка не водила руками по песку, нож не обнаружился.

От безысходности она полностью закрыла глаза и опустила голову.

Все прекратилось внезапно. Ветер кончился, но вот пыль, поднятая им, еще некоторое время не позволяла видеть дальше вытянутой руки. Олиф тяжело дышала. Казалось, на грудь положили огромный камень, и теперь он сдавливал ее с такой силой, что боль отдавалась в животе. Девушке так хотелось вернуться домой. К Марики, Таре и Тиму. Она была готова снова возложить на себя ношу прежней ответственности, лишь бы не лежать на этом горячем песке. Лишь бы не волноваться за свою жизнь, за жизнь своих родных. Лишь бы не знать, что бывает такая жажда.

Жаль, что баклажки хватило всего на два раза.

Олиф вспомнила маленького зверька. Ни один живой организм не может жить без воды. Раз так, осталось только найти эту воду. Знать бы еще, где?

Девушка открыла глаза и посмотрела на бескрайние пески. Несколько секунд назад они чуть не загубили ее, а теперь снова прикидывались безобидными. Словно и не было ничего. Они напоминали людей: за игрой обман, за обманом — игра. И так до бесконечности. Олиф перевела взгляд на свои руки и заметила, что злополучный нож лежал совсем рядом с ней. Девушка потянулась, сжала в кулак рукоятку предмета и даже немного успокоилась.

Она с трудом поднялась на ноги и решила идти до тех пор, пока все не закончится.

Либо случится чудо, и появится вода, либо девушку постигнет неизбежная участь любого Изгнанника — смерть.

Олиф побрела вперед, немного пошатываясь от странного головокружения, и вдруг почувствовала неприятную тошноту. Девушка осторожно прикоснулась к животу. С чего бы это? Пила она немного, не ела вовсе. Как бы то ни было, свое состояние ей совсем не нравилось. Когда у нее заболела голова, а в висках появилось скверное пульсирование, Олиф не на шутку разволновалась. Причиной не может быть обычный голод. Наверное, все дело в недостатке воды. Девушка поправила съехавшую рубашку и потуже затянула ее вокруг горла. Кожа на оголенных по локоть руках неприятно ныла от каждого прикосновения. Еще бы. Такое солнце.

Олиф остановилась, чтобы перевести дух. По такой жаре идти было просто невозможно. Изматываешься в раз. Потоотделение такое обильное, что энергия тратиться попусту, а ты чувствуешь лишь удушающую вялость и сонливость. Еле переставляешь ноги, кажется, что вот-вот упадешь и не встанешь уже. Дышать настолько тяжело, что иногда чувствуешь, как вдохнуть просто нечем. Воздух такой горячий, забивает нос и рот, не дает полноценно дышать, ощущаешь только невыносимую тяжесть, там, в груди.

Олиф попыталась сделать глубокий вдох, но закашлялась. Это было выше ее сил. Она хотела начать дышать через раз, но вместо этого задышала в два раза быстрее обычного. Да что же это с ней? Внутри словно образовалась стена, не пропускающая воздух. Сколько бы ни вдыхал — его все время не хватало. Олиф дотронулась до груди. Как же ей было тяжело. Идти, думать, дышать... нет, это слишком.

Она должна найти воду.

Берегини не могут допустить такой глупой смерти. От удушья. Что может быть нелепее?

Олиф медленно побрела дальше. Перед глазами все плыло, пески, словно водные глади, или рябью. У девушки ужасно кружилась голова. Казалось, еще чуть-чуть и она упадет навзничь, а потом ее стошнит от такой «качки». Она с трудом переставляла ноги, палящее солнце заставляло щуриться, жара должна была давно добить ее, но вместо духоты Олиф ощущала лишь дрожь. Она опустила глаза на свои руки — трясутся.

Получается, вот он — конец? Так умирают Изгнанники? Жажда, головная боль, тошнота... теперь невыносимая дрожь, а что потом? Из рта потечет пена? Не может все так закончиться. Не может. За что Берегини проклинали ее? Она же ничего плохого не сделала!!! Сестру спасла, только из всего.

Нет.

Она убила дружинника. А может, все эти наказания справедливы? Олиф остановилась. Повернула ладонь тыльной стороной вверх, потрогала свое клеймо — красное пятно, «растекшееся» по коже. До мяса прожгло. Хорошо, что не болит. Наверняка мазь помогла.

Где же тогда правда? Две стороны обугленной медали — либо ты, либо тебя. И не важно, какого цвета у тебя волосы, какой формы нос и какое положение в обществе занимает твоя персона. Умереть может каждый. И убить, оказывается, тоже.

А случайно, или нет, никто разбираться не будет.

Дело? — Сделано

Сестра? — Спасена.

Вернуться? — Невозможно.

Наказание? — Смерть.

У каждого поступка имеются свои последствия. У Олиф — Кровавый закон. Как жаль, что она не успела попрощаться со своей семьей. Хотя, впрочем, оно и к лучшему. Было бы еще больнее. А так, терпимо.

Девушка сделала шаг вперед, и замерла. Прямо перед ней, локтях в двадцати, рос кустарник, небольшой и без всяких плодов. Из земли торчали несколько стебельков, образующих спасительную тень. Впервые в жизни в груди Олиф что-то ёкнулось — слабенький лучик надежды.

Девушка собрала остатки сил и на заплетающихся ногах быстро пошла вперед. Перед глазами все плыло, кустарник поворачивался то вправо, то влево, а то и переворачивался вовсе, но Олиф не сдавалась. Ей нужно дойти. Там тенек — шанс пережить этот день. Шанс скрыться от солнца. Девушка преодолела последние шаги и плашмя грохнулась рядом с кустарником. Блажено растянулась на спине — в тени температура была намного ниже — и только тут сообразила, что лежит на чем-то объемном. Осторожно, чтобы не дай Берегини не потревожить неизвестное существо, она перевернулась на живот, и встретилась взглядом с двумя навсегда остекленевшими глазами.

— А-а-а!!! — завизжала Олиф, панически перебирая ногами, лишь бы только отползти. Как она умудрилась его не заметить?!

Человек, по всей вероятности, тоже искал защиту от солнца. И нашел. Бледное лицо начали проедать трупные черви, скорее всего, он тут уже день-два, не больше. Тело почти полностью было засыпано песком, и после прикосновений Олиф на нем остались песчаные разводы. Немного придя в себя, девушка собралась с силами и начала двигать труп из тенька, чтобы освободить место. Мужчина оказался на редкость тяжелым, сквозь одежду явно различалось хорошее, упитанное тело. Значит, не от голода умер. Может, от солнечного удара? Нет. Он был в теньке. Значит, от нехватки воды.

И тут, словно в опровержение мыслям девушки, из-за пазухи мужчины вывалилась баклажка, в которой что-то возмущенно булькнуло.

И не от жажды.

Двигать такое объемное тело было безумно тяжело, девушка истратила на это почти все свои оставшиеся силы. Единственное, что ее сейчас мучило — это жажда. Олиф, заглушая вопли совести, приложила губами к его баклажке и жадно проглотила всю имеющуюся там жидкость.

Ей стало немного легче, однако в животе что-то забурчало. Олиф легла на спину и закрыла глаза. Голова кружилась даже во сне.

Девушке было слишком плохо, чтобы обращать внимание на мелкие детали. Мужчина, которого она подвинула, умер не от теплового удара, не от голода, и не от жажды. Его выцветшая рубашка съехала немного в сторону, обнажая часть мускулистой груди. Если внимательно присмотреться, можно было заметить две маленькие дырочки, с засохшей вокруг них кровью.

* * *

Олиф проснулась от ледящего холода. Открыв глаза, поняла, что не чувствует рук и ног, а все тело бьет крупная, забористая дрожь. Зубы мелодично стучали друг о дружку. Девушка вся съежилась и начала усиленно растирать предплечья руками. Почему так холодно?! Температура была до ужаса низкой, такая обычно бывает у них в селе в преддверье зимы.

Вокруг было темно, небо заполонили тысячи звездных душ, но Олиф это не сильно

волновало. Ее мучил один единственный вопрос: неужели в пустыне бывает так холодно?! Она села и огляделась: та же пустыня, тот же куст, тот же труп мужчины. Песок под ней был непривычно холодным. Девушка вскочила на ноги и начала дуть теплым воздухом на руки, только бы как-то оживить их. Пальцы онемели, зато к ногам постепенно возвращалась чувствительность. Олиф начала подпрыгивать на месте, стараясь согреться. Вот уж чего-чего, а подумать, что после такой жары, когда она умоляла Берегинь послать ей хоть каплю воды, девушка будет пытаться снова согреться, она точно не могла.

Недостаток еды быстро сказался на организме: Олиф устала за считанные минуты, тяжело задышала, и, в конце концов, остановилась. Согнувшись в корпусе и облокотилась руками о коленки. Платье было слишком коротким, чтобы защитить ноги. Девушка чуть не взвыла от боли, прикоснувшись к обгоревшей коже.

Похоже, тут за жизнь приходится бороться даже ночью.

Чертова пустыня! Чертовы Старейшины! Чертовы люди!!! Олиф, со всей яростью, до сих пор копившейся в душе, размахнулась и ногой прочертила полосу по песку. А затем еще одну. И так до тех пор, пока не поняла всю бесплодность своих действий — песка меньше все равно не станет, она лишь разгоняет пыль.

Девушка резко развернулась и быстро пошла вперед. Ей надо успокоиться. Но не успела она сделать и десяти шагов, как обо что-то споткнулась и плюхнулась носом в песок. Рубаха, повязанная вокруг головы, съехала на шею. Кто сказал, что ходьба успокаивает?! Неправда это!!! Девушка яростно села на колени, оглянулась посмотреть, обо что же она споткнулась, и поняла, что это был гниющий труп мужчины. Удивительно, но еще недавно полыхавший в душе гнев куда-то исчез, его место сменила обида и... разочарование.

Человек, как букашка, умер — и никому нет дела. Возможно, лишь случайный прохожий вдруг заметит, что на небе стало одной звездой больше. Посмотрит-посмотрит и пойдет дальше. Без всякого сочувствия, без сопереживания. А родственники так и не узнают, что этот человек, Изгнанник, умер. Одно утешение — они похоронили его еще тогда, когда он пересек Песчаную Завесу.

Олиф тупо смотрела в одну точку, когда почувствовала необычную вибрацию под землей, девушка не успела даже испугаться. Поднялась пыль, а пески зловеще затряслись. Она ухватила за тело мертвого человека, и зажмурилась от страха, не понимая, что происходит. Послышался громкий грохот и чей-то топот. Олиф в ужасе прижалась к трупу, мечтая превратиться в песок.

Сквозь поднимающуюся пыль, ей все же удалось кое-что различить: из-под земли выползло нечто, напоминающее змею, только раз в двадцать больше, с величаво надетыми доспехами, закрывающими почти все тело. Олиф еле удержалась, чтобы не вскрикнуть.

За змеей вышли несколько человек. Вот только назвать их людьми у девушки не поворачивался язык. Они словно состояли из песка, вместо кожи на лице виднелись маленькие песчинки. Один из них поднял руку, и вся процессия остановилась.

— An obur, — приказал он, повернувшись к змее.

Та игриво высунула длинный язык, издавая шипящий звук, и принялась обнюхивать землю.

Почему-то Олиф сразу догадалась, что они ищут. Мозг начал лихорадочно соображать. Инстинкт самосохранения безжалостно вопил: «БЕГИ!!!». Но куда? В бескрайние пески? Эти существа вмиг догонят ее, и вот уж тогда-то ей не поздоровится. Вряд ли они коллекционируют Изгнанников. По ним сразу видно — это свои, то есть хозяева. Они здесь

главные, а люди — так, на всякий случай, чтобы не умереть от скуки. Нет, бежать нельзя. Остается только рискнуть. Олиф припала к земле и тихо поползла к кустам. «Песочные люди» стояли довольно далеко, чтобы ее заметить, но вот змея...

Животное резко повернуло голову в сторону девушки и поползло по направлению к ней. На секунду ей показалось, что она сейчас описается от страха, однако первым делом змей заметил мертвого мужчину. У нее было несколько секунд, чтобы добраться до кустов. К несчастью, у животных всегда был отличный слух.

Когда огромная морда, размером с две собственные головы девушки, оказалась прямо в локте от лица Олиф, то та чуть не завизжала. Но вместо этого пристально заглянула в глаза животному. Зрачки были черными, овальными. Завидев девушку, змея высунула язык и зашипела, а веки подозрительно сузились.

Она понимала.

Один из «песочных людей» что-то крикнул на непонятном языке.

«Самка...», — отчетливый мужской голос прозвучал в голове у девушки.

Морда отвернулась от нее, и змей пополз обратно к трупу мужчины.

— Verde, — жадно облизываясь, провозгласил «песочный человек» и добавил еще какие-то непонятные слова.

Они развернулись и, после того, как кто-то сказал несколько слов на их языке, кусок земли провалился вниз, словно лестница, по которой те и спустились под землю, а затем вернулся на место.

Расслабиться Олиф смогла только примерно через час. Все это время она неподвижно лежала за кустами и глупо смотрела в одну точку. Теперь она понимала, что заставило тех оборванцев нестись к Песчаной Завесе. Они знали, что не выберутся, знали, что часовые выстрелят. Но лучше уж погибнуть быстрой смертью, чем попасть в руки к неизвестно кому. Причем эти «неизвестно кто» собирают трупы Изгнанников, уж явно не для того, чтобы похоронить.

С маленьким тупым ножиком против целого отряда нелюдей и огромного змея. И это только те, кого она видела. А если их больше? Лучше бы ее закидали камнями на том дьявольском Народном собрании...

Наконец, Олиф решила сесть. Убедилась, что никаких жутких звуков и грохота не раздается, и принялась развязывать ткань на ступнях. После долгой ходьбы ноги безжалостно болели, а в этой повязке еще и вспотели. Прохладный песок приятно остужал кожу. На холод вокруг Олиф перестала обращать внимание. Не смотря на практически нулевую температуру, девушка не ощущала ни дрожи, ни озноба. Даже зубы не стучали. Может, все дело в шоке?

Ей было до ужаса страшно.

Она даже в самых жутких кошмарах не могла себе такого представить. Может именно поэтому она все это время шла вперед? Какое-то внутреннее чутье подсказывало ей, что не двигаться опасно. Опасно ждать близкой безболезненной смерти, иначе она может оказать такой извращенной, что даже Берегини в ужасе зажмуются.

* * *

Олиф любила наблюдать за рассветом. Ей приходилось вставать задолго до него, чтобы

успеть приготовить поесть — если было из чего — и бежать на поля. Там-то она и встречала его. Ей почему-то казалось, что прекраснее рассветов, чем у них в селе, быть не может.

Но она ошиблась.

В пустыне был волшебный рассвет.

Красно-оранжевый. Такой насыщенный и манящий, что даже и не подумаешь, что за ним скрывается палящее солнце. Лучики, словно маленькие пальчики, поднимаются вверх, а затем как раз! — и накрывают всю землю светом. Он был яркий-яркий, до боли ослепляющий, но оттого не менее прекрасный. Он окутывал землю теплым, насыщенным светом, словно выпускал на волю что-то особенное. А еще этот рассвет давал надежду Изгнанникам. Они пережили еще один день, и теперь снова могут увидеть свет. Казалось, что они словно заново начинают дышать.

Олиф сидела на песке, уткнувшись подбородком в колени, и обхватив ноги руками. Песок нагревался очень быстро. Девушка принялась снова обматывать ступни тканью. Температура росла буквально на глазах. На той части ног, что не скрывало платье, кожа была красной. Девушка осторожно провела по ней пальцами, и та болезненно зашипела.

Олиф проверила нож — на месте. Аккуратно привязан кусочком ткани к руке, острием вверх. Хотя он и тупой, но ей все равно было очень непривычно и страшно носить его не в кармане фартука.

Интересно, в пустыне бывают дожди? Ведь не могут же растения совсем без влаги. Наверное, бывают. Только Олиф почему-то никогда не везло. Вряд ли сейчас что-то изменится. А дождик был бы сейчас кстати. У нее снова начало пересыхать во рту.

Олиф принялась бессмысленно водить руками по песку. Что ей теперь делать? Остаться здесь, рядом с теньком? А если снова заявятся «любезные гости»? Тем более, нужно отыскать еды. Ночью Олиф попробовала листик этого растения — редкостная гадость, даже на ее неискушенный вкус. Значит, придется найти что-то съедобное. Но как? Ходить кругами по пустыне, рискуя в любую минуту свалиться от теплового удара? Нет, это безрассудно. Можно остаться здесь, дожидаться ночи (девушка надеялась, что такой холод приходится на все ночи, и что это не Берегини сделали ей такой «подарочек»), а там уже попробовать что-нибудь поискать.

Олиф даже не успела восхититься своей идеей.

Пока она тут сидела и раздумывала над своей дальнейшей участью, в песке, после долгой ночи, проснулась змея и тревожно зашевелилась, почуяв чужака. А животное их не любило. Один уже пытался покуситься на этот куст. Ничем хорошим это не кончилось. Для него.

Послышалось предостерегающее шипение и из песка, словно стрела, рванулось тонкое, шершавое тело, разинуло пасть, обнажив огромные, ядовитые клыки. Олиф и опомниться не успела, поняла лишь, что лежит носом в песке. Змея промахнулась. Невесть каким образом девушке удалось увернуться. Она схватила единственное оружие, какое имелось под рукой. Вернее, в рукаве. Тонкое тело поползло на девушку, делая невероятные зигзаги, и выпустив тонкий язычок.

Змея выгнула слизкую шею, что-то несуразно прошипела и сделала резкий выпад вперед.

— А-а-а!!! — Олиф бессознательно замахала тупым ножом.

Снова промах.

К сожалению, провести тут день, девушке было не суждено.

Олиф последний раз взмахнула ножом, и, поняв, что змея сделала передышку, кинулась наутек. Ползет за ней животное, или нет, девушка так и не определила. Она бежала, бежала, бежала, стирая ноги, задыхаясь, убеждая себя, что сейчас все пройдет, но не останавливалась. Сколько так могло продолжаться, она и не задумывалась. Поняла лишь, когда ноги заплелись друг о дружку, и девушка кубарем полетела на землю. Перевернулась на спину.

Когда стало так жарко? Еще недавно она наблюдала за рассветом, а теперь снова задыхается, чувствует удушающую духоту. Олиф жадно хватала ртом воздух.

Вряд ли на этот раз удастся найти воду.

Судьба не дает второго шанса.

Олиф даже не собиралась вставать. Она знала — бесполезно. Закрыла глаза и отдалась на волю Берегиням. Это так больно... знать, что сейчас ты себе не принадлежишь... что больше нет смысла бороться... что жизнь, по сути, кончилась. Над тобой только солнце. И почему люди уверены, что оно несет только свет? Что оно доброе? Нет, это не правда. Солнце — это смерть. И Олиф все больше, все сильнее в этом убеждалась.

Ей было неведомо, сколько времени прошло. Пот тек ручьями по обмякшему телу. Она еле дышала, понимая, что медленно умирает. Солнце болезненно прожигало каждую клеточку ее кожи, медленно выдавливало из нее жизнь. Но Олиф уже смирилась. Это незабываемое чувство — смирение. Тебе все равно. Ты лежишь, думаешь, представляешь, вспоминаешь... хочется даже улыбаться. Ты понимаешь, что помощь не придет, что надежды, которая всегда уходит последней, уже нет. Да... ты только вспоминаешь...

... мама меня очень любила.

Она была самой доброй на свете, самой хорошей, самой-самой... Я так по ней скучаю. Нет для человека большего горя, чем потерять маму. Какой бы она ни была. Я никогда не называла ее «мать», только «мама». Жаль, что нельзя повернуть время вспять. Жаль, что нельзя снова прожить те мгновения счастья и радости... Некоторые думают, что счастье — это хорошая жизнь, без излишеств, но и в достатке, чтобы не волноваться, не беспокоиться. Но это не так. Счастье — это мама. Добрая, злая, скупая, невозможная, обидчивая, ранимая, мечтательница, надежная, красивая. Твоя мама.

Я была первым ребенком в семье. Я понимала, что она всех нас очень любит, но ко мне была более благосклонна. Не знаю, почему. Марика очень обижалась по этому поводу. Любовь должна быть равной для всех...

— Олиф, надень шарфик, простудишься... — голос мамы откуда-то издалека... из детства.

Я помню, как она целовала папу, помню, как аккуратно вязала, нежно поглаживая спицы, как грубо месила тесто, как пела красивые песенки, как волновалась за меня... а еще помню, как она кричала от боли.

В тот день, я решила, что никогда не буду иметь детей.

После родов я неделю оттирала пол от намертво въевшейся в него крови, мешая слезы с грязью. Моя мама умерла, дав жизнь новому существу. Многие думают, что нет ничего страшнее, чем увидеть слезы матери. Нет. По-настоящему страшно становится тогда, когда видишь, как плачет папа.

Он приказал скормить Тимку свиньям. Заперся в своей комнате, и не выходил оттуда, пока не пришло извещение о походе. Мой папа был воином... низшим, но он был моим папой...

Я ненавидела этого ребенка.

Но выкинуть не посмела. Скормить свиньям тоже.

А папа так и не взглянул на него. Он даже не узнал, что родился мальчик. И никогда больше не узнает.

— Олиф, сбереги моего сыночка... — последний шепот мамы.

В тот день я подглядывала за дверью. И теперь понимаю — она знала. Знала, что умрет. Знала, что я останусь одна и буду защищать свою семью любым способом. Надеюсь, я встречу ее там, среди звезд... Свою маму.

... я ее очень любила...

Олиф всегда считала себя сильной. Она знала — чтобы ни случилось, она справится. Иногда им с семьей приходилось голодать по несколько дней. Они часто находились на тонкой грани между жизнью и смертью. И, тем не менее, Олиф всегда боролась за жизнь.

Но теперь она знала одно — ей уже не выкарабкаться.

Олиф очнулась неожиданно, словно какой-то толчок вернул сознание к жизни. Во всем теле ощущалась какая-то, несвойственная ему, легкость. Ничего не болело, не щипало, не давило. Наоборот, девушка чувствовала себя очень хорошо. Даже слишком.

Она уже на небесах. Однако странное копошение поблизости поколебало ее уверенность.

Ей хотелось открыть глаза, но неожиданно непривычная легкость куда-то улетучилась. Ее место сменила слабость. Веки не поддавались. Копошение постепенно приближалось, становилось все отчетливее и отчетливее, и наконец, Олиф распознала тоненькую мелодию.

Неожиданная догадка так поразила девушку, что она резко распахнула глаза.

Не может быть. Она не умерла.

Над ней ярко сияло солнце, но никакой духоты не чувствовалось. Скорее, обыкновенное тепло. Олиф настолько привыкла к убийственной жаре, что от такой температуры ощущала некое неудобство. Солнечные лучи плавно огибали большие, зеленые листья. Присмотревшись, девушка увидела длинное, высокое дерево с шершавым стволом. Повернула голову. Рядом с ней копошился толстенький, маленький человек, по всей вероятности — мужчина, подпевавший себе под нос какую-то странную мелодию. Он повернулся к ней лицом и, заметив, что девушка очнулась, бодренько сказал:

— Наконец-то ты очнулась, а то мне тут одному совсем ску-учно уже, хы-хы.

Олиф глупо смотрела на него и пыталась переварить информацию. Она лежит под деревьями, рядом с ней какой-то человек, солнце больше не обжигает...

— Я умерла? — хрипло спросила девушка.

— Хы-хы, нет.

Незнакомец разговаривал странно. После каждого сказанного слова он глупо посмеивался. Олиф недоуменно перевела взгляд на зеленую траву, потом посмотрела на странное дерево и негромко поинтересовалась:

— Где я?

Мужчина гордо выпрямился и растопырил руки вверх.

— Это — моя территория. Мой собственный рай. Мой дом! И ты здесь — гость. А я вежливый хозяин, хы-хы. Поэтому я угощу тебя хорошим обедом, хы-хы. Поднимайся!

Олиф осторожно села. Помимо необычной слабости ничего странного в ее состоянии не было. Рубаха, еще недавно повязанная вокруг ее головы, куда-то исчезла. Впрочем, как и ее «обувь». Девушка медленно поднялась, немного постояла, привыкая к голым ступням и прохладной земле, а затем опасливо приблизилась к незнакомцу. Он копошился возле больших камней, сложенных один на другом, что на полном серьезе напоминало стол. На них, словно в подтверждение, лежали разные гадкие на вид панцири, лапки и кишки.

— Это я сам сегодня поймал, хы-хы. — Мужчина гордо указал пальцем на что-то длинное и черное, больше напоминающее змею, хотя по размерам слишком маленькое. — Забрался в сапоги, паршивец.

Заметив, что Олиф с отвращением рассматривает все «деликатесы», незнакомец насмешливо добавил:

— Ну-у-у, девочка, это тебе не дружинский дом. На самом деле, здесь все съедобное, хы-хы.

Олиф продолжала недоверчиво рассматривать предложенную еду. Иногда она не ела по три дня подряд, но это грозило непомерной слабостью, головокружением, упадком сил, тошнотой. В пустыне это верный путь к Берегиням мира Нави. Придется есть. Иначе нельзя. Да и к тому же, отравить ее вроде как не пытались, иначе с чего такая доброжелательность?

Девушка наугад схватила первую попавшуюся кишку, зажмурилась и сунула в рот. Под зубами что-то гадко хрустнуло, на языке появилась противная слизь. Олиф не выдержала и выплюнула этот кошмар, грохнулась на коленки и начала отплевываться. Если бы в желудке не было так пусто, ее непременно стошнило бы, а так только слюна выступила.

Незнакомец заботливо положил руку ей на плечо и ободряюще сказал:

— Ну, ничего, привыкнешь.

Олиф с трудом поднялась и провела рукой по рту. На удивление по-прежнему хотелось есть, живот как будто прилип к позвоночнику. Девушка поморщилась. В этот момент незнакомец сунул ей под нос что-то коричневое, не такое гадкое, как те кишки, но все равно противное.

— Я не хочу, — виновато сказала Олиф.

— Это же финик, — удивился мужчина.

— Все равно не хочу.

Олиф чувствовала угрызения совести. Все-таки этот человек ради нее старается, а она вот так...

— Ты их хоть раз пробовала?

Девушка покачала головой.

— Хы-хы, я так и думал. На! — Мужчина всучил ей фрукт в руки и повернулся к своим «деликатесам», выбирая наиболее вкусные.

Олиф тяжело вздохнула, поднесла мягкую коричневую кожицу ко рту и надкусила. На вкус финик оказался намного приятнее, чем на вид. Сладкий, даже слишком, чем-то напоминающий мед. Олиф немного воодушевилась, начала кусать быстрее, и сама не заметила, как все съела.

— О, а говорила не хочешь, хы-хы.

Олиф насыщения совсем не чувствовала, но попросить добавки не посмела. Она опустила взгляд и спросила:

— Кто ты?

Но мужчина даже головы не повернул, он также продолжал хрустеть чьими-то лапками. Олиф недоуменно уставилась на его полную фигуру. Удивительно, как он умудрился не сбросить вес. Даже у них в селе не всегда можно было найти еду, что уж говорить о пустыне.

Незнакомец снова начал насвистывать себе под нос.

— Это плохая примета, — немного обиженно сказала Олиф.

На этот раз мужчина прекрасно ее услышал.

— Забудь про все свои приметы, хы-хы. Они остались за Песчаной Завесой.

Он дальше принялся насвистывать эту странную мелодию, абсолютно не в такт.

— Давно ты здесь? — спросила девушка.

Незнакомец неопределенно пожал плечами.

Олиф опустила глаза. О чем с ним говорить, она не знала. По-видимому, он и не особо желал с ней что-то обсуждать.

— А где моя обувь? — задала она еще один вопрос.

— Эти онучи что ли? — брезгливо отозвался незнакомец. — Я их выкинул, хы-хы.

— Как?! — ахнула девушка. Обувь, не обувь, а платье было жалко.

— Э, — отмахнулся мужчина. — Здесь они тебе не помогут, хы-хы.

Он, наконец, оторвался от созерцания плодов своего творения и повернул голову к девушке. Глаза у него были бледно-голубые, только было в них что-то такое... стеклянное. Будто не живые они.

Незнакомец мелким шагом направился куда-то в сторону, по хорошо натопанной тропинке. Олиф в нерешительности осталась на месте. Мужчина обернулся и недоуменно поинтересовался:

— Ну, ты идешь?

Олиф ничего не оставалось, как идти за ним следом. Мужчина семенил мелким шагом, шаркая своими стертыми сапогами. Такие девушка видела только у дружинников.

Если бы ей удалось описать это место одним словом, она бы сказала: зеленое. Несмотря на темную, практически черную землю, с небольшими камнями, вся природа, окружающая их, была зеленой. Девушка подняла голову и посмотрела на высокие деревья, листья которых были такими широкими, что закрывали собою небо. Стволы были ребристыми, жесткими, и наверняка шершавыми. Взбираться по ним, должно быть, трудно — как минимум заработаешь себе ссадины на руках. Прямо у подножия деревьев росла высокая трава. Цветов здесь не было, только ненавистные Олиф сорняки. Она заприметила несколько насекомых, то тут, то там выглядывающих из своего зеленого укрытия.

Все это настолько напоминало родной дом, что девушка изумленно спросила:

— Что это за место?!

Но вместо ответа, мужчина поинтересовался:

— Ты давно здесь?

Олиф покачала головой.

— День, может больше.

— У-у-у, — протянул он. — Тогда все ясно. Это оазис. Единственное место, где можно укрыться от пустыни.

— И... много таких оазисов? — удивленно спросила Олиф.

Незнакомец пожал плечами.

Но если существуют такие оазисы, то почему Изгнанники не возвращаются из пустыни? Олиф озадаченно сдвинула брови. Ведь могли же преступники отсидеться здесь, а затем вернуться домой. Тогда почему до сих пор вернулись лишь трое? Олиф так глубоко задумалась, что отчаянный крик мужчины: «Стой!!!», показался ей лишь тихим предупреждением. Девушка послушно остановилась.

— Не двигайся!!!

Олиф испуганно посмотрела на незнакомца, не понимая, почему в его голосе слышатся панические нотки. Мужчина быстро шарил руками в траве, пытаясь что-то найти. Наконец, он торжественно извлёк большую, толстую ветку и подошел к девушке, пояснив:

— Ты наступила на ловушку.

Олиф опустила глаза — ее босая нога находилась прямо в середине небольшой петли. Она знала такие ловушки — их ставят для дичи. Стоит ей сделать шаг, и её кувыркнет вверх, причем благо, если только кувыркнет.

Мужчина аккуратно приподнял ногу девушки, медленно принялся подсовывать под нее палку. Рывок, и Олиф, не устояв на одной ноге, завалилась назад и плюхнулась на спину, больно приложившись головой об землю. Да уж, это не песок.

— Эй, ты как? — Перед глазами замаячил силуэт незнакомца.

Он вежливо протянул девушке руку, но Олиф поднялась самостоятельно. Привыкла уже обходиться без помощи. Она посмотрела на то место, где должна была качаться палка, зажатая в узле, но ничего не увидела. Озадаченно помотала головой. Она должна быть здесь! И тут девушка заметила нужный предмет, прямо возле ствола дерева, из которого торчало длинное, ладоней в пять, острие. Если бы на месте этой палки была Олиф, шансов, что ей удалось бы выжить, не было.

В это время мужчина быстро подошел к наваленной куче листьев; принялся усердно их разгребать. Когда девушка медленно приблизилась к нему, то увидела, что из-под них выглядывает чья-то нога. Затем заметила руку, но чуть повыше, и еще одну. Труп.

— Кто это?! — в ужасе спросила Олиф.

— Мой друг, хы-хы, — пожал плечами незнакомец.

Он полностью выгреб ноги мертвеца из-под листьев и принялся стягивать с них сапоги. Олиф зажмурилась, чтобы не видеть, во что превратились конечности некогда человека. Как только копошение прекратилось, девушка приоткрыла глаза и увидела, что незнакомец вежливо протягивает ей обувь.

— Я их не надену! — воскликнула девушка.

— Ну и ладно, хы-хы, — обрадовался мужчина.

Он развернулся и медленно пошел в обратном направлении. Олиф последовала за ним.

— В пустыне большинство животных — ядовитые, хы-хы. Они приспособлены к жизни в пустыне, но на оазисах обитают гораздо чаще. Ближе к вечеру на охоту в основном выбираются змеи. А с утра, в сапогах нередко можно встретить скорпиона. Но если днем ходить без обуви, можно случайно наступить на кого-нибудь та-а-акого, что потом смерть будет долгой и мучительной. В основном большинство ядов здешних животных действуют на нервную систему, вызывая паралич. — Что такое «паралич», Олиф не знала, но по телу все равно пробежали мурашки. — Ты, конечно, можешь и дальше расхаживать в своих онучах, или вообще босиком, но было бы здорово, если бы ты пожила подольше, хы-хы. Не хочу терять вновь приобретенного друга.

Мужчина остановился и протянул девушке сапоги. Красивые. С длинными носами, коричневого цвета, явно из натуральной кожи. Жаль только, что мужские. Олиф насупилась, но обувь приняла.

— Лучше сейчас надень, хы-хы, — посоветовал незнакомец.

Олиф посмотрела на свое оборванное платье. Опасливо покосилась на мужчину, но он словно не замечал ее оголенных ног. Странно. Даже «лапочки» не позволяли себе такого разврата. Может, во всем виновата пустыня? Насколько сильно она меняет людей?

Девушка с горем пополам натянула обувь. Ножка Олиф оказалась слишком маленькой для таких сапог, поэтому при каждом шаге обновка так и норовила слететь.

Теперь они с незнакомцем шаркали вместе.

* * *

Ее новоиспеченного друга звали Хэнк. Он не помнил сколько времени прошло с того дня, как его отправили за Песчаную Завесу. Но его ожог на руке еще не зажил, а значит, и срок наказания не истек. Хэнк был хорошим, добрым другом. Он очень любил расставлять

ловушки. Множество разных приспособлений для заманивания дичи были раскиданы практически по всему оазису. До появления Олиф у Хэнка было три друга. Первого убили разбойники, которые тоже наткнулись на этот оазис. Именно поэтому Хэнк не любит чужаков. Возможно, его ловушки предназначались не только для дичи.

Второй друг умер недавно, от укуса скорпиона. Их тела покоятся в неглубокой яме, присыпанной листьями.

О третьем друге Хэнк ничего не знал. Сказал лишь, что он — воин, храбрый и сильный. Мужчина называл его Спасителем.

Время неумолимо шло вперед. Один день сменял другой, а за ним приходил следующий. Олиф потеряла счет времени. Дни шли и шли, но девушка их не считала, знала лишь одно: их прошло уже мучительно много. Живя вместе с Хэнком, Олиф на жизнь не жаловалась. У нее была еда и вода, ей было, где спать, и где мыться. Солнце больше не обжигало кожу, но, к сожалению, она все равно потемнела, да и к тому же начала облезать. Хэнк убеждал девушку в том, что это нормально, но девушке это совсем не нравилось. Масла в огонь подливала задержка тех самых женских дней. Но об этом Олиф, естественно, молчала.

Сейчас стояла ночь. В этот раз она была даже слишком темной, с тысячью звезд на небе.

Хэнк устроился возле костра. Как он его разводит, Олиф так и не сообразила. Вернее, у нее это никогда не получалось.

— Я пожарил мясо, — весело сказал ее друг.

Олиф благодарно улыбнулась и устроилась рядом. В последнее время у нее было какое-то грустное настроение, она сама не понимала, в чем дело. Вот и сейчас, слова сами сорвались с губ.

— А ведь там, среди этих звезд, мои мама с папой.

Девушка закинула голову вверх и попыталась из маленьких светящихся крупинок сложить лицо мамы. Но не смогла. Олиф было восемь, когда она умерла. Лицо мамы она помнила смутно, и чувствовала за это ужасную вину. Нельзя забывать родных тебе людей, но с годами очертания маминой улыбки неумолимо стирались из памяти.

Хэнк лучезарно улыбнулся, — на его толстых щечках образовались забавные ямочки, — и начал махать рукой.

— Привет, хы-хы!

— Что ты делаешь? — опешила девушка.

— Здороваюсь с твоими родителями!

— Они умерли, Хэнк.

Мужчина посмотрел на нее сочувствующим взглядом и надкусил кусок мяса. У Олиф аппетита не было совсем.

— А где твои родители? — спросила девушка.

Хэнк неопределенно пожал плечами.

— Не знаю, хы-хы.

— И тебе все равно?

Ее друг вновь пожал плечами.

— Ну да.

Олиф посмотрела на свои руки. Без света они казались совсем черными.

Хэнк был странным. Ему ни до чего не было дела. Иногда девушке казалось, что ловушки он расставляет чисто инстинктивно.

— Хочешь, зверюшек покажу? — с придыханием спросил мужчина.

— Зверюшек? — переспросила девушка. Хэнк утвердительно кивнул. — Хочу, — через силу кивнула Олиф, хотя на самом деле хотела лишь одного: лечь и забыться.

— Вот смотри, — он указал пальцем в небо. — Это — медведица.

Мужчина обвел четыре звезды. На медведя это было похоже не больше, чем волк похож на огурец.

— А еще есть лиса и буран.

— Буран? — не поняла Олиф.

— Ага, созвездие волка, хы-хы. Они сменяют друг друга три раза в месяц.

Хэнк гордо посмотрел на девушку.

— Очень мило, — снисходительно отозвалась та.

— Олиф, а за что ты здесь? — любопытствовал ее друг.

Девушка снова посмотрела на темное небо.

— Я... я убила человека. — И тут же добавила: — Но я не виновата! Это случилось случайно.

Хэнк насмешливо хмыкнул.

— В этой пустыне все не виноваты.

Олиф обиженно спросила:

— И ты?

— И я.

Олиф спасала свою сестру. Она не виновата в случившемся. Нет.

Настроение у девушки совсем ухудшилось. Ей захотелось поскорее лечь в тряпки, изображающие ее постель, и не думать ни о чем. Но Хэнк решил иначе.

— Ты видела Песчаников? — дрогнувшим голосом спросил он.

— Кого? — удивилась Олиф.

— Людей из песка...

В памяти девушки моментально всплыла сцена в пустыне: огромный змей в доспехах, и люди, словно собранные из маленьких песчинок.

— Да.

Хэнк непроизвольно вздрогнул.

— Как ты сбежала?

— Что? Откуда сбежала?

— Из подземных лабиринтов.

— О чем ты, Хэнк? Какие лабиринты? До того, как мы с тобой встретились, я в пустыне была только один день.

Олиф заметила, что руки у мужчины сильно трясутся.

— Кто такие Песчаники?

— Это...это... они — хозяева пустыни. Истинные.

Олиф осторожно пододвинулась к другу и успокаивающе стиснула его ладони.

— Эй, все хорошо. Хочешь, мы не будем о них говорить?

Мужчина быстро замотал головой.

— Нет, нет. Надо предупредить тебя, надо сказать, — беспорядочно заговорил он. — С ними нельзя видеться. Они — зло. Никогда не уходи с оазиса, поняла? Никогда, нельзя, если сойдешь — погибнешь. Песчаники найдут... они найдут везде.

— Хэнк, — испуганно сказала Олиф, — успокойся. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Неожиданно жуткий приступ кончился. Мужчина приподнял голову и уже осмысленным взглядом, в котором читалась тревога вперемешку с заботой, посмотрел на девушку и заговорил:

— Они состоят из песка, и ходить могут только по песку. Земля для них закрыта. Оазисы — единственное место в пустыне, где можно укрыться, потому что тут нет песка. Сойдешь с него ночью — тебе конец. У Песчаников есть Бронированные Змеи, которые чувствуют людей. Каждый вечер они делают обход, «собирают» добычу. Попадешь к ним в лапы, и никогда, никогда уже не увидишь света. Песчаники живут под землей. Там, под раскаленными песками залегает непроходимый лабиринт, и лишь истинные хозяева, пустыни, и их питомцы, знают, где выход. А для людей там тьма... холодно, сыро, безнадежно.

Хэнк замолчал. Олиф не знала, что сказать. Люди из песка. Песчаники. Неужели такое возможно? Вот почему никто не возвращается домой. Изгнанники умирают не от жары, а от холода.

— Ты был там? — тихо спросила Олиф.

Хэнк помотал головой.

— Нет? — удивилась девушка. — Тогда откуда ты об этом знаешь?

— Мне все это снилось.

Странное ощущение, зародившееся где-то в глубине души, от недавно сказанных слов мигом развеялось. Олиф тяжело вздохнула и, медленно кивнула, принимая фантазию Хэнка.

— Моего друга утащили Песчаники, — добавил он.

— Друга? — Олиф припомнила историю о его друзьях, но про Песчаников он точно не упоминал. — Ты уверен?

— Да. Последнего друга.

— Ты же сказал, что его укусил скорпион.

— Нет, я соврал. Его утащили Песчаники.

— Ясно, — вздохнула девушка. — Спать не хочешь?

— Нет.

— А я уже пойду. Спокойной ночи.

Олиф встала и направилась к своей «постели». Ведь ее жизнь в пустыне не сильно-то отличалась от жизни в селе Чернь. Ела она столько же, постель у нее и раньше была не сильно лучше, вместо сестер и брата появился Хэнк. Милый большой ребенок. Вот только, не смотря на огромное пространство, девушка чувствовала себя, как в тюрьме. Раньше она знала: мир большой, если сильно захотеть, можно собрать вещи и уехать. А здесь есть лишь пустыня. И из нее никуда не деться.

Олиф подложила ладошку под голову и прижала коленки к груди. Закрыла глаза и начала засыпать.

...мне приснились сестренки. Говорят, иногда людям снятся их страхи, желания или воспоминания. Я уже и забыла про это воспоминание. Но моя память помнит.

Марике всего пять, Таре четыре. Они вместе нашли большую лужу, которая образовалась после недавно прошедшего дождя. В воздухе стояла морозная свежесть, я открыла ставни, и наблюдала за ними. Они обе знали, что им влетит от мамы, и все равно кидали в лужу огрызки земли. Я отвернулась всего на одно мгновение. В этот момент Тара поскользнулась и носом упала в лужу.

...уже тогда я не смогла за ними уследить.

Олиф неожиданно проснулась. Открыла глаза. Осторожно повернула голову. Хэнк мирно посапывал рядом. Девушка не сводила с него пристального взгляда. Ее пугало то, что в последнее время его бледно-голубые глаза стекленели все сильнее.

* * *

— Теперь потяни вон ту веревку! — громко крикнул Хэнк. — Да-да, чуть сильнее.

Олиф и так выкладывалась по полной. Ее вес был слишком маленьким, чтобы перевесить накренившуюся ветку.

— Я больше не могу!

— Еще чуть-чуть! — Хэнк с размаху стукнул камнем по деревянной палке, та с хрустом вошла в землю. — Все!

— Уф, — выдохнула Олиф.

Наконец-то они установили ловушку. Девушка чувствовала себя, как тщательно выжатая тряпка.

— Ты такая тощая, — заметил Хэнк. — Тебе нужно больше есть.

Олиф шла вперед, не поднимая головы. Аппетита у нее не было. Вернее, такого аппетита, о котором говорил Хэнк. Даже если не наедалась, впихнуть в себя еще одну лапку какой-нибудь твари она просто не могла.

Хэнк уже привык, что девушка отвечает не всегда, в основном слабо улыбается, или вообще не подает признаков, что слышала. Он немного отстал, осторожно проверил все крепления на ловушке, удовлетворенно хмыкнул и побежал догонять подругу.

У Олиф жутко болел живот. Она не могла понять: отравилась, или это последствия нарушения цикла? Медленно приложила руку к животу и поморщилась. Похоже, отравилась. Чтобы хоть как-то отвлечься от неприятных ощущений, девушка уселась на земляную кочку и принялась усердно переплетать косу.

Хэнк пристроился рядом и заворожено наблюдал за ловкими пальцами подруги. Заплетать волосы от одного уха до другого, делая из косы подобие ободка, было не просто, но у Олиф все выходило очень слажено, словно она дано уже привыкла. Когда девушка закончила, Хэнк поинтересовался:

— Ты сама придумала такую прическу?

— Да, — кивнула она.

— Красиво, хы-хы.

— Спасибо, Хэнк, — словно обращаясь к маленькому ребенку, поблагодарила Олиф.

Она встала и побрела к тому месту, которое не заслуженно называла домом. Ни крыши, ни стен, только солнце, камни, изображающие стол, да две тряпки, именуемые кроватями. Да уж, дом.

Хэнк шел рядом и о чем-то размышлял. Олиф настороженно покосилась на друга. С каждым днем его поведение становилось все необычнее: еду он готовить отказывался, разводить костер тоже, вместо этого каждый вечер гонялся за какой-то бабочкой и убеждал Олиф, что пока ее не поймает, за дело не возьмется. Разговаривать стал в два раза меньше, не мылся уже несколько дней, хотя всегда очень придирчиво относился к чистоте. Он словно стал забывать о своих человеческих обязанностях... Единственное, что осталось неизменным — это его ловушки. Их он расставлял и проверял с прежним энтузиазмом.

— Ты чего такая грустная? — нарушил ее размышления Хэнк.

Олиф посмотрела на друга.

— Ничего.

Когда они дошли до их «дома», она тяжело опустилась на скомканные тряпки и попросила ее не трогать. Боль в животе усугублялась подступившей тошнотой, поэтому единственное, чего ей сейчас безумно хотелось — это поспать. Хэнк понимающе кивнул и удалился в неизвестном направлении.

Девушка практически тут же провалилась в сон.

... кто-то тормозил ее за плечо, вырывая из мира сновидений.

— Просыпайся, просыпайся же скорее!

— Что... что случилось? — сонно отозвалась Олиф, с трудом открывая глаза.

— Быстрее, просыпайся! Ты должна пойти со мной! — тараторил Хэнк.

— О Берегини, зачем? — начала злиться девушка.

— Скорее, вставай!

Хэнк ловко дернул Олиф за руки в свою сторону, и ей ничего не оставалось, как позволить поднять себя.

— Хэнк, что случилось? — спросила девушка, когда он потащил ее вглубь тропического леса.

— Я видел каракала!

— Кого?! — опешила Олиф.

— Сейчас покажу! Он бродит вокруг оазиса, это отличный шанс пристрелить его, у него безумно вкусное мясо!

Олиф резко остановилась, но ее сил не хватило, чтобы остановить и Хэнка, поэтому она чуть не полетела носом в землю.

— Хэнк!!! — крикнула она. Мужчина замер. — Ты хочешь сойти с оазиса?!

— Это ненадолго, не бойся. Главное — успеть до заката.

— Хэнк, каракал не стоит того, чтобы так рисковать!

— Мы не рискуем, хы-хы. До заката мы в безопасности. Быстрее, а то он уйдет! На, надень это!

Мужчина сунул ей в руки ее давно забытую рубаху, которую она повязывала вокруг головы, когда еще только попала в пустыню.

— И вот еще, это твое, хы-хы. — Хэнк протянул девушке ее нож.

Олиф удивленно приняла предмет за деревянную рукоятку. Она уже и забыла про него.

— Я выстрелю в него из лука, — щебетал по дороге Хэнк, — а тебе придется подстраховывать меня, на всякий случай. Тащить его будет тяжело, но зато, какое у него мя-я-ясо, хы-хы.

Олиф словно в оцепенении плелась за другом. Его затея ей совсем не нравилась. Она взглянула на солнце — совсем скоро уже зайдет за край земли. А если они не успеют вернуться? Она, конечно, не сильно верила в байки Хэнка, но все-таки не считала их полностью вымышленными. Кто знает, что ждет их там.

— Осторожнее, иди за мной, хы-хы.

Хэнк начал аккуратно переставлять ноги, словно один неверный шаг — и ты покойник. Олиф послушно шла за ним. В этой части оазиса она никогда не была.

Неожиданно мужчина остановился, повернулся к девушке и приложил палец к губам. Олиф кивнула. Хэнк аккуратно раздвинул большие зеленые листья, и девушка едва

удержалась, чтобы не вскрикнуть.

Оазис напоминал одинокий остров, по его краю которого обыденно гуляли пески. Вот только они были не желтоватого оттенка, а чисто белые. Довольно далеко от них величественно возвышались каменные рельефы, напоминающие скалы, только раза в два меньше. Они были расположены по кругу, словно нарочно прикрывали оазис. Все пространство, разделяющее их, было засеяно фиолетовыми цветами.

— Что это? — тихо выдохнула Олиф.

— Фацелии. Тихо.

Хэнк поманил девушку рукой. Она, не чувствуя ног, аккуратно пошла за ним, заворочено наблюдая за цветами. Их было так много, что они были похожи на огромное фиолетовое озеро. Красота неопиcуемая, только вот Хэнк, похоже, решил обойти их стороной. Олиф разочарованно вздохнула. Они продвигались по краю оазиса. Мужчина проворно обходил опасные места, девушка старалась от него не отставать. Стоило им обогнуть оазис, как вновь вернулся темно-желтый песок. Скалы практически исчезли из виду.

— Да помогут нам Берегини, — выдохнул Хэнк и шагнул за край оазиса.

Олиф осталась стоять на месте. Она ожидала увидеть молнию, землетрясение, зыбучие пески, о которых ей рассказывал ее друг, но вокруг было тихо-тихо. Хэнк на согнутых ногах стал осторожно продвигаться дальше. Олиф взглянула на небо — солнце еще не садилось — и сделала шаг вперед.

Буквально тут же на нее, словно огромный мешок с мукой, обрушился удушающий жар. В легких снова что-то закрылось — не вздохнуть, не выдохнуть. Олиф вспомнила свой первый день в пустыне. Все было так же. Это невыносимое солнце, раскаленные пески, забивающие нос, духота и пот.

«Я ненавижу пустыню», — пульсировала мысль в ее голове.

Хэнк приспособился быстро и уже уверенно шагал, размахивая луком туда-сюда. Олиф не хотела от него отставать, но ничего не могла поделать — ноги заплетались. Глаза слезились из-за яркого света, солнце снова пыталось ее убить.

— Подожди меня, — взмолилась девушка.

— Тс-с!

Олиф разозлилась. В глазах Хэнка светился животный азарт, словно он играл в опасную игру. Девушка грубо одернула подол платья. Ее взгляд остановился на песке.

— Хэнк, — позвала она, — а это большой зверь?

— Да.

Олиф даже присела, чтобы полностью убедиться в своем открытии. Следов не было. Не считая того места, где они ходили с Хэнком, песок был ровный и гладкий. Зверь был здесь недавно, так? Пески не могли так быстро замести следы. Остается только два варианта: или зверь ходил не здесь, или никакого зверя нет.

Только Олиф повернула голову, чтобы злобно рыкнуть на Хэнка, как замерла в оцепенении. Пока она тут разглядывала песок, ее друг уже ушел шагов на сто.

— Хэнк! — крикнула девушка. Мужчина не реагировал. — Хэнк, не уходи! Хэнк!!

Олиф глубоко вздохнула и быстро пошла за ним. Бежать она не могла — тяжело. Вот дьявол. Слишком большое расстояние — шагом ей его не догнать.

— Хэнк!! Хэнк, вернись!!!

Ее друг словно оглох. Девушка не верила, что с такого расстояния он ее не слышит.

Хэнк делал это нарочно.

— Хэнк, хватит!!! Солнце скоро зайдет!! Хэнк!!!

Ее голос сорвался на крик. Она орала, разрывая горло. Чертов Хэнк.

— А ну вернись, грязный осел!! — не выдержала она.

Хэнк обернулся, подмигнул и крикнул:

— Я нашел след! Скорее!

— Хэнк!!! Солнце садится!!!

Пустыня медленно окрашивалась в бледно-оранжевый цвет. Солнце предательски не вовремя показывало уходящие лучики света. Олиф всем телом чувствовала, как начинает падать температура. Им нужно успеть вернуться. Почему — она не знала, просто нужно. Хэнку она не доверяла. Зато доверяла своему чутью.

— А ну вернись!!! Хэнк!! Оставь своего зверя в покое и тащись сюда!!!

Ее крик был бесполезен. Мужчина не реагировал, только продвигался все дальше вперед.

— Хэнк...

Олиф собралась с силами и побежала.

В груди буквально тут же закололо, девушка начала задыхаться. Без каких-либо нагрузок на оазисе и при ужасно плохом питании ее тело, казалось, вот-вот развалится. Первые секунды было еще терпимо, а затем, в икры словно вонзились тысячи маленьких иголок.

— Хэнк...

Дыхание перехватило, во рту появился привкус крови. Олиф почувствовала, что ноги перестают ее слушаться, начинают заплетаться. Кричать больше не было сил. Икры словно превратились в деревянные палки, ноги не сгибались, но болели до такой степени, что хотелось взвыть.

Олиф не выдержала и упала.

Привкус крови во рту становился все ощутимее. Она пыталась сглатывать слюну, но слюны не было.

Нет, в первый день было не так.

Олиф хотела восстановить дыхание: дышала через раз и откашливалась. Когда она посмотрела на небо, солнце уже почти село.

— Хэнк... — тихо выдавила девушка и с трудом повернула голову в сторону, где должен был быть ее друг.

Но его там не было.

Он мог быть, где угодно, в этой бескрайней пустыне искать бесполезно. Но Олиф не вернется обратно без него. Нет. Если уж им и суждено умереть, то только вместе. Девушка продолжала лежать и отстраненно наблюдать, как свет постепенно покидает землю. Тень медленно накрывала пустыню своим куполом.

Девушка вдруг подумала, что оно и к лучшему. В каком бы месте пустыни — оазис, или открытое пространство — она не находилась, ей все равно суждено умереть. Жить на одиноком острове, где каждый день напоминает предыдущий, где хочется выть от понимания всей безысходности, где царит обыденность и мрак, невозможно. Ты умираешь точно так же, как умирал бы в пустыне, только медленнее. А это намного страшнее.

Зато теперь появилось разнообразие. Жаль, что такое короткое.

Если бы в тот злополучный день Олиф не спасла сестру, ее не наказали бы Кровавым законом. И не было бы этой пустыни. Девушка вдруг поймала себя на мысли, что жалеет о

своем поступке, но тут же отогнала эту грязную мысль куда подальше. Ну уж нет. Марика должна быть счастливой. У Олиф не получилось, но ее сестра справится.

Она поступила правильно.

Девушка медленно поднялась и побрела в ту сторону, где скрылся Хэнк. Может, удастся его найти.

Олиф снова безумно захотелось пить. Дышать было тяжело, в ребрах ощутимо колело. Девушка болезненно поморщилась. И зачем она ищет Хэнка? Он все равно ее бросил.

Но одной в пустыне находится еще страшнее, чем рядом с безумцем. Особенно после заката.

Прошло немало времени, прежде чем Олиф увидела Хэнка. На удивление, он не пытался от нее убежать, наоборот, кажется, двигался в ее сторону. Олиф сурово насупилась, готовясь грозно отчитать этого оболтуса, но что-то в выражении его лица заставило ее застыть на месте.

Когда он приблизился к ней на расстоянии нескольких шагов, Олиф поняла, причину своего ступора. Лицо Хэнка перекосило от ужаса.

— Хэнк, что случилось?

— Быстрее, быстрее, быстрее... — бормотал он. Мужчина проскочил мимо девушки, словно впервые ее увидел.

Олиф в недоумении догнала его и пристроилась рядом.

— Хэнк! Объясни, в чем дело?

Он остановился, повернулся к девушке и ткнул пальцем вверх.

— Лиса!

Олиф посмотрела в указанном направлении — на темном небе виднелись две звезды.

— Какая лиса, Хэнк? — повернула голову девушка, но ее друга рядом уже не было.

Он быстро мельтешил по пустыне. Олиф ускорила шаг и через несколько мгновений догнала Хэнка. Тот неожиданно заговорил:

— Надо успеть до созвездия, надо успеть. Надо успеть.

Созвездие. Вот оно что.

— Хэнк, почему нужно успеть до созвездия?

— Осталась одна звезда, осталась одна звезда...

— Хэнк! — разозлилась Олиф.

В пустыне температура упала за считанные минуты. Девушка поежилась.

Неожиданно впереди показался их оазис. Хэнк чуть ли не бегом направился к нему. То, что Олиф за ним не успевала, его не сильно беспокоило. Он тяжело пыхтел, однако отчаянно рвался вперед. На мгновение обернулся, взглянул на небо, и застыл в оцепенении.

Олиф тоже взглянула наверх. Среди темных облаков выглядывало три одиноких звезды.

— Нет!!! — воскликнул Хэнк и побежал вперед.

Олиф не успела сделать и шага. Земля под ее ногами содрогнулась и девушка, не устояв, упала на песок. Хэнка, похоже, постигла та же участь. Его отчаянный крик, было последнее, что Олиф сумела услышать. Пески поднялись ввысь и закрутились вокруг нее, образуя невидимую воронку. Олиф как будто что-то приподняло в воздухе, она почувствовала жуткую тошноту, пески забивали нос и рот, девушка закрыла руками глаза. Что-то громко закрипело, и ее закрутило так, словно она попала в самую середину урагана. Ни закричать, ни пошевелиться. Что-то внутри Олиф перевернулось, она даже не пыталась осознать, что происходит, ее единственной мыслью было: как бы выжить в этом жутком ночном кошмаре.

Неожиданно чувство странной невесомости пропало. Она снова почувствовала под животом землю. Ураган утих, но пески еще летали в воздухе. Олиф не шевелилась. Дышать было тяжело, она надеялась, что ее не засыплет горой песка.

Прошло немало времени, прежде чем девушка пошевелилась. На удивление, над ней не образовалось непроходимых песчаных гор. Она приподнялась на локтях, осмотрелась и села. Вокруг витала пыль, сквозь которую даже свое тело разглядеть было трудно. Олиф

закашлялась, а затем хрипло позвала:

— Хэнк!

Ей никто не отвечал.

— Хэнк!!

Вновь не получив ответа, Олиф медленно поползла на карачках искать друга. Глаза слезились, приходилось вытирать их рукавом платья, которое тоже все было в песке. В конце концов, девушка просто зажмурилась и поползла, надеясь на чудо. Неожиданно ее руки уперлись во что-то мягкое.

— Хэнк, — обрадовалась Олиф

Глаза открыть не получалось, и она на ощупь провела руками по телу друга. Грудь вздымается, значит, еще живой. Девушка осторожно легла рядом с Хэнком и прижалась к нему, чтобы хоть ненадолго успокоиться.

... Олиф проснулась от жуткого холода. Ее всю трясло, руки онемели, пальцев на ногах она не чувствовала совсем, несмотря на сапоги. Девушка села, огляделась, но Хэнка рядом не было. Она уже хотела позвать его, но тут заметила сгорбившуюся тень недалеко от нее. Олиф на негнувшихся ногах доковыляла до своего друга и присела рядом.

— Что это было? — стуча зубами, спросила она.

Хэнк молчал.

Олиф проследила за его взглядом, но ничего не увидела. Несколько секунд она тупо смотрела вдаль, и тут до нее дошло, что она ничего не видит.

— Хэнк, а где оазис?!

— Нет оазиса.

— Как это нет?! — опешила девушка.

Мужчина снова погрузился в себя. Олиф на некоторое время даже забыла о пробирающем до костей холоде. Она пыталась понять, куда мог деться такой огромный остров, ведь его не то что украсть — его сдвинуть с места невозможно. Если только... неожиданная догадка заставила ее вскрикнуть.

— Хэнк, пустыня что, движется?!

— Не пустыня, пески.

Олиф немного помолчала и каким-то обреченным голосом спросила:

— А где оазис?

— Не знаю.

— Мы же найдем его, правда?

Ей почему-то вдруг так захотелось услышать обнадеживающее «да», даже если у них нет ни единого шанса, даже если им суждено сгинуть в этой пустыне, всего лишь одно «да».

Но Хэнк никогда не думал о других.

— Нет.

Олиф устала на носки своих сапог. Какое-то странное опустошение поселилось у нее в груди. Как будто она знала, что так будет. Просто одно дело знать, и совсем другое — испытать на себе. Судьба, похоже, снова решила сыграть с ней злую шутку.

Олиф осторожно приблизилась к Хэнку и попыталась к нему прижаться. Но только ее голова коснулась его плеча, как мужчина вскочил на ноги и пошел в обратном направлении. У девушки в душе поселилась злая обида.

— Ты куда? — негромко поинтересовалась она.

— Надо воду найти.

Олиф тоже поднялась на ноги. Ей абсолютно не хотелось никуда идти, но леденящий холод произвольно побуждал к любому действию. Она была готова делать что угодно, лишь бы не замерзнуть.

— Где мы ее найдем? — приглушенно спросила девушка.

— Не знаю.

Хэнк больше не посмеивался в привычной ему манере. Олиф настолько привыкла к этому его «хы-хы», что теперь ей казалось, будто он на нее очень сильно обиделся. Словно это она во всем виновата.

Олиф шла рядом, растирая предплечья. Что теперь делать, она не представляла. В горле чувствовалась сухость, но при таком холоде это казалось маленьким недоразумением. Даже если им удастся найти воду, надолго ее не хватит. За пределами оазиса им уже не выжить. Да еще эти странные истории о Песчаниках.

Хэнк молча семенил мелким шагом, словно с потерей оазиса он потерял часть себя. Хотя, эту часть он потерял уже давно.

Олиф ощущала какую-то безнадежность внутри. Смерть для нее стала чем-то вроде цели. Куда бы они не шли, что бы они не делали — она всегда их преследовала. Олиф поняла, наконец, что любое ее движение, любое подозрительное действие, любое странное мельтешение может привести к встрече с Ней. Теперь девушке казалось, что именно Смерть хозяйка Судьбы, что это она главная любимица Берегинь.

Именно поэтому раздавшиеся неподалеку голоса заставили девушку предельно насторожиться.

— Хэнк, — позвала она. — Ты тоже слышишь?

Мужчина молчал. Олиф нащупала пальцами нож, который снова привязала к руке под рукавом, и попыталась прислушаться. Хэнк, похоже, вообще ничего не замечал, только медленно шел вперед. Девушка не отставала, но почему-то ей очень не хотелось знать, кому принадлежат эти голоса. Их было много — как минимум два — и все они были мужскими. Отлично, нарвались на каких-то мужиков. Прекрасно.

Олиф порывисто вздохнула и сказала:

— Хэнк, думаю, нам нужно уходить.

Мужчина ее не слушал, он так же шел вперед, не замечая ничего вокруг.

— Хэнк, послушай...

Она не успела договорить.

Грубый, посаженный смех раздался совсем рядом. Разглядеть три большие мужские фигуры для Олиф не составило труда. Так же, как и для них.

— Эй-эй, смотрите кого мы встретили!! — заорал один из мужиков.

— Хэ-энк! Хэнк! — трясла его за руку Олиф. — Уходим, пожалуйста, пошли отсюда!

— О-о-о! Да там «лапочка»! Э-э-у-у! Куда это вы собрались?! А ну стойте!

Олиф, не обращая внимания на яростные вопли новоиспеченных незнакомцев, схватила Хэнка за руку и потащила в другую сторону.

— Хэнк, пожалуйста, очнись. Хэнк!

Но в его глазах не было ни единого намека на понимание. Олиф судорожно сжимала его руку и пыталась как-то ускорить шаг. Однако Хэнк был больше похож на деревянную куклу, двигался только потому, что девушка его тащила.

— Хэнк. Прошу тебя... очнись!

Сзади послышались тяжелые шаги — как и у Олиф, у мужиков ступни вязли в песке, что

существенно замедляло бег. Девушка мысленно чертыхнулась, но продолжала тащить Хэнка вперед. На что она надеялась? Так или иначе, эти незнакомцы догонят их. Олиф только сейчас поняла всю бесполезность своих действий: бескрайняя пустыня, в ней негде спрятаться. Есть шанс добрать до оазиса, или до скалистых хребтов, но это вряд ли. Им просто физически не дотянуть.

Шаги всё приближались и приближались.

— Эй вы, лучше по-хорошему остановитесь!! — голос был настолько противный, что пробирал до самых печенок.

Олиф прикрыла глаза и начала считать про себя: один... два... три...

— Я сказал: СТОЙ!!!

Пять... шесть... семь...

— Ну все попались, ребятки!!!

Восемь... девять. Не успела.

Их окружили.

Олиф остановилась и прижалась к Хэнку. Мужики были больше похожи на огромных мускулистых бугаев, которые водились среди дружины. В темноте различить их лица было трудно, но даже голос вызывал у Олиф жуткое отвращение. Она непроизвольно поморщилась.

— О-о-о, какая славная киска нам попалась, — заржал один из них. — Жаль, что больше похожа на песчаный кокон.

За ним заржали и все остальные.

Олиф вся сжалась и почувствовала, как подкашиваются коленки. Ее била мелкая дрожь.

— Эй ты, быдло правское, а ну отойди в сторонку, — грубо крикнул все тот же сальный гад.

Хэнк, естественно, никуда не отошел. Олиф еще сильнее стиснула его руку.

— Смотри-ка, он же полоумный! — догадался второй извращенец.

— Иди осмотри его, — приказал самый страшный из них (и, по-видимому, самый главный). — Чего найдешь — сразу мне, понял?

— Хэнк, — шепотом позвала Олиф и дернула его за руку.

В этот момент подошел огромный бугай и грубо расцепил их руки.

— Отойди-ка, киска, — похабно ухмыльнулся он.

Олиф окатило волной отвращения.

— Смотри-ка, а она молчаливая, — добавил тот.

— Иди сюда, малютка, кис-кис-кис, — заговорщицки подмигнул главарь.

Олиф сделала шаг назад и уперлась во что-то твердое. Третий мужик преградил ей путь к отступлению. Сердце у нее ухнуло вниз. О господи, что с ней собираются делать?!

— Ну-ну, мы только поиграем.

Олиф вздрогнула, когда один из них провел огромной ладошкой по ее руке.

— Не трогайте меня! — воскликнула девушка и попыталась вырваться.

На этот раз мужик жестко стиснул ее плечи, и она чуть не закричала от боли.

— А ну заткнись, дура! Молись, чтобы все было по-хорошему!!

У этого гада ощутимо воняло изо рта. Два огромных тела окружили ее вплотную, один из мужиков жестко притянул ее к себе со словами:

— Я первый.

Он схватил ее за талию, Олиф в свою очередь треснула его по руке, крикнула, чтобы тот

отпустил ее, но казалось, что ее сопротивление только доставляет ему удовольствие. Теперь девушка прекрасно понимала, что они собирались сделать. Ей было до жути страшно и противно, она пыталась вырваться, кричала и царапалась. Мужик одним ловким движением опрокинул ее на землю, она сильно ударилась головой, в спине как будто что-то хрустнуло.

— Не надо, не трогайте меня! — истерично закричала Олиф.

Уперлась руками ему в грудь, пыталась как-то отбиться ногами, но все ее попытки были жестко ликвидированы хлесткой пощечиной. Голова мотнулась в сторону, скулу защипало, на глазах выступили слезы.

— Подержи ее, — приказал главарь.

Еще один мужик дернул ее руки вверх и сжал их своими толстыми, огромными пальцами. Главарь, в свою очередь, принялся стягивать штаны. Олиф начала не просто кричать, а вопить, звать Хэнка, вырваться. Ей досталась еще одна пощечина, на то же место.

— Не хочешь по-хорошему, будет тебе по-плохому.

Первый мужик навалился на нее, придавив к земле. Так же, как когда-то Марику придавил дружинник.

— Нет!!!

— Давай быстрее, уже светает, — подгонял главаря второй мужик.

Первый грубо задрал ей платье до самого живота.

Олиф обреченно закрыла глаза.

В этот момент произошло то самое чудо, о котором пишут в прекрасных приключенческих романах. Вернее, это Олиф так думала.

Земля сотряслась под их телами.

— Песчаники!!! — заорал второй бугай.

Его лицо перекосило от ужаса, как когда-то у Хэнка.

— Валим-валим-валим!! Скорее, вставай!

— Den il tye, — послышалось неподалеку.

В следующую секунду что-то щелкнуло прямо на плечах у мужика, который навалился на Олиф, а затем его мотнуло вверх, опрокинуло на землю, и понесло в сторону Песчаников. По пустыне разнесся душераздирающий вопль. Второй мужик быстро развернулся и побежал в другую сторону. Олиф перекатилась на живот, и, до конца не соображая, что делает, поползла за ним. Прямо над ней пронеслись цепи, с черепами на конце, они разинули пасти и сомкнулись на ноге беглеца.

— А-а-а!!!

Тело мужика, как обычный мешок, поехало к Песчаникам в лапы, оставляя за собой широкую дорожку.

Третий мужик тоже ринулся наутек. Олиф больше не стала медлить и вскочила на ноги. Она буквально на несколько шагов обогнала его, но уступать ему первенство не собиралась. Вместо этого приложила все усилия, чтобы бежать быстрее него, не обращая внимания на колющий бок.

Снова послышался звон цепи. Олиф инстинктивно пригнулась, но черепа сомкнули свои челюсти не на ней.

Третьего гада постигла заслуженная участь.

Несколько мгновений ничего не происходило, но обернуться девушка не решалась, а затем послышались отрывистые незнакомые слова.

Земля снова сотряслась, Олиф споткнулась и упала на колени, однако быстро вскочила и побежала дальше. На секунду обернулась. На поверхности никого не было.

Зато теперь за девушкой тянулся толстый бугорок под землей.

Они решили преследовать ее под покровом песков.

Олиф не могла бежать быстрее, она и так выкладывалась по полной. Страх сковал сердце, но девушка не позволяла себе замедляться. Ей казалось, что легкие сейчас вырвутся наружу, или разорвутся вовсе. Но она не останавливалась. Ноги подкашивались, трясущаяся земля не давала времени сориентироваться.

Где-то под ней послышалось гортанное рычание.

Ноги у Олиф заплелись и она кубарем покатилась по песку. Плечо пронзила острая боль, у девушки непроизвольно вырвался стон. Рычание повторилось. Олиф подняла голову и увидела, как земля распахнула свои недра, чтобы выпустить наружу Бронированную Змею.

Животное разинуло пасть, издало мученически-болевым рык и вернулось обратно под землю.

Несколько мгновений девушка не могла поверить в такую удачу. Бессильно перевернулась на спину, и посмотрела на восходящее солнце.

Его лучи освещали как раз то место, из которого буквально только что высунулся змей.

* * *

Теперь Олиф была уверена в трех вещах:

Первая — Песчаники боятся света.

Вторая — они забрали всех, кто был рядом с ней.

Третья — в эту категорию попадал Хэнк.

И что теперь делать, Олиф не знала.

Лезть под землю и спасти своего друга? Если бы она четко представляла, что там, под землей, то, конечно, попыталась бы его спасти, но так...

Хотя, какая ей уже разница? Так хотя бы смерть будет не бесполезной.

Хэнк умрет. В этом Олиф не сомневалась. Эта мысль была такой очевидной и ясной, что не вызывала никаких эмоций. Мы знаем, что солнце восходит утром, заходит вечером — знаем, и ничего не чувствуем. Так же и Олиф: знала, но не чувствовала.

Поднялся небольшой ветер. Вокруг нее, словно мотыльки летали тысячи песчинок, поднимаемые из-под ее уставших ног. Они кружили, попадая в глаза, забивая нос и залетая в рот, мешали двигаться, мешали смотреть, но Олиф продолжала свой путь. Куда она шла? Никуда. Просто переставляла ноги вперед, чтобы только идти.

Пустыня искоренила в ней волю к жизни. Теперь все, что ей оставалось делать — это идти в никуда.

Олиф потеряла плечо. После встречи с Песчаниками оно неприятно ныло, шевелить им было больно. Вдруг девушка поперхнулась, закашлялась. Попыталась выплюнуть несколько песчинок, попавших в рот, и поняла, что безумно хочет пить. Сухость в горле была невыносимой.

Олиф инстинктивно начала размышлять, где можно раздобыть воды, но вдруг осознала, что все это бессмысленно.

И в этот момент ей по-настоящему захотелось умереть.

В жизни смысла больше нет.
Пусть ее тоже схватят Песчаники.
Дожить бы только до вечера.

* * *

«Пить, пить, пить...»

Олиф обвела взглядом бескрайние пески. Они простилались далеко-далеко, уходили за край земли, блестели на солнце. В таких условиях вода не водится.

«Пи-ить... пить...»

Или все-таки... Олиф заметила что-то круглое, синеватого оттенка. Неужели вода? О Берегини, не может быть! Девушка, не обращая внимания на головокружение, кинулась в сторону возможного маленького озера. Да хоть лужицы — не важно, лишь бы сделать глоток воды. Ноги подкашивались, но Олиф упорно бежала вперед.

Посреди пустыни серьезно было небольшое озеро. Синее-синее, прямо такое же, как его описывали дружинники, которым посчастливилось побывать в заморских землях. Олиф улыбнулась, представляя вкус живительной влаги.

«Вода...»

Почти добежала...

Девушка остановилась рядом с берегом, глубоко вздохнула и, растопырив руки, плюхнулась в воду прямо в одежде.

На губах почувствовался вкус песка. Что за... синее озеро сменилось привычным желтым песком. Никакой воды — даже намек на нее здесь не было.

— Да-а... до чего только пустыня не доводит людей, — насмешливо протянул незнакомый голос.

Олиф медленно повернула голову и увидела по пояс погрязшего в песке человека. От одного мужского голоса ее передернуло. События минувшей ночи не могли не оставить свой след. Девушке захотелось вскочить на ноги, закричать от обиды и беспомощности, и бежать как можно дальше отсюда. Но она приказала себе унять колотившую ее дрожь. Еще один Изгнанник. Такая же тварь, как и прошлые? Да, в пустыне не может быть иначе.

Не до конца придя в себя, Олиф осторожно села.

— Но здесь же озеро было...

— Это мираж, — как ни в чем не бывало, отозвался мужчина.

Девушка аккуратно провела рукой по рту, стирая остатки песка.

— У меня в сумке есть баклажка с водой, — продолжил незнакомец, намекая, что Олиф может ею воспользоваться.

Пески чмавкнули и мужчина еще больше ушел под землю. Удивительно, но на его лице не было ни страха, ни обреченности. Наоборот, весь его вид выражал такое спокойствие и надменность, словно это он специально приказал пескам засасывать себя.

Олиф опасливо поползла к упомянутой сумке, лежавшей локтях в тридцати от ее хозяина. Странно. Зачем ему это? От безысходности? Или ей придется потом поплатиться за свою наглость? Но пить хотелось больше. Девушка осторожно приоткрыла верхнюю часть сумки и вытащила баклажку, в которой действительно была вода. Надо же, не обманул. Олиф посмотрела на мужчину — пески практически доходили ему до груди.

Девушка приложила к деревянному горлышку и глотнула спасительной жидкости. Особо не помогло, но хотя бы в горле больше не было этой удушающей сухости.

Незнакомец даже головы не повернул.

— Эй, может тебе помочь? — решила спросить Олиф.

— Нет, — коротко ответил тот.

— Ты что, умереть хочешь? — не поняла девушка.

— Нет.

— Тогда почему отказываешься от помощи?

Мужчина не ответил. Отлично, еще один Хэнк.

— Такой шанс Судьба не дает дважды, — насупилась девушка. Она сама не понимала, зачем это говорит. Спасать его у нее не было никакого желания.

— Слушай, болтушка, — не выдержал он, — шла бы отсюда.

— Прогоняешь надежду на спасение? — больше удивилась, чем возмутилась Олиф. — Ну ладно, как хочешь.

Она развернулась и пошла вперед.

Не сказать, что она очень расстроилась от его отказа. Скорее, девушка не могла понять, как можно так просто смириться с тем, что тебя засосет в пески? Ведь у него действительно есть надежда на спасение. Да, смерти ищут все Изгнанники. Но когда появляется шанс спастись, почему бы не воспользоваться им? Будь Олиф на месте этого Изгнанника, точно бы не отказалась. Хотя... уж ей-то точно спасение не потребовалось бы. Ради чего? Чтобы снова умирать под солнечными лучами? Ради очередной томительной жажды? Наверное, она бы с радостью поменялась бы местами с этим Изгнанником, тем более, что сегодня девушка уже угробила своего друга. Теперь и ее черед.

Неожиданно Олиф остановилась. Сердце кольнуло неприятное чувство. Совесть... как же ты не вовремя.

Олиф не смогла спасти Хэнка, но зато может спасти этого человека. Вот только... что, если он такой же, как те извращенцы? Что, если за свою доброту ей придется заплатить слишком большую цену? Да, от вида мужского тела ее передергивало. А ведь этот мужчина мог оказаться еще хуже... Но тут Олиф сообразила, что, это будет даже к лучшему. Если он решит сделать что-то плохое, она не станет сопротивляться. Такая смерть намного лучше той, что она уже нарисовала себе в уме.

Олиф мысленно чертыхнулась. Остановилась и принялась стягивать рубаху с головы, затем развернулась и пошла к незнакомцу, внимательно следя за каждым своим шагом. Не погрязнуть бы в зыбучих песках, как он.

— Хватайся. — Олиф кинула мужчине один конец рубахи. Тот стукнул его по плечу и плавно поехал вниз. — Эй, хватайся!

— О Берегини, отстань от меня, — мученически закатил глаза незнакомец.

— Я пытаюсь тебе помочь! — недоумевала девушка.

— Мне не нужна твоя помощь.

— Просто схватись за конец рубахи, и все.

Мужчина повернул голову и посмотрел на нее таким испепеляющим взглядом, словно мысленно уже четвертовал девчонку.

— Тебе сложно взять конец рубахи? — разозлилась Олиф.

— Нет.

— Тогда возьми.

— Нет.

— Но почему?

— Потому что.

Олиф дернула на себя рубаху, скрутила и снова кинула мужчине. Он, естественно, сделал вид, что ничего не заметил. Девушка еще раз притянула рубаху к себе и так же кинула в него. Теперь она уже больше пыталась разозлить его, чтобы он схватился за рукав только ради того, чтобы придушить девушку на твердой земле. Так хоть одному человеку она сумеет помочь.

— Отстань от меня, — прошипел незнакомец.

— Нет. Пока не схватишься за рукав.

— Еще раз кинешь в меня этой вшивой материей, и окажешься на моем месте! — гаркнул мужчина.

— Для этого тебе придется вылезти, — ответила Олиф.

Незнакомец стиснул челюсти, и всем своим видом показывая, что делает девушке величайшее одолжение в мире, начал понемногу заваливаться назад. Олиф недоуменно сдвинула брови. Мужчина медленно помогал себе руками, пытаясь осторожно подтянуться. Как только ему это удалось, он лег на спину и медленно, очень аккуратно, принялся вытаскивать сперва одну ногу, затем вторую. Весь этот процесс длился мучительно долго. Стоило ему полностью вытащить свое тело из зыбучих песков, он перевернулся на живот и пополз к твердой земле.

Олиф поднялась на ноги и с интересом наблюдала за манипуляциями незнакомца. Его действия были четкими и слаженными, словно он так делает уже не в первый раз.

Мужчина выкарабкался на твердую поверхность, поднялся на ноги, отряхнул коричневые выцветшие штаны и посмотрела на Олиф. У нее сердце в груди екнуло. Что теперь? Убьет?

Вопреки ожиданиям девушки, он вполне спокойно спросил:

— Сколько ты здесь?

— Я... я не знаю, — настороженно ответила Олиф. — Может, месяц.

Незнакомец скептически изогнул бровь, резко приблизился к ней и схватил за подбородок, приподнимая голову. Пристально заглянул в глаза.

— Вроде не сумасшедшая, — протянул он и отпустил ошарашенную девушку.

Олиф испуганно вылупилась на него, начиная жалеть о своем поступке. Почему-то она вдруг поняла, что смерть от его рук может стать еще более извращенной, чем от рук Песчаников.

Однако предположение о его жестокой натуре как-то не вязалось со следующими действиями незнакомца. Он просто закрыл свою сумку, развернулся и пошел в противоположном направлении. Как будто это не он недавно валялся в зыбучих песках. Олиф поджала губы. Наблюдая за этим чудом, можно было подумать, что сегодня обычный солнечный день... птички поют, травка зеленеет. И как только можно сохранять на лице такое полное безразличие? Он же чуть не умер.

Незнакомец был похож на тех мужиков, которых девушка недавно встретила в пустыне, только у него фигура была другая. Щеки впалые, тело осунувшееся — видно, что сильно похудел. Вокруг глаз вообще все черное, даже веки, как будто их чем-то покрасили. А вот голова обвязана красной повязкой, и что-то подсказывало Олиф, что эта вещь была сделана специально для пустыни.

— Ты куда? — наконец, решилась крикнуть девушка.

Овета она, конечно же, не получила.

Олиф снова повязала на голове рубаху, сжала рукой больное плечо и медленно пошла за ним, придерживаясь довольно большого расстояния. Она уставилась себе под ноги, стиснув зубы от боли. Большие сапоги рассекали песок своими длинными носами, и к тому же так и норовили слететь. Жаль, что Хэнк не вернул ей ее повязки из платья — на босую ногу она уже успела натереть мозоли.

Внезапно Олиф врезалась во что-то твердое, испуганно подняла голову и увидела спину недавнего знакомого.

— Ты чего? — удивилась девушка.

— Не смей преследовать меня, — не поворачивая головы, раздраженно ответил он.

— Я и не преследую...

— Вот и иди в другом направлении.

Олиф стиснула кулаки.

— Куда хочу, туда и иду.

Мужчина медленно повернулся, и, пожирая девушку взглядом, полным ненависти, схватил за плечи. Она болезненно вскрикнула.

— Я не ясно выразился? Твои мозги засыпало песком? Еще раз повторяю: не смей идти за мной следом, поняла? — отчеканил он.

— А-ай, — застонала девушка. На глазах выступили слезы. — Отпусти...

На удивление незнакомец тут же отстранился. Развернулся и пошел в том направлении, куда шел до этого. Олиф грохнулась на коленки и принялась растирать плечо. Случайно подняла взгляд. На поясе у мужчины болтался меч в ножнах. Девушка порывисто вздохнула, чуть-чуть приподняла рукав платья, только чтобы убедиться — нож на месте.

Она посмотрела вдаль и обреченно прикрыла глаза. Лучше бы она сошла с ума. Прямо здесь, прямо сейчас.

У нее просто больше нет сил.

Такая огромная пустыня... и она, Олиф, — очередная букашка... Когда умирает паук, этого никто не замечает, когда убивают муху, никто не устраивает пышных похорон, когда одним хлопком моль превращают в кашу, никто не оплакивает ее годами. Когда умрет Олиф — этого никто не заметит.

Девушка порывисто поднялась и пошла вслед за незнакомцем. Или он ее убьет, или она сама нарвется.

Когда мужчина слышал приближающиеся шаги, то замедлил ход и раздраженно развернулся.

— Тебя, похоже, еще при рождении уронили, — оскалился он.

Олиф взглянула на его меч. Вот бы он на нее так разозлился, что... один удар, раз — и все. В сердце — чтобы не мучилась...

— Даже не думай, — отрезал мужчина, проследив за взглядом девушки.

— Тогда я буду ходить за тобой до тех пор, пока не умру, — тихо ответила Олиф, намекая, что он может сделать это прямо сейчас.

Тот долго сверлил ее взглядом, а затем повернулся и пошел дальше. Девушка пристроилась рядом и старалась не отставать. Мужчина усиленно делал вид, что ее здесь нет, но Олиф не особо расстраивалась. Она вдруг поняла, что чувствует себя даже спокойнее. Теперь она не просто знает, но и наглядно видит, что не одна здесь. Рядом был человек.

Живой человек. Пусть он делает с ней, что захочет. Даже то, что собирались сделать те сальные мужики. Это нормально, тем более в пустыне. И после такого Олиф точно умрет. Это будет приятным исходом для всех.

Прошли они не мало, и за все это время никто из них не произнес ни слова. Олиф тяжело дышала. Ей снова захотелось пить, солнце, казалось, вытягивает из нее все силы. К тому же дико болело плечо — не то, что не пошевелить, даже руку не поднять. И щеку, на которую пришлось несколько пощечин, сильно саднило. Но Олиф терпела. Если повезет, скоро все закончится.

Сколько времени прошло, девушка не знала, но молчать уже было невыносимо.

— Как тебя зовут? — приглушенно спросила она.

— Никак, — ответил мужчина.

— Человека не могут никак не звать. У него должно быть имя.

— У меня нет имени, — отрезал он.

— Оно у всех есть, — немного обиженно возразила девушка.

— Как видишь — нет.

Мужчина повернул голову и оценивающим взглядом обвел фигуру Олиф. Девушке резко захотелось провалиться сквозь землю, но она сделала вид, что ничего не замечает.

Однако его заинтересованность состояла в другом: сапоги на девчонке были дорогие, а вот платье обыкновенное, изношенное. Одну из этих вещей она украла. Обувь ей явно не по размеру, значит, вывод очевиден: девчонка по происхождению плебейка. Фигурка абсолютно обычная, что неудивительно. Впрочем, ей это наоборот только на руку. Синяк на щеке. С таким он уже не раз сталкивался: либо изнасиловали, либо пытались. Плечо она, похоже, вывихнула, стерла мозоли на ногах, и если не попьет, получит еще и тепловой удар — это в лучшем случае, в худшем — обезвоживание.

Олиф почувствовала, как под напористым взглядом незнакомца ее щеки начинают заливаться краской. Хорошо, что все можно списать на жару. Неожиданно он свернул куда-то в сторону. Олиф удивленно остановилась, но потом решила пойти за ним следом. Мужчина присел на корточки возле небольшого песчаного углубления, провел рукой по песку.

Олиф посмотрела вокруг и поняла, что этот овражек тянется далеко-далеко, где-то становится шире, где-то уже. Он был похож на... реку. Только без воды.

В это время незнакомец принялся выкапывать яму, на месте, где, как показалось Олиф, у этой «реки» должно быть русло. Весь процесс занял довольно долгое время, девушка справедливо рассудила, что лучше не лезть под руку.

Когда незнакомец выкопал яму глубиной на целую руку, то попросил подать ему сумку и выудил оттуда длинную палку, с пустой сердцевинкой. Олиф удивленно наблюдала за его действиями. Он вставил ее в углубление и подошел к девушке.

— Дай посмотрю.

Она даже опомниться не успела, как он схватил ее за больное плечо. Принялся ощупывать. Олиф поморщилась.

— Скольких еще людей ты встретила в пустыне?

— Живых? — удивленно уточнила девушка. Надо же, первым заговорил. Это странно. Что-то задумал?

— Да.

Олиф начала вспоминать, но тут снова озадачилась.

— А тех, кого потом убили, считать?

Мужчина раздраженно втянул воздух.

— Да, считай.

Девушка считала плохо, поэтому пауза затянулась надолго, но незнакомец терпеливо ждал ответа.

— Шесть, — наконец выдала она.

— Сколько среди них друзей? — продолжал допытываться он.

— Зачем тебе?

— Сколько среди них было друзей?

— Один, — настороженно ответила Олиф.

— Как его звали? — продолжил он допрос.

— Хэнк, — все больше не понимая, что происходит, ответила девушка.

— Сколько времени вы были вместе?

— Где-то месяц... почему ты спра...

— Вы жили на оазисе?

— Да мы...

— Что вы там делали?

— Что? — совсем растерялась Олиф. — Ну, мы... устанавливали ловушки, смотрели на звезды, ели какую-то гадость. Больше вроде ничего. На оазисе сложно най... А-а-а!!!

Плечо хрустнуло, и в следующую секунду его пронзила такая острая боль, что в глазах у Олиф потемнело. Не стесняясь жуткого крика, она схватилась за больное место и грохнулась на колени. На мгновение ей показалось, что ее сейчас разорвет на части от этой боли, но шли минуты, и ощущение, что тебя режут по маленьким кусочкам, стало постепенно притупляться. Олиф продолжала сидеть на коленях и немного погодя, отдышавшись, спросила:

— Что... что ты сделал?

— Вправил тебе плечо.

— Из-за тебя еще больнее стало, — сквозь зубы выдавила девушка.

— Скажи спасибо лучше.

Мужчина больше не задавал вопросов, вместо этого опустил на колени перед недавно вырытым углублением и прикоснулся губами к палке. Он сумасшедший, точно сумасшедший. Еще больше, чем Хэнк. Зачем она только увязалась за ним?!

Незнакомец оторвался от своего фееричного занятия и взглянул на Олиф.

— Иди сюда.

Девушка замотала головой.

— Сюда иди, — жестко повторил он.

Олиф решила, что лучше все же подойти, а то мало ли, что он может сделать, если разозлится. Она медленно поднялась и опасно приблизилась.

— Пей.

— Что пить? — не поняла девушка.

— Воду.

Мужчина кивком указал на торчащую из ямы палку. Олиф осторожно присела на колени, и решила повторить то же, что он вытворял минуту назад. Прикоснувшись губами к жесткой палке, сделала вид, что попила, поднялась на ноги и слабо улыбнулась.

— Воду надо всасывать, — скептически сказал незнакомец.

Улыбка медленно сползла с лица девушки. Пришлось снова опускаться на колени и втягивать в себя воздух, вперемишку с песком. Олиф гадко отплевывалась, но мужчина не позволял ей остановиться. И вдруг в рот попала холодная вода. Девушка вскрикнула, попробовала еще раз втянуть воздух и почувствовала, как полилась живительная влага. Сказать, что Олиф присосалась к этой палке — не сказать ничего.

Когда она, наконец, поднялась с колен, то поймала на себе насмешливый взгляд новоиспеченного знакомого.

— Откуда там вода? — удивленно спросила она.

— Это русло засохшей реки.

И все. По исчерпывающим ответам этот человек был просто мастер.

Он вытащил палку из ямы, закинул сумку на плечо и снова пошел вперед. В никуда.

Олиф осталась стоять на месте. Идти с ним у нее не было абсолютно никакого желания. Тем более, после случившегося на рассвете. Он такой же? Тогда почему не пристаёт? Он Изгнанник. Он тоже борется за место в теньке. С другой стороны, нужно ли Олиф это место? Она готова уступить. Если начнется спор, она уступит. Даже не так. Она сдастся.

Девушку буквально разрывало от противоречивых чувств. Что это за человек вообще? Верить ему она, конечно, не собиралась. И была бы не против остаться тут, тем более, что ее присутствию явно не рады. Но тогда... одна. Снова одна. Хотя этот человек все равно разговаривать не любит. И не только разговаривать, он, похоже, вообще ничего не любит.

Олиф постояла немного в нерешительности, посмотрела на песок рядом с собой, на свежие следы... Дома она спокойно относилась к одиночеству, но только не здесь. Нет. Останется одна — и тогда она пропадет еще до того, как умрет. Не телом. Сознанием.

Олиф шепотом чертыхнулась и побежала догонять мужчину.

— Может, все-таки скажешь, как тебя зовут?

— Нет, — в десятый раз повторил незнакомец.

Этот человек был очень, очень странным. Он почти ничего не говорил, и после щebetания Хэнка, Олиф казалось, что она попала в какую-то пустую залу. Это было ужасно, давило на уши с такой силой, что хотелось закричать. И девушка решила все же как-то разбавить эту тишину.

— И как мне к тебе обращаться? — не унималась Олиф.

— Не обращайся.

— У тебя должно быть имя! — мученически воскликнула она.

— Должно.

— Какое?

— Никакое.

Олиф глубоко вздохнула и принялась считать про себя до пяти. Так как получалось у нее это плохо, пауза затянулась. Только мужчина обрадовался, что эта плебейка, наконец-то, утомилась, как она снова спросила:

— Ты можешь сказать, как тебя зовут?

— Абдул!! — не выдержал незнакомец. — Довольна?!

— Что обдул?

— Имя — Абдул!

— О-о, — выдавила Олиф и закусила губу.

Она ничего не имела против странных имен, но это было слишком странное. И к тому же смешное. Как ее саму зовут, он не спрашивал, а она не нашла, о чем можно у него поинтересоваться. Так они и шли в молчании еще некоторое время, пока мужчина не остановился и не кинул сумку на землю.

Олиф удивленно наблюдала за тем, как он вытаскивает оттуда несколько тряпок и... палок — в основном щепки, но и толстые ветки среди них тоже были. Как он эту тяжесть вообще с собой таскал?!

— Мы что... на ночлег? — изумилась девушка.

— Я на ночлег, — жестко поправил эту ужасную оговорку Абдул. — Никаких мы.

— Так ведь солнце еще...

Олиф для достоверности взглянула на небо, и тут же об этом пожалела — глаза ослепило.

— Сейчас сядет.

Девушка терла слезящиеся глаза. Чуть приоткрыла — перед ними играли радужные блики. Чертово солнце. В тот момент, когда ей все-таки удалось нормализовать зрение, Абдул вытащил из сумки странное прозрачное приспособление круглой формы. Олиф заметила, что он уже успел сложить из веток костер, осталось только зажечь. Мужчина поставил плоский шарик к солнцу, покрутил туда-сюда, поменял угол зрения и... через некоторое время на листьях, торчащих из веток, образовался дым, а затем они и вовсе загорелись.

У Олиф в прямом смысле отвалилась челюсть.

— Как... как ты это сделал?

— Довольно просто, — усмехнулся Абдул.

— Это что, волшебство? — восхищенно спросила Олиф.

— Ага. Волшебство.

— Правда?! — изумилась девушка.

— Нет.

Девушка обижено прищурилась.

— Может, хватит издеваться?

— Может, — согласился мужчина.

Он поправил тряпки, раскиданные по песку, уселся на них и принялся стягивать свои сапоги. Такие же, как у Олиф — кожаные и дорогие. Вернее, они были дорогими там, за пределами пустыни.

— Что ты делаешь?

— Снимаю обувь.

Олиф украдкой закатила глаза. Мужчина отставил сапоги в сторону, согнул ноги в коленях, расставив их в сторону, и уперся в них локтями. Олиф в нерешительности топталась рядом, затем все же решила последовать его примеру. Присела рядом, и стянула сапоги. Все ступни у нее были красные, а икры здорово обгорели на солнце. Девушка украдкой взглянула на мужчину, но если он и обратил внимание на ее страшные ноги, то виду не подал. Она прижала коленки к подбородку и постаралась натянуть старое платье до пят.

— Что дальше?

— Увидишь.

Олиф тяжело вздохнула. Оказывается, выжить можно и за пределами оазиса. Вот Абдул выжил. Кожа на руках у него была темная-темная... Девушка могла поклясться чем угодно, что он тут гораздо больше месяца. Жаль, его лица рассмотреть практически невозможно. Вокруг глаз какие-то черные круги, как будто он углем на них нарисовал, а само лицо все пыльное, в песке, на голове повязка, из-под нее выглядывает лишь несколько темных прядей. Хотя вряд ли сама Олиф сейчас выглядит лучше.

Солнце медленно опускалось за край земли, забирая с собой удушающую жару. Песок начал постепенно остывать, температура падала буквально на глазах. Ну вот, снова приближается морозная ночь. Днем стараешься не умереть от жары, а ночью — от холода.

Абдул ничего не говорил, только изредка подкидывал в костер щепок. Олиф не вставала, только меняла позу, когда чувствовала, что ноги затекают.

— Почему ты помогаешь мне? — вдруг тихо спросила она.

Сидеть и молчать было слишком тяжело. Тишина давила своим молчанием, своей неизбежностью.

— Я не помогаю.

— Ты напоил меня водой, а мог бы убить! — возразила девушка.

— Сказал же: я не занимаюсь благотворительностью.

— Тебя совесть гложет? — не поворачивая головы, спросила Олиф.

Его тоже судили Кровавым законом. Он тоже кого-то убил.

— Нет.

— Гложет, — возразила девушка, рассматривая свои ногти. — Иначе давно бы оставил меня умирать.

— Ищешь смерти? — поднял бровь мужчина.

— Нет, — покачала головой девушка.

От своего признания, ей самой стало как-то не по себе, но ее собеседник больше ничего не сказал. И снова повисла уже привычная для обоих тишина.

— Кого ты убила? — Абдул внимательно посмотрел на нее.

Олиф продолжала рассматривать свои ногти, и лишь спустя несколько мгновений ответила:

— Это был... Перводружинник.

Мужчина удивленно присвистнул. Такие случаи были распространенным явлением, особенно если учесть поведение этих воинов, но то, что эта плебейка смогла поднять руку на такого человека — этого он не ожидал.

— Я не виновата, — добавила девушка после небольшой паузы.

— Ну естественно.

— Я правда не виновата! — твердо повторила Олиф.

— А кто спорит. В этой пустыне все не виноваты.

Олиф вздрогнула. Эти же слова ей когда-то сказал Хэнк. Неужели... нет. Нет.

— Это произошло случайно, — срывающимся голосом сказала девушка. — У меня не было другого выхода.

— Был, — спокойно отозвался Абдул.

— Какой?

— Не убивать его.

— Это вышло случайно!

— Какая разница? Ты убила человека. — Мужчина кинул очередную щепку в костер.

— Он это заслужил, — тихо выдавила она.

— Конечно, себе оправдание всегда легко найти.

Олиф вдруг поняла, что ее отросшие ногти с силой впиваются в кожу. Она глубоко вздохнула, вспоминая события того рокового дня: лицо перводружинника — такое толстое, сальное, светящееся абсолютным триумфом, его толстую фигуру, и сестру, задыхающуюся под этой грудой скопления жира. Олиф могла не убивать его. Могла. Он бы очнулся, и тогда все было бы еще хуже, чем сейчас.

— Да дело не в том, за что ты его убила, — усмехнулся Абдул, — а в том, что ты это сделала.

— Так даже лучше, — понуро отозвалась Олиф.

— А это уже не тебе решать. — Он кинул еще несколько веток в костер, и вдруг насторожился. — Вот и еда.

Девушка озадаченно сдвинула брови и тут заметила какую-то тень, прямо возле ног новоиспеченного знакомого. Животное было небольшое, напоминающее паука, только тельце слишком толстое, словно надувшееся брюхо.

Ни этот зверек, ни Олиф не заметили, как Абдул достал нож. Девушка так и подскочила, когда острое вонзилось в углубление, между головой и телом несчастного животного. Оно затрепыхалось, обхватило лапками руку Абдула и попыталось ужалить. Мужчина провернул нож прямо в теле зверька и тот постепенно затих.

Не обращая внимания на ошарашенную девушку, Абдул оторвал животному все конечности, включая голову, насадил толстое, слизкое тело на палку и принялся крутить его над костром.

Олиф непроизвольно поморщилась.

— Фаланги очень полезны, в них содержится много питательных веществ, —

направоучительно сказал Абдул. — Хотя на вкус они, как дерьмо.

Несмотря на все очевидные признаки того, что этот зверек — гадость несусветная, девушка все равно почувствовала, как живот предвкушающее заурчал.

Мужчина, наконец, закончил обжаривание фаланги и, аккуратно стянув почерневшее тельце, разломил его на две части. Изнутри что-то полилось, заставив Олиф зажмуриться от отвращения.

— Бери быстрее, сейчас все выльется.

Не открывая глаз, девушка вытянула руку вперед и поморщилась, почувствовав что-то теплое, мягкое и мокрое.

— Суй в рот.

Олиф глубоко вдохнула и быстро закинула в рот расчлененное тело. На языке разлилась гадкая слизь, вызывая в девушке рвотные позывы. Она уже приготовилась выплюнуть эту жуть, как на губы легла большая, грязная ладонь.

— Но-но-но, жуй.

— М-м-м!!! — замычала Олиф, пытаясь вывернуться.

Вторая рука мужчины с силой обхватила ей голову, не давая шанса освободиться. Девушка попыталась вырваться, используя руки, но мужчина оставался неподвижен, словно каменная стена. Больше сдерживать эту гадость во рту она не могла, и, пересилив отвращение, проглотила слизь.

Абдул практически моментально отпустил брыкающуюся девчонку.

— Ты зачем это сделал?! — воскликнула Олиф.

— Просто так.

— Просто так?! Я чуть не умерла!

— Не умерла же.

— Это не смешно!!! — взорвалась девушка.

— А кто смеется? Если бы ты не проглотила фалангу, умерла бы гораздо быстрее, — резонно заметил Абдул.

— Почему? — изумилась Олиф.

— Ты целый день ничего не ела. Может больше. Поутру бы окочурилась от обезвоживания, — снизошел до объяснений мужчина.

Вопреки всему Олиф больше удивилась, чем испугалась.

— От...откуда ты столько знаешь? — недоумевала она.

Он не ответил. Только головой покачал и улегся на тряпки, раскиданные по песку. Олиф многое бы отдала за то, чтобы узнать, сколько он уже здесь. Но, по-видимому, сам Абдул об этом распространяться не собирался. Его клеймо было тщательно обмотано тканью.

Олиф приподнялась и переползла поближе к костру. Все равно ее новоиспеченный знакомый занял почти все место на тряпках.

Чем больше на небе появлялось звезд, тем сильнее девушка замерзала. Костер практически потух, и тепла от него, можно сказать, не было. У Абдула в сумке должны были остаться какие-то ветки.

Олиф повернула голову. Наверняка мужчина уже видит седьмой сон.

Девушка осторожно села на четвереньки и тихонько поползла к темной, объемной вещице. Как Абдулу удавалось все это таскать по пустыне, она до сих пор не понимала. Осторожно приоткрыла края сумки, запустила руку внутрь. Точно, ветки там еще были.

Олиф осторожно выудила несколько штучек, настороженно посмотрела на безмятежного мужчину, и вернулась к костру.

Пришлось немного потрудиться, чтобы пламя снова разгорелось.

Так она посидела еще некоторое время, пока не поняла, что глаза слипаются. Повернула голову и осмотрела место временной ночевки. Да уж, ничего общего с оазисом. Интересно, почему Абдул скитается по пустыне, вместо того, чтобы обосноваться на месте, пригодном для жизни?

Олиф вздохнула. Одной спать холодно. Может, подлечь к нему, а утром списать все на то, что случайно перекатилась? От этой мысли стало страшно. Сможет ли она вообще что-то списать наутро? Хотя уже давно стало понятно, что Абдул не похож на тех извращенцев, что Олиф встретила прошлой ночью. Иначе не вел бы себя так, и уж точно не пытался каждым своим словом показать, насколько презирает ее.

Девушка поежилась. Секунда ушла на размышление, а затем она осторожно пододвинулась к спящему мужчине, немного помедлила, и аккуратно легла рядом, спиной к нему.

— Не прижимайся, мы не в постели, — сурово сказал Абдул.

— Ты не спишь? — вздрогнула девушка.

— Сплю.

Больше он ничего не говорил, и Олиф посчитала это своеобразным разрешением: поворчал для вида, и успокоился, ему наверняка так же холодно. Однако Абдул говорил вполне серьезно. Он выставил руки вперед и сам отодвинул Олиф так, что она прочертила своим телом дорожку на песке.

— Сказал же: не прижимайся.

Олиф обиженно села.

— А если мне холодно?

— Вон костер. Прижмись к нему.

Девушка стиснула челюсти, но все-таки придвинулась поближе к пламени. От него действительно тепла больше, чем от некоторых.

Она немного поворочалась — песок был холодный, лежать на нем было жестко, неудобно — и решила спросить:

— Ты спишь?

Ответа не последовало. Олиф осторожно повернула голову: лицо у мужчины было безмятежное, однако в то, что он уснул, девушка почему-то не верила. Чтобы проверить это, схватила горстку песка и кинула ею в довольно хорошее, упитанное тело.

— Еще раз так сделаешь, кишки будешь по всей пустыне собирать, — тут же прошипел мужчина.

— Сколько ты здесь? — спросила Олиф, сделав вид, что не слышала предыдущей реплики.

Абдул не ответил. Она и не ожидала, что он что-то скажет. Просто спросила еще раз. И еще. И еще.

— Долго! — не выдержал он.

— Долго — это сколько? — усмехнулась девушка, принимаясь водить пальцем по песку.

— Долго — это долго! Спи!

— Мог бы хоть спросить, как меня зовут, — совершенно неожиданно сказала Олиф и

чуть не вскрикнула от своей же глупости. О Берегини, зачем она это сказала?!

— Мне это не интересно.

— Почему? — удивилась девушка, мигом забыв, что еще недавно вообще не хотела об этом говорить.

— Потому что.

Олиф вдруг пришло в голову, что он с ней не знакомится вовсе не потому, что это не в его интересах, а потому...

— Ты думаешь, я до завтра не доживу?

— Если отрезать язык, может и доживешь, — желчно ответил мужчина.

— Тогда спроси, как меня зовут.

Абдул открыл глаза и удивленно уставился на девушку.

— Тебя что, уже кто-то бревном по голове огрел?

Олиф обиженно засопела.

— Нет.

— Значит, ложись и спи.

— Ты вообще ничего о себе не рассказываешь! — вспылила девушка.

— Меньше знаешь — крепче спишь.

— Но...

— Слушай сюда, плебейка, — ядовито прошипел Абдул. — Еще одно слово — и я отправлю тебя в Преисподнюю, прямо в лапы к Песчаникам!

— Ты о них знаешь? — вырвалось у Олиф. Мужчина посмотрел на нее таким взглядом, что она тут же добавила: — Ладно, я молчу.

Правда, долго сохранять молчание у нее не получилось. Олиф просто невыносимо мучил один вопрос. Выдержав небольшую паузу, она все-таки решилась:

— Слушай, Абдул, — (при этом обращении он почему-то поперхнулся) — а почему ты не живешь на оазисе?

Мужчина долго не отвечал. Олиф уже было решила, что он, как обычно, отнекивается, но тот ее удивил.

— Меня зовут Лекс.

— Что? — опешила девушка.

— Не Абдул, а Лекс, — повторил он.

— Ты что, меня обманул?! — глупо спросила Олиф.

— Ага.

Девушка обиженно насупилась. Ведь знала же, что таких нелепых имен не бывает, и все равно на это повелась.

— Я Олиф, — буркнула девушка.

— Мне все равно.

Кто бы сомневался. Как он только сумел здесь выжить? Что не спроси — либо не ответит, либо отгавкнется двумя словами. Словно и правда все равно. Однако меч с пояса не снимает, даже спит с ним. Боится? Возможно. Вообще, он какой-то странный. Как будто ему одному лучше. Только вот почему он ей помогает?

Девушка тяжело вздохнула и попыталась заснуть.

На ее вопрос он так и не ответил, а спросить еще раз Олиф не решилась.

— Плебейка, вставай.

Олиф открыла глаза. Солнце уже поднялось, впрочем, как и температура. Снова было тяжело дышать. Девушка села. Осмотрелась. Лекс копошился возле сумки. Олиф попыталась подняться, но почувствовала, что ноги затекли. Несмотря на жару, ступни были холодными. Девушка решила надеть сапоги, чтобы хоть как-то согреться.

Только она подняла свою обувь, как ей на талию легла грубая ладонь Лекса, а второй рукой он выдернул у нее сапоги. Мужчина осторожно перевернул их вверх дном и из темной глубины выпала змея. Не большая, но Олиф еле удержалась, чтобы не завизжать от неожиданности. Лекс ловко зажал ей рот рукой.

— Тихо. Не рыпайся.

Змея быстро завожилась в песке и спустя несколько мгновений закопалась в нем полностью. Олиф внимательно наблюдала за тянущейся горбатой полоской.

— Ей тоже жарко, — спокойно сказал мужчина и опустил руки.

На всякий случай девушка еще несколько раз потрясла оба сапога, попыталась заглянуть внутрь, но ничего не увидела. Опасливо натянула обувь, попробовала пройтись — вроде никто не укусил. Немного успокоившись, она посмотрела на Лекса и чуть не села от удивления.

— Что ты делаешь?

Мужчина наводил круги вокруг глаз углем, оставшимся после костра. Он не ответил, только еще сильнее намалевал черной краски, и повернулся к ней.

— На, рисуй.

— Зачем? — опешила девушка.

— Так надо.

Он подошел к ней и протянул кусок черного угля.

— Скажи зачем, — настаивала Олиф.

— Не защищая глаза, ты ослепнешь, — раздраженно ответил он.

Девушка опасливо взяла уголь, и наугад начала водить им вокруг глаз.

— Снизу тоже, — сказал Лекс, внимательно наблюдавший за ней.

Олиф вздохнула, но послушалась. Слишком хорошо он знает эту пустыню — иначе бы не выжил. Лучше делать так, как он говорит.

Девушка кинула уголь обратно, и посмотрела на мужчину.

Он, не замечая ее взгляда, развернулся и пошел куда-то вперед, рассекая носками сапог горячий песок.

— Ты куда? — Олиф побрела за ним.

— Никуда.

Ей это уже знакомо. Идти в никуда. Без цели, без надежды. Все как обычно.

Лекс шел уверенно. И это было странно. Олиф не чувствовала в себе ни желания продолжать путь, ни, тем более, уверенности в чем бы то ни было. А он... как будто знает, ради чего идет.

Они здесь, как в тюрьме. Только места тут больше. Вероятно, каждый из них понимал, что это конец. Продержаться здесь больше месяца можно лишь благодаря оазисам. Но теперь Олиф понимала, что и это не спасение. На замкнутой территории, без общения, без

привычных занятий, разум медленно покидает человека. И это еще страшнее.

Вряд ли Лекс в пустыне больше двух месяцев. И уж точно он не мог все это время по ней скитаться. Наверняка он некоторое время был на оазисе, иначе бы не выжил. Вот только, что заставило его оттуда уйти?

Олиф потуже затянула узел из рукавов рубашки на голове. Звучит странно, но после того, как она раскрасила глаза углем, солнце действительно стало менее ярким. А небо более голубым.

— Зачем ты куда-то идешь? — спросила Олиф.

Лекс не ответил. Девушка пристроилась рядом и повторила вопрос.

— Иду и все, ясно? Если что-то не нравится — катись к чертям.

— Но зачем идти? Не проще...

— Нет, — оборвал мужчину.

— Понятно, — кивнула Олиф. — Ты просто боишься остаться на одном месте.

Лекс насмешливо хмыкнул.

— Нет.

— Тогда почему бродишь по пустыне, как лошадь по загону?

— Так надо.

Олиф раздраженно стиснула кулаки. С Хэнком и то было проще. Тот боялся только Песчаников.

— Песчаники, — охнула девушка. — Вот, кого ты боишься.

Лекс удивленно приподнял брови и с интересом уставился на девчонку.

— Уже виделась с ними?

Олиф опустила взгляд, наблюдая за носками своих сапог, то и дело выглядывающих из-под оборванного платья.

— Они забрали моего друга.

Лекс кивнул, поджав губы, но ничего не сказал.

— Раз ты знаешь о Песчаниках, то почему скитаешься по пустыне? — резонно спросила девушка.

— На оазисах ты рискуешь так же, как здесь.

— Но ведь, — возразила Олиф, — там больше шансов выжить.

— Нет.

— Почему нет?

Но Лекс снова решил поиграть в молчанки. Ему бы стоило радоваться от того, что он не один. Что есть с кем поговорить, кому сказать «спокойной ночи» или «с добрым утром». Но он был явно этому не рад. И уж точно никому и ничего говорить не собирался.

Они наткнулись на оазис. Он появился буквально из ниоткуда, а уж как получилось, что он оказался так близко, Олиф до сих пор не могла понять. Однако Лекс, похоже, решил обойти его стороной.

— Ты что? — опешила девушка.

Мужчина промолчал, не сбавив темпа. Они быстро огибали ребристый берег, на краю которого заманчиво покачивалась зеленая травка. Этот оазис тоже напоминал одинокий остров, густо засеянный деревьями. Казалось, что просвета среди них нет. Но Олиф знала, что это не так.

— Мы не можем так просто уйти! — воскликнула девушка, когда поняла — Лекс не остановится.

— Можем. И чем скорее, тем лучше.

— Я умираю от жажды, а там наверняка есть вода! — Она попробовала надавить на жалость.

Лекс, наконец-то, остановился, открыл сумку и принялся в ней шарить. Вытащил баклажку, резко протянул растерянной девушке. Олиф медленно ее приняла, затем приложила к губам и обиженно заметила:

— Вода кончилась.

Мужчина выдернул баклажку у нее из рук, потряс вверх дном и смачно выругался.

— Хорошо, зайдем на оазис. Только быстро. Отстанешь — сам прикопаю, поняла?

Олиф энергично закивала, не до конца поняв, к чему было последнее замечание. Она быстро зашагала за мужчиной, всеми силами стараясь не отставать. Обливаясь потом, девушка все-таки пыталась не показывать, насколько ей хочется разодрать свое платье в клочья. Они ступили на твердую землю, и на Олиф, казалось, обрушился ледяной дождь. Ноги подкосились, и, не удержавшись, девушка рухнула на колени. Лекс, похоже, тоже с трудом привыкал к резкой смене температуры.

Девушка почувствовала, как ее начало знобить. Руки покрылись мурашками, и непроизвольно задрожали.

— Вставай. — Мужчина грубо схватил ее под локоть и поднял на ноги.

Пока он тащил ее за собой, Олиф честно пыталась привыкнуть к твердой почве под ногами. Как только Лекс понял, что девчонка может обойтись без посторонней помощи, тут же ее отпустил. Немного покачиваясь, пошел по уже натопанной тропинке. Олиф брела следом, понимая, что мужчина тоже не может привыкнуть к тому, что под ногами ничего не шуршит.

Постепенно озноб отступал. Привыкнув к такой температуре, девушка зашагала энергичнее, и теперь уже старалась не наступать Лексу на пятки. Наконец, они вышли к небольшой безлюдной полянке. Посередине стоял огромный камень, вокруг него были разбросаны чьи-то тряпки. Олиф несказанно обрадовалась: наконец-то им попались люди. Слава Берегиням, теперь они здесь не одни. Она искренне надеялась, что они умеют и любят разговаривать.

Девушка посмотрела на Лекса. Он несколько раз обошел поляну, потрогал чужие вещи и принялся что-то настороженно высматривать среди деревьев. Наконец, сказал:

— Там водоем.

Олиф удивленно подняла брови.

— Это значит, что можно набрать воды и... вымыться?

— По очереди. Сиди здесь. Если кто-то придет, постарайся его заговорить. Это ты умеешь.

— Зачем? — удивилась Олиф.

— Восполнишь недостаток общения.

Девушка смущенно кашлянула.

— И постарайся говорить, как можно громче, — добавил Лекс и скрылся среди листвы.

Олиф уселась на одну из тряпок. Стянула с головы ненавистную рубаху, провела рукой по потной шее. Здесь так хорошо, ни жарко, ни холодно, еда есть всегда, вода тоже. Как можно избегать этого места? Предвкушая скорую водную процедуру, Олиф почесала красные, обгоревшие ноги. Посмотрела на отросшие ногти, темную кожу, провела костяшками пальцев по сухим губам. Она и раньше не уделяла внимания своей внешности, но теперь — это слишком... ужасно. Еще и щека болит. Олиф злобно принялась вычищать песок из-под отросших ногтей. Случайно дотронулась до живота. Чуть ниже пупка ощущалась странная тягучесть, не предвещающая ничего хорошего. Додумать Олиф не успела — вернулся Лекс.

Или не Лекс.

Нет, Лекс. Но другой.

Абсолютно другой.

Чистый, ни единого намека на пыль, под глазами больше не было никаких кругов, темная кожа приняла бронзовый оттенок. Он сбрил щетину. Мокрыми прядями волосы спадали на лоб. И они были не черные, как когда-то казалось Олиф — коричневые, почти такого же цвета, как и его кожа. Но больше всего ее поразило его лицо. Это был не Хэнк. Далеко не Хэнк.

Она вдруг поняла, что даже в селе Чернь не видела никого, хоть отдаленно его напоминающего. А у них были красивые мужчины. Так раньше ей казалось. Но он... как он умудрился нарваться на Кровавый закон?

— Ты идешь, или нет? — раздраженно спросил Лекс.

Олиф пыталась заставить себя оторвать взгляд от его лица, но... не могла. У некоторых бывает действительно красивый профиль, но и в нем есть недостатки: нос чуть более длинный, чем хотелось бы, щеки немного впалые, подбородок слишком выпуклый. Лекс относился как раз к этим людям. Но все-таки, каждая шероховатость оттенялась достоинством. Нос, пожалуй, немного тонкий, однако впалость щек мгновенно это компенсировала, глаза большие, но с таким лбом они выглядели так, словно были предназначены специально для него. Губы не тонкие, но и не полные — обычные. Волосы острижены не аккуратно, словно раз! — рубанул и забыл. Но это действительно выглядело красиво.

— Ты что, уснула? — Лекс выказывал явное нетерпение.

Олиф несколько раз моргнула, поднялась на ноги и стыдливо спрятала свои грязные руки за спину. Вот же... «повезло» наткнуться именно на него! Лучше б он вообще не мылся, ходил бы грязным, чумазым и страшным, чтобы не убивать в ней последнюю надежду на возвращение слова «самооценка».

— Туда, д-да? — запинаясь, спросила девушка.

— Да.

Мужчина зачем-то наклонился, и Олиф по достоинству оценила его спину. А она-то думала, что он в пустыне похудел. Лекс поднял с земли темную тряпку и протянул девушке. Олиф, даже не осознавая, что он ей дает, схватила вещь в кулак, и тут же случайно уронила. Поспешно наклонилась, взяла тряпку, чувствуя, как щеки понемногу начинают заливаться краской. Слабо попыталась изобразить улыбку.

У Лекса насмешливо дернулся уголок рта. Он догадывался, в чем причина неожиданной расторопности девчонки.

Олиф смущенно потупилась, и попыталась обойти его, но споткнулась о торчащий из земли корень дерева, и чуть не ударилась лбом о толстый ствол.

— Осторожнее, — прокомментировал Лекс, отчего ей стало только хуже.

Девушка быстро дошла до небольшого озерца, злобно стянула платье, кинула его на берег и вошла в прохладный водоем. Набрала воды в ладонки, немного попила, потом принялась брызгать ею на лицо в надежде остудить горячие щеки. Немного постояв, она вдруг осознала, что не расплела свои волосы. Олиф тяжело вздохнула. Не помогло. Она набрала в легкие побольше воздуха, призывая себя успокоиться. Медленно начала расплетать свою прическу, попутно стараясь пальцами избавиться от колтунов.

Опустила взгляд на воду и... увидела, как вокруг нее медленно расползаются красные пятна.

Нет. Только не это. Только не сейчас.

Олиф запустила руку под воду, провела ею между ног, вернула на поверхность — вся в крови. Черт. Этого не может быть. Не может. Девушка закрыла глаза, пытаясь побороть подкатывающие приступы паники. Почему сейчас? Почему именно тогда, когда она находится в пустыне?! Ну и что ей теперь делать?! Кровь будет течь как минимум еще четыре дня. Она не может ходить с окровавленными ногами, и смотреть, как за ней тянется красная дорожка!

Олиф поспешно вышла из воды, натянула грязное платье и пошла в сторону полянки. В конце концов, когда вернуться настоящие хозяева, они вполне могут одолжить ей одну из тряпок.

Но она ошибалась.

Еще не дойдя до нужного места, Олиф услышала странные приглушенные звуки. Девушка озадаченно сдвинула брови и прибавила шаг. В этот момент послышался злобный человеческий рык. Лекс явно был не один. Олиф перешла на бег, преодолела оставшееся расстояние, вылетела на поляну... и застыла в оцепенении.

Она и раньше видела, как дерутся мужчины. Но такое видела впервые. На Лекса нападали трое огромных мужиков. Он отбивался, как мог. Вернее, делал это с поразительной грацией и точностью. Олиф еще ни разу не видела, что бы били с такой легкостью, словно мужчина точно знал, куда бить, и как использовать выигранные секунды. У одного из нападавших блеснул нож. Девушка не могла ни пошевелиться, ни закричать, чтобы предупредить Лекса. Однако ему помощь и не требовалась. Момент, когда он перехватил острый предмет, Олиф проворонила, но ей почему-то казалось, что разбойник успел пырнуть им Лекса.

— Ты гля-а-ань!! — крикнул один из мужиков. — Да он с подружкой!!

— Сперва с этим уродом разберемся, — сплюнул другой мужик, и вытер рукавом кровь с губы.

Неожиданно третий разбойник, не принимавший участия в их разговоре, повалился на

землю. Сквозь плену, застелившую глаза, Олиф различила бурую кровь, которая нескончаемым потоком выливалась из глубокой раны на шее.

— Ах ты скотина!!! — заорал кто-то из них.

Кажется, кинулся на Лекса. Что было дальше, Олиф не поняла. Она бессильно съехала вниз по стволу. Кровь. Как же она ненавидит вид этой мерзкой алой жидкости. И это тошнотворное чувство, которое ею овладевает всякий раз, стоит ей посмотреть на эти багровые сгустки.

К ней приближалась тень. Олиф сразу поняла, что это не Лекс. Быстро вскочила на ноги, пытаясь нормализовать зрение. Очертания фигуры становились все отчетливее. Разбойник приближался довольно быстро. Девушка попыталась сделать шаг назад, но не смогла. Дерево.

Неожиданно прямо позади него появился Лекс, перехватил рукой горло, и прижал огромного мужика к себе спиной.

— Ударь его! — скомандовал он.

— Я? — опешила Олиф.

— Да ты! — пропыхтел мужчина. Разбойник пытался вывернуться, и Лексу стоило не малых усилий удерживать его.

— Я не могу! — воскликнула девушка.

— Можешь! Живо!

— Я не могу!

— Бей!!!

— Куда? — панически заорала она.

— Куда-нибудь! Олиф бей, мать твою!

— Нет!!! Я не могу!!!

Лекс схватил мужика за голову и жестко крутанул ее вправо. Что-то хрустнуло, и разбойник повалился на землю.

— Прости, — тихо выдавила девушка.

И только тут она заметила, что Лекс держится за скулу.

— Ты полная идиотка, — гаркнул он на нее.

— Я не могу бить людей, — севшим голосом ответила Олиф.

— Убивать можешь, а бить нет?

У нее не нашлось, что ответить. Она подняла на него покаянный взгляд. Кажется, со скулой ничего серьезного.

— Болит? — глупо спросила девушка.

— Нет.

— Сильно он тебя...

— Нет.

Лекс развернулся и пошел собирать какие-то вещи по всей поляне. Олиф уставилась в землю. Она не умеет драться, и никогда не сможет ударить человека. Тем более, просто так. Из чьей-то прихоти.

Взгляд девушки сфокусировался на чем-то металлическом. Она нагнулась. Оказалось, что вещица была не металлической, а золотой. И блестящей. Тонкая прямая линия пересекала середину из одного угла, в другой. Еще одна — волнистая — создавала своеобразный четырехлистный цветок. Такие значки выдают только избранным. Их выдают Перводружинникам.

— Лекс, — хрипло позвала Олиф.

Мужчина повернул голову.

— Вот дьявол...

— Да, кто-то из этих мужиков был Перводружинником.

Мужчина снова зачем-то наклонился, быстро подошел к девушке.

— На, держи.

Он протянул ей какую-то рубашку.

— Зачем? — удивилась Олиф.

— У тебя кровь.

Она опустила взгляд. Тонкие красные дорожки стекали вниз по ее ногам. Кровь. Снова кровь. Девушка зажмурилась, прикрыла рот ладоншкой.

— Эй-эй-эй, не падай! — Лекс быстро схватил ее за плечи, не давая повалиться на землю.

— Кровь... я... не могу.

На этот раз она действительно больше не могла.

* * *

У нее было время хорошо подумать.

Олиф понимала, что сознание вернулось к ней, но открывать глаза не собиралась. Ей было приятно вот так, пока она могла мыслить здраво. Пока она не чувствовала боли.

Лекс наверняка был где-то поблизости. Его-то девушка и не могла понять. Он хорошо дерется, и, тем не менее, избегает оазисов. Он очень красивый, но все время отталкивает от себя людей. Он ненавидит ее — Олиф, и все равно помогает ей.

Кто он? Кем он был до того, как попал в пустыню? За что его наказали Кровавым законом? Сколько он здесь? Откуда столько знает о том, как выжить в пустыне?

Олиф не могла ответить на эти вопросы. Но в одном она была уверена.

Лекс дрался очень хорошо, слажено, быстро... профессионально. Словно не один год обучался этому. Она могла бы сразу догадаться. Слишком уж очевидно.

Значок Перводружинника принадлежал не одному из разбойников. Он принадлежал Лексу.

Олиф решила приоткрыть глаза. Над ней покачивались несколько веток, с небольшими зелеными листиками. Солнце не обжигало. Ноги не онемели. Пить не хотелось. Похоже, они все еще на оазисе.

Олиф вспомнила, что у нее начались ужасные женские дни, осторожно прикоснулась к животу и... почувствовала повязку. Девушка резко села, и тут же об этом пожалела — голова закружилась. Олиф закрыла глаза и чуть-чуть сдвинула руку — ткань шла ниже, прямо до внутренней стороны бедер.

Справа от нее послышались шаги.

— Уже очнулась?

— Это ты сделал? — нерешительно спросила Олиф, открывая глаза.

— Что?

— Это. — Она многозначительно ткнула пальцем себе в живот.

— А, это. Да. Не за что, — добавил он, как только девушка открыла рот.

Лекс подошел к ней, присел рядом на корточки и протянул финик. Такой же, как тот, что они ели вместе с Хэнком. Олиф недоверчиво перевела взгляд с фрукта на мужчину.

— Бери. Он вкусный, — поторопил тот.

Она и так это знала. Медленно взяла фрукт и надкусила. Олиф уже и не помнила, когда ела что-то аппетитнее разодранной каракатицы, поэтому, не смущаясь, почти сразу проглотила эту вкуснотень.

Лекс усмехнулся и протянул ей еще один.

Девушка провела рукой по рту, вытирая сладкий фруктовый сок, и уже хотела было отказаться. Но не смогла. Взяла финик и жадно впиалась в него зубами. Она понимала, что это выглядит неприлично, но ничего не могла с собой поделать.

Лекс встал и принялся сгребать все тряпки, валяющиеся вокруг них, в свою сумку. Затем подошел к разбойникам и начал снимать с них одежду.

— Ты чего? — удивилась Олиф.

— Ничего.

— Зачем ты это делаешь? — не отставала девушка.

— Чтобы ты не оставляла за нами кровавых следов.

— Ты хочешь чтобы...

Она запнулась. Ей придется подкладывать одежду с мертвых людей? Ну уж нет, лучше пускай все просто так стекает.

Олиф уже открыла рот, чтобы возразить, но передумала. Эти люди пытались их убить. Почему бы не взять их одежду? Это будет справедливо. Девушка давно уже поняла, что в пустыне нет ни правил, ни законов. Выживает сильнейший. Олиф глубоко вздохнула и мысленно заглушила вопли совести. Никакого сострадания.

Девушка отстраненно наблюдала за тем, как Лекс рывками раздирает одежду по частям и складывает в сумку.

Наконец, она решилась спросить:

— Куда ты дел значок Перводружинника?

Мужчина на секунду оторвался от своего занятия, потом резко дернул ткань и раздраженно ответил:

— Выкинул.

— Зачем ты выкинул свой значок? — подняла бровь девушка.

Лекс не ответил, только яростнее начал раздирать одежду.

— Значит, ты Перводружинник, — заключила Олиф.

— Это что-то меняет? — огрызнулся Лекс.

Она опустила взгляд. Раньше меняло. Раньше это изменило бы все. А теперь... нет. Он такой же, как она. Потому что у него, как и у нее, нет ничего. Там, за Песчаной Завесой, Лекс и не посмотрел бы на нее. А сейчас они вместе понемногу умирают в этой пустыне. И он угощает ее финиками.

— Раньше я ненавидела Перводружинников, — тихо сказала Олиф. — А теперь... теперь мне все равно. Это странно. Я, наверное, схожу с ума.

Лекс усмехнулся. Он, видно, тоже спятил. Раньше ему и в голову не могло прийти, что он будет общаться с такой... как она.

— Не волнуйся. Все мы здесь и нормальные, и шизофреники — смотря с какой стороны наносить удар.

Для Олиф это звучало неутешительно. Она вдруг четко осознала, сколько же границ для

них было во внешнем мире. Деньги, власть, сила, семья, круг друзей, личные принципы. А тут это все потеряло смысл. Потому что они потеряли все. У них нет ничего, кроме самих себя и тех идеалов, которые им привили с детства.

И вдруг все то, что осталось там, за Песчаной Завесой, показалось ей настолько мелочным, таким незначительным... Семья. Где же она, эта семья? Неужели они вспоминают об Олиф? Она принесла жертву ради них, прошло достаточно времени, чтобы отпустить и забыть. Деньги. Их у них никогда не было, и теперь уже вряд ли будут. Друзья. Настоящий друг может быть только один, но и его у Олиф не было.

В пустыне она встретила Хэнка. И потеряла его.

То же самое может произойти и с Лексом. И с ней самой.

Вот почему он никого к себе не подпускает. Он боится привязаться, и потерять. В пустыни нет гарантии жизни. Олиф вдруг на секунду представила, что Лекс умрет. Раз и все — его больше нет. Она снова останется одна посреди бескрайних песков. Никогда больше не услышит его голоса, не увидит его лица. Он больше никогда не будет ее задирать, никогда не будет на нее злиться. Нет, ей не стало бы больно, но она бы сожалела об этой потере — это уж точно.

И это было очень, очень плохо.

Лекс прав. К людям нельзя привязываться. Тем более, здесь.

Она должна отгородиться от него. Так будет правильно. И тогда никакой жалости не останется.

Они решили переночевать на оазисе. Пока Олиф собирала фрукты, Лекс развел костер и разложил найденные вещи, сотворив из них подобие постели. По разные стороны от огня. Олиф не стала спорить — наоборот, это правильно. Чем дальше они друг от друга, тем лучше. Не хватало еще подружиться с ним, как с Хэнком.

Девушка вязала в охапку все финики, что удалось собрать, и пошла их мыть. С повязкой между ног она чувствовала себя очень не уютно, к тому же у нее появилось настойчивое ощущение, что ткань полностью пропиталась. Олиф быстро сполоснула фрукты и вернулась к Лексу. Мужчина сидел на тряпках, расставив ноги врозь, и наблюдал за игрой пламени.

Олиф осторожно положила фрукты, взяла одну из рубашек и, чувствуя смущение, принялась отрывать у нее рукава. Как только она закончила, то тут же поспешила к воде.

— Тебе помочь? — спросил Лекс.

Девушка споткнулась.

— Н-нет.

— Ты же боишься крови, — скептически поднял бровь мужчина.

— Я... я... с-справлюсь. Да.

О Берегини, да что с ней?! Как будто только сейчас разговаривать научилась.

— Если что — зови, — меланхолично отозвался Лекс и снова устался на костер.

«Ему только кружки пива не хватает», — подумала девушка и быстро скрылась среди деревьев.

На небе уже виднелись звезды, возле воды было холодно. Олиф почувствовала, как кожа покрывается мурашками. Высокие деревья отбрасывали зловещие тени, девушка поежилась. Да уж, жутковато. Где-то в траве стрекотали кузнечики. Олиф настолько отвыкла от этого звука, что сейчас ей казалось, будто они напевают какую-то песенку.

Девушка задрала платье, отвязала ткань, изображающую пояс, и удерживающую другую рубашку. Кинула ее на землю. За ней полетела и вторая рубашка, насквозь пропитанная кровью. В темноте она выглядела темно-бардовой, отчего Олиф моментально поплохело. Она глубоко вздохнула, призывая себя к спокойствию. Все будет хорошо. Она справится.

Олиф приложила между ног новую рубашку, повязала ее на животе другой тканью и облегченно выдохнула.

Она взглянула на темную воду. Спокойствие нарушалось едва заметными волнами, которые создавали, прыгающие туда-сюда лягушки. Девушка против воли почувствовала жуткий зуд от грязного платья. Не раздумывая, она стянула пыльную вещь и подошла к берегу. Присела на корточки и принялась ее споласкивать. И только когда Олиф закончила, да нее дошло, что обратно ей идти не в чем.

Она бессильно плюхнулась на попу. Черт. Не в мокром же идти, и уж тем более, не голой.

«Надеюсь, Лекс не пойдет проверять, что случилось», — рассеянно подумала Олиф.

Она осторожно положила платье на влажную траву. Пусть хоть немного обсохнет. Сама девушка решила переплести свою косу. Она аккуратно распутала пряди и принялась водить пятерней по ним. Как только те перестали напоминать солому, Олиф меланхолично начала заплетать свою любимую косу, попеременно хлопая себя по телу, убивая голодных комаров. Их писк жутко действовал на нервы, хотелось вскочить и убежать куда-нибудь от этого

скопища кровососов.

Девушка грубо отмахивалась от противных насекомых, и наконец, не выдержала, встала и принялась ходить из стороны в сторону. Ее взгляд скользил по темным деревьям. Листья были небольшие и начинали расти высоко от земли, но ночью все равно отбрасывали зловещие тени. И самое жуткое было в том, что они образовывали фигуры. Одна была странная: от овального тела тянулись тонкие, извивающиеся «лапки», напоминающие змей. А вот другая напоминала человека. Вот и голова, руки... как будто настоящий. Олиф остановилась, пригляделась. Сделала шаг вперед.

Нет. Всего лишь пень. Девушка тяжело вздохнула и принялась снова расхаживать туда-сюда.

Когда она вернулась к костру, Лекс уже спал.

Олиф многое бы отдала, чтобы иметь хоть каплю его хладнокровности. Она не смогла бы уснуть, зная, что ее знакомый ушел и не вернулся.

Девушка придвинула тряпки поближе к костру, легла и закрыла глаза. Завтра им придется отсюда уйти. Они будут снова искать воду, спать на ледяном песке и слушать похоронную музыку пустыни. И Олиф была готова. Лучше уж там, чем здесь. Теперь она понимала Лекса. В пустыне безопаснее. Неизвестно, кто еще может наткнуться на оазис. И неизвестно, что он может сделать ради того, чтобы остаться тут.

* * *

Моя голова лежала у мамы на коленях. Впервые за долгое время я чувствовала себя спокойно и безмятежно. Это было мое лучшее воспоминание. Тогда мне было всего четыре, но я помню этот день так, словно все это случилось только вчера.

Мама ласково гладила меня по голове, напевая какую-то мелодию. А я лежала и молчала, боясь даже пошевелиться. Ведь этот сон отличался от моего воспоминания.

Здесь я уже взрослая. Я знаю, что моя мама умерла.

И от этого было так больно в груди. Меня как будто разрывало на части. Я уже смирилась с тем, что больше никогда не увижу ее, и вот снова слышу этот голос. И мне страшно.

По щеке скатилась слеза.

Мама прекратила петь. Она осторожно повернула мое лицо к себе и провела подушечкой пальца по мокрой дорожке.

— Почему ты плачешь?

Ее голос был таким настоящим, таким... живым. Я не могла в это поверить. Мне так хотелось остановить это мгновение, задержать воспоминание. В горле встал комок.

— Мама... — хрипло прошептала я, — ты настоящая?

Она слабо улыбнулась и покачала головой.

— Чего ты боишься? — прозвучал над ухом ласковый голос.

И тут я поняла, что это не воспоминание. Моя память лишь фон. Мама пришла помочь мне. Она тоже чувствует, что я медленно умираю, схожу с ума... Меня убивает пустыня. Я уткнулась носом ей в живот и всхлипнула.

— Помоги мне, прошу тебя... я умираю, мам...

— Ты боишься смерти? — спокойно спросила она.

Да, вот такая у меня мама. В меру рассудительная, она никогда не позволяла эмоциям взять вверх. Ей всегда нужно было докопаться до корня проблемы. Я и не осознавала, насколько же мне ее не хватало...

— Нет...

— Тогда чего ты боишься?

Не знаю. Мне было страшно. Но я не могла понять от чего.

— Загляни внутрь себя, — тихо сказала мама, ласково поглаживая меня по голове. — Истина в тебе, пока еще глубоко-глубоко.

— Я боюсь себя...

* * *

— Плебейка, вставай.

Олиф тут же открыла глаза. Наверное, теперь ей уже никогда не удастся крепко уснуть. Она повернула голову и рассеяно принялась наблюдать за Лексом. Мужчина собирал вещи, осматривал оставшуюся от разбойников одежду — что-то клал в сумку, что-то брезгливо выкидывал. Мужчина выудил несколько фляг, потряс их вниз горловиной, убедился, что они пустые, и, ни слова не сказав, скрылся среди деревьев.

Олиф снова повернулась к потухшему костру. Ночью ей приснилась мама. Сам сон девушка помнила смутно, но вот ее голос, те ощущения, что она испытывала... и еще мамины слова о том, что разгадка глубоко внутри. В душе у девушки образовалась какая-то пустота, словно она потеряла что-то важное, ценное, родное. То же самое она чувствовала спустя несколько месяцев после похорон.

Олиф считала, что давно смирилась со смертью мамы. Оказывается, нет.

С потерей любимого человека невозможно смириться, сколько бы времени не прошло.

— Ты еще лежишь?! — возмутился вернувшийся Лекс.

— Мы все равно никуда не спешим, — проворчала Олиф.

Она села, потерла глаза, по привычке прикоснулась к ступням, но ноги не онемели.

Девушка схватила первую попавшуюся рубашку и пошла к воде. Тоже без слов.

На удивление, крови было мало. Олиф осторожно сменила повязку, подошла к водоему и принялась брызгать воду на лицо. Эти дни должны были прийти намного раньше, да и кровь должна идти намного сильнее. Живот не болел, только тянуло немного, вызывая неудобство.

Эта пустыня ее точно погубит.

Олиф вернулась к костру как раз к тому моменту, когда Лекс складывал наполненные баклажки в сумку. Он уже разрисовал углем область вокруг глаз, и девушка решила последовать его примеру. Она не особо старалась — меланхолично водила обгоревшей щепкой и стороны в сторону, чувствуя, как в животе разрастается голод.

— Фиников не осталось?

Лекс застегивал сумку, и, не поворачивая головы, кивнул куда-то в сторону.

— Вон там.

Олиф пошла в указанном направлении и нашла три фрукта, сложенных горочкой. Она взяла один, надкусила и уже хорошенько распробовала его на вкус. На этот раз ей добавки не захотелось. Олиф прекрасно понимала, что нужно поесть, но пересилить себя не могла.

Она повернулась и наткнулась на Лекса, вплотную подошедшего к ней. Он протягивал маленькие камни.

— Зачем? — удивилась девушка.

— В рот.

— Что?!

— Суй в рот, чтобы меньше хотелось пить.

Олиф тяжело вздохнула. Это сумасшествие. Правда, до сих пор, именно оно помогало ей выжить. Она обреченно взяла камни и засунула их в рот. Ощущение было ужасное, особенно на вкус. Ее затошнило.

Лекс закинул сумку на плечо и пошел по натопанной тропинке.

Девушка последовала за ним, на ходу завязывая рубаху поверх головы.

Они дошли до края оазиса. Мужчина быстро ступил на песок. Олиф на секунду заколебалась. Глубоко вдохнула и тоже сделала шаг вперед. Привыкнуть к этой пустыне невозможно. Девушка грохнулась на коленки и тяжело задышала. Этот воздух, это солнце, этот песок... Берегини, ведь это не справедливо. Лучше бы ее закидали камнями на Народном собрании.

Лекс отошел достаточно далеко, и, не оборачиваясь, остановился. Девушка поняла, что он ее ждет. А Хэнк в тот последний раз, когда они вышли с оазиса, ведь даже не удосужился обернуться. Олиф пересилила себя и поднялась на ноги.

Некоторое время они шла в молчании. Девушка сокрушенно рассекала носками сапог маленькие песчинки. Те поднимались ввысь и оседали на ее платье, а некоторые добирались и до лица. Через несколько часов она снова станет пыльным коконом, можно было и не мыться.

Олиф перевела взгляд на спину Лекса. Перводружинник. Он мог убить кого угодно. Жаль только, что ей он все равно ничего не расскажет. Она выплюнула на руку камни, и обреченно спросила:

— Мы умрем, да?

Лекс слегка повернул голову и, как обычно, промолчал.

— Почему ты не отвечаешь?! — разозлилась девушка.

— Потому что я не отвечаю на глупые вопросы.

— По-твоему смерть — это глупость?

— По-моему, — членораздельно произнес мужчина, — глупо думать о смерти, пока ты жив.

— Но ты же о ней думал. — Олиф не спрашивала, она это и так знала.

— Думал, — согласился Лекс.

— И я о ней думаю, — неуверенно сказала она, понимая, что потеряла логическую цепочку в споре.

— Ну, думай, — разрешил мужчина.

Олиф смолкла. С ним даже спорить бессмысленно. Было бы лучше, если бы они вообще не разговаривали. Но для Олиф это равносильно смерти. Нет уж, все что угодно, только не тишина. Пусть так: коротко и грубо, чем ощущать абсолютное одиночество даже рядом с кем-то.

— Где ты научился так драться? — спросила девушка.

Лекс криво усмехнулся.

— Я воин, не забывай.

Надо же, с первого раза ответил.

— Научи меня.

— Чего?! — опешил мужчина.

— Научи меня убивать.

Ему понадобилось некоторое время, чтобы осознать, о чем она просит. Лекс на всякий случай повернулся и пристально заглянул ей в глаза. Просто чтобы убедиться.

— Из меня плохой учитель, — наконец, отрезал он.

— Я не хочу умирать. — Олиф подняла на него полный отчаяния взгляд. — Здесь нельзя обыграть судьбу, понимаешь? Либо ты, либо тебя. Я хочу умереть тогда, когда пойму, что другого выхода нет, а не тогда, когда мои кишки выльются наружу. Я хочу жить до тех пор, пока могу. Научи меня убивать людей. Это все, о чем прошу. О чем могу попросить.

Мужчина остановился и повернулся к ней лицом, прожигая суровым взглядом.

— Представь, что я один из тех разбойников. Посмотри мне в глаза. В глаза. — Он дождался того, чтобы девчонка выполнила приказ. — А теперь ответь: ты смогла бы ударить меня? Не убить. Ударить.

Олиф опустила взгляд. Сжала губы.

— Отвечай.

— Нет, — сокрушенно сказала она.

— А ты просишь научить тебя убивать людей. Думаешь легко пырнуть человека? Раз и все? Так вот слушай сюда, плебейка, нет ничего страшнее, чем убить человека, — прошипел мужчина. — И не потому, что рука не поднимается. Не потому, что ты навсегда лишаешь человека шанса дышать, а потому, что его мертвые глаза навсегда врежутся тебе в память. И каждый раз, засыпая, ты будешь вспоминать, как когда-то воткнула нож в живое существо. И чем больше ты убиваешь, тем больше стеклянных глаз будет сниться тебе по ночам. И, в конце концов, ты будешь бояться закрывать глаза. Даже днем. Ты этого хочешь?

Олиф была одновременно и огорошена, и изумлена. Это была самая грозная, самая длинная тирада, которую она только слышала от него.

— Мне не снятся глаза перводружинника, — тихо сказала девушка.

— Убить, защищаясь, и убить просто так — разные вещи.

— Откуда ты знаешь, что я защищалась?

— Не трудно догадаться, — усмехнулся Лекс.

Эта девка не смогла даже ударить разбойника, хотя знала (во всяком случае, догадывалась), что он может с ней сделать. Пожалуй, только злость могла заставить ее проявить агрессию. Или страх.

— Это значит, что ты мне не поможешь? — понуро спросила Олиф.

Лекс издал то ли стон, то ли рык, стянул сумку и принялся копаться в ней. Затем достал тот самый нож, который девушка вытащила в первый день в пустыне у мертвого Изгнанника (ей-то казалось, что она потеряла его), и протянул острый предмет девушке.

— Порежь меня.

— Что?! —

— Давай. Ты же этого хотела.

— Я не хотела делать это на тебе, — испугалась Олиф.

Мужчина озадаченно посмотрел по сторонам.

— А на ком? Тут кроме нас двоих никого нет.

— Я... я не могу, это же ты.

— Представь, что это не я.

— Я так не могу! — Олиф стало не на шутку страшно. Лицо у Лекса было такое грозное, словно он намеревался прирезать ее прямо здесь.

Мужчина с видом оголодавшего хищника, наконец-то отыскавшего долгожданную добычу, завел руку назад и достал нож, раза в два больше, чем был у нее.

— Так тебе спокойнее? — жестко отчеканил он.

Девушка замотала головой. Но ему было уже все равно. Он размахнулся и прочертил полоску в воздухе. Ни бить, ни убивать девчонку он не собирался, ему нужно было лишь запугать ее.

Олиф вскрикнула и сделала несколько судорожных шагов назад.

— Не надо, прекрати! — панически закричала она.

— Страшно?

— Да!

— Ну так бей.

Он размахнулся, и на этот раз нож просвистел так близко от ее лица, что девушка почувствовала, как холодок пробежал по коже на затылке.

— Хватит!!!

Лекс быстро близился к ней, схватил за руку, и с такой силой дернул в сторону, что Олиф не устояла на ногах и кубарем покатила по песку. Страх смешался со злостью. Она поняла, что выбора у нее нет. Вскочила на ноги, размахнулась и попыталась хотя бы задеть этого зверя. Лекс чуть отошел в сторону и молниеносным движением выбил у нее нож. Схватил за руку и дернул на себя, прижимая спиной к своей груди. Наклонился к уху испуганной девчонки и прошептал:

— Вы уже мертвы, мадам.

Олиф истошно закричала, и попыталась отбиться от него ногами. Лекс стукнул ее своей ступней по внутренней стороне колени, девушка не устояла, и мужчина ловко увлек ее на землю.

— Разбойники не будут ждать, пока ты разозлишься, — жестко сказал он.

Мужчина сжал ее руки над головой, а сам уселся ей на талию, крепко сжимая подошвой ботинок ее ноги с двух сторон.

— Хочешь узнать, что они делают с теми, кто сопротивляется? — очень нехорошим тоном осведомился Лекс.

Олиф вложила в свой взгляд всю ненависть, на какую было способна.

Мужчина перехватил ее тонкие запястья в одну руку, а во второй ловко крутанул нож. Он медленно провел острием по нежной щеке девушки, затем спустился чуть ниже. Олиф вздрогнула, когда почувствовала, как он с наслаждением прочерчивает невидимую линию у нее на шее.

— Тут сотни мужиков, истосковавшихся по женскому телу. Месяцы воздержания, животный голод. Они не будут с тобой церемониться.

Его нож опускался все ниже и ниже, пока не достиг груди. Олиф резко дернулась, но Лекс не обратил на это внимания, только сильнее придавил ее к земле своим весом.

— И даже твоя хиленькая фигурка тебя не спасет, — продолжал мужчина.

Он очертил невидимую линию сперва вокруг одной груди, затем вокруг второй.

— Все, что им нужно — это женщина. И ты ничего не сможешь сделать. Будешь лежать вот так, и молить о пощаде. Но они тебя не пощадят. — Он пригнулся ближе к ней. — Они

будут насилловать тебя до тех пор, пока твое сердце не остановится. И ты будешь жалеть лишь о том, что ввязалась в драку, что не убежала.

Олиф тяжело задышала. Страх смешался со странным ощущением, пульсирующим внизу живота. Ей неистово хотелось воткнуть этот нож ему в глаз, и одновременно с этим она боялась того, что он может сделать. И того, чего не сделает.

Лицо Лекса находилось совсем близко от ее лица. Он, не сводя с нее пристального взгляда, завел руку за спину и прикоснулся кончиком ножа к ее ляжке. Олиф непроизвольно вздрогнула.

— Первым делом пострадают твои ножки...

Нож поехал выше, увлекая за собой платье. Острие коснулось бедра.

— Не надо, — в панике сказала Олиф.

— Затем они подпортят тебе личико, — продолжал Лекс, делая вид, что не замечает ее возгласов. — А потом...

— Так говоришь, как будто все об этом знаешь, — выплонула девушка.

— Знаю, — зловеще подтвердил он.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мужчина снова прикоснулся лезвием к ее тонкой шее..

— И тебе тоже нужна женщина? — с вызовом спросила она.

— О, — хищно улыбнулся Лекс, — еще как нужна.

Она ожидала чего угодно — страха, паники, ужаса — но только не того, что с ней случилось. Ее как будто пронзила молния, от самой макушки до пят. Сердце пропустило несколько ударов.

— Лучше сразу прирежь меня.

Лекс привычно усмехнулся.

— Таких одолжений я не делаю.

Он перевел взгляд на небо. С его лица медленно сползла ухмылка, оно резко стало настороженным.

— Запомни раз и навсегда: не ввязывайся в драку там, где заведомо знаешь, что проиграла. — Мужчина перешел с издевательского тона на грубо-приказной. — Если видишь, что их вдвое больше, даже не пытайся геройствовать. Скидываешь с себя все тяжелое и бежишь. Но бежать нужно быстрее них, чтобы выиграть время. Поэтому тебе проще самой воткнуть нож себе в сердце.

Он неожиданно отпустил руки девушки, перекатился на бок, и, быстро встав на ноги, пошел к своей сумке.

Олиф недоуменно села. Лекс копошился с ветками деревьев и тряпками, которые он прихватил на оазисе. Девушка не двигалась, наблюдая за странными действиями мужчины, пока не почувствовала, что ее бьет мелкая дрожь. Спустя несколько секунд, до нее вдруг дошло, что вечер еще не наступил. И только тут она ощутила сильный ветер, раздувающий не только ее платье, но и тряпки, из которых Лекс делал... шалаш.

Олиф перевела взгляд поверх его головы, и увидела, как на них надвигается огромная песчаная лавина. Она была такой большой и высокой, словно пасть хищного зверя. Вот теперь Олиф стало по-настоящему страшно. Она понимала: нужно встать и бежать, но от одного вида жуткой песчаной стены, в которой бушевали пески, образуя целые воронки, сводило конечности. Собравшись с мыслями, девушка все же вскочила на ноги, побежала к Лексу, запихивая обиду куда подальше, и сквозь ветер прокричала:

— Ты что, хочешь остаться здесь?!

— А ты собралась убежать от песчаной бури? — прокричал в ответ мужчина.

Он воткнул ветку в песок, которая должна была удерживать тряпки, сплетенные между собой за рукава.

— Лезь внутрь! — скомандовал Лекс.

Олиф не шелохнулась.

— Живо! — Он грубо схватил ее за плечо и буквально силой затолкал в самодельный шалаш. — Шутки кончились!

Девушка не могла даже сесть — здесь было слишком низко. Она легла и, не чувствуя рук от страха, кое-как прикрыла голову. Ткань развевалась на ветру, весь шалаш ходил ходуном. В просветы между одеждой залетал песок, и чем сильнее становились завывания ветра, тем больше его заносило внутрь. Олиф неожиданно представила, как ее засыплет в этом маленьком шалашике. Ей вдруг стало очень тяжело дышать, крохотное пространство стало давить так, словно с каждым вдохом девушки стены становились все уже, а воздуха все меньше.

В этот момент в шалаш влез Лекс. Весь в песке, он злобно взглянул на Олиф и грубо начал развязывать рубаху с ее головы.

— Закрывай лицо и голову. Главное — лицо.

Он развязал и свою повязку, сложил руки крест-накрест, уткнулся в них и сверху накинул пыльную ткань. Олиф попыталась последовать его примеру, но ее руки так тряслись, что в итоге она свою рубаху выронила.

Мужчина понял, что самой ей не справиться.

— Ты так не тряслась, даже когда я хотел тебя убить, — раздраженно ворчал он, пытаясь накинуть чертову ткань, на дрожащую девчонку.

В конце концов, он плюнул на это гиблое дело и грубо притянул ее к себе, стараясь руками укрыть ей лицо. Если эта дура наглотеется песка, проблем потом с ней не оберешься.

* * *

Олиф открыла глаза и обнаружила, что уткнулась лицом в мужскую грудь. Она уже хотела осторожно отпрянуть, но тут поняла, что рука Лекса крепко обнимает ее за талию. Неожиданно у нее в душе поселилась какая-то паника. Это ничем хорошим не кончится.

Но Лекс уже и сам очнулся, убрал руку и перевернулся на спину.

Олиф украдкой выдохнула.

Она медленно села и с нее скатилась целая гора песка, собравшись увесистой горочкой на коленях. Поднялась пыль и девушка закашлялась. Губы пересохли. Олиф прикоснулась к ним и почувствовала вздувшуюся сухую корочку. Девушка поднялась на ноги, отряхнулась, и тут поняла, что шалаш куда-то пропал. Посмотрела по сторонам и обнаружила вдалеке красное пятно, с разбросанными вокруг него ветками.

Лекс на ноги не вставал, просто сел и отряхнулся. Открыл свою заветную сумочку, выудил одну из фляг и жадно приложился губами к горлышку. Олиф наблюдала за ним с плохо скрываемой завистью. У нее в горле, казалось, разразился пожар.

Мужчина закончил пить и протянул баклажку девушке. Она без слов ее приняла, и так же жадно напилась.

Олиф ожидала, что Лекс сейчас встанет, пойдет собирать улетевшие тряпки, или, если дело клонилось к ночи, разведет костер. Но он продолжал сидеть, невидящим взглядом уставившись куда-то вдаль. Она отметила, что в его глазах сквозила какая-то... кажется, это была вина. Неужели он чувствует вину?

Девушка осторожно приблизилась к нему и села рядом. Она не стала ничего спрашивать. Он сам расскажет, если захочет. Однако Лекс молчал. Так долго, что Олиф всерьез начала задумываться, не обиделся ли он на нее?

Наконец, ей это надоело, и она без особой злости сказала:

— Так ведешь себя, как будто это я к твоему горлу нож приставляла.

Лекс вздрогнул, словно ее голос заставил его вынырнуть из своих мыслей. Он повернул голову и посмотрел на Олиф. И впервые в жизни, она увидела в его взгляде сочувствие.

— Что-то случилось, да? — беспокоенно спросила девушка.

Мужчина судорожно провел рукой по лицу, оставляя на нем пыльную дорожку, словно решаясь: рассказать или нет. Олиф терпеливо ждала.

— Что ты знаешь о Песчаниках? — наконец спросил он.

Ее сердце ухнуло в пятки.

— Это же не они здесь замешаны?

— Просто расскажи мне, что тебе известно, — раздраженно повторил Лекс.

— Они живут под землей в каких-то лабиринтах... Только на оазисах можно от них спрятаться, потому что они не могут ступить на землю. И они боятся света.

— Все? — удивленно поднял брови мужчина.

— А есть что-то еще? — панически выдохнула Олиф.

Лекс кивнул.

— Да и немало. Но самое главное — это то, что под землей их лабиринты выстроены в форме паутины. — Он взмахнул рукой, не зная, как подходчивее объяснить ей это. — В общем, представь, что все Песчаники слепые. Их лабиринты простилаются по всей пустыне, но они ничего в них не видят. Однако когда начинается песчаная буря, они вдруг прозревают. И могут видеть всё и всех по всему лабиринту, и, следовательно, по всей пустыне. Они могут видеть каждого, в каком бы темном углу он ни находился, и как бы далеко по пустыне ни бежал.

На несколько мгновений воцарилась тишина.

— Это значит, что они видели нас, — тихо заключила Олиф.

Лекс снова кивнул.

Секунду девушка усиленно размышляла, а затем вскочила на ноги и воодушевленно заговорила:

— Тогда нам нужно уходить как можно скорее. Они придут, когда стемнеет, у нас еще есть время. Если пойдем быстро, то им нас не догнать.

— Солнце сядет через полчаса, — иронично ответил мужчина, позабавленный ее речью. — Далеко нам не уйти. У Песчаников есть свои «домашние питомцы» — Бронированные змеи. Они могут почуять самку на очень больших расстояниях. Тебя найдут по запаху.

Олиф стояла и смотрела на него, чувствуя, как из сердца уплывает последняя надежда. Ей почему-то вспомнился Хэнк, и тот праведный ужас на его лице, когда он говорил о Песчаниках. Затем в памяти всплыли Бронированные змеи, которых она видела, и сами Песчаники. Она думала, что они собирают трупы. Оказывает, нет. Живые люди им тоже

нужны.

Олиф продолжала смотреть на ссутулившегося мужчину, и сама не понимала, почему в груди так больно.

В конце концов, она же знала, что умрет. Это лишь дело времени. Все они умрут. И не стоило искать друзей. Не нужно было вообще к нему подходить. Он же сам мог выбраться из зыбучих песков, и, в общем-то, он и выбрался сам. Так было бы проще.

Олиф подошла к Лексу, присела на корточки рядом с ним и сказала:

— Без меня ты сможешь спастись.

Он наконец-то посмотрел на нее.

— Решила поиграть в героев? — Весь его вид источал насмешливое презрение.

— Нет, — покачала головой девушка. — Змей может найти меня, а не тебя. Какой смысл тебе оставаться здесь?

— Верно, никакого.

— Так уходи, — поторопили его Олиф.

— Уже так быстро прогоняешь?

— Чего ты ждешь?

После этих слов повисла пауза.

— Я останусь тут, — сказал Лекс, посмотрев на девушку внимательным, скорее даже — изучающим взглядом.

— Что?! Но... но зачем?

— Тоже хочу Песчаников увидеть, — усмехнулся мужчина.

Олиф непонимающе уставилась на этого абсолютно нелогичного человека.

— Это же не из-за меня, — твердо сказала она.

— С чего ты взяла? А может, как раз из-за тебя?

— Нет, — уверенно кивнула девушка. — Зачем тебе это?

— Плебейка, не лезь не в свое дело, ладно?

— Издеваешься, да? — вскипела Олиф. — Нас скоро убьют, а мне «не лезь не в свое дело»? Это несправедливо, не находишь?!

Почему-то сердце у нее внутри кольнуло. Не от боли — от обиды.

— Ладно, — зло сказала девушка, когда поняла, что Лекс собирается молчать до последнего. — Тогда я собираю вещи и ухожу!

— Не уйдешь. Они догонят.

— Я два раза уже скрылась от этой Бронированной Змеи! Скроюсь и в третий.

Лекс насмешливо хмыкнул.

— Ну, попробуй.

— Такой умный, да?! Так трудно просто сказать все, как есть?!

— Зачем тебе это, плебейка? — устало вздохнул мужчина, лег на спину и заложил руки за голову. Весь его вид источал тошнотворную умиротворенность.

— Я тоже имею право знать! Ладно, я умру, потому что меня змея не отпустит. Но тебе-то это зачем?!

Лекс уставился на секунду невидящим взглядом в пустоту, затем посмотрел на девушку. Вздохнул.

— Мне надо к ним, — так просто сказал он, как будто только что объявил цены на зерно.

— Зачем?! — опешила Олиф.

— А вот это уже не твое дело.

Ладно. Пускай молчит. Но одного девушка понять все никак не могла.

— Если тебе надо к ним, почему только сейчас?

Мужчина кинул на нее раздраженный взгляд, как будто в душе очень надеялся, что этого вопроса не последует.

— В этой пустыне на Песчаников нарваться довольно... трудно.

— Ничего подобного! — тут же возразила Олиф. — Я их два раза видела уже!

— За месяц. Они не так-то часто выходят на поверхность. Только... при особых случаях.

— И что это за «особые случаи»? — настойчиво спросила девушка.

— Когда припасы заканчиваются. Когда заканчиваются войны. И... когда в пустыне появляется девушка, — нехотя ответил Лекс.

Олиф как будто молния с головы до пят пронзила. Медленно стал доходить смысл сказанных им слов. Когда в пустыне появляется девушка.

— Ты меня использовал, — севшим голосом выдавила она.

Лекс не ответил. Он на нее вообще не смотрел.

Олиф покачнулась, чувствуя, как на секунду мир потерял четкость. А на что она надеялась? Встретила Изгнанника в пустыне и сразу дружба? Сама дура. Сама за ним увязалась. Девушке захотелось схватить свой маленький ножик и бежать, куда глаза глядят. Но она понимала, что на счет Бронированных Змей Лекс не врал. Олиф сама видела, что змея все прекрасно понимает, и к тому же может говорить. Кажется, может. Если только это был не очередной бред воспаленной фантазии.

Олиф плюхнулась на землю, поднимая вокруг себя клубы пыли.

Лекс неожиданно резко поднялся, схватил свою сумку и пошел к разбросанным вещам, еще недавно послужившим им укрытием. Олиф поджала сухие губы. На что она рассчитывала? История с Хэнком должна была жестоко проучить ее. Это пустыня. Сюда отправляют преступников, людей, которые уже сумели воткнуть кому-то нож в сердце. Это Кровавый закон. Он обязывает понести наказание. Олиф не должна была дожить до этого дня. Слишком уж большой подарок. Но теперь она понимала, почему до сих пор может дышать. Судьба решила проучить ее, заставив лишиться всего. И всех.

Когда Лекс вернулся, девушка вдруг вскинула голову и спросила:

— Только скажи мне одну вещь. Твой меч. Зачем он тебе?

Лекс недоуменно перевел взгляд на искусно расписанные ножны.

— Ты ведь им все равно не пользуешься, — вспыхнула Олиф, когда поняла, что он не знает, что сказать.

— Он заржавел. — И для наглядности чуть приподнял меч за рукоятку. Послышался свербящий звук, жестко резанувший по ушам так, что даже зубы свело.

— Тогда зачем он тебе? — недоумевала девушка.

Секунду мужчина молчал, а затем нарочито бодро ответил:

— Воров отпугивать.

Не стоило особого труда догадаться: врет. Даже сейчас он не в состоянии сказать правду. И в глубине души Олиф понимала — почему. Этот меч напоминал ему о доме, о том, что мужчина оставил за Песчаной Завесой. Это было его воспоминанием. Последним воспоминанием. А у нее, Олиф, от прошлой жизни не осталось ничего. Ни-че-го. Как будто бы и не было этих шестнадцати лет.

— Откуда ты столько знаешь про Песчаников?

— Книжки читаю.

Девушка раздраженно закатила глаза.

— Ты уже был там, да?

— Да, — спустя несколько секунд честно ответил Лекс. Скрывать уже не было смысла, это и так было понятно.

— И как там?

— Холодно.

— И это все, что ты можешь сказать?

— А что ты еще хочешь услышать? Там холодно, сыро и темно.

Олиф злилась. Больше на себя, чем на него — за наивность.

— А... что они сделают со мной? — сухо спросила девушка. Он хотел попасть туда за ее счет — он туда попадет. Но ей тоже нужна информация.

Лекс оценивающе оглядел фигурку девушки.

— Не знаю, — в конце концов, соврал он.

— Здорово. О Берегини, ведь я даже не знаю, как мне себя с ними вести! — мученически воскликнула Олиф и судорожно провела грязными ладошками по лицу.

На секунду мужчина задумался, а затем оценивающе прищурился, словно в уме уже составил какой-то план.

— Для начала тебе нужно как можно сильнее измазать лицо, — наконец, сказал он.

— Что? — опешила девушка, посмотрела на серьезное лицо мужчины и ворчливо отозвалась: — Оно и так все пыльное.

— Ты хочешь выжить или нет? Бери песок и мажь!

— А ты что, решил помочь мне?

— Будем считать это равноценным обменом. Ты помогла мне, а я помогу тебе. — Как бы тяжело не было мужчине это признавать, но за свой поступок он непроизвольно чувствовал вину.

Олиф тяжело вздохнула и принялась выполнять его приказание. Песок был горячий, жесткий и все время высыпался из рук, но ей все-таки удалось кое-как превратиться из просто пыльной, в песчаный кокон.

— Отлично. Теперь то же самое делай с плать... со своими лохмотьями.

Девушка зло взглянула на мужчину, но послушаться не посмела. К тому же, ей было без разницы, как она выглядит. Если Лекс решил превратить ее в песчаную страшилую — пускай. Если он решил снова обмануть ее — тем более пускай. Ей все равно одна дорога — прямо в лапки к Песчаникам.

— Ладно, сойдет, — остановил ее мужчина. — Нож свой ты, естественно, потеряла.

— Это ты выбил его из моих рук, — буркнула в ответ Олиф.

— Вот, возьми. — Мужчина наклонился к сапогу и вытащил маленький, складной ножик.

— Сколько их у тебя? — изумилась девушка.

— Много. Бери.

Он протянул ей металлический предмет. Она нерешительно его приняла, и по привычке хотела уже спрятать в рукаве.

— Нет, — покачал головой Лекс. — Они будут тебя обыскивать и заберут его. Спрячь там, где никто не будет искать.

Олиф недоуменным взглядом обвела свою песочную фигуру. Единственное, в чем она

могла что-то спрятать, было платье, но, похоже, в этот раз и оно ее не спасет.

— Если только во рту, — сокрушенно сказала девушка.

— Не только, — ответил Лекс, и его тон очень, очень не понравился Олиф.

— Что ты задумал? — испугалась она.

— Спрячь его там. — С совершенно серьезным лицом он ткнул в нее пальцем, чуть ниже живота.

— Нет! — замотала головой девушка, когда поняла, о чем он говорит.

— У тебя нет выбора.

— Нет! — Олиф даже на шаг отступила. — Это... это мерзко!

Лекс стиснул челюсти. На препирательства у них не было времени.

— Спрячь. Его. Там. Живо! — И видя, что девчонка противится, он злорадно добавил: — Или я сам это сделаю.

— Не надо! — еще больше испугалась Олиф.

Мужчина хмыкнул. Она считает, что он над ней снова издевается, и даже не догадывается, какое одолжение он делает на самом деле. Лекс развернулся, подошел к сумке и вытащил оттуда первую попавшуюся рубашку. С видом настоящего ценителя, принялся разрывать ее на несколько частей, а затем одну из них протянул нахохлившейся девушке.

— Отвернись, — проворчала та.

Лекс не заставил себя ждать.

Олиф все боялась, что он начнет подглядывать, но ему было совершенно не до этого. Ему было прекрасно известно, что Песчаники любят женщин. Очень любят, особенно молодых. И красивых. Но самое главное — невинных. И вот теперь Лекс пытался сделать так, чтобы они не увидели этого в плебейке.

Как только холодный металл коснулся горячей кожи, у Олиф вырвался то ли вскрик, то ли стон, то ли все сразу. Со стороны Лекса послышался смешок. Ей стало отчего-то стыдно. Вопреки словам мужчины, она спрятала нож в складках порванной рубашки, и практически не чувствовала его.

— Все, — буркнула девушка.

Она ожидала, что Лекс начнет задирать ее, но он повернулся с таким лицом, словно неминуемый конец уже наступил. Почему-то в этот момент Олиф окончательно поняла, что шутки кончились. Похоже, вляпались они по самое не могу. Она ведь даже представления о Песчаниках не имела, только все на словах слышала — сперва от Хэнка, теперь от Лекса. Видимо пришло время и самой убедиться в том, что лучше воткнуть себе нож в сердце, чем встретиться с ними.

Лекс подошел к растерянной девушке.

— Если хочешь выжить, слушай и запоминай, — сурово сказал мужчина.

Олиф слабо кивнула. В конце концов, он лучше знает, что делать. Наверное.

— Тебе нужно научиться защищаться.

— Ты же не хотел меня учить, — не без иронии напомнила девушка.

— Очень часто, обстоятельства вынуждают нас идти вразрез с нашими желаниями, — туманно отозвался Лекс.

Он схватил Олиф за локоть и поднял ее руку кверху. Чуть-чуть согнул и еще немного приподнял.

— Если кто-то будет замахиваться на уровне твоей головы, выставляй руку вот так, поняла? Так ты блокируешь удар. Вот этой рукой, — Лекс взял ее за вторую руку и вытянул

ее на себя, — бьешь противника в живот. Плебейка, — хмуро обратился к ней мужчина, — запомни раз и навсегда: бить нужно со всей силы. У тебя не будет второго шанса. Если на тебя нападают, закусываешь губу и бьешь. Собираешь в кулак всю злость и ненависть, иначе, поверь мне, с тобой могут сделать такие вещи, что... В общем, ты поняла меня?

Олиф кивнула.

— Отлично, теперь ударь меня.

— Что?! — опешила девушка.

— Что слышала, давай быстрее.

— Я... я не могу!

— Ты ни черта не поняла. — Лицо у Лекса стало таким суровым, что Олиф тут же пожалела о своих словах.

— Я не могу бить тебя в живот! — жалостливо исправилась она.

— Ладно, — вздохнул мужчина и отпустил ее руки.

Он чуть отошел от нее и поднял растопыренные ладони вверх, на уровне груди.

— Бей меня по рукам.

Олиф устало вздохнула. Она прекрасно понимала, что он в любом случае заставит ее бить, и лучше, если это будет добровольно.

Девушка замахнулась и треснула его небольшим кулачком, стараясь вложить в это движение всю свою силу. У Лекса лицо так и вытянулось от удивления.

— И это по-твоему удар?!

— Я бью со всей силы! — обиделась Олиф.

— Ребенок и то сильнее бьет! Давай еще раз.

Она вздохнула и сосредоточилась. Сфокусировала взгляд на ладошках. Ладно, ей все лишь нужно ударить так, что бы даже Лекс сдвинулся с места. Это же не сложно. Просто нужно представить, что ладошки — это тот самый Перводружнинник, из-за которого она попала в пустыню. Но как можно сопоставить эти ладони и сального мужика? А ведь ладони, кстати говоря...

— О Берегини, ты думаешь, разбойник будет ждать, пока ты там намечтаешься?! — Раздраженный голос Лекс вырвал девушку из раздумий.

— Прости, — пролепетала она.

— Прости?! Как ты вообще умудрилась убить Перводружнинника, если даже по руке ударить не можешь?!

— Могу! — провокационно воскликнула Олиф.

— Ну так бей!

Она размахнулась, и ее кулак жестко врезался в его пыльную ладонь.

— Сильнее, — неумолимо наступал Лекс.

Девушка стиснула зубы и чуть ли не всем телом полетела на эти чертовы руки.

— Эй-эй-эй, куда? — опешил мужчина и еле успел поймать ее за плечи, пока она не сбила его с ног. — Я сказать ударить, а не задавить.

— Да что за ужас такой? Сначала слишком слабо, теперь слишком сильно! Я вообще не хочу никого бить!

— Плебейка, — устало вздохнул Лекс, — тебя никто не будет спрашивать, чего ты хочешь. Усвой, наконец, одну вещь: тут всем плевать на твоё мнение. Если хочешь продержаться еще несколько часов, молчи и делай то, что тебе говорят, поняла? Я спрашиваю: поняла?

— Да, — кивнула Олиф.

Мужчина снова выставил вперед ладони, и девушка, не задумываясь, начала колошматить по ним, что есть мочи. С каждым ударом Лекс поправлял ее, и она пыталась бить сильнее. Под жарким, палящим солнцем, ее тело сдалось быстро. Она и до этого была вся потная, а теперь вообще не чувствовала рук от усталости. Рубаха на голове съехала в сторону, заслоняя обзор, но пока Лекс просил бить — девушка била. Если это единственный способ выжить, его нельзя упускать.

— Ладно, все, хватит, — остановил ее мужчина.

Девушка радостно выдохнула.

— Теперь смотри, — разрушил ее мечты о прохладной воде Лекс, — выстави ладошку.

Олиф подчинилась.

— Прижми пальцы друг к другу. Да, вот так. Если кто-то будет нападать, бей вот такой ладошкой, да-да вот такой, прямой, не разжимай пальцы! Бей по подбородку. Смотри, подставляешь снизу, костяшками кверху, да, и со всей дури бьешь. Поверь, челюсть дернется так, что мама не горюй. Повезет, если разбойник еще и язык прикусит. Как только ударишь — сразу беги. Судя по всему, это единственное, что у тебя действительно хорошо получится. Запомнила?

— Да. Можно попить?

— Можно, — кивнул Лекс.

Олиф кинулась к сумке, и, не особо переживая по поводу того, что сумка-то все-таки не ее, вытащила баклажку и жадно приложила к ней губами. Напившись, девушка вдруг осознала, что у нее нет сил еще что-либо делать, даже встать. Она принялась рассеяно трепыхать своим, с позволения сказать, платьем, в пустой надежде как-то охладить тело. Солнце не позволяло забыть о себе ни на секунду, дышать было невыносимо тяжело, словно вся пустыня пропиталась духотой.

Олиф посмотрела на свои обгоревшие ноги. Под покровом горячего песка, не было видно красной, облезавшей кожи, впрочем, оно и к лучшему. В этих жестких сапогах, девушка давно стерла мозоли, пятка и мизинец болели так, словно ступни распороли тупым ножом, прямо до мяса.

К Олиф подошел Лекс, сел напротив нее и тоже стал пить из баклажки. Девушка посмотрела на светлое небо, не в силах наблюдать за мужчиной. Все-таки это было тяжело. Она почему-то, неожиданно для самой себя, перестала любить солнце. Во всяком случае, так, как раньше. Оно прожигает эту пустыню насквозь, а вместе с ней и саму Олиф. Вот только одна мысль о том, что она его больше никогда не увидит, заставляла сердце болезненно заныть. Как бы то ни было, солнце несет свет. А Олиф ожидает тьма. Причем, как и снаружи, так и внутри. Она сгинет под землей, сойдет с ума, и больше никогда не увидит голубого неба. И яркого, волшебного солнца.

И Лекса она тоже больше никогда не увидит.

Девушка перевела взгляд на мужчину. На его голове снова была рубаха, скрывающая каштановые волосы, все тело было в песке, лицо пыльное, даже черты почти не уловимы, темные штаны все грязные, так же, как и рубашка с распахнутым воротом. Но Олиф знала, что скрывается под этим слоем пыли. Правда, вряд ли уже когда-нибудь снова увидит его настоящего.

Зато глаза у него остались неизменными. Карие. Такие же, как у нее. Ей почему-то всегда нравился светлый цвет глаз, как голубой, например. Теперь же она только радовалась,

что глаза у них одинакового цвета.

Олиф усмехнулась своим мыслям. Лекс перехватил ее взгляд и недоуменно посмотрел на девушку. Она тут же снова уставилась на небо.

Пора уже научиться прощаться.

— Скоро уже все закончится, да? — спросила Олиф таким тоном, словно спрашивала о чем-то несущественном, не имеющем смысла, но важным для поддержания разговора.

— Не знаю. Солнце еще не село.

Девушка поджала губы и замолчала на некоторое время, а затем, когда уже казалось, что больше-то сказать нечего, она преувеличенно бодро заявила:

— А ты знаешь, мне уже надоела эта жара. Может, оно и к лучшему? Ну, что наконец-то можно будет немножко остыть. Это же ненадолго. Потом-то будет все равно. Дома... дома, я всегда хотела попасть в заморские страны. Люди говорили, что там очень тепло, даже жарко. Ну вот, можно сказать, попала. А теперь мне до безумия хотелось обратно, туда, где холодно. Получается, мечты сбываются?

Лекс так на нее посмотрел, как будто впервые в жизни увидел.

— Будешь нести чушь — я тебя сам прирежу.

Было бы здорово. Жаль, что он так специально говорит, только бы ее успокоить.

— Что мне делать?

— В смысле? — не понял Лекс, внимательно вглядываясь в лицо девушке.

— Что мне делать, когда мы попадем к Песчанникам?

— Молчать.

Олиф слабо кивнула. Ей хотелось узнать, как Лексу удалось выбраться из-под зоркого ока Песчанников, но она продолжала разглядывать песок. Ведь если спросить у него об этом, то он точно подумает, что и она решила воспользоваться его способом, начнет злиться... Вряд ли в этот момент он сможет догадаться, что Олиф уже все равно. Она приготовилась умирать, и лишь напоследок хотела удовлетворить свое любопытство.

— Разглядывай небо, — неожиданно сказал мужчина.

— Что?

— Небо разглядывай, а не пески. На них ты еще насмотришься, а вот на небо... нет.

Олиф подняла глаза и вгляделась в лазурную даль, похожую на озеро, которое они нашли на оазисе, только намного светлее и чище. Оно напоминало большой, длинный ковер, и то тут, то там на нем виднелись небольшие размытые облака. Если понаблюдать за ними некоторое время, то белоснежная фигурка, напоминающая нечто вроде головы собаки, разделялась на две части, а иногда и на три, и этот кусочек облака присоединялся к другому собрату. И так они плыли дальше, не обращая внимания на двух одиноких людей, наблюдавших за ними прищуренным взглядом.

Олиф завидовала этим облакам. Они безмятежно плыли по размеренному течению, уготованному им судьбой, и только она сидит на раскаленном песке и мечтает о глубоком сне. А проснувшись, ей бы очень хотелось обнаружить, что все это лишь игра света и тени, что на самом деле она лежит дома, на своей жесткой постели, а рядом бегают Тимка, и пытается вернуть свою сестру в тяжелую реальность.

Но, увы, таких снов не бывает. Единственное, что могли преподнести ей Березини — это вечный сон, без шанса на пробуждение.

— Интересно, почему небо голубое? — спросила Олиф.

— В смысле? — Лицо Лекса становилось все мрачнее и мрачнее.

— Ну, ведь мы привыкли называть голубое голубым. Но что, если голубой вовсе не голубой, а на самом деле зеленый? Тогда и небо должно быть зеленым, а огурцы синими.

— О Берегини, ты еще спроси почему называется называется называется.

— Нет, правда, мы могли бы назвать голубое зеленым! — провокационно воскликнула девушка.

— Могли бы, но не называем, — раздражался Лекс.

— Но могли бы!

— Но не называем!

— Но ведь можно было бы предположить...

— Нельзя. Называй, как тебе нравится. Можешь считать петуха супом, а суп — ведром. Твоей больной фантазии здесь никто не мешает.

«Ты мешаешь», — мысленно обиделась девушка.

— Я просто пытаюсь понять, почему...

— Заткнись, — взбесился мужчина.

— Знаешь что! — совсем обиделась Олиф. — Я тут доживаю свои последние минуты, и хочу провести их хоть как-нибудь, лишь бы не в молчании! А ты, к сожалению, единственный человек, который тут сидит рядом со мной! Поэтому ты все равно меня выслушаешь!

— Да-а? — восхитился Лекс.

— Да, — буркнула девушка.

Мужчина насмешливо хмыкнул.

— Знаешь, почему ты считаешь, что небо голубое?

И видя, что девчонка молчит, продолжил:

— Потому что тебе так внушили. И лучше смиришься с этим.

— Почему? — озадачилась девушка.

— Потому что. Простой пример: тебе с детства внушали, что убивать плохо — это правило. А ты его нарушила. И вот чем это закончилось.

— Еще... еще ничего не закончилось.

— Серьезно? Посмотри на себя: ты на восходе встаешь только потому, что так надо, ноги переставляешь потому, что твой организм хочет влаги, и разговариваешь, лишь бы не сойти с ума в молчании. Ты не человек — ты овощ. Ты уже не живешь.

— Это не так! — воскликнула Олиф.

Лекс ничего не сказал, потому что они оба знали, что он прав. Прав настолько сильно, настолько жестоко, что хотелось выть от отчаяния. Живой труп — вот, кто она.

Олиф отвернулась и принялась выводить какие-то узоры на песке. Ей в голову ударила странная мысль: а что, если она уже сошла с ума? Сумасшедшие задумываются над этим, или нет? Они вообще могут задумываться?

Олиф так и не смогла найти ответа.

Земля треснула, подпрыгнула, и где-то из ее недр послышалось раскатистое шипение. Девушка испуганно вздрогнула, хотела вскочить, но властная ладонь легла ей на плечо, удерживая на месте. Лекс был спокоен, как статуя, на его лице не было ни единой эмоции.

Сердце перевернулось в груди, испуганно замерло, и забилося так сильно, что казалось, будто по всей пустыне разнеслось безнадежное: бум, бум, бум.

Олиф порывисто вздохнула, повернула голову, чтобы посмотреть на тех, кого видела лишь однажды, но вдруг в виске кольнуло настолько сильно, что в глазах потемнело.

Сознание начало уплывать так стремительно, словно его подхватила бурная река, не обращающая внимания на плотину разума.

В ушах, да и в самом предательском сознании, отложился голос Лекса, мягкий и спокойный:

— Прости, не хочу, чтобы ты это видела.

В сознание, словно стрелы влетали обрывки непонятных звуков, вертелись, кружили, вызывая суматоху в и так разбросанных мыслях, и куда-то исчезали. Олиф могла лишь ждать, пока пройдет помутнение, даже не пытаясь разобраться в непонятных: «эм», «жуп», «прогв» и так далее. Постепенно к телу начала возвращаться чувствительность, голоса обретали полную форму, но не смысл. Девушка отчетливо поняла, что что-то держит ее за руки и заодно прижимает к чему-то холодному, вроде бы, стене. Олиф попыталась высвободиться, но ничего не получилось. Кончики пальцев онемели, а сами руки затекли, запястья отдавали притупленной болью.

В помещении было холодно, ощутимо пахло сыростью, потом, и, кажется, откуда-то выбивался запах то ли навоза, то ли мочи. Олиф поморщилась. Приоткрыла глаза и даже не стала щуриться, потому щуриться было не от чего. Там, где она находилась, было темно. Единственный свет, который позволял видеть лишь расплывчатые тени фигур, исходил от стен, в виде небольших зеленых слизней. Что это такое, девушка не имела ни малейшего понятия.

Олиф перевела взгляд на тени. Несколько людей. Хотя нет, не людей — Песчаников. Пять, или шесть. Девушка, наконец, осознала, что на ее запястьях и ногах скованны кандалы, прикрепленные к стене. Они-то и не давали ей шанса пошевелиться.

Лекс что-то невразумительно сказал. Песчаник, лица которого, к счастью, видно не было, зло огрызнулся. Даже оскалился. Олиф перевела взгляд на своего товарища, понимая, что он разговаривает с этими существами на их же языке.

Одна из теней пошевелилась, и сделала шаг вперед, что-то грозно буркнула. При слабом зеленом свете были видны лишь контуры явно мужской фигуры.

Тот, кто разговаривал с Лексом, явно был главным среди них. Это читалось в его отрешенно-безумном взгляде, в его движениях, в его интонации. Он повернулся в сторону Олиф. Медленно приблизился. У девушки сердце екнуло в пятки. Что ему нужно?

Песчаник спросил что-то на своем языке. Лекс ответил за девушку. Что уж он сказал, Олиф не знала, но Песчаник вдруг расплылся в улыбке.

— Тогда поговорим на вашем языке, — жутко корявя все слова, предложил главарь. — Кто она? — вопрос был явно обращен к Лексу.

Тот ответил на языке песчаных людей. Главаря такой ответ не устроил, он покачал головой.

— Нет, скажи так, чтобы она поняла.

— Игрушка, — сказал, как обрезал.

— Игру-у-ушка... verde. De verde! Но, Лекстер, — деланно возмутился главарь, — она же страш-ш-шная! Куда ты смотрел?

— Угадай.

Удар в нос был такой неожиданный, что Олиф аж подпрыгнула и испуганно вскрикнула. Голова Лекса мотнулась в сторону, и даже при таком скупом освещении было видно, как капельки крови забрызгали стену. Только сейчас девушка поняла, что это уже не первый удар — на лице мужчины красовались жестокие подтеки, и на пол капала темно-красная жидкость.

Главарь зацоцкал языком, выказывая неодобрение, а на его лице, бледном и отдающем

синевой при зеленоватом свете, по-прежнему играла милая улыбка. В этот момент Олиф показалось, что в этом существе обитает еще два существа: одно злится от каждого слова, яростно выпрыскивая свою злость на других, а другое отвечает за внешние эмоции, и мило улыбается всем и каждому, пытаясь тщетно доказать, что все хорошо, и добро всегда побеждает зло.

Девушка, с примесью злобы, обиды и страха наблюдала за тем, как Песчаник, поразительно напоминающий типичного человека, вытирает кровь с руки. Ей хотелось жалостно спросить, чего им от них нужно, но она молчала. Не потому, что боялась, а потому, что Лекс так сказал. И когда она только начала верить ему?!

— Ты, — он ткнул пальцем, в котором проглядывались кристальные песчинки, в девушку, — как тебя зовут?

— О... О-Олиф. — Голос дрожал. Она прекрасно понимала, что не стоило показывать им своего страха, но эмоции были сильнее нее.

— Скажи мне, сколько ты тут уже? — все так же мило и беззаботно спрашивал он.

— Н-не помню...

И тут главарь сделал то, что заставило Олиф сжаться от страха и удивиться быстроте, резкости и ловкости Песчаника. Он приблизился к девушке, схватил за подбородок, и таким знакомым движением задрал ей голову поближе к свету, чтобы пристально заглянуть в глаза.

— Недолго. Хорошо. Отправьте ее к «лапочкам», пускай подготоят. — Его голос стал грубым, не терпящим возражений.

Никто не пошевелился. Главарь удивленно повернулся к своим людям, потом понял, что все это время говорил на чужом языке, и повторил то же самое на своем.

Остальные Песчаники, до этого момента казавшиеся лишь тусклой, размытой тенью, тут же дернулись к девушке, исполнять приказ. Олиф испуганно вытаращилась на них, а в следующую секунду по всему помещению раскатистым басом прогремел смех Лекса. Такой громкий и такой зловеще-насмешливый, что у девушки по спине пробежала стая мурашек.

— Что смешного? — резко, грубо спросил главарь, приближаясь к мужчине.

Тот ответил ему на их языке.

На секунду Олиф показалось, что лицо Песчаника перекосило от отвращения, но она тут же подумала, что ошиблась, ведь никаких изменений не произошло. Он все так же спокойно смотрел на Лекса, и лишь его кулаки то сжимались, то разжимались.

Главарь снова подошел к Олиф

— Милая... маленькая розочка, — ласковым голосом начал он, и почти сразу же ткнул пальцем в заключенного в кандалы мужчину. — Скажи, он тебя трогал?

— Т-трогал? — переспросила ошарашенная девушка.

— Не знаю. Это ты мне скажи.

Она перевела взгляд на бесстрастное лицо Лекса. Кажется, тот чего-то ждал, и вытаскивать Олиф из этой ситуации не собирался.

— Я-я...

— Ну? — нетерпеливо отозвался Песчаник.

— Я-я...

— Ты? Нет, не ты, а он. — У девушки появилось стойкое ощущение, что этот... это существо играет со всем ними. Забавляется происходящим, и одновременно внимательно изучает каждого из них.

— Я-я... — снова глупо повторила Олиф.

— Нет, Лекстер, я тебя определенно не понимаю! Это все, что она знает? Я, да я Девочка, ты тупая, как стадо ослов. Я разве спрашивал про тебя? — Песчаник вплотную подошел к ней, слегка коснулся колючими пальцами молоденькой кожи и заставил ее повернуть голову. — Вот видишь эту тварь, что висит рядом с тобой? Я спрашиваю тебя: он спал с тобой или нет?

— Нет, — смело ответила девушка. Она вдруг поняла, почему Лекс молчит. Если он сейчас заговорит, главарь тут же заподозрит что-то неладное. Поэтому теперь ответственность за их жизни перевалила на чашу весов Олиф.

— Я так и знал! — победно отозвался Песчаник.

— Это я спала с ним, — сохраняя спокойное выражение лица, добавила девушка. — Это вышло случайно.

Краем глаза уловила... уважение, да именно уважение во взгляде Лекса.

Главарь был ошарашен.

— Разве я похож на того, кто отказывается от таких подарков судьбы? — послышался насмешливый голос рядом.

Песчаник словно только этого и ждал. Он замахнулся и с такой силой врезал мужчине, что Олиф на секунду послышалось, будто что-то хрустнуло. Она зажмурилась, не в силах наблюдать за всем этим.

— Ты совершила большую ошибку, когда раздвинула перед ним ноги, — выплюнул главарь, обращаясь к девушке, и раздал несколько приказаний на своем языке.

К Олиф снова подошли тени, вблизи оказавшиеся все теми же Песчаниками. Один из них принялся открывать замок на руках, а другой на ногах, девушка почувствовала, как жесткие, тяжелые оковы спадают с и без того разодранной кожи. Боль стрелой прокатилась по всему телу, вползла в раны и поселилась там, казалось, навсегда, не собираясь утихать ни на секунду. Из груди вырвался отчаянный стон.

Ее схватили под локотки, и повели, вернее, понесли — ноги у Олиф отказывались слушаться, — прочь из этого помещения. Краем глаза она заметила, что и Лекса так же освободили.

Девушка сжалась от страха и странного ощущения в груди, плавно перетекающего в тугую комок тревоги, грызущего ее все это время. Попыталась оглянуться, но крепкие, осыпающиеся руки Песчаников загородили ей весь обзор. Куда делся Лекс?

Они остановились, что-то невдалеке щелкнуло, послышался скрипящий звук открывающейся двери, и Олиф увидела перед собой тоннель. Длинный, широкий, со светящимися слизнями на стенах. Песчаники вошли внутрь, вернее вышли наружу. Ее тащили дальше, а она все не могла оторвать взгляда от этих странных существ на стенах. Они напоминали слизней, а может, ими и являлись, толстых и противных, а внутри них словно горела свеча. Гадкие на вид существа, казалось, приклеились к темным каменным стенам, едва освещая путь.

Куда ее ведут, девушка не решалась спросить.

Она отметила, что Песчаники безумно похожи на людей, только состоят из песка. У них, так, как и у людей, разные формы носа, изгибы губ, разрезы глаз... Их поведение ничуть не отличалось от человеческого. Это было странно. Олиф привыкла считать, что Песчаники — звери, в прямом смысле этого слова. Но, оказалось, нет.

В тоннеле было холодно и сыро, однако девушка почему-то ничего не чувствовала. Они заворачивали то вправо, то влево, после десятого поворота Олиф сбилась со счета и отдалась

в руки Провидению. Пускай. Пускай все идет своим чередом.

Она даже перестала гадать, куда ее могут вести, и лишь один единственный вопрос безумно мучил ее. Интересно, что случилось с Лексом?

Девушка вскинула голову, взглянула на темный потолок. Вот и все, прощай голубое небо.

Песчаники снова остановились, один из них открыл широкую и толстую дверь, с усилием навалился на нее, и Олиф завели внутрь. Тюрьма. Вокруг было множество решеток, которые тянулись, казалось, бесконечно. Запах моментально поменялся: пахло грязными, невымытыми телами, и мочой. Девушка хотела зажать нос рукой, но ту держали Песчаники. Ей ничего не оставалось, как просто задержать дыхание.

Ее подвели к одной из камер, и достаточно аккуратно впустили внутрь.

Олиф не сопротивлялась.

За Песчаниками безнадежно захлопнулась сперва камерная, а затем входная дверь. Девушка прислонилась к решетке, чувствуя обжигающий холод железа. Раньше она мечтала об этом холоде, а теперь... нет, обратно в пустыню ей не хотелось. Теперь у нее осталось только одно желание.

Дверь со скрипом отворилась. Олиф удивленно отстранилась от решетки, отошла к стенке. Мимо нее прошли несколько Песчаников, которые вели, так же под локотки, Лекса. Вот только с него кандалы не сняли. Мужчину проводили до камеры, и, как только он оказался внутри, закрыли ее на несколько замков.

Олиф не решалась позвать старого товарища даже после того, как за Песчаниками закрылась входная дверь.

Девушка опустилась на холодную землю и прислонилась головой к стенке, наблюдая за пустующей камерой напротив. Лекса слышно не было, со стороны могло показаться, что его вообще там нет. Он умел дышать очень тихо, и даже в крошечной тишине, где каждый шорох отдавался гулким эхом, мужчина словно пропал.

Сидеть на полу было холодно, Олиф поднялась. Прошла из угла в угол, и все-таки не выдержала.

— Лекс?

Ответа не последовало.

— Лекс, ты там?

Молчание. Словно и вправду нет. Но он есть, Олиф это знала.

— Лекс!

Ни смешка, ни раздраженного вздоха. Ничего. Девушка вспомнила, как главарь назвал его Лекстером. Это имя было для нее непривычным, но она решила попробовать.

— Лекстер. — Ни спрашивала, ни звала, просто утвердительно сказала.

— Не называй меня так.

Улыбка тронула губы девушки. Она ведь знала, что он там.

— За что тебя побил этот... странный... чело... чудик?

— Он пошутил. — Голос у него был тихий, размеренный, словно Лекс спал.

— Это было совсем не смешно! — возразила девушка.

— Я ему передам.

Олиф поняла, что мужчина не настроен на разговоры, и поэтому замолчала. Взглянула на потолок. Посмотрела на стены. На пол. Все было выложено из камня, и видимо очень-очень давно, потому что, то там, то тут виднелись выбоины, трещины, а где-то камней не

было вовсе. Но строители, похоже, были предусмотрительны: за камнями лежали доски, и уже пробираясь через их трещины, песок понемногу засыпался внутрь, образуя на полу небольшую горочку.

— Что они хотят с нами сделать? — вопрос вырвался как-то сам собой.

Со стороны Лекса послышался тяжелый вздох.

— Тебя отправят к «лапочкам».

— К «лапочкам»? — опешила Олиф. — Но зачем тогда был весь этот спектакль?! Что... ну, мы... мы с тобой...

— Тебя отправят только к «лапочкам». А могли отправить к Хозяину.

Хозяин. Вот, как они его называют.

— А что будет с тобой?

— Буду лежать на траве, и наблюдать за бабочками.

— Куда отправят тебя? — не обращая внимания на его сарказм, требовательно спросила девушка.

— Далеко.

— Что значит далеко? — не поняла Олиф.

— То и значит.

На душе у девушки стало ужасно паршиво, хотя, казалось, больше уже некуда. Звук человеческих голосов зловеще отражался от стен практически пустого помещения, словно показывая гостям, что выбраться отсюда невозможно.

В горле встал комок. Девушка сглотнула, и комок переместился в пустой желудок. Радостно растянулся там, вызывая приступ тошноты.

— Я не хочу... — едва слышно выдавила она.

Но тут же прикусила язык. Ее никто не спрашивает. И никогда уже не спросит.

Олиф оставалось только надеяться, что все, что они сказали главарю — действительно идет во благо им самим же. Она присела на каменный пол, изрядно засыпанный песком, и принялась разглядывать железные прутья.

Марика наверняка сейчас сидит в их маленьком домике, готовит что-нибудь, или убирает, а может, укладывает Тимку спать, и даже не представляет, где сейчас оказалась ее сестра. Хотя, ей и не нужно представлять. Для Марики нет больше никакой Олиф. Теперь она мертва. Она умерла еще тогда, когда шагнула за Песчаную Завесу.

Девушка устало прислонилась головой к холодной стене. В этой тюрьме также царил полумрак, разбавляемый лишь слабеньким светом зеленых слизней.

— Что это за существа? — обратилась Олиф к Лексу.

Но тот, как обычно, промолчал.

— Эй, ты знаешь, что это за зеленая светящаяся слизь? — настойчиво повторила свой вопрос девушка.

— Светожелы, — лаконично ответил ей мужчина.

Олиф находится тут все ничего, а уже жалеет о том, что когда-то не послушалась Лекса. Что тогда не успела налюбоваться светлым небом.

Неожиданно девушка поняла, что тень от ее тела постепенно пропадает, и все больше сменяется зеленым свечением. Повернула голову, и увидела, как маленький комок слизи перебрался на стенку позади нее. Олиф осторожно поднялась на ноги, подошла к светожелу и слегка коснулась его кончиками пальцев. На ощупь тот оказался вовсе не слизким, а гладким и даже немного мягким.

Девушка снова провела по нему пальцами, но уже ошутимее. Светожел неожиданно пошевелился и распахнул огромные глаза, жалобно посмотрев на нее. Олиф испуганно одернула руку. Зеленый комок тут же почувствовал неладное, и закрыл глаза, опять став похожим на обычную слизь.

«Вот это чудеса», — восхищенно подумала девушка.

Она снова коснулась его кончиками пальцев, и когда тот открыл глаза, радостно улыбнулась. На нее смотрели два огромных черных зрачка, вокруг которых кольцом светилась зеленая радужка, и умоляюще пытались заслужить еще немного ласки. Олиф тут же вспомнила соседских котов, которые жмурились от удовольствия, когда их начинали чесать под холкой. Ей это показалось настолько милым, что она не удержалась и принялась гладить маленького светожела. Его веки чуть опустились, он едва заметно пошевелился и в следующее мгновение распушился. Олиф снова испуганно одернула руку и посмотрела на пушистое глазастое создание. На этот раз он ее движения уже не испугался.

— Какой же ты чу... — начала она, но грохот открывающейся входной двери заглушил конец фразы.

Светожел тут же принял свой обычный вид, закрыв глаза и втянув в себя волосы.

Олиф осторожно подошла к решетке, чтобы лучше разглядеть новоприбывших. Песчаники приблизились к ее камере, открыли дверь и под локотки вывели девушку наружу. Она успела оглянуться и убедиться, что к Лексу никто не подошел. И что он так и не выглянул из своей камеры.

* * *

Олиф вели все по тем же мрачным, холодным коридорам. Светожелы больше не открывали глаз и не пушились. Казалось, что все эти повороты бесконечны. Как Песчаники умудряются не заплутать тут, оставалось только гадать. Девушка старалась идти ровно, не выказывать своего волнения и страха, но все равно то и дело спотыкалась.

Сколько они шли, Олиф не знала. После очередного поворота она вдруг увидела, как вдалеке пляшут игривые огоньки пламени. Стоило им приблизиться к еще одной развилке, Олиф поняла, что этот свет исходит от факелов, расставленных возле каждой двери. А дверей здесь было много, очень много, они тянулись до самого конца коридора.

Девушку подвели к одной из этих дверей. Песчаник грубо постучал, и спустя несколько мгновений перед ними предстала красивая девушка, с рыжими кудрями, доходившими ей до пояса, и в полностью просвечивающей розовой тряпке, перевязанной на поясе.

Олиф почувствовала, как у нее подкашиваются ноги.

— Принимайте новенькую, — пробасил один из ее сопровождающих.

Рыжая обворожительно улыбнулась, подошла к девушке и аккуратно потянула ее на себя.

— Какие вы невежливые, мальчики. Они тебе напугали? — нежно осведомилась она.

Олиф порывисто вздохнула и замотала головой.

— Ну не переживай, тут все твои проблемы мигом решаться.

Олиф уж и не знала, что хуже: здесь или там. В отчаянии оглянулась на грозных Песчаников, но тех уже не было. Рыжая закрыла дверь и попросила Олиф не стесняться, проходить и чувствовать себя, как дома.

Девушка испуганно оглядела комнату. Тут было светло, повсюду горели свечи, и витал приятный душистый, явно искусственный аромат. Возле одной стены стояла большая кровать, напротив нее вторая, а между ними расположился черная медвежья шкура. Олиф перевела взгляд на большое зеркало, возле которого расположилась тумбочка с кучей флакончиков, скляночек и расчесок, а так же шкатулок, из которых выглядывали тонкие непонятные предметы.

— Твоя кровать у дальней стены, — объявила рыжая. — Моя прежняя соседка недавно съехала, поэтому тебя никто не выгонит.

Олиф хотела спросить, куда в этом подzemелье могла съехать соседка, но не стала этого делать. Она решила, что безопаснее будет молчать.

— А ты, я смотрю, только-только сверху, — продолжала «лапочка». — Тебя придется привести в надлежащий вид. Вставай здесь.

Голос у нее был приятный, мелодичный. Она не вызывала отторжения, во всяком случае, на первый взгляд. Олиф покорно встала возле зеркала и позволила девушке делать с ней все, что той будет угодно.

— Эти тряпки выкинем, — щебетала та, — давай, снимай с себя все. Сейчас нам принесут бочку, и мы отмоем все это.

Девушка стянула с себя огрызок некогда хорошего платья, и рыжая с неким неудовольствием посмотрела на ее перевязанные бедра.

— Сколько уже идет кровь?

— Два дня.

«Лапочка» тяжело вздохнула и приказала:

— Развязывай. Я принесу другую повязку.

Рыжая подошла к одной из занавесок, отодвинула ее и скрылась в соседнем помещении. Олиф послушно принялась за дело и тут вспомнила, что у нее в складках лежит небольшой ножик. Она выудила его трясущимися руками, оглянулась, пытаясь придумать, куда можно было бы его спрятать, и, понимая, что рыжая возвращается, быстро засунула его под кровать.

Разноцветные занавески раздвинулись, из них плавной походкой выплыла «лапочка» и протянула Олиф тонкую повязку, с четырьмя толстыми нитями по краям. Ничего не спрашивая и абсолютно не стесняясь, она раздвинула девушке ноги, стерла всю засохшую кровь влажным полотенцем и завязала новую подкладку.

В этот момент в комнату внесли бочку двое Песчаников, и, не обращая на девушек никакого внимания, тут же вышли. Это немного удивило Олиф, но рыжая тут же заставила ее забыть о своих мыслях, приказав стирать с себя всю грязь. Затем наложила какую-то прохладную мазь на пожелтевший синяк на щеке.

Спустя некоторое время, она нацепила на девушку чистое красивое платье, длина которого достигала ее пят. Ткань была приятной и нежной, в отличие от ее прежней одежды, до боли коловшей кожу.

Рыжая подвела ее к зеркалу и гордо провозгласила:

— Ну вот, теперь хоть на девушку похожа.

Олиф с сомнением оглядела чистое, ухоженное отражение. Платье плотно облегалo фигуру, правда, никак ее не подчеркивало, а наоборот, слишком выделяло выпирающие бедра. За последний месяц Олиф очень сильно похудела, и теперь напоминала тощую обглоданную кость. Кожа, загоревшая на солнце, совершенно не сочеталась с темно-синим цветом платья. Желтеющий синяк на щеке тем более не мог сгладить общее впечатление.

Скорее всего, именно поэтому Олиф не почувствовала ни радости, ни восторга, а лишь какое-то обреченное смирение.

— Загар скоро спадет, — заверила ее «лапочка», — и синяк тоже не вечен.

И видя, что Олиф ничего на это не отвечает, добавила:

— А знаешь, твоя прическа мне нравится. Очень необычно. Сейчас только переплетем...

Рыжая усадила девушку на стул и принялась ловко работать пальцами, перебирая ими локоны. Олиф перевела взгляд на тумбочку: на ней находилось столько красивых вещей и приспособлений, о которых в прошлой жизни девушка могла только мечтать. Гребень, которым «лапочка» проводила по ее волосам, показался ей особенно привлекательным. Тонкая лазурная оправка, с вкраплениями мелких камешек, цвета хаки. Дорогая, наверное, вещица. Интересно, как она сюда попала?

— Ну вот, теперь и волосы приведены в порядок.

Рыжая немного отошла от девушки и умиленно на нее посмотрела.

— Прекрасно. Ты выглядишь как...

Дверь с размаху распахнулась и стукнулась о стенку, заставив подскочить на месте обеих девушек. В комнату размашистым шагом влетел высокий, по пояс обнаженный мужчина, в пятнах крови.

— Прости, дорогой, сегодня я занята, — проворковала «лапочка».

Нежданный гость перевел взгляд на вторую девушку. Олиф внутренне напряглась, чувствуя, как в животе натянулась тугая струна. Не узнать этого человека было трудно, даже не смотря на то, что в тот момент, когда они встретились, солнце еще даже не показалось из-за горизонта.

И хотя тогда он ей ничего не сделал, лишь ощупывал Хэнка, и смотрел, как главарь пытался ее изнасиловать, Олиф почувствовала чудовищное отвращение.

Мужик, наоборот, ее не узнал, только сказал еще несколько слов «лапочке», и вышел.

— У него кровь... — выдавила Олиф.

— О, ты умеешь разговаривать, — обрадовалась рыжая. — А на кровь не обращай внимания, они вечно все кровавые приходят.

— Почему?

— Им приходится вое...

В этот момент дверь снова распахнулась, но на этот раз в нее влетели несколько девушек, больше напоминающих разноцветную радугу. Их было всего пять, они носили такую же прозрачную ткань, что и рыжая «лапочка», к которой поселили Олиф. Одна была зеленая, другая красная, еще была фиолетовая, голубая и темно-синяя.

Девушки, словно ураган, замельтешили по комнатке. Каждая из них чмокнула рыжую в щечку, а затем все эти «разноцветные девушки» расселись по постелям.

— Мы пришли познакомиться с новой соседкой! — радостно выдала «лапочка» в розовом одеянии, с копной длинных белых волос. Лицо у нее было приятное, единственное, что портило его — это большая черная родинка над губой.

— Она не слишком разговорчива, — предупредила рыжая.

— Я Кудряшка! — выкрикнула другая «лапочка», тоже рыжая, только с такими обильными кудрями на голове, которые, наверное, не возьмет ни одна расческа.

Она была полноватой на вид, с маленькими глазами, тонким ртом и большими, пухлыми щеками.

— Меня зовут Родинка, — представилась блондинка, что недавно выразила за всех желание познакомиться.

— Я Гера, — подала голос высокая, длинноногая брюнетка, с прямыми, не ровно обрезанными, волосами.

— А мы Ви-Ди, — радостно подпрыгнула на перине еще одна блондинка, только коротко стриженная.

— Да, Я — Ди, а она — Ви, — подтвердила точно такая же блондинка. Близняшки.

— А тебя как зовут? — поинтересовалась «лапочка» с кудрявыми рыжими волосами.

Девушка на секунду растерялась, не зная, отвечать или нет, но все-таки, спустя мгновение честно сказала:

— Олиф.

— Олиф?

— Э-э-э...

— Правда что ли?

— Какой ужас... — раздался тут же гомон голосов.

— Я хочу называть ее Пушистик! — воскликнула длинноволосая блондинка.

— А что, по-моему, не плохо! — поддержали ее близняшки.

— Скучно. — Это, кажется, была темноволосая и длинноногая.

— Девочки, тише! — захлопала в ладоши рыжая. — Вы ее пугаете!

Олиф сидела, разинув рот от удивления.

Все понемногу смолкли.

— Итак, Олиф, — добродушно улыбнулась рыжая, — как ты уже поняла... твоё имя... оно...

— Не котируется, — вставила Кудряшка.

— Ты хоть знаешь, что это значит, дура? — тут же зашипела на нее, кажется, Родинка.

— Знаю!

— И что?

— Это значит, что её имя дурацкое!

— Ну так вот, — перебила рыжая, — мы решили называть тебя Пушистиком.

Наверное, если бы Олиф в данный момент могла шевелиться, она бы забилась в истерику, давилась смехом вперемишку со слезами, но её охватил полный ступор, и все, что она могла сделать — это пару раз моргнуть.

Пауза затягивалась, девушки ждали реакции на слова рыжей «лапочки», но в комнате повисла тишина.

— Может, она немая? — не выдержала Кудряшка.

— Она же сказала нам своё имя, дура! — злобно опровергла такое предположение Родинка.

— Тогда что с ней? — возмутилась пухлая девушка.

— Наверное, она просто в шоке, — выдвинула своё предположение, то ли Ви, то ли Ди.

— А она живая вообще? — подняла бровь Кудряшка.

— Кто-нибудь ткните её! — раздраженно перебивая всех остальных, воскликнула Гера.

— Куда?

— Куда-нибудь!

Одна из блондинок-близняшек вскочила на ноги и приблизилась к Олиф.

— Не надо в меня тыкать! — испугалась та.

— Ты смотри-ка, живая, — присвистнула длинноногая брюнетка.

— И разговаривать умеет, — подхватила Родинка.

— Ну, что нам скажешь? — скрестила руки на груди Кудряшка.

В комнате снова повисла тишина. Олиф уже справилась со своим шоком и теперь прекрасно понимала, что действительно нужно что-то сказать.

— Э-э... а почему у вас такие странные имена? — Ее голос звучал приглушенно, словно она уже очень давно не разговаривала.

— Тут все просто, — улыбнулась рыжая. — Родинку так называют из-за родинки на щеке, Кудряшку — из-за кудрей, Геру...

— На самом деле, ее зовут Мегера, — встряла пухлая «лапочка».

— Заткнись! — шикнула на нее длинноволосая блондинка.

— Да, Геру на самом деле зовут Мегерой — за характер, — продолжила рыжая, — Ви-Ди... — тут у нее на переносице образовалась морщинка, — э-э... кто-нибудь помнит, почему их так зовут?

Девушки отрицательно замотали головой.

— Ну, в общем, вот так.

— А можно спросить! — воскликнула Кудряшка, обращаясь к Олиф.

Та слабо кивнула, понимая, что отвечать на вопросы, так или иначе, придется.

— Ты сама придумала такую прическу?

— Ну... да.

И тут на нее шквалом посыпались вопросы. «Лапочки», перебивая друг друга, голосили на весь подземный лабиринт, похоже, даже не замечая, что Олиф ни на какие вопросы не отвечает.

— Как давно ты в пустыне?

— Как ты попала сюда?

— А ты не помнишь, кто тебя сюда привел?

— С тобой кто-нибудь еще был? Мужчина? Красивый?

— У вас роман?

— Дети есть?

— А хочешь?

— Что ты больше любишь: доставлять или получать удовольствие?

— Ты ешь овсянку? Ты вообще много ешь?

Олиф в отчаянии посмотрела на рыжую «лапочку», имени которой так и не узнала, взглядом умоляя прекратить этот ужас.

— Ладно, девчонки, Пушок уже устала, возвращайтесь в свои комнаты.

Девушки разочарованно заворчали и начали разбредаться. Неожиданно к Олиф подскочила Кудряшка и затормошила:

— А ты точно не помнишь, кто тебя сюда привел?

Олиф испуганно замотала головой.

— Жаль... надо было запомнить...

И эта жизнерадостная «лапочка», словно ветер, плавно выплыла из комнаты. Как только дверь захлопнулась, Олиф показалось, что у нее в ушах до сих пор стоит жуткий гомон голосов. Девушка устало потерла виски. Ей на мгновение представилось, что все это больше похоже на сумбурный день равноденствия — именно в этот праздник все девушки наряжались в разные костюмы — смешные и не очень, элегантные и потешные, открытые и

эротичные — и устраивали пляски до самого утра. На этот праздник сбредались люди не только из всего села Чернь, но и из соседних тоже. Сотни «разноцветных» людей гуляли по улочкам, стучали в дома, а иногда и просто так заходили, хозяева не возражали, наоборот, они были обязаны оказать хлебосольный прием.

Жаль, Олиф этого уже никогда не увидит.

— Они могут показаться немного странными, — сказала рыжая, — но ты скоро привыкнешь.

Конечно, привыкнет. Ей ничего и не остается, как привыкнуть.

«Лапочка» неожиданно заторопилась, быстро расчесала волосы, пшыкнула чем-то себе на шею, разгладила складки на своем прозрачном одеянии.

— Ты уходишь? — спросила Олиф.

— Да, мне нужно идти, — кивнула рыжая, — посиди тут. Тебе что-нибудь нужно? — спросила она уже около двери.

— Я хочу есть.

— К сожалению, еду принесут...мм... попозже.

Во взгляде рыжей девушки проскользнуло что-то сочувствующее, но она тут же быстро развернулась и вышла. Олиф молча наблюдала за закрывающейся дверью.

Теперь в комнате повисла удушающая тишина.

Девушка поднялась и подошла к своей постели. Та была деревянной, даже с периной. Может, все не так уж и плохо? Олиф легла и тут же почувствовала, как пружина прогнулась под ее весом. Это было приятно, не то, что жесткая земля и шуршащий песок.

Она посмотрела на потолок: на нем играли тени, отбрасываемые пламенем свечи, они то увеличивались, то, наоборот, становились крошечными, разделялись и окутывали все пространство. Олиф вспомнилась ночь на оазисе, когда она пошла сменить пропитавшуюся кровью ткань, и заодно решила постирать платье. Тогда, в окружении больших, высоких деревьев, которые отбрасывали практически такие же зловещие тени, она чувствовала необъяснимый страх за свою жизнь.

А теперь чувствует страх только перед неизвестностью.

Что-то внутри Олиф надломилось. Она оказалась там, где так боялась оказаться, и теперь лежала на мягкой постели, в чистой, ухоженной комнате, и все выглядели безумно приветливыми. Только это лишь фон, обложка. Что скрывается внутри, Олиф не знала, и этой неизвестности боялась больше всего.

Вспомнив про нож, девушка села и чуть приподняла перину. Покрутив в руках маленький предмет, которым буханку хлеба-то разрезать было трудновато, сунула его за пазуху.

Девушка прошлась по комнате, еще раз поразившись разнообразию цветовых оттенков. Казалось, что она действительно попала на радугу, а не под землю.

Олиф приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Буквально в двух локтях от нее висел факел в металлической оправе, отбрасывая на стены темные, пляшущие тени. Из соседних комнат слышался смех вперемешку с грозными криками. Какая-то девушка быстро пробежала по коридору, не замечая ничего вокруг.

Похоже, жизнь здесь кипела вовсю.

Олиф сделала шаг вперед и прикрыла за собой дверь. Блуждать по бесконечным лабиринтам ей не хотелось, она решила осмотреться, чтобы представлять, что ее ждет за пределами комнаты и в случае чего, сбежать.

Стоило ей завернуть за угол, как она вновь погрузилась в темноту, разбавляемую лишь слабым зеленым светом. Не удержавшись, девушка подошла к одному из светожелов и, едва касаясь пальцами кожи, погладила. Спустя несколько мгновений он распахнул большущие глаза и чуть прикрыл веки от удовольствия. Олиф улыбнулась. Впервые, наверное, искренне.

Неожиданно светожел резко закрыл глаза. Девушка повернула голову и увидела тень, вышедшую как раз из освещенного коридора. Стены отвечали гулким эхом шаркающих шагов. Недолго думая, Олиф, стараясь ступать осторожно, быстрым шагом пошла к ближайшему повороту. Прислонилась к стене. Прислушалась. Шаги становились все отчетливее. Решив не рисковать, она прокралась до следующего поворота, на мгновение обернулась, и поняла, что неизвестный идет за ней. При таком освещении он вполне мог ее заметить.

Поджав губы, девушка свернула еще раз. Как долго это может продолжаться? Она совершенно не знает, куда идет. Главное запомнить, сколько раз пришлось повернуть, и в какую сторону.

Понимая, что рискует окончательно заблудиться, Олиф прижалась к стене и зажмурилась, надеясь, что неизвестный либо свернет раньше, либо не заметит ее. К счастью, тот выбрал первое. Можно сказать, ей впервые в жизни действительно повезло.

Повернув голову, девушка увидела, как из соседнего тоннеля виднеется слабое свечение. Слава Берегиням, она прошла по кругу. Олиф быстренько преодолела небольшое расстояние, и тут поняла, что никакого круга не было. Тоннель был совершенно другой. Девушка остановилась перед огромной, деревянной, ярко украшенной витиеватым узором дверью. Нерешительно потопталась.

«Нужно убираться отсюда, и как можно скорее», — пронеслось в голове.

Стоило Олиф повернуться, чтобы снова вернуться в полутьму, как огромная дверь резко распахнулась, чуть не задев ее саму. Девушка с писком отскочила в сторону и уставилась на мужчину, вышедшего за порог.

— Что ты здесь забыла? — недружелюбно спросил он.

При колыхающемся свете он больше напоминал огромного великана, вышедшего на охоту за свежим человеческим мясом. И голос у него был грубый, посаженный, даже неприятный.

— Я... ищу... ищу выход, — пролепетала Олиф.

— Выход, — насмешливо повторил мужчина. — Здесь его нет.

— Я... я уже поняла, простите. До свидания.

Олиф снова повернулась, но тут сзади кто-то удивленно воскликнул:

— Пушок?!

Она глубоко вздохнула и посмотрела на рыжую девушку, стоящую позади этого огромного великана. Ощущая то ли разочарование, то ли облегчение, виновато улыбнулась.

— Ты что здесь делаешь, Пушок? — никак не могла прийти в себя «лапочка».

— Она ищет выход, — подсказал тот, что своей спиной закрывал почти весь дверной проем.

Рыжая проскользнула под рукой мужчины и подошла к Олиф, схватив за руку.

— Прости ее, она новенькая.

— Я вижу.

— Такого больше не повторится, — заверила его девушка, посмотрев на него таким взглядом, что даже у Олиф щеки запылали.

— Надеюсь.

Великан резко закрыл дверь с такой силой, что казалось, будто даже стены покачнулись.

— Совсем сдурела?! — прошипела «лапочка», почти вплотную наклонившись к лицу Олиф. Она стиснула ее руку и потащила в сторону темного коридора.

Некоторое время они шли в молчании, лишь сворачивали, то вправо, то влево. Наконец, впереди показались пляшущие тени, отбрасываемые факелами. То, что это нужный коридор было понятно сразу — слышался веселый смех, да и сам свет был намного ярче.

«Лапочка» молча впихнула девушку в комнату, и только тогда заговорила:

— Зачем ты вышла? Зачем? Меня не было совсем чуть-чуть, неужели так трудно было подождать?!

Она не кричала, просто очень злилась, и этим фактом Олиф была поражена больше всего.

— Прости...

— Нет. Нет, это я виновата. Не стоило оставлять тебя одну. Я... я, — рыжая глубоко вдохнула, пытаясь совладать с собой. — Больше туда не ходи, ладно?

— Ладно.

— Вот и хорошо. — Девушка села на стул и стала теревить какую-то ткань.

— А кто он? — спустя мгновение спросила Олиф, не в силах совладать с любопытством.

— Так и знала, — сквозь зубы прошипела «лапочка», и уже громче ответила: — Он — один из лучших, верее, лучший воин. С его мнением считается Хозяин. Так что, если хочешь сохранить голову — держись от него подальше.

— Он... воин?

— Да, воин.

— Но что тут делает воин?

— Когда я только-только тут оказалась, я тоже ничего не понимала, — вздохнула «лапочка».

— Да... но воин?! Зачем тут воин?!

— Пушок, оглянись, внимательно посмотри вокруг... что ты видишь?

Олиф удивленно вскинула брови.

— Комнату.

— Вот именно. А за дверью что ты видела?

— Лабиринт, — осторожно ответила сбитая с толку девушка.

— Да. Комната, лабиринт, комната... лабиринт. Наскучивает, не правда ли? Думаешь, Песчанники — звери? Возможно, но даже зверям нужно развлечение. Женщина? Хмм... да, но и это быстро приедается. К тому же, они не любят человеческих самок. Зато они любят зрелища. Жестокие, кровавые зрелища. Пушок, как ты думаешь, зачем им все эти мужчины? Зачем им тот мужик, что недавно заходил в эту комнату? Все просто. Они и устраивают зрелище — Бои. Все эти мужчины, что ходят по темным, тошнотворно-зеленым коридорам, колошматят друг друга ради того, чтобы доставить Песчанникам удовольствие... и сохранить собственную жизнь. Ведь у них нет выбора, они будут драться, в любом случае. А после того, как Песчанники насладятся зрелищем, эти мужики приходят к нам, и мы залечиваем их раны. И тебе придется залечивать их вместе с нами.

Олиф медленно опустила на кровать. Она не сводила глаз с рыжей «лапочки», сама не

понимая, что пытается в ней найти.

— Ты знаешь всех, кто здесь был?

— Да, их тут не так уж много.

— Может быть, ты видела...

— Кого?

— Он... такой толстенький, щеки пухлые, он все время гыгыкал, и... его зовут Хэнк.

— Твой любовник? — с любопытством поинтересовалась рыжая.

— Что? Нет, — замотала головой Олиф. — Он мой друг.

— Что ж, мне очень жаль. Я видела его. Он был твоим другом. Не продержался и двух минут.

Олиф обреченно закрыла глаза.

— Ясно.

Бедный Хэнк... он так боялся Песчаников, прятался от них на оазисе, и так глупо попался. А умер еще глупее. На каких-то бесполезных боях, призванных нести радость, путем убийства своих друзей. Во всяком случае — знакомых. Да просто собратьев по несчастью.

— Со мной был один... человек, — спустя некоторое время вновь подала голос Олиф. — Его тоже отправят на Бои?

— Туда отправляют всех.

Олиф почувствовала, как ее ногти с силой впиваются в запястье. Она поморщилась от боли, легла на спину и повернулась к стенке.

— Хочешь побыть одна? — без особого участия спросила «лапочка».

Девушка ничего не ответила, только слабо кивнула. Увидела этот жест рыжая или нет, она поняла только после того, как услышала щелчок входной двери.

Олиф потеряла счет времени. В пустыне перед наступлением ночи солнце всегда уходило за край земли, а тут не было солнца. Тут вообще ничего не было. Прав был Хэнк, когда предупреждал, что Песчаники — истинное зло.

Говорят, что по тем, кто сопротивляется, бьют сильнее всего. Можно ли считать Олиф сопротивляющимся человеком? Наверное. Ведь удар пришелся ниже пояса.

Надо было нормально попрощаться с Лексом. А то она, как дурочка, все спрашивала, куда ее отправят. А допытываться надо было, куда отправят его.

Было бы проще забыться сном, уйти от этой грязной реальности, но сон не шел. Вроде бы давно уже пришло осознание того, что это лишь краткие секунды стремительно уплывающего времени. Вроде бы Олиф смирилась с этим. Но уснуть так и не могла.

Наконец, послышался щелчок двери.

Девушка повернула голову.

— Не спишь еще? — удивилась «лапочка».

— А что, пора?

— Нет, тут все спят, когда захотят. Просто я подумала...

— Нет, не сплю, — не дала ей договорить Олиф и снова отвернулась к стенке.

— Не волнуйся, скоро привыкнешь.

«Нет», — про себя отрезала девушка.

— Да, кстати, скоро принесут еду, — добавила рыжая. — Знаешь, тебе пора осваиваться. Сегодня, скорее всего уже никто не придет, но завтра будут Бои, и тебе так или иначе придется доставлять кому то удовольствие. Кстати, есть и хорошая новость: ты

можешь сама решить, кто это будет.

Олиф зажмурилась. Она никому и никогда не будет доставлять удовольствие.

— Скажи, а этот воин, на которого я наткнулась недавно... как его зовут?

— Как его зовут? — опешила «лапочка».

— Да, он мне понравился.

— О не-ет, подруга, — рассмеялась рыжая. — Даже не думай. Ринслера нельзя выбирать.

Олиф удивленно села.

— Почему? — недоуменно подняла она брови.

— Потому что... ну, потому что это он. Только он может кого-то выбирать.

— Он что, особенный? — усмехнулась девушка.

— В каком-то смысле — да. Слушай, даже не думай об этом, — с какой-то угрожающей интонацией предупредила рыжая.

— И что он сделает, если я выберу его?

Олиф затаила дыхание.

— Тебя накажут, он такого не потерпит!

— И что, сильно накажут?

— Конечно, сильно! Это же Ринслер!

Девушка облегченно улыбнулась уголками губ.

— Я хочу, чтобы это был он.

— Пушок, не смей! Это против правил! — пыталась отговорить ее «лапочка».

Против правил? Это хорошо. Олиф не будет терпеть эти правила. Интересно, какое наказание полагается за их нарушение?

— Ваши правила хотят, чтобы я кого-то выбрала. Я выбираю его. — Олиф сама поражалась, с какой настойчивостью и вместе с тем спокойствием может говорить.

— Ты не можешь!

— Ты же сама сказала, что могу выбрать кого-то. Я и выбрала.

— Но... но... не его же!

Олиф открыла рот, чтобы ответить еще одной холодной фразой, как дверь в их комнату плавно открылась. В нее вошли несколько Песчанников, расступились по обе стороны от входа, и впустили своего главаря.

Олиф непроизвольно передернуло. При свете многочисленных свечей его лицо выглядело еще более ужасающим: вместо кожи тысячи песчинок. Казалось, будто вот-вот все они рассыплются и останутся лишь кости, если они вообще там были. Хозяин противно ухмыльнулся, оглядел комнату и в привычном для себя тоне весело заявил:

— А вы я смотрю, куколки, подружились. Как это прекрасно! — умилился он. На губах играла задорная улыбка, а в глазах светился лишь ледяной холод. — Ну-с, посмотрим... — Он сложил свои песочные пальцы вместе и приставил их к подбородку. Недолго подумал, рассматривая девушек, а потом ткнул двумя указательными в Олиф. — Ты. Хм... а ты мне нравишься. Такая забавная, прямо чудо! Как хорошо, что мои питомцы нашли тебя! Жаль, правда, с тобой был этот... как его там? Ну этот...ким... джим... лит... Ну же, как его звали? — Главарь принялся щелкать пальцами, пытаясь освежить в памяти имя. — Ах да. Лекстер. Славный Лекстер. Наш славный Лекстер.

Олиф сидела с мертвенно-бледным лицом, стараясь изо всех сил не показать, как стынут в ужасе поджилки.

— Ты наша удачливая! — Еще сильнее залебезил Хозяин. На секунду девушке даже показалось, что он вот-вот подойдет к ней и подергает за щечки. — Надеюсь, тебе тут оказали достойный прием. Понимаешь ли, они все тут такие нервные, прямо аж иногда самому страшно ходить рядом с ними! Хотя нет, вру, не страшно. Но тебе должно быть страшно. Так вот, о чем я? Ах да, я, как ты уже поняла, тут что-то вроде папочки. У тебя был отец? Да? Вот и славно! А у меня нет, и у них тоже нет, поэтому я им его заменяю. Ты знаешь, папуля может быть и добрым и злым, в зависимости от поведения его детишек. И знаешь, тебе повезло! Снова! Я добренький! Но ненадолго. Проси все, что хочешь. Кроме котлет. О, еще не стоит просить... ммм... эти, как их там, всякие безделушки. Вообще, знаешь, я по твоим глазам вижу, чего ты хочешь! Ты хочешь себе мужчину! Я прав? Прав? О, ну конечно прав. Выбирай. Папуля не против.

Главарь обнажил желтые зубы в явно наигранной улыбочке. Она была настолько противной, что хотелось просто заехать чем-нибудь ему по лицу.

— Хозяин, — встряла побледневшая рыжая, — Пушок хотела поп...

— Я что-то не понял, — перестал улыбаться Песчанник, — ты что — эта девочка? А? Я спрашиваю: ты эта девочка?

— Нет, — покорно склонила голову «лапочка».

— Тогда почему я слышу твой голос? Я что, тебя о чем-то спрашивал? Спрашивал?

— Нет...

— Вот поэтому закрой рот. И ты откроешь его только после того, как я скажу, поняла? Поняла?! Тебе, похоже, надоел твой язык. Эй ты, — он кивнул на одного из своих подопечных Песчанников, — если эта дура скажет еще хоть слово в моем присутствии — отрежьте ей язык.

Рыжая вцепилась пальцами в тумбочку. Олиф заметила, как у девушки подкосились ноги.

— Я прошу прощения за нее. — Главарь сложил ладошки вместе в примирительном жесте. — Они все тут такие... непослушные! Ну что же ты молчишь? Выбирай мужчину! Или... стой, наверное, мне стоит сделать это за тебя.

— Нет! — воскликнула Олиф.

Хозяин удивленно замолчал. Поднял брови, прожигая девушку холодным взглядом.

— Что ж, воля гостя — закон для меня. — Он склонился в шуточном поклоне.

— Я могу выбрать любого мужчину?

— Конечно, хоть меня. Хотя нет, меня нельзя. Но можешь выбрать его. — Главарь кивнул на Песчанника, стоявшего рядом с ним.

— Хорошо. Тогда я выбираю Ринслера.

— Что, прости? — поперхнулся Хозяин.

Наверное, таким растерянным Олиф его видела впервые.

— Я выбираю Ринслера, — повторила девушка, понимая, что начинает играть с огнем. — Вы сказали любого. Я выбрала его.

— Постой... ты не можешь его выбрать.

— Потому что это он?

— Ну, в общем, да, — кивнул главарь, сложив губы дудочкой.

— Вы сказали, что я не могу выбрать вас. И не могу выбрать его. Он что, такой же, как вы? — Олиф понимала, что пудрить мозги этому Песчанику не стоит, но уступать не собиралась.

— Нет! Конечно, нет! — Хозяин медленно приблизился к девушке, его свита двинулась за ним. Он наклонился к маленькому девичьему ушку и тихо прошептал: — А ты умненькая. Что ж! — заявил он так, чтобы все услышали. — Ринслер, так Ринслер!

Быстро развернулся и выплыл из комнаты буквально так же неожиданно, как и появился тут, оставив девушек в легком недоумении.

— Ты только что подписала себе смертный приговор! — Первой отмерла «лапочка». — Мало того, что Ринслер терпеть не может, когда ему что-то навязывают, так ты еще и врагами обзавелась!

— Какими врагами? — устало спросила Олиф, пытаясь отделаться от ужасного осадка, который остался после визита Хозяина Песчаников.

— Да всеми девочками! — девушка переходила на повышенные тона.

— А наказание?

— Ты нажила себе заклятых врагов! Это тебе не наказание?!

— А... э-э... телесное наказание?

— Пушок, ты что, это все устроила только чтобы...

— Нет, мне правда понравился Ринслер, — соврала Олиф.

— Ты хоть понимаешь, что наделала?!

— Нет, и понимать не хочу. — Она очень надеялась, что этот мужик все-таки оправдает свою репутацию, и не оставит ее мучиться таким ужасающим наказанием, как обида «лапочек».

— Не хочешь? Ах, не хочешь! — взвилась рыжая. — Ринслер выбирал всегда меня, ясно?! И будет делать это постоянно! Чего ты этим добивалась?! Почему ты вообще его выбрала?!

— Прости, я никого не хотела обидеть. — Все это напоминало Олиф какой-то цирк, и сейчас, похоже, начинался номер с мартышками.

— Поздно! Ты уже обидела! Ты пошла против всех! Да все время мы тут друг за друга горой, и вдруг из-за какой-то девчонки все должно перевернуться вверх дном?! Знаешь что! Или ты отменяешь свое решение, или убирайся отсюда!

— Ты меня выгоняешь? — искренне удивилась Олиф.

— Да. Отменяй свое решение.

— Нет.

— Да ты... тварь! Уж поверь мне, жизнь тебе больше никогда не покажется сладкой! —

Рыжая быстро подошла к двери, злобно распахнула и с силой ею хлопнула.

У Олиф никогда не ладились отношения с людьми, а уж с коллективом тем более, но того, что ее выгонят так быстро — она не ожидала. В голове появился какой-то туман, а в душе зародилось беспокойство. Конечно, эта «лапочка» не должна вроде бы сделать ничего плохого, но, тем не менее, когда дверь в комнату снова распахнулась, девушка испуганно вздрогнула.

Внутрь вошла рыжая, а за ней один из Песчаников.

— Вот она, я не желаю с ней больше жить.

— Я уже сказал: свободных комнат нет.

— Да мне все равно! — злобно прошипела «лапочка». — Либо вы выселяете ее отсюда, либо... ты сам знаешь, что мы можем сделать!

— Свободных комнат нет, — как заведенный повторил ее спутник.

— Тогда поселите ее к старухам! Плевать, что вы будете делать, только уберите ее от меня!

«Да, сильно же я ее задела», — подумала Олиф.

Песчаник молча переводил взгляд со взбешенной девушки на совсем притихшую.

— Поверь, дорогой, если не выселите ее, мы вам тут такой устро...

— Ладно, — кивнул мужчина. — Все будет сделано.

Олиф почувствовала, как у нее сердце ухнуло в пятки. Они же не могут от нее так просто избавиться, ведь тогда Хозяин придет в бешенство! Наверное. Девушка настороженно наблюдала за каждым движением Песчаника. Тот на секунду выглянул в коридор, что-то крикнул и снова вернулся, не закрывая дверь.

— Вставай, — жестко приказал.

— Нет, — испугалась Олиф.

— Я сказал вставай. Быстро!

Девушка не шелохнулась. Мужчина злобно что-то сказал, быстро подошел к ней, резко схватил за локоть и дернул на себя, поднимая с кровати.

— Отпустите меня! — вскричала она.

— Не рыпайся, — пропыхтел он в ответ, пытаясь удержать вырывающуюся девчонку.

— Не трогай меня! Отпусти! А-а!

Олиф силой выпихнули наружу, она получила удар в спину, не удержалась на ногах и грохнулась на коленки.

Послышался щелчок двери. Песчаник снова схватил девушку под локти, но теперь удержать силой не пытался, и когда Олиф вырвалась из-под его цепких пальцев, злорадно сообщил, кортавя слова своим акцентом:

— И куда ты побежишь? Ты хоть знаешь, сколько тут тоннелей? Ты заблудишься после первого же поворота, а там повезет, если на кого-нибудь наткнешься. Или не повезет. Я веду тебя в твою новую комнату. Так что выбирай, что тебе дороже.

Девушка зло уставилась на него.

— Силой тебя никто не поведет, — добавил он, после возникшей паузы.

Олиф покорно опустила глаза и подошла к мужчине. Он повел ее вдоль коридора, а она старалась не касаться его, по-прежнему испытывая жуткое отвращение к их телам, состоящим из песка.

Из комнат выглядывали девушки, прожигая девушку колкими взглядами. Ей почему-то вспомнился день Народного собрания: вот точно так же ее вели к Песчаной Завесе, и точно

такие же взгляды летели ей вслед.

Что ж, она пережила это однажды, справится и еще раз. В конце концов, ее же ведут в новую комнату, кто знает, может, она намного лучше прежней.

Однако в том, что она ошибалась, девушка убедилась еще в тоннеле. Стоило им завернуть в очередной поворот, как Песчаник замедлил ход, и сразу стало понятно: пришли. Во всем длинном коридоре горел лишь один факел, отбрасывая еще более зловещие тени, вперемешку с зеленым свечением светожелов.

Они с Песчаником приблизились к одной из дверей. Песочный мужчина деликатно постучал, послышался щелчок, и на пороге появилась маленькая, худая женщина. На лет ей было лет пятьдесят, тонкие седые волосы уложены в тугий пучок, морщины оставили неприятный отпечаток на ее лице. Глаза впалые, уставшие.

Женщина смотрела на новоприбывших с удивлением.

— Вы что-то хотели? — голос слабый, немощный.

— К вам новая соседка.

— Но разве ей не положено...

— Это ненадолго, пока не освободится место.

— Хорошо, милая, проходи.

Женщина посторонилась, пропуская внутрь растерянную девушку. Та нерешительно шагнула за порог, обернулась, но входная дверь уже захлопнулась.

— Располагайся, не стесняйся.

Эта комната, в отличие от комнаты «лапочки», была просто невероятно большой и длинной. По стенам с двух сторон стояло множество двухэтажных кроватей, из черного, прогнивающего дерева. Вокруг них сутились женщины, и все они, как один, были немолодыми и утратившими свою красоту. Они сутились, говорили друг с другом, переходили от одной кровати к другой, кто-то копошился в белье, кто-то менял воду в тазике, словом, жизнь здесь была ключом.

— Как тебя зовут? — подала голос женщина, что встретила их на пороге.

— Олиф.

— Твое имя, или «подружки» дали? — прозорливо поинтересовалась она.

— Мое, — кивнула девушка и нерешительно спросила: — А вас как зовут?

— Я Фрида. Итак, Олиф, пойдем со мной, я покажу тебе твоё место.

Женщина схватила ее за руку и повела вдоль двухэтажных кроватей. Все присутствующие провожали их любопытными взглядами. Олиф вся съежилась и мечтала только об одном: стать невидимой. Наконец, Фрида остановилась и кивком указала на двухэтажную кровать, ничем не отличающуюся от остальных. На нижней полке лежала полная женщина, в белом фартуке. Она, казалось, не замечала ничего вокруг, и единственное по чему ее можно было отличить от мертвеца — это невнятные подрагивания ног.

— Это Мэг, не волнуйся, она встает крайне редко и тебе не мешает.

Олиф поняла, что ей придется лезть на вторую полку. Девушка подошла к лестнице, схватилась за края и ступила на первую деревяшку. Та со скрипом прогнулась.

— Не бойся, не сломается, — подбодрила сзади Фрида.

Олиф глубоко вдохнула и быстро преодолела оставшееся расстояние. От постельного белья пахло чьим-то немывтым телом и по всей простыне виднелись темные пятна грязи. Девушка лишь поджала губы.

Когда Фрида удалилась, Олиф скинула подушку к Мэг, и легла на спину. Не то чтобы

она не любила спать на подушке, просто заразиться чужими вшами ей совершенно не хотелось.

Девушка закрыла глаза и стала прислушиваться к шуму вокруг. Где-то неподалеку слышалось плескание воды, недовольные голоса нескольких женщин. Олиф совершенно ничего не понимала, но кое о чем догадывалась: например о том, что это помещение выделили специально для тех, кто давно утратил свое обаяние и привлекательность. Скорее всего, они здесь являются кем-то вроде служанок.

Самое абсурдное — это то, что ее сюда отправили из-за какой-то мелочной ссоры. И хотя Олиф не привыкла ни к здешним порядкам, ни к здешним людям, она давно заметила, что все здесь слегка сдвинуты рассудком. Если посмотреть с этой точки зрения, то становится ясным, почему рыжая так взъелась, да и вообще, почему Хозяин больше походит на циркового клоуна, а имена здесь раздают, как клички коровам.

— Эй, Олиф, — прервала ее размышления Фрида.

— Да? — повернула голову та.

— Мы сейчас уходим, может, тебе что-нибудь нужно?

— Куда уходите? — напряглась девушка.

— Готовить для вас еду. Так тебе нужно что-нибудь?

— Нет, спасибо, — отказалась Олиф.

Фрида согласно кивнула, развернулась и собралась уходить.

— Стойте! Я могу помочь вам.

— Готовить? — усмехнулась женщина.

— Да, я умею готовить, — попыталась заверить ее Олиф, но Фрида лишь рассмеялась.

— Прости, но эта работа не для таких, как ты.

Она снова развернулась.

— Нет, подождите! — воскликнула девушка. — Вот, посмотрите! — Она свесила руки так, чтобы те оказались прямо на уровне лица женщины. — Видите, мозоли. Я могу многое.

— Многое?

— Да, честное слово.

— Ну хорошо, слезай.

Фрида дождалась пока Олиф слезет с верхней полки и жестом приказала следовать за ней. Фигурка седой женщины была такой тощей, что девушка всерьез боялась потерять ее в толпе остальных собравшихся на выход женщин. Она, как могла, старалась не отставать, а уж когда все они вышли в полутемный тоннель, вовсе схватилась за руку Фриды. Та сделала вид, что ничего не замечает, хотя наверняка понимала растерянность девушки.

Женщины, словно по давно заученному маршруту поворачивали то в один тоннель, то в другой, не забывая при этом переговариваться между собой, отчего от стен отражались гулкие низкие звуки.

Наконец, они завернули в очередной коридор, и впереди послышался щелчок двери. Ступив за порог вслед за Фридой, Олиф открыла рот от удивления. Они вошли в огромную залу, правда, с низким потолком, но, тем не менее, в ней умещались несколько десятков, если не полсотни столов. За некоторыми из них сидели Песчаники, которые тут же нетерпеливо заявили: «Почему так долго!» и «Давайте скорее, жрать охота!».

Олиф непроизвольно поежилась под любопытными взглядами некоторых из присутствующих.

Фрида ободряюще сжала ее ладонь, и в этот момент вся процессия женщин свернула в

соседнюю дверь. Тут как раз и находилась кухня. Множество котлов из которых валил плотный серый пар, деревянные доски с целым набором ножей, даже, кажется, был бак с чистой водой для мытья посуды.

Подойдя вместе с Фридой к одному из котлов, Олиф увидела, что тот стоит на двух железных перекидинах, а под ним горит самый настоящий костер, и слышалось, как трещат щепки.

— Оригинально, — не удержалась девушка.

— Вставай сюда и нарежь лука, помидор и огурцов.

Олиф послушно подошла к деревянной доске, взяла один из ножей, и посмотрела на аккуратно разложенные овощи. Ровно шесть штук лука, шесть помидорин, и шесть огурцов.

— Режь давай, — поторопила ее Фрида.

Девушка решила отложить вопросы на потом и взялась за дело.

— Тоньше ломтики, — сделала замечание женщина, когда Олиф принялась резать огурцы.

— Тут что, идет учет каждой луковицы?

— А ты как думала? Если бы они все не контролировали, тут бы все были сытыми.

Олиф подняла взгляд, осмотрелась вокруг. Каждая женщина ловкими движениями резала овощи, сыпала какой-то порошок в котлы, натирала на терке морковь. А у самого входа на кухню стоял Песчаник и пристальным взглядом изучал, казалось, даже стены.

Почему-то этот факт вызвал в девушке злорадное удовлетворение. Раз они тут так усердно наблюдают за каждой мелочью, значит, они боятся.

— Фрида, — начала Олиф, — откуда тут это все?

— Что — все? — спросила женщина, не отвлекаясь от работы.

— Ну это: лук, морковь, да даже котлы, кровати. Мы же в пустыне.

Фрида подняла взгляд, задержала его на чем-то и, сделав вид, что наклонилась за ножом, шепотом ответила:

— На все вопросы ищи ответы позже, а сейчас работай. И не вздумай ничего припрятать в своем красивом платьишке.

Олиф недоуменно сдвинула брови, но не стала задавать лишних вопросов, лишь сделала вид, что еще усерднее приступила к работе.

— Первое! — крикнул у входа Песчаник.

Несколько женщин схватили свои тарелки и понесли их в большой зал.

— Так, доставай посуду из коробки. Она внизу.

Девушка вытащила из-под стола деревянную коробку, в которой аккуратно покоились неглубокие тарелочки и чашечки. Она взяла несколько и поставила перед Фридой.

— Хорошо, накладывай.

Женщина вручила ей огромную ложку, которая даже у самого огромного бугая во рту бы не поместилась, и показала, сколько должно быть в одной порции. В котле находилось что-то, подозрительно напоминающее гуляш.

Олиф послушно разложила еду в несколько тарелок и настороженно уставилась на вход.

— Второе! — громко провозгласил Песчаник.

— Так, бери тарелки, я кивну на тот стол, где ты их оставишь, поняла? — заторопилась Фрида.

Девушка послушно выполнила все приказания, и пошла вслед за женщиной, как преданная собачка. Оказалось, что нечто напоминающее гуляш, готовили не только они, но

и несколько других женщин. Как только Олиф вышла в большой зал, то на несколько секунд ее охватил чудовищный ступор. Каждый из столов был занят либо Песчаником, либо воином, вокруг витала атмосфера невероятной оживленности, каждый из них говорил настолько эмоционально, что нередко слышался громкий стук по столу, отчего подпрыгивала посуда.

Девушка чудом справилась с онемением, завладевшим всеми ее конечностями, и глубоко вдохнув, успела заметить, как впереди Фрида кивнула на один из столов.

Она быстро подошла к мужчинам, восседавшим за ним, и, стараясь не выдать своего смущения и страха, начала раскладывать тарелки. Как только девушка появилась рядом с ними, разговоры за столом чудесным образом прекратились, и Олиф выполняла свою работу в полной, явно удивительной для всех, тишине.

Девушка вернулась на кухню, взяла еще пару тарелок, и вернулась к столу. На этот раз все разглядывали ее с явным интересом. В третий раз кто-то даже попытался с ней заговорить, но Олиф смущенно улыбнувшись, быстренько упорхнула обратно за спасительную дверь.

Их партия тарелок кончилась, что не могло не вызвать облегченный выдох.

— Не думала, что их так много, — тихо сказала Олиф, обращаясь к Фриде.

Та стояла рядом с котлом и отстраненно разглядывала, как догорает в углублении костер.

— Сперва всем непривычно. Хотя такая хорошенькая девочка тут впервые, — усмехнулась женщина.

— Их всех вместе сюда приводят?

Фрида молча кивнула.

— Неужели тут все? — Олиф старалась, чтобы ее голос не выглядел взволнованным.

— А ты как хотела? Не каждому же нам отдельно готовить. Они и так обжираются, как быки. Закормили их. Еще третье блюдо есть.

— А... когда вы едите?

— Подожди еще. — Женщина явно наслаждалась тем, что с каждым разом огорошивает девчонку все больше. — Сейчас они доедят, уйдут отсюда, нам придется отмывать их слюни с тарелок, после этого нужно будет отнести овсянку «твоим» девочкам, заодно и ты поешь.

— А вы?

— А мы после вас. Вкусим все прелести холодной кашицы.

Олиф, сама не понимая почему, почувствовала вину перед этой женщиной.

— Третье! — прогремел голос Песчаника.

— Фрида! — К ним подошла еще одна женщина, по внешности напоминающая саму Фриду. — Помоги нам разнести тарелки.

Та тут же схватила несколько посуды с соседнего стола, и скрылась в дверном проеме. Олиф нерешительно потопталась, и, все-таки не выдержав, схватила две тарелки и двинулась к выходу. Встала рядом с Песчаником, делая вид, что ждет своей очереди, а сама быстро бросила взгляд на столы, которые обслуживала Фрида, и начала пристально вглядываться в лица всех присутствующих.

Как только женщины вернулись, Олиф тут же рванула в зал, чтобы не видеть предостерегающего взгляда Фриды. Она снова погрузилась в бурную атмосферу разговоров, замедлила шаг, и внимательно разглядывала каждого воина. Дошла до нужного стола, разложила тарелки, выпрямилась и посмотрела на дальние столы.

Олиф вернулась на кухню с плохо скрываемым разочарованием на лице. Осуждающий

взгляд седой женщины она сперва почувствовала, и уже затем заметила. Девушка принялась разглядывать пол, пытаясь сделать вид, что ничего не понимает. Остановилась рядом с Фридой, ожидая жесткой отповеди, но женщина молчала.

Так они и простояли в молчании все оставшееся время. Наконец, Песчаник объявил конец трапезы, и им пришлось отмывать всю посуду в нескольких больших тазах. Олиф честно старалась соответствовать скорости, с которой женщины выполняли свою работу, но даже, несмотря на свой прежний опыт, не поспевала за ними.

Как только посуда была вымыта, в нее налили овсяную кашу, и несколько женщин, в том числе и Олиф, понесли ее по темным коридорам к «лапочкам».

Девушке, по злой иронии, пришлось вручать овсянку Гере. В этот момент она на собственном опыте убедилась, что взглядом можно не только прожечь дырку в теле, но и мысленно убить.

— Ну что, довольна? — желчно поинтересовалась «лапочка» на прощание.

Олиф, естественно, промолчала.

У нее осталась одна тарелка в руке, для нее самой. Как только девушка вышла в коридор, то тут же схватила ложку и принялась черпать довольно густую кашу, с блаженным стоном засовывая ее себе в рот.

Олиф не ела уже который день, и желудок, хоть и привычный к таким голодовкам, протестующее заурчал. Говорят, что есть нужно понемногу, чтобы не вызвать обратный эффект, но девушка просто не могла себя заставить остановиться.

Каша закончилась на удивление быстро. Когда придет время для следующей трапезы, девушка не знала, и это заставило ее расстроено застонать.

Из-за двери прозвучал злобный голос Геры, означающий, что пора забирать тарелку. Олиф поджала губы и молча вошла, взяла посудину, и вышла, сама поражаясь своей стойкости.

— Ты все? — слышался рядом голос Фриды. — Тогда идем.

Девушка вновь пошла за старой женщиной, даже не пытаясь запомнить сколько раз они свернули прежде, чем оказаться на кухне. Олиф вымыла тарелку, и принялась ждать, пока съедят свои порции остальные женщины.

Фрида не выказывала никаких признаков недовольства. Что ни говори, а уважать и слушаться старших Олиф приучили еще с самого рождения, наверное, поэтому она так относилась к этой женщине.

Наконец, все закончили есть, помыли тарелки, но вместо того, чтобы отправиться в свою огромную комнату, остались стоять на своих местах, явно чего-то ожидая. Олиф последовала их примеру и спустя несколько мгновений увидела, как на кухню входят несколько Песчаников. Они разделились по парам: один из них считал посуду, а другой тщательно ощупывал каждую женщину.

Теперь Олиф окончательно убедилась в том, что Песчаники не такие бесстрашные, как ей казалось вначале.

Когда настала ее очередь, она ожидала, что эти нелюди попытаются к ней приставать, но ничего подобного не произошло. Песчаник с абсолютным безразличием ощупал тело девушки, и на мгновение его руки задержались у нее на талии.

— Тут все, — сказал его напарник, и когда чужие конечности убрались восвояси, Олиф едва смогла сдержать облегченный выдох.

Нож Лекса был достаточно маленьким, чтобы его нащупать, скорее всего, это и привело

в замешательство Песчаника. И слава Берегиням.

Когда осмотр был окончен, женщинам приказали возвращаться в их огромную комнату.

Олиф продолжала держаться Фриды.

Она не горела желанием заводить здесь с кем-то беседу, и как только они достигли своего жилого помещения, девушка тут же забралась на верхнюю полку кровати. Закрывала глаза, отгоняя навязчивые мысли. Странно, Фрида говорила, что в столовой собираются все воины. Тогда почему... нет, не стоит забивать себе голову всякой чепухой.

Олиф перевернулась на другой бок. Черт возьми, кто бы мог знать, что ее жизнь может в одночасье так измениться?!

Время шло, и разговоры вокруг понемногу утихали. Женщины ложились спать, но свечу, висевшую на стене, не тушили. Девушка очень хотела последовать их примеру, но одна вещь не давала ей покоя — безумно хотелось в туалет.

Поворочавшись из стороны в сторону, и в итоге, поняв, что терпеть вечно невозможно, она слезла вниз и принялась искать место Фриды. От одной единственной свечи на стенах пританцовывали игривые тени, казалось, так и норовившие обрести плоть и кровь. Выглядели они действительно как настоящие.

Олиф шла мимо кроватей, заглядывая в каждую из них и пытаясь отыскать знакомое лицо Фриды. Большинство из женщин уже спали, а те, что нет, с интересом косились на фигуру молоденькой девушки. Из-за этих взглядов она испытывала жуткое смущение, и не решалась попросить помощи.

Наконец, невдалеке послышался знакомый сиплый голос. Олиф дошла до проема между кроватями и кашлянула, чтобы привлечь внимание.

— Олиф? — удивилась Фрида. — Что-то случилось?

— Я... понимаю, я очень хочу в туалет, — выпалила девушка, чувствуя на себе взгляды еще двух женщин, и от этого краснея.

— В коридоре за углом отходная яма.

— А вы не могли бы меня проводить? — жалостливо попросила Олиф.

Фрида неохотно кивнула, поднялась со своего места и приказала девушке следовать за ней.

Они вновь оказались в полутемном коридоре, свернули направо и еще некоторое время шли в молчании. Постепенно на стенах стали появляться светожелы, и помещение окрашивалось в болезненно зеленый цвет. В какой-то момент Олиф почувствовала отвратительный запах, явно намекающий, что они уже близко.

— Вон там отходная яма, тебе туда.

— Спасибо, — сказала девушка и поморщилась. Запах усилился настолько, что вызывал откровенные приступы тошноты.

Олиф, ориентируясь на слабый свет от светожелов, с трудом сходила в туалет, вернулась обратно к женщине, но на прежнем месте ее не обнаружила.

— Фрида? — испуганно позвала девушка. — Фрида?!

— Здесь я, здесь, не кричи! — ворчливо отозвалась та.

Рядом промелькнула тощая сгорбившаяся тень, и протянула девушке ту же повязку, что недавно рыжая «лапочка».

— Вот возьми, поменяй свою подкладку.

— А как вы...?!

— Пустяки. По тебе видно. Давай, меняй уже.

Олиф послушно задрала платье вверх, осторожно сменила повязку, а старую выкинула в отходную яму. Крови уже почти не было.

— Ты уже выбрала себе «принца»? — скептически-брезгливо спросила Фрида.

— Да. Но только он, похоже, забыл об этом.

— С чего ты взяла?

Они не двигались с места. Девушка не видела взгляда седой женщины, но чувствовала, что он прожигает ее насквозь.

— Столько времени прошло... я думала, это сразу происходит.

— Завтра Бои. Завтра и встретитесь.

Женщина развернулась и своей шаркающей походкой пошла в обратном направлении, но Олиф остановила ее, схватив за руку.

— Вы думаете, я хочу этого?

— Судя по всему — нет.

— Я думала, что избавлюсь от всего этого: глупых правил, дурацких Песчани...

Она не успела договорить, потому что морщинистая рука с силой закрыла ей рот.

— Думай, что говоришь, девчонка! Если тебя кто-нибудь услышит, тебе несдобровать! — яростный шепот Фриды действовала похлеще громкого ора. У Олиф подкосились коленки.

— Извините, — выдавила девушка, как только почувствовала, что больше ничто не зажимает ей рот.

— Пойдем. — Женщина схватила девушку за руку и потащила по темному коридору, несколько раз свернула, и, наконец, вывела еще к одному, едва освещенному тоннелю.

В стене красовалась всего одна дверь. Фрида яростно дернула за ручку, и затолкала растерянную девушку внутрь.

Олиф едва удержалась, чтобы не чихнуть. Комната напоминала чулан, только раз в десять больше, у каждой стены было два ряда полок, на которых лежало белье.

— Как его зовут? — Губы женщины сжались в одну полоску.

— Ринслер.

— Ринслер?! Ты еще глупее, чем я думала.

В этот момент Олиф почему-то стало ужасно стыдно. До этого времени она считала, что поступает правильно. Во всяком случае, она действительно надеялась на наказание.

— Теперь ясно, кого ты все время высматривала в столовой.

Кстати, да, Ринслера там тоже не было.

— Он никогда не ест вместе со всеми, — тем временем продолжала Фрида, — еду ему всегда приносят в его комнату. И он не позовет тебя до тех пор, пока сам этого не захочет. Запомни это. Он всегда делает только то, что хочет. И это право он заслужил себе давно, так что не лезь на рожон.

Олиф кивнула. Она понимала, что женщина не желает ей зла, но, тем не менее, по-прежнему не могла сказать того, что мучило ее уже довольно долго.

— И вот еще что... если хочешь остаться целой и невредимой, не оскорбляй Песчаников. Даже если думаешь, что рядом никого нет. У всего есть ушки. Поняла?

— Да.

— Хорошо, идем.

У девушки внутри бушевало столько эмоций, что, казалось, еще немного, и она точно упадет в обморок. За последние несколько часов с ней столько всего произошло, что она

просто не знала, куда деваться и как поступать. Незнакомые лабиринты, страшные Песчаники, о которых на поверхности слагают легенды, злые, наполовину свихнувшиеся люди. Олиф просто не знала, как себя вести. Она понемногу старалась прийти в себя, разобраться в здешних правилах, но чем больше проходило времени, тем сильнее она боялась. Страх сдавливал в тиски горло, живот, парализовал конечности, заставлял совершать необдуманные поступки. Такие, как выбор Ринслера, например. И какой черт только дернул ее за язык?! Понятно же, что за такое не наказывают.

Страх завладевал каждой клеточкой тела, распространялся по венам, и уже по ним, перемешавшись с кровью, достигал сердца, сковывая его стальными оковами.

Олиф, пожалуй, всю свою сознательную жизнь чего-то боялась. Сначала за маму, потом за семью, за Марику, и за свою жизнь. А после того, как попала в пустыню, каждый день уверяла себя, что в любом случае подписала себе смертный приговор, однако каждый раз, стоило встретиться лицом к лицу с опасностью — девушкой завладевал страх.

Говорят, бояться нормально. Это такое состояние человека — состояние страха. Это даже не чувство.

Тем не менее, страх был ощутимее, чем любая боль.

И в тот момент, когда Фрида схватилась за ручку двери, чтобы вновь вернуться в этот жуткий, сумасшедший мир, Олиф четко для себя решила: постоянно жить в страхе нельзя. К тому же, этой женщине она почему-то доверяла. Слишком уж презрительно та относится ко всему, что происходит.

— Я солгала, — сказала девушка.

— Что? — повернула голову Фрида.

— Я сюда попала вместе с одним человеком, и он...я...мы сделали вид, что мы с ним... в общем... были...

— Ты была с Лекстером? — удивилась Фрида. О его возвращении ходили самые разные слухи.

Олиф глубоко вдохнула, не зная, говорить ли правду.

— Ну... да.

— И ты была с ним...

— Нет. Я только сказала так, но это неправда. — Олиф почувствовала, как вновь страх сковал сердце. А что, если она ошиблась? Что, если Фрида — главная крыса в этом подземелье?

— Мне очень жаль тебя, девочка, — между тем ответила женщина, — Ринслер сразу поймет, что ты солгала, а за ложь они наказывают жестоко.

— Как наказывают? — удивилась Олиф. Если наказание будет достаточно сильным, чтобы в один прекрасный момент Олиф просто не смогла открыть глаза...

— Жестоко. Они терпеть не могут непослушание, бунтарские наклонности, неприемлемое поведение.

— Ясно, — кивнула девушка. — И сделать уже ничего нельзя? Отменить мое решение?

— Можно смириться.

— Ну, это не вариант. Не для меня.

— Тогда мне искренне жаль.

— И мне, — вздохнула Олиф.

Она сразу поняла, на что идет, и не сомневалась в своем решении ни секунды. В конце концов, когда у тебя ничего нет, то и терять тебе нечего.

Олиф спала тревожно, ей снились непонятные сны, со странными расплывчатыми фигурами, они что-то говорили, но что именно, девушка вспомнить не могла. Из забытья ее вырвал грубый голос Песчаника. Он резво разбудил всех и отправил в столовую. Олиф снова вызвалась помогать.

Все это время ее не отпускало некое возбуждение, азарт, она то и дело прокручивала в голове варианты своей «подлой выходки». Резала овощи неловко, выполняла приказы Фриды запоздало и долго, да и вообще было необычайно рассеяна.

Однако, стоило ей появиться в общем зале среди невероятно болтливых мужиков, глаза непроизвольно попытались отыскать очертания знакомой фигуры. Даже мысли о предстоящем испытании вылетели из головы. Зачем она его искала, девушка и сама понять не могла. Он использовал ее, чтобы попасть сюда. Но все равно оставался хоть сколько-нибудь знакомым человеком. Нормальным человеком.

Олиф так заглазела, что чуть не опрокинула тарелку на одного из воинов. Быстро извинилась и неловко поспешила вернуться на кухню, едва удерживаясь, чтобы не перейти на бег.

После всеобщей трапезы, их, как обычно, принялись обыскивать. На этот раз Олиф практически не уделили внимания. Может, они думают, что молоденькие девушки не способны ничего украсть и причинить кому-нибудь вред? Тогда они жестоко ошибаются.

Фрида предупредила, что в этот день начинались Бои, и, наверное, поэтому к «лапочкам» они шли по пустынным коридорам.

Олиф отстраненно следовала за остальными, выполняла все действия на автомате и не особо прислушивалась к тому, что ей говорили. Кто-то пытался завести с ней разговор, но вскоре понял, что все попытки попусту отнимают время.

Женщины вернулись в свою огромную комнату, расселись по кроватям и принялись оживленно что-то обсуждать. Пару раз в их словах промелькнуло имя «Ринслер», но Олиф не обращала на него внимания. Ее заставило вздрогнуть другое имя. «Лекс».

— Что вы сказали? — воскликнула девушка, приподнимаясь на локтях и свешиваясь со своей верхней полки.

— Я? Я ничего, — всполошилась женщина, что недавно совершенно точно сказала: «Лекс».

— Нет, вы говорили про кого-то...

— Говорила? Не глупи, я ничего не говорила.

— Вы боитесь? — удивилась Олиф, заметив выступивший пот на лбу женщины.

— Боюсь? Чего?

— Не знаю. Вы сказали одно слово, кажется, Лекс.

— Тебе послышалось, — побледнела ее собеседница.

— Нет, я точно слышала, что...

— Тебе послышалось! — грубо отгавкнулась женщина, и отвернулась, делая вид, что не замечает встревоженной девушки.

Но ведь она же совершенно точно слышала имя своего давнего знакомого! Лекс, эта тетка точно сказала Лекс. Интересно, почему на ее лице отразился такой испуг, как только Олиф начала задавать вопросы? Совпадение? Если и так, то очень, очень странное.

Девушка нахмурилась, легла на свою койку и подложила локоть под голову.

Она вспомнила, как когда-то нашла у Лекса значок Перводружинника. Почему-то вспомнился ей именно этот момент. Она тогда испытала удивительную гамму чувств, состоящих из одних противоречий: вроде и не важно — ну воин и воин, — но с другой стороны это означало, что он действительно обученный воин. Из-за кого он попал в пустыню? Он ей так ничего и не рассказал. Олиф бы с радостью сейчас позлилась на него, но неожиданно для самой себя вспомнила его таким, каким видела на оазисе. Красивым, чистым, таким необычным... стоило посмотреть на него, как дух захватывало. Особенно ей приглянулись его глаза — карие. Кому-то не нравится этот цвет, но ей нравился, потому что у нее самой был такой же. Прямо даже удивительное сходство.

Девушка непроизвольно улыбнулась самой себе.

Интересно, что с ним случилось? Почему он не ест вместе со всеми? Куда он делся? Может, с ним произошло что-то страшное? А может... его тоже отправили на Бои, и он, так же, как и Хэнк когда-то, не продержался? Нет, исключено. Олиф же видела, как он дерется.

«Да откуда ты знаешь, хорошо он дерется или нет, дурочка? Ты в этом ничего не понимаешь!», — одернула она сама себя.

Но ведь он же сам ее учил защищаться.

Девушка вспомнила, как неоднозначно Лекс проводил ножом по ее телу, как ее платье плавно поехало вверх... как он смотрел на нее.

«Да никак. Все, хватит». — Олиф перевернулась на другой бок.

Заметила настороженный взгляд какой-то женщины. Глубоко вдохнула, снова перевернулась.

«Дура ты», — злобно обругала она сама себя. Ну ведь точно же — дура. Нашла о ком сейчас думать, лучше бы подумала о том, как нарваться на Ринслера.

Олиф закрыла глаза и вновь прокрутила в голове давно придуманный план. Она очень боялась просчитаться и пыталась продумать каждую мелочь, любой поворот событий, в особенности провальный. Девушка пыталась представить себе хотя бы примерные ходы отступления, если все пойдет не так.

Она сама не заметила, как пролетело время.

Наверное, Бои уже кончились, потому что к ним в комнату вошел Песчаник и приказал собираться на кухню. Олиф неохотно села, провела рукой по волосам, повернулась и свесила ноги.

— Не ты, — покачал головой нелюдь.

— Что? — удивилась девушка.

— Тебя вызывает Ринслер.

Сердце внутри нее бухнулось в пятки и забилося там с удвоенной силой.

— Ч-что? Прямо сейчас?

— Да. Слезай.

Голос его не требовал возражений, и Олиф послушно выполнила приказ. Но перед этим едва заметным движением проверила на месте ли нож. Ножик, если быть точнее.

Девушка поймала на себе любопытные и вместе с тем настороженные взгляды. Они буквально проедали дырку в ее спине.

Посмотреть на Фриду она так и не решилась.

Ее вывели наружу, и, схватив под локоть, повели по темным тоннелям. Олиф прикусила губу и уставилась в пол. Все получится. Обязательно. Все обязательно должно получиться.

Они несколько раз свернули, кажется, даже прошли мимо коридора «лапочек» — света было очень много, но девушка как-то отстраненно об этом подумала. Ей было совершенно не до этого.

Внезапно они остановились. Девушка подняла взгляд: точно, коридор «лапочек». Песчаник завел ее в комнату к, кажется, Родинке, и та, без лишних слов, усадила Олиф перед зеркалом. Принялась расплетать прическу, и проводить всякими кисточками по лицу. На удивление, «лапочка» не смотрела на нее осуждающим взглядом, просто двигала руками, словно кукла, не выражая никаких эмоций.

Когда она закончила, то подошла к двери, позвала Песчаника, и тот вывел Олиф, которая снова уставилась в каменный пол, теребя складки платья.

Если бы ее в этот момент спросили: почему? Олиф бы, наверное, не ответила. Нет, не почему она пол разглядывает, а почему именно в этот момент она подняла взгляд. Одним Берегиням известен ответ.

Девушка посмотрела вперед, и сперва даже не сообразила, кого ведут к ней навстречу. Лишь спустя несколько мгновений она распознала в темном силуэте своего старого, язвительного знакомого. Именно того, о котором недавно вспоминала, и того, о котором так неохотно пыталась забыть.

Лекса под локотки вели двое Песчаников, его руки были скованны в тяжелые кандалы. Кажется, он еле ноги переставлял, буквально висел на плечах песчаных нелюдей. Благодаря небольшому освещению, девушка совершенно ясно различила темно алую кровь на лице мужчины.

Он тоже поднял взгляд, и, по-видимому, совершенно не ожидал увидеть ту, которую все-таки увидел. На его лице отразилось искреннее удивление и даже восхищение, а затем он перевел взгляд на дверь, и его скулы напряглись, а зубы сжались до такой степени, что, кажется, даже хруст слышался.

Песчаник открыл дверь в личную комнату Ринслера, и приказал девушке входить.

Олиф не чувствовала ног, ее охватил ступор, она не могла пошевелиться, и очнулась лишь тогда, когда поняла, что ее проводник начинает повышать на нее голос. Девушка сделала шаг вперед, но не удержалась и попыталась оглянуться, однако за ней встал Песчаник и закрыл своей спиной весь проход. Девушка чуть голову не вывернула, пытаясь еще разочек увидеть фигуру Лекса.

В самый последний момент ей это удалось, и, к ее не малому удивлению, мужчина так же смотрел на нее.

Их взгляды пересеклись.

Буквально в эту же секунду за девушкой захлопнулась дверь.

* * *

Ринслер с интересом разглядывал новую девчонку.

Молоденькая, миниатюрная, правда, на внешность не очень привлекательная. Но это его устраивало.

Олиф настороженным взглядом обводила комнату, в которую попала. Какие-то ковры висели на стенах, с ужасными узором, большая кровать, размещившаяся прямо посередине комнаты, и занимавшая почти все место, старенький сервант, сделанный из давно

почерневшего дерева. Казалось, что еще немного, и он просто прогнется под тяжестью кучи графинов с непонятной бардовой жидкостью, которые стояли на нижней полке. Рядом с кроватью лежал ковер, старый, по краям уже прогнивший, но видимо, хозяину нравилось.

— Вина? — подал голос Ринслер.

Девушка перевела взгляд на мужчину. По телосложению он чем-то напоминал Лекса: такой же плотный, только чуть побольше и пошире. В общем, ходячий бугай, больше похожий на бандита, с отросшей щетиной. Может, без нее он мог бы казаться даже привлекательным, но так напоминал пьянчуг из их села, только явно посильнее.

Олиф кивнула на его предложение, приняла бокал, но не сделала ни глотка.

Она мужественно стерпела, как ее любопытно-похотливо разглядывают, и даже почувствовала обиду, когда поняла, что интерес в глазах мужчины плавно угасает.

— Садись, — пригласил Ринслер, указывая рукой на постель.

Прозвучало это грубо, но девушка послушно села. Она старалась дышать ровно, чтобы ни чем не выдать своего волнения.

Надо же, а у него мягкая постель. Олиф всегда о такой мечтала. В голову пришел давно тревоживший ее вопрос: откуда тут это все?! Но он улетучился почти так же неожиданно, как и появился, и его место сменило дикое волнение. Олиф вымученно улыбнулась и попыталась соорудить приветливую рожицу.

Но, кажется, играть перед мужчиной было вовсе не обязательно. Ринслер был уже изрядно пьян — похоже, Бои действительно были зрелищными — и явно погрузился в свои мысли. Это помогло девушке осмелеть: он не соображает, а значит, чаша весов с удачным исходом плавно перевешивает.

— Ты, видно, смелая, — протянул он, но выглядело это скорее, как утверждения самому себе. — Но скоро все изменится. — Мужчина сделал долгий глоток.

Олиф молчала.

— Ты мечтала о чем-то раньше?

Девушка нерешительно пожала плечами. Она вообще не любила всякие долгие, философские темы, потому что не знала, что говорить.

— Ты мечтала о счастье? — иронично изогнул бровь пьяный мужчина.

Олиф покачала головой. У каждого свое понятие счастья, но у Олиф его не было вообще.

— О принце на белом коне?

Девушка удивленно прыснула от такой нелепости.

— О семье? — продолжал гнуть свою шарманку Ринслер.

Олиф хотела уже покачать головой, но в последний момент передумала. Потому что поняла: о семье она действительно мечтала. Слабо кивнула.

— Ха, о семье! И где она? Семья твоя. Вот видишь, наверняка такая, как ты в реальном мире сделала много хорошего, и что, ты надеялась на помилование Берегинь? И где ж эти Берегини? Где помилование? Нет, ни того, ни другого. Люди вообще получают только то, чего не хотят. А потом начинают мечтать о чем-то великом, красивом, но несбыточном. А знаешь, почему?

Ринслер снова сделал долгий глоток.

— Потому что все это помогает им выжить в этом дерьме, что их окружает.

Мужчина неожиданно залпом осушил остатки жидкости, и так резко наклонился к Олиф, что та успела лишь испуганно дернуться, а в следующую секунду его губы впечатались

в ее. Грубо и неприятно, так, что девушку тут же окатило волной неприязни. Она быстро отстранилась, и, так же, как и он недавно, залпом выпила все вино. Поморщилась от горького привкуса, едва сдерживаясь, чтобы не закашляться.

Ринслер выглядел озадаченным и, похоже, начинал злиться, видя непослушание девчонки. Олиф постаралась быстренько перевести тему, пока все не зашло слишком далеко.

— Я бы хотела еще бокал вина.

— Встань и возьми, — отмахнулся мужчина.

— Но я думала, что...

— Ты что, сама не можешь встать и взять? — перебил он.

Девушка нахмурилась, чувствуя, как внутри нее понимается буря эмоций, главная из которых: гнев. Он медленно пропитывал каждую клеточку ее тела, вызывая далекие воспоминания о том, как когда-то и Лекс так же грубо с ней обращался.

Олиф сжала челюсти, стараясь не дать себе натворить глупостей. Но удержаться все равно не могла. К тому же Фрида все равно намекнула, что дерзость тут не в почете.

— Я была знакома с одним человеком, и знаешь, ты очень на него похож.

— Надеюсь, это значит, что я такой же привлекательный.

— Нет, ты такой же гордый и упрямый. Скорее в лепешку разобьешься, чем позволишь себе снизойти до женщины. У нас в селе, когда пастух выводил пасти овец, в стаде всегда находился какой-нибудь баран, который останавливался посреди поля и продолжал путь только после того, как его хорошенько пинали под зад.

Она не просто дерзила, она откровенно нарывалась. И Ринслер сразу понял это, не вместо того, чтобы проучить ее, он решил узнать, что эта дурочка задумала. Такие скромницы обычно и слова сказать не могут, и он был уверен, что в его комнате она оказалась не просто так. Тем более, он был прекрасно осведомлен, с кем она попала сюда. Если это очередная игра Лекстера, то Ринслер был готов сыграть. Вот только правила он всегда диктовал сам.

— А ты смышленная. И мне не нужен пинок под зад, чтобы принести тебе бокал вина. — Мужчина усмехнулся и поднялся с кровати.

Подошел к старому, полуразвалившемуся серванту и начал наливать красную жидкость в прозрачный бокал.

Олиф медленно поднялась, глубоко вздохнула, чувствуя, как бешенный ритм сердца стучит в ушах, и вытащила своей маленький ножичек. Нет, она не собиралась никого убивать, тем более даже крысу таким «оружием» зарезать не получится.

Девушка быстро приблизилась к мужчине, украдкой перевела дух и замахнулась.

Все произошло настолько неожиданно, что Олиф даже пискнуть не успела.

На пол полетел почти полный бокал вина, Ринслер молниеносно развернулся, чуть пригнулся, на тот случай, если девчонка все же успела направить удар, и буквально в эту же секунду выбил у нее из рук нож. Выпрямился, их взгляды пересеклись: ее — обреченный, с проблесками страха, и вместе с тем решимостью, затаившейся глубоко-глубоко, чтобы никто не смог этого разглядеть, и его — злой, разъяренный, который явно давал понять: он был готов в одно мгновение разодрать девушку на кусочки. И все же, было в его взгляде еще кое-что — удовлетворение. Он ведь знал, что что-то тут не так.

Ринслер злобно что-то прорычал, замахнулся и с такой силы огрел Олиф по лицу, что та не устояла на ногах, упала, ударившись лбом о тумбочку, так не вовремя оказавшуюся здесь.

В глазах потемнело, мир покачнулся, в ушах зазвенело. Девушка издала хриплый стон, и

почувствовала, как сильные руки схватили ее за плечи, дернув куда-то в сторону. В животе образовался тугий комок неосознанного страха, но как только Олиф почувствовала под спиной мягкую пружину, то поняла, что мужчина кинул ее на свою кровать. Комок рассеялся, сменившись простым смирением. Она ведь прекрасно понимала, на что шла, и под чем подписывалась. Главное, чтобы «король» этого подземелья разозлился действительно сильно.

Ринслер что-то невразумительно орал, вперемешку пытаясь доказать девчонке, что у нее бы все равно ничего не вышло, и смешивая все свои слова с матом. Но Олиф было все равно, она краем уха различила слова: «Ты все равно сдохнешь, тварь», и улыбнулась.

И тут же поняла, что в комнате повисла тишина.

Мужчина был немало удивлен ее улыбкой. Девчонка была не сумасшедшей — в этом он не сомневался, потому что сам видел ее глаза.

А Олиф продолжала улыбаться. «Ты все равно сдохнешь». Да, именно так. Она все равно сдохнет. И каждый раз, снова и снова прокручивая в голове эти слова, ей хотелось смеяться, потому что вот так вот «сдохнуть» она должна была давно, и, тем не менее, все равно лежит тут, и ждет, когда же уже этот глупый мужик вызовет Хозяина.

И тот вызвал. Открыл дверь, подозвал какого-то воина и грубо велел исполнять приказ. А затем вернулся к Олиф. Встал напротив и принялся разглядывать, пытаясь понять, как Лекс заставил ее сделать... все это. Девушка села, расправила складки платья, вытерла рукавом стекающую по лицу кровь и взглянула на Ринслера.

Дурак.

Будь она на его месте, прирезала бы себя, да и все. Но они тут все вопросы решают с Хозяином. Интересно, что они ей сделают? Руку отрежут? Может, ногу? Или голову? А если они ничего не будут делать? Нет, исключено.

Голова кружилась, и рана на лбу с каждой секундой щипала все сильнее. По щеке текла теплая жидкость, иногда попадая на краешек губ. Олиф всеми силами старалась не скосить взгляд вниз, иначе она точно упадет в обморок.

Ринслер внимательно следил за каждым ее движением, понимая, что эта дурочка не сама додумалась до такого.

— Твое счастье, что ты такая неудачница, — с усмешкой заметил мужчина.

Олиф исподлобья мрачно посмотрела на этого напыщенного индюка. Ну вот точно же — вылитый Лекс.

Почему-то то, что она даже не старалась его задеть своим ножиком, ему даже в голову не пришло.

Девушка видела, что мужчина напряжен до предела. Да и вообще, кажется, хочет обвязать ее веревками и бросить в какой-нибудь сырой подвал, а за неимением такового, хотя бы в камеру.

Наконец, в комнату ворвались двое: один Песчаник и один человек. Нелюдь что-то сказал Ринслеру на их языке, тот ответил и, когда Песчаник дернулся к Олиф, быстро еще что-то добавил.

— Она не причинит вам вреда, — сказал мужчина на понятном девушке языке.

К ней подошел этот самый Песчаник и один воин-человек. Второй взял ее под локоть и потянул на себя, призывая встать. Дождавшись того момента, когда его ладонь, сжимавшая ее руку, окажется на уровне ее лица, девушка резко дернулась и впилась зубами в грубые, покрытые мозолями пальцы. Воин взвыл (больше от неожиданности), буквально тут же к

нему кинулся Ринслер, и снова Олиф получила жестокую, обжигающую пощечину. Голова мотнулась в сторону, челюсть заныла намного сильнее, чем в прошлый раз.

— Ах ты, сучка, — зарычал мужчина, схватил девушку за руку, опрокидывая на пол, повернул ее спиной вверх, заламывая руки за спиной. Чем-то их связал, в рот засунул какую-то тряпку, закинул на плечо и понес по темным коридорам. За ними, теперь уже более внимательные, следовали Песчаник и воин-человек, готовые, если что, тут же ударить девушку так сильно, что она тут же забудет, как мать родную звали.

Олиф не шевелилась, просто безвольно висела на плече у Ринслера, словно мешок с тяжелой мукой.

Хорошо, что он не видел, как на лице девушки снова заиграла улыбка.

* * *

Ее посадили в какую-то камеру, предварительно развязав руки и вытащив кляп. Ринслер угрожающе предупредил, что на входе стоят двое очень хорошо обученных воинов, и если он узнает, что тут что-то происходит, и ему это не понравится, он отдаст Олиф этим воинам. Она и без слов все прекрасно понимала, и больше не нарывалась.

Они ушли, оставив девушку в одиночестве. Почему-то все охранники стояли у них на выходе, а в самом помещении находились только заключенные. Но, наверное, это и к лучшему.

Олиф прислонилась к холодной стене. Голова кружилась, челюсть наверняка распухла, на щеке уже точно появился огромный синяк. Однако больше всего девушка волновалась за голову. Кровь понемногу останавливалась, но все-таки приложилась о тумбочку она славно.

Ей очень-очень хотелось заплакать, в горле уже и комок встал, глаза намокли, но слезы все не выходили. Не было их и все. Похоже, за последние годы она совсем очерствела, раз даже плакать разучилась.

Олиф закрыла глаза, опустилась спиной на холодный пол.

Она все еще не оставляла надежды, что за этот поступок ее, наконец, убьют, лишив всех этих мучений.

* * *

Ринслер вышел из подземной тюрьмы в сопровождении двух воинов, едва сдерживаясь, чтобы не развернуться, и не порезать эту идиотку на мелкие кусочки к чертовой матери.

Он все-таки не удержался и с силой впечатал свой кулак в каменную стену.

— Ну-ну, не злись, — раздался детский, но до колик противный голос в темноте.

Мужчина вздрогнул, однако головы не повернул, делая вид, что не удивлен.

— Можете идти, — приказал Хозяин остальным двум воинам.

Как только те скрылись за поворотом, чокнутый предводитель Песчаников вышел из тени, но лицо его по-прежнему было едва различимым при свете всего одного факела.

— Рассказывай.

Хозяин подошел вплотную к Ринслеру, но тот не сомневался что там, в тени, скрываются еще как минимум три воина, готовые костями лечь за своего «папочку» — так

его часто называли среди «своих». Слишком уж заботливым он был, что иногда доходило до полного неадекватного состояния, стоило кому-нибудь нарушить правила.

— Эта девчонка кинулась на меня с ножом.

— И как? Успешно? — озабоченно поинтересовался Хозяин, переплетая песочные пальцы между собой.

— Конечно, нет. Дело не в этом.

— Не в этом? А в чем? — Этот противный голос вызывал в Ринслере такое раздражение, что хотелось просто взять и выбить все зубы этому... предводителю.

— Она — дура наивная, причем абсолютно не знакомая со здешними правилами.

— Хочешь сказать...

— Ей кто-то подсказал так поступить. Причем этот «кто-то» явно недолгоблизит ни тебя, ни меня.

— И ты, конечно же, знаешь, кто, — удовлетворенно кивнул Хозяин.

— Догадываюсь, — уклончиво ответил ему Ринслер. — У нас тут есть только один человек, кто может быть настолько тупым.

— Я всегда его ненавидел, — зацоцкал языком их главарь. Его глаза налились привычным холодом. Кое-кому сегодня точно достанется. В очередной раз.

— Я тоже, — тихо отозвался мужчина.

— И что ты хочешь делать, мальчик мой? — Глаза Хозяина загорелись азартным блеском. От этого дурацкого обращения Ринслера передернуло. Он ненавидел уменьшительно-ласкательные имена и прозвища.

— Посмотрим, что их связывает. Скорее всего, ничего. Но вдруг повезет? Если что-то будет, заставим его помучиться, пусть посмотрит, как из нее все кишки выжмут. К тому же, эта дура должна получить хороший урок. Она останется в камере, и просидит там столько, сколько нужно. И пусть только попробует выкинуть еще что-нибудь — я ее сам убью.

Олиф впервые чувствовала себя такой опустошенной. Даже боль во всем теле ее сейчас не особо заботила. Казалось, ее эмоциональный предел достиг своего пика, и в тот момент, когда Ринслер впервые ее ударил, он вышел за свои пределы, пересекая все невидимые границы, выстроенные из постоянного самоконтроля. Больше ей не хотелось ничего контролировать, понимать и вообще чувствовать.

Девушка на такое не рассчитывала. Она думала, ее огреют плетью — этого она бы точно не пережила. Но камера... полное одиночество. Такой исход был неожиданным, ведь все говорили о реальном наказании. А оказалось, что она не только осталась жива, но еще и загибается тут в полной тишине. Действительно, хорошее наказание. Но только не для Олиф. Это было слишком...

Смерть была бы идеальным выходом. Теперь девушка думала о ней все чаще, представляя ее по-настоящему реальной. Она даже иногда рисовала себе в уме картинки, как это произойдет.

Раньше как-то казалось, что сама мысль об этом не достойна прощения. А теперь было уже все равно.

Олиф то открывала, то закрывала глаза, вспоминая свой дом, свою семью.

С какой-то горечью в душе, девушка вдруг поняла, что Лекс был прав. Она виновна. Она убила человека, неважно какого: доброго или злого, важно то, что она пошла на это. Она лишила его шанса на то, чтобы прожить свое время. Ведь, наверняка, ему этого времени было отведено достаточно. А Олиф его забрала. Кто знает, может, поэтому она еще жива? Отрабатывает чужие часы, мучаясь в ожидании неминуемой смерти.

Интересно, что произошло бы, не поступи она так? Что-нибудь да произошло бы, это уж точно. Какой толк думать о том, чего не случилось? Но эти мысли не давали ей покоя. Раз за разом Олиф возвращалась в прошлое, вспоминая маму, которую не могла отпустить из своего сердца вот уже восемь лет... к папе, которого она, возможно, могла бы спасти, к Марике, к Тимке...

Прошлое стягивало ее в тиски, сжимая горло, парализуя конечности, мешало двигаться вперед. И чем больше она погружалась в воспоминания, тем труднее ей было вернуться обратно, в реальный мир. Теперь она жила этим прошлым, жила воспоминаниями.

«А что было бы если бы...».

Девушка снова открыла глаза. Посмотрела на темный потолок. Лежать на каменном полу было холодно и жестко, ее постепенно пробирали мурашки. Головная боль утихла, но скула по-прежнему ныла. Наверное, впервые в жизни ее так избили, хотя Олиф и не надеялась, что легко отделается.

Где-то справа от нее послышалось странное копошение. Девушка повернула голову на звук, но даже, несмотря на светожелов, ничего не увидела.

Она спихнула этот звук на крыс, но чуть погодя поняла всю абсурдность своих мыслей: крысы под землей?!

Шум повторился.

— Кто здесь? — испуганно спросила девушка, немного шепелявя, так как рот открывать было больно.

— Где? — пришел ответ.

— Кто ты?! — теперь уже по-настоящему испугалась Олиф. Она села, прижимаясь к стене.

— Кто? — голос отражался от стен гулким эхом, но явно принадлежал старому человеку. Или не человеку.

Справа от Олиф стена затряслась, и один из камней поехал вперед, создавая громкий скрежет. Девушка испуганно пискнула и быстро переползла на другую сторону. Камень упал очень аккуратно, буквально рядом со стеной, и в проеме, который вел в другую камеру, показались два удивленных глаза.

— Это ты меня звала? — довольно старческим голосом поинтересовался неизвестный.

— Нет, — замотала головой девушка.

— А кто спрашивал: «Кто здесь, кто здесь»?

Олиф пару раз моргнула. За стеной явно находился какой-то дед, и наверняка сумасшедший, поэтому, что бы лишний раз его не злить, она пискнула:

— Извините.

— У мамки своей прощения просить будешь!

Девушка не сводила настороженного взгляда с нового (или старого?) обитателя тюрьмы. Старик тоже немного поразглядывал ее, а потом задорно улыбнулся.

— А ты миленькая! За что тебя так?

Олиф поняла, что под «так» подразумеваются следы побоев на ее лице. Наверное, выглядит она еще хуже, чем ей казалось до этого, раз даже при таком болезненно-зеленом свете видно, как распухло все лицо.

— Это вышло случайно. Я сама виновата, — уклончиво ответила она.

— Эх, ты! — укоризненно покачал головой дед. — Здоровая вроде девка, а мозгов в голове — во! — И для наглядности ткнул в проем кулаком.

Девушка обиделась. Да, она не образованная, да, у нет прекрасных манер, да, она не знает этикета и прочей туфты, но утверждать, что она глупая дурочка — это уже слишком.

— Вы-то откуда знаете? Или вам из камеры лучше видно?

— У, не дерзи мне, малявка, — в ответ погрозил ей пальцем старик. — Я побольше тебя видел, уж поверь. И вообще — что за манеры?!

Олиф тут же постыдилась своих слов, но внешне постаралась принять максимально оскорбленный вид.

— Вы...

— Не выкай! И вообще, лучше б рассказала, за что сюда попала!

— Что? — удивилась девушка. Уж чего-чего, а таких слов она не ожидала услышать.

Дед искренне, с неким удовольствием, стукнул себя по лбу, явно выражая этим все свои мысли и впечатления.

— Ну ведь говорю же, мозгов — во!

— Да вы...

— Не выкай!

— Но вы...

— Не выкай!!

Олиф возмущенно открыла рот, и тут же его закрыла, щелкнув зубами. Какой смысл спорить с сумасшедшим? Намного разумнее просто промолчать.

— Ну, чего замолчала? — спустя некоторое время спросил старик, пытаясь через отверстие посмотреть, что происходит у нее в камере.

— Не хочу говорить, — тихо ответила девушка.

— Не хочешь?

— Нет.

— Или не можешь?

Олиф изумленно уставилась на старика.

— Не спрашивай, — тут же отозвался он, — у меня глаз-алмаз!

— Вы все видите?

— Не все, но твою скулу тяжело не увидеть!

Девушка завистливо прикусила губу, но тут же об этом пожалела — та отозвалась неприятной болью. Олиф бы не отказалась от такого зренья. Ей уже надоело постоянно приглядываться, щуриться, и в итоге понимать, что она все равно ничего не увидит в этой полутьме.

— Поживешь с моё, и не такому научишься!

Девушка мысленно вздрогнула. Ей совершенно не хотелось доживать до его возраста. Гнить здесь все это время? Нет уж, спасибо.

— Так за что тебя так? — подал голос дед.

— Просто так.

— Эх, девочка, просто так здесь даже пыль не вытирают. Ну, рассказывай!

— Зачем? Мне и так нелегко. — Олиф желала одного: лечь и забыться, но ее, как назло, теребили глупыми, никому не нужными вопросами.

— А кому легко? Давай-давай, если не хочешь умереть тут, тебе придется разговаривать.

— А может, я хочу умереть?

— Нет, не хочешь. Говори уже!

Девушка фыркнула, и челюсть тут же пронзила острая боль.

— Я... кинулась с ножом на Ринслера. — Сказала и самой стало стыдно.

— Зачем? — присвистнул старик.

— Потому что дура. Рады теперь? — Олиф обиженно поджала губы, провела рукой по лбу, стирая кровь, и еще сильнее прижалась к холодной стене.

— Эх ты, глупая! Поумнее ничего придумать не смогла?

— Нет.

Сердце кольнула обида. Ей нужна была поддержка, хоть какая-нибудь. Любая. Просто увериться, что разбитый лоб и опухшая челюсть — это не напрасная жертва. А ее просто взяли и добили.

— И все это ради того, чтобы не ложиться с ним в постель?

— Не только. И вообще, я не обязана вам отвечать.

— Но отвечаешь.

— Да потому что... потому что...

— Ой, ладно-ладно, — пошел на попятую старик, видя ее жалкие попытки оправдать себя.

— Что ладно? Что ладно?! Легко вам говорить, сидя в камере! Не вы человека убили, не вас в пустыню кинули, лишив всего, всего, понимаете?! Не вас Песчаники схватили, не вас использовать пытались! Легко сказать «ладно», а вы представьте себя на моем месте!

— Что мне представлять? — улыбнулся снисходительной улыбкой дед. — Сама-то как думаешь, как я тут оказался, а?

— Не знаю. — Олиф приложила щекой к холодной стене. Говорить было очень больно.

— Так же, как и ты. Правда, рядом со мной никого не было. В отличие от тебя.

— Со мной тоже... постойте, что? Вы что, видели нас? — Она хотела пояснить, что под «нас» имела ввиду ее и Лекса, но новоиспеченный сосед тут же притко отозвался:

— А то! Я же тут давно сижу, я всех вижу! Тем более не заметить Лекстера просто невозможно!

— Вы его знаете? — подалась вперед девушка, в одно мгновение забыв про боль.

— А кто его не знает? — Старик был немало позабавлен ее реакцией.

— А вы... вы его не видели больше?

— О, вот видишь, заговорила!

— Я не...

— Да не красней ты так! Не маленькие уже. К тому же, всем известно — хочешь разговорить девушку, начни говорить с ней о любви.

— О какой еще любви?! — Такого абсурда Олиф еще не слышала, и жутко смутилась, когда поняла, что воскликнула слишком громко.

— Видел я его несколько раз, но сюда его не приводят. Он, скорее всего, в самых нижних камерах.

— Почему?

— Что — почему?

— Почему в этих камерах никого нет, а его в нижние посадили? — Девушка искренне ничегошеньки не понимала.

— Да, было за что.

— В смысле? Он что-то сделал?

Старик хотел было ответить на ее вопрос, но вдруг замолчал, и спустя несколько секунд озабоченно воскликнул:

— Ой, сюда идут!

Он ловко просунул руки в отверстие, схватил камень, и вставил его обратно так, словно ничего и не было. Почти в этот же момент послышался скрежет открываемой двери. Олиф пару раз глубоко вздохнула, стараясь перевести дух. Вряд ли это к старому деду пришли.

Она не ошиблась. Перед ее камерой встал Ринслер. Позади него были еще пара воинов, но девушка не уделила им никакого внимания.

— Прохлаждаешься? — презрительно осведомился мужчина.

Она промолчала. Просто знала, что так безопаснее.

— Может, ты уже решила попросить прощения? Нет, скорее, молить о прощении?

Снова молчание.

— Язык проглотила? Неужели ты думала, что это сойдет тебе с рук, а? Дура.

Олиф позволила себе злобный взгляд. Если бы она думала, что это сойдет ей с рук — поступила по-другому.

— Молчишь. Правильно, молчи. Эй вы, — обратился он к своим помощникам, — передайте кухаркам, что на ближайшую трапезу будет одной тарелкой меньше.

Девушка презрительно фыркнула. Ее морили голодом, жаждой, солнцем, даже смертью. Какая-то глупая тарелка с кашей для нее ничего не значит.

Мужчина прекрасно расслышал этот звук и уже на выходе добавил:

— Хотя нет, две следующие трапезы.

Дверь хлопнула, оставляя после себя глубокое эхо, которое разнеслось по всему помещению.

Девушка прислонилась к стене, закрывая глаза. Подумаешь, каша.

Интересно, как скоро она, Олиф, умрет уже наконец? Может, довести его до ручки, чтобы он сам ее прихлопнул? Глупая смерть. Хотя, какая смерть будет здесь не глупой? От голода? От жажды? От помутнения рассудка? Олиф усмехнулась про себя. Когда-то ей так же хотелось довести до бешенства Лекса.

Прошло довольно много времени, прежде чем камень из стены снова упал к ней в камеру.

— С ним лучше не шутить, — послышался в темноте голос старого деда.

— Я знаю.

— Знаешь — и все равно нарываешься. Неужели Берегини совсем обделили тебя умом? Олиф пропустила колкую фразу мимо ушей. Сейчас ее интересовало кое-что другое.

— Расскажите, что вы знаете о Лексе...

— О ком? — удивился старик.

— О Лексе.

— Кто это?

— Вы что, смеетесь надо мной? — возмущенно воскликнула девушка.

— Я? Ты слышишь, чтобы я смеялся?

— Тогда расскажите, что вы знаете!

— Я ничего не знаю, — сделал искренне непонимающее лицо дед.

— Знаете! — Олиф было неприятно и обидно одновременно.

— Как я могу рассказать что-то о том, кого я не знаю?

— Ну вы же сами говорили, что...

— Я-а?!

— Ну и пожалуйста. — Она отвернулась к стенке и попыталась расслабиться.

Чего ее новый сосед хотел этим добиться, было совершенно не понятно. Хотя, какой спрос может быть с сумасшедшего. Девушка лишь сильнее раздражалась. Из головы не выходила его фраза: «Да уж, было за что». Что это могло значить? Лекс успел тут что-то натворить? Но ведь это на него совсем не похоже. Более рассудительного человека она еще не видела.

— Твое надувшееся лицо делу не поможет, — спустя какое-то время подал голос старик.

— В смысле? — отозвалась Олиф.

— Без всякого смысла. Вместо того, чтобы обижаться, нужно действовать. Только тогда добьешься результата.

— Спасибо за совет. Учту.

— Ой, распустила тут нюни, царевна, — издевательски пролебезил старик.

— Да что вы все издеваетесь надо мной? — не выдержала девушка.

— Потому что грех над такой дурочкой не поиздеваться. Как тебя только этот парень выдерживал?

— Судя по всему, вы все же помните его.

— Конечно, помню! — кивнул дед, и, кажется, задел лбом стенку. — Как такой экземпляр можно забыть?

— Расскажите, что вы знаете, — попросила Олиф, и тут же добавила: — пожалуйста.

— Эх ты! — покачал головой тот. — Тебе о своей голове думать нужно... ладно, расскажу, там все равно ничего интересного. Только ты это, двигайся сюда, неудобно мне кричать на всю тюрьму.

Девушка, сжав зубы, медленно перебралась на другую сторону камеры, туда, где было «окошко» между ней и ее соседом. Казалось, что ее ударили не только по лицу, но и по всему телу. Она чувствовала жуткую слабость, ноги затекли, а руки немного тряслись.

Олиф почти вплотную прислонилась к проему и приготовилась слушать. И хотя Лекс, по сути, был для нее никем, она все равно чувствовала необъяснимое волнение. Может, этот дед и прав: дура она все-таки.

Старик слегка прокашлялся.

— До того, как сюда попали, сколько вы пробыли в пустыне?

— Где-то месяц, — ответила девушка заученное число, хотя в его правильности искренне сомневалась. Она не считала дни в этой пустыне.

— Много... ну да ладно. Попал он сюда, то есть к Песчаникам, два года назад...

Олиф непроизвольно вздрогнула: два года?! У нее срок наказания — три. И эти три года представлялись ей совершенно невозможными, а тут...

— До сих пор вижу молоденького юношу, разбитого, хилого, тощего. Тогда еще подумал: не выживет ведь, хоть бы убил его кто-нибудь в первом же Бою, дурака-то. Но не убили. Смелый был пацан... Не знаю уж, как и за что его жизнь тут держала, но чем сильнее по нему били, тем сильнее он сопротивлялся. Помню, вот как сейчас, дрался он очень хорошо. Воином, видать, был в прошлой жизни. Шли месяцы, он показывал хорошие успехи, подавал большие надежды, Песчаники стали обращать на него внимание.

А в один прекрасный день сюда попал еще один юнец. Я его мельком видел, и уже тогда отметил, что они похожи. И ведь не ошибся. Этот-то новенький за Песчаной Завесой точно воином был — Перводружинником. Я значок его видел! Они сдружились, вот уж действительно, как говорят, два сапога — пара. Я слышал, попали они сюда по одной и той же причине. Это, наверное, и сблизило их.

Одно могу сказать: сколько живу, а такой дружбы не видел еще. Они по духу близки были. Вместе черной работой занимались, вместе тренировались, вместе на поле боя выходили, и побеждали тоже вместе. Один упадет — так второй в кровь разобьется, но и себя защитит, и его вытащит. Да, были времена...

О них по всему лабиринту легенды ходили... на них ровнялись все. Песчаники рады были такой славе до невозможности, сделали их обоих своими любимчиками. Тогда-то я и заметил, что глаза у Лекса горят запредельным энтузиазмом. Ты ведь не знаешь, — обратился он к Олиф, — как тут «молнии ловят»?

Девушка помотала головой, потом опомнилась и вслух сказала:

— Нет.

— Сложная работа. Дожди в пустыне ой какие редкие, но если все же идут, то обязательно с громом и молнией. Ливни такие, что убить могут. Песчаники выходят наружу, расставляют железные столбы по кругу, и ждут, когда же в песок ударит молния. Знаешь, что бывает, когда в песок бьет молния?

— Нет, — снова покачала головой Олиф.

— Образуется стекло. Настоящее, чистое. Песчаники забирают его и отдают своим мастерам, а те уже делают из него броню для своих «домашних питомцев» — змей. Эту броню ни один меч не возьмет, что там, таран для них, как спичка. «Ловить молнии»

любили все Песчаники, это как праздник, куда каждый обязан сходить. На этот «праздник» собирались все Песчаники — целая процессия! — Старик непроизвольно усмехнулся. — Они открывали выходы и выбырались наружу. На тот момент, все они были уверенны, что люди им подчиняются, и бежать им некуда. Песчаники искренне считали, что все их рабы преданы им, как своим королям. Наверное, поэтому и не закрывали выходы. Они «ловили молнии» недалеко, и думали, что смогут предотвратить любой побег.

Я не знал, что Лекс решил сбежать. Знал бы — остановил бы, несмотря ни на что. Но они, два лучших друга, молчали, как две рыбки под водой. План простой был: открыть все камеры, все двери, в общем, выпустить всех, кого только можно. Даровать свободу.

Они одного не учли: в подземелье было слишком много народу. Началась такая давка, что некоторые просто не выжили — их растоптали. Людей было множество, все пытались пробраться к выходу по этим узеньким тоннельчикам. К тому моменту, как два лучших друга добрались до ближайшего выхода, вернулись Песчаники. Я не знаю, что случилось, меня там не было, но судя по рассказам, Лекс успел выбраться наружу ровно за секунду до того, как Песчаники закрыли все выходы. А вот его друг не успел. Он остался здесь, внутри, вместе с озлобленными хозяевами пустыни.

Их пытали и избивали за непослушание. Парню, как одному из организаторов побега, досталось больше всего. Его держали здесь, в этой тюрьме, и я сам видел, как он ждал, когда же его напарник вернется за ним. Шли месяцы, а Лекса так и не было. Однажды, сидя вот в этой камере, в который сейчас сидишь ты, он пообещал, что если тот вернется за ним, он его убьет. Вызовет на Бой и убьет, чтобы отомстить.

— Лекс же вернулся, — прошептала Олиф, — но я недавно видела его. Он жив, это точно. Значит, они еще не встретились? Или его друг не дожил до этого дня?

— Ха, не дожил! Этот поганец еще всех нас переживет. После того случая он снова стал побеждать, и постепенно обеспечил себе местечко под солнцем.

— Значит, он жив? — Девушке очень бы хотелось услышать, что его уже нет. Она не хотела, чтобы кто-то пытался убить Лекса.

— Я тебе больше скажу: ты только что с ним разговаривала.

— Постойте... что?!

Сердце сделало крутой кувырок, стукнулось о прочные кости, и, вернувшись на место, да так часто забилося, что Олиф показалось, будто ее сейчас хватит удар.

— Это... Ринслер?! Ринслер — лучший друг Лекса?! Но... как?! — Такое просто не укладывалось у нее в голове. Ну да, есть между ними что-то общее, но не до такой же степени! Они просто не могли быть лучшими друзьями!

— Вот так. Некоторые вещи невозможно объяснить. Зато теперь вы с Лексом на одной стороне, — ободряюще сказал старик.

— Почему? — не поняла девушка.

— Вы оба перешли Ринслеру дорогу. — И спустя мгновение добавил: — Молись, чтобы он не расправился с вами обоими одновременно. Твои чувства — лучшее оружие для него.

— Какие еще чувства? — моментально насупилась Олиф.

— Жалость. Она убивает.

Олиф отстраненно водила пальцами по распушившемуся светожелу, и смотрела куда-то вдаль. Старик, видя рассеянность девушки, деликатно вернул камень на место и дал ей время поразмышлять.

А размышлять было над чем.

Лекс кого-то убил, там, в своем мире, и попал сюда, к Песчаникам. Кого он мог убить? Девушка не знала. Но кое-что она знала абсолютно точно: что-то его тут держало. Неужели он хочет вернуться обратно? Но это же безумие. И не потому, что просто напросто не выживет, а потому, что его не примут. Никогда.

Олиф непроизвольно усмехнулась. Это Лекс-то не выживет? Ха, да он скорее поубивает тут всех, но с жизнью не расстанется.

Как и Ринслер.

Ведь старик прав: они похожи, чем-то странным, неуловимым, но если присмотреться внимательно, то сходство было очевидно. И все же, девушка никак не могла поверить собственным мыслям: Лекс и Ринслер — лучшие друзья, правда, когда-то в прошлом, но, тем не менее, даже этот факт казался полным абсурдом. Неужели эти два человека могли когда-то защищать друг друга? Стоять друг за друга горой?

Лучшие друзья...

У Олиф никогда не было друзей, и в дружбу она не верила, тем более, в женскую. На ее глазах разворачивались такие драмы, когда девушки (в основном содержанки) клялись друг другу в пожизненной верности, а затем, стоило появиться лишь одному поводу (в основном под названием «мужчина»), как они тут же забывали обо всех своих клятвах. А уж способам, которыми они терроризировали друг друга позавидовал бы любой более менее опытный жулик. И вот, когда соперница устранена, они с честными глазами заявляют своей некогда лучшей подруге: «ну я же люблю его!».

Олиф не понимала, как можно рисковать жизнью ради кого-то. Нет, конечно, она бы рискнула, и, если бы понадобилось — отдала бы жизнь за своих родных. Но то ж родные! А тут просто друг. Сегодня один, завтра другой, потом третий. Многие меняют их так же, как постели Перводружинников.

Но, похоже, Лекс так не считал.

Они вместе с Ринслером через многое прошли, и не просто прошли — они выжили. Вместе. Рука об руку. А потом, несмотря ни на какую дружбу, Лекс оставил своего друга, за которого когда-то жизнь мог отдать, погибать тут, в аду.

Девушка усмехнулась.

Ровно год назад в село Чернь вернулись трое Изгнанников... а до этого, десятилетиями не возвращалось ни одного. Похоже, побег, устроенный двумя лучшими друзьями, все-таки был не напрасным. Кто-то смог вернуться домой.

«Да, — тут же саркастически отозвался внутренний голос, — один спился, второго убил житель села, третьего просто не приняли».

Неужели это того стоило?

Олиф нахмурилась. Ведь Хэнк рассказывал ей о Песчаниках, и еще о каких-то животных-созвездиях... он же не мог узнать об этих нелюдях столько всего, не увидев их ни разу. Он был здесь. И, скорее всего, сбежал как раз благодаря Лексу и Ринслеру.

Девушка начала размышлять над теми историями о созвездиях, которыми с ней делился Хэнк, и, наконец, решила спросить о них у своего соседа по камере.

— Эй, простите...

— Прощаю, — тут же ответил голос, и слегка посмеиваясь, добавил: — Что ты хотела?

— Да просто... спросить кое о чем.

Камень из стены плавно упал вниз.

— Да?

Олиф поерзала на месте.

— Вы случайно ничего не знаете о созвездиях?

— О каких таких созвездиях? — насторожился старик.

— Ну-у... медведь, лиса, и волк, кажется, — пояснила девушка.

— Хм... — задумался дед. — А тебе зачем?

— Они вам знакомы?

— А тебе зачем?

— Да так, просто.

— Ну раз просто, то не скажу.

Олиф опешила.

— Не скажите? Почему?!

— Пока тебе все просто, я буду молчать.

Девушка злобно сжала кулаки. Как же ей надоели эти игры.

— Мне интересно, — сказала она, стараясь вложить в эту реплику весь свой пыл.

— Неа.

— Мне очень интересно.

— И не пытайся.

— Мне очень-очень интересно! — так задушевно изрекла девушка, что будь на месте старика кто-нибудь более впечатлительный — непременно бы прослезился.

— Эх, — махнул рукой старик, — ладно. Черт с тобой! Там все равно ничего интересного.

В прошлый раз «ничего интересного» обросло такими подробностями, что Олиф поспешила придвинуться поближе к соседней камере.

— Ты же знаешь историю про Гурума Хахмого?

— Кто это? — удивилась девушка.

— Тот, из-за кого образовалась Песчаная Завеса, — ворчливо пояснил дед.

— А, ну да.

— Так вот забудь ее. Существует и другая легенда. В ней говорится о том, что Гурум Хахмой был вовсе не Изгнанником, а хранителем всех Берегинь. Когда-то давно Берегини обзавелись злобными «подружками», мечтавшими захватить власть — навками. Говорят, это были женщины неземной красоты, вот только вместо ног у них был рыбий хвост.

— Русалки что ли?

— Навки! Так вот, они нашли лазейку в верхний мир Берегинь — Прави, — как маленькой разъяснил старик. — Перед тем, как потерять сознание, одна из Берегинь успела передать Гуруму Хахмому то ли скипетр, то ли мешочек с песком, — Олиф честно попыталась найти сходство между двумя этими понятиями, но через секунду позорно сдалась, — и сказала, чтобы тот при помощи этой волшебной штучки закрыл портал между мирами. Ну, Гурум и создал прямо над порталом пустыню. Под ней находится лопастной механизм. Стоит его активировать и все, откроется портал из песков и пустыня исчезнет.

— Совсем?

— Совсем, — кивнул дед. — Правда, я ж говорю, тогда откроется портал. Навки узнали

об этом. После того, как портал закрылся, они уже не смогли выбраться из мира Прави, и стали действовать через человеческого посредника.

— А портал не должен открыться?

— Нет. По легенде навки собирались захватить миры при помощи мертвецов, но после закрытия портала они остались в мире Прави, а души в мире Нави. Я слышал несколько версий этой истории. Одни говорят, что Гурум Хахмой единственный мог активировать портал. А другие утверждают, что есть еще один способ.

— Какой?

— Не знаю, у кого-то связанный с полнолунием, у кого-то с днем равноденствия, у кого-то с ключом в виде шестиконечной звезды.

— Шестиконечной? А такая бывает?

— Конечно! Вот, смотри, — и дед просунул руку в отверстие.

Олиф сперва испуганно отпрянула, а затем пригляделась и увидела веревочку на которой красовался явно замочный ключ с шестью концами.

— Ой, а можно поближе посмотреть? — искренне восхитилась девушка.

— Можно. Смотри.

Отдавать ей ключ старик, похоже, не собирался, поэтому пришлось наклоняться и стараться хоть что-то рассмотреть в этой полутьме.

Однако прежде, чем она успела вымолвить хоть слово, входная дверь хлопнула, да с такой силы, что рука старого деда вздрогнула, и веревочка с приглушенным звуком упала рядом с Олиф. Камень они успели вернуть на место до того, как щелкнул замок камеры.

— Ну что, дедуля, засиделся ты.

Девушка прильнула к решеткам своей тюрьмы и попыталась рассмотреть, что Песчаники собирались делать с ее соседом. Те неаккуратно вытолкали его наружу.

— Эй-эй, хлопцы, осторожнее, и так все кости хрустят.

— Куда вы его ведете? — в свою очередь воскликнула Олиф.

Она знала, что старик явно не одобрил этот поступок. Все-таки за все это время с его слов она поняла одно: нарываться нельзя. Никогда. Ни за что. Даже когда перед твоими глазами куда-то уводят твоего товарища, нужно сидеть и молчать.

Но Олиф так не могла.

— Сиди и помалкивай, девка. Иначе сейчас и тебя заберем.

Она уже хотела злобно огрызнуться, мол «Давайте!», но не стала. Потому что знала — этим она сделает только хуже.

Ее старого соседа вытолкали за дверь.

И больше Олиф его не видела.

Время тянулось мучительно долго. Сидеть на холодном полу было невыносимо, и Олиф принималась расхаживать туда-сюда. Однако, когда она в очередной споткнулась обо что-то и чуть не расшибла и без того израненный лоб, просто села и начала раскачивать из стороны в сторону.

Подвеску, что уронил дед, девушка сперва бережно держала в руке — на случай, если старик вернется, но спустя некоторое время стало ясно — сюда уже точно не вернется, и девушка просто надела ее себе на шею.

Наконец, когда Олиф уже думала, что еще чуть-чуть, и она начнет всерьез общаться со светожелами, тюремная дверь хлопнула.

Перед ее камерой стоял Ринслер. Вроде бы все такой же: встрепанный, с заросшей щетиной, чуть сгорбленный, больше напоминающий амбала... но все-таки уже другой.

— Ну что, нравится тут сидеть?

— Нет, — ответ вышел довольно хриплый.

— Очень жаль, а то посидела бы тут еще чуток.

Девушка не сводила с него пристального взгляда, пытаясь понять, как за вот за это можно добровольно жить отдать.

— Вы меня отпустите? — голос упрямо не слушался. Олиф почувствовала себя семидесятилетней старухой.

— Не знаю. Извинишься, может, отпущу. — Ринслер откровенно издевался.

Девушка не ответила. Хотя этого, в общем-то, и не требовалось. Дверь камеры открыл не пойми откуда взявшийся Песчаник и вытащил девушку наружу.

— Давай, я жду, — поторопил мужчина, после минутного молчания.

— Прости.

— Мы с тобой не закадычные друзья, чтобы ты ко мне на «ты», — огрызнулся Ринслер.

— Извините, — поправилась девушка.

— Нет, не пойдет. Больше искренности.

— Мне очень жаль, что я так поступила. Я прошу прощения. — Своим словам Олиф не верила, и остальные, похоже, тоже.

— На колени, — вдруг сказал бывший друг Лекса.

— Что? — опешила девушка.

— На колени. Извиняйся на коленях.

Она не шелохнулась. Тогда к ней сзади подошел Песчаник и, больно заломив руку за спину, заставил ее чуть ли не лбом поцеловать землю.

— Проси прощения.

В этот момент Олиф подумала, что Лекс поступил правильно, оставив эту тварь гнить здесь.

— Прошу прощения.

— Не слышу мольбы.

— Прошу прощения, — буквально простонала девушка.

— Больше искренности, — зло прошипел Ринслер.

Она вскинула голову и злорадно выплюнула:

— Прошу прощения, дорогой! — За что сразу получила хлесткую пощечину, причем

большая ее часть пришлась на губу.

— Я сказал: больше искренности, — отрывисто повторил мужчина.

И в этот момент Олиф почувствовала, как впервые за долгое время на глаза наворачиваются слезы. В последний раз она плакала в тот день, когда умерла мама. Больше слез не было, как будто там, в глазах, образовался барьер. Кто бы мог знать, что он позорно падет, стоит только унижить человека. Хорошо унижить. Можно даже сказать — достойно.

На полу образовались два мокрых пятнышка.

— Я совершила страшную ошибку. Я не знала, что вы, оказывается, настолько умный и смелый. Я хотела насолить, но вместо этого получила хороший урок. Простите меня, я больше никогда так не поступлю... простите, — и ударилась лбом об пол. То ли обессилев, то ли признавая свое поражение.

— Так-то лучше, — ухмыльнулся Ринслер.

Крепкие осыпающиеся пальцы наконец-то отпустили затекшие запястья девушки.

Мужчины вышли. На удивление, они не стали приказывать ей идти за ними, просто молча закрыли за собой дверь. Видимо понимали, что после такого унижения ей нужно время, чтобы хорошенько прореветься, а потом успокоиться, и выйти к ним с уже сухим, бесстрастным лицом. Лишь покрасневшие глаза могли выдать ее состояние. Но в глаза ей никто не смотрел.

Ринслер шел впереди, Песчаник сзади. Куда ее вели, она не знала, да и не особо беспокоилась об этом. Может, туда же, куда недавно отвели старика из соседней камеры, а может, обратно к «лапочкам». Это было уже действительно не важно.

Однако привели ее совершенно в другое место. Тут Олиф никогда не была. Преодолев несколько темных тоннелей, они попали в огромное, просто огромное помещение, к тому же такое длинное, что пока дойдешь до другого конца свалишься с ног от усталости. По краям этой «площади» располагалось что-то вроде загонов, только не для лошадей, а для любимых «питомцев» Песчаников — Бронированных Змей. Вокруг них копошились женщины с ведрами, и усердно чистили каждую змею.

— Макс, — позвал кого-то Ринслер, — теперь вот эта, — он ткнул пальцем в вздрогнувшую Олиф, — переходит под твою ответственность. Ты знаешь, что делать.

Фраза «ты знаешь, что делать» обычно не предвещала ничего хорошо, поэтому, когда тощий, с отсталым выражением лица, Макс, приблизился к девушке, она невольно напряглась.

Ее сопровождающие удалились, оставив их один на один. Олиф поймала себя на мысли, что лучше бы ее оставили наедине с Ринслером, чем с этим Максом. Впалые глаза парня и нос закорючкой создавали самое неприятное впечатление.

— Привет, я Макс, — занудно проговорил тот, — теперь ты будешь вместе с нами мыть змей. Это очень ответственная работа, эти животные очень чувствительные, в особенности, когда дело касается воды! Ты должна относиться к ним с любовью и заботой! Сперва чешуйчатую кожу нужно намылить мылом, но для них оно очень жесткое, поэтому обязательно обмакни его в спирте. Это вон в том коричневом бачке, — парень ткнул пальцем куда-то в сторону. — Потом уже другой тряпкой! Обязательно другой! Нужно смыть все мыло, затем еще раз окатить новой, свежей водой. Не забудь, пожалуйста, что воду нужно будет менять, чтобы уж точно смыть все мыло. Каждый день змеям обязательно нужно чистить клыки, но делать это нужно очень осторожно специальной щеточкой, и смотри, чтобы рука не касалась клыка — они выпускают яд. Потом приходит время

кормежки. Ты моешь одного змея, иногда, если кто-то не может позаботиться о своей «ласточке», — он сказал это так нежно, что девушку передернуло, — то тебя могут попросить помыть кого-нибудь другого. Но в основном у тебя один змей. Кормить их нужно пять раз за двадцать четыре часа, то есть ты всегда должна находиться рядом с ним. Поняла? Эй, ты слышишь меня?

— А? Да, да, конечно. А они не лопнут от такой заботы? — не удержалась Олиф.

— Лопнут? — испугался впечатлительный Макс, тут же представив себе картину, как змей ростом в два человека, лопаются на глазах у Песчаников. — Ты что?! Не смей даже говорить так!! Это же будет просто ужасно!! Да Хозяин знаешь, что с нами сделает?!

— Извините, я пошутила, — тут же пожалела о своих словах девушка.

Парень еще несколько минут не мог привести дыхание в порядок — его грудь то вздымалась, то опускалась, словно он только что оббежал всю пустыню по кругу. Затем они все же смогли пойти дальше. Девушка все своим нутром ощущала на себе недовольный взгляд парня. Наконец, они остановились напротив одного из змей.

— Привет, Кнут, — обратился к нему Макс, — вот, посмотри, теперь вместо Двены за тобой будет ухаживать... эээм, прости, скажи свое имя.

— Олиф, — буркнула та.

— Олиф! Ну да, имечко у нее не очень, но она хорошая. Кнутик, ну что ты, миленький, не переживай. Я знаю, как ты любил Двену, но она свое уже отслужила, так бывает...

«Кнутик» обижено издал шипящий звук и наглядно отвернулся к задней стенке. Но так как загон не позволял таких глобальных маневров, его нос уткнулся в боковую стенку и дальше продвинуться не смог.

— Олиф, ну скажи ему, что ты справишься! Что ты будешь заботиться о нем, как о родном сыночке! — взмолился Макс, переживавший, похоже, больше самого змея.

— Угу, — угрюмо кивнула девушка, — у нас в селе были коровы. Я с ними хорошо справлялась, ну, то есть коровы не жаловались.

И тут произошло страшное. Такой тишины она не слышала даже в тюрьме. Несмотря на огромное помещение, ее последнюю фразу слышали все.

Первым в себя пришел Макс.

— Что-о?! Ты сравнила змея с коровой?! С коровой?!

Все присутствующие уставились на нее с таким осуждением, что Олиф в который раз пожалела, что родилась с языком.

— Ой, я не это хотела сказать...

— Но ты сказала именно это!

— Я имела в виду, что...

— О, нет-нет, если мы правильно тебя поняли...

— Нет, вы поняли неправильно! — воскликнула девушка, пытаясь как-то выкрутиться.

— ... то ты считаешь, что наш Кнутик похож на корову?!

— Нет же! Совсем нет! Я хотела сказать, что...

— Какое неуважение, — покачала головой рядом стоящая женщина.

Кнутик согласно фыркнул.

— Безобразие, — донесся голос еще одного недовольного.

— Вот оно — подрастающее поколение.

— Как так можно? Змею и корову...

— Кошмар! Бедные коровы...

Бедненький Кнутик согласно подфыркивал каждой новой фразе.

— Да я же хотела сказать, что Кнут... ик, — с трудом добавила Олиф этот глупый суффикс, — такой же лоснящийся, как корова! Вы когда-нибудь видели шерсть коровы? Да она, словно шелк! — бессовестно врала девушка. — А коровий запах? Ммм... — блаженно протянула она, — это же просто невероятный запах! Женские духи — просто рядом не стояли! Кнут... ик еще и такой же послушный, как корова! Да послушанию коровы любой Перводружинник позавидует!

Кто-то вдалеке сдавлено прыснул, но остальные уважительно закивали, мол «вот какая хорошая девочка, только пришла, а уже комплиментами сыплет».

Макс, казалось, сейчас грохнется в обморок от облегчения. Кнутик понял, что новую девчонку больше ни в чем не обвиняют, и обиженно зашипел, но его уже никто не слушал. Все в помещении неожиданно заговорили о коровах: а какая у них походка? А кто-нибудь нюхал корову? Кто-нибудь ее дрессировал? Кто-нибудь ее вообще видел?

— А у нас в деревне жила как-то такая коровушка, — донеслось до слуха девушки, — Марьюшкой звали... такая преданная, защитница наша! Однажды вот такого волка загрызла! — И тетка так размахнула руками, что показала скорее целое стадо волков, нежели одного.

— Ну что ж, — более менее придя в себя, подал голос Макс, — думаю, можешь приступать.

— Хорошо, — кивнула Олиф и тут поняла, что совершенно не помнит, что нужно делать. — Сначала водой помыть, да? — стыдливо поинтересовалась она.

— Мылом намылить! — возмутился парень.

— А, ну да.

Олиф кое-как нашла среди ведерок, щеточек и баночек нечто зеленое, твердое и жутко пахнущее. Попыталась намылить им тряпку, но лишь протерла в ней дыру.

— Нужно в спирт окунуть! — еще больше возмутился Макс.

— А, ну да.

Окунула в коричневый бочонок мыло, вернулась, и под зорким взглядом парня попыталась подступить к змею. Тот в свою очередь попытался спрятаться в угол, но из-за своих габаритов продвинулся лишь на пол-ладони.

Олиф начала растирать шершавую кожу змея, чувствуя, как от создающегося звука у нее по телу пробегает стая мурашек.

Кнут был явно против смены хозяйки и когда понял, что его попытки спрятаться не дают результатов, решил, что лучшая защита — это буравить и без того смущенную девушку злобным взглядом. Каждое ее движение сопровождалось настороженным движением вертикальных зрачков, они двигались ровно в ту же сторону, что и руки девушки.

Олиф нервно водила тряпкой туда-сюда. С одной стороны Макс, с другой — змей, причем у последнего один глаз был, как две человеческие ладошки.

— Ладно, я все, — наконец не выдержала девушка

— Хвостик не протерла!

Все-таки змей оказался на редкость наглым, и только девушка хотела протереть его заднюю конечность, как Кнут тут же задирает ее так высоко, что девчонка даже в прыжке не могла до нее достать.

Всеобщее лебезение не помогало — хвост висел в воздухе, и спускаться, похоже, не собирался. В итоге Макс высказал предложение принести Кнуту его любимых

«вкусняшек», и сам же за ними и побежал.

Оставшись одна, Олиф все-таки решила не церемониться. Она подошла вплотную к змею и злобно прошипела, так, чтобы кроме него никто не услышал:

— Значит так, зверюга, или ты опускаешь свой чертов хвост сюда, или я беру вот это ведро и со всей дури начинаю тебя им колотить, и плевать мне, как ты отреагируешь! Видишь вот это? — Она ткнула пальцем себе в рану на лбу с запекшейся кровью. — Или это? — Палец переместился на губу. — Или, может, это не заметил? — На щеке у нее красовался фиолетовый синяк. — Я черт знает сколько времени скиталась по пустыне, и сидела здесь, в ваших дурацких камерах! Думаешь, мне есть что терять? Ошибаешься! Опускай свой чертов хвост сюда, живо!

Того, что змей послушается ее так быстро, она не ожидала. Хвост плавно опустился вниз, и животное смиренно позволило к себе прикоснуться.

К тому моменту, как Макс вернулся с небольшим мешочком в руках, Кнут уже был полностью намылен.

— Как ты это сделала? — опешил парень.

— Просто поговорила с ним, — пожалала плечами девушка.

— Ах ты мой Кнутчик! — обрадовался Макс, и кинулся обнимать змея, но потом вспомнил, что тот полностью намылен и сбавил пыл.

Олиф украдкой закатила глаза. У них в селе даже с детишкам Перводружинников так не нянчились.

— Слушай, — начал парень, — ну раз ты тут и без меня справляешь, я пойду, нужно же и за другими следить, а ты тут пока мой.

И, не дав девушке даже слова сказать, откровенно говоря, сбежал.

Олиф обреченно вздохнула, и как только убедилась, что Макс скрылся из поля зрения, уселась рядом с ведром и приложила руку к саднящей губе. Ринслер любит распускать руки, причем с такой грубостью, будто он уже не различает, где равный ему противник, а где нет.

«Чего расселась?»

— А? — закрутила головой девушка, но говорящего так и не увидела.

«Полоумная что ли? Я прямо перед тобой».

Олиф посмотрела прямо перед собой и увидела два огромных глаза с вертикальными зрачками.

«Работай, давай» — зрачки чуть расширились, а затем змей отвернулся от ошарашенной девушки.

Только спустя несколько мгновений до нее дошло, что голос звучал у нее в голове, да еще отчетливо так, словно с ней разговаривали наяву.

— Змея умеет говорить? — непроизвольно вырвалось у нее, но на этот раз ей никто не ответил. В памяти всплыло одно из самых ужасных событий, что произошли с ней в пустыне: первая встреча с Песчаниками. Именно тогда она впервые увидела Бронированного змея, слышала его голос у себя в голове.

Девушка вздохнула, покрутила головой в поисках тряпки, которой можно было бы смыть все это мыло. Взгляд упал на довольно крупную щетку, ею вполне можно было вымыть змея, правда, единственное, что смущало — это острые зубчики. Но немного поразмыслив, Олиф решила, что возможно они были сделаны специально для такой плотной чешуи. Девушка намочила щетку, провела ею по намыленной чешуе и услышала такой жалобный вой, словно она кому-то только что отрезала руку.

Змей изогнулся, выпустил клыки и злобно мотнул телом в сторону. Олиф не удержалась на ногах, упала на что-то твердое и явно неровное, взвыла от неожиданно резанувшей спину боли, и едва смогла перекатиться на живот, опрокинув при этом ведро. На шум прибежало несколько людей, кто-то принялся успокаивать змея, кто-то помог девушке подняться, а кто-то стоял сзади и громко причитал: «Да что ж это делается-то! Да где ж это видано, чтобы по чешуе щеткой для чистки зубов проводить! Какой же тварью надо быть, чтобы так поступить!».

Олиф чувствовала лишь жуткую боль в спине, и небольшое головокружение. К ней подбежал Макс. Схватив под локоть, резко поставил на ноги и быстро повел куда-то, злобно при этом приговаривая:

— Нет, ну надо ж было такую идиотку нам прислать!

Они снова оказались в бесконечных тоннелях. Темнота смешивалась с зеленым цветом, быстрый темп тут же заставил Олиф тяжело дышать. В глазах все плыло, и светожелы сливались в одно пятно. Наконец, они попали в освещенный коридор и остановились возле большой деревянной двери. Эту дверь Олиф узнала бы из тысячи.

— К нему можно? — спросил Макс у охраняющего вход воина. Раньше девушка тут никаких охранников не видела. Неужели Ринслер испугался за свою жизнь?!

В этот момент дверь распахнулась и из нее, издавая глуповатый смех, выплыла рыжая «лапочка». Две девушки встретились взглядами и обе испытали невероятное удивление. Рыжая пришла в себя за считанные секунды и ее взгляд наполнился презрением.

— Мм, — изогнула она бровь, — ты еще жива.

Олиф опустила глаза в пол и, подталкиваемая Максом, прошла внутрь.

Надо сказать, удивление Ринслера было не меньше, чем у рыжей. Мужчина вальяжно лежал на постели, согнув одну ногу и оперев голову о ладонь, другой рукой крутил бокал с вином. Когда он увидел, кто к нему вошел, то сперва удивленно поднял брови, а затем встал с кровати. Поставил бокал на тумбочку, о которую Олиф недавно хорошенько приложилась, и одновременно пригладил мокрые волосы.

— Что вам нужно?

— Прости меня, Ринслер, — покаянно начал Макс, топчась на месте, — но это не могло ждать.

— Ну, в чем дело? — поторопил мужчину.

— Дело в ней. — Парень с ненавистью ткнул пальцем в Олиф.

— Но я ведь... — опешила та.

— Заткнись, — отрезал Ринслер, и отрывисто добавил: — Сядь здесь и молчи.

Девушка покорно уселась на постели, в который раз завидуя ее мягкости.

— Что случилось? — спросил мужчина у Макса.

— Понимаешь, она полностью отсталая. Я ей все по полочкам расставил ведь! Но нет, она умудрилась провести по чешуе Кнута щеткой для чистки зубов!

Ринслер поморщился при слове «Кнутик». Он терпеть не мог эти уменьшительно-ласкательные имена, да еще и в адрес животных.

— И что? — Мужчина пытался сообразить, что такого натворила девчонка, за что даже Макс на нее обозлился.

— Как это — что?! Щеткой для чистки зубов! Да у Кнута... Кнута, — вовремя вспомнил парень, что этот человек не любит любое проявление нежности, — шрамы останутся на всю жизнь! Там же такие острые зубцы!

— Это все? — коротко осведомился Ринслер.

— Этого мало? — удивился Макс, немного сбавив пыл.

— Да, Макс, этого мало. Я, кажется, просил меня по пустякам не беспокоить!

— Но...

— Иди работай! И что бы больше не заявлялся ко мне со своими дерьмовыми проблемами на счет своих зверушек! Я ясно выразился? Еще раз припрешься ко мне с этой темой, сядешь в камеру на неделю! Ты все понял? Все? Проваливай.

Олиф позволила себе на секунду злорадно ухмыльнуться. Настроение Ринслера оставляло желать лучшего.

Макс подошел к девушке, взял ее под локоть, и хотел уже было удалиться от греха подальше, как Ринслер его остановил:

— Девчонка пусть останется.

Парень тут же поспешил исполнить приказ, отпустил насупившуюся Олиф, и резко открыл дверь. Ты подозрительно хлопнулась обо что-то, издала обиженное «Ауч!», и закрылась, успев явить всем яркие рыжие кудри.

Олиф медленно повернулась и упрямо вперила взгляд в пол.

— Я смотрю, ты никому не нравишься, — протянул мужчина.

— Да, — согласилась девушка, и на этот раз искренне. Она давно уже это заметила.

— Это плохо. Девушка должна нравиться всем.

— Да, — не стала отрицать та.

— Что — да? Признаешь свое уродство?

— Да. — И это тоже была правда.

— Может, ты еще какие-нибудь слова выучила, кроме «да»?

— Да. То есть выучила.

— Даже так? — издевался Ринслер. Настроение после визита «лапочки» у него неожиданно поползло вверх. — И какие?

«Козел», — так и подмывало сказать Олиф, но она сдержалась. И так все тело ныло.

Она уставилась на щетину Ринслера и неожиданно подумала, что если бы он ее сбрил, так было бы намного лучше.

— Борода, — наконец, выдавила девушка.

— Борода? — удивился мужчина.

— Ну да, борода. — Олиф почувствовала себя просто полной дурой.

Ринслер ничего на это не сказал, но посмотрел на нее таким красноречивым взглядом, что никаких слов и не требовалось.

— Хочешь секрет открою? — перевел он тему.

— Нет, — честно ответила девушка.

— Почему? — Странно, такому ответу он не разозлился.

— Ненавижу секреты.

— Я тоже. Но тебе все равно придется выслушать мой секрет, иначе будет уже неинтересно.

Олиф вздохнула, предчувствуя что-то недоброе.

И да, точно, Ринслер медленно приблизился к девушке, встал рядом с ней так близко, что она почувствовала запах... странный запах чисто мужского аромата и чего-то еще, едва-едва проскальзывающего, но, тем не менее, довольно ощутимого. Мужчина тем временем намотал на руку конец ее темной косы, не сводя при этом с девушки такого взгляда, что ей

стало очень нехорошо. Он медленно наклонился к ее уху, и, лаская кожу теплым дыханием, прошептал:

— Мне ты нравишься.

Все-таки с Лексом у них действительно было кое-что общее: они оба любили играть с людьми. Олиф вспомнила тот момент, когда Лекс игриво водил ножиком по ее ногам. Он знал, что ей это нравилось, и этот знает, что может понравиться. Вот только на этот раз и у Олиф тоже есть горький опыт.

Она сохраняла спокойное дыхание, медленно считая про себя до десяти. Ни единого лишнего движения. Ни единого лишнего звука. И это возымело эффект: Ринслер, не видя реакции на свои действия, разочарованно отстранился.

— Ты ничего такая, — продолжил он свою мысль.

«Ничего такая — вот это комплимент», — обиделась Олиф.

— К тому же, новенькая. — Возникла пауза, а затем он кивнул сам себе. — Станешь моей новой служанкой.

— Че-го?! — поперхнулась девушка.

— Я начинаю подозревать, что Макс был прав. Станешь служанкой. — Мужчина дошел до тумбочки, взял свой стакан с вином, сделал глоток и добавил: — Приступай прямо сейчас.

— Но я...

— Это не обсуждается.

Секунду Олиф боролась с эмоциями (в особенности гневом), затем глубоко вздохнула, выдохнула и еще раз вдохнула. Не стоило особо труда догадаться, зачем ему это. Врага всегда нужно держать при себе. Будет следить за ней? Ну и пусть следит.

— Что мне делать?

— То же, что делают все служанки.

— Я не знаю, что делают все служанки. — Вдох, выдох... вдох...

— Ублажают своего хозяина, — нагло ухмыльнулся Ринслер.

Девушка не шелохнулась. Нравится издеваться — пуска издевается, она потерпит.

— Для начала приготовь постель ко сну, — наконец, сказал мужчина.

Олиф улыбнулась про себя. Если не отвечать на выпады, в конце концов, они прекращаются.

— Хорошо.

— Обращайся ко мне «господин», — таким тоном поправил он, что она почувствовала себя нашкодившим ребенком.

— Конечно, Ваше Величество, — сквозь зубы процедила девушка.

— Господин, а не Ваше Величество.

— Ваше Величество звучит солиднее, — стараясь скрыть издевку, буркнула Олиф, одновременно взбивая подушку и перину.

— Хорошо, пускай будет Ваше Величество.

Девушка почувствовала, смущение, гнев, ярость, и раздражение одновременно. О Берегини, неужели она превращается в такую же ненормальную, как все обитатели этих подземных лабиринтов?

— Готово. Ваше Величество, — титул она добавила с таким презрением, что лицо Ринслера стало по-настоящему недовольным.

— Вежливее.

— Готово, Ваше Величество, — на этот раз на ее лице сияла ослепительная улыбка, а голос был наполнен искренним благоговением. Она не забыла, каким унижением в прошлый раз обернулась ее дерзость и на рожон не лезла.

— Так-то лучше.

— Что дальше? — спросила она, готовясь к новому выпадку недовольства.

— Раздевай меня.

— Что? — не поняла Олиф.

— Сапоги, рубашку... штаны. Снимай.

— А вы сами не можете?

— Быстро подойди сюда и займись выполнением своих обязанностей, девчонка! — прошипел мужчина. Тупость этой девки его откровенно бесила.

Олиф опасливо приблизилась к нему. Ринслер сел на постель и с совершенно спокойным видом выпятил сперва одну ногу, затем другую. Как будто для него это было в порядке обычных вещей.

Девушка нерешительно стянула с него сапоги, и, не удержавшись, едва слышно выдавила:

— О Берегини...

— Что? — не расслышал мужчина.

— Ничего.

Украдкой затолкала объект не слишком приятного благоговения под кровать, сперва руками, затем ногами, лишь бы подальше.

Когда ей пришлось расстегивать его рубашку, пуговичка за пуговичкой, она почувствовала, как щеки наливаются предательским румянцем. Мало того, что мужская грудь, оказывается, покрыта темными волосами (и как она этого раньше не замечала?) так она еще и... такая большая! Просто огромная, даже взгляд деть некуда, либо в бока упрется, либо в... в общем, не в потолок же смотреть!

Очередь дошла до штанов. Еще немного и из ушей девушки, наверное, повалил бы пар. К счастью, Ринслер тоже это заметил, и смилостивился над ней, при этом небрежно бросив:

— Налей мне вина.

Олиф облегченно выдохнула, взяла бокал и направилась к старому серванту.

— Знаешь, — словно невзначай заметил он, — твое лицо могло бы посоревноваться с самым сочным помидором.

Девушка стыдливо закрыла глаза и начала считать про себя до десяти. Затем наугад схватила бутылку, налила немного жидкости и отнесла довольному мужчине.

— Поставь на место, рядом с графином и задуй свечи.

Она решила убить сразу двух зайцев: сперва задула все свечи, что находились ближе к двери, подошла к серванту, поставила бокал. И тут, в свете последней оставшейся свечи, в проеме между графинами она увидела лишь одно слово, а сердце все равно подпрыгнуло.

«Лекс».

Олиф сидела на нижней полке двухъярусной кровати, и, сжав зубы, пыталась не закричать от боли. Фрида обрабатывала ей раны, грубо при этом обрывая любые попытки девушки издать хоть звук.

— Терпи.

— Больно...

— Терпи сказала.

Когда на спину лег прохладный компресс, облегчению Олиф не было предела. Все-таки ударились она славно, спина ныла от любого резкого движения.

— Я правда не хотела... я случайно перепутала те тряпки.

— Это уж не важно, — коротко ответила женщина.

— Важно...

— Тебе, может, и да, а им — нет.

Олиф поморщилась от нового приступа боли, когда почувствовала морщинистую руку на своей щеке.

— Получила, что хотела? — без особого участия спросила Фрида, как только полностью намазала ей щеку мазью.

— Он меня больше не трогает, — осторожно ответила девушка.

— Да? Я слышала совсем другое.

— То есть?

— Служанка — это, по-твоему, не трогает? — Женщина уложила Олиф на живот и принялась растирать ей спину вокруг компресса, особое внимание уделяя плечам.

— Да я же не...

— Девочка, ты своим поступком лишь привлекла внимание. Теперь он будет держать тебя при себе. К тому же, если со временем этот прохвост от тебя не отстанет, то можно сказать, что ты перешла дорогу еще кое-кому.

— Рыжей, — догадалась девушка.

— Ее зовут Рей. Она тут недавно, еще не успела отвыкнуть от той прекрасной жизни за Завесой, поэтому считает, что по-прежнему получает только то, что хочет.

— Сперва она показалась мне милой, — тихо заметила Олиф, снова морщась от боли.

— Шлюхи — они все такие.

Фрида смочила тряпку, аккуратно провела ею по молодой, но уже далеко не нежной коже, стирая оставшуюся мазь. Они говорили шепотом, то ли боясь кого-нибудь разбудить, то ли того, что их слова могут услышать кое-кто еще.

— Давно ты не ела? — спустя некоторое время спросила женщина.

— Не знаю, живот все равно уже сросся с позвоночником.

— Завтра съешь мою порцию.

— Что? — опешила Олиф.

— Я отдаю тебе свою порцию, — повторила Фрида, не поднимая головы.

— Но ведь это же...

— Что?

— А вы как же?

— Тут и не такие голодовки высиживать приходилось, от одной порции со мной ничего

не случится.

— Спасибо, — искренне поблагодарила девушка. Перевернулась на спину, неловко прикрывая наготу концом одеяла, и решила, наконец, поинтересоваться: — Можно вопрос?

— Можно.

— Откуда тут это все? Кровати, ножи, помидоры... вино?

Фрида невесело усмехнулась.

— Долго же ты думала спросить, обычно все в первый же день с выпученными глазами ходят. Всё на самом деле просто. Песчаники обычно не выходят наружу, иногда только вместе с патрулем, или «ловить молнии». Ах, да, ты же не знаешь...

— Знаю. Теперь знаю.

Девушку окинули таким подозрительным взглядом, что по телу пробежал табун мурашек.

— Хорошо. В общем, всю работу за них выполняют воины. На Бронированных змеях они добираются до ближайшей Песчаной Завесы, и там их уже ждут люди. Раз в неделю.

— Люди? — опешила Олиф. — У них есть «свои» среди людей?!

— Да. Те дают им все, что хотят Песчаники, взамен получая гарантию, что в пустыне им не причинят вреда.

— Неужели они в это верят?

— Как видишь. — Фрида провела морщинистыми руками по своим тощим коленкам, пожалала плечами и почему-то усмехнулась. — Люди всегда не отличались особой сообразительностью.

Не став придирается к тому, что они с этой женщиной вообще-то тоже люди, Олиф продолжила расспрашивать:

— А как змеи находят Песчаную Завесу?

— Не знаю, чуют, наверное. Ты давай, одевайся и ложись спать. Завтра тяжелый будет денек.

Олиф решила не уточнять, что именно имелось в виду под словом «тяжелый», она просто схватила свое темно-синее платье, чуть его встряхнув. На пол со звонким лязганьем упал ключ в форме шестиконечной звезды, чуть подпрыгнул, и, пару раз развернувшись вокруг собственной оси, затих. Девушка и забыла, что спрятала его в складках платья.

Фрида медленно наклонилась, подняла золотую вещицу, и трясущимися руками покрутила ее перед глазами.

— Откуда это у тебя? — ее голос дрожал, что заставило Олиф и насторожиться и испугаться одновременно.

— Старик дал, — чуть приврала девушка.

— Какой старик?

— Тот, что со мной в тюрьме сидел.

— Странно... он никому его не отдавал. Всегда на шее носил, как же я не заметила-то... ведь не было же на теле у него... — невнятно забормотала женщина, а потом вдруг подняла взгляд на удивленную девушку. — Ты уверена, что он сам тебе его отдал?

Только Олиф открыла рот, чтобы честно сознаться: «Нет, он мне его вообще не отдавал», как Фрида продолжила:

— Ну да, конечно сам. Еще бы... но почему тебе? Ладно, старый пень дураком не был, может и правильно. Слушай, — теперь ее голос зазвучал тверже, но не громче, а, наоборот, тише, — повесь на шею, и ни в коем случае не снимай, поняла?

Олиф кивнула, позволяя морщинистым пальцам надеть на себя веревку с загадочным ключом.

— Он никому его не отдавал, даже в руках подержать и то жмотился. Эта вещица очень многое для него значила, не потеряй ее. Если он ее хранил, то и ты храни. Она ценная.

— Вы знаете этого старика? — удивленно спросила девушка.

— Знала.

— Что значит — знала?

— Убили его. Два дня назад.

* * *

К тому времени, как в дверь комнаты, наконец, постучали, Ринслер уже встал. Вообще-то он не любил, когда с ним начинали нянчиться, как с этими тупыми змеями. Вчера девчонку он заставил этим заниматься только из вредности — что поделать, иногда он любил злорадно наблюдать, как кто-то на него горбатится.

В комнату плавной походкой вплыла Рэй. Ее пышные рыжие волосы придавали ей поистине детский и миловидный вид. С первого взгляда и не догадаешь, что это отменная стерва. Правда, не всегда, конечно.

Усмехнувшись собственным мыслям, Ринслер на автомате поцеловал «лапочку» в губы, оттянул маленькую, но проворливую ручку от своей груди и обошел надувшую губы девушку.

— Ты не в настроении, милый? — деланно обиженно поинтересовалась она.

— Нет, наоборот. Но ты мне пока не нужна.

— А почему ты уже одет? Я думала, что застану тебя еще в кровати. — Девушка улыбнулась, лукаво прикусив свою нижнюю губу, и ее рука дернулась к ремню темных штанов.

— Я, кажется, ясно выразился, — голос Ринслера приобрел стальные нотки.

— Конечно, — тут же одернула руку «лапочка».

— Кстати, у меня для тебя новость.

— Какая? — глаза рыжей загорелись азартно-страстным огнем.

— Теперь тебе придется работать в два раза меньше.

— То есть?

— Тебе будет помогать новенькая, как ее там... Олиф.

— Что-о? — улыбка медленно сползла с ее лица, огонь из глаз исчез практически так же неожиданно, как и появился.

— Ты не рада? — наигранно удивился Ринслер. Он прекрасно видел отношение этой рыжей бестии к девчонке, и оно его очень забавляло.

— Но ведь она же... она же...

— Что?

— Зачем ты это сделал?!

— Сделал что?

— Взял ее!

— Ее я еще не брал, — похабно усмехнулся мужчина, а затем более спокойно добавил: — Не знаю, захотелось.

Он подошел к серванту, налил в заранее приготовленный бокал хорошего виски и с

наслаждением выпил ядреную жидкость.

— Дорогая, побудь здесь, ладно? — Подошел к девушке, чуть приобнял ее за талию, на секунду уткнувшись носом ей в волосы. — А мне пора на тренировку. Нужно быть готовым к лучшему дню в моей жизни.

Это будет действительно лучший день в его жизни. Он, наконец, поквитается со своим лучшим другом. Бывшим лучшим другом.

* * *

Олиф скромно топталась на месте, не зная, что делать с разобиженным змеем. Несмотря на тот позорный случай, ее все же оставили с Кнутом, и даже позволили самостоятельно его вымыть. Правда, взгляд Макса, прожигающий дырку в ее спине, больше раздражал, чем помогал.

— Кнут? — робко начала девушка.

Змей поглубже уткнулся мордой в стену, которая все никак не давала ему отвернуться полностью.

— Прости меня, — жалостливо добавила Олиф, вдруг поймав себя на мысли, что извинения у нее выходят одинаковые, что для человека, что для змеи.

Как еще его разжалобить, она не представляла. Вертикальные зрачки имели одно преимущество — если уж они изображали злость, то злость эта была такой впечатляющей, что по телу пробегала дрожь. Девушка в который раз устало вздохнула, чувствуя себя собакой, укравшей котлету со стола любимого хозяина, и решила, что раз слова не помогают, нужно приступить к действиям. Она взяла тряпку (на этот раз так тщательно ее рассмотрев, что даже свирепый Макс уважительно закивал), смочила ее в спирте и приблизилась к змею, чтобы начать его мыть. Тот, помня печальный опыт прошлой тряпки, шарахнулся от нее, как от оголенной сковородки. Стена так впечатляюще закрипела, что Олиф тут же рассыпалась в извинениях:

— Не надо, стой-стой-стой! Прости! Слышишь меня? Извини. Все, видишь, я кладу тряпку обратно. Вот так, хорошо, видишь, да? Прости, прости меня.

На Макса было страшно смотреть. Такого злобного лица она даже у Лекса не видела.

— Ты! — выплюнул он. — Ты!!! Это все ты!!! Ты все испортила! Ты оставила в его душе рану на всю жизнь! Он никогда тебя не простит!! Никогда!!

— Но...

— Никаких но! Вымаливай прощение! Живо!!! Иначе ноги твоей здесь больше не будет! «И слава Берегиням», — зло подумала Олиф, но вслух ничего не сказала.

— Давай-давай! Чего стоишь?

— Макс!! — донесся до них истеричный голос одной из «змеемоек» или, скорее, «змееняnek».

— Что? — нехотя крикнул в ответ тот.

— Макс!!! — было ясно, что проблема ждать не может. Парень, обречено вздохнув, надавал Олиф кучу указаний и наставлений, и отправился устранять причину таких жутких криков.

Девушка повертела в руках тряпку. Как обходиться с детьми, она еще более менее имела представление, но со змеями?! По сути — это тот же ребенок, вот только силы у него раз в

сто больше, и чуть что не так, можно получить такие увечия, что потом вообще на всю жизнь останешься калекой — в лучшем случае. При воспоминании об увечиях, спина тут же заныла, словно только и ожидал какого-то сигнала.

Олиф потеряла лоб, потопталась на месте, попыталась как-то поговорить со змеем, даже обошла его с двух сторон, но никакого результата не получила. Макс все не возвращался, и, в конце концов, устав от бесплодных попыток расшевелить ранимого змееныша, девушка просто уселась на пол рядом с ним, устало вздохнув.

— Знаешь, — злобно всплеснув руками, сказала она, — был бы тут Лекс, ох тебе бы не поздоровилось! — Именно его манере общения девушка в данный момент очень позавидовала.

Кнут так быстро развернул свою морду, что Олиф чудом не вскрикнула от неожиданности. Два зрачка злобно посмотрели на нее, и девушка искренне подивилась такой перемене настроения.

— Ого, — опешила она и поднялась на ноги. — Что вызвало такую реакцию? Лекс, верно? Да, точно. Что-то тут все странно реагируют на это имя...

Зрачки чуть сузились и снова расширились.

— Знаешь, кто это? — попыталась продолжить беседу (вернее, монолог) девушка. — Вижу, что знаешь. Что, он тебе не нравится?

Кнут презрительно зашипел.

— О, я тебя понимаю. Мне он тоже не нравится. Редкостный гад, да?

«С-с-сволочь», — прошипел мужской голос у нее в голове.

— Удивительно, он что, тут всем успел насолить? А тебе он что сделал? Предал?

«Нет».

— А за что ты его не любишь?

«Прос-сто так». — Кнут снова отвернулся к стенке.

— Просто так? — удивилась Олиф. — Правда?

Но змей решил, что на сегодня он достаточно наговорился и снова впал в состояние «меня здесь нет, но это не значит, что меня не нужно любить». Девушка разочарованно уселась на пол и печально вздохнула. Ей не хотелось нянчиться с избалованной змеюкой, прислуживать Ринслеру и вообще терпеть все это. Был бы у нее выбор...

— Милая картина, — раздался рядом до жути слащавый голос.

Олиф повернула голову и увидела перед собой две женские ноги. Медленно подняла глаза, чтобы посмотреть на их обладательницу, и встретила с ее взглядом, более презрительным. Рыжая надменно возвышалась над растерявшейся девушкой, и медленно водила длинным коготком по стенке, на которую опиралась.

— Пушок решила, что всех умнее? — поинтересовалась «лапочка», и, не дождавшись ответа, добавила: — Ну конечно, она же и впрямь умнее.

— Чего ты хочешь? — осторожно спросила Олиф, копчиком предчувствуя надвигающуюся бурю.

— А ты? Я слышала, ты в служанки к Ринслеру заделалась...

— Он сам...

— Ты решила, поиграть в кошки-мышки? А, мышка? — Рэй особенно подчеркнула последнее слово, явно давая понять, кто в этой несуществующей игре победитель. — Хочешь мое место занять, Пушочек?!

— Он же сам... — пыталась возразить девушка.

— Еще раз увижу тебя с ним, — рыжая поближе наклонилась к Олиф, чтобы угроза прозвучала внушительнее, — огребешь по полной, детка. Ты, видно, забыла, где твое место. Мы тут с такими дурочками не церемонимся, ясно? Я тебя утоплю, если ты попытаешься хотя бы заговорить с ним. Он тебя возненавидит, ясно тебе, Пушок? Ясно?!

— Ясно, — буркнула Олиф, осознавая, что Ринслер с этой чокнутой — идеальная пара. Два неуправляемых, бешеных зверя.

— Вот и хорошо. А теперь вставай.

— Что?

— Вставай, сказала. Или мне еще раз повторить?

Олиф продолжала сидеть на месте.

— Я сказала: вставай!

— Зачем? — Ор она еще могла стерпеть, но драку — нет, поэтому старалась говорить как можно четче и спокойнее.

— Затем. Видишь поднос? — «Лапочка» ткнула пальцем куда-то в сторону. — Бери его и неси на Бои.

— Что? — опешила Олиф.

— Не беси меня, Пушок. Бери поднос и неси на Бои. Приказ Ринслера, не исполнишь — тебе же хуже. Там сейчас такое, что лучше поспеши.

Наглая улыбочка, явно намекала на то, что если Олиф в очередной раз оплошает, то рыжая не расстроится.

— Я бы на твоём месте не стала нарываться.

С этими словами Рэй развернулась и быстрым шагом удалилась, так виляя при этом попой, что даже Макс споткнулся о ведро, пока шел к сторбившейся и уткнувшейся лбом в коленки девушке.

— Ты чего сидишь, а?! — возмутился он, после того, как поднялся и отряхнулся.

Олиф не ответила. К черту какого-то Макса. К черту рыжую дуру. Они все тут ненормальные, абсолютно невменяемые и неуправляемые. Это было самым страшным, потому последствия за неподчинение были ужасными. Уж она это знала, как никто другой.

«Возьми поднос, и иди на Бои», — раздался ворчливый голос Кнута у нее в голове.

— Я не могу, — покачала головой она.

— Чего не можешь? Работать? Тогда проваливай отсюда, лентяйка! — тут же воскликнул рядом стоявший парень.

«Иди. Иначе Ринслер тебя накажет», — настаивал голос.

— Тебе-то что за дело?

— Мне? Мне?! Я тут главный, и я могу вышвырнуть тебя отсюда в любую секунду!!

«Там сейчас невероятный бой. Если расскажешь про него, позволю себя вымыть».

Олиф удивленно подняла голову.

— Правда?

— Конечно, правда! Что я, по-твоему, врать сюда пришел?! — возмущался Макс.

«Правда-правда, кроме тебя туда из этих никто не попадет. Иди быстрее уже!».

— Ладно, — кивнула девушка, встала, подошла к подносу.

Она никогда раньше такого не делала.

«Просто следи, чтобы у каждого была выпивка», — раздраженно подначивал Кнут.

— Хорошо.

— Ты куда это?! — заорал Макс вслед удаляющейся девушке.

Олиф шла быстро, при этом стараясь ничего не разлить и не уронить. В тюрьму ей больше не хотелось. Совершенно не хотелось.

— Мне нужно на Бои, срочно, — заявила она охраняющему дверь Песчанику. — Проводите меня. Пожалуйста.

— Не положено, — и головы не повернул тот.

— Прошу вас...

— Не положено, — как заведенный повторил он.

— Это приказ Ринслера. Если вы меня не проводите, он... он... будет очень зол.

Все-таки, если при имени «Лекс» все презрительно морщились, то при имени «Ринслер» все уважительно боялись.

Песчаник вывел девушку в темные тоннели. Огромных усилий ей стоило сохранять равновесие в полутьме, где не было видно практически ни единого выступа. Раньше она не придавала этому значения, пока ей не пришлось «подрабатывать разносчицей». Все-таки поднос был жутко тяжелым, и обе руки быстро затекли. Девушка не видела, насколько сильно качается жидкость в бокалах, и потому шла очень медленно, отстав от Песчаника на довольно большое расстояние.

— Быстрее, — еле выговаривая гласные, поторопил он.

— Иду, — сквозь зубы выдавила Олиф.

Тоннель все не кончался. Еще бы немного и по всему лабиринту наверняка бы разнеслось громкое звяканье разбившихся бокалов и всплеск разлившихся напитков, но Олиф вдруг поняла, что они, наконец, дошли. Еще даже не замелькал свет, а до них уже доносились яростные крики. Когда Песчаник довел девушку до конца, крики стали давить на уши так, что, казалось, еще немного, и тебя просто напросто расплющит. Олиф поморщилась, завернула за угол и... оторопела.

Помещение по размерам напоминало общую столовую: такое же большое. Только потолок был намного выше, и, судя по всему, за счет того, что достигал поверхности земли. В нем виднелись довольно объемные дыры, которые не только пропускали воздух, но и песок, осыпавшийся на арену. Сама же арена была ограждена высокими выступами, чтобы в случае чего, зрителя случайно не побили вместо бойца.

На настоящую арену — круглую, с множеством сидений вокруг, и орущами на них людьми, — она походила мало, однако как раз орущих людей тут было хоть отбавляй. Вернее, для подземных лабиринтов — хоть отбавляй. Никаких выступов, чтобы присесть, и, похоже, зрители тут состояли исключительно из воинов и некоторых Песчаников, только изредка мелькали «лапочки» с подносами.

Олиф застыла посреди всей этой ликующей толпы. И хотя освещения от прорывающихся внутрь солнечных лучей явно было мало, распознать, что на арене дерется Ринслер, не составило большого труда.

Один из воинов схватил с подноса бокал с красной жидкостью, отхлебнул чуть-чуть и заорал во всю мощь: «БЕ-Е-ЕЙ!!!», а затем вернул бокал на место. С его края красноречиво капнула мужская слюна.

От шума вокруг у Олиф закладывало уши, ее пихали со всех сторон, буквально заставляя по инерции передвигаться среди всех этих упитанных тел, лишь бы не потерять равновесие.

Девушка с трудом пробиралась сквозь толпу, пытаясь найти более менее свободное пространство, чтобы хотя бы перевести дух. И нашла. Вот только дух перевести не получилось. Она, стиснув зубы, терпела все шлепки по попе (ответить у нее просто не

хватало ни сил, ни мужества), любезно подставляя каждому воину поднос с наполовину опустевшими бокалами. Жуткие крики вокруг вызывали у нее только нескончаемую головную боль, но тут внезапно, по всему помещению разнеслось единоголасное: «У-У-У-У!», и это заставило ее посмотреть на арену.

Лучше бы она этого не делала.

Теперь стало ясно, почему этот бой был таким важным для всех.

Наконец-то встретились два друга. Два кровных брата и два кровных врага.

То, что Лекс проигрывал, было ясно невооруженным глазом, даже можно было ближе не подходить. Весь в крови он лежал на песочной глади, и получал жестокие удары, то по ребрам, то по животу. Он даже не пытался подняться — в этом не было необходимости. Стоит ему встать, как Ринслер снова повалит его на землю и начнет бить еще сильнее. Рядом стояли люди и кричали настолько живо и бодро, словно это они участвовали в неравном бою, словно это их предал Лекс. Словно это они мстят с каждым новым ударом, с каждой лишней каплей крови.

Шум вокруг вдруг стал таким далеким, словно кто-то воткнул в уши девушки вату, и отгородил от внешних звуков. Она почувствовала, как слабеют руки, ноги. Кто-то прошел мимо нее, задев поднос рукой, и тот полетел на пол, дребезжа разбивающимся стеклом. Но это было уже не важно.

Олиф, освободившись от тяжелой ноши, кинулась ближе к ограждениям, распахивая локтями ликующих воинов. Казалось, что ноги налились свинцом — настолько трудно давалось ей каждое движение. Проскальзывая под руками и плечами сплотившихся мужчин, она пыталась не думать о том, чем это все может закончиться.

В ограждение она влетела, совершенно этого не заметив. Только почувствовала, как что-то уперлось ей в живот, и заставило согнуться пополам. Когда девушка снова посмотрела на арену, Ринслер победно размахивал руками, заставляя толпу разразиться еще более громкими приветственными кличами.

— Лекс... — прошептала Олиф, — вставай...

Но каждый тут понимал, что мужчина не встанет. И, наверное, только она понимала — почему. Как можно бить того, перед кем виноват? С таким же успехом она могла бы наброситься с ножом на Хэнка.

— Лекс... вставай... он же убьет тебя... — она сама-то едва различала свой голос, но все равно продолжала говорить, как будто стояла прямо там, рядом с обездвиженным телом.

Ринслер выхватил из толпы заботливо протянутый кем-то меч и щит, развернулся и направился к окровавленному бывшему другу. Сплюнул рядом с ним.

— Вставай, падла! — заорал он, но сквозь такой шум это слышали немногие. — Вставай!!! Борись, как мужик!! Что, совсем обабел за этот год, а, тварь?! Вставай!!!

— Вставай, — почти умоляюще прошептала девушка, — делай, как он говорит... Ну же, вставай.

Она верила, вернее, знала, что Лекс далеко не дурак. То, что он лежит тут, на засыпанной песком арене, тоже имело смысл. Правда, смысл трагичный. Лекс не мог пойти против Ринслера из-за чувства вины. Он не был бесчувственным ублюдком. Он был просто практически мертвым.

— Вставай же ты! — вскрикнула девушка, когда Ринслер снова начал бить по безвольному телу. Лекс не реагировал.

Олиф зажмурилась, не в силах больше смотреть на этот ужас. Если так пойдет и дальше,

ему просто переломают все кости, если уже не переломали.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не голос, оказавшийся намного громче ликующей толпы.

— Хватит! Стоп!

На арену тут же выбежали несколько Песчаников и оттащили Ринслера от полуживого тела. Тот вырывался, как мог, но потом, видимо, остатки разума все же сообщили мозгам о том, что нарушать приказ Хозяина слишком опрометчиво. Толпа разочаровано загудела.

Как только Ринслер успокоился настолько, что сам смог стоять, не размахивая кулаками, Песчаники его отпустили и направились к Лексу. Схватили окровавленного мужчину под подмышки и поволокли внутрь арены, где, видимо, находилось еще одно помещение. Лекс напоминал мешок с мукой, за которым вместо муки тянулась дорожка крови. Олиф приложила руку к губам.

Теперь ненавидеть Ринслера стало проще.

Она развернулась, и еле разбирая дорогу, подпихиваемая со всех сторон, пыталась выбраться из этого водоворота немых тел. Перед глазами все плыло, ее относил то вперед, то назад, иногда она налетала на какого-нибудь воина, машинально извинялась и шла дальше. Как ей удалось выбраться к выходу, девушка не помнила.

Олиф очень хотелось найти Лекса, но она не знала, где искать.

Вот, наконец, и встретились два друга. Бывших лучших друга.

— Его избили. — Голос у Олиф был такой пришибленный, что при этих словах даже радоваться перехотелось.

— А чего ты тогда такая грустная? — недоумевал Макс, жадно прислушивающийся к словам девушки, рассказывающей змею о Боях.

— Его избили, — повторила она, решив, что парень просто не понял смысла ее слов. Но тот все понял.

— Ну, так это ж хорошо! Мы все знали, что Ринслер победит!

— Чего тут хорошего? — совсем расстроилась Олиф, понимая, что она, наверное, единственная, кому искренне жалко Лекса.

— Да ты просто не знаешь, кого Ринслер побил, вот и все! — Макс буквально светился от счастья: как же, из первых уст все узнал.

— Да, не знаю...

— Ну вот! Говорят, это тот еще козел! Вообще тут в свое время вверх дном все перелопатил, да еще и друга своего бросил, ну не сволочь ли, а? Да, Кнутик?

Кнутик согласно зашипел.

— Он такая же сволочь, как и ваш Ринслер, — фыркнула Олиф, и тут же услышала, как Макс удивленно ахнул.

— Совсем больная? Как ты можешь такое говорить?!

Девушка перевела взгляд на змея, увлеченно наблюдающего за каждым движением говорящих. Прежде, чем снова посмотреть на парня, она успела отметить, что уж больно удовлетворенным Кнут выглядел.

— Я имела в виду, что ты прав. Хорошо, что Лекса избили. Так ему и надо.

Вид у нее стал еще более пришибленный, чем был, и Макс, чтобы ненароком не нарваться на женские слезы, быстренько сбежал под предлогом срочных дел.

Олиф вздохнула, и принялась смачивать тряпку в спирте. Кнуту же нужен был обязательный уход двадцать четыре часа в сутки, чтобы, не дай Берегини, бедняжка не загноился. Тьфу, лучше б с пленниками тут так обращались!

Гадкий змей снова решил поиграть в молчанки: узнал все, что ему нужно, и сделал вид, что его тут нет. Интересно сколько ему лет? Как давно он тут?

— Эй, — спустя некоторое время начала девушка, — знаю, знакомство у нас с самого начала не заладилось, но... может, попробуем еще раз?

Кнутик чуть подвинулся, чтобы человеческая рука почесала именно то место, которое он хотел, и блаженно прикрыл веки.

— Ладно, не хочешь знакомиться — не надо, можно просто поговорить, хочешь?

Змей снова чуть подвинулся, но уже другим боком.

— Понятно, разговаривать ты тоже не хочешь.

Олиф почувствовала себя не просто скверно, а... совсем ужасно. В сердце кольнуло от обиды: даже глупое избалованное животное не хочет с ней разговаривать. Она вспомнила те дни, когда впервые встретила Лекса, и эти его отбрыкивающиеся фразочки: «да», «нет», «потому что» — это все, что он говорил. Но это было хоть что-то. Тогда на жаре невыносимо было молчать, вокруг тебя были лишь бескрайние пески; куда ни глянь — везде пустота. Там даже Берегини были бессильны, там невозможно было молчать, именно от этого

Изгнанники и сходили с ума. Их разъедало одиночество.

Сейчас вокруг девушки было много людей, даже удивительно, сколько тут, оказывается, убийц, воров, или даже, может, несправедливо осужденных. Однако даже среди них это удушающее одиночество никуда не делось.

— Не понимаю, — вслух сказала Олиф, — почему вы любите эти Бои? Люди убивают друг друга, а вы ликуете. Как можно радоваться смерти?

«Их никто не убивает», — нехотя ответил Кнут.

— В смысле? — растерялась девушка. С одной стороны она, конечно, хотела поговорить, но с другой совершенно этого не ожидала.

«Без всякого смысла. Песчаники не допустят смерти на арене».

— Почему?

«Тут не так много воинов, они берегут каждого».

— То есть они специально тогда прервали бой? Чтобы Лекс не умер? — то ли удивилась, то ли обрадовалась Олиф.

«А-а... — Ее собеседник явно был разочарован, — они прервали бой... лучше бы прикончили и все».

О том, что так было бы совсем не лучше, девушка деликатно промолчала.

— Откуда ты столько знаешь о боях?

«Откуда, откуда, я тут подольше тебя».

— Но ведь вас туда не пускают.

«И что? Я... я... — замялся змей, — а, ничего».

— Ты сплетни собираешь? — догадалась и тут же изумилась девушка. — Правда что ли?!

«Нет». — Животное насупилось (на змеиной морде это выглядело очень впечатляюще) и попыталось отвернуться.

— Да не обижайся ты, в этом нет ничего смешного, — соврала Олиф, — просто для меня необычно.

«Из пустыни вечно каких-то ненормальных приводят».

— Все мы тут... — начала девушка, но вовремя опомнилась. Если уж Лекс тут так известен, то не стоит лишний раз упоминать его фразочки. — А-а... э-э... а ты тут... один?

«В смысле — один?». — Из пасти высунулся тоненький язычок и снова пропал.

— В смысле... может, у тебя тут девушка есть? — такой глупости ей говорить еще не приходилось, но это было единственное, о чем она догадалась спросить, чтобы ненароком не ляпнуть лишнего.

Змей сразу погрузился.

«Есть».

— А где она? — завертела головой Олиф.

«Умерла».

— Умер... ла? Ой, мне... я... мне очень жаль. — Берегини научите ее держать язык за зубами! Надо ж было спросить именно на эту тему!

«И мне жаль. И сына жаль».

— Сына? — Девушка себя почувствовала не просто душой, а самым тупым и эгоистичным человеком на свете. — Прости... я не хотела, правда. Я не знала.

«Никто не знал. Я тоже не знал».

Олиф прекрасно понимала, что только что провела тупым ножом по старым шрамам.

Ведь она, как никто другой, знала, что он чувствует. Боль со временем притупляется — это естественно. Раны заживают, шрамы затягиваются. Вот только тяжело забыть о потере, когда каждый встречный в твоём селе желает тебе посочувствовать, и спустя год, и спустя пять лет, и восемь. Они, словно сговорившись, подходят, строят скорбное лицо и с наигранной грустью говорят: «Олиф, нам так жаль твою маму. Она была прекрасной женщиной! Ты так на нее похожа... она гордилась бы тобой».

Лучше б молчали, честное слово.

В такие моменты сознание снова окунается в воспоминания, которые, казалось, уже стерлись из памяти.

Ха-ха. Воспоминания остаются всегда, даже после смерти, наверное.

Девушка поджала губы.

— Прости, Кнут...

Змей не ответил. Олиф медленно положила тряпку на пол, развернулась и пошла искать Макса.

Парень нашелся возле одного из загонов.

— Я домыла. Можно мне уйти ненадолго?

— Что? — не сразу сообразил он.

— Я домыла. Можно мне уйти ненадолго?

— А-а... — замялся Макс, но потом вспомнил, что девчонка прислуживает Ринслеру, и вяло махнул рукой: — иди. Только не забудь повторно покормить Кнута! — крикнул он ей вдогонку.

Олиф едва смогла распознать его последние слова. Она шла по тоннелям, слегка касаясь рукой стены, чтобы не налететь на что-нибудь. Время тут тянулось мучительно медленно, а потому запомнить дорогу от загонов до комнат зрелых женщин было уже не сложно. Коридоры практически ничем не отличались друг от друга, однако общую последовательность Олиф запомнила: один раз налево, затем направо, потом еще два раза налево и один направо.

Коридор освещался только одним факелом, но на этот факт девушка уже как-то перестала обращать внимание. Одним и одним. Несколько факелов было лишь в двух коридорах: «лапочек» и Ринслера. Правда, к комнате Хозяина она никогда не приближалась и поэтому точно сказать не могла, сколько света там.

Олиф приоткрыла широкую дверь и заглянула внутрь. Внутри, как обычно, царил шум и гам; в чем в чем, а в способности поговорить в любую свободную секунду этим женщинам нет равных.

Девушка быстро дошла до своей койки, забралась наверх под скрипучее сопровождение ступенек, и уткнулась носом в подушку.

Бедный Кнут. Жена, ребенок. Может, Олиф была несправедлива к нему? Не каждый сможет выдержать такую боль. Сама она смогла лишь благодаря своим сестрам и братику. Кто бы о них позаботился, если бы ей тогда не хватило сил справиться? Поэтому она держалась. А теперь Марика достаточно повзрослела, чтобы взвалить весь этот груз на себя.

Олиф не хотела этого, видят Берегини, не хотела. Но от Судьбы не убежишь. Может, оно и к лучшему? Какое будущее ждало бы ее там, за Завесой? А так все произойдет гораздо быстрее.

— Эй, Олиф, — окликнули ее снизу.

— Да? — свесилась девушка.

Фрида похлопала рукой по спальнику.

— Спустишься ненадолго.

Она быстро слезла и устроилась рядом.

— Вот, держи, это твоя порция. — Женщина протянула ей тарелку с кашей.

— Я все пропустила, да?

— Да.

Олиф схватила миску, ложу и принялась жадно черпать овсянку, запихивая ее в рот. Она не ела слишком долго, организм не смог принять в себя пищу так быстро и неожиданно, да еще и в таких количествах, поэтому девушку не на шутку замутило.

— Тошнит, — выдавила она.

— Остановись. — Фрида забрала тарелку. — Переведи дух. Твой желудок слишком долго не видел ничего кроме слюны. Пусть он привыкнет.

Олиф приложила руку к животу и начала глубоко вдыхать воздух. Отлично, если ее стошнит, то есть вообще не имеет смысла — все равно все выйдет наружу.

Приступ понемногу закончился, и когда каша перестала подкатывать к горлу, Фрида начала кормить девушку с ложечки, как маленькую. Этот факт почему-то раздражал больше всего. С детства это она кормила всех своих мелких с ложечки, но никто и никогда — ее. И тут вдруг, шестнадцать лет, а с ней, как с ребенком.

Женщина черпала ложкой по чуть-чуть, чтобы желудок снова не взбунтовался.

— Ты чего такая расстроенная? — поинтересовалась та, когда овсянка кончилась.

— Да я... ничего.

— Давай, рассказывай. Опять какую-нибудь глупость сделала?

Олиф стыдливо кивнула. Ну да, нетрудно было догадаться.

— И что же?

— Я... я... спросила у Кнута про его жену.

— Да уж, и впрямь глупость.

— Ну я же не знала!

— А с чего ты вообще затронула эту тему? — удивилась Фрида.

— Да просто... я хотела его разговорить.

— Вот и разговорила.

Олиф стало зло и обидно. Женщина словно специально сыпала соль на раны.

— А они умерли, да? — спустя некоторое время все же решилась спросить девушка.

— Да... глупая была смерть.

— А как они... умерли?

— Песчаники, — сказала, как отрезала, Фрида.

— Песчаники? Убили своих же змей?

— А чему ты удивляешься? Тут и не такое бывает.

Что тут бывает еще, Олиф не горела желанием уточнять.

— Но за что?! — Все-таки для нее это было равносильно тому, как она бы убила собственную собаку. Немыслимо.

— На них не хватило Брони.

— И все?! Из-за этого?!

— У тебя такое лицо, как будто ты только что узнала, что земля круглая.

— Но просто... это же абсурдно!

— Я и говорю: глупая смерть.

Олиф замолчала. Убить семью из-за какой-то Брони. В памяти почему-то всплыли Изгнанники, что смогли вернуться в Чернь. Одного из них убил мужик лишь из-за того, что тот прошелся рядом с его дочерью. Глупость, абсурдность и... жестокая правда.

С каждым прожитым мигом девушка все больше убеждалась в том, что все обитатели подземного лабиринта абсолютно чокнутые и неуравновешенные.

— Олиф, а ты еще носишь тот ключ, что подарил тебе старик из тюрьмы?

Она непроизвольно дотронулась до вещицы, неизменно висевшей у нее на шее.

— Да.

— Хорошо. Не снимай ее.

— Я не снимаю, — заверила женщину Олиф.

— Кстати, тебе уже пора к Ринслеру.

— Что? — опешила девушка.

— Время. — Фрида кивнула на стеклянную баночку с двумя секторами: из верхнего сыпался песок в нижний. — Солнце уже зашло.

— Так вы по этой вещице определяете время? — удивилась она.

— Да. Иди скорее.

Олиф кивнула. Если бы хоть кто-то знал, как ей не хотелось видеть этого человека. Стоило только представить его образ в голове, как внутри все переворачивалось от отвращения.

Она подошла к Песчанику, что стоял на входе.

— Проводите меня, пожалуйста, к Ринслеру.

* * *

В его комнате было все так же светло. Мужчина сидел, полуразвалившись в кресле, рядом с ним хлопотала Рэй. Стоило Олиф появиться в проеме, как ее наградили самым презрительным взглядом, на какой только была способна любая ревнующая девушка.

Все-таки Ринслеру тоже досталась неслабо, и эта мысль приятно грела душу. Его кожа вся была в рваных ранах, не глубоких, но наверняка очень неприятных. Рыжая промывала их полотенцем, а затем поливала спиртом, вернее, той самой красной жидкостью, которая стояла у мужчины в серванте, и которую он попеременно отхлебывал прямо из горла.

Олиф злорадно посмотрела на полотенца, испачканные в крови. Все-таки Лекс тоже сумел наподдать этому гаду.

Чем больше Ринслер морщился от боли, тем больше Олиф раздувалась от гордости, словно это она побила его, а не ее давний знакомый.

Девушка не стала спрашивать, что именно от нее требуется, просто начала делать то, что делала всегда: взбивала подушку, затем перину, иногда протирала пыль, наливала вина в бокал, ставила подле кровати, ждала пока мужчина ляжет, тушила свечи и уходила.

Пока она тихо занималась своими делами, то украдкой поглядывала, чем занимаются эти двое. Рэй все так же обрабатывала раны мужчины. Ринслер, прикрыв глаза, о чем-то размышлял. Олиф успела заметить, что руки рыжая не споласкивает, а значит, никакой спирт тут уже не поможет. Девушка хотела честно об этом их предупредить, но потом поняла, что лишь заработает себе лишние пару шишек.

Ринслер изредка отхлебывал из графина светло-красную, практически янтарную

жидкость, явно не похожую на вино, и уже изрядно захмелел. Видно, «лапочка» ему надоела, потому как он грубо отослал ее, хотя Олиф точно видела, что та обработала не все раны.

Рыжая обижено надула губки, но второй раз повторять не заставила. Все-таки боялась его, наверное. Она собрала в кучу грязные тряпки, и вышла, наградив опешившую Олиф взглядом, явно намекающим: «хоть пальцем тронешь его — убью».

Девушка нахмурилась, мол: «больно надо», но Рэй этого уже не увидела.

— Эй ты, малявка, постель расстелила?

Она кивнула.

— Ну, да или нет?! — раздраженно повторил мужчина. Только тут девушка заметила, что он так и не открыл глаз.

— Да.

— Хорошо. Налей мне еще виски.

Олиф послушно схватила графин и плеснула в бокал еще немного жидкости. От Ринслера так разило алкоголем, что стоять рядом с ним было просто невозможно.

В этот момент до нее дошло, что он не просто пьет, он напивается.

— Где Рэй? — спросил он.

— Э-э, — растерялась девушка. — Так ты... вы же сами отослали ее.

— Да? Тв-в-вою мать. А, и ладно. Пусть катится к чертям собачьим. Эй, ты, как там тебя, Попиф?

— Олиф.

— Избавь меня от этой боли.

— Э-э, да, я как раз тут хотела сказать, что... — В ней боролись два противоречивых чувства: вроде и жалко его, а вроде и нет. — В общем, Рэй, она...

— О Берегини, какая же ты занудная! Кто тебя вообще нанял?

Олиф поджала губы. Да-а, ну дает. Либо он так с радости напился, либо с горя. Первый вариант как-то больше подходил его характеру.

— Ты... вы наняли.

— Какая муха... оса скорее, меня укусила?! — все так же, не открывая глаз, прошипел мужчина.

— Я не знаю, — честно сказала Олиф.

— И я не знаю.

— Так мне промывать раны?

— Какие раны?

— Те, что на теле.

Ринслер открыл глаза, опустил взгляд, осмотрел себя.

— Вот с-скотина. Добрался-таки. Где только натренировался, а?! — Мужчина недоуменно уставился на единственную девушку в этой комнате, как будто она могла знать ответы на мучившие его вопросы.

— В пустыне, — тихо буркнула Олиф.

— Чего?

— Ничего.

Ринслер вновь на нее посмотрел, только теперь уже с интересом.

— А раны... — робко начала девушка, но мужчина резко ее оборвал:

— К черту раны! К черту все! Спать. Быстро укладывай меня спать.

— Я? — испугалась она.

— Ну не я же!

Олиф медленно подошла к нему, попыталась для начала забрать бокал, но Ринслер прижал его к себе, как мать родное дитя.

— Нет, это не трогай! Это святое.

— Да, на счет ран...

— Заткнись. Раны дерьмовые, не сдохну. Просто уложи меня в постель.

Девушка пожала плечами. Попадет грязь и ладно, это уже не ее дело.

Она аккуратно помогла мужчине встать. Все-таки надо отдать ему должное: несмотря на количество выпитого, на ногах он держался очень хорошо, даже тащить не пришлось, он сам дошел. Уселся на постель, провел ладошками по лицу, взглянул на Олиф.

— Ты что так на меня пялишься, пьяных мужиков никогда не видела?

— Видела, — отвела взгляд та.

— А как будто нет.

— Просто... странно.

— И интересно, — догадался Ринслер.

Если бы не его затуманенный взгляд, она бы ни за что не подумала бы, что он пьян. У них в селе, уж если мужик напивался, то в такой хлам, что пока он сам из оврага не вылезет, его так и не найдут никогда. А этот еще и проницательный.

— Интересно из-за чего... вот так? — задал он вопрос, которого уж совершенно точно не должен был задавать.

Олиф растерялась. Она прекрасно понимала, что ему нужно поговорить. Просто поговорить, а рядом тут только она. Но... что будет завтра? Он все забудет? Или уже никогда не забудет, и она хорошенько поплатится за свое решение ответить?

Секунда замешательства, а затем она тихо сказала:

— Я и так знаю из-за чего.

— Да? — приятно удивился Ринслер. — Из-за чего же?

— Из-за Лекса.

В комнате повисла тишина.

— Ты была на Боях? — удивленно поднял брови мужчина и с какой-то странной интонацией продолжил: — Ради него ходила?

— Нет, я просто поднос несла, — поджала губы девушка, нерешительно переступая с одной ноги на другую.

Ринслер поднял на нее затуманенный взгляд и пристально вгляделся в девичье личико, отмечая про себя, что оно все-таки не такое страшное, как ему казалось раньше.

— Давно вы с ним вместе? — заплетающимся языком спросил пьяный мужчина.

— Мы не вместе, — тут же набычилась девушка.

— Ой, вот только не надо. Настолько старая сказка, меня сейчас стошнит, — скривился ее собеседник. От ярости он даже вскочил на ноги, но тут же покачнулся, и оперся рукой о злосчастную тумбочку. — И так понятно, что вы спали вместе.

— Мы не... — возмутилась Олиф и резко прикусила язык. Если бы в этот момент она догадалась с вызовом посмотреть в глаза мужчине, или сделать вид, что вообще ничего не говорила, тогда, возможно, ей и удалось бы избежать этого удивленного взгляда. Но Олиф затравленно оглянулась, и Ринслеру ничего не стоило сложить все это в полноценную картинку.

Он немигающим взглядом уставился на девчонку. У той, в свою очередь, словно землю

из-под ног вышибли.

— Тогда какого рожна вы сказали, что... — мужчина запнулся. Догадался сам, даже в таком пьяном состоянии, и ответил, скорее для самого себя: — Хозяин.

Олиф напряглась, как струна. Ее спина стала идеально прямой, губы сжаты в одну полоску, а взгляд направлен в пол. Ринслер не переставал ошарашено на нее смотреть.

— Вот ведь паршивая тварь, — выругался он. — Зачем ты тогда меня выбрала?

Девушка молча вперила взгляд в гниющий ковер. Нет уж, больше она ни слова не скажет. Но мужчина с необычайной для такого состояния прыткостью пересек разделяющее их расстояние и встряхнул испуганную девушку.

— Отвечай! Зачем?!

Олиф зажмурилась, втянув голову в плечи. Услышала еще один ор, нецензурную брань в свой адрес и, не выдержав этого, пискнула:

— Я хотела умереть.

— Чего? — опешил Ринслер.

— Я хотела умереть, — тихо выдавила Олиф. Отступила на несколько шагов, испуганно озираясь.

— Лекс подсказал меня выбрать?! — грозно спросил мужчина.

Девушка, несмотря на дрожь во всем теле, возмущенно нахохлилась от такого заявления.

— У меня своя голова для этого есть!

Ринслер в немом шоке провел ладошками по лицу. Потянулся к заветному бокалу. Ему определенно нужно было выпить.

— И почему твоя голова выбрала меня? — спросил как-то отстраненно.

— Потому что... потому что я думала, что за такое меня убьют.

— Я таких одолжений не делаю, — тут же огрызнулся мужчина. От этих слов Олиф вздрогнула. Повисла недолгая пауза и Ринслер задал новый, не менее важный для него вопрос: — Вы с ним общаетесь?

— Я его даже не видела, — фыркнула девушка в ответ.

— На Боях-то видела.

— Пообщаться нам не удалось, — угрюмо сказала Олиф.

— И на кого ты поставила?

— На тебя.

— Врешь, — усмехнулся мужчина. Развернулся, подошел к постели. Снова перевел взгляд на девушку. Почему Лекс защитил ее от Хозяина? Между этими двумя точно ничего нет. Что это — благородный поступок? Нет, у Лекса таких не бывает.

— Тебе его жаль? — спросил Ринслер, отхлебывая последние капли из своего бокала.

— Нет, — соврала Олиф. — Жалость убивает.

Повисла тишина. Спустя несколько минут, девушка нерешительно поинтересовалась:

— Это все? Допрос окончен? Я могу идти?

— Иди, — кивнул мужчина в ответ.

Ринслер затуманенным взором проследил за удаляющейся девичьей фигуркой, и когда она уже схватилась за ручку двери, не выдержал и окликнул ее:

— Эй, Олиф!

Девушка удивленно обернулась.

— Болит? — спросил он, не поднимая взгляда.

— Что болит? — не поняла она.

— Синяк на щеке. Болит?

Олиф вылупилась на него так, словно он только что нарядился в женский маскарадный костюм.

— Терпимо, — выдавила она.

— Прости за это.

— Я сама виновата. — Ей казалось, что все это розыгрыш. Что сейчас мужчина встанет, посмеется и отправит ее восвояси. Но Ринслер не сводил взгляда со своего пустого бокала. Кажется, чувство вины этому гадкому человеку было не чуждо... во всяком случае, пока он был пьян. Надо же.

Посмотрев на полусгорбленного мужчину, Олиф глубоко вдохнула и выпалила мучивший ее вопрос:

— Ты не выдашь меня Хозяину?

Ринслер грустно усмехнулся.

— Нет. Хоть один не сумасшедший человек этому месту не помешает.

— Спасибо, — искренне сказала девушка, дернула ручку и вышла наружу.

* * *

Олиф вернулась сюда тогда, когда все подземелье уже видело седьмой сон. Кроме охранников, конечно. Любопытство не давало забыть об одной очень интересной вещице. Убедившись у не слишком разговорчивого Песчаника, что Ринслер спит, девушка прошмыгнула в комнату. Опасливо покосившись на спящего мужчину, она подошла к серванту, раздвинула бутылки и вытащила странную коробку. С одной ее стороны было написано «Лекс», а с другой «Ринслер». Возле обоих имен были нарисованы плюсики. Чтс они означали, можно было только гадать.

Однако Олиф довольно отметила, что у Лекса плюсиков было больше.

— Привет, Кнут, — добродушно поздоровалась девушка.

Змей сделал вид, что не услышал приветствия и продолжил что-то пристально разглядывать.

Олиф, уже привыкшая к такому поведению, просто поставила ведро, намочила тряпку и принялась за свою работу. Жизнь превратилась в рутину. К «лапочкам» ее больше не отводили. Девушка по-прежнему жила в жутком подобии барака, среди неугомонных старых женщин. Утром их будил Песчаник, они шли готовить завтрак, после него Олиф приходила сюда, заботилась о Кнутах и к ужину шла к Ринслеру. Кстати, о том странном случае у него в спальне, мужчина не обмолвился ни словом. Казалось, всё наконец-то стало налаживаться: никаких ссор, никаких побоев и волнений.

Однако что-то внутри девушки надломилось.

Во-первых, ее не отпускало чувство тревоги. Однажды она шла по едва освещенным тоннелям и совершенно ясно различила позади себя тень. Все бы ничего, но мало того, что тень проводила ее до самой комнаты Ринслера, так еще и появилась на следующий день.

Олиф долго мучилась, пытаясь вспомнить, чего такого могла натворить, но как бы усердно не напрягала память, в голову ничего не шло. Разве что тот глупый поворот событий с Ринслером, когда она чуть не ранила его ножом. Но, по-моему, про это уже все забыли. Особенно после ночи пьяного бреда. Мужчина даже стал к ней более... снисходителен, что ли.

В общем, все время присутствовал страх перед неизвестным. И как бы это абсурдно ни звучало, жизнь начала превращаться во что-то однообразное и сухое. Если бы ни страх, постоянно подпитывающий каждую жилку ее тела, заставляющий переставлять ноги быстрее, она, наверное, уже давно не могла бы встать со своей койки.

Про Лекса давно ничего не было слышно. Конечно, для Олиф это не должно было быть важным, к тому же, как сказал старик из темницы, ее жалость погубит их обоих. Однако именно жизнь Лекса пробуждала в ней любопытство. Это было хоть какое-то чувство, и оно было довольно сильным. Если бы не оно, Олиф давно стала высохшей тлей без чувств и эмоций.

Эта рутина убивала. На солнце ты каждой клеточкой своего тела ощущал приближение смерти. Это было явно, наглядно. Лучи буквально прожигали тебя насквозь. И о смерти начинал думать уже как-то по-другому, как о чем-то само собой разумеющемся.

А здесь, под землей, это происходило незаметно. Мозг просто перестает работать, мысли сливаются в одно: ты заучиваешь каждое свое движение наизусть, повторяя его из раза в раз, и постепенно прекращая задумываться над тем, что ты вообще делаешь. Именно поэтому «лапочки» сходили с ума быстрее воинов. У последних было неплохое развлечение, которое не давало им потерять над собой контроль ни на секунду. А для девушек постоянное посещение мужиков в этом замкнутом пространстве, где даже элементарно спрятаться на несколько часов было просто невозможно, становилось смертельным.

Было такое ощущение, словно тебе в мозг втыкают острую щепку, и ты вынужден ходить с ней все время, пока не истечешь кровью.

Вот примерно то же самое чувствовала Олиф.

«Эй, девчонка», — позвал Кнут, вырывая ее из тяжелых размышлений.

— Что?

«А ты... ну, это... знакомых себе нашла тут?», — как-то стыдливо спросил змей, не поднимая глаз.

— Э-э, — растерялась девушка, — не знаю.

«Как это не знаешь? Тут уж либо да, либо нет».

— Это там все так просто, а тут все по-другому. Наверное, да.

«Кого?»

— А почему ты спрашиваешь? — Олиф в который раз провела тряпкой по шершавой чешуе, однако животное больше не шурилось от удовольствия.

«Просто интересно. Ай, осторожнее!»

— Прости, я случайно. Ну-у, наверное — это Фрида.

«Эта сумасшедшая тетка?!», — искренне изумился Кнут.

— Почему сумасшедшая? — насупилась Олиф. — Она нормальная.

«Да после смерти мужа она вообще с катушек слетела!», — не желал уступать змей.

— Мужа?

«Мужа».

— У нее был муж?

«Был».

— Воин? — предположила девушка. К тому же, кто еще мог тут умереть?

«Нет. Просто сумасшедший старик».

— Старик?

«Ты так и будешь все переспрашивать?!».

— Прости. Но... он давно умер?

«Нет, недавно». — Кнут высунул язык, что-то прошипел, и чуть подвинулся.

— А где же он тогда был все это время? — недоумевала Олиф. Не могла же Фрида его скрывать!

«На солнышке прохлаждался! — огрызнулся змей. Отчего-то сегодня он явно был не в настроении. — В тюрьме он сидел».

— Старик. В тюрьме, — самой себе повторила девушка. — Старик. В тюрьме. Старик, в тюрьме... а он был такой маленький, дряхлый и седой?

«М-м, да».

— Неужели... это был он?!

«Кто — он?».

— Да тот ненормальный! Он же... он же... он ее муж?! — Тряпка выпала у девушки из рук.

«Судя по описанию — да».

Кнут в нетерпении зашипел, пришлось вновь поднимать тряпку, смачивать ее и продолжать работу.

— Она мне ничего не говорила...

«Еще бы. Я бы тоже молчал».

— Но ведь... за что его убили?

«Не знаю. Надоел, наверное».

Скажи змей это неделю назад, Олиф бы потрясенно воскликнула: «Надоел?!». Раньше было непонятно, как можно убивать людей за то, что те просто надоели. Но он сказал это сейчас, и девушка лишь глухо выдохнула.

Для нее само слово «муж» было далеко от понимания. Она никогда и не задумывалась даже, что это такое: иметь мужа. Ей бы хотя бы семью свою не потерять, да к тому же с таким происхождением, как у нее... Впрочем, сейчас это уже неважно. Однако одно Олиф знала точно: семья — это священо, и муж тоже что-то такое священное. Кроме тех мужей, которыми становились Перводружинники, конечно.

И ведь самое главное, как-то же Фрида с этим стариком оказались тут вместе. Не могли же они оба совершить одно преступление. Или могли?

«Твоя не сумасшедшая подружка недавно такую истерику закатила на ужине», — злорадно добавил Кнут.

— Она плакала?

«Какое там! Она орала на всех, подгоняла, кого-то, по-моему, даже ударила. А потом вообще начала громить все, что под руку попадалось. Но это мне так рассказывали», — смущенно добавил змей.

— Берегини, ведь я даже не знала...

«Поэтому я и говорю, что совсем чокнулась она».

— Она от горя кричала, — возразила Олиф.

«От горя плачут, а не посуду бьют!».

— Каждый свое горе переживает по-своему. Я плакала, да. Долго. Очень долго. А ты? Ты — плакал?

«Я... нет».

— Вот видишь. Ты не плакал, но это не значит, что не горевал. И она не плакала. Она злилась. Беспомощно злилась, и, в конце концов, выплеснула все это наружу.

Кнут только тяжело вздохнул.

«А у тебя что за горе?», — кажется, такие беседы давались ему тяжело. Впрочем, как и Олиф.

— У меня мама умерла.

«А у меня жена. И сын».

— Я знаю. Может, не стоит о людях так предвзято судить? — девушка слабо улыбнулась.

«Ну, не знаю. Я не предвзято А ты... еще с кем-нибудь общаешься?». — Кнут явно чувствовал вину, и спросил первое, что пришло в голову, лишь бы заполнить паузу.

— Общалась.

«Тоже умерла?».

— Умер. Его звали Хэнк. Он был сумасшедшим.

«Уверена?».

— Да, уверена. Он все время бредил о ловушках, и каких-то созвездиях.

«Созвездиях?».

— Да, созвездиях, — устало вздохнула девушка, — лиса, медведь, волк. Бредовый лепет. Детские сказки.

Воспоминания о Хэке возродили в ее душе какое-то странное, колющее чувство вины. Он был ребенком, взрослым ребенком. «Хы-хы». Они ушли с оазиса не только из-за него, но и из-за нее. Не будь она такой доверчивой и наивной, она бы остановила его. Наверное.

Почему-то вина не отпускала Олиф.

Он умер из-за нее. Попал в лапы к Песчаникам только из-за ее несообразительности, потому что с сумасшедшего и списывать нечего. А с нее есть чего. Например, смерть друга.

«И ничего не детские сказки! — в свою очередь оскорбился змей. — Хотя, конечно, смотря, что он тебе рассказывал».

— Ничего такого, — уныло отозвалась девушка. — Так, просто, названия.

«Насколько я знаю, созвездия — это не просто названия. В этой пустыне, как ты уже наверняка заметила, происходят странные, необычные вещи. И пустыня эта тоже необычная. Когда все три созвездия выстраиваются в один ряд — она движется».

Олиф против воли вздрогнула. В памяти тут же всплыла картинка: вот она, Олиф, падает на песок, зажимает голову руками, лишь бы защитить глаза и рот, при этом пытается ухватиться хоть за что-нибудь и не потерять сознание. А через несколько минут открывает глаза, садится, и в оседающей пыли не видит оазиса. Тогда она действительно узнала, что значит выражение «как громом поразило». Когда в первые мгновения тебя охватывает ступор, а чуть позднее приходит осознание того, что только что случилось, и земля уходит из-под ног.

...— Хэнк, пустыня что, движется?!

— Не пустыня, пески.

Олиф прикусила губу.

— И что... потом? — голос почему-то дрогнул.

«Ничего. Те, кто потерялись, уже никогда не найдутся. Не для нас, конечно».

— Ах да, — припомнила разговор с Фридой девушка, — ты как песчаный следопыт, да?

«Песчаный следопыт. Умеешь же ты подобрать выражения».

— Прости, если обидела.

«Не обидела».

— Кнут... — Олиф вздохнула. Разговор в первые в жизни пошел сам собой, без всяких неловких пауз. — Расскажи мне о своей семье.

Змей фыркнул и попытался отвернуться, чтобы скрыть боль в глазах. Но даже если не видела, Олиф ее почувствовала. Потому что сама сейчас испытывала то же самое.

«Нечего там рассказывать».

— Эй, мы с тобой все равно сидим в одной дырявой лодке. — И спустя мгновение добавила: — Моя мама была доброй. И рассудительной. Знаешь, говорят, противоположности сходятся. Мои мама с папой так сошлись. Он всегда резкий был, чуть что — сразу как вспылит, как закричит... а мама... мама — ангел. Только она его могла успокоить.

«Из-за чего она умерла?».

— Роды. Осложнения. Мой брат был слишком большим, и начал выходить спиной. Знаешь, одна женщина из ста не может разродиться. Одна. Из ста. Почему именно она? Почему?! Неужели она была плохим человеком, или плохой матерью?

Олиф против воли повысила тон. Эти глупые вопросы давно не давали ей покоя. Ей нужна была причина. Всего лишь причина, почему Берегини забрали ее маму. Даже она сама, Олиф, меньше заслуживала жизни, чем эта святая женщина.

— Иногда мне хочется, что бы они забрали меня вместо нее, — тихо добавила девушка.

«Да, мне тоже. Моя жена была похожа на твоего папу. Всегда бесилась сгоряча, недовольничала. Заводилась буквально с полуслова, и я ее тихо ненавидел. Что ты так смотришь? Ненавидел так, как обычно супруги ненавидят друг друга — чисто супружеской ненавистью. Но я ее любил, не смотря на эти постоянные бешеные крики. Сын у нас рос, ему только восьмой год пошел. Только-только окреп. В этом возрасте змеям как раз начинают

делать броню. Но... черт побери эту броню! Песчаники вышли „ловить молнии“... ах да, ты же не знаешь, что это...».

— Знаю.

«Знаешь? Ладно. Почему-то именно в это время двум идиотам взбрело в голову сбежать. Иногда мне кажется, что это был просто злой рок. Насмешка судьбы. Называй, как хочешь. Эти парни не были дураками, уж поверь. Но в тот день они повели себя, как настоящие кретины. Они устроили тут полный хаос. Ничего не добились этой своей глупостью, только еще хуже сделали. Из-за них Песчаники „не ловили молнии“. Брони не было. Зато был мой сын. И жена».

— Их убили из-за этого? — выдавила Олиф.

«Слишком много сил, хлопот, средств... да, из-за этого. Оставили только самых сильных змей. Еды не хватало, мы голодали, пока Песчаники пытались уладить последствия бунта. И они уладили».

— Мне очень жаль...

«Твоя жалось не вернет мне ни жену, ни сына, поэтому запрячь ее лучше куда подальше. Жалость добивает, понятно?».

— Понятно. Значит, у тебя личные счеты, — тихо сказала девушка.

«Личные? Еще какие личные. Жаль только, что его убьют до того, как я смогу перегрызть ему глотку».

— Ему — это Лексу или Ринслеру?

«Лексу. Ринслер сам себя накажет».

— Накажет? — не поняла Олиф.

«Он прикончит своего лучшего друга. Это его и добьет. Так-то он грозный, но в душе у него жуткая обида на этого подонка. Поверь, эта кровь на руках сама сведет его в могилу».

— Кнут, я понимаю твои чувства. Ты знаешь, что понимаю. Но вдруг Лекс не такой плохой, как ты о нем дума...

«Не такой плохой?! Ты что смеешься надо мной?! Эта тварь убила мою семью, и он еще „не такой плохой“?!».

— Я не то имела в виду...

«Да его тут держат в нижних камерах, еду носят раз в день, прямо как королю!! Этого, по-твоему, заслуживает убийца?! Этого, а?! Его земля принимать не должна, а он жив еще и все никак сдохнуть не может!! Думаешь, я после этого не искал его? Искал! Долго искал, и... нашел. Да, нашел. Но тогда я замешкался, на секунду всего, а этот подлец словно только этого и ждал!! Свалил, и после этого словно и не существовало его. Ни слуху, ни духу. Год прошел. Я думал — сдох. Нет, эта тварь живучая оказалась. Но знаешь, что? Он год скрывался, смог бы и еще год, пока бы метка не зажила. Но нет, он пришел. Сюда, к нам. Поверь мне, Олиф, паренек этот — тот еще смысленый гад. Он бы так просто сюда не попал, понимаешь?».

— Нет, — замотала головой девушка, чувствуя, как стынет кровь в жилах.

«Он тоже совестью мучается!».

— Что ты задумал, Кнут? — одереженевшим голосом спросила Олиф.

«Просто добыю его, его же чувством вины. Он будет мучиться так же, как я когда-то».

Впервые за долгое время повисла гнетущая пауза. Кнут пытался понять, не наболтал ли он лишнего, а Олиф просто находилась в полной растерянности, даже руки неожиданно задрожали.

— Ты сказал, — наконец, подала она голос, — что ему раз в день носят еду. Seriously? «Конечно, серьезно», — обиделся змей.

— Неужели нельзя попросить, чтобы этого не делали?

«Да эти „лапочки“ слушаются только своего Ринслерика! А он не позволит своему бывшему другу умереть так просто».

— Тогда я не знаю, как еще помочь тебе, Кнут.

«Хотя бы не смотри на меня так».

Олиф смущенно отвела взгляд. Внутри почему-то стало чуточку радостнее.

Пришло время, наконец, нормально поговорить с этим глупым Абдулом, который всем тут уже успел насолить!

* * *

Олиф взглядом искала в толпе старых женщин Фриду. На секунду ей показалось, что она заметила знакомые очертания худой фигуры, и начала пробираться к ней. На кухне перед ужином происходил какой-то кавардак. Судя по тому, что девушка сумела услышать из обрывков фраз: закончились овощи и крупа, на всех не хватало, поэтому женщины мельтешили, как рой ос, пытаясь приготовить хоть что-нибудь из всех оставшихся продуктов, что только можно было найти в этой свалке.

Стоит ли говорить, что в этот момент узнать от Фриды хоть что-то было просто невозможно?

Олиф удивленно выслушала от старой женщины тираду о том, что рабочих рук тут не хватает, а девчонка, вместо того, чтобы помочь, шляется не пойми где, и занимается не пойми чем. Чтобышний раз не попасть под раздачу, Олиф взяла поднос и начала разносить еду.

Переполюх выдался что надо: мужчины в общей столовой возмущались, как могли. Кому-то еду уже вынесли, а тем, кому нет, на месте не сиделось. От жуткого гомона посаженных голосов у Олиф практически сразу же заложило уши. Кто-то стучал ложкой по столу, кто-то ногой по полу. Кто-то умудрился даже разбить тарелку, и уже намеревался повторить это и с чужой посудой, но под злобными взглядами товарищей, пыл таких отчаянных воинов немного охладевал.

В этой суматохе девушка провела весь ужин. Ее то пихали, то орали на нее. Спустя, наверное, час, голова раскалывалась так, что казалось еще немного, и можно будет собирать ее по кусочкам.

Как только ненасытные воины наполнили свои бездонные животы и наконец-то успокоились, Олиф снова предприняла попытку подобраться к Фриде. Но не тут-то было. Крупа кончилась, и женщины, голодные и вымотанные до предела, отправились в свои комнаты. Когда девушке удалось протиснуться сквозь эту толпу, она снова получила грозную отповедь.

Похоже, на сегодня о своей идее придется забыть.

Олиф развернулась, и, снова протискиваясь сквозь толпу, пошла к Ринслеру. Да, пора уже. Она и так опаздывала.

Девушка перешла на бег. Она, конечно, не слишком боялась Ринслера, но все-таки выслушивать еще одну тираду о своих умственных способностях ей совершенно не хотелось. Она бежала быстро, едва не врезаясь в стены и выступы, которые не могли осветить светожепы, поэтому совершенно не заметила, как дверь в комнату мужчины плавно открылась.

Олиф со всего размаху влетела в небольшую человеческую фигурку, которая буквально тут же повалилась на землю, истерично при этом вереща. Звук был таким громким, что на него сбежали все: двое Песчаников и сам Ринслер.

— Что это такое? — он же и первым пришел в себя.

— Она решила меня убить!! — закричала рыжая из-под тела Олиф.

— Неправда! — в свою очередь обиделась девушка, не спеша слезать с мерзкой девки.

— Она хочет меня удавить!!! Она организовала покушение!!

— Да я просто упала! — Олиф решила проявить большое великодушие и перекатилась с тела извивающейся «лапочки» на спину, давая ей возможность вскочить и вцепиться в руку Ринслера.

— Она!! Пыталась!! Меня убить!!

— Я случайно, — проворчала в ответ девушка, поднимаясь.

— Случайно пыталась убить?!

— Случайно упала.

— Случайно? Ах случайно?! Да ты... — неизвестно каким эпитетом рыжая собиралась выразить свои эмоции, если бы Ринслер ее не перебил:

— Прекратите. Обе. Быстро встали и разбежались.

— Но ведь она же...

— Ты не поняла? Разбежались. Живо!

Его тон стал таким холодным, что Олиф тут же поспешила прошмыгнуть в открытую дверь. Он сказал разбежаться? Она и разбежалась.

А вот рыжая осталась там, да еще начала возмущаться. Ну и, естественно, нарвалась. Сперва Ринслер просто нагрубил ей, потом начал орать. Олиф казалось, что стены буквально сотрясаются от его голоса. А потом послышался звук удара — очень, очень хорошей пощечины. Рыжая, кажется, не удержалась на ногах и неловко грохнулась на холодный пол.

— Уведите ее, — зло сказал мужчина и зашел в комнату.

Олиф сделала вид, что ничего не слышала. Она принялась усердно расправлять постель, взбивать перину и подушку. Да уж, никогда раньше она бы не подумала, что Рэй настолько глупа. Так трудно было просто промолчать? И вообще, было бы из-за чего так заводить.

Конечно же, настроение у Ринслера испортилось совсем (хотя казалось, что больше уже некуда), и Олиф вновь угодила под раздачу. Нет, конечно, он на нее не орал, но начал придирается к каждому действию: перину взбивает не сильно, одеяло расправляет неправильно, вина наливает мало, ходит громко, дышит часто.

Но Олиф терпела. Она получила хороший урок в прошлый раз, когда все закончилось темницей.

«Главное молчать. Только молчи, молчи», — повторяла она про себя.

— Эй ты, девчонка, — подал голос Ринслер.

— М?

— Подойди сюда.

Олиф удивленно выпрямилась. Секунду медлила, а затем нерешительно приблизилась. После ночи пьяных откровений, Ринслер с ней не разговаривал почти, усиленно делая вид, что ее не замечает. Однако отношения явно стало другим.

— Садись. — Он указал кивком на соседний стул.

На всякий случай Олиф обернулась — узнать, точно ли к ней он обращается.

— С-сюда? — Рядом с собой он не сажал даже рыжую.

— Да. Быстрее.

Ринслер наблюдал, как девушка медленно-медленно опускается на стул, словно в любой момент ждет, что сейчас откроется занавес и выйдут актеры, которые скажут ей, что ее разыгрывают.

— Вина?

Олиф отрицательно покачала головой. Она ждала, что мужчина начнет говорить, но тот молчал. Повисла гнетущая пауза.

— Я что-то не так сделала?

— Ты? Нет. Лучше скажи мне, у тебя тут уже появились друзья?

— Че-го?! — Она всякого ожидала, но... не такого. Неужели грядет еще одна философская беседа?

— Друзья. Ну, знаешь, там подружки, парни, сюси-пуси, — издевательски пояснил Ринслер.

— Э-э-э... да, то есть, нет. В смысле не совсем.

— Это как?

— А это что, так важно?

— Почему бы и нет? — резонно спросил мужчина.

— Всем так интересно знать, есть ли у меня друзья, — буркнула Олиф.

— Еще кто-то спрашивал? — Голос у него оставался прежним, а вот плечи едва заметно напряглись. Или просто показалось?

— Да, Кнут спрашивал.

— И что ты ответила?

— То же, что и тебе: я общаюсь с Фридой.

Секунду Ринслер крутил в руках бокал с вином, усердно вспоминая, кто это.

— А, Фрида. Сумасшедшая старуха.

«Она не сумасшедшая!», — мысленно возразила Олиф, но вслух сказала:

— Да, — и спустя мгновение не без злорадства добавила: — как Рэй.

— Как Рэй? — слегка удивился мужчина. — По-твоему, Рэй сошла с ума?

— Во всяком случае, раньше она не была такой... — на языке крутилось очень характерное словечко, но Олиф решила побыть вежливой: — странной.

— Рэй всегда была очень тем...

Что он хотел сказать, девушка так и не узнала. Их прервала неожиданно распахнувшаяся дверь. Ринслер буквально взорвался от такой наглости. Никто не мог позволить себе такого, кроме, конечно, Хозяина.

— Как это понимать?! Ты что, к старому товарищу в комнату пришел, или я чего-то не понял?!

— Простите, — запыхавшийся парень выглядел жутко напуганным. Вот только страх

этот был вызван явно не тоном Ринслера. — Простите, но это срочно! Там... там... — Белобрысый гость согнулся пополам и втянул воздух, переводя дыхание.

— Ну?!

— Там в камере оба стражника без сознания, а Лекстера...

Если бы кто только мог знать, как Олиф хотела услышать окончание этой фразы, но Ринслер неожиданно поднял руку вверх, прерывая парня, повернулся к девушке и приказал:

— Жди за дверью.

Выбора у нее не было, пришлось выйти в коридор. Несмотря на то, что дверь была плотной и деревянной, слышимость была не такой уж плохой. Олиф даже не пришлось прислоняться ухом к замочной скважине и нервировать Песчаников. Она просто остановилась рядом с дверью и напрягла слух.

— А ты какого дьявола стоишь здесь?!

— Но ведь... вам сказать...

— Мне?! Ловить его нужно было, идиот!! Бегом к главному корпусу, двоих берешь с собой, и по восточному тоннелю — на перехват! По западному, в обход, пойдет Орлиный Глаз еще с двумя, ты понял?! Живо исполнять приказ!!

— А вы, сэр?

— Исполнять!!!

В этот момент дверь резко распахнулась и врезалась в стену, заставив Олиф подпрыгнуть от неожиданности. Все, что она успела рассмотреть: белокурый парень побежал в темный тоннель, а Ринслер, нацепив на пояс меч, грубо отдал еще один приказ:

— Девчонку доставить в ее комнату.

* * *

Сбежал, падла. Ринслер с такой силой сжал челюсти, что послышался хруст. Когда его поймают, он, Ринслер, уж точно постарается, чтобы его бывший друг выстрадал — да, именно выстрадал, все то, что ему пришлось пережить. Одни нервы от этого козла.

Мужчина ворвался в темницу. Стражников на входе, естественно, не было. Твою ж мать. Ринслер разъяренно ударил кулаком по стене. Чертов Лекс!!! Если он и мог сбежать, то кроме тоннелей другого выхода тут нет. Этому придурку придется обойти либо весь восточный, либо западный коридор. А там его уж точно поджидают Песчаники. Далеко все равно не уйдет.

Ринслер прошел вдоль всех камер до конца, открыл малоприметную заплесневевшую дверь и начал спускаться еще ниже. Преимущество нижних камер было существенным: даже если выберешься из-за решетки, копать все равно бесполезно, а скрываться в подземелье — тем более. Из этих тоннелей, если, конечно, не быть Песчаником, все равно не выбраться.

Мужчина спустился по полуразвалившейся лестнице, дошел до камеры, где должен был быть его бывший друг, да так и обомлел.

— Ого, Его Королевское Высочество собственной персоной, — ухмыльнулся Лекс.

Ринслер впервые в жизни почувствовал полную растерянность.

Лекс сидел в камере, облокотившись о стену. Мужчина весь был в засохшей крови, волосы слиплись, одежда истерзана, и, тем не менее, он выглядел таким... довольным. Просто светился от счастья. Улыбаться не мог — слишком больно было раненым губам, да

и кровавые подтеки начинали нить от любого движения лицевых мышц, однако за него все говорили его глаза.

— Ты что тут устроил, гад?! — наконец пришел в себя Ринслер.

— А что? Простите, Ваше Высочество, что ножки не целую. Я очень брезглив.

— Какого дьявола?! Где охранники?!

— А, эти странные люди? Они решили, что очень устали и прилегли отдохнуть.

— Ты сейчас нарвешься, козлина.

— У-у, — поморщился Лекс, — как грубо.

Легкие не выдержали, и следующие несколько секунд мужчина пытался откашлять мокроту вперемешку с кровью.

— Ну как, нравится? — зло поинтересовался Ринслер. — Доигрался, придурок. Ты еще не знаешь, что такое грубость.

— Не ругайся, мамуль, — миролюбиво сказал Лекс и снова закашлялся.

— Я тебя сейчас урою. Зачем ты все это устроил?!

— Тут так скучно.

Ринслер с такой силой ударил по решетке, что та пошла дребезжащими волнами.

— Поиграть захотелось?!

— Да, мам. Только у меня формочек нет. Купи, а? — и бровью не повел Лекс.

Ринслер глубоко вдохнул. Этому придурку больше не удастся вывести его из себя.

— Ты влип, приятель. Крупно влип.

— Мам, ты не знаешь, что такое влип, уж поверь.

— Ты ведешь себя, как идиот.

— Мне было у кого поучиться, — не без злорадства ответил Лекс.

— Что, весело? — Ринслер присел на корточки и прижался к решетке. — Ты еще не веселился по-настоящему. Помнишь тот Бой? Да, тот, где ты валялся в грязи, а все остальные только и ждали, когда же я тебя добыю. Но это же не весело, да? Обещаю, я устрою тебе что-нибудь похлеще. Раз ты так просишь.

Лекс усмехнулся какой-то странной ухмылкой, с примесью горечи. Он чуть приподнялся на руках, оторвался от стены и поморщился от боли. Ринслер вспомнил, как не без удовольствия бил его по ребрам. Сломал, скорее всего. Надо отдать парню должное: даже не пискнул, а боль была сильной, уж Ринслер-то это знал.

Лекс схватился за решетку и, подтянувшись, придвинулся к ней вплотную так, что его лицо оказалось как раз рядом с лицом своего бывшего друга.

— Каким бы ты грозным не хотел казаться, ты все равно останешься безмозглой тряпкой. Дружище, неужели за эти годы ты так ничего и не понял? Плевать мне на твой Бой и как сильно ты меня унизишь. Я буду устраивать этот цирк каждый раз. Ты будешь ставить сюда все новых стражников, а я буду выбираться из этой камеры и вырубать их. И ты снова и снова будешь приходить сюда, и говорить, как ты меня ненавидишь. Но подумай, кого из нас двоих будут принимать за большего кретина?

— Даже не думай, — ухмыльнулся Ринслер. — Пятилетние дети и то шантажируют лучше.

— Шантаж? Ты что, как ты мог только подумать! — Лекс отодвинулся от решеток, облокотился о стену и чуть прикрыл глаза.

— Тогда зачем ты все это устроил?

— Мне было скучно. Два неразговорчивых идиота на входе, они такие стеснительные,

не поверишь. Еду приносят раз в день, и то какая-то страшная тетка. Никаких развлечений.

— Очень смешно. Может мне тебе еще и тортик испечь?

— Было бы не плохо. — Лекс подавил приступ кашля. Нет, не сейчас. Не при нем.

— Могу принести тебе запасную пару носков.

— Совсем ты не любишь своего доброго старого друга, — покачал головой Лекс.

— Доброго друга?! — разозлился Ринслер. — Этот добрый друг кинул всю дружбу к чертям собачьим, и теперь еще сидит тут и учит меня жизни?!

— Я не кидал.

— О, тогда я, наверное, просто ослеп в тот день! Ну конечно! Теперь все стало на свои места! Это был такой жутко профессиональный стратегический ход! Господин Лекстер все, оказывается, просчитал. И вот это его пребывание в камере в виде кровавой лужи тоже является частью плана!

Лекс как-то зло взглянул на своего бывшего друга.

— Я никогда не кидал дружбу. И жизни я тебя не учу.

— Ты лучше скажи мне, куда ты дел стражников?

— Выполнишь мои условия — скажу.

— Ты что, издеваешься?! — начал злиться Ринслер. — Засунь свои условия себе в зад...

— Мистер Ринслер!!! — послышался крик у входа. За ним последовали быстрые-быстрые шаги, щелчок двери и на пороге появился белокурый парень. — Лекстера нигде нет!! Что прика...

Паренек не договорил, так как увидел объект всеобщих поисков, причем именно там, где он, в общем-то, и должен быть.

— Ой, так это ж... он! — одновременно и удивился и обрадовался парень.

— Эй, дружище, что это за девочка нас посетила? — посмеиваясь, спросил Лекс.

— Я мальчик!

— Аден, — устало вздохнул Ринслер, — возвращайся к остальным, скажи, что проблема решена.

— Как прикажете! Ой, а вы и стражников нашли? Помочь вам их перенести?

— Что? — опешил Ринслер и заметил, как Лекс едва заметно прикрыл глаза.

— Да вон же, сзади вас!

Ринслер обернулся и действительно обнаружил торчащие из угла ноги. Да-а... умно. Ведь он даже не заметил.

— Девочка, ты только что погубила такой гениальный план! — с горечью воскликнул Лекс.

— Я мальчик!

— Аден, иди, — жестко приказал ему Ринслер.

Парень кивнул, развернулся и украдкой кинул на Лекса убийственный взгляд.

— У, осторожнее. Из этой девочки выйдет та еще мадмуазель, — усмехнулся в ответ тот.

— Заткнись. — Ринслеру было не до шуток. — В следующий раз, как решишь устроить что-нибудь подобное, хотя бы воспользуйся мозгами.

— В следующий раз, — пообещал Лекс, — я спрошу разрешения у тебя, мамуль.

Ринслер сплюнул рядом со своим бывшим другом, развернулся и вышел, хлопнув дверью. Он так и не услышал, как по темнице разнесся непрерывный кашель, разрывающий мужчине легкие.

Олиф все никак не могла уснуть. Неужели Лекс сбежал? Да нет, он же не такой глупый. Он не мог пойти на такой заведомо провальный шаг. А если мог? Что, если у него совсем поехала крыша?

Девушка перевернулась на другой бок, подложив под голову локоть.

Нет. Если уж он целый год скитался по пустыне и не сошел с ума, то тут он тоже выдержит. Наверное.

Олиф мучилась вопросами и неизвестностью. Ей бы хоть одним глазком на него взглянуть. Хоть бы просто убедиться, что с ним все в порядке. Но Фрида спит. Да и какое там «в порядке». После того избиения на Боях, он вряд ли вообще мог быть «в порядке».

Девушка еще раз перевернулась.

Фрида давно тут, может, она сможет провести ее в темницу? Ей нужно только посмотреть, быстро-быстро. Конечно, обращаться с такой просьбой было верхом эгоизма со стороны девушки. У старой женщины недавно муж умер, а она, Олиф, собирается подтолкнуть ее на такой опасный шаг. Если их поймают, страшно представить, что тогда будет. Особенно, если у Ринслера снова будет плохое настроение.

Однако Олиф слишком хорошо понимала, что Фриде нужно хоть какое-нибудь занятие, лишь бы отвлечься. Лишь бы не думать, забыть о своем горе.

Девушка так и не смогла уснуть. Она буквально подпрыгнула, когда Песчаник прокричал:

— Подъем!

Женщины потихоньку начали просыпаться. Олиф спрыгнула со своей койки, кинула взгляд на пустующее место прямо под ее кроватью. Мэг куда-то пропала несколько дней назад, и с тех пор больше не появлялась. А это навевало совсем нерадостные мысли.

Девушка пригладила волосы и пошла к месту, где сидела Фрида. Однако как только она до нее дошла, был отдан приказ строиться и выходить.

До кухни пришлось терпеть очень долго. Время, казалось, вообще остановилось, да еще и Песчаники больно пристально следили за каждой из женщин.

И только тогда, когда их поставили перед самодельным костром и большим котлом с чем-то кипящим внутри, Олиф удалось начать разговор.

— Здравствуйте.

Фрида удивленно глянула на нее.

— Привет. Нужно что-то?

Олиф закусил губу. Два дня она пыталась поговорить с этой женщиной. Ждала, искала, бегала. И вот теперь стояла прямо перед ней. Фрида была бледной, точно покойница, ее фигурка осунулась. И без того морщинистое лицо стало совсем старым, словно ей было лет девяносто. Вкруг глаз кожа покраснела.

— Вы любили его? — выдавила Олиф.

— Кого? — опешила женщина и тут же отвела взгляд.

— Своего мужа.

— Ты, конечно, нашла время, чтобы спросить.

— Просто скажите: да или нет.

— Конечно, любила, — Фрида зло кинула картофель в кипящую воду, — иначе зачем

бы я замуж выходила?

— Вы не говорили, что замужем.

— Я много чего не говорила.

Олиф тоже кинула картофель в кипящую воду. Послышался плеск, и из котла брызнуло горячими брызгами. Девушка отступила на шаг.

— Вы не знаете, в камерах еще кто-то остался? — спросила она, спустя несколько мгновений.

— Не знаю, а тебе зачем?

— Просто странно. Мы никогда не носили туда еду.

— Это не наша обязанность, — пояснила Фрида.

— А чья тогда?

— Арли. — Она кивнула на полную женщину, которая копошилась, перебирая коробки с посудой.

— А сколько раз в день она носит еду?

— Один, в обед. Ну, чего застыла? Ножик в руки и за работу.

Олиф так и не смогла попросить Фриду о помощи. Она вдруг поняла, что сделает ей только хуже. Как бы женщине не хотелось отвлечься, это нужно было делать другим способом — не таким опасным. Олиф не простит себе, если из-за нее еще и с Фридой что-нибудь случится.

Поэтому ей пришлось обдумывать другой план. Еще более рискованный.

* * *

Олиф дождалась конца обеда. Она быстренько сбежала от Кнута под каким-то неубедительным предлогом, и теперь ждала Арли около входа в столовую. Песчаник стоял прямо на входе на кухню и, вроде бы, девушку увидеть не мог. Во всяком случае, она искренне на это надеялась.

План был жутко опасным и абсолютно сумасшедшим. Олиф в нетерпении переминалась с ноги на ногу. Если все провалиться, то... то, наверное, это будет конец. Потому что, если ее заметят, этого ей уже точно не простят.

Наконец, в проеме показалась Арли. В руках у нее была всего лишь одна тарелка. Не стоило особых усилий догадаться — для кого. Девушка почувствовала, как у нее вспотели ладони. Женщина что-то сказала Песчанику, и тот уступил ей дорогу. Она засеменила к выходу.

Олиф несколько раз глубоко вздохнула, сжала и разжала пальцы.

— Арли! — позвала она, как только та вошла в полутьму тоннеля.

— Да? — вздрогнула женщина.

— Здравствуйте. Это же вы несете еду Лекстеру, верно?

— А-а что? — мгновенно заволновалась та.

— Эм, понимаете, — на секунду Олиф показалось, что сердце у нее перевернулось в груди, — теперь ваши обязанности буду выполнять я.

— Ты? Почему?

— Э-э, это приказ. Ринслера.

— Так ты его служанка? — Арли узнала в девчонке ту самую, что живет вместе с ними.

— Да, он сказал, что раз я все равно работаю на кухне, то и еду Лекстеру буду носить.

Арли кивнула. Подослать к своему другу свою подружку под предлогом разноса еды — он не в первый раз так делал.

— Мне никто ничего не сказал, — поджала губы полная женщина.

— Это же Ринслер, — более уверенно сказала Олиф, понимая, что почти победила. — Он никогда ничего не говорит.

— Ладно, держи. Только, девочка постой! Только не подходи к нему близко. Оставь тарелку где-нибудь подальше от камеры, поняла?

— А как же он тогда поест? — удивилась Олиф.

— Дотянется. Всегда дотягивался.

Девушка ошарашено кивнула. Попыталась унять не пойми откуда взявшуюся ненависть. Глупая Арли. Что Лекс мог ей сделать? Интересно, из-за этой гадины, он вообще поел хоть что-нибудь с тех пор, как прошли Бои?

Все больше и больше Олиф убеждалась в том, что поступает правильно.

Она по памяти пыталась найти вход в тюрьму, но постоянно натыкалась на тупик, а один раз вообще вышла в коридор к «лапочкам». В итоге совсем запутавшись, ей пришлось спросить Песчаника. Тот грубо отмахнулся фразой: «прямо, направо, налево». Естественно, это не особо помогло. Плутать пришлось еще раз. В конце концов, когда девушка уже почти отчаялась, из темноты раздался мужской голос, грубо коверкающий слова акцентом:

— Ты что тут делаешь?

Олиф облегченно выдохнула, быстро приблизилась к неяркому свету, исходившему от единственного факела.

— Это тут тюрьма?

— Тут. Что тебе надо?

— Слава Берегиням. Я принесла еду для Лекса.

— А где Арли? — спросил один из Песчаников.

— Теперь я вместо нее. Это приказ Ринслера.

Задав еще несколько вопросов и обыскав девушку, ее все-таки впустили внутрь.

Олиф помнила о том, что Лекс находится в нижних камерах, поэтому сразу же направилась к противоположной стене — вроде бы дверь должна быть именно там. И она не ошиблась. Действительно, при слабом свете светожелов, ей все же удалось нащупать ручку. Девушка дернула ее, и практически сразу же в нос ударил затхлый запах грязи и сырости.

Олиф медленно начала спускаться по кривым ступенькам, боясь оступиться. Как только она сделала первые несколько шагов, хлопнула медленно закрывающаяся дверь, и одновременно с этим звуком по помещению разнесся глубокий кашель. Такой сильный, что у Олиф сжалось сердце. Почему-то стало страшно. Люди с таким кашлем — не жильцы.

— Ахаха, — сиплый смех вперемешку с раздирающим горло кашлем звучал жутко.

Олиф едва не оступилась.

— Надеюсь, это явилось Ее Высочество.

Голос у Лекса был сам ни свой.

— Ну? Чего стоим, кого ждем? Не бойся меня страшная женщина, поставь уже свою тарелку на другом конце камеры и оставь меня доживать эти часы.

Олиф не двигалась. Почему-то сердце упало в пятки, а потом снова вернулось на место и забило быстро-быстро, словно девушка только что выиграла соревнования по самой волнительной реакции. Она хотела что-то сказать, но голос не слушался.

В камере послышалось копошение. Кажется, Лекс заподозрил что-то неладное.

— Да ладно! Я же не съем тебя!

Что это? Отчаяние в голосе? У Лекса?! Он серьезно испугался, что Арли сбежала? С Берегини, неужели он так давно не ел?

Олиф решительно вздохнула и сделала несколько шагов к камере. Конечно, в этой полутьме он вряд ли ее узнает, и эта мысль придала ей сил. Все-таки давно они не виделись.

Да, давно.

Лекс, полусидя, опирался о стенку, рассматривая побитые костяшки пальцев. Вся его одежда, особенно рубаха, были буквально искромсаны на маленькие кусочки. Даже в этой полутьме было видно, что некоторые раны на теле до сих пор не зажили. Похоже, самой болезненной из них была рана на плече: глубокая, и кровь до сих пор не остановилась, хоть в некоторых местах и появилась корочка. Все его лицо было в налившихся алым синяках, где-то виднелись порезы. Нос, кажется, был сломан.

Олиф почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. И не потому, что девушка боялась крови, а потому что впервые увидела Лекса таким. Даже в пустыне он хоть и был весь в песке, как в саване, но, тем не менее, он не напоминал кровавую лужу.

Мужчина повернул голову в сторону девушки и поднял взгляд.

Так странно они оба себя, наверное, еще ни разу не чувствовали.

Удивление Лекса было настолько сильным, что он даже не сумел сообразить какую-нибудь глупую шутку. Отшутиться, чтобы скрыть эмоции. И Олиф тоже стояла, как громом пораженная.

Пауза затянулась. Появилась какая-то неловкость. Шальная мысль пронеслась в голове девушки: «А может, вообще не стоило приходить?». Однако она тут же отогнала ее подальше. Стоило, еще как.

Собрав остатки воли в кулак, Олиф слабо улыбнулась и сказала, первое, что пришло в голову:

— Привет.

Лекс смотрел на нее немигающим взглядом.

— Что ты тут делаешь? — голос звучал сипло и недружелюбно.

— Вот, еды принесла. — Олиф слегка растерялась от такого тона.

— Почему ты?

Девушка нахмурилась. Она, конечно, знала, что Лекс снова начнет грубить, но все-таки до последнего надеялась, что, может, рад будет ее увидеть. Какое там.

— Арли плохо стало, — зачем-то соврала она.

Кажется, Лексу ужасно хотелось кашлять, но он почему-то сдерживался. То и дело слышались прерывистые вдохи.

— Поставь туда, — кивком головы он указал на дальний темный угол.

— Туда? — опешила Олиф, обернувшись. — Ты же не дотянешься.

— Дотянусь. Поставь.

Девушка не шелохнулась. Нет уж, она не Арли. Она его не боится.

Олиф в очередной раз обвела взглядом его фигуру. Лекс выглядел таким измотанным и израненным, что невольно сжималось сердце. Еще немного и его точно подкосит если не болезнь, то заражение, но все рано его держат тут, в темницах. Не трудно догадаться, на что они надеются.

— Тебе плохо? — тихо спросила девушка.

— Нет, мне прекрасно.

— Я же вижу, что плохо. Тебе нужна помощь.

Лекс поморщился.

— Плебейка, не ввязывайся в это.

— Во что? — нахмурилась Олиф.

— Просто поставь тарелку и уходи.

— Нет уж, однажды я тебя уже послушала!

— И выжила. Так что послушай еще раз.

Она не стала отвечать, только наклонилась и поставила тарелку рядом с решетками.

— Поешь.

— Уходи. — Лекс нахмурился еще больше.

— Ладно, только поешь.

— Не надо строить из себя заботливую подлизу. Уходи по-хорошему.

Олиф обиженно прищурилась.

— Понятно, почему тебя тут все так ненавидят. Ты жутко гадкий человек!

Она развернулась и пошла к выходу. Схватила за ручку двери, уже даже приоткрыла, но все-таки обернулась напоследок.

— Но я все равно еще вернусь.

Дверь хлопнула. Послышались быстрые удаляющиеся шаги. Как только они стихли, по помещению разнесся громкий кашель. Лекс чувствовал, как порывы, один за другим, становятся все сильнее. Это неизбежно: начал кашлять и все, остановится очень трудно, практически невозможно. Кашляешь до тех пор, пока не почувствуешь, что с горла начинает сдирать кожу. Мужчина прикрыл рот кулаком, вдохнул: раз, два. Три. Приступы начали понемногу затихать.

Как только Лекс почувствовал себя лучше, он пару минут просидел в молчании, прижимая кулак ко рту, а затем со всей дури треснул им по решетке.

— ДУРА!!! Просто идиотка!!!

Слабость взяла свое. Тяжело было не просто сидеть, а даже элементарно сгибать ноги. Мужчина не выдержал, выпрямил их. Ступня задела тарелку с кашей и та с лязганьем перевернулась, оставляя кашу на грязном полу.

Злиться еще и на это, уже не было сил.

* * *

Олиф злобно пнула ногой и без того еле держащуюся на кривых ножках табуретку. Та с жалобным скрипом повалилась на пол, но при всеобщем шуме этого никто не заметил. Девушка несколько раз сжала и разжала кулаки, призывая себя успокоиться, и быстренько забралась на свою койку.

«Черт побери этого Лекса!». — Злость все никак не утихала.

Олиф понимала, что ему необходима помощь, но сделать ничего не могла, потому что стоило ей сделать шаг навстречу, с его стороны тут же вырастала ледяная стена гордости.

С самого начала было ясно — лечить его никто не будет. Если уж еду ему приносят раз в день (и то, не факт, что он всегда дотягивался до нее), то трудно представить, что кто-то будет с ним сюсюкаться по поводу насморка. Да уж, оригинальный способ добить человека. Он ведь умирает, Олиф это понимала, потому что его раны были слишком глубокими, кашель слишком сильным, а камера до жути холодной. Что может быть хуже, чем смерть в полном одиночестве? Не в бою, как воин, а в камере, среди зеленой светящейся слизи.

Олиф понимала, что чувствовал мужчина — не физически, а эмоционально. Потому что сама когда-то боялась умереть в пустыне совсем одна. Ждала этой смерти, осознавала ее неизбежность, и, тем не менее, все равно боялась.

Когда-то Лекс спас ей жизнь, причем не один раз. Да, здешним жителям он причинил много горя, и саму девушку он тоже когда-то использовал. Однако Олиф была обязана ему жизнью.

Она поднялась, села. Огляделась. Нужно было что-то делать, но что именно она не знала. Как избавить Лекса от кашля? Нет, даже не так. Как пробраться к нему с чем-то, кроме тарелки каши, да еще так, чтобы это не выглядело подозрительно? Хотя, и это неправильный вопрос. Пробраться-то она, может, и проберется, а вот как заставить Лекса принять помощь?!

Олиф вздохнула.

— Чего грустишь? Работы не хватает? — послышался снизу голос Фриды.

— А? Да нет, я просто... — и в этот момент в голову забралась шальная мысль. — Фрида!

— Что?

— Кажется, я болеваю, — выпалила на одном дыхании девушка.

— Чем-то серьезным? — нахмурилась женщина.

— Не знаю, голова болит. И знобит немного.

— Понятно. Слезай.

— Зачем?

— Слезай давай.

Олиф послушно свесилась со своей койки. Как только она оказалась рядом с Фридой, та тут же приложила ей на лоб прохладную ладонь.

— Странно, жара вроде нет. Но все равно не будем испытывать судьбу.

Женщина схватила девушку за руку и потащила к выходу. Они оказались в полутемном коридоре, а завернув за угол, так и вовсе погрузились в зеленоватую темноту. Олиф уже примерно ориентировалась в тоннелях, однако сейчас не смогла сообразить, куда ее ведут. Только лишь когда они оказались возле небольшой деревянной дверки, она вспомнила это место.

Фрида водила ее сюда, что бы предупредить, что в этих местах хозяева — Песчаники, и рот лучше держать на замке.

Дверка была совсем маленькой, пришлось нагибаться, чтобы войти. Повсюду их окружали полки с бельем. Олиф недоуменно следила за женщиной. Зачем она ее сюда привела? Фрида ничего не говорила, только обошла Олиф стороной, и тут, за всеми этими полками, в самом конце, дернула за ручку двери.

При свете одной единственной свечи, которую женщина предусмотрительно взяла из коридора, заметить еще один вход было невозможно.

Олиф ошарашено пролезла, вновь сгибаясь пополам, в небольшую нишу. Посреди нее разместился стол, на котором сушилось множество трав.

— Так у вас есть лекарства?! — удивленно воскликнула девушка.

— Конечно. Только применяют их редко.

— Почему?

— А кого, по-твоему, тут лечить? Сумасшедших? От сумасшествия нет лекарства.

Олиф уставилась на сушеные травы. Ну да, не преступников же.

— Вот, — Фрида взяла горстку календулы, — заваришь ее, должно помочь.

— На кухне? — уточнила девушка.

— Конечно на кухне.

Олиф кивнула, взяла в руки сухие, полурассыпавшиеся цветки, и как бы невзначай спросила:

— А от кашля тут тоже что-то есть?

Фрида на секунду задумалась.

— От кашля лучше всего помогает мед с луком. Но тут у нас такого нет, поэтому, можно попробовать заварить сушеный подорожник. А ты разве кашляешь?

— Я просто на всякий случай.

— Может, так и гроб себе сколотишь? На всякий случай.

Олиф нахмурилась.

— Я не то имела в виду.

— Вечно ты вперед забегаешь, — махнула рукой женщина. — Живи сегодняшним днем. Как начнешь кашлять, так и разберемся.

Девушка кивнула и вышла из небольшой ниши вслед за Фридой.

Она и живет сегодняшним днем. Поэтому и помогает Лексу сейчас, иначе потом будет уже слишком поздно.

На кухне никого не было, даже Песчаников. Скорее всего, подействовали слова Фриды, что Олиф становится плохо, и время от времени она будет приходить сюда и заваривать настойку. В этот момент девушка четко поняла, что если бы она сама так сказала Песчанику, то ее, в лучшем случае, отлупили бы розгами за такое хамство. Однако, видимо чем-то, Фрида заслужила свое право голоса.

Девушка залила кипятком высохшие и свернувшиеся цветки, накрыла кастрюлю крышкой и завернула ее в полотенце. Осталось заварить подорожник, но для этого его сперва нужно раздобыть.

Олиф вышла из кухни в общую столовую, и поняла, что Песчаник все-таки был. Он стоял прямо на входе, и как только она к нему подошла, заставил ее поднять руки, и тщательно обыскал.

После проверки, Олиф пошла к комнате для женщин, и уже оттуда, по памяти, начала восстанавливать дорогу к маленькой комнатушке. Оказалось, что путь был совсем недолгий, лишь несколько поворотов. Однако хвалить себя за сообразительность было рано. Если первая дверь была открыта, то вторая закрывалась на ключ. Олиф пару раз подергала за ручку, поняла, что все бесполезно, и в отчаянии прислонилась лбом к прохладному дереву.

«О, Берегини, неужели ради этого Лекса придется обманывать Фриду?».

Выбор был невелик.

Девушка провела пальцами по двери. Почему-то обратила внимание на неровно отросшие ногти, со скопившейся под ними грязью. Раньше это было привычное их состояние — работа с землей по определению делала их уродливыми. Но теперь почему-то захотелось, что бы ногти стали красивыми: ровными, чуть розоватыми, и кожа на руках не шершавилась.

Олиф вздохнула и мысленно себя одернула. Не о том она думает. Какие, к черту, ногти, тут бы хоть человеком остаться.

Дело было не в том, что мамина мораль выедала мозг: врать не хорошо! Нет, просто обманув Фриду, Олиф сама упадет в своих глазах. Ее отправили в изгнание за преступление, и получается, что она подтверждает свое наказание.

Девушка вышла в темный тоннель.

Пока она возвращалась в комнату для женщин, ее не покидали тяжелые мысли. Однако стоило подойти к двери, Олиф четко и ясно осознала: выбор она сделала уже давно.

* * *

Дождавшись пока все улягутся спать, Олиф осторожно прокралась к койке Фриды и принялась искать ключ, по форме напоминающий нужную замочную скважину. Поиски заняли довольно много времени: во-первых, девушка боялась лишний раз вдохнуть. Если ее заметят, никто даже спрашивать не станет, что она тут искала. Во-вторых, Фрида не поленилась хорошенько спрятать ключи. Олиф пришлось перерыть почти половину скудных вещей женщины, пока она не нашла маленький мешочек, спрятанный под матрасом.

Дальше было легче. Песчаник на входе привык, что женщины время от времени уходят к отбросной яме. Олиф быстренько дошла до нужной двери, вставила ключ, повернула его по часовой стрелке, послышался щелчок.

На секунду девушка замешкалась, в который раз убеждая себя в том, что поступает правильно, а затем отворила дверь. Сперва Олиф хотела взять только несколько листочков,

но потом поняла, что возвращаться сюда придется еще не раз, а значит, и воровать тоже, поэтому она завернула в маленький мешочек все, что было.

Естественно, ночное посещение кухни не могло остаться незамеченным, пришлось снова врать. Сегодня Олиф еще не ходила к Лексу, поэтому отложить все до следующего дня и оставить его там голодать, она не могла.

Легенда о том, что ей стало очень плохо и нужно срочно сварить отвар из трав, на Песчаника не произвела особого впечатления, но и противоречий не возникло, вроде. Он безоговорочно пропустил девушку на кухню.

Олиф быстренько подогрела тот отвар, что остался тут еще с прошлой ночи, заодно на скорую руку сварив каши. Оставалось только надеяться, что ее выпустят с такой порцией.

— Куда? — Путь ей преградила большая рука Песчаника.

— Несу еду в камеру, — не поднимая головы, ответила девушка.

— Не время.

— Сказано носить еду раз в сутки. Я и несу.

— Почему так поздно?

— Лежала с температурой. — Олиф заметила, что чем больше она врала, тем лучше у нее это получалось.

— Ладно, проходи. — Но только она сделала шаг вперед, как рука снова вернулась. — Почему такая большая порция?

— Всегда такая была, — попыталась отвертеться девушка, но куда там.

Песчаник был свято уверен, что Лекс не достоин такой чести и, в конце концов, пришлось вывалить буквально половину наготовленного. На искренние возмущения девушки он не обращал внимания. Хорошо еще, что отвар не забрал, поверил, что это ей.

Когда Олиф вышла из кухни, на душе у нее было ужасно противно. Она должна была принести Лексу поесть, а вместо этого несет что-то отдаленно напоминающее еду, причем такую скудную порцию, что лучше бы уж вообще ничего не несла.

На входе в тюрьму ей тоже начали задавать вопросы.

Олиф пыталась выкрутиться, как могла. Правда, в историю, что ей нужно всегда носить отвар с собой, иначе она свалится с ног, они вряд ли поверили. Однако все же пропустили.

Все-таки не стоило идти сейчас — только привлекла к себе внимание, а значит, слушок легко может дойти и до Ринслера.

В темноте, среди зеленых светящихся зверьков и одиноких камер, гулкий звук закрывающейся двери звучал особенно жутко. Олиф прошла до конца тюрьмы, дернула ручку второй двери и спустилась вниз.

На этот раз ни единого звука от Лекса не донеслось.

Девушка нахмурилась, чуть прибавила шаг. Мужчина лежал в какой-то жуткой, непонятной позе, словно до этого просто сидел, а затем не выдержал и завалился на бок. Глаза были закрыты, но грудь вздымалась — значит, спал. Но спал беспокойно, то и дело слышались прерывистые вздохи, причем ртом. Нос, наверняка, заложило.

Олиф поежилась. Присела рядом, просунула руку между решетками и легонько потормошила Лекса. Тот не реагировал. Пришлось приложить чуточку больше усилий.

Внезапно мужчина дернулся, и в одну секунду руку девушки сжали длинные пальцы с такой силой, что она вскрикнула от боли:

— Ай!

Лекс повернул голову, моргнул пару раз, пытаясь разобрать в темноте лицо незнакомца.

А когда пришел в себя, виновато разжал пальцы и увидел, как девчонка быстренько одергивает руку.

— Прости, — хрипло сказал он.

Олиф потеряла запястье. Откуда только в этом человеке столько силы?

— Ты специально так? — Одновременно с болью, девушка почувствовала обиду.

— Случайно вышло, прости.

Лекс принял привычное для него сидячее положение и провел ладонками по лицу, стирая остатки сонливости.

— Я принесла поесть, — спокойно сказала Олиф и поставила рядом с камерой тарелку.

Мужчина хмыкнул.

— Я-то надеялся, что уже не придешь.

— Кто бы сомневался, — закатила глаза девушка. — Вот еще.

Она подвинула вплотную к решеткам кружку с отваром.

— Что это? — недоуменно спросил Лекс.

— Отвар из подорожника.

— А мне он зачем?

— Это от кашля.

— Забирай обратно, — и не подумал идти навстречу Лекс.

— Мне он ни к чему, — поджала губы девушка.

— Мне тоже.

— Неправда. Я слышала твой кашель.

— И что?

— И то. Отвар тебе поможет.

— Плебейка, — устало вздохнул Лекс, — я же, кажется, просил не лезть.

— Я и не лезу. Я просто помогаю.

Олиф перевела взгляд на пол и тут заметила перевернутую тарелку. В душе сразу смешалась целая гамма чувств: недоумение, раздражение и... обида.

— Когда Арли носила еду, ты почему-то ел.

Лекс удивленно уставился на девушку. Ее взгляда в этой полутьме он не видел, но ее тон почему-то заставил почувствовать себя виноватым.

— Ну да, понятно, — самой себе сказала Олиф, — из моих рук противно.

Девушка схватила за край перевернутую тарелку, порывисто поднялась и вылетела из камеры. Лекс даже опомниться не успел, как с грохотом захлопнулась входная дверь.

* * *

Было жутко обидно понимать, что она ради этого гадкого существа рисковала собственной свободой, а он взял и просто окунул ее лицом в большую, грязную лужу. На душе было так скверно, как будто эту самую душу вырвали, да потоптались на ней, словно на лужайке какой.

Олиф быстро добежала до своей койки, забралась наверх, и уткнулась носом в простыню. О Берегини, вот чем она заслужила такое?!

Уснуть не получалось. Тяжелые мысли не давали покоя, даже глаза закрывались с трудом. В крошечной тьме, становилось невыносимо слушать мельтешение Песчаника.

Хотелось тишины, чтобы никто и ничто не отвлекало ее от созерцания черного, невидимого потолка. Олиф уставилась в пустоту, и попыталась отключиться от едва заметных шорохов, окружающих ее. Притупить обиду, скрыть гнев, ей хотелось просто лежать и ни о чем не думать.

В конце концов, веки налились тяжестью, и сон сам как-то незаметно сморил ее.

* * *

Я ненавидела Перводружинников ровно столько, сколько себя помнила. От одного этого слова меня распирала ярость. Всегда. Эти люди ломали жизнь таким, как я. Таким, как моя мама. За одно это им полагалась виселица.

... Но на этот раз я стою посреди комнаты, в руках чувствую что-то тяжелое. Опускаю взгляд: сковородка. Передо мной лежит толстый Перводружинник. Под ним моя сестра — дергается, кричит. Пытаюсь что-то сделать, но не могу. Хочу поднять сковородку, подбежать и сдернуть с сестры толстого мужика. У меня и в мыслях нет убивать его, только оглушить.

Но Перводружинник вдруг поднимает голову, поворачивает ее и смотрит на меня. Глаза у него карие.

Не двигаюсь. Пытаюсь понять, что происходит. Мужик сам поднимается с постели. Мне хочется развернуться и бежать, но я не могу — там моя сестра. Я не брошу ее.

Перводружинник приближается медленно, аккуратно завязывая при этом пояс. Смотрю на него с нескрываемым страхом. Чувствую, как начинает тошнить.

— Убийца? — поднимает он бровь.

— Нет, — выдавливаю я.

— Убийца. — Он не спрашивает, он утверждает.

— Нет!

Мужик кивает на мои руки. Опускаю взгляд. Ладонки все в крови, со сковородки стекают темно бордовые струйки. Мной не на шутку завладевает страх.

— Нет!! — Крик ничего не решает. Крови становится все больше, она темнеет, вокруг меня уже огромная лужа.

— Убийца, — повторяет Перводружинник.

— Нет!!!

— Ты лишила меня шанса жить. Ты — убийца.

* * *

— Подъем!!!

Олиф резко подскочила в постели. Дыхание сбилось, на лбу выступила испарина. Казалось, еще немного и сердце из груди выпрыгнет наружу. Девушка провела рукой по лицу, попыталась восстановить дыхание.

Впервые за долгое время ей приснился Перводружинник. До этого она и думать о нем забыла, а теперь... давно она не видела таких четкий и ясных снов.

Мысли в голове спутались. Может, это первые признаки сумасшествия? Память вырывает из своих темных углов самые страшные воспоминания, пытаюсь довести разум до

полного безрассудства.

— Чего сидишь? Хуже стало? — поинтересовалась внизу Фрида.

Олиф вздрогнула от неожиданности.

— Нет, все хорошо. Я встаю.

Она слезла с верхней полки, чувствуя, как руки все не могут перестать трястись. Голова шла кругом, пришлось сесть на свободную нижнюю койку. Немного придя в себя, девушка принялась переплетать косу. Эта ночь выдалась просто кошмарной.

Когда все женщины построились колонной и пошли на кухню, Олиф отправилась к Кнуту.

Змей все не выходил из образа ранимого животного. Это стало уже какой-то навязчивой привычкой. Все это однообразие было настолько предсказуемым, что девушка даже выучила все места на его чешуе, которые он подставлял под тряпку, и уже без всяких подсказок чаще терла именно там.

— Как прошла ночь? — с этого ей всегда приходилось начинать разговор.

«Плохо».

— Почему?

«Никому до меня тут нет дела».

— Да ладно, — закатила глаза Олиф, — мне есть.

«И тебе нет!».

— А что я тут, по-твоему, делаю?

«Исполняешь приказ».

Насупившаяся морда змея стояла того, чтобы быть запечатленной лучшими художниками мира.

— Кнут, мне искренне не все равно.

Она знала, что змей ждал от нее что-то вроде: «Ах ты мой Кнутичек! Ах ты моя зайка, обижают тебя тут все эти злобные людишки? Иди сюда, я тебя пожалею!». Но Олиф, даже если бы очень сильно захотела, не смогла бы такого сказать. Поэтому Кнут немного пожаловался на свою бесполезную жизнь, и, не видя поддержки, успокоился.

В обед Олиф пошла готовить еду на кухню, и тут вспомнила, что ей ведь полагается разносить тарелки не только воинам, но и Лексу тоже.

Схватив первую попавшуюся порцию каши и быстро преодолев темные тоннели, она злобно дошагала до входа в камеры и уперлась в две широкие груди Песчаников. Однако видя недружелюбный настрой девчонки, и списав все на нежелание носить еду этому придурку, они пропустили ее без особых возражений.

Перед тем, как войти в нижние камеры, Олиф постояла перед дверью, привыкая к темноте, разбавляемой лишь слабым зеленым свечением светожелов. Наконец, дернула за ручку двери и спустилась вниз.

На секунду ей даже показалось, что Лекс ждал ее. Он не спал, просто, как обычно, сидел, облокотившись о стену. Как только она приблизилась к его камере, он тут же перевел на нее взгляд, но ничего не сказал.

— Кушать подано, — нарушила девушка молчание.

Лекс усмехнулся и боком просунул ей между решеток две пустые тарелки, одну в другой.

— Ты съел? — не поверила Олиф.

— Не знаю, гордиться, или разочаровываться твоим удивлением.

Девушка на всякий случай даже потрясла посудой вверх дном, чтобы удостовериться наверняка.

— Ого, даже отвар выпил.

— Сама готовила?

— Да, — настороженно ответила Олиф.

— Редкостная гадость.

Девушка состроила такую страшную мину, что Лекс не смог сдержать улыбки.

— Не обижайся, в мире многие люди не умеют готовить.

В этот момент ее терпение лопнуло.

Олиф злобно схватила ложку из каши, и, резко присев рядом с мужчиной, просунула ее между решеток, приставив ее прямо к его носу.

— Уж кому-кому, а тебе привередничать не стоит! И я нормально готовлю!

Лекс таким взглядом наблюдал за трясущимся перед его носом «орудием убийства», что даже не заметил, как каша с ложки начала капать ему на одежду. Только почувствовав жжение на груди, он примирительно поднял руки.

— Хорошо-хорошо, а теперь ме-едленно опусти ложку на пол, только не поранься!

Олиф злобно замахнулась столовым предметом прямо мужчине в лоб, но в последний момент он сменил положение головы, и ложка врезалась в стену, обрызгав их обоих остатками каши.

— Не повезло тебе, — «сочувственно» сказал Лекс, вытирая лицо.

— Это тебе не повезло! — Олиф тоже пыталась стереть еду с платья так, чтобы не осталось пятен.

— Поверь, тебе не повезло куда больше.

— Почему это?

— Ну как, ни готовить не умеешь, ни драться.

— Я умею готовить!!

— Судя по тому, что ты мне принесла в прошлый раз — нет.

— Ну вот и сиди тут тогда один! И голодный! — совсем обиделась Олиф.

Поднялась с колен и быстро пошла к выходу. В темноте не заметила ступеньку, споткнулась и еле удержалась на ногах.

— Эй-эй, плебейка, стой! — Голос Лекса прозвучал настолько странно, что Олиф невольно замерла.

Она боялась пошевелиться, ожидая, что он скажет еще что-нибудь, но мужчина молчал. Тогда она сама нарушила повисшую паузу:

— Я Олиф, а не плебейка.

Со стороны камеры послышался облегченный выдох, или ей это только показалось?

— Хорошо, Олиф, так Олиф. Подойди сюда.

— Зачем?

— Ты забыла кое-что.

Девушка удивленно попыталась вспомнить, что могла забыть, но в голову так ничего и не пришло. На секунду замешкавшись, она все же решилась медленно спуститься обратно.

— Ну?

— Вон. — Лекс кивком указал на две пустые тарелки.

Вот дура, и впрямь забыла! Олиф быстро схватила посуду, развернулась, чтобы уйти, но голос мужчины вновь остановил ее.

— Подожди.

— Еще что-то?

— Нет. Просто не обижайся.

— На тебя? — не поверила своим ушам девушка.

— Нет, что ты, на светожелов, — иронично ответил ей мужчина.

Теперь Олиф, наконец-то, поняла. Ему было ужасно одиноко. Его все ненавидели, и сам он тоже ненавидел себя. Эта ненависть, чувство вины разъедали душу изнутри, словно черви сердцевину яблока.

Лексу нужно было с кем-то поговорить. Когда она, Олиф, оказалась в темнице, рядом с ней был седой старик — муж Фриды, а рядом с Лексом нет никого, кроме него самого. А диалоги с самим собой имеют ужасные последствия, и Олиф это знала, как никто другой.

Она слабо улыбнулась.

— Я не обижаюсь, привыкла уже.

— Когда успела? — усмехнулся мужчина.

— В пустыне, когда ж еще.

— Не помню, чтобы мы шутили.

— А я и не про шутки, — не без злорадства сказала Олиф, — я про твое хамство.

— Хамство? Да ладно. У тебя какая-то странная реакция на очарование.

— Очарование? Мой младший брат и то очаровательней, чем ты!

Лекс вновь усмехнулся. Догадалась, дурочка. Плохо это или хорошо, мужчина еще не решил, но хоть какому-то голосу в этой тишине все равно был рад.

— Помня о твоём ранимом сердечке, я не стану говорить, что мой младший брат тоже очаровательней, чем ты. И вообще, — он обвел ее фигуру презрительным взглядом, — ты похудела и стала еще костлявей, чем раньше.

Олиф недоуменно осмотрела свою талию. Понятно, что это была просто шутка, но девушка все равно обиженно насупилась.

— Ты, можно подумать, тут поправился!

— Я похудел в бою, плебейка, — нравоучительно ответил Лекс.

Кажется, его тело, пребывая в таком положении, уже затекло. Он попробовал едва заметно пересесть, но руки слишком ослабли и не слушались. Мужчина сделал еще несколько рывков, надеясь, что в полутьме не заметно, насколько тяжело ему это дается, и, в конце концов, сдался.

— Ты похудел от своей наглости! — Олиф с содроганием наблюдала за попытками мужчины не показать свою слабость. Пытаться помочь бесполезно — он либо отшутится, либо грубо отмахнется.

В этот момент она в очередной раз поразилась, насколько же они с Ринслером действительно похожи. Оба до невыносимости гордые, что один, что другой.

Вспомнив про Ринслера, Олиф едва удержалась, чтобы с размаху не треснуть себя по лбу. Вот Дьявол! Ей же нужно к Ринслеру!!

— Смотри не подавись, — с усмешкой сказала девушка, и, развернувшись, полетела к выходу.

Уже около двери крикнула:

— Завтра я снова принесу отвар!!

Раздался щелчок, и Лекс, расслабившись, лег на спину так, чтобы не задеть рану на плече. Голова шла кругом, ноги затекли. Снова начали подступать приступы кашля. Все-таки

хорошо, что плебейка сбежала.

Олиф тем временем прислонилась спиной к двери. Внутри бушевала то ли радость, то ли недоумение, то ли все сразу.

Давно они с Лексом так не разговаривали. Вернее, ни разу.

Олиф лежала на своей койке, подложив руку под голову. Она понимала, что здесь на нее возложили слишком много обязанностей. Чтобы все успеть, времени нужно тратить по минимуму, но так не получится, во всяком случае, не для нее.

Как бы тяжело ни было это признавать, но придется от чего-то отказаться. Или кого-то.

... Олиф стояла рядом с Кнутом и уныло разглядывала тряпку. Она могла бы, конечно, как в первый раз, «случайно» перепутать ее с другой, жесткой щеткой, но тогда придется причинить змею жуткую боль, а этого ей хотелось меньше всего. Поэтому девушка честно и старательно выполнила свою работу, и теперь ждала удобного момента устроить так, чтобы ее с облегчением выперли отсюда.

Больше всех девушку недолюбливал Макс. Дело было не в личной неприязни, просто его раздражало, что Олиф не разделяла его нежных чувств по отношению к животным. То есть не гладила Кнута каждые пять минут, не спрашивала, как у него настроение, не болит ли чего. Макс тщательно следил за работой каждого, но к Олиф присматривался особенно. Словно только и ждал момента ее на чем-нибудь поймать.

Девушка покрутила в руках тряпку. Она вдруг поняла, как можно использовать недружелюбие парня. Со вздохом взяла пустое ведро, налила в него воды и вернулась к Кнуту.

— Макс! — позвала Олиф. Змей удивленно поднял голову. — Макс!!

В одно мгновение парень подлетел к ним.

— Что случилось? Ты обидела Кнута? Ему больно?

— Нет, я просто хочу тебе кое-что показать, — улыбнулась девушка. — Мыть змею так долго, поэтому я придумала новый, более быстрый способ!

От слова «змеюка» у парня уже нервно задергался глаз, а уж когда Олиф взяла за дно ведро и с размаху вылила всю воду на опешившего Кнута, так и вовсе схватился за голову.

— Ты что делаешь?! С ума сошла?! — завопил он. — Так нельзя!!! Кнутик!!!

— Нет, смотри, — ухмыльнулась девушка, развернулась и пошла к огромной бочке, чтобы зачерпнуть еще воды.

— Стой!!! — В одну секунду Макс оказался рядом с ней. — Что ты делаешь?! Прекрати!!!

— Ты не понял, так же быстрее!

— Поставь на место!!! Это неприемлемо!!!

— Да? А мне понравилось.

Она перехватила ведро поудобнее, и, прежде чем парень сумел что-нибудь сообразить, облила и его.

— Ах ты...!!! Это переходит уже все границы!!!

Макс схватил мокрыми руками ее под локоть и быстро поволок к Ринслеру.

Как только они оказались возле комнаты последнего, путь им загородили Песчаники. Олиф старательно скрывала улыбку на лице, и надеялась, что по глазам невозможно прочитать ликование. Макс расхаживал из стороны в сторону, разъяренно махая руками, и отчитывал девушку грозной отповедью, смысл которой сводился примерно к следующему: «я всегда знал, что ты никогда не сможешь полюбить животных! И вообще ты неуклюжая бестолочь!». Первые минуты Олиф еще как-то отдаленно прислушивалась к его словам, а

затем просто прижалась к стенке и съехала по ней вниз.

Почему-то к Ринслеру их не пускали долго, очень долго. В какой-то момент Олиф подумала, что от усталости точно ляжет прямо тут и больше уже встать не сможет, но как раз в этот момент открылась дверь. Сразу стала ясна причина такой задержки.

В коридоре показалась довольная рыжая «лапочка». Она обвела Олиф презрительно-надменным взглядом и, словно сытая кошка, гордо поплыла в темноту. Макс смущенно крикнул, и подпихнул девушку внутрь. Олиф только похлопала глазами, сделав вид, что ничего не поняла.

— Снова ты, Макс? — поднял бровь Ринслер.

Он, в привычной для себя манере, что-то пил из бокала.

— Господин!! — взвыл парень. — Это выше моих сил!! Я... я терпел! Я все терпел! Но это уже переходит все границы!!

Ринслер удивленно повернулся, обвел мокрого Макса каким-то странным взглядом, и перевел его на Олиф. Та постаралась сделать как можно более виноватый вид.

— Что с тобой, Макс?

— Это все она!!!

— Я случайно! — не удержалась девушка.

— Случайно?! И до этого тоже случайно?! Господин, — снова повернулся он к Ринслеру, — да у нее руки из... из... из одного места растут!!!

Мужчина усмехнулся, зачем-то поставил бокал на стол и обошел девушку с парнем по кругу.

— Нет, Макс, там у нее все нормально.

Олиф тут же покраснела.

Макс икнул.

— Я имел ввиду, что она плохая работница... — промямлил он.

— Так бы сразу и сказал.

— Господин... я отказываюсь с ней работать!

— Ммм... — протянул в ответ мужчина.

Повисла какая-то странная пауза. Парень ждал ответа, но Ринслер задумчиво крутил бокал в руке.

— Господин...

— Да.

И вновь воцарилась тишина.

— Что да? — решился, наконец, подать голос Макс.

— Все — да.

— Боюсь, я не понимаю вас.

— Я говорю — да, что тут непонятного?

— На счет чего вы говорите да?

— На счет всего.

— Боюсь, я снова не понимаю вас.

— Макс, — вздохнул Ринслер. — Если бы ты только знал, какой хороший день ты только что испортил. Я говорю да, потому что вы все у меня уже в печенках сидите. Да, Макс, означает, что я одобряю любое твое решение. Хоть и жарить ее вели.

Олиф удивленно уставилась на мужчину, но спустя несколько мгновений он добавил:

— Хотя нет, этого лучше не надо.

— То есть вы согласны с любым моим решением? — захлопал глазами парень.

— Да. Согласен.

Макс тут же набычился, с необычайным злорадством повернулся к Олиф и проорал ей прямо в ухо:

— Никогда больше не появляйся в загонах!!!

Девушка испуганно отпрянула и в немом шоке наблюдала за радостно ускакавшим парнем. Она посмотрела на Ринслера, но тот вновь стал разглядывать свой бокал. Быстро смекнув, что делать ей тут больше нечего, она тихонько вышла за дверь, зашла за угол тоннеля и так радостно расхохоталась, что почувствовала, как на глазах выступили слезы.

Что не говори, а это было очень весело. Если бы еще не нудный Макс, так и вообще можно было бы рассмеяться прямо при нем.

— Может, и мне расскажешь причину такого веселья? Вместе посмеемся.

От спокойного тона, раздавшегося буквально у нее прямо над ухом, Олиф испуганно подпрыгнула. Непроизвольно сделала несколько шагов в сторону, повернула голову. Прямо рядом с ней стоял Ринслер, опираясь плечом об угол.

— Ну, чего замолчала? Я тоже хочу посмеяться.

— Я...я... ничего, — растерялась Олиф.

Самое страшное было в том, что она не могла понять: злиться он, или нет.

— Мне бы такой талант, — уважительно кивнул мужчина, — смеяться из-за ничего.

— Просто... просто... — заикаясь, девушка пыталась найти хоть одну причину, что могла бы объяснить такой смех, кроме, конечно, очевидной. — Просто... мне показалось...

— Даже так? Что же тебе показалось? — зацокал языком Ринслер.

— Что меня кто-то пощекотал.

Повисла тишина.

— Что сделал? — Мужчина решил, что ослышался.

— Пощекотал, — проямлила Олиф.

— Пощекотал?

— Пощекотал.

— Тут? — удивленно поднял брови он.

— Да. — Ох, язык-язык! Отрезать его пора! — Прямо вот сюда. — Она, все еще глядя Ринслеру прямо в лицо, ткнула себя в бок.

— И ты засмеялась, — понимающе кивнул мужчина.

Он все никак не мог понять, ему уже смешно, или еще нет.

— Мне стало щекотно.

— Постой, я уточню. Ты шла себе спокойно, шла, и тут тебя из темноты кто-то пощекотал. И ты засмеялась?

— Я боюсь щекотки.

Ринслер постоял немного молча, а затем так оглушительно расхохотался, что Олиф от неожиданности вздрогнула. Мужчина подошел к ней и, словно своего закадычного друга, потрепал по голове.

— Мне бы твою выдержку!

Все-таки кое в чем Олиф была благодарна Рэй. После ее посещений Ринслер удивительным образом становился более добродушным.

— О Берегини, у меня некоторые люди, которые пьют, кстати, столько, сколько твой батяка за всю жизнь не пил, и то такого придумать не могут.

Олиф скромно отступила на шаг, что бы рука мужчины, наконец, убралась с ее головы.

— Пощекотал. Оригинально, — покачал он головой. — Ладно, забудем. Забыл тебе напомнить, раз у тебя теперь меньше работы, то приходить ко мне будешь раньше. И вернешься на кухню.

Тут его тон стал серьезным:

— Или лучше к «лапочкам»? У нас давно новеньких не было.

Олиф снова вздрогнула.

— На кухне много работы.

— Ничего, справятся. — Ринслер прищурился, словно профессор, наблюдая за реакцией подопытной крысы.

— Но им нужна моя помощь... — девушка поняла, что на этот раз отстаивать свою честь при помощи ножа не выйдет.

— А «лапочкам» не нужна?

— Не знаю.

— А я знаю. Нужна. Думаю, — усмехнулся мужчина, — им ты все-таки нужнее.

— Нет! Стой! — Девушка дернулась к Ринслеру, но когда поняла, что тот никуда не уходит, резко остановилась. — Я им ничем не помогу, только мешаться буду.

— В первый раз всегда страшнее всего.

— Нет, я им на самом деле буду мешаться!

— Чем? — скептически поднял бровь Ринслер.

— Я... на самом деле я... я...

— Ну?

— Я не умею целоваться, — выдохнула она, и зажмурилась, ожидая, то ли взрыва хохота, то ли взрыва ярости.

— Да-а, это ужасная проблема. Ну, раз уж такое дело, то тогда тебе действительно лучше удовлетворять мужчину через желудок.

Олиф открыла глаза и успела заметить злорадную улыбку на губах Ринслера прежде, чем тот повернулся и пошел обратно в свою комнату.

Секунду девушка простояла в ступоре, а потом приложилась затылком к стене и съехала по ней вниз.

Издевался! Все это время стоял тут и смеялся над ней, как над последней душой! А она?! О Берегини... я не умею целоваться... это ж надо было такое сказать! Кто-то из темноты пощекотал! Да, ему теперь определенно есть, над чем посмеяться!

Олиф искренне надеялась, что мужчина не принуждал ее вступить в ряды «лапочек» только потому, что на кухне не хватало рук...

... но ответа на этот вопрос не знал даже сам Ринслер. А может, уже и знал, просто пока что еще не осознавал этого.

* * *

Олиф в каком-то немоном предвкушении носилась по столовой с тарелками в руках. Даже Фрида удивилась ее необычной энергичности.

— Ты чего это? — спросила она у девушки, когда та в очередной раз забирала поднос с посудой.

— Я? А что?

— Носишься, как угорелая.

Олиф пожала плечами.

— Не знаю. Настроение хорошее.

— Что-что? — опешила Фрида. — Настроение? Хорошее? Тут?

— Я не знаю, честно. Может, это ваш отвар так действует?

— Ага, — прозорливо усмехнулась женщина. — Отвар.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Олиф несмело улыбнулась, поудобнее перехватила поднос, и пошла дальше разносить еду. Как только все столы были накрыты, девушка начала заваривать себе настойку. Песчаников об этом давно предупредили, поэтому те лишь настороженно косились в ее сторону. Олиф быстренько, пока Фрида ненадолго отвлеклась, накидала в кастрюлю вместо календулы подорожника и накрыла все это крышкой. Затем, дождавшись, пока отвар закипит, перелила его в кружку и заодно наложила в тарелку каши.

Чтобы не вызывать подозрений, взяла еще несколько порций и по дороге разнесла их «лапочкам».

Когда она приблизилась к темнице, ей почему-то стало не по себе. Песчаники впустили ее без вопросов, только быстро осмотрели перед этим.

Олиф вошла внутрь. Прошлась вдоль камер. Дошла до второй двери, приоткрыла ее и уже с порога услышала жуткий кашель. Лекс сплевывал мокроту прямо на пол, скорее всего, в угол. Зрелище было не из приятных.

Олиф ошарашено стояла в проходе, прямо перед его камерой, наблюдая за ним сквозь решетки.

— Ты не говорил, что тебе настолько плохо.

Мужчина вздрогнул, резко повернул голову, и когда понял, кто пришел, обреченно прислонился головой к стене.

— Мне не настолько плохо.

— Хочешь сказать, что мне просто слышалось?

— Я ничего не хочу сказать.

Девушка поджала губы. От него другого и не стоило ожидать. Упрямый осел.

Она поставила кружку и тарелку рядом с решетками, забрала старую посуду и сделала шаг назад.

Лекс пытался подавить приступы кашля, но не так-то легко это было сделать. Камеру снова оглушил резкий порыв буквально вылезающих наружу легких.

Девушка подошла ближе, присела рядом.

— Вот, выпей. Это должно помочь.

— Потом, — отмахнулся мужчина и вновь приложил голову к стене. На лбу у него выступила испарина.

— Нет, выпей сейчас. Пожалуйста.

Олиф аккуратно протиснула кружку между решетками.

Лекс повернул голову, взглянул на нее.

— Не надо.

— Нет, надо! О Берегини, ты прямо, как маленький! Я своего брата столько не упрашивала кашу поесть!

К слову сказать, она никогда не упрашивала его поесть кашу.

— Каждый раз ты сравниваешь меня со своим братом, — иронично ответил мужчина. — Надеюсь, мы похожи только с хорошей стороны?

— Ага, — отмахнулась Олиф. — Выпей отвар.

— Что я вижу? Плебейка превратилась в грозную мамочку?

— Пей.

— Или в грозного папочку?

— Пей!

— Или в грозного...

— Пей ты уже!!!

Лекс посмотрел на кружку, затем на Олиф.

— Может, хватит уже?

— Чего хватит? — не поняла она.

— Да всего. Зачем ты пытаешься найти выход там, где двери давно закрыты? Это что, тебе моральное удовольствие приносит?

Девушка нахмурилась.

— А тебе удовольствие приносит меня оскорблять?

— Эй, хватит. Все уже. С этим ничего не сделаешь, ясно? Забудь ты про этот гребаный кашель.

— Что значит «ничего не сделаешь»? — опешила Олиф. — Ты с ума сошел?! Решил тут так и загнуться?!

— Твоя рьяная борьба за справедливость тут не поможет, — начал злиться Лекс.

— Как это не поможет?!

— Очень просто, плебейка! Хватит биться лбом о каменную стену! Ты этим только хуже делаешь!

— Я же тебе помочь пытаюсь, — удивленно возразила девушка.

— Не надо мне помогать.

— Ой, ну началось! Теперь ты еще про гордость свою заговори!

— Чего? — растерялся Лекс.

— Того. Хоть бы раз через нее переступил!

— Какая, к черту, гордость?!

У мужчины был такой злобно-удивленный вид, что девушка всерьез засомневалась в своих убеждениях.

— А что еще? — воскликнула она. — Ты же вечно от помощи отказываешься из-за нее!

— Я понял. — Лекс усмехнулся. — По-твоему, я гордый.

— Да, ты гордый! — кипятилась Олиф.

— Отлично. То, что я, может быть, еще и осторожный, тебе в голову, наверное, не приходило?

— Осторожный?

— Да, осторожный. Слово такое есть.

— О, то есть ты осторожно решил отказаться от помощи? — саркастически спросила девушка, скрестив руки на груди.

— Плебейка, да какая, к дьяволу, помощь?! — взорвался мужчина, переходя на крик. — Чем ты собралась помогать?! Отварчиком своим?! Спасибо, я лучше так сдохну, чем от этой дряни!!!

— Что? — опешила Олиф.

Нет, она прекрасно поняла смысл его слов. Даже слишком.

— Ты что, не веришь уже? — тихо спросила она.

— Во что мне верить? В отварчик?

— Нет, в то, что ты поправишься.

— Ага. А еще я верю в волшебную силу Берегинь. В этом году я был хорошим мальчиком, может, они осчастливят меня подарочком, как думаешь?

— Не говори так, — покачала головой девушка. — Отвар поможет.

— Знаешь, — вздохнул Лекс. — Я бы многое отдал, чтобы поменяться с тобой этой глупой, детской наивностью. Глядишь, так бы и в Берегинь поверил.

— Хватит!! — вскочила на ноги Олиф. — Хватит уже!!! Что ты все время несешь?! Я ради тебя старалась, а ты хоть бы спасибо сказал!! Только сидишь тут и причитаешь! Кашель еще никого не убивал, понятно?!

— Сядь, — спокойно, но твердо сказал Лекс.

— Не сяду! Лучше ты сделай хоть что-нибудь!

— Сядь.

— Хорошо говорить — отвар не поможет! А ты пил его?! Ты даже не попробовал!

— Сядь. Живо.

— Зачем?! Так же, как ты разлечься на полу, и говорить, что мне уже ничего не поможет?! Нет, спасибо! Я лучше на кухню пойду! Там от меня действительно есть польза!

Девушка злобно развернулась и сделала шаг к двери. Лекс схватился обеими руками за железные решетки, резко подтянулся, помогая себе встать. В одно мгновение он оказался прямо напротив спины Олиф.

Стоило ей сделать еще один шаг, как руки мужчины обхватили ее за талию, и резко дернули назад. Лекс прижал тело девчонки к себе, и теперь разделяла их лишь решетка.

— Ну ты и истеричка.

Олиф пискнула, и когда поняла, что случилось, начала злобно вырываться. Дело осложняла решетка: она не давала рукам свободно дотянуться до мерзкой фигуры позади нее. Лекс сперва пытался унять разъярившуюся девчонку, но когда понял, что так можно бороться до бесконечности, просто одной рукой сжал оба ее запястья, а второй закрыл рот.

— Ну ты и истеричка, — повторил он.

Затылок Олиф впечатался в тонкий железный прут. Становилось больно. Она попыталась дернуться, но Лекс слишком крепко ее держал. Тогда она хотела укусить его за руку, зажимающую ей рот, но почувствовала на губах солоноватый привкус крови. Наверняка с его ладошки.

— Тебя не учили, что кричать на старших — признак дурного тона?

— Мммм!!! — злобно прорычала в ответ Олиф.

— Ясно. Не учили.

— Мммм!!!

— Послушай, дорогая, — приторно ласково начал говорить Лекс ей на ухо, — не могла бы ты, пожалуйста, замолчать?

Олиф резко дернулась. Не помогло.

— Да, — скорбно вздохнул мужчина, — я понимаю. Такой мерзкий, грубый способ заткнуть женщину. Но и ты войди в мое положение. Я спокойно лежал тут, ждал своей скорой смерти, думал о бабочках... и тут врывается какая-то фурия, и начинает вопить, как ненормальная. Что я еще мог сделать?

Олиф вновь приняла попытку вырваться, однако Лекс словно предугадывал каждое ее движение. Даже ступню просунул между решеток, и наступил девушке на ногу.

— Но ведь самое главное, было в том, что эта фурия даже не озаботилась чутким слухом стражников.

В одной мгновение Олиф затихла, но мужчина не спешил ее отпускать.

— Ты только представь, что будет, если они ее услышат? — скорбно спросил он, и тут же добавил, уже своим, нормальным голосом: — Так что, надеюсь, ты больше не станешь так орать?

Девушка покрутила головой — получилось плохо, но мужчина понял.

— Вот и умница.

Он тут же убрал руки и с талии, и со рта.

Олиф повернулась к нему лицом. Она уже и забыла, что он, оказывается, на целую голову выше нее.

— Ты что, ранен? — В полутьме было видно лишь очертания фигуры, смотреть в глаза было бесполезно. Поэтому она уставилась на его разорванную рубашку.

— Да-да конечно, плебейка, не за что. Ну что ты, не стоит благодарности.

— Спасибо, — запоздало сообразила девушка.

— Нет.

— Что — нет?

— Нет, я не ранен.

— Тогда откуда кровь на ладошке?

— Не высохла еще.

— Ты что, издеваешься?! — Времени прошло достаточно. А кровь свежая.

Олиф злобно просунула руки между решетками и без тени смущения принялась ощупывать Лекса сверху донизу. Тот сперва опешил, а затем злорадно прокомментировал:

— Ну надо же! Знал бы, что ты такая... развратная, времени бы в пустыне не терял.

— Очень смешно.

— Ты бы себя со стороны видела. Как начала ко мне приставать, ручками своими шаловливыми...

— И не мечтай, — огрызнулась девушка.

Лекс не сопротивлялся, и Олиф посчитала это своеобразным разрешением. Она, конечно, попыталась не заострять внимание на том, что начала совершенно без смущения проводить руками по мужской фигуре. Стоило ей об этом подумать, как щеки покрылись предательской краской. Но отступать было уже поздно. Что-то ведь с ним было не так, иначе, откуда взялась бы кровь... Олиф медленно провела руками по его бокам, ощутив живот. Судорожно вздохнула, приказывая себе сохранять спокойствие. Она никогда раньше не прикасалась к мужскому телу. Во всяком случае, не так. В какой-то момент, девушка поймала себя на мысли, что ощущения все равно не могли принести ясности, если только рана не кровоточит до сих пор — тогда руки просто наткнутся на что-то липкое... Тут Олиф сообразила, что начинает представлять себе кровь, а это ничего хорошего не предвещало. Она пару раз моргнула, надеясь, что Лекс ничего не заметил, и резко опустила руки вниз. Мужчина среагировал незамедлительно, тут же их перехватив.

— Я, конечно, был бы очень счастлив, но нет.

Олиф почувствовала, как не только щекам, но уже и ушам становится жарко.

— Да я не... я случайно... ты что вообще!

— Конечно случайно, кто бы спорил.

Девушка собиралась злобно пнуть его по ноге, но промахнулась, и пнула по решетке.

— Я понимаю твою обиду, — сочувствующе кивнул Лекс.

— Это не обида!

— Не надо, не стоит притворяться.

— Дурак! — не выдержала Олиф, и вновь пнула по решетке.

— Ладно-ладно, только хватит ломать мою камеру.

— А ты вообще! Хватит так шутить!

Девушка нагнулась и провела руками по его ногам. Ничего. И тут поняла, что не посмотрела еще кое-что: спину.

Она выпрямилась, подняла голову так, чтобы видеть очертания лица мужчины, и коснулась пальцами его шеи. Оттуда повела руки вниз. Стоило ей коснуться плеча, как Лекс резко схватил ее за запястья и отвел их в сторону.

— Все, осмотр окончен.

— Стой, — всполошилась Олиф, — что там?

— Ничего. Все нормально.

— Нет, не нормально! Покажи!

— Какая ты ненасытная, покажи да покажи.

— Не смешно! Повернись спиной.

— Нет. Я лучше буду следить за твоими ручками, мало ли они вдруг...

— Лекс! Покажи спину!

— Плебейка, угомонись, — вздохнул он.

— Там что-то страшное, да?

— Да. Варвары режут котят.

— Я серьезно!

— Я тоже.

Олиф резко высвободила свои руки, схватила его за локоть и заставила повернуться. Она прекрасно понимала, что если бы он решил не поворачиваться, никакие силы мира не смогли бы его заставить. Но почему-то он позволил девушке посмотреть. Может, потому что рано или поздно она все равно бы увидела, а может потому, что надеялся: увидев это, она точно должна убедиться, что уже ничем не сможет помочь.

Конечно, от светожелов было мало толку, но разглядеть большую красную полосу поперек плеча было не сложно. Широкая, и явно глубокая — кровь только-только остановилась. Олиф понимала, что рана до сих пор не затянулась лишь потому, что Лекс постоянно прислоняется ею к стене с острыми каменными выступами. И это означало самое страшное — быстрое заражение. Вокруг темно-красных концов уже виднелся гной. Давить его было нельзя. Как-никак, но он не давал попасть в рану новой грязи. Зато распространял прежнюю, ту, что уже была под кожей.

Олиф провела ладонками по лицу, глубоко вдохнула, призывая себя к спокойствию.

«Так, ладно, все хорошо. Что там полагается делать раненым воинам? — мысленно начала рассуждать. — Заражение. Если появился только гной, значит, что еще не все потерянно. Гораздо хуже было бы, если...»

Девушка пораженно ахнула. Этого свет светожелов рассмотреть не позволял, поэтому все могло быть еще хуже, чем выглядело сейчас.

— Нравится? — с горькой усмешкой спросил Лекс.

Олиф не ответила. Секунду поколебавшись, она сорвала со стены светожела и поднесла его прямо к ране. Ей казалось, что за этим последует возмущенный писк слизистого зверька, но тот, как обычно, не подавал признаков жизни.

Её опасения не подтвердились. Грязь попала в самую рану, и, похоже, еще не добралась до крови. Во всяком случае, вены не взбухли, а это давало надежду.

— Что ты там делаешь? — с сомнением спросил Лекс. — Решила мне спину поджарить?

— Они не горячие, — покачала головой девушка, рассматривая зеленую слизь в руках.

Мужчина повернулся.

— И не противно было? — намек был очевиден. Вообще, Лекс всегда считал, что девушки ненавидят всякую гадость.

— Нет, они милые.

— О да, в жизни не видел созданий милее. Зачем ты его взяла?

— Проверяла кое-что, — уклончиво ответила Олиф.

— Только не говори мне, что у тебя снова появилась гениальная идея.

— Да, ведь рана только...

— Олиф, — прервал ее мужчина, впервые, наверное, назвав по имени, — прекрати. Я не шучу. Хватит. Ты видела рану? Видела. С этим уже ничего не сделаешь. Ни-че-го, поняла меня? Все.

— Но ведь...

— Все! Это не обсуждается.

— Нет, обсуждается! — возразила девушка, понимая, что еще ни разу в жизни за один разговор никому столько не возражала. — Рана пока только гноится!

— Да что ты? — издевательски изумился Лекс. — По-твоему — это еще ничего?

— Во всяком случае, заражения крови нет. А гной можно срезать.

— Я бы восхитился твоему остроумию, но, прости, скулы болят. Прежде, чем срезать гной, нужно убедиться, что туда не попадет новая инфекция.

— Значит, промоем рану!

Олиф понимала, что затхлая, грязная камера — не лучшее место, чтобы поиграть в лекаря, но отступать она не собиралась. Во всяком случае, потому, что просто не сможет уйти отсюда со словами: «Ну что ж, дружок, покойся с миром!». Совесть не позволит.

— Чем ты собралась ее промывать?

— Водой!

— Водой? — удивленно переспросил мужчина и расхохотался. — Серьезно? Дорогуша, вода здесь не поможет, только чистый спирт.

— Ладно! — зло согласилась Олиф. — Промоем спиртом и срежем гной!

— Предположим, так. Дальше ты что будешь делать?

Лекс спорил неохотно. Даже не спорил, а просто пытался доказать, что все надежды глупой девчонки бесполезны.

— Перевяжу рану.

— А кровь не остановится. Повязка, вернее, прогнившая тряпка, которую ты и достать-то не сможешь, пропитается насквозь. Надо будет менять. Спирт, который ты тоже, кстати, не сможешь достать, испарится. Новое заражение, новый гной, и все по-новому?

— Ладно, я не перевяжу рану, — проворчала в ответ девушка. — Что нужно будет делать дальше?

— Зашивать.

— Зашивать?

— Да, зашивать. Ниткой и иглой. Причем прочной, чтобы концы раны не разошлись.

— Ладно, — кивнула Олиф. — Значит, зашьем.

— Кто зашьет? — усмехнулся Лекс. — Ты?

— Да, я.

— Напомнить тебе, как ты валялась в обмороке от вида... эм... своей крови?

— Я не валялась, — оскорбилась девушка.

— Да? А кто съезжал по дереву и умолял: «Ах, Лекс, ты такой сильный, спаси меня, я умираю»?

— Я сейчас снова тресну тебя ногой!

— И снова промажешь. У тебя, по-моему, в ушах вообще две огромные дырки.

Лекс понял, что стоять больше уже не может — сил нет. Он прислонился к стене, и аккуратно сел, стараясь не касаться ее раненым плечом. Но, как всегда, не смог.

— У меня нормальные уши!

— Учил-учил тебя защищаться, а ты даже дотянуться ногой до меня не можешь.

— Зато могу рукой! — Олиф присела, вплотную прислонилась к решетке и просунула туда руку, чтобы треснуть этого гада по шее. Лекс, как ни в чем не бывало, чуть отклонился в сторону, и ладошка девушки рассекла воздух.

— Ничему тебя жизнь не учит, — вздохнул он.

— Однако не я сижу в камере, — съязвила в ответ девушка.

— Тебя просто пожалели, — «сочувствующе» посмотрел на нее мужчина.

— За что?

— Ну представь, любого человека совесть сожрет, если он такую костлявую особь в камеру посадит.

— Я не костлявая, — обиделась Олиф.

— Да ты посмотри на себя, кожа да кости. Ты вообще ешь? Я тебе честно скажу: нас, мужчин, не слишком привлекают живые скелеты.

— А ты... да знаешь что...! А нас вообще не привлекают такие гадкие мужики!

— Да ну? Что же ты тогда здесь делаешь? — поднял бровь Лекс.

— Долг свой возвращаю, — коротко ответила Олиф.

— Какой еще долг? — насторожился мужчина.

Девушка в ответ лишь пожала плечами, взяла пустую тарелку и поднялась.

— Мне пора. Стражники наверняка уже что-то заподозрили.

Она быстренько развернулась и взбежала по ступенькам вверх, пока Лекс не начал задавать новых вопросов. Пускай помучается.

Стражники на входе, вопросов не задавали вообще. Только ухмыльнулись какой-то похабной улыбочкой. Олиф недоуменно на них покосилась и быстренько прошмыгнула в спасительную темноту. Только спустя несколько минут до нее дошла причина таких взглядов. Олиф представила себе ту самую картину, о которой подумали стражники, объясняя этим очевидный факт задержки, да еще и жуткой растрепанности девчонки, и ее передернуло. Она с Лексом?! Ни-за-что! Наверное, пока он был Перводружинником, его вообще все девушки стороной обходили — с таким-то мерзким характером!

День у Ринслера выдался тяжелым. Почему-то больше всего он любил устраивать расследования, организовывать слежку, сопоставлять факты. Это была его стезя, здесь он чувствовал себя, как рыба в воде. Однако было в этом кое-что неприятное, то, чего он не любил больше всего. Ринслер ненавидел проводить допросы. Чем это объяснить, он не знал, просто терпеть не мог это дело. Строить из себя кого-то.

— Это все? — холодно спросил он.

«Да», — ответил Кнут.

— Ты уверен? Если не хочешь встретиться с Хозяином, лучше выкладывай все, как есть.

«Я уже сказал все, что знаю. Больше она мне ничего не говорила».

Мужчина наклонился к змею так, чтобы тот хорошенько расслышал его сдержанную интонацию и понял, что оплошал.

— Кнут, я, кажется, просил разговаривать ее. Узнать привычки, знакомых. А ты что? Я не пойму, приказы у тебя нынче не в моде? Это Макс будет с тобой нежиться, но ты не забывай, где находишься.

«Если бы она врала, я бы понял. Она действительно хорошая и главное — не сумасшедшая».

— Да что ты? Она тебе так понравилась?

«Нет. Я просто говорю то, что вижу».

— И видишь мелкую глупую девчонку.

«Нет, — высунул язык змей, — не глупую».

— Меня не волнуют твои доводы. Мне нужна информация, Кнут.

Ринслер раздраженно сжал кулаки и обвел фигуру животного злым взглядом.

— Тебе было поручено важное задание. Поздравляю с грандиозным провалом. Отдыхай, дружок, — последнее слово было сказано таким тоном, что выглядело скорее, как оскорбление.

Мужчина развернулся и вышел из загонов, задев плечом удивленного Макса. Тот, как только увидел грозную удаляющуюся фигуру воина, тут же кинулся успокаивать бедного разнервничавшегося Кнута.

Ринслер тем временем вернулся в свою комнату, где его уже ждала Рэй.

— Можешь возвращаться к подружкам.

— Котенок сегодня не в настроении? — надула губки «лапочка».

— Я же сказал, — резко гаркнул он, — никаких прозвищ!

Улыбка медленно сползла с лица девушки. Действительно, не в настроении.

— Конечно, прости.

Она встала с кровати, натянула шелковый пеньюар и медленно подошла к серванту.

— Виски? — предложила осторожно, чтобы не разозлить его еще больше.

— Просто уходи, — сжал челюсти Ринслер. Иногда эта ее неподчинение ужасно его раздражало.

— Как скажешь.

Она запустила пальцы в волосы, поправляя свою прическу. Глотнула из бокала, поморщилась, и только тогда соизволила выйти из комнаты. Все равно для нее вечер только начинался.

Ринслер сам не мог понять причину своего ужасного настроения. То, что ничего нового об этой Олиф он не узнал, его не особо мучило. Проблем не доставляет и черт с ней. Хозяину скажет, что ничего не нашел. Другое дело — его собственное любопытство. Почему Лекс заступился за нее? Этот гад в свое время даже ему таких одолжений не делал, и тут вдруг — как гром среди ясного неба. Кто она? Чем такое заслужила? Ринслер попытался отогнать от себя эти мысли и подумать о чем-то прекрасном, но хорошее настроение улетучилось, и возвращаться, похоже, не собиралось.

Себя он изучил достаточно хорошо, чтобы знать: это уже на весь вечер. Лучшего лекарства, чем виски, человечество еще не придумало. Ринслер подошел к серванту, налил себе ядреного напитка и уселся в кресло.

Спустя некоторое время в комнату ворвалась Олиф с подносом в руках.

Она скептическим взглядом обвела очередную порцию алкоголя в стакане мужчины, ногой закрыла за собой дверь и поставила поднос на стол.

— Сперва постель или одежда? — привычно спросила девушка.

— Что? — поднял голову Ринслер.

Похоже, она не вовремя вырвала его из своих мыслей.

— Что мне с начала делать?

— А, ну да. Ничего. Сегодня ты свободна.

— С чего это? — подняла бровь девушка и только тут поняла, что только что сказала.

Кажется, слишком уж много она препиралась с Лексом. Так и привыкнуть можно.

— Тебе какое дело? Сказал свободна, значит, иди гуляй.

— Ладно, — тут же закивала она.

Ну и дура, вот только нарваться ей не хватало для полного счастья.

Олиф расставила тарелки с мясом перед ним, налила по его просьбе в бокал еще виски и быстренько ретировалась.

Но к еде Ринслер так и не притронулся. Что-то не давало ему покоя. Сидеть вот так, без дела, было невыносимо, и он принялся расхаживать по комнате. Тяжелые мысли в голову не лезли, он вообще редко когда начинал задумывать о чем-то всеобщем, вроде извечного вопроса: в чем смысл жизни? Его это не интересовало. Он и так знал ответ — смысла в жизни нет. Если бы был, ему не пришлось бы терпеть все это.

Ринслера больше интересовали воспоминания. Они помогали понять, в какое дерьмо медленно превращается жизнь.

С самого рождения его готовили к военной службе. Отец из дружины, мать дворянка. Он был наследником своей семьи, которую просто не мог опозорить. Тогда все было просто. Просто далось военное дело, просто изучались заморские языки, просто познавались звезды. В учебе он никогда не испытывал трудностей.

Трудности наступили тогда, когда пришлось отвечать за свои поступки.

В тот момент молодой начинающий боец понял, что не все может решить папино влияние и родительские деньги.

Дружинники всегда имели чуточку больше, чем все остальные. Ринслер понял это после того, как девушек вокруг него увеличилось раза в два, если не в три, а из каждой драки в кабаках он выходил сухим благодаря отцу.

Тогда-то и появилось это убийственное чувство вседозволенности. Мужчина не останавливался ни перед чем. Просто знал: его вытащат. Драки, девушки, драки... в жизни не было ничего сложного. Если бы тогда его спросили, в чем смысл жизни, он бы, наверное,

сказал, что в свободе и красивой юбке под рукой.

Официально его репутация оставалась чистой, как стеклышко. Но все знали кто такой Ринслер, и что он из себя представляет. Друзья уважали, незнакомые парни ровнялись, дурочки влюблялись, умные — обходили стороной. Казалось, что ему было плевать на всех. Но это было не так.

В его жизни был один человек, ради которого он пытался стать лучше.

Это был его младший брат.

Ринслер где-то глубоко в душе понимал, что ведет себя, как скотина. Что родители давно отчаялись перевоспитать своего негодного сыночка. И он не хотел такой жизни для своего брата. Он защищал его, как мог.

Но люди не меняются. Как бы он ни старался, себя изменить было невозможно.

Братья были абсолютно разными. Старший: сильный, смелый, красивый. Харизма жила у него в крови, меч словно с рождения лежал в руке. И младший: слабый, немощный. Он был очень худым, часто болел, мог в любой момент потерять сознание. О военной службе и речи не шло. Они были абсолютно разными, но они были братьями.

Кто знает, как его жизнь сложилась бы дальше. Однако судьба решила, что таким, как он, она не дает второго шанса.

В тот день он был страшно пьян, притащил в дом какую-то очередную девку. Сейчас Ринслер уже не помнил таких подробностей. Помнил только удивленное лицо пацана, увидевшего своего старшего брата, который был для него настоящим рыцарем, вот таким. Мальчик пытался понять, в чем дело, пытался остановить его. Поговорить.

А Ринслер просто отпихнул его. Немощного брата, которого поклялся всегда защищать.

... его судили Кровавым Законом. Сроком на пять лет. Это было смертельное число для всех Изгнанников.

Хотя за убийство родных меньше не дают.

Мать с отцом не простили его. И не простят никогда. Да он и сам себя никогда не простит.

Он предал брата. И вот, в это адской пустыне, где нет ни друзей, ни даже знакомых, вдруг был предан сам.

Только вот почему-то ему казалось, что они с Лексом слишком через многое прошли, чтобы вот так вот глупо бросать друг друга. Оказалось, нет. Жизнь обожгла обоих, но они по-прежнему лезли в самое пекло.

Да, Ринслера не интересовали извечные вопросы. Ему было плевать, куда попадает душа после смерти, и есть ли она вообще, эта душа. Его интересовал лишь один вопрос. Вернее, ответ на вопрос.

Ринслер в который раз прошелся туда-сюда по комнате, затем резко схватил кусок хлеба с подноса, и быстро вышел.

* * *

Он знал, что ведет себя, как полный кретин, и поэтому прибавил шаг — чтобы не передумать. Дорога, всегда казавшаяся ему такой короткой и знакомой, вдруг оказалась очень длинной. Несколько минут показались вечностью.

Песчаников на входе он даже взглядом не удостоил, сразу открыл большую деревянную

дверь и вошел внутрь. Нос забила жуткая вонь, но Ринслер давно уже к ней привык. В нижних камерах дышать стало тяжелее. Если там, наверху, еще были отверстия, пропускающие воздух, то тут нет.

В темнице было тихо.

На секунду он подумал, что Лекс снова сбежал, но, поравнявшись с железными решетками, убедился, что это не так. Бывший друг не спал, просто сидел на полу, выпрямив ноги, и уставившись в одну точку. Он не поворачивал головы, но Ринслер знал, что мужчина давно догадался, кто к нему нагрянул.

— Постоять тут пришел? — отчужденно спросил Лекс, не отрываясь от созерцания чего-то, что видел только он.

— Ага, полюбоваться.

— Что, «лапочки» уже не в твоём вкусе?

— Завидуешь?

— Ту блондинку с козлиной бородкой и врагу не пожелаешь. Кстати, она еще жива?

— Не твоё собачье дело, — огрызнулся Ринслер.

Лекс усмехнулся. Время шло, но он молчал. Просто не хотел язвить бывшему лучшему другу. Не такое последнее воспоминание он желал оставить о себе. Как там писали Берегини? В смертный час вспомни все счастливые мгновенья свои, покайся в тех, что принесли несчастье, и прости, да возлюби ближнего своего.

— Где же твоё красноречие? — удивился Ринслер. — Неужели язык отсох?

— Представляешь, воду мне приносят один раз в день, в горле все пересыхает.

— Хочешь, чтобы я тебе еще и водички принес?

— Нет, просто знай.

Ринслер присел на корточки рядом с камерой.

— Признавайся, кто ты, и что ты сделал с Лексом? — невесело пошутил он.

Лекс поморщился и отклонился, выказывая отвращение.

— Фу, дружище, ты сегодня явно перебрал.

Ринслер в ответ обвел своего бывшего друга насмешливым взглядом.

— Тебе-то уж точно не помешала бы стопка-другая.

— Да. Ты еще хранишь у себя тот ядреный виски?

— Поверь, даже если очень захочешь, судьба не преподнесет тебе такого щедрого подарка.

— Я думал, ты не веришь в судьбу.

Ринслер на секунду оторопел. Он ожидал, что они, как обычно, поцапаются друг с другом. Это придало бы ему злости, ярости... но Лекс всегда умел удивить.

— Я верю вот в эту штуку, — мужчина вытащил из-за пояса большой кинжал, — Один взмах, и никакого виски. Это я тебе обещаю.

— Да уж, не сомневаюсь. — Лекс приподнялся на локтях и отодвинулся чуть подальше от решеток. — Махаться ножом ты умеешь лучше всего...

— Да, не жалуюсь.

— ... а вот девчонок никогда не умел выбирать, — убийственно добавил он.

— На твой искушенный вкус не угодишь, — со сдержанной яростью ответил Ринслер.

— Ту, с козлиной бородкой, выбрал ты.

— Если из твоей дырявой башки вытекли еще не все мозги, то ты помнишь, что это было «на слабо».

— Если алкоголь еще не добрался до твоих мозговых жил, то ты помнишь, что уговор был найти самую страшную, а не бородатую.

— Если ты только притворяешься таким идиотом, то ты должен понимать, что она и была самой страшной.

— Если твой атрофированный разум помнит, то я был не против и брюнетки с кривыми ногами.

— Если ты сейчас не заткнешься, я тебе врежу, — не выдержал Ринслер.

— Насколько я помню, раньше ты лежачих не бил.

— Зато я всегда бил идиотов.

— Тогда тебе нужно подняться уровнем выше. Насколько я помню, там их вечно было навалом.

Ринслер резко встал. У него руки чесались по чему-нибудь ударить, а еще лучше сжать чью-то шею, и с каждой секундой сдавливать ее сильнее, сильнее... но он сдерживался.

— Я смотрю тебя ни чем не взять, — даже с каплей уважения усмехнулся мужчина. — Лежишь тут в полном дерьме, и все равно умудряешься всех бесить.

— Ну почему всех. Я добрый. И девушкам я нравлюсь.

От этих слов Ринслер искренне расхохотался. Громкий звук отразился от стен, и заставил их обоих поморщиться.

— Девушкам? Это кому? На данный момент я знаю только одну, и то, она тебя боится до дрожи в коленках.

Лекс усмехнулся.

— Да, я заметил. Такая боязливая. Что ни придет, вечно начинает орать.

— От страха, — дополнил Ринслер.

— Ну, я бы так не сказал.

— Лекс-Лекс, — покачал головой мужчина, — знаешь, что я делаю даже лучше, чем ножами махаю?

— Нет, и не хочу знать, — в приторном ужасе поморщился Лекс.

— Я сразу распознаю ложь, — продолжил Ринслер. — Тебя я знаю лучше всех. Даже не пытайся.

— Нарекаешь меня лжецом? — неправдоподобно возмутился мужчина. — Как можно! Я же душу тебе изливаю. Хотя, ты прав. Я не слишком люблю костлявых полуживых девчонок. Того и гляди развалятся.

— Да-а, друг, — восхищено протянул Ринслер. — Если уж Арли для тебя костлявая полуживая девчонка, то я даже не представляю, как ты тогда отреагировал на ту, с бородкой.

— Арли? — переспросил Лекс.

— Да, Арли. Так зовут ту толстую тетку... ах, да, прости, костлявую и полуживую девчонку, что приносит тебе еду.

— Арли? — нахмурил брови мужчина.

— Ты глухой? — разозлился Ринслер. — Арли! Что тебе не понятно в этом имени?!

— Арли, — усмехнулся Лекс, и покачал головой. — Да ты еще глупее, чем я думал. Арли. — На лице заиграла уважительная улыбка. Он не знал, как эта дурочка умудрилась все проверить, но то, что Ринслер до сих пор ничего не знал, заслуживало отдельной медали.

— Что с тобой, Лекс? — серьезно спросил мужчина. — Ты сам на себя не похож.

— Год уже прошел. Было бы странно, если бы мы остались прежними.

— Ты — та еще козлина. Но ты же и так это знаешь? — с горькой усмешкой спросил

Ринслер.

Он устало прислонился спиной к стене. Злость куда-то испарялась. Ее место занимало непонимание, недоумение... и как бы ни было тяжело это признавать, еще и обида.

— Зачем ты пришел? — спросил Лекс.

— Посмотреть, как ты подышаешь тут.

— Тогда заходи почаще.

— И не надейся.

Ринслер злобно сплюнул.

— Хотя знаешь, есть еще одна причина. Я давно хотел спросить...

— Почему, — догадался Лекс.

— Да, почему. Былого не вернешь. Я не смогу вновь пережить тот побег и хорошенько врезать тебе. Просто объясни: почему?

Ринслер был пьян. Кто знает, может, в трезвом уме он бы и не сунулся сюда. Однако он был здесь и, возможно, в последний раз. Лекс непроизвольно стукнулся затылком о стену. Он понимал, что должен сказать правду. Вот только проблема была в том, что он сам ее не знал.

— Ну?!

— Я не знаю. — Голос Лекса стал приглушенным. — Слишком долго мы готовились к этому. Слишком многое было поставлено на кон. Как можно было тогда отступить?

— Ладно. Плевать мне на твои мотивы. Но почему ты не вернулся, придурок?!

— Куда? Снова в это логово смерти?!

— Ты хоть знаешь, — злобно прошипел Ринслер, прислоняясь лицом к решеткам, — что я тут пережил, а? Бьюсь об заклад, в пустыне ты и половины всего этого не испытывал. За одно это тебя стоит убить.

Лекс резко придвинулся к решеткам. Их лица оказались друг напротив друга.

— Ну давай. Убей. Думаешь, мне жалко?! Да я жду этого, мечтаю об этом! Давай! Чтс ты так смотришь на меня? — мужчина рассмеялся. — Ну конечно. Я тоже помню наш уговор. Ты не сделаешь этого.

— Ошибаешься, — прошипел Ринслер.

— Ты знаешь, что меня тут держит. А я знаю, что держит тебя. Ты не сделаешь этого. Или хочешь поиграть «на слабо»?

Ринслер резко отпрянул от решетки.

— Да пошел ты.

— Давай, дружище. Как в старые добрые времена. Где коробка? Она ведь у тебя, верно? Да, я бы тоже ее не выкинул.

— Сколько уверенности, — усмехнулся мужчина. — Но ты прогадал. Ее у меня уже нет.

— Брось, Ринслер. По тебе видно. Где она? На прежнем месте? В серванте?

— Ты скотина, Лекс. И всегда им был.

— Что, слабо?

— Иди к черту. Даже если бы на кону была твоя жизнь, я бы не стал с тобой играть. К сожалению, я знаю, чем это кончается.

Лекс усмехнулся.

— Столько времени прошло, а ты по-прежнему боишься рисковать.

Ринслер резко треснул руками по камере.

— Я. Ничего. Не боюсь. Мне выгодней победить тебя в равном бою. На арене.

— В равном? — скептически поднял бровь Лекс. — Это как в прошлый раз? Когда твои ребята исполосовали своими ножами мне все тело, а? Это ты называешь равным боем? Прости, но бой, где ты заведомо проиграл, называется подставой.

— Я не знал об этом, — сплюнул Ринслер.

— Это уже не важно. Важно то, что я тут, умираю, дружище. А ты там. Тоже подыхаешь. Только медленнее.

— Не знаю, как тебя, а меня все устраивает.

— Мы все равно все сдохнем тут. Вопрос в том, как.

— Нет, Лекс. Вопрос в том, кто быстрее. Спорим на бутылку твоего любимого виски, что первым будешь ты?

— И кто из нас еще скотина? Если так не терпится посмотреть, как я умираю, сделай это сам.

— Не-ет, — усмехнулся Ринслер. — Таких одолжений я не делаю. Мы не делаем, помнишь? К тому же, ы люблю растягивать удовольствие. Лови.

Мужчина кинул своему бывшему другу кусок белого хлеба в камеру. Не черствого, свежего. Но Лекс только усмехнулся.

— Подача?

— Еда, идиот.

— По-твоему я стану это есть?

— Можешь выпить, — разрешил Ринслер.

— Таких высот я еще не достиг.

— Все еще впереди. Ешь. Посмотрим, сколько ты так протянешь.

Мужчина развернулся и уже собирался уходить, как оклик Лекса заставил его остановиться:

— Эй, дружище.

— Чего тебе? — повернулся тот.

— Помнишь девчонку, что попала сюда вместе со мной?

— Ее трудно забыть.

— Где она?

— Твое какое дело?

— У меня к тебе просьба.

— Я что, похож на доброго волшебника?

— Это уже тебе решать. Просьба меня никак не касается.

— Да что ты говоришь? — восхитился Ринслер, и спустя мгновение добавил: — Чего тебе надо?

— Не мне. Ей.

— Ей?

— Ей. Накорми ее лишней тарелкой каши.

— Каша? — опешил Ринслер.

— Да. Считай это моим предсмертным желанием.

Ринслер смотрел на нее таким пристальным взглядом, что Олиф кусок в горло не лез, а уж целая тарелка каши тем более. Девушка неловко поерзала на месте. Это выглядело настолько нелепо, что ей казалось, будто строгий папочка следит, чтобы непослушная дочурка исполнила свое наказание. И Олиф бы съела эту кашу (чего греха таить, в животе пустовала бездна), но вот только не так.

— Я не голодная, — соврала она.

— Не ври. Ешь.

Девушка поджала губы. В душе у нее зародилось неприятное ощущение. На секунду показалось, что Ринслер, возможно, уже совсем спятил, но Олиф резко загнала это ощущение подальше.

— Можно я не буду это есть?

— Как хочешь, — разрешил мужчина.

— Правда? — не поверила она.

— Конечно, не впихивать же это в тебя силком.

Олиф отодвинула от себя тарелку.

— Тогда мне можно идти?

— Нет, ты не убралась, — угрюмо ответил Ринслер.

Девушка с легким вздохом разочарования принялась за свою рутинную работу, иногда поглядывая на стынувшую кашу. Все-таки, что ни говори, есть хотелось страшно. Голод всегда был неотъемлемой частью ее жизни, но она, наверное, никогда не сможет к нему привыкнуть.

Олиф взглянула на Ринслера. Тот сидел в кресле, с задумчивым лицом разглядывая что-то, что видел только он. В этот момент она поняла, что не стоит даже пытаться вновь притронуться к каше — этот взгляд будет прожигать ее насквозь.

На удивление, мужчина был совершенно трезв, что выглядело немного странным. Обычно он в это время находился в помутненном, искаженном мире.

Девушка перевела взгляд на сервант, где находились графины с вином и виски.

Неожиданно она вспомнила слова Лекса: «Дорогуша, вода здесь не поможет, только чистый спирт». Виски, конечно, не чистый спирт, но все же лучше, чем совсем ничего. Наверное, первые в жизни, она была рада увидеть алкоголь в этой комнате.

— Хочешь? — поднял бровь Ринслер, проследив за ее взглядом.

Олиф покачала головой.

— Я закончила.

— Ладно, иди.

Она уже дотронулась до ручки двери, как мужчина остановил ее:

— Олиф, — окликнул он, — можно задать тебе вопрос?

Девушка на секунду опешила, и так зная, что он в любом случае спросит. Но все равно кивнула.

— Как долго ты была в пустыне?

— Где-то около месяца, а что?

— Ничего. Иди.

У Ринслера был такой вид, словно он только что проглотил кусок испорченного мяса.

Его что-то мучило, и она видела это. Такие состояния глубокого ухода в себя стали не редкостью для него, и это пугало. Когда человек замыкается в себе — это всегда пугает. Ей бы очень хотелось ему помочь. Поговорить, посидеть рядом, просто подержать за руку — да что угодно, но она с сожалением повернула ручку двери и вышла в темный коридор.

Каким бы сильным ни был ее порыв, Олиф не смогла бы ему помочь.

Возможно, никто уже не сможет.

* * *

— Фрида, — обратилась девушка к старой женщине, — у меня порвалось платье, у тебя случайно нет ниток?

— Случайно есть, — ответила Фрида, не открываясь от резки овощей.

— Только мне покрепче, чтобы не порвались. На всякий случай. А то мало ли что.

* * *

Возможно растрепанная девчонка, в руках которой было большое шерстяное покрывало, на котором, опасно покачиваясь, стояла деревянная миска с водой, нитки, нож и бутылка виски, выглядела немного странно. Вернее, очень странно.

Песчаники удивились настолько, что даже растерялись, какой вопрос задать первым.

Олиф понимала, что уж об этом происшествии Ринслер узнает самым первым. И даже, несмотря на беспроигрышную фразу: «это приказ Ринслера», а так же дополнительную, которая применялась в особых случаях: «если не верите мне, спросите у него самого. Посмотрим, как он отреагирует», Песчаники пытались препираться.

Олиф знала, на что идет, и чем рискует. Знала, и все равно шла вперед. До второй двери было ровно сорок два шага. Она считала. Затем восемь ступенек, исключая последнюю — там была лишь ее половина, и Олиф всегда ее переступала.

Лекс, как обычно, тяжело дышал. Ему становилось все хуже, испарина на лбу была заметна даже в бледно-зеленой темноте.

— Привет, — поздоровалась она. — Еду я не принесла, зато принесла кое-что другое.

Мужчина повернул голову. Обвел ее фигуру удивленным взглядом.

— Ты что с ума сошла?!

— Да-да, — вздохнула девушка. — Знаю. Плебейка, — Олиф подняла указательный палец вверх и низким голосом провозгласила: — твоей тупости можно только позавидовать. Да как ты только умудрилась до такого додуматься, хватит пытаться меня спасти и бла-бла-бла. Но я уже это сделала, назад пути нет.

— Олиф, ты в порядке? — настороженно спросил Лекс.

— В этом сумасшедшем доме можно быть в порядке? Нет, я не в порядке. Но это неважно.

Она присела на корточки рядом с мужчиной, промочила тряпку в воде.

— Повернись.

— Ты что, серьезно?! — изумился он.

— Да, серьезно. Давай покончим с этим.

— Так, знаешь что, — в голос Лекса проскользнули стальные нотки, — собирай все свое шмотье и проваливай отсюда. Нарваться решила?

— Уже нарвалась. Песчаники меня и так еле пустили, в следующий раз уже точно не пустят, поэтому повернись, пожалуйста, прямо сейчас.

— Ты прошла вот с этим прямо мимо них?!

— А что, под платье нужно было все спрятать?

— Ты хоть понимаешь, что о таком они доложат Рин... своему начальству?!

— Ринслеру, ага. Если уже не доложили. Тем больше причин скорее начать.

— Плебейка, — насторожился мужчина, — сколько пальцев ты видишь?

И сунул ей под нос свою пятерню.

— Лекс, — взмолилась девушка, — давай уже поворачивайся ко мне спиной. Обработаем рану, и я спокойно упаду в обморок! Пожалуйста!

— Что это, виски? — поднял бровь мужчина.

— Ага.

— Дай-ка сюда.

Она и опомниться не успела, как он схватил бутылку, открыл ее и сделал долгий глоток. Поморщился. Распробовал оставшийся привкус. Удивленно посмотрел на обертку.

— Да ладно, — его голова стукнулась об решетки, — из всех бутылок ты умудрилась выбрать именно эту?!

— А что?

— Это его любимый виски. Он за него маму родную продать готов.

— Родную маму?! — изумленно открыла рот Олиф.

Лекс как-то странно на нее посмотрел и сказал:

— Не бери в голову. Ладно, давай и впрямь покончим уже с этим.

— Давай, — кивнула девушка.

Дождалась пока мужчина сядет к ней спиной так, чтобы она спокойно могла дотянуться до раны. Гной увеличился. Еще немного и заражения крови точно не избежать.

— Гадость какая, — вырвалось у нее.

— Стой, — остановил ее Лекс.

— Только не начинай сначала!

— Я не об этом. Выпей немного.

Он протянул ей бутылку.

— Нет, оно невкусное.

— Зато волшебное. Пей.

Олиф неохотно взяла бутылку за горлышко, поднесла к себе и поморщилась от запаха спирта, резким порывом забившего нос. Под пристальным взглядом Лекса, через силу глотнула ядреной жидкости.

— Фе, — тут скривилась девушка.

— Отлично. А теперь давай, режь.

— Не так уж это и больно.

— Я с радостью поменяюсь с тобой местами. Хочешь?

— Нет, спасибо, — насупилась Олиф.

Она повторно смочила тряпку, приложила ее к ране. Да уж, боль для него будет невыносимой. Тоненькие струйки прозрачной жидкости потекли вниз по обнаженной коже, стирая грязь на своем пути, и оставляя неровные дорожки. Девушка глубоко вздохнула. Взяла

нож, плеснула на лезвие немного виски.

Еще один глубокий вдох. Ей казалось, что она давно была готова к этому. Но куда там. Страх не могли отогнать никакие вздохи.

«Только бы в обморок не упасть», — опасливо подумала Олиф.

В одной руке она держала нож, в другой — бутылку виски, при этом уверяя себя в том, что резать людей — это совсем не страшно, и все будет хорошо. Она еще раз вздохнула, уже чисто инстинктивно, и сделала надрез сверху раны. Темно-серый гной тут же потек по спине вниз. Чем дальше она резала, тем больше он смешивался с выступившей кровью. И тем сильнее Лекс сжимал зубы.

— Черт возьми, — прошипел он.

Олиф впервые так радовалась полутьме вокруг: так меньше видно, так меньше страшно.

Она продолжала резать, чувствуя, как напряглись мужские мышцы. Надо отдать ему должное, он держался молодцом. Гной скопился не только на поверхности, но и под кожей. Пришлось вычищать его и оттуда, что очень затрудняла хлещущая кровь. Наверняка на полу уже скопилась приличная лужа. Как только Олиф поняла, что кроме крови больше ничего не вытекает, она тут же плеснула на рану виски.

— Тввввою мать!!! — сжал зубы Лекс. — Дай сюда!!!

Девушка тут же протянула ему бутылку. Мужчина сделал несколько долгих глотков.

Пока он пил, она взяла заранее приготовленную иглу с ниткой и проткнула ей человеческую кожу. Услышала порывистый вздох, почувствовала, как от напряжения трясутся руки. Что может быть хуже, чем резать человека заживо? От одной мысли, что она протыкает иглой настоящую кожу, ей становилось плохо. Головокружение усиливалось, в глазах становилось все темнее, еще немного и она точно потеряет сознание. Глубокие вздохи не помогали. Крови становилось все больше, а Олиф все никак не могла сделать и нескольких стежков. На секунду ей показалась, что эта кровь никогда не остановится, что она так и будет литься и литься, и, в конце концов, Лекс умрет просто от потери крови. Но секундное помутнение сразу же сменила одна здравая мысль: «Надо. Иначе он точно умрет». Олиф собрала остатки воли в кулак и, представив, что просто, как обычно, вышивает дома, продолжила протыкать иглой его кожу.

Лекс лишь порывисто вздыхал. Ей бы его выдержку.

Как только шов был готов, Олиф вновь плеснула на него виски. Послушала длинную матерную тираду, и приложила к ране тряпку, надеясь, что теперь кровь остановится. Та просачивалась и сквозь шов, но теперь уже не в таких количествах. На белой ткани медленно расплзлось кровавое пятно.

— О Берегини! Я сделала это! — ошеломленно произнесла девушка.

Голова сразу же отяжелела, мир вокруг поплыл перед глазами.

— Поздравляю, — проворчал Лекс и вновь запросил спасительную бутылку.

— Это было просто ужасно! Я думала, что точно упаду в обморок.

Что бы остановить эту вращающуюся картинку, пришлось закрыть глаза.

— Еще бы ты упала!

В голове сразу сформировался образ темных кровавых пятен на белой одежде. Они становились все больше и больше, расплзались вниз по телу. Ткань не могла впитать все сразу, капли крови стекали вниз.

— У тебя было столько крови... она шла и шла... я думала, ее уже не остановить...

— Только без обмороков! — возмутился Лекс, но к тому времени, как он повернулся к

ней лицом, она уже пребывала в блаженном беспамятстве. — О Берегини, ну за что мне это?!

* * *

Ринслер занимался какими-то мелкими делишками, касающимися отдельных воинов, когда к нему в комнату вошел Песчаник. Тот был и удивлен и огорошен одновременно. Он начал лепетать про какую-то девчонку, что исполняла какой-то странный приказ. Его, Ринслера, приказ. На ничего не понимающего мужчину свалилась тысяча ненужных слов, из которых он понял только то, что объект возмущения Песчаника — это Арли, которая удивительно зачастила к Лексу. Но мужчина точно помнил, что выбрал эту женщину специально, ведь она до смерти его боялась. Да и было за что.

Сперва до Ринслера все никак не могло дойти, почему Арли так странно себя ведет. Не могла же она так быстро поменять свое отношение. Он уже начал всерьез задумываться о том, что Леск ее чем-то опоил, но потом, спустя некоторое время абсолютного непонимания и путаницы в голове, разобравшись во всех совершенно новых для него приказах, до него, наконец, дошло.

— У нее была косичка вокруг головы?

— Да!

Мужчина был удивлен не меньше Песчаника.

— Мелкая такая девчонка?

— Да, она мне сразу не понравилась. Что прикажете, сэр?

Ринслер впервые за долгое время не знал, что ответить. Ему нужно было привести мысли в порядок. Пришлось пройтись вдоль комнаты. Песчаник терпеливо ждал, а Ринслер все никак не мог понять, и принять то, что произошло. Он поймал себя на том, что вообще-то должен чувствовать злость, но вместо этого чувствует только растерянность.

И Лекса и эту девку нужно было повесить сию же секунду. Он это прекрасно понимал. Эта малявка обвела всех вокруг пальца. Всех, включая его, Ринслера, хотя он искренне считал, что такое невозможно. Да, внешность бывает обманчива. Хрупкая девчонка, оказалась бойцом. Разве такое бывает?

Ему нужно было отдать приказ о немедленном задержании, но мужчина, подумав, решил поступить иначе.

— Отозвать охрану от темниц.

— Что? — решил, что ослышался Песчаник.

— Вы спугнете их, — словно сам с собой принялся рассуждать Ринслер. — Отозвать охрану, и не смейте трогать девчонку. Я сам с ними разберусь.

— Вы уверены? — на всякий случай осведомился воин.

— Они даже не представляют себе, с кем связались. Идиоты. И без моего приказа Хозяину не сообщать!

Взгляд Ринслера стал задумчивым и каким-то отстраненным. Но что-то вдруг вырвало его из своих мыслей.

— Исполнять! — приказал он и направился к серванту.

Мужчина покопался на полке, недоуменно выпрямился.

— А где мое любимое виски?

Бывает, что жизнь преподносит уроки. Жестокие, болезненные уроки. Бывает, что мы их запоминаем, а бывает — нет. Наша память настолько безгранична, что любой момент нашей жизни она крепко обнимает, и укутывает в свои теплые объятия. Бывает, что это моменты счастья, а бывает — горя. Все они хранятся там, глубоко-глубоко, в нашем сознании. Какие-то нам хочется помнить, какие-то — нет.

Если бы у меня был выбор, я бы хотела забыть о том, кого убила.

Лекс был прав: страх заставляет нас делать невиданные вещи. Жестокие, бессердечные. Я не могу ударить человека. Но могу убить. И его лицо, его угасающий взгляд, бледнеющая кожа, и жизнь, постепенно покидающая телесную оболочку — этого память никогда не сотрет. Оно будет преследовать меня всегда. Стоит закрыть глаза, и я вижу... нет, не мертвое тело. Я вижу его родных, возможно, не существующих родных. Но почему-то мне кажется, что у него была семья... жена, ребенок. И они теперь больше никогда уже не увидят этого Перводружинника. Я отняла у него право вернуться домой.

Правильно ли я поступила? Не знаю. Имеем ли мы право распоряжаться чужой жизнью? Я не знаю. Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь вернуться домой. Смогут ли меня простить его родные. И мои. Моя семья. Смогу ли я сама себя простить. Не знаю.

Но я знаю одно. Я никогда его не забуду.

Никогда.

Олиф открыла глаза. Первые несколько секунд блаженства сменились жуткими ощущениями во всем теле. Лежать на полу было холодно, очень холодно. Левый бок, давно не видевший, как мягкой перины, так и жестких каменных плит, протестующе ныл. Шея затекла, так же, как и левая рука, но Олиф вставать не спешила. Не то чтобы ей так нравилось себя мучить, у нее просто не было сил. Все они куда-то делись, испарились так быстро, она и опомниться не успела. Столько дней прошло, и она все держалась, а тут вот, хватило всего лишь одного вида крови, чтобы сломаться.

— Ты стала чаще дышать, — голос Лекса звучал отдаленно, словно в бреду.

Олиф чуть повернула голову, чтобы хоть немного размять шею.

— Это плохо?

— Может быть.

Наверное, это выглядело странно. Темница, окрашенная в темно-зеленый свет, камера, в которой, привалившись к стене, сидел истекший кровью мужчина, и рядом девушка, лежащая на одном боку, не в силах повернуться.

— Так и будешь там лежать? — нарушил молчание Лекс.

— Да...

— Неужели ты настолько боишься крови, что даже встать не можешь?

— Я не знаю, — голос у нее стал каким-то сиплым.

Повисла тишина. Краем уха Олиф слышала небольшое копошение в камере.

— Ты в порядке? — Вопрос застал ее врасплох. В порядке ли она? Вроде бы отвечала

уже.

— Я не знаю.

— Олиф, — показалось, или в его голосе промелькнуло беспокойство? — сядь хотя бы.

— Зачем?

— Замерзнешь. — Врет. По голосу слышно, что врет.

— Не хочу.

— Эй, слышишь меня? — нет, точно беспокойство. Ей было почти приятно, потому что заставить его беспокоиться еще нужно было постараться. — Садись.

— Нет, мне и так хорошо.

Вновь послышалось копошение, что-то задело решетку, раздался свербящий звук и ругательство Лекса.

— Олиф, послушай, пол холодный, тут полно всякой заразы. Будет здорово, если ты...

— Не надо со мной, как с сумасшедшей. Я не спятила.

— Давай ты сядешь, так будет удобнее разговаривать.

Лекс с такой настойчивостью просил ее сесть, что это заставило девушку насторожиться. Но садиться она не собиралась, хотя бы потому, что это требовало слишком много сил. Все, что получилось — это вытащить руку из-под тощего тела.

— Я не хочу разговаривать.

— Ладно, а что ты хочешь?

— Ничего не хочу.

— Олиф, сядь пожалуйста.

Пожалуйста? Он сказал «пожалуйста»?! Не поверив собственным ушам, она перевернулась на другой бок. Мужчина выдохнул — не шибко много, но хоть чего-то он смог добиться.

— Я не хочу садиться. Я вообще ничего не хочу. — Она посмотрела на него с сожалением. Олиф искренне сожалела, что попала сюда. Все-таки даже в пустыне у нее были силы встать.

— Слушай, я знаю, что ты чувствуешь. Давай так: ты сейчас сядешь и расскажешь, что тебя мучает, ладно?

— Ничего меня не мучает. И вообще, с чего вдруг такой тон?

— А с чего вдруг такое поведение?

— Да потому что... потому что... я устала. Я больше не могу. Все, все, кто меня тут окружают — чокнутые. Я тоже стану, как они, да? Или уже стала? — Девушка вдруг с неподдельным ужасом посмотрела на мужчину. — Я спятила?

— Нет, что ты, нет, — заверил ее Лекс.

— Тогда почему ты со мной разговариваешь, как с сумасшедшей?

— Если бы ты была сумасшедшей, я бы с тобой не разговаривал, — резонно заметил мужчина.

Немного поразмыслив, Олиф поняла, что в его словах есть смысл. Лекс не из тех, кто будет церемониться с кем-то.

— Значит, все впереди. Потому что это сильнее нас. Я уже чувствую, что со мной что-то не так... люди в здравом уме никогда не станут так рисковать. А я только и делаю, что рискую.

— У тебя тут остались дорогие тебе люди? — поднял бровь мужчина.

Девушка на секунду замолчала. Если бы кто знал, каких усилий ей стоило удержать в

себе губительное «да».

— Нет.

— Тогда тебе и терять нечего. А когда нечего терять, мы все рискуем. И я тоже рискую, постоянно.

— Сравнил, — буркнула Олиф. — Тебе рисковать легче.

— Почему? — слегка удивился Лекс.

— Потому что ты сильный.

— Ты тоже сильная. — Нет, тут определенно что-то не так! Но что именно, она не горела желанием узнать. Разговаривают друг с другом, и ладно. Если учесть, что скоро Ринслер обо всем узнает, то это даже, скорее, роскошь.

— Мне тяжело, очень тяжело, — призналась Олиф.

— Всем тяжело, — заметил Лекс.

Девушка чуть повернула голову, коснулась кончиком носа холодного пола. В пустыне, когда она лежала на горячем песке, ей было ясно, что это конец. Она, наверное, даже смирилась со смертью. Но нет, ей дали еще один шанс. Когда она попала сюда, к Песчаникам, и сидела в темнице, ей тоже казалось, что конец близок. Но она смогла продержаться еще. Теперь же конец выглядел более реальным и естественным: он будет не быстрым. Никто не даст ей умереть мгновенно. Ринслер будет зол, уж она-то это знает точно. Но самое страшное было в том, что решившись помочь Лексу, она все равно поставила его под удар. Хотя, кто знает, сколько еще ему тут оставалось. Вернее, им всем.

— Он снится мне, — выдавила Олиф.

— Кто?

— Перводружинник. Ты был прав, они приходят во сне.

— Это пройдет, — попытался успокоить ее мужчина. Впервые за долгое время, ему стало жаль, что тогда, в пустыне, он так резко вывалил на нее всю жестокую правду.

— Нет, — покачала головой девушка. — Это пройдет только если отключить все чувства, а я так не могу.

— И не отключай, просто смирись.

— Ты смог с этим смириться?

— Да, — покривил душой Лекс, и добавил: — Давай ты сядешь, ладно? Я ведь серьезно на счет заразы.

— Ну ты-то там сидишь.

— А ты лежишь, поэтому лучше сядь.

Олиф подняла взгляд на Лекса. Тот расположился прямо рядом с решетками и пристально разглядывал ее. Некоторое время она не двигалась, а затем нехотя приподнялась на руках.

— Давай-давай, — «подбодрил» ее мужчина.

Во всем теле ощущалась жгучая слабость, руки не держали. Кое-как Олиф удалось сесть, а вот пододвинуться к стенке оказалось еще сложнее. Пришлось напрягаться сильнее. Ей казалось, что она совершает какой-то невиданный по сложности поступок, хотя просто напросто прижалась к стене. Облегченно коснулась головой холодных камней.

— Молодец, — похвалил Лекс. — теперь рассказывай.

— Что рассказывать? — не поняла Олиф.

— Не знаю, что хочешь.

— Зачем?

— Когда такое наступает, нужно поговорить, — устало пояснил мужчина.

— Какое — такое?

— Не знаю, как тебе сказать, чтобы ты не взъелась.

— Скажи, как есть, — насторожилась девушка.

— Истерика.

— Я не истеричка! — тут же воскликнула Олиф.

— Я разве сказал «истеричка»? У каждого такое случается, надо просто пережить.

— А ты откуда знаешь?

— Плебейка, — усмехнулся Лекс, — ты разве не заметила, что я знаю намного больше тебя?

Олиф вздохнула. Она привыкла к тому, что он действительно знает больше. А еще она привыкла к постоянным насмешкам, издевкам и глумлениям, поэтому разговаривать с ним вот так вот, по-простому, как нормальные люди, было очень странно.

— Когда мы встретились в пустыне, — со вздохом начала Олиф, — я думала, что вот-вот умру. Хэнк пропал, и я осталась одна. А одной в пустыне не выжить. Мне казалось, что все — вот он конец. Солнце, пески и жуткий холод по ночам... но почему-то смерть все не шла. Ни когда на нас напали разбойники, ни когда я попала к Песчаникам, ни когда нарвалась на Ринслера...

— Что? — удивленно перебил Лекс. — Нарвалась на Ринслера?

— Э-э... — девушка поняла, что сболтнула лишнего, — это долгая история.

— Ничего страшного, времени полно, — голос мужчины прозвучал очень напряженно.

— Да там неинтересно совсем. — Вообще-то не стоило даже пытаться препираться — все равно ведь вытянет всю правду.

— Неважно. Рассказывай.

— Это случилось довольно давно, — обреченно вздохнула Олиф, — или недавно... не знаю, тут время идет по-другому... В общем, когда мы только сюда попали, меня отвели к «лапочкам». У них тут все другое, и правила тоже. По закону мне можно было...

— Я знаю здешние законы, — вновь перебил мужчина. — Тебе полагается выбор.

По правде говоря, Лекс считал этот закон сущей глупостью и издевательством. Ведь он присутствовал на его принятии. Хозяину настолько хотелось поразвлечься, что он выстроил всех воинов в ряд и предложил новенькой девчонке, со страшной козлиной бородкой, выбрать одного из них. Да, они с Ринслером вместе никогда ее не забудут.

— Ну и я... я... — Олиф почему-то смутилась.

— Кого ты выбрала? — напрягся мужчина.

— Я выбрала... ну, в общем... я выбрала Ринслера.

В темнице повисла гнетущая тишина. Олиф как обычно ожидала чего-то вроде: «ну ты и дура», но мужчина молчал.

— Странно, — наконец, не выдержала она.

— Что именно?

— Неужели не хочешь меня как-нибудь обозвать?

— Уже.

— Что — уже?

— Обозвал. Но это не для твоих маленьких ушек. Можешь продолжать.

Девушка, все еще прижимаясь к стене, повернула голову, чтобы посмотреть на Лекса. Тот сидел как обычно: опирался спиной о стену, одна нога согнута, другая выпрямлена,

голова чуть опущена.

— Тебе это не понравится, — с горечью сказала Олиф.

— Как будто до этого мне все нравилось, — усмехнулся он в ответ.

— Я не хотела становиться «лапочкой». Ну, вообще-то, — решила она признаться во всем, — мне просто не хотелось жить. Я думала, если разозлить эту местную звезду, он за наглость сразу же прирежет меня.

— Он не делает таких одолжений, дура, — выругался Лекс. — Пришла бы сюда, я бы тебя сам за эту тупую идею прирезал! Как ты собиралась его разозлить? — допытывался мужчина.

— Это важно?

— Да.

— Я кинулась на него с ножом. — Прошло уже столько времени, а те события всё равно так ярко предстали перед глазами, словно это произошло только вчера.

— Ты — что?! — удивленно вскинул голову Лекс.

Олиф не ответила, она и так знала, что он все прекрасно понял. Ему понадобилось время, чтобы переварить информацию. На его лице отразилась растерянность и злость, прежде чем он сумел их скрыть.

Вопреки мыслям девушки, злился он не на Ринслера, а на самого себя. Хотя и на Ринслера тоже. При случае обязательно врежет ему, просто ради собственного морального удовольствия. Лекс ведь догадывался, что Песчаники сломают девчонку, но чтобы так... он даже предположить не мог, что она сама полезет буквально на самое острие. Не надо было оставлять ее одну.

— И как? Вышло? — каким-то неестественно спокойным тоном спросил мужчина.

— Да, пожалуй. Они оставили меня. Я стала помогать на кухне, мыть змей и... — она запнулась, не решаясь говорить, что прислуживает Ринслеру, — и всё. А потом это как-то забылось.

— Забылось? Такое не забывается! Не для Ринслера. — И тут Лекса осенило. — Так значит ты не... — он многозначительно замолчал.

— Не...? — нахмурилась девушка, и только спустя несколько мгновений до нее дошло, что имел в виду этот истинный мужик, у которого мысли сразу же приняли самый похабный оборот. Она ему тут душу изливает, а он о чем?! — Эм, да. Я — «не».

— Неужели ты там всеобщая любимица? — иронично спросил мужчина.

Теперь некоторые слова Ринслера приняли для него иной смысл.

— Нет, — покачала головой Олиф. — Далеко нет. Например, меня ненавидит Макс. И Рэй, кстати, тоже.

Лекс напряг память. Макса он помнил довольно хорошо, а вот имя девушки было ему лишь смутно знакомо. Среди «лапочек» он ее точно не видел. Зато парня втихомолку терпеть не мог, особенно за его страстную любовь к животным и уменьшительно-ласкательным суффиксам.

— Да, Макс и нас с Ринслером ненавидел, — усмехнулся мужчина и только тут понял, что только что ляпнул. Злобно сжал челюсть, понимая, что сейчас снова придется врать. Но врать не пришлось. Прошло несколько секунд, а со стороны девушки не последовало никакой реакции.

— Вижу, ты не удивлена, — заключил Лекс. Глупо было думать, что она не знает. Земля слухами полнится.

— На счет чего? — не поняла Олиф.

— На счет нас с Ринслером, — прозвучало это так странно, как будто они не бывшие друзья, а бывшие любовники.

— Только глухой не знает. Или слепой.

Видимо она настолько привыкла к тому, что они бывшие друзья, что даже не обратила особого внимания на его фразу.

— Ну давай, спрашивай, — вдруг раздраженно сказал мужчина.

— Что?

— То, что ты хочешь спросить.

Олиф даже интересоваться не стала, как он догадался. Но он был прав: вопрос она действительно хотела задать, и не один.

— Почему? — В глубине души она понимала, что не стоит этого делать. Но другого шанса, возможно, уже не будет, поэтому девушка решила рискнуть. В голосе почему-то прозвучали нотки отчаяния.

— Что почему? — ради приличия спросил мужчина, хотя прекрасно ее понял.

— Почему ты не вернулся?

Лекс упрямо вздернул подбородок.

— Все мы совершаем ошибки.

Олиф поджала губы. Прохладная стена неожиданно помогла справиться с кашей в голове.

— Неужели... неужели одной ошибки не достаточно?

— Одной ошибки? — не понял мужчина.

— Да, ошибки. Твоей ошибки.

— О чем ты?

— О причине, по которой тебя судили Кровавым законом.

Лекс вздрогнул, как будто только что получил хлесткую пощечину. В этот момент Олиф поняла, что задела не просто за живое, а за самое потаенное и самое болезненное.

— Почему ты здесь, Лекс? — тихо спросила Олиф.

Она прекрасно видела, как он сжимает кулаки, как сильно он стиснул челюсть, как обреченно прикрыл глаза. Видимо надеялся, что она не заметит.

— Давай оставим это.

— Ты же хотел поговорить, так давай поговорим.

— Мы не будем об этом говорить.

— Скоро сюда прибежит Ринслер, и одним Берегиням известно, что он сделает. Можно считать это исповедью.

— Плебейка, — раздраженно попытался возвать к ее разуму Лекс, — ну почему ты всегда пытаешься залезть туда, где тебе не место?!

— Может, это мое призвание? — слабо улыбнулась Олиф. — Мы же все попали сюда за что-то, но кто-то ведь действительно не виноват...

— Ага, — саркастически поддакнул мужчина, — в этой пустыне все не виноваты.

— И ты?

— Нет. — Лекс провел грязными ладонками по лицу. — Я виноват.

— В чем?

— В том же, в чем и ты. В убийстве.

Олиф вздохнула. Если он решил что-то не рассказывать, его даже пытаться бесполезно —

ни слова не скажет. Девушка замолчала. Просто не знала, что еще тут можно сказать. Помутнение рассудка прошло, и она снова возвращалась в темную, безжизненную реальность. Тяжело и медленно, но разговоры действительно помогли.

Лекс тоже молчал. Так они и просидели некоторое время. Мужчина внутренне пытался побороть злость за то, что плебейка затронула эту тему. Единственный человек, с кем он это обсуждал, был Ринслер. Они говорили об этом год назад, и с тех пор утекло слишком много воды. Лекс поклялся себе, что больше никогда и ни с кем не станет поднимать эту тему. Но жизнь просто обожала преподносить ему сюрпризы.

В какой-то момент он понял, что держать все это в себе — невыносимо. Как будто тугая веревка сжимает горло, а табуретку под ногами давным-давно выбили, и ты вынужден болтаться на крючке, словно кукла, и терпеть все это, пока тебя не разорвет на части.

— Это произошло два года назад, — начал Лекс и слабо усмехнулся, заметив, как Олиф вздрогнула от неожиданности. — Я родился в семье Перводружинника, а это там, за Песчаной Завесой, дает кучу привилегий. Да ты и сама знаешь. Мне было восемнадцать и я готовился принести Клятву, готовился пополнить ряды полноценных воинов, готовился к своему первому походу. Что б ты знала и не имела никаких иллюзий, все Перводружинники — избалованные сволочи. У них только одно жизненное кредо — разврат и похоть. Они не гнушаются ничем, даже самым отвратительным.

— Зачем ты мне это говоришь? — против воли скривилась Олиф.

— Запомни это. У Перводружинников нет таких понятий, как «честь» или «совесть», есть только: «хочу, а значит, получу». Мне казалось, что я не похож на них, ведь у меня было то, чего не было у остальных — у меня был друг. Он, вернее она, не давала мне свалиться в яму. Я так думал. Но, в сущности, все мы одинаковые. Я начал срываться на всех подряд. Просто потому, что мне нравилось смотреть, как они начинали лебезить. Пытались угодить. В конце концов, это вошло в привычку...

Он на секунду прервался, а затем с горечью спросил:

— Ты действительно хочешь знать, почему я здесь?

Олиф медленно кивнула.

— Однажды злость стала невыносимой, неконтролируемой. И я сорвался на собственном брате.

— Брате? — ошеломленно переспросила девушка.

— Дик. Его звали Дик.

Лекс дал ей время осознать все, что она только что услышала.

Брат. Родной брат. Не сальный Перводружинник, который пытался изнасиловать твою сестру, а брат — человек, который должен быть тебе дороже всех на свете. Твоя кровь и плоть. Тот, за кого ты несешь ответственность на всю свою жизнь. Олиф молчала долго, очень долго. Мужчине на секунду показалось, что она сейчас встанет и убежит, но девушка заговорила дрожащим голосом:

— Лекс... неужели после этого ты смог так поступить с Ринслером?

— Как — так? Думаешь, я не пытался вернуться? Еще как. Но к Песчаникам так просто не попадешь, они выходят только ночью и собирают Изгнанников, не важно каких — живых или мертвых. А после побега они вообще перестали появляться наверху. Я искал и живых и мертвых по всей пустыне, два месяца искал, но за все это время не появилось ни единого Песчаника. А потом я попал на оазис. Ты уже сама знаешь, что там бывает. Так я потерял еще месяц.

— Как это — потерял? — не поняла девушка.

— Очень просто. На оазисе сидят одни сумасшедшие. И у каждого свой психоз в голове.

Они придумывают самые изощренные пытки.

— Пытки?

— Да, пытки. О Берегини, не смотри на меня так.

— Как... как же ты это пережил? — выдохнула Олиф.

— Это не так сложно, как ты думаешь.

— То есть, ты все-таки искал Ринслера?

— Да, некоторое время. Но о Песчаниках слишком долго не было ни слуху, ни духу. И я решил, что он уже мертв.

В темнице вновь повисла глубокая тишина. Девушка принялась теребить какую-то оборку платья, прикусив губу, а затем неловко придвинулась поближе к мужчине. Лекс удивленно на нее посмотрел. Она прислонилась лбом к решеткам и прошептала:

— Брат и друг — это слишком тяжело. Я бы жить не захотела после этого.

— Никто бы не захотел, — усмехнулся в ответ он.

— Тогда что тебя держало тут?

— Всему приходит конец, даже терпению. Особенно терпению. Помнишь нашу встречу? Если бы ты знала, сколько зыбучих песков я повидал. Но в тот день пришел мой конец.

— Нет, не пришел. Ты же тут, — покачала головой Олиф и отстранилась. — Ты так и не сказал, почему хватался за жизнь.

— Я не хватался. Это называется терпение. Терпел эту жизнь. Чтобы ты чувствовала, если бы убила своего брата?

— Я... я не знаю. Злость, наверное. Ненависть к себе, — растерялась девушка. Все ее существо протестующее кричало: «Я бы не убила своего брата!». Олиф никогда бы не позволила, чтобы с Тимкой что-нибудь случилось.

— По-твоему, Кровавый закон — это справедливое наказание за убийство брата?

Девушка вздрогнула и посмотрела на мужчину. Лицо у него было спокойное, как никогда. Он тоже пристально разглядывал ее. За два года можно было смириться с тем, что твоего брата уже нет, но вот с тем, что сделал, он не смирится никогда.

Олиф вдруг поняла, что его держало тут. Это была вовсе не злость, и даже не ненависть. Это была жажда справедливости. Он считал, что Кровавый закон — это слишком жалкое наказание за такой поступок. И, терпев эту жизнь, он сам наказывал себя, изо дня в день, потому что не мог простить себе убийство родного брата. Олиф вспомнила, как дед из темницы говорил, что с Ринслером их объединило общее наказание. Может, это и помогало Лексу держаться. Но потом он потерял и друга. Да, наверное, он прав — в день, когда они встретились, наступил его конец.

Если бы в тот момент, именно в тот момент, не появилась бы она — Олиф — Лекс был бы мертв.

— У тебя вся повязка в крови, — почему-то ляпнула девушка.

Мужчина перевел взгляд на плечо, потрогал ткань, но все-таки менять тему не собирався. Если уж начали говорить, то говорить нужно до конца.

— Что ты здесь делаешь, Олиф?

— Я же говорила, — нахмурилась она.

— Нет, — покачал головой Лекс, — именно здесь. Сейчас. Зачем ты обманываешь

Ринслера, и вообще всех?

— Ты знаешь? — удивилась Олиф.

— Только глухой не знает. Или слепой, — передразнил он ее. — Зачем?

— Наверное, я люблю неприятности, — пожала плечами девушка.

— Это самая тупая причина, которую я когда-либо слышал.

— Ну-у... — точную причину не знала даже она сама, поэтому пришлось сказать самое разумное, что пришло на ум: — Ты спас мне жизнь в пустыне, и я решила, что будет нечестно оставлять тебя здесь умирать.

Кажется, в эту версию Лекс поверил. Но Олиф чувствовала, что все же не только поэтому она сидит сейчас здесь.

— Повязку нужно поменять, — понуро сказала девушка, все же переводя тему. Мало ли что ему еще в голову придет спросить. К тому же повязка уже действительно сильно пропиталась кровью.

— Оставь ее в покое.

— И тогда получится, что я рисковала напрасно? Нет уж, я быстро.

— Пойдешь туда?

— Да. Если не вернусь, значит... не вернусь.

Олиф поднялась на ноги, отряхнула платье и хотела собрать все, что принесла сюда, чтобы зашить рану, но потом решила, что лишь понапрасну потратит время. Кто знает, может она действительно успеет вернуться?

Она уже подошла к лестнице, как вдруг поняла, что забыла кое о чем спросить.

— Что еще? — закатил глаза Лекс, как только увидел, что девчонка вновь подошла к камере.

— Как ты узнал, что нужно делать, когда мне стало плохо?

— Плебейка, я же уже говорил. Я знаю намного больше, чем ты.

— Но ведь...

— Тебе легче? — перебил он.

— Да, вроде...

— Вот и радуйся.

— Спасибо, — скупой поблагодарила девушка, развернулась и вышла. Вот и разговаривай с ним после такого. Интересно, он хоть кому-нибудь хоть одно доброе слово говорил?!

На входе ее ждал сюрприз. Вернее, сюрприз был в том, что ее как раз таки никто не ждал, даже стражники. Побежали докладывать? Как-то позновато. Девушка настороженно обвела взглядом тоннель, но ничего подозрительного не увидела. Пожала плечами и быстрым шагом направилась на кухню: за тканью и свежей водой. Олиф искренне надеялась, что не встретит Ринслера. И что вообще успеет вернуться к тому моменту, как он явится сюда.

Как только её шаги стихли, из-за угла, рядом с входом в темницу, выпорхнул темный силуэт. Он быстренько добежал до большой деревянной двери, аккуратно отворил ее и плавно прошмыгнул внутрь. В проеме мелькнули лишь длинные рыжие кудри.

* * *

Дверь в нижние камеры тихо хлопнула.

Лекс удивленно поднял брови. Неужели плебейка так быстро со всем управилась? Но мужчина знал, что такое просто физически никому не под силу, поэтому настороженно перевел взгляд на вход. Этот щелчок мог означать только одно — его бывший друг уж обо всем знает.

Шаги были очень тихими и медленными, словно новоиспеченный гость был тут в первый раз и не знал, чего ждать от этого места.

«Нет, это не Ринслер», — заключил Лекс.

Минуты ожидания тянулись мучительно долго. Наконец, в проеме возникла темная фигура, и, судя по очертаниям, явно женская. Лекс предпочел молча наблюдать, чтобы получше рассмотреть незнакомку. То, что это не Олиф — было очевидно. По формам плебейка явно уступала новоявленной гостье.

Силуэт медленно прошел внутрь, отчаянно пытаясь рассмотреть в полутьме хоть что-нибудь. Она долго привыкает к темноте — значит, все время находится там, где очень много света. Из всего подземелья Лекс знал всего два таких места.

— Чего тебе? — резко и довольно грубо спросил мужчина.

Девушка испуганно вздрогнула. Кажется, ее глаза начали привыкать к темноте. Она прищурилась и подошла поближе.

— Кто ты? — Ее голос показался ему смутно знакомым.

— Тебе что за дело? — огрызнулся Лекс.

— Мне-то? О-о, поверь, мне как раз большое дело. Значит, ты тут один? — осведомилась незнакомка.

— Проваливай.

— Не трать силы, я тебя не боюсь.

Светожепы помогли ей справиться с окутавшей ее тьмой, и в бледно-зеленом свете она, наконец, смогла различить очертания мужской фигуры в камере. Подошла еще ближе.

— Неужели все это ради... — она вгляделась повнимательней и удивленно запнулась, не договорив. На секунду в камере повисла тишина, а затем незнакомка воскликнула так громко, что у мужчины заложило уши: — Лекс?!

Он недоуменно поднял брови.

На зрение ему жаловаться не приходилось, но девушку с длинными рыжими волосами он точно не знал. Хотя она явно была убеждена в обратном.

— О Берегини, как я могла забыть?! Ты ведь из-за Дика тут! — Она оглушительно расхохоталась.

Лекс резко поднялся, и хотя это стоило ему огромных усилий и новой порции жуткой боли, он схватил чертовку за плечи и резко прижал к решетке.

— Откуда ты про это знаешь?!

Девка перестала смеяться, и, стоя лицом к нему, нагло ухмыльнулась.

— Лекс, дорогой, неужели ты не помнишь меня?

Мужчина на секунду замешкался, а затем с силой встряхнул ее.

— Кто ты, черт возьми?!

Рыжая, уже давно привыкшая к такому обращению, обиженно надула губки.

— Я знала, что вы не запоминаете имен, но что б настолько...

Лекс медленно отпустил ее, не переставая вглядываться ей в лицо. Наконец, память услужливо представила ему обрывок воспоминания, когда Шина нагрянула к нему домой, и застала его не в самом лучшем виде.

— Рэй, — вспомнил он.

— Ну слава Берегиням. Я уж думала и впрямь не узнаёшь! Да-а, выглядишь не очень, — она придирчиво оглядела его фигуру, — а повязочка-то новая.

— Тут неплохие лекари, — и глазом не повел мужчина. — И лекариши, кстати, тоже.

Рэй вновь рассмеялась чисто женским обаятельным смехом, который давно уже заучила наизусть.

— А ты так и не изменился.

— Зато о тебе так не скажешь. Зачем ты здесь, Рэй?

— Скажи мне, — ее тон резко стал серьезным, черты лица ожесточились. Она провела кончиком указательного пальца по чередке железных прутьев. — Зачем такому, как ты, такая, как она?

— Как кто? — спокойно спросил Лекс, хотя прекрасно понял, о ком речь. Да, эта рыжая мегера всегда была той еще крысой.

— Как наш Пушок. Но тебе она, скорее всего, известна под другой кличкой.

— Пушок? Нет, не слышал о такой.

— Ее зовут Олиф, дорогой.

— Малышка, я не запоминаю имена всех, кто встречается мне на пути.

Рэй резко одернула руку, подняла на него злой взгляд. В одну секунду она метнулась к камере, обхватив прутья руками, и прошипела:

— Не смей играть со мной, Лекс! Я сдам вас, сдам вас обоих, если не скажешь мне то, что я хочу знать!!!

Мужчина чуть наклонил голову в бок, сделал несколько шагов вперед, оказавшись прямо напротив нее. Двумя пальцами приподнял ее миниатюрный подбородок.

— Ты опоздала, красотка. И я тебе искреннее советую, — он наклонился к ней поближе и прошептал: — беги. Беги как можно скорее. Сейчас тут начнется такое, о чем тебе, дорогая моя, лучше не знать.

Рэй неловко сделала несколько шагов назад. Ее взгляд стал отстраненным.

— Я уйду. И не вернусь сюда, никогда. Но только ответь мне, Лекс, зачем?

— Что зачем?

— Зачем он тебе? Зачем она вам обоим?!

— Нам обоим? — резко посерьезнел мужчина. — Дорогая, я тут один.

— А я и не про тебя, — прошипела «лапочка». Ее пальцы сжимали решетки все сильнее. — Ринслер, так же, как и ты, сюсюкается с этой дурой! Зачем она вам?! В ней нет ни капли того, что есть во мне, ясно? Ясно?!

Мужчина удивленно посмотрел на нее. Ему не требовалась заглядывать ей в глаза, и так все было ясно.

— Убирайся, Рэй. Тебе здесь делать больше нечего.

Рыжая медленно убрала руки с решеток.

— Я это так не оставлю, — покачала она головой. — Только не ей. Я не отдам ей всё, что у меня есть!

— Проваливай, — отрезал Лекс.

«Лапочка» гаденько ухмыльнулась, развернулась и нетвердой походкой вышла, приговаривая себе поднос: «Я ей не отдам».

Олиф вернулась в камеру с неожиданно подскочившим настроением. Ни Ринслера, ни охранников она не встретила. Первое девушка списала на чистое везение, второе — на случайность. Конечно, пора бы уже усвоить, что тут случайностей не бывает.

Лекс не менял своей позы: все так же сидел полу возле решеток.

На секунду девушка вдруг представила, что ничего этого нет. Ни темных, безжизненных стен, которые были похожи скорее на большое, гниющее существо; ни Песчаников, которых радовала только смерть — злая, жестокая и такая... бессмысленная; ни чокнутых «лапочек», путивших свое тело в чужое пользование, лишь бы выжить; ни Фриды, которая потеряла здесь все: жизнь, свободу, любовь. Олиф представила, что нет даже этих железных прутьев, которые разделяли их с Лексом, словно девушка и мужчина теперь находились в разных мирах. Ничего этого для нее не стало. Остались лишь только два человека. Он и она. Наверное, это было бы прекрасно, но жестокая реальность с треском разбила все ее мечты.

— Ты чего там застыла? — вырвал ее из своих мыслей мужской голос.

— Ничего.

Олиф подошла к камере, присела рядом и принялась менять повязку. Прежняя уже почти насквозь пропиталась кровью. Девушке не хотелось думать о том, что кровь должна была остановиться, что она захватила с собой лишь одну запасную повязку, потому что больше их вообще не было... что это его последний шанс выжить, и если кровь не остановится, он умрет.

— Я смотрю, ты уже приноровилась, — усмехнулся мужчина.

Девушка улыбнулась, чуть прикрыв глаза.

— У меня теперь большой опыт.

— Ты уверена, что за тобой никто не следил? — на всякий случай спросил Лекс.

— Нет, не уверена, — покачала головой девушка и посмотрела на его спину. — Как думаешь, скоро они придут?

— Не знаю, — честно ответил мужчина. — Наверное, несколько часов у нас есть.

— Это ужасное слово — часы.

— Да, — согласился он. — В бутылке еще осталось виски?

— Наверное. — Олиф пошарила руками по полу, наткнулась на холодное стекло и, встряхнув бутылку, убедилась, что виски там еще полно.

— Хочешь? — предложил Лекс.

— Нет, спасибо, — закрутила головой девушка. Она к этой гадости больше не притронется.

— Да ладно, ты резала человека живьем, после такого оно тебе просто необходимо.

— Я лучше воды попью, — нахмурилась Олиф.

Лекс усмехнулся.

— Мой отец всегда говорил, что виски — отравы для нашего организма, но все равно нет лекарства лучше.

— Нет, все равно нет. — Для пущей убедительности девушка скрестила руки на груди.

— А знаешь, как помогает от душевной боли? И все неприятности разом проходят. — Лекс щелкнул двумя пальцами, словно был волшебником.

— Правда?

— Конечно, я не стал бы тебе врать.

— Нет, — упрямо закрутила головой Олиф. — Я все равно к этой гадости не притронусь, будь она хоть даром самих Берегинь!

* * *

Первым, что услышал Ринслер, открыв дверь в нижние камеры, был смех. Дикий задорный смех. Звучание высоких нот и веселых голосов настолько поразили его, что он на секунду застыл на месте. Такого он не слышал давно, очень давно. Даже не видя обладателей таких мощных голосовых связок, мужчина понял, эти люди или безмерно счастливы, или в глубоком отчаянии, потому что так громко могут смеяться только чокнутые.

Когда мужчина спустился к самым камерам, то не смог поверить собственным глазам. Привалившись друг к другу, смеялись, нет, просто ржали те два идиота, ради которых он, собственно, и пришел сюда.

Оглядев камеру, Ринслер нашел причину столь веселого настроения. Она — та самая бутылка виски (его любимая, между прочим) — пустая валялась на полу рядом с девчонкой.

Эти двое были настолько увлечены своими пьяными мыслями, что даже не заметили, как к их компании присоединился еще один участник. Мужчина постоял немного, послушал удивленные речи девушки, которая в таком опьяненном состоянии находилась явно впервые, и решил, что пора бы и честь этим идиотам знать.

Нарочито громко кашлянул.

Олиф вздрогнула первая. Резко повернула голову, и попыталась сфокусировать взгляд на темной, почему-то расплывчатой фигуре.

— Кажется, тут кто-то есть, — удивленно сказала она.

— Это, наверное, Ринслер, — кивнул Лекс.

— Я проверю! — храбро вызвалась Олиф. Аккуратно начала подниматься, но из-за того, что земля странным образом завертелась перед глазами, девушка пару раз снова возвращалась на пятую точку. Наконец, огромным усилием воли, она все-таки встала, и, пошатываясь, отправилась проверять территорию.

Все это время Ринслер стоял с непроницаемым лицом. Даже когда девушка нащупала его в темноте, и начала водить руками по его телу, проверяя, не стена ли это, он с холодным равнодушием не подавал никаких звуков.

— Да, кажется, это он, — наконец, заключила Олиф и с гордым лицом повернулась к Лексу.

— Жаль, — расстроено ответил ей тот, — я надеялся еще немного посидеть.

— В чем проблема, — холодно отозвался Ринслер. — Я могу уйти.

— Правда? — обрадовалась Олиф.

— Нет.

Он схватил ее под локоть и с силой потащил к камере.

— Вы что тут устроили, кретины?! — В его голосе сквозила такая ярость, что девушка не на шутку обиделась.

— Мы выпили немного, — пожал плечами Лекс.

— Немного?! Вы выдули все мое любимое виски!!!

— Ну, это она его притащила, — перекинул он груз ответственности на хрупкие

женские плечи.

— Ты стащила его из моего кабинета?! — Ринслер резко повернулся к Олиф. Девушка стояла неподвижно, скрестив руки на груди и немного повернув голову в сторону. — ЭУ! Я к кому обращаюсь?!

Видя, что она никак не реагирует, даже Лекс повернулся и снизу вверх оглядел ее.

— Кажется, она на тебя обиделась, — заключил он.

— Чего?! — слегка опешил Ринслер.

— Сам посмотри, как она надулась.

После слов мужчины щеки Олиф увеличились в объеме еще больше. А затем она, словно по секрету, сообщила Лексу:

— Я с ним больше не разговариваю!

— Почему? — удивился тот.

— А чего он кричит на нас?

Ринслер совершенно искренне схватился за голову.

— О Берегени... это уже... это просто невероятно.

— Вот видишь! — оскорблено взмахнула руками девушка. — Опять он обзывается!

— Я ни слова плохого не сказал! — еще больше возмутился Ринслер.

— Нет сказал! В самом начале!

— Женщины, — развел руками Лекс, продолжая наслаждаться жизнью на полу, — вечно делают из мухи слона.

— И ничего подобного я не делаю! — оскорбилась Олиф и хотела ударить подлого обманщика, но неожиданно почувствовала, как темная земля вдруг стала стремительно приближаться. Если бы чьи-то сильные руки не схватили девушку, земле бы наверняка не поздоровилось.

Ринслер сказал что-то нецензурное в адрес пьяной девчонки, и вернул ее в прежнее вертикальное положение.

— Вау, — восхитилась Олиф, — ты такой сильный!

— Ага, я тоже восхищен.

— Ну и ладно! — надулась она в ответ. — Ты мне все равно уже больше не нравишься! — И она совершенно серьезно показала ему язык и отвернулась.

— Это была твоя идея? — обратился Ринслер к Лексу, злобно ткнув пальцем в обиженную женскую спину.

— Нет. — Мужчина с таким видом покачал головой, что сразу стало ясно — да.

— О Берегини... и что с вами теперь делать?!

— Можешь, ну не знаю, принести еще бутылочку, — предложил Лекс.

— Вы должны были дрожать от страха за свою жизнь, а не напиваться! — праведно негодовал Ринслер. Он надеялся застать тут двух людей, убитых горем, а не возмущенных тем, что виски в бутылке кончилось.

— Мы трепещем, — подала голос обиженная спина.

— Ага, я вижу.

Ринслер устало потер виски. С этими двумя нужно было что-то делать, иначе в таком состоянии они такого тут натворят, что сюда не то, что Песчаники, а вообще все обитатели этого ада сбегутся.

Мужчина только хотел подойти к девушке и заставить ее сесть, как послышался щелчок входной двери. Вздрогнул не только Лекс, но и сам Ринслер, потому что он уж точно никого

не ждал. Оба мужчины повернулись к входу. В проеме заиграли блики от приближающихся огней. Шаги были настолько отчетливыми, что сразу можно было определить: к ним заявились не двое, и даже не трое гостей. Их было больше, намного больше. И этим людям было совершенно все равно, услышит их кто, или нет.

Секунды ожидания тянулись мучительно долго.

— Твои? — усмехнулся Лекс.

— Нет, — успел ответить его бывший друг.

В этот момент помещение осветил яркий свет нескольких факелов. Все трое закрыли слезящиеся глаза, не готовые к такой резкой смене освещения. Ринслеру первому удалось нормализовать зрение, он посмотрел на вход и застыл в немом оцепенении.

К ним пожаловал Хозяин.

— Рад видеть вас всех в добром здравии! — расплылся в улыбке предводитель Песчаников.

Ринслер и Лекс молча разглядывали незваных гостей, и единодушно ничего не понимали. Олиф только сейчас сообразила повернуться, и удивленных взглядов стало на один больше.

— А что это они...? — озвучила всеобщую мысль девушка.

— Молчи, — шикнул на нее Лекс.

Хозяин был явно доволен произведенным эффектом. Он сощурился и обвел ленивым взглядом Лекса, особое внимание уделив новенькой повязке.

— Я рад, Лекстер, что ты выжил, — с горящими глазами сказал он, стуча пальцами друг о дружку, — тут давненько не было так весело.

— Всегда готов бесплатно подработать клоуном, — саркастически ответил мужчина.

Ринслер злобно сжал челюсти. Если бы не такая публика, он бы врезал своему бывшему другу за слишком длинный язык. Но Хозяин лишь восхищенно зацокал:

— С огнем играешь, дружок.

— В штанах у тебя дружок.

На этот раз Ринслер злобно прошипел:

— Твою мать, Лекс, закрой рот! — Он знал, что это ничем хорошим не кончится. Они оба знали.

Хозяин надменно прищурился. Медленно подошел к камере.

— А что это наш Лекстер все сидит? — обратился он к оставшимся позади него зрителям. — Вытащите-ка его.

Олиф со страхом и ужасом, смешавшимися внутри нее в густую кашу, наблюдала, как двое Песчаников выволакивают еле стоящего на ногах парня. Его пришлось поддерживать, так как ноги отказывались терпеть на себе такую ношу. Удивительным образом в опьяненное сознание девушки закрылась одна здравая мысль: «Только повязку не заденьте. Не заденьте повязку. Не заденьте, пожалуйста, не заденьте». Лекс держался молодцом: сжал зубы и не подавал ни звука. Даже когда кулак Хозяина врезался ему в живот. Раз, два. Три. Олиф зажмурила глаза. Невыносимо было на это смотреть.

Главарь наблюдал за сплевывающим кровь мужчиной с непередаваемым злорадством. Ему хотелось заставить выть от боли этого мерзавца. Песчаник обошел его стороной, зачем-то заглянул в камеру и тут заметил девчонку. Ту самую, что попала сюда вместе с бедненьким Лекстером.

Больше не слыша звука ударов, Олиф потихоньку начала открывать глаза. Лекс, полусогнувшись, стоял рядом с камерой. Она почувствовала, как сердце внутри сжимается то ли от боли, то ли от отчаяния. Девушка разобрать не успела — прямо перед ней возникло мерзкое лицо Хозяина. Или даже не лицо — морда.

Все чувства затмило лишь одно — страх.

— Дорогой Лекс, — начал Хозяин, — знаешь, почему я не выделяю для себя никого из вас, или них? — Он кивнул на столпившихся возле входа Песчаников. Медленно подошел к еле живому мужчине. — Потому что это слабость. Я как-то встретил тут одного воина, хорошего такого, я бы сказал качественного. Он был сильным, сильнее, чем любой из вас.

Храбрым. Жестоким. Ну и так далее. Но вот незадача... была у него, знаешь, слабость. Хорошенькая такая слабость. И вот как-то раз, когда я прокручивал нож в его груди, он признался мне, что с этой слабостью у него... как бы это сказать... связь. Да-да, связь. Когда я выдернул его сердце наружу, она была так, словно я заживо приложил к ней раскаленный металл. Я не слышал такого звука давно... вернее, никогда. До того момента. И знаешь, я тут подумал, может проверить это, а?

Олиф не успела даже моргнуть, как из легких выбило весь воздух, голова мотнулась в сторону, и врезалась в стену. Щеку пронзило такой острой болью, что девушка невольно издала полу стон, полу вой.

Лекс резко дернулся в ее сторону, успел заметить победную ухмылку Хозяина, и тут вдруг почувствовал, как кто-то скрутил ему руки сзади.

— Не смей даже думать об этом, — прошипел ему на ухо Ринслер. — Это игра, идиот. Он проверяет тебя. Успокойся. Успокойся, дьявол тебя побери! Ничего с ней не случится. Живая, живая она, видишь?!

Лекс и так это прекрасно знал. А еще он знал, что двое Песчаников, которые держат его по бокам, и бывший друг просто не дадут ему даже пискнуть. Но расслабиться он просто физически не мог.

— Вообще-то у меня принципы, — с сожалением вздохнул Хозяин, — я девушек не бью, но тут я был просто вынужден! — патетически воскликнул он. — Надеюсь, мои извинения приняты.

Олиф с трудом поднялась на ноги. С ненавистью взглянула на песочного главаря, но не произнесла ни звука. Удар удивительным образом привел ее в чувство, мысли наконец-то перестали напоминать протухший фарш.

— Мне нравится твоя повязка, Лекстер, — восхищенно воскликнул Хозяин, словно только сейчас ее заметил. — Твоя работа, а? — обратился он к Олиф, потрогав белые бинты. — Если бы нам нужен был лекарь, я бы тебя взял, — подмигнул он девушке.

— Держись, — тихо сказал Лексу Ринслер и отпустил его.

— Ну, ладненько, — хлопнул в ладоши предводитель Песчаников, — думаю, пора заканчивать этот спектакль. Этих двоих ко мне в кабинет. И, пожалуйста, не навредите им по дороге, хорошо? Особенно вот ей. Я хочу, чтобы перед игрой, они были свеженькими.

— Игрой? — непроизвольно вырвалось у Олиф.

— Игрой, — кровожадно подтвердил Хозяин.

Их обоих схватили под локти и вывели из душных, пропитанных жутким зловонием, нижних камер. Ноги у девушки словно налились свинцом, каждый шаг давался ей с таким трудом, будто она шагала по болоту, увязая в трясине. Хорошо, что её было кому держать.

Почему-то ей вспомнился день Народного собрания. Тогда ее так же, как и сейчас, вели под локти стражники, а ей казалось, что во всех людях, что встречались на том пути, сидели маленькие чертики, жаждущие зрелища. Девушка с иронией подумала, что история с каким-то злорадным извращением повторяется. В тот момент Олиф поняла, что привычной жизни конец — ведь её судили Кровавым законом. Сейчас она где-то в глубине души так же понимала — возможно, не совсем ясно и отчетливо, но осознавала, — все кончено. Только вот теперь по-настоящему. Потому что если Кровавый закон еще давал шанс выжить, то предводитель Песчаников... нет.

Девушка подняла взгляд на темные гниющие стены. Те тут же раздвоились и поплыли перед глазами. Возможно, причиной тому было не до конца протрезвевшее сознание, а

возможно — страх, который огромным комом встал поперек горла, мешая дышать.

Олиф вели первой, сразу после Хозяина. С какой-то слабой надеждой она обернулась, чтобы увидеть Лекса и убедиться, что он знает, что делать... как с этим справиться. Но в этот же момент та самая надежда с треском развалилась на кусочки, когда в глазах еле переставляющего ноги мужчины девушка заметила ту же обреченность, что пропитала ее насквозь.

— Улыбнись что ли, — сказал своему бывшему другу Ринслер, который шел рядом.

— Зачем? — не понял тот.

— Пусть думает, что не все еще потерянно.

Лекс проследил за взглядом бывшего товарища. Он посмотрел на Олиф, и улыбнулся одними уголками губ, а затем задорно подмигнул, словно хотел сказать ей: «Все будет хорошо».

Но девушка лишь поджала губы и отвернулась. Она знала, что ничего уже не будет хорошо. Никогда.

— Неплохо сработано, — невесело усмехнулся Лекс спустя несколько мгновений, обращаясь к Ринслеру.

— Ты о чем?

— Долго же ты выжидал. Я уж было поверил, что ты не выдашь нас.

— Думаешь, это я?

— Нет, что ты, я сам решил с Хозяином поделиться.

— Я этого не делал, — холодно отозвался Ринслер.

— И я должен тебе поверить?

— Не верь. Но это не я. Это вообще не входило в мои планы, — и тут он не врал. — Я понятия не имею, кто это сделал.

Лекс напряженно уставился в пол. Мысли, одна за одной, вихрем пронеслись у него в голове. Жалкие обрывки воспоминаний, одно из которых заставило мужчину вздрогнуть.

«Лапочка» обещала отомстить, и, кажется, она блестяще справилась с этой задачей.

— Судя по твоему лицу, ты до чего-то додумался, — сказал Ринслер.

— Это Рэй.

На несколько секунд повисла тишина.

— Давно пора ее казнить, — переварив новость, выдвинул предложение Ринслер.

— Что я слышу? Ты что, встал на мою сторону? — не поверил Лекс.

— Я встал на свою сторону, осел.

Оба мужчины усмехнулись.

— Слушай, — начал Лекс, но Ринслер его перебил:

— Потом с этим разберемся.

— Как скажешь, — не стал спорить мужчина, который сам был не в восторге от того, что собирался сказать.

Наконец, они завернули в большой коридор, который Лекс помнил слишком хорошо. Наверное, если бы ему стерли память, эти пропитанные кровью стены никогда бы не исчезли из его головы, и снились бы ему по ночам. Казалось, что даже освещение в этом тоннеле было с каким-то красноватым оттенком. Возможно, они прибавили шаг, а может, это просто мужчина так устал, что любое движение давалось ему слишком дорогой ценой.

Они дошли до большой, буквально светящейся от неестественной чистоты двери, покрашенной золотой краской. Она была намного шире, чем все остальные двери в

подземелье, и поэтому выглядела огромной, хотя Лекс знал, что это обычный обман зрения.

Хозяин буквально на крыльях впорхнул в свою любимую обитель. За ним следом ввели Олиф, а затем и мужчину. Комната была до мурашек просторной, но все в ней казалось неестественным. Неестественный цвет стен — бледно-желтый; неестественная кровать с изогнутыми, словно иссохшее растение, ножками; неестественный стол, на котором вместо посуды расположились строительские инструменты. Такими отец Олиф чинил их дом.

Девушка почувствовала, как земля уходит у неё из-под ног. Что-то в этой комнате пугало её настолько сильно, что желудок буквально скручивало от предчувствия чего-то плохого. Может, все дело было в болезненно-желтых стенах, а может, в инструментах, которые совершенно не вписывались в понятие «уютная обитель».

— Оставьте нас, — небрежно бросил Хозяин.

Олиф недоуменно заморгала. Первая мысль была: он шутит. Вторая: вот она — игра.

Девушку отпустили сразу же. Лекса прислонили к стене, чтобы он мог стоять. Теперь, при ярком свете, Олиф наконец-то удалось внимательно рассмотреть его: волосы были мокрые и все слиплись, рубашка порвана буквально в клочья, а те обрывки, что еще остались на нем, насквозь пропитались кровью. Мужчина еле держался на ногах, он весь вспотел, а это явно не предвещало ничего хорошего.

Девушка оглянулась. Песчаники выходили один за другим. Хозяин снял свой темный пыльный кафтан, и стало видно его песочные руки, которые, казалось, вот-вот рассыплются. Олиф не удержалась, поморщилась. В голове более менее прояснилось, но мысли по-прежнему не могли сложиться в полноценную картину. Девушка абсолютно не понимала, зачем их привели сюда, и зачем Хозяин в данный момент подошел к столу с инструментами.

Олиф с немым вопросом на губах оглянулась на Лекса. Тот, похоже, все прекрасно понимал, но делиться этим явно не собирался.

— Что вам от нас нужно? — Раз ей никто ничего не говорит, она решила выяснить это сама.

Хозяин на секунду оторвался от своего занятия, поднял взгляд на девушку, а затем снова посмотрел на стол.

— От вас? Ничего. Вы нужны мне по отдельности.

— Зачем? — не унималась Олиф.

— Она всегда столько болтает? — Предводитель Песчаников удивленно посмотрел на Лекса.

— Постоянно, — вымученно ответил тот. — Вообще ничем не заткнуть.

— Как ты только терпишь?

— С трудом.

Олиф обиженно взглянула на мужчину. В ее взгляде так и читалось: «Ты серьезно?». Лекс в ответ лишь пожал плечами.

— Терпеть не могу болтливых особ, — вздохнул Песчаник. — Но она мне нравится. Знаешь почему?

— Понятия не имею.

— Когда я вырежу ей язык, она будет орать. Когда я начну отрезать ей по пальцу на каждой руке, она будет брыкаться. Когда я перейду к сердцу, она все равно будет продолжать вырываться. — Хозяин с кровожадным блеском в глазах посмотрел на девушку. — Я обожаю таких... которые хватаются за жизнь. Они оставляют после себя привкус маленькой победы.

Олиф передернуло. Она поняла. Поняла, зачем их привели сюда. Зачем эти

инструменты там, на столе. Поняла, почему стены тут желтые, а свет в коридоре отдает красноватым оттенком.

Их привели сюда, чтобы убить.

— Тогда тебе лучше поспешить, — так беззаботно усмехнулся Лекс, словно только что услышал, как правильно белье развешивать, — а то до меня дело не дойдет.

— Не бойся. Дойдет. До всех дойдет.

Хозяин поднес к лицу большой полусогнутый кинжал. Лезвие блеснуло зловещей искрой, словно подавало знак, что готово к использованию. Песчаник усмехнулся, перевел взгляд на Олиф.

— Пришел час расплаты, малютка.

Весь его чокнутый нрав куда-то делся. Тело вытянулось, спина стала идеально прямой. На морде больше не было чудаковатой ухмылочки, ни единого намека на отсталость — только звериная походка, хищный взгляд. Вот только глаза... глаза остались прежними — холодные, безжизненные.

Песчаник медленно начал приближаться к девушке. Чем больше шагов он делал навстречу к ней, тем дальше она отступала назад, пока не уперлась спиной в дверь. Так волки охотятся на зайцев. Так медведи убивают лис. Так охотники загоняют в угол своих жертв. Понятно, почему он начал с Олиф. Лекс не в состоянии даже шага сделать, и лучше справится сперва с более дееспособной «дичью».

Хотя вряд ли он видел в ней угрозу.

Олиф попыталась метнуться в сторону, но наткнулась на стоящие друг на друге ящики. Ни в одну сторону, ни в другую. Ни назад. В любом случае, это было бы бессмысленно — Хозяин легко преградит ей путь. В подземелье не было окон. А в том, что дверь заперта, девушка не сомневалась.

Отсюда не убежать.

Песчаник не торопился. Его шаги медленно и гулко отдавались у Олиф в голове: бум, бум, бум. Как будто он стучал в колокол. Казалось, ее сердце попадает им в такт. Бум, бум, бум. Это было невыносимо: смотреть на приближающуюся фигуру с ножом, и понимать, что все, за что ты боролась, все, за что держалась в этом мире — все уплывет. А ты не можешь это остановить просто потому, что на этот раз у тебя не хватит сил. И дверь позади тебя заперта.

Олиф вжалась в стенку. Ей хотелось зажмуриться, или вообще испариться, но так было еще страшнее. Она нащупала ручку двери позади себя, дернула — раз, два, три. Заперто. Неужели в этом оставались какие-то сомнения? Подняла взгляд и вскрикнула от неожиданности.

Лекс с такой силой обрушился на Хозяина, что они оба улетели в противоположный конец комнаты. В то, что у мужчины не хватит сил одолеть Песчаника, не сомневался никто. Но Лекс давал Олиф драгоценное время. Время, которое стоило ему жизни. Наверное, он надеялся, что она схватит какой-нибудь тяжелый предмет и постарается выбить дверь.

Олиф так и сделала.

Лекс знал, что бить эту песочную массу бесполезно — Песчаники не чувствуют боли. И убить их нельзя. Все, что он мог — это задержать его на несколько мгновений. Катание по полу быстро и незаметно переросло в жестокую драку. Вернее, избиение. Хозяин бил по лицу, бил по ребрам, пару раз даже попал по печени. Но самое страшное — он бил по почкам. Лекс прекрасно знал — ударь этот козел еще чуть сильнее, и он навсегда останется

калкой. Ему нужно было сопротивляться, выворачиваться из захвата. Но тогда Песчаник быстро переключится на девчонку, а Лекс хотел этого меньше всего.

В тот момент, когда боль переросла во что-то совершенно невообразимое, когда на секунду показалось, что все кости внутри сломаны, а мясо вывернули наружу, голова Хозяина вдруг мотнулась в сторону, и он скатился с полуживого мужчины.

Олиф тяжело дышала, прижимая к себе какую-то статуэтку, словно это была самая дорогая вещь на свете.

— Я думала, он убьет тебя, — взволнованно сообщила девушка.

Лекс чуть приподнял голову, а затем снова стукнулся ей о пол.

— Беги, дура. — Его голос звучал без каких-либо эмоций. Вряд ли мужчина был в состоянии встать, не то что злиться.

— Куда? К Песчаникам?

Несмотря на плывущий перед глазами мир, Лекс вполне неплохо осознал смысл ее слов. Правильно. Она права. Бежать отсюда некуда.

— Вставай, — поторопила его Олиф, когда увидела, что Хозяин вновь поднимается на ноги.

— Можешь ему еще раз зарядить этой шпуккой?

Девушка взглянула на злобную темную фигуру и закрутила головой.

Лекс с каким-то мазохистским удовольствием поднялся. Сказать, что все тело скрутило от боли — не сказать ничего. Он не смог сдержать отчаянного стона, приложил руку к ребрам с правой стороны — почему-то если бьют, то постоянно именно туда.

Они с Песчаником посмотрели друг на друга одинаково измученно-злыми взглядами, но нападать не спешили.

— Дай сюда. — Лекс выхватил у Олиф ее статуэтку, взвесил в руках, и удивленно присвистнул. Где она только умудрилась откопать эту тяжесть?

— Отойди подальше, — приказал он ей.

— Но как же...

— Отойди. Подальше, — раздраженно повторил он.

— Как это мило, — умилился Хозяин. — Самец защищает свою самку.

— Если тебе завидно, можем поменяться местами, — сплюнул в ответ мужчина.

— Лекстер, я всегда поражался твоему чувству юмора, — сказал Песчаник, начиная двигаться по кругу. В отличие от Лекса, его поза скорее напоминала готового к броску волка. — Как ты умудряешься его сохранять даже в таком дерьме?

— Я представляю себе шашлык из твоей головы.

Олиф вскрикнула, когда мужчина резко бросился вперед. В таком состоянии с ним мог справиться даже ребенок. Но Лекс почему-то все равно пытался защититься, ударить, не дать Хозяину сделать и полшага.

Как-то Олиф видела такую фразу: «мужчины столкнулись друг с другом, и словно в танце закружили по кругу». Это не было похоже на танец. Это было похоже на ад. Нельзя сравнивать с танцем то, что похоже на кровавое месиво. Танец — это прекрасно. Когда слышишь хруст ломающихся костей — это не может быть прекрасным.

Олиф не могла стоять и смотреть, как с каждым новым ударом Лекс приближается к грани. Той самой грани, что делает жизнь бессмысленной.

Девушка дернулась вперед, и в этот момент земля под ногами затряслась. Это было настолько неожиданно, что Олиф не удержалась, упала на бок, и увидела, как прямо перед ее

носом поползла огромная щель. Она стремительно достигла края комнаты, послышался треск, и пол раскололся надвое. Олиф отбросило в сторону, она полетела вниз и врезалась в стену. Подняла взгляд, и заметила ошарашенную морду Хозяина.

Что-то упало прямо на девушку, та с криком закрыла голову руками, почувствовала, как лоб пронзила острая боль. Новая волна землетрясения обрушилась с еще большей силой. Песчаника опрокинуло прямо через голову. Он полетел в свой любимый стол, и, кажется, на что-то напоролся. Лекса откинуло в сторону, к серванту со стеклянными бутылками. Мужчина с трудом перевернулся и с таким мученическим стоном заставил себя отодвинуться, что Олиф показалось, будто его режут заживо.

В земле образовалась огромная щель, одна часть пола накренилась настолько сильно, что между ней и другой частью поместился бы целый человек. Не сговариваясь, они с Лексом поползли напрямик к ней. Наверное, никто из них до конца не знал, что собирается делать, они просто использовали этот маленький шанс выжить.

В этот момент за ногу Олиф зацепилась грубая рассыпающаяся рука. С силой дернула девушку на себя, и девичья фигурка, словно по ледяной горке, покатилась вниз. Прямым к лапы к Песчанику. Не успела Олиф даже повернуться, как получила чем-то тяжелым по затылку. Мир неожиданно замигал то черными, то темно-желтыми пятнами, и как-то постепенно начал угасать. Каким-то необъяснимым образом она заставила себя не терять сознание, и сумела различить в этой рушащейся комнате Лекса.

Он был слишком далеко. Ему не успеть. Он тоже это знал.

Хозяин перевернул Олиф на себя, замахнулся ножом. Она, собрав последние остатки сил, подняла ноги и сумела толкнуть эту огромную тушу в сторону. Совсем чуть-чуть, но этого хватило бы для того, что бы отползти самой.

Хватило бы.

От потолка оторвался значительный кусок каменной плиты и упал прямо рядом с Олиф, своей силой проломив в полу широкую пробоину. Оба ее конца поднялись вверх, и шкаф, чей свободный полет остановил ранее упавший сюда камень, накренился, и продолжил свое прерванное падение. Девушка почувствовала стремительно надвигающуюся тень, и все, что смогла сделать — это прижать руки к груди и закричать. Шкаф падал так быстро, что единственная мысль, которая успела ее посетить: «Какая же тупая смерть».

В этот момент ногу пронзила жуткая боль, но даже спустя несколько секунд, лужей девушка себя так и не почувствовала. Открыла глаза, посмотрела на угол деревянный мебели, остановившийся буквально в ладони ее носа. Олиф даже обрадоваться не успела. Прямо поверх этого дурацкого шкафа, скрипя сапогами, прошелся Хозяин. Сел рядом с ее торчащей девчачьей головой. В свете рушащейся комнаты это выглядело слишком медленно и невероятно нелепо.

Но Песчанику было плевать. Он наклонился к девушке и отчетливо произнес:

— Вам все равно не выжить.

Олиф дернулась — ноги зажало слишком сильно, вырваться было невозможно. Она не оставляла попыток: билась и билась, словно муха, угодившая в паутину, пока паук с наслаждением подносил к ее горлу острое лезвие.

— Олиф, — голос Лекса отдавал хрипцой, и все равно она смогла различить его в этой гамме абсолютно невыносимых звуков. — Посмотри на меня. — Сумела повернуть голову. Он лежал в луже крови на большой плите. — Смотри на меня. Не отводи взгляд. — Он не мог встать. Не мог помочь ей. — Обещай, что не поднимешь взгляд. Обещай, ладно?

Девушка не могла кивнуть, но она медленно моргнула, выражая согласие, и сама не заметила, как из глаз случайно выкатилось несколько слезинок. Просто пыль попала в глаза.

Вы когда-нибудь чувствовали холодные объятия смерти? Их невозможно увидеть, их можно лишь почувствовать. Чувства — это все, что способна отнять смерть. Для кого-то это ничемный пустяк, но для Олиф это было самое дорогое, что могла подарить ей жизнь. Это все, что у нее было, и все, что у нее осталось.

Одними губами она успела сказать лишь одно слово:

— Прощай. — И закрыла глаза. Она обещала не смотреть — она сдержала свое обещание.

Боли не было. Секунды все растягивались и растягивались, как будто кто-то специально хотел помучить ее в ожидании. А затем она услышала страшный вопль, и ей в лицо посыпался песок. Много песка. Он засыпал ей глаза, нос, рот, не давал вздохнуть, не давал даже пошевелиться. С невероятным трудом она повернула голову, и сумела сделать вдох прежде, чем маленькие песчинки смогли бы засыпать ей горло. Зубы хрустнули, раздавив то, что все-таки попало в рот.

Наконец, этот поток песка кончился. Олиф все еще была жива. А может, истекала кровью, проверить это было нельзя: песок засыпал глаза, а стряхнуть его просто не позволяли зажатые конечности.

Олиф буквально чувствовала, как уплывает каждая секунда драгоценного времени. Она умерла? Или еще умирает? Куда делся Хозяин? Что случилось с Лексом? Вопросов было так много, а ответов — ни одного. Земля под ней все еще тряслась, но почему-то больше ничего не падало с потолка, не разделяло землю на несколько кусочков. Время шло, а шкаф так и не сдвинулся с места, и никакая глыба не разможила ей череп.

Вдруг чьи-то руки коснулись ее лица. Сперва Олиф показалось, что вернулся Песчаник. Она вскрикнула и затрясла головой.

— Эй-эй-эй, тихо-тихо! — заговорил Лекс. — Плебейка, посмотри на меня.

— Песок, — еле выговорила она, стараясь практически не шевелить губами. — Лицо... песок...

Кажется, мужчина понял, в чем дело. Он резкими движения провел руками по ее лицу, стараясь стереть весь песок. Наконец, Олиф смогла открыть глаза. Лекс выглядел ужасно: как будто по нему пробежался целый табун лошадей. Особенно сильно пострадало лицо, все опухло, в некоторых местах уже начали наливаться кровавые синяки.

— Давай, выбирайся отсюда. Я приподниму, а ты карабкайся.

Девушка судорожно кивнула, не сводя с мужчины ошарашенного взгляда.

Лекс подпер руками края чудовищного шкафа, напрягся так сильно, что на шее проступили сосуды, и с мученическим стоном приподнял громоскую мебель. Олиф тут же начала выбираться, цепляясь руками за выступы камней. Нога, еще недавно казавшаяся полностью зажатой, удивительным образом оказалась свободна. Девушка выбралась так быстро, как только смогла. Лекс облегченно опустил шкаф обратно, и сел, облокотившись об него.

— А где Хозяин? — срывающимся голосом спросила Олиф.

— Мертв. Вроде.

— Это ты его? — удивилась девушка.

— Нет, — покачал головой мужчина и вздрогнул, словно вспомнил что-то неприятное. — Он сам.

— В смысле?

— Без всякого смысла. Он стоял над тобой, а потом... кхм... рассыпался.

— Рассыпался?

— Угу, — угрюмо отозвался Лекс. — Раз — и все, один песок.

— Вот откуда он взялся, — вздрогнула Олиф. На нее рассыпался весь Песчаник. Сама мысль казалась полнейшим абсурдом. Думать об этом было до невозможности противно.

— Вставай, надо выбираться отсюда, — поторопил Лекс.

— Одну минуту, — взмолилась девушка.

— У нас нет одной минуты. Вставай.

Олиф с трудом поднялась на ноги. В этот момент в входную дверь врезалось что-то очень мощное, по силе удара напоминающее таран. И девушка и мужчина одновременно вздрогнули, подняли взгляд на дверь и в этот момент почувствовали, как земля уходит у них из-под ног. Тот кусок пола, на котором они стояли, полностью провалился вниз. Олиф не удержалась на ногах. Лекс, кажется, тоже. Девушка почувствовала, как ее тело чуть приподнялось, а затем вновь ударилось об эту плиту с такой силой, что из легких буквально выбило весь воздух.

Вокруг поднялась беспросветная пыль. Прошло немало времени, прежде, чем она начала оседать. Зато уже спустя несколько минут стало ясно — землетрясение прекратилось. Олиф не двигалась, дышала очень тихо, боясь произнести лишний звук. На каменной плите образовалась небольшая лужица крови, стекающая с ее лба. Рану нужно было перевязать, но это было последнее, что заботило девушку. Наконец, когда картинка вокруг более менее прояснилась, Олиф села. Огляделась.

— Лекс? — позвала она. Никто не ответил. — Лекс?!

— Я здесь. Сиди там.

— Где ты? Ты в порядке?

— Да. Оставайся там.

Девушка тут же вскочила на ноги, и, покачиваясь, побрела в сторону, откуда доносился голос. Пыль еще витала в воздухе, и пару раз девушка не удержалась и чихнула. Наконец, впереди она заметила темный силуэт.

— Лекс?

Мужчина сидел, привалившись к концу упавшей плиты, и что-то рассматривал на противоположной стене. Увидев Олиф, он устало закатил глаза.

— Я же просил остаться там.

— Я подумала, что-то случилось.

Лекс удивленно поднял брови, пытаясь проследить за логической цепочкой, но голова тут же отозвалась мучительной болью, отказываясь проворачивать такие операции.

— Что это? — удивленно воскликнула девушка, когда увидела, что привлекло внимание мужчины.

— Это я и пытаюсь понять.

Олиф огляделась. Пол провалился полностью, вместе со шкафами, сервантами и прочей мебелью. Даже кровать, расколота надвое, со сломленными ножками, валялась в углу. Но провалились они в совершенно невообразимое место. Если бы Олиф не знала, что такого быть не может, она бы сказала, что это храм.

— Где мы?

— Ни малейшего понятия. Не знал бы, где мы — сказал бы, что это какой-то храм.

При других обстоятельствах Олиф усмехнулась бы, но не в этот раз.

— Это невозможно, — выдохнула она.

— Конечно. Зато волшебная пустыня и песчаные люди — это возможно.

— Но ведь... откуда он тут может взяться?

Лекс покрутил головой, внимательным взглядом рассматривая живописные рисунки, которые были изображены на стенах. Мужчина не вставал, понимая, что тогда окончательно лишится последних сил.

— Это что, письма? — не поверила девушка.

— Нет, просто рисунки.

— Подожди... — Олиф пригляделась. — Посмотри, это же пустыня, огражденная Песчаной Завесой. А вот тут деревни, прямо вокруг.

Она прошлась вдоль стены, рассматривая необычные человеческие фигурки.

— Посмотри, что это?

Лекс прищурился. На стене красовались девять женщин, по три в каждой плоскости. Три сверху, дальше полоска, три посередине, полоска, и три внизу.

— Это что... — опешила девушка.

— Берегини, — закончил за нее мужчина. Он был ошарашен не меньше нее.

— Думаешь, это какое-то послание?

— Надеюсь, что нет.

Рядом с девятью женщинами явно не пропорционально был нарисован мужчина, причем руки у него были медвежьи, ноги — лошадиные, а голова волчья. В руках у него светила какая-то палка, напоминающая скипетр.

— Гурум Хахмой, — осенило Олиф. Она удивленно разглядывала на рисунок. — Лекс, я знаю что это!

— Что?

— Это легенда. Легенда о том, как появилась пустыня.

— С чего ты взяла?

— Старик мне рассказывал. Вот, посмотри. Это девять Берегинь. Три в мире Прави, три в мире Яви, и три в мире Нави. А вот это Гурум Хахмой.

— Кто это? — нахмурился Лекс.

— Тот, кто вот этим скипетром создал пустыню. Ой, смотри это же навки!

— Кто?!

— Женщины неземной красоты, у которых вместо ног был рыбий хвост.

— Русалки что ли?

— Навки! — Олиф потрясенно провела по рисункам кончиками пальцев. За ними тут же потянулась кровавая дорожка. Она и забыла про свою рану.

— Что-то не похожи они на женщин «неземной красоты», — усмехнулся Лекс, чуть меняя свою позу — ноги затекли.

На стене были изображены маленькие скукожившиеся рыбки, с непонятной загогулиной вместо волос, а глаза у них были выпучены до такой степени, что, казалось, еще немного и вообще вывалятся.

— Это же просто рисунки, — пожала плечами девушка.

— Ну, они же должны отражать правду.

— Сам попробуй на стене такое нарисовать.

— Да, — согласился Лекс, — я бы взял бы листок бумаги и нарисовал.

Олиф посмотрела на мужчину. Он спокойно разглядывал то, что оставили им предки, и казалось, совершенно не заботился тем, что они упали под землю в какое-то непонятное место, да еще и за дверью их ожидает толпа озлобленных Песчаников. Как будто сегодня был обычный день, вот только вместо солнышка на небе вдруг показались тучи.

Девушка перевела взгляд на стену и нахмурилась.

— Смотри, посередине пустыни что-то нарисовано.

— Что?

— Не знаю, винтик какой-то. — Олиф присмотрелась повнимательней. Почему-то в памяти тут же всплыл разговор со стариком из темницы. — Три палки расходятся в разные стороны... Стой. А если предположить, что это они двигаются, они могут и пустыню за собой двигать?

На переносице у Лекса образовалась глубокая морщинка.

— Теоретически — да.

— А не теоретически?

— Да ты вообще подумай, кто мог такое создать. Это просто невозможно.

Олиф уже ничему не удивлялась. Пустыня посреди леса; люди, состоящие из песка; лабиринты под землей; говорящие змеи; движущаяся пустыня. Неужели ее теперь можно чем-то удивить?!

— Лучше посмотри вон туда. Причем тут животные? — поднял брови Лекс.

Девушка подошла поближе. На стене, в самом углу были нарисованы три зверя: лиса, медведь и волк.

— Это созвездия. Они нарисованы один за другим. Когда они выстраиваются в ряд, пустыня движется.

— Значит, сейчас они выстроились в ряд? Я тут два года уже, но таких разрушений от движения пустыни ни разу не видел.

Олиф перевела взгляд на следующую надпись.

— А тут цифры. — На стене были вырезаны одни палки. — Или нет...

Лекс не мог достаточно четко их рассмотреть. Со мученическим стоном пришлось вставать. Мужчина, опираясь руками о стену, дошел до нужного места. Внимательно присмотрелся. Они вместе с девушкой некоторое время стояли и изучали странные знаки. У Олиф в голове не было никаких идей, старик про непонятные палки ничего не говорил. И Кнут тоже. А вот Лекс, похоже, что-то понял. Он вдруг начал загибать пальцы, что-то считая в уме. Олиф удивленно наблюдала за его телодвижениями. Когда мужчина в очередной раз загнул указательный палец, он удивленно поднял взгляд на стену.

— Это... это циклы полнолуний.

— Полнолуний? — растерялась девушка. — Ты уверен?

— Да, одиннадцать полных лун.

— И что это значит? — озадачилась Олиф.

— Ни малейшего понятия.

Девушка еще раз посмотрела на стену. Для чего предкам было рисовать циклы полнолуний? Ведь получается, что раз они начали считать луны, значит, начался отсчет чего-то. Только вот чего?

— Лекс! — Она затормошила его за руку. — Лекс, посмотри, сколько тут этих черточек!

— И что?

— И то. Предки не пожалели половины стены ради того, чтобы их вывести.

— И?

— А вот тут... вот тут они заканчиваются. Отсчет заканчивается.

Мужчина внимательно присмотрелся. Подошел ближе, приложил руку, измазанную в крови, к палкам.

— Так, это было два года назад. Значит, здесь год... а вот тут, кхм, я не уверен. — Мужчина тряхнул головой. После заварушки с Хозяином голова отказывалась работать.

— В чем не уверен? — насторожилась девушка.

— В это полнолуние пустыня снова двигалась. Потом мы встретились. Раз, два три... — Лекс выпрямился. — Это бред какой-то.

— Что там?

Повисла долгая пауза. Мужчина собирался с мыслями.

— Кажется, я знаю, почему, в этот раз движение пустыни вызвало такие разрушения.

— Почему? — поторопила его Олиф.

— Потому что сегодня отсчет закончился. Вот здесь.

— Здесь? — Девушка нахмурилась. — Но ведь после идут еще три палки!

— Они меньше, чем остальные.

— И что?

— Это не месяцы, это дни. Последнее полнолуние было сегодня. А после него идут еще три дня.

— И что это значит?

— Видимо, через три дня что-то произойдет.

Олиф молча рассматривала черточки, и в какой-то момент поняла, что ей совершенно не нравится все то, что тут творится. Лекс в это время сел рядом со стеной, устало облокотившись на нее. Девушка посмотрела на его измученный вид, и невольно почувствовала виноватой себя. Ведь если бы не она — ничего бы этого не было. То есть, вообще ничего. Возможно, Лекс даже не угодил бы к Песчанникам. Хотя теперь, в глубине души, она знала — он все равно бы нашел способ, потому что чувствовал вину перед Ринслером. Уж Олиф прекрасно знала, какое это дурацкое чувство, и на какие глупые поступки оно может толкнуть.

Девушка медленно шагала вдоль стены, рассматривая все те же надписи. Она размышляла о чем-то своем, и не особо задумывалась над тем, кому вообще понадобилось все это рисовать, и что значат те черточки. В смысле, чему именно пришел конец отсчета.

В какой-то момент, Олиф почувствовала головокружение. Сперва она не придала этому значение, но затем поняла, что уже просто не может стоять на ногах. Мир неожиданно и резко поплыл перед глазами, словно по чьему-то щелчку пальцев. Девушка облокотилась о стену, попыталась нормализовать зрение, но ничего не помогало. Вдруг она почувствовала, как по щеке стекает быстрая теплая струйка. Приложила руку к голове — кровь. Она шла так быстро, что это заставило не на шутку запаниковать.

Олиф оттолкнулась от стены, не устояла, и упала животом на землю. Кровь маленькими капельками начала капать прямо на каменные плиты.

— Плебейка? — послышался голос Лекса.

Девушка приложила руку к животу. Желудок скрутило в нестерпимом приступе тошноты.

Лекс быстро сел рядом с ней, перевернул на спину и недоуменно нахмурился.

— Что за черт? Откуда столько крови? У тебя рана была совсем не глубокая!

— Меня... сейчас стошнит...

В этот момент в животе словно что-то кольнуло. Олиф громко застонала. Каким-то невероятным образом услышала, как сбоку приближаются чьи-то шаги.

— Лекс... там...кто-то...

— Я слышу, — прервал он, обернулся. У девушки перед глазами все плыло, она услышала лишь только чей-то голос:

— Что тут произошло?! Что с ней?!

Ринслер. Это определенно голос Ринслера. Как он попал сюда?

Дальше голоса стали звучать совсем мутно, девушка едва-едва различала слова.

— Я не знаю, у нее раны-то там почти не было!

— Откуда столько крови?

— Перевяжи ей рану!

— Чем? Она сейчас вся истечет кровью!

— Выноси ее отсюда!

Лекс похлопал ее по щекам.

— Эй, плебейка, держись, только не теряй сознание. — Мужчина наклонился к ней.

Олиф почему-то четко различила его лицо, его обеспокоенный взгляд, когда он смотрел на нее, и то, как лишь на секунду поднял глаза. А затем его лицо побледнело так, словно он только что увидел перед собой покойника.

— Лекс? — с трудом выговорила Олиф.

— Все нормально, — сказал он ей и повернулся к Ринслеру: — Вынеси ее.

— Что? А ты куда собрался?

— Вынеси ее. Я сейчас.

Лекс вскочил на ноги и куда-то откровенно сбежал. Ринслер поднял Олиф на руки, и в этот момент сознание окончательно отказало ей в содействии, даже не смотря на просьбу Лекса не терять его.

* * *

Возвращение в реальность выдалось тяжелым. Помутнение спало, даже голова не болела. И тошноты больше не было. Однако во всем теле ощущалась жуткая слабость, как будто Олиф недавно пришлось перетаскать сотню мешков песка. Казалось, что каждая мышца в теле болит от перенапряжения.

После того, как девушка оценила состояние своего организма, она явственно различила голоса. Один из них точно принадлежал Лексу.

— Просто взяли и рассыпались? — в его интонации чувствовалось и удивление и напряжение.

— Да, как по щелчку. — Это, должно быть, был Ринслер.

— С нами такая же дьявольщина. Просто песочный прах, и больше ничего.

Дальше повисла тишина.

— Ладно, кто тут на твоей стороне? — Это снова Лекс, он явно обеспокоен.

— Нас немного. Большинство считают, что это вы убили Хозяина.

Почему-то от слова «большинство» у Олиф мурашки поползли по телу. Наверняка под этим понималось нечто другое. Например: «те, кто уже спятили».

— Надо отсюда выбираться.

— Спасибо, что сообщил, — ироничный голос Ринслера чуть не заставил ее поморщиться.

— Ты что, снова стал острить, осел?

— Закрой рот, придурок.

Олиф бы на такие слова искренне обиделась, но эти двое, как ни в чем не бывало, продолжали препираться. И вдруг, по необъяснимой причине (словно на них прикрикнул кто), они вновь вернулись к насущному вопросу.

— Они перекроют все входы и выходы. Чтобы через них пройти нужно иметь в запасе просто небывалый козырь. Или маленькую армию, — начал рассуждать Ринслер.

— Козыря у нас нет, но есть кое-что другое. Эти тоннели ведут к одному, главному. Разделимся. Пускай несколько твоих людей идут на восток, мы пойдем на запад. А ты с ней проберешься по северному тоннелю.

После этих слов повисла довольно долгая пауза.

— Да, тогда сперва по нему пройдемся мы с Ринслером, — как будто с кем-то согласился Лекс. — Этих придурков все равно придется переубивать. Никто не знает эти тоннели лучше нас. Только не надо вспоминать про Макса! Мы расчистим вам путь. Вези ее как можно быстрее и как можно дальше. — И совершенно не к месту добавил: — Успокойся, я советую, а не указываю.

— Нам не выстоять, — вступил в разговор Ринслер. — Их больше, чем нас.

— Что я слышу? Испугался?

— И не мечтай, идиот. Посмотри на себя. Тебе одного хиленького воина зарубить и все, дальше стухнешься.

— Издеваешься? Ты что забыл, как я отделал тебя со сломанной рукой?

— Рукой, а не ребрами. Или что там ты себе сломал.

— Пошел ты, я этих придурков перережу побольше тебя.

— После трех уже не сможешь встать.

— Это вызов?

— Нет, что ты, я просто так нотации тебе читаю.

— Коробка с тобой?

— Смеешься что ли? Думаешь, я как талисман ее таскаю?!

— Ладно, давай на руках. На что спорим?

Вновь повисла пауза.

— На бутылку виски. Кто проиграл, тот и должен.

— Отлично.

— А ведь раньше мы спорили только на девушек, — с ностальгией вспомнил Ринслер.

— Вон лежит одна и все подслушивает, спроси у нее, не хочет ли она стать новым объектом спора? — саркастически ответил ему Лекс.

Олиф моментально покраснела. Открыла глаза и чуть вновь не упала в обморок, только уже от удивления. Мало того, что Лекс и Ринслер общались, как закадычные друзья, так вместе с ними еще и Кнут был.

«Привет», — поздоровался змей.

— Привет, — ошарашено пролепетала девушка в ответ.

Она осторожно оторвалась от стены и медленно поднялась.

— Как голова? — нарочито небрежно поинтересовался Лекс.

— Терпимо.

— Отлично. Тогда залезай.

— Куда? — нахмурилась Олиф.

— На Кнута. Поедешь с ним.

— Что? Нет, — тут же запротестовала она. — А вы?

— За одно это я готов простить ей ее выходку с ножом, — тут же ухмыльнулся Ринслер.

Олиф стыдливо опустила голову, но поборолась себя и все равно попыталась добиться ответа.

— Вы ведь поедете за нами, да?

Мужчины переглянулись.

— Конечно, — ответил Лекс. Он затачивал свой новый меч, и старался выглядеть как можно более безразличным. Но она слышала их разговор, в такой ситуации невозможно быть безразличным.

— Мы разберемся тут кое с кем, и сразу за вами, — добавил Ринслер.

— Куда Кнут повезет меня? — не отставала Олиф.

— К Песчаной Завесе.

— К Пе... — Она застыла. Нет, не может быть. К Песчаной Завесе. Песчаной Завесе Песчаной Завесе... два каких-то нелепых слова... но эти два слова могут решить чью-то судьбу. — Это значит, что мы сможем выбраться?!

— Да, — кивнул Лекс.

— Это... это... же... — у нее закружилась голова. Сколько мучений. Сколько дней. Сколько часов. Сколько минут. Она ждала эти слова так долго, что когда услышала, просто не знала, как реагировать. Они смогут выбраться. Смогут. Действительно смогут. — Мы правда... выберемся?

Лекс с Ринслером снова как-то странно переглянулись. Тут Олиф вспомнила их план. Она — да, она точно выберется. Но не они.

— Как вы поедете за нами? — дрогнувшим голосом спросила девушка.

— На змеях, как же еще, — снисходительно пояснил Ринслер.

— Ладно, хватит нюни распускать. Забирайся. — Лекс подошел к ней, взял под локоть и повел к Кнуту. Змей посмотрел на нее каким-то жалостливым взглядом, словно это она оставалась тут убивать тех, кто хочет им помешать, а не парни.

— Вы ведь выберетесь, да? — обернулась она к Лексу.

— Да, — кивнул он.

— Но ведь у тебя ребра сломаны, — едва сдерживая всхлип, тихо сказала Олиф.

— Главное, что не руки.

— Как ты можешь так говорить?!

— Не переживай, мы справимся.

Олиф обреченно поджала губы. Лекс услужливо подсадил девушку за мягкое место, и, непроизвольно покраснев от смущения, она забралась в седло на высокого змея. И лишь когда оказалась наверху, то поняла, что с животным что-то не так.

— Кнут, а где твоя броня?! — сообразила, наконец, девушка.

«Пришлось оставить ее».

— Оставить?! Почему?!

«Броня или жизнь, вот почему».

Сейчас Кнут не выглядел избалованным змеенышем, скорее серьезным... воином, да,

именно воином.

— Мне жаль, Кнут... — Броня для них значила очень многое. Нет, она для них значила все. По сути — это и была их жизнь.

«Мне тоже».

— По северному коридору, — похлопал его по чешуе Лекс, и через несколько секунд миролюбиво поднял руки: — Да-да, прости. Я в тебе не сомневаюсь.

Через многое же Кнут переступил, раз согласился работать вместе с теми, из-за кого перебили всю его семью.

— Пожалуйста, будьте осторожнее, — тихо сказала Олиф.

— Я слышу дрожь в голосе? — поднял брови мужчина.

— Волнение, — насупилась девушка.

— Спину береги, — пожелал ей Лекс и отошел к Ринслеру и еще нескольким воинам.

Олиф со смесью страха, волнения и предвкушения ожидала, когда же наступит этот ужасный момент — момент, когда они скажут, что пора. Мужчины еще несколько минут что-то бурно обсуждали, и когда Ринсер крикнул: «Выступаем!», у девушки сердце сделало сальто в груди и провалилось в пятки.

«Пригнись и держись крепче», — приказал ей Кнут.

Олиф дрожащими руками вцепилась в выступ на седле. Она почувствовала, как напряглось все тело, как медленно забурлил в крови адреналин, как подступил к горлу страх: страх за Лекса. И за Ринслера тоже.

Внезапно земля под ней закружилась, в лицо ударил мощный поток воздуха. Чтобы без травм преодолеть этот тоннель, девушке пришлось буквально слиться с седлом змея. Олиф судорожно держалась за выступ, боясь сделать хоть одно лишнее движение.

Неожиданно воздух перестал дуть в лицо. Девушка приподняла голову и поняла, что они остановились. Олиф молча сидела и выжидала, хотя отчаянно хотелось вскочить и бежать. Она слышала впереди разъяренные крики, звуки тяжелых ударов, кажется, слышалось даже хлюпанье. Так продолжалось несколько долгих, томительных минут. Девушке казалось, что ее сердце сейчас выпрыгнет наружу от волнения. Она абсолютно точно поняла, что не хочет никуда уезжать, единственным ее желанием было остаться тут, вместе с Лексом. Потому что неизвестность — еще страшнее.

Наконец, из-за поворота показался Ринслер и поманил их к себе. Снова воздух ударил девушке в лицо. Она взволнованным взглядом осмотрела обоих мужчин: на их одеждах прибавилось крови, вот только чьей, было не ясно.

Вдруг Кнут остановился. К нему подошел Лекс.

— Олиф, — начал он, — сделай одолжение, ладно?

— Какое? — насторожилась девушка.

— Не оглядывайся, хорошо? Чтобы ты ни слышала, просто не смотри назад.

— Будет что-то ужасное?

— Просто не смотри назад.

— Ладно, — кивнула она, сама абсолютно не уверенная в том, что сможет сдержать слово.

Кнут снова двинулся в путь, и напоследок она слышала голос мужчины:

— Спину береги!

Олиф улыбнулась одними уголками губ и припала к седлу. Пока они ехали по темным тоннелям, которые прекрасно вмещали в себя такого огромного змея, ее не покидало

ощущение полета. Казалось, что весь мир остался позади, и теперь существовало только два тела: она и воздух, который буквально приподнимал ее над седлом. На поворотах дух захватывало, и тогда казалось, что от онемения руки просто напросто отцепятся. В такие моменты Олиф еще сильнее вжималась в седло, и молила Берегинь, чтобы те не дали ей свалиться. Темнота придавала особый колорит: как будто они находились вообще не в этом мире, а где-то далеко-далеко, за пределами Земли.

Девушка почувствовала себя почти счастливой.

А потом позади них раздались незнакомые звуки, напоминающие боевой клич. Такой поворот событий явно шел вразрез с оговоренным планом. Кнут прибавил скорости, но голоса не отдалялись, даже наоборот. В конце концов, Олиф удалось различить ясный приказ: «Стрелять!!! Не дайте им уйти!!!».

— Кнут... — панически крикнула девушка, и в этот момент буквально прямо рядом с ее ухом просвистела стрела. — Кнут!!! — закричала Олиф.

«Не бойся», — пропыхтел змей.

Стрел становилось все больше. В такой полутьме прицелиться было очень трудно, но и Кнут был довольно большой мишенью. В конце концов, он разогнался до такой скорости, что перестал вписываться в повороты. Каждый раз, стоило им повернуть, на Олиф сыпалась груда камней, подбитая массивной тушкой змея. Стрелы никуда не делись. Девушка не чувствовала боли, но понимала — это временно. В любую секунду, в любое мгновение все может измениться. С каждым новым свистом, она вот-вот ожидала, что сейчас опустит взгляд, а у нее из груди будет торчать железный наконечник.

— Кнут! — в очередной раз вскрикнула Олиф.

«Еще немного! Еще чуть-чуть!».

Они пронеслись мимо какой-то деревянной арки. Змей задел хвостом ее конец, что-то сзади посыпалось с громким треском. Олиф вжалась в седло, но боялась даже на секунду прикрыть глаза. Потому что боялась неизвестности.

В этот момент земля, словно мост, провалилась прямо перед ними, образуя подобие горки, и они вылетели наружу.

Первое и последнее, что увидела Олиф перед тем, как ее ослепило яркое солнце — это чистое, голубое небо.

Ей казалось, что она летела. Наверное, птицы в небе чувствуют тоже самое. Они машут крыльями, поднимаются все выше и выше, и у них появляется такое ощущение, словно сердце начинает выпрыгивать из груди. Оно так сильно колотится, что кажется, еще немного, и его просто разорвет на части. А внутри зарождается такое тепло, которое будто говорит тебе: «Лети. Ты свободна».

Что такое свобода? Олиф всегда знала. Вернее, думала, что знала. Свобода — это независимость. У тебя нет никаких обязанностей. Тебе не нужно вставать по утрам и работать до потери пульса ради того, чтобы прокормить свою семью. Тебе не нужно убивать человека, ради того, чтобы спасти свою сестру. Тебе не нужно терпеть каждый новый бессмысленный день, ради того, чтобы выжить. Тебе не нужно выживать, чтобы оказать свободным.

Ей казалось, что она знает, что такое свобода.

Но это не так.

Свобода — это не независимость. Свобода — это невесомость. Свобода — это полет.

Когда ты летишь — ты свободен.

Олиф улыбнулась, не открывая глаз. Ей хотелось раскинуть руки в стороны и закричать. Закричать настолько сильно, чтобы горло засадило от боли. Ей хотелось, чтобы весь мир узнал: она свободна. Здесь и сейчас. Она справилась. Она выжила.

Никто не способен понять, какую боль ей пришлось пережить. Никто. Но солнце, которое убивало ее день за днем, которое отбирало силы, которое каждую секунду высушивало влагу из организма, — это солнце сейчас улыбалось. Улыбалось ей, Олиф. И она улыбалась ему в ответ.

Когда она только попала в пустыню, то и подумать не могла, что возненавидит этот свет. Когда она попала к Песчаникам, то не представляла, что вновь его полюбит. Жизнь такая непредсказуемая. Такая странная. Она окунает тебя лицом в грязь, а потом поливает чистой водой.

Жизнь учит тебя бороться.

Олиф давно разделила свою жизнь на мгновения. Маленькие, крохотные мгновения, что помогали ей бороться за эту жизнь. И те мгновения, что остались в ее памяти, были прекрасны.

Первое — это рассвет. Да, в пустыне он был самым необыкновенным. Рассвет — это напоминание, это маленький атрибут жизни, без которой тебя просто не станет. Каждый день рассвет говорил девушке: «Ты прожила еще один день. Ты справилась». А Олиф этого никогда не понимала. Она думала, что рассвет предвещает новую беду. Он, словно нож, каждый раз рассекал ей грудь, напоминая, что жизнь идет, и раз она не способна саму себя убить, придется эту жизнь проживать. Но рассвет лишь давал ей знак, что она не овощ — она живая. И это мгновение означало начало нового дня. Дня, когда можно было начать жизнь с чистого листа, каким бы трудным это ни казалось.

Второе — это Лекс. Не просто встреча с ним, или его удивительный образ на оазисе, или то, как он учил ее драться, или как спас от Хозяина. Или как рассказывал о своей судьбе. Нет. Мгновение — это весь Лекс, полностью. Он научил ее жить. Он показал ей, что жизни существует даже тут, в аду. Он подарил ей силы, чтобы бороться. Чтобы победить. Он спас

ее. Действительно спас, ведь иначе она погибла бы еще там, в пустыне.

И третье. Для Олиф самым важным мгновением было это. Здесь и сейчас.

Ощущение свободы. Ощущение победы. Ощущение жизни.

Она выбралась. Она смогла.

В какой-то момент девушке показалось, что ей просто нечем дышать. Грудь настолько переполнилась воздухом, что он стал лишним. Будто она старалась вдохнуть его как можно больше. Будто боялась его потерять. Олиф закашлялась, и счастливо улыбнулась. Даже кашель звучал по-другому тут, наверху. Как будто громче. Как будто радостнее. Как будто живее.

— Я живая, Кнут, — прошептала девушка. — Я живая.

«Открой глаза», — посоветовал змей, и по его интонации она поняла, что он улыбается.

Олиф долго не могла привыкнуть к свету. Как же она раньше не замечала, насколько он прекрасен? Он был такой яркий, такой светлый и теплый. Он был самый прекрасный. Он освещал эту землю, эту пустыню... эту жизнь.

Если когда-нибудь вам доведется увидеть пустыню, улыбнитесь и наблюдайте за ее сиянием.

Пески состояли из миллиардов маленьких кристалликов. Как только за горизонтом появляются первые лучи солнца, кристаллики начинают светиться. И сейчас они сверкали. Казалось, что это тысячи алмазов отражают в себе свет, и передают его друг другу, делятся им. Они дарят друг другу его тепло. Они сверкают благодаря солнцу. Именно оно дарит жизнь.

Свет дарит жизнь.

Олиф откинула голову назад и раскинула руки. Она решилась. Она закричала.

— Я живая, Кнут!!! — ее крик разнесся так далеко, что, казалось, его слышали сами Берегини. — Я ЖИ-ВА-Я!!!

Ее смех отразился от высоких песчаных барханов. Подул легкий ветерок. А Олиф смеялась. Смеялась так долго и так искренне, что заболело горло. Показалось, что голосовые связки сейчас вывалятся наружу. Но она не прекращала. Смеялась настолько громко, что сердце готово было выпорхнуть из груди.

Они начали замедляться. Девушка посмотрела на кружащие вокруг них пески, поднимаемые из-под тяжелого змеиного тела. Улыбнулась, понимая, что никогда не замечала того, что они похожи на волшебную пыльцу.

Наконец, Кнут остановился. Олиф, с трудом передвигая ногами, смогла буквально съехать по чешуе змея. Она не могла поверить в то, что чувствует песок под ступнями. Что видит яркое солнце, голубое небо. Она ощущала невыносимую духоту, но и та была для нее такой прекрасной...

— Спасибо тебе, Кнут! — Девушка кинулась обнимать огромное животное.

«Не за что».

— О Берегини, неужели мы сделали это?! Мы выбрались! Мы здесь, наверху! Ты можешь в это поверить?!

Олиф вновь засмеялась, не удержалась, и пару раз радостно подпрыгнула.

— Мы выбрались!!!

Она плюхнулась на песок и блаженно запустила в него руки, не обращая внимания на их ужасно высокую температуру.

— Этого просто не может быть...

Ее все еще трясло от осознания того, что они сбежали от Песчаников и выбрались наружу. Это было похоже на сон. Девушка подняла взгляд на Кнута, не в силах прекратить улыбаться.

— Спасибо, — благодарно сказала она.

Кнут в ответ лишь устало положил голову на песок.

— Что с тобой? — нахмурилась Олиф.

«Я вообще-то вытащил нас из лап разъяренных воинов, если ты не заметила. Мне нужен отдых», — надулся змей.

— Хорошо, — понимающе кивнула девушка.

Олиф обвела взглядом пустыню и заметила, как небо вокруг нее отдает рябью. Она недоуменно прищурилась. На секунду ей показалось, что что-то похожее она уже видела. Точно видела. В тот день, когда ее судили Кровавым законом.

Память услужливо воспроизвела тот самый момент, когда ее вели к пустыне. Люди вокруг радовались еще одной наказанной преступнице, к тому же еще и девушке. Олиф знала, что женщины на наказание реагируют по-другому — менее сдержанно. Более красочно. В тот момент, когда ее подвели к пустыне, фон пошел рябью. Он переливался на солнце, отдавая всем цветами радуги.

Кнут привез Олиф к Песчаной Завесе.

Девушка вскочила на ноги, и нетвердой походкой направилась прямо к прозрачной стене. Той самой стене, которая отделяла холодную землю и горячий песок. Олиф выбралась из глубокого песочного склона, и поняла, что все это время в сотнях локтях от нее находился лес. Прямо на границе умиротворенно стояли настоящие зеленые деревья. Живые деревья. Не какие-то там жалкие, облезлые кустарнички, а елки с пушистой хвоей, осины с высокими мощными стволами.

Олиф показалось, что под ногами разверзлись зыбучие пески — настолько тяжело стало делать каждый шаг, словно ступни вязли в этой пустыне все больше и больше. Она шла к Песчаной Завесе так долго, что, наверное, прошли целые дни, или даже годы. Ноги подкашивались, в горле пересохло.

Олиф не могла поверить, что вот прямо там, за этой дурацкой стеной, лежит настоящая земля. Не пески, а холодная твердая земля. Там, всего в несколько локтях от нее, не хочется пить, не хочется спрятаться в тени, там температура настолько мала, что даже не приходится обвязывать голову повязкой, а по земле можно бегать босиком. Девушка усмехнулась самой себе: ведь когда-то она так же не верила в климат пустыни.

Олиф подошла совсем близко. Граница была такой нелепой, что хотелось потереть глаза и убедиться, что это просто в глазах рябит. Темный цвет земли и желтый цвет песка настолько не сочетались друг с другом, что внутри просыпалось непреодолимое желание взять краски и перекрасить их в другие цвета. Черный и белый, например. Так хотя бы суть станет понятна.

Олиф осторожно поднесла руку к Песчаной Завесе. Затаила дыхание. Тонкая переливающаяся стенка дрогнула, словно была такой тонкой, что колыхалась даже от человеческого дыхания. Пальцы девушки легко прошли сквозь пленку, и она почувствовала, как кожи коснулся настоящий, освежающий холод.

Олиф тут же одернула руку.

Как бы ей не хотелось оказаться там прямо сейчас, она не сделает этого без Лекса.

Девушка развернулась и стремглав полетела обратно к змею.

«Ну как?» — поинтересовался тот, как только она плюхнулась рядом с ним.

— Необыкновенно, — искренне ответила Олиф.

«Я искал место покрасивее», — гордо отозвался Кнут и тяжело вздохнул.

— Правда? — удивилась она. — Для меня?

«Да, — в его голосе прозвучало смущение. — Я хотел, чтобы ты запомнила этот момент».

— Я запомню его, — улыбнулась девушка. — Такое невозможно забыть.

«Надеюсь, тебе там понравится».

Олиф повернула голову в сторону виднеющейся Песчаной Завесы. Отстраненно посмотрела на игру радужных бликов. Эта граница была так близко, и в то же время так недостижима.

— Я не знаю. Не знаю, что я буду делать там.

В памяти всплыли Изгнанники, которые вернулись в их село. Вернулись, чтобы все равно умереть, только на этот раз от рук тех, кто должен был их защищать.

«Все будет хорошо», — дыхание Кнута стало тяжелее. Похоже, пустыня давала о себе знать. Олиф тоже было тяжело дышать.

— Хорошо уже никогда не будет. Не в этой жизни. — Девушка провела рукой по волосам, и поняла, что за это время голову не слабо припекло. — Ой, я забыла про солнце!

Она вскочила на ноги, покрутилась по сторонам, понимая, что с собой у нее ничего нет. Тогда она, прямо как в старые, но не добрые времена, оторвала чуть ли не половину платья, разделилась его на три куска, и одну часть повязала вокруг головы, а две другие вокруг ног. Она уже и забыла, какая пустыня на самом деле «горячая».

— Что теперь будем делать?

«Ждать, больше мы ничего не можем».

— Думаешь, они справятся?

«А куда они денутся? — удивился Кнут. — Им давно пора помириться».

— Не похоже, чтобы они снова стали друзьями, — нахмурилась девушка.

«Каждый дружит по-своему, а этим просто нужно время. Обиды так просто не забываются». — Змей чуть повернул морду, зарывшись носом в песок.

— Кнут, ты как-то тяжело дышишь, ты в порядке?

«Я устал».

* * *

Уже вечерело, а Лекс с Ринслером так и не появились. Олиф сидела рядом с Кнутом и рассеяно водила пальцами по песку. Некогда голубое небо постепенно окрашивалось розоватым оттенком. В пустыне медленно, но верно, день сменяла ночь. Пески больше не светились ослепляющим светом, теперь они угасали прямо на глазах. Температура опускалась все ниже, стало заметно холоднее.

Но Олиф не обращала внимания на изменение природы вокруг.

Ее интересовало лишь одно: почему не вернулись парни? С ними что-то случилось? Они не справились? Не мудрено, ведь Лекс еще в момент их прощания, выглядел, как истерзанная тряпка. И вот такой вот — раненный, уставший — он кинулся в самое пекло. Идиот. А если он лежит там, в подземелье, и истекает кровью? Останься Олиф с ним, она бы

ему помогла, а она сидит здесь и изнывает от неизвестности.

И вообще, что, если Ринслер не простил Лексу предательства? Что, если весь этот цирк с Песчаниками, лишь уловка — и теперь Ринслер отыгрался на своем старом бывшем друге? Лучшего момента и не сыскать.

Олиф старалась отогнать страшные мысли подальше, но почему-то не получалось. Они как будто нарочно въедались в мозг. Это было просто невыносимо: сидеть вот здесь, на песке, и гадать, дышит еще дорогой тебе человек, или уже нет. Время вокруг медленно замирало. Секунды длились так мучительно долго, что иногда казалось, просто не хватит сил это вытерпеть.

Кнут лежал рядом и периодически порывисто вздыхал.

Девушка отстраненно посмотрела на заходящее солнце. Небо окрашивалось в нежно розовый цвет, а где-то виднелись оттенки и темнее. Олиф знала, что пройдет еще немного времени и закат станет кроваво-красным, а прямо посередине будет выглядывать солнце, освещающее землю последними лучами, которые не то, что не согревали, даже не касались песка. Просто дарили последний свет, прежде, чем главенствующее место займет круглая и по-своему «сочная» луна. А затем в пустыне станет так холодно, что продрогнут все конечности. Волосы отчасти покроются инеем. И кто-то из Изганников заснет в эту ночь, и больше уже не проснется.

Олиф повернула голову к змею.

— Почему они так долго?

Кнут лишь фыркнул в ответ, скорее выпуская пар из ноздрей, нежели отвечая. Его морда осунулась, веки начали тяжелеть. Змей не шевелился, но в его глазах читалась жалость. Он, конечно, тоже надеялся на лучшее, но все-таки был скорее реалистом. Здравый смысл подсказывал, что еще немного, и надеяться уже будет бессмысленно.

Олиф обессилено легла на песок. Тот остывал на глазах. Спустя несколько минут лежать стало холодно и к тому же жестко. Что ни говори, но она уже приноровилась спать на твердой, но все-таки перине, и песок казался каким-то неестественным.

Периодически дул прохладный ветерок, предвещающий песчаную бурю. По печальному опыту Олиф уже знала, что надвигается она медленно и неохотно. Пески, подталкиваемые редкими порывами воздуха, поднимались ввысь и оседали на теле девушки. Постепенно она превращалась в песчаный кокон.

— Интересно, если не двигаться, меня тут засыплет песком? — вырвалось у нее.

Ответом ей было молчание.

Кнут, наверное, не знал, что на такое сказать. Или просто не хотел отвечать. Похоже, его характер не изменяет ему даже тут, на воле.

— Как ты думаешь, они живы? — спросила Олиф спустя некоторое время.

Кнут снова ничего не ответил. Девушка вздохнула. Она, в общем-то, тоже не была настроена на разговор. Однако, несмотря на это, все равно задала еще один вопрос:

— Ты же ненавидишь Лекса с Ринслером, почему же согласился довести меня?

Кнут молчал.

На этот раз девушка обижено села, нарушив свое обещание, мысленно данное самой себе: не шевелиться, пока не появятся «отважные герои».

Змей наполовину зарылся мордой в песок. Глаза были закрыты, а тело вздымалось так часто, что сразу стало понятно: ему очень, очень тяжело дышать.

— Кнут, что с тобой?! — испугалась Олиф.

Она быстро поползла к змею. Тот даже не открыл глаз.

— Кнут, скажи что-нибудь!

Но он молчал. Олиф не была специалистом по вопросам странного поведения змей, но сейчас отчетливо поняла, что его чешуя потемнела, и начала оседать, словно морщинистое лицо у семидесятилетнего старика.

— Кнут!!

Она подползла к нему вплотную, коснулась змеиного тела и ошарашено посмотрела на свою руку. В ней остались два чешуйчатых лепесточка.

— О Берегини, Кнут, что происходит?! — вскричала Олиф.

Это было не похоже на какую-то песчаную болезнь, и уж солнце с жарой тут точно были не причем.

— Кнут, ты слышишь меня?! Ответь, пожалуйста, ответь!!!

«Слышу, — прозвучал в голове тихий голос. — Я тебя слышу».

— Что с тобой?!

Олиф вскочила на ноги, подбежала к морде змея и села прямо напротив. Но Кнут не открывал глаз. На секунду ей показалось, что его тело иссохло на жаре. Но этого просто не могло быть: змеи были приспособлены к солнцу, Олиф знала это.

Девушка вновь вскочила на ноги, пытаясь докричаться до змея. Она делала несколько неловких шагов сторону, наклоняясь ближе к его телу, но, не осмеливаясь снова дотронуться до чешуи, и кричала, что есть мочи. Она не понимала, чем это сможет ему помочь, но что еще можно сделать, просто не знала.

— Кнутик, родной, пожалуйста, очнись! Это несмешная шутка! Пожалуйста, хватит!

Она сделала пару неловких шагов в сторону, и замерла на месте. Ей вдруг показалось, что в одну секунду на небе образовалась огромная туча и выпустила в нее самую сильную молнию.

Олиф была права: это не «солнечная болезнь». Змеи не умирают от солнца. Зато они умирают от стрел.

В левом боку Кнута торчало около десятка деревянных кончиков, с красными перышками.

Девушка покачнулась на месте. Все это время она тут сидела и распинаясь, как же ей хорошо на свободе, как же она счастлива, и как же поскорее хочет вернуться домой, на землю. Она бегала к Песчаной Завесе. Она кричала на всю пустыню о том, что наконец-то свободна. Она жаловалась на Лека и Ринслера, боялась, металась из стороны в сторону. Она говорила о том, как же хочет, чтобы это поскорее кончилось. Она думала о своей семье, как они ее встретят, и примут ли вообще.

А Кнут в это время умирал. Лежал рядом, в нескольких локтях от нее, и медленно умирал. Улыбался, отвечал, и умирал.

Олиф упала на колени.

— Почему ты не сказал? — голос ее подвел: дрогнул и охрип. Она выдавила из себя эту фразу шепотом.

«Все хорошо», — тихо ответил он.

Казалось, что его голос медленно уплывает, и постепенно отдаляется за толстую стену, становится все тише... и глохнет... глохнет... глохнет.

— Ничего ни хорошо! — выдавила девушка. Она присмотрела к ранам. — Постой, кровь... крови же нет! Нет крови! А раз нет крови, значит, стрелы не пробили чешую, так? И

ты не умираешь!

«Это происходит не так, — по его интонации стало ясно: он улыбается. — Утекает не кровь, утекает жизнь».

— Кнут, нет. Нет. — Мир вдруг смазлся в непонятные расплывчатые пятна. Картинка совершенно потерялась, а потом из глаз потекли слезы.

«Все хорошо», — повторил он, а голос стал еще тише.

Чешуя начала опадать чаще. Вокруг змея уже начали скапливаться чешуйчатые лепестки, словно осенний листопад начался раньше назначенного срока. Как будто листья на цветущих деревьях вдруг съжились, потемнели и в одночасье умерли.

— Нет, — прошептала она. — Не может так все кончиться. Мы ведь только-только выбрались наружу! Ты не можешь уйти! Ты не можешь меня оставить!

Олиф подползла к голове змея, и прижалась к нему всем телом. Слезы хлынули с такой скоростью, словно все это время, со дня смерти ее родителей, они копились-копились, а теперь решили, что с них хватит. И они вытекали, и вытекали, как будто это могло что-то изменить. Как будто они могли кого-то спасти.

Кнут не открывал глаз. Его тело уже больше не жило: из ноздрей не слышно было дыхания. Однако голос в голове продолжал тихо отвечать:

«Я согласился потому... что знал: нам оттуда вдвоем не выбраться».

— Как ты мог согласиться?! — захлебываясь слезами, спросила Олиф, чувствуя, как под ее телом опадают чешуйки.

«Я давно этого хотел. Наконец-то я их увижу. У меня был самый лучший сын».

Казалось, что сильнее плакать уже не возможно. Возможно. Девушка разревелась в голос.

— Я не отпущу тебя, Кнут. Это мои стрелы. Они все должны были попасть в меня! Ты не заслужил этого, слышишь?! Не уходи... не оставляй меня... пожалуйста, прошу тебя, не оставляй!

«Скажи всем, что у меня был самый лучший сын», — тихо попросил Кнут.

— Я скажу, только не уходи!

«И жена. Я любил ее».

Олиф сильнее прижалась к нему, чувствуя, как под кожей нет больше ничего, кроме мертвого холода. Такого холода, который после себя оставляет Смерть.

— Ты не можешь меня бросить, Кнут!!!

Олиф обессилено шмыгала носом, нескончаемые слезы намочили ее собственные руки и змеиную кожу. Но девушке было плевать. У нее из-под пальцев уплывал ее друг, и она ничего не могла сделать. Только плакать и беспомощно просить, чтобы он не уходил. Она потеряла маму с папой, она знала, что такое смерть. Но она не могла смириться. Просто не могла.

Еще секунду назад твой друг разговаривал с тобой, а теперь даже не шевелится. Не дышит. И уже не отвечает... Олиф поняла это только сейчас: на ее мольбы уже нет ответа.

Кнута больше нет.

Вот так вот, в одночасье. Судьба показала ей дорогу к осуществлению своей мечты, и забрала за эту свою цену. Непомерно высокую цену. Лучше бы Олиф умерла в самом начале, как только попала в эту чертову пустыню. Эта цена слишком высока. За нее, Олиф, умирают люди. И звери. Но Олиф этого не заслужила. На месте Кнута должна была быть она.

Девушка знала, что змей умер, и все равно шептала:

— Не уходи... не оставляй меня...

Просто смерть нужно осознать, но Олиф не хотела ничего осознавать. Она передвинулась к правому боку змея, проводя руками по чешуе, и оставляя за собой дорожку из мертвых лепестков. Легла рядом с ним и прижалась к нему всем телом.

— Я тебя не отпущу, — пообещала она.

* * *

Когда Лекс с Ринслером добрались до плебейки на своих змеях, было уже далеко за полночь. Небо окрасили тысячи звезд. И этим звездам было не важно, умер кто-то, или, наоборот, родился. Они каждый день делали свою работу: появлялись на небе, словно по какому-то сигналу загораясь, а затем погасали. Потом начинался новый день, и все повторялось снова и снова. Звезды только светились и наблюдали.

Звезды видели растерянные лица двух мужчин, когда те заметили голую кожу огромного змея, и тысячи мертвых чешуйчатых лепестков вокруг. Они сразу поняли, что произошло. Они уже видели, как умирают Бронированные Змеи. Без крови. Без криков. Без боли. Они оставляют после себя лишь одно напоминание: мертвые листья, которые уже никогда не сгниют.

Звезды видели, как Лекс соскочил со своего Бронированного Змея прежде, чем тот успел остановиться. Звезды видели, как мужчина бросился к мертвым лепесткам. Его раны отдавали тупой болью, он хромал на обе ноги, был бледен, как живой покойник, и очень обеспокоен. Он добежал до мертвого змея и начал шарить руками среди темных лепестков. Полная луна придавала им особый, зловещий цвет.

Наконец, мужчина вызволил из-под них еле живую девушку. Нет, она дышала, но дышала тяжело, прерывисто — долгие, нескончаемые слезы выжали из нее все силы. Лекс затряс Олиф в руках, заставив прийти в себя. Она с ужасом распахнула глаза, а когда сообразила, что произошло, начала отчаянно вырваться. Лекс пытался оттащить ее от тела мертвого змея, но Олиф извивалась, царапалась, и кусалась. А еще она истошно вопила. Так вопят пленники, которых режут заживо.

— Я его не отпущу!!! Я его не отпущу!!!

Звезды видели, насколько безумным было ее лицо. Она пообещала не отпускать своего друга, и она держала свое обещание. Олиф удалось высвободиться из ослабевших рук израненного мужчины, и девушка с каким-то неуправляемым бешенством поползла обратно к змею. Легла рядом с ним, прижавшись всем телом, и вцепилась в него руками, словно он был единственной деревянной дощечкой в огромном океане. Олиф не плакала — ей было уже нечем, — она только содрогалась в беззвучных рыданиях, и оттого выглядевших еще страшнее.

Звезды видели, как Лекс вновь приблизился к ней, но в этот момент к нему подошел его бывший друг, и тихо сказал:

— Дай ей время.

Они отступили вместе. Они оба знали, и прекрасно помнили, свое «посвящение». Нет, не когда убиваешь незнакомого человека, а когда у тебя на руках умирает твой друг. Или брат.

Это происходит так быстро... слишком быстро. Его тело холодеет за секунды, а ты

сидишь над ним, и понимаешь, что еще так много не сказал, так много не сделал. А он вот тут, у тебя на руках. И уже поздно.

Олиф всхлипнула и громко крикнула:

— Я тебя не отпущу!!!

Лекс на секунду прикрыл глаза, повернулся к Ринслеру и сухо предложил:

— Пошли, пройдемся до Песчаной Завесы.

* * *

Светало. На этот раз не яркими золотистыми лучами. Рассвет был багряно-красным. Он знал, что вчера умер лучший друг и товарищ троих ничем не связанных людей. Ничем, кроме общего наказания. А теперь еще и общего горя.

Лекс поднялся первым. Все тело ныло. В горле пересохло. Ему хотелось ухватить еще несколько мгновений, лишь бы вновь опустить голову на песок и расслабиться, но время утекало слишком быстро, чтобы тратить его на жалость к себе.

Настал тот час, когда нужно было выбираться отсюда. Мужчине тоже было жаль хорошего товарища, перед которым он никогда уже не искупит свою вину. Но Лекс поставил перед собой цель, и он должен ее добиться. В нем не было особо трепета перед решительным шагом, он вообще не хотел уходить из пустыни. Не потому, что ему тут так сильно нравилось, нет. Он не отбыл своего наказания. Не заслужил еще своей смерти.

Поэтому решение выйти отсюда он принял не ради себя.

Лекс подошел к Олиф, опустился на корточки рядом. Девушка лежала с открытыми глазами, все лицо ее опухло, веки были красными от слез. Мужчина осторожно коснулся ее волос и негромко спросил:

— Живая?

Олиф не ответила.

— Нам пора.

Она покачала пыльной головой.

— Я никуда не пойду, — хрипло выдавила девушка.

— Останешься тут?

— Да.

— Будешь лежать рядом с трупом?

— Да.

— А когда он начнет разлагаться, что ты будешь делать?

— Я... я не отпущу его.

Лекс вздохнул, со сдержанным стоном согнул правую ногу и сел рядом.

— Ты его не вернешь. Когда кто-то умирает, он, как правило, больше уже не возвращается.

Олиф упрямо смотрела на розоватую кожу змея и молчала.

— Чем ты сможешь ему помочь?

— Я его просто не отпущу, — в сотый раз повторила девушка.

— И как ты намеренна это сделать?

— Я... просто... — Олиф почувствовала, как ком застрял в горле. — Не отпущу.

— Он уже ушел, Олиф.

Девушка перевернулась на спину и недоверчиво посмотрела на мужчину.

— Что-то тебе не особенно его жаль, — сухо сказала она.

— Я всю жизнь теряю дорогих мне людей. Как и ты.

— Кнут этого не заслужил!

— А хоть кто-нибудь заслужил?

— Его стрелы должны были попасть в меня! В меня, понимаешь?! — злобно выплюнула девушка.

Лекс кивнул.

— Да, наверное, должны были. Но ведь не попали. — Он на секунду замолчал, а потом вздохнул и сказал то, чего сам от себя не ожидал: — Ему там лучше. Он встретил свою семью, своего сына...

— У него был самый лучший сын, — вставила Олиф.

— Да, это точно. Он счастлив там, наверно. Берегини хранят его.

Вообще-то Лекс не верил в загробную жизнь. Все, что могло ждать их после смерти — это темнота. Беспросветная и безнадежная.

— Это я виновата в его смерти, — покачала головой девушка.

— Кнут давно хотел встретиться со своей семьей. Теперь он счастлив.

— Нет, это я, Лекс! Это все я! Надо было воткнуть себе нож в сердце еще тогда, когда я только попала в этот пустынный ад! — на глазах у нее вновь выступили слезы.

Мужчина вздохнул. Он не представлял, что девчонка сейчас переживает. И какие слова еще можно сказать, он тоже не знал. Лекс просто молча посидел рядом, а затем осторожно начал говорить:

— Олиф, он бы хотел, чтобы ты выбралась.

— Ты не можешь этого знать.

— Если бы не хотел, не согласился бы тебя сюда отвезти.

Девушка подняла на мужчину жалостливый и растерянный взгляд. Внутри нее смешалось столько чувств, что она даже не знала, совесть ее гложет, или горе? Чувствует ли она боль, или это всего лишь жалость к самой себе? Потеряла ли она друга, или это еще одно испытание, которое преподнесла ей Судьба? А может, это все вообще не настоящее? Может, это всего лишь сон? И скоро она проснется в своей родной кровати, спустится вниз и увидит Тимку, Тару и Марику. Усмехнется, и пойдет на поля. Все как обычно, все, как в настоящей жизни.

Обманывать себя, заставлять поверить в несуществующие вещи, было очень приятно, но невероятно сложно. Особенно сложно было признаться в этом самой себе.

Ведь все это настоящее. Реальность, что ее окружала, была убийственной.

— Я обещала ему, что не отпущу его... — тихо выдавила Олиф. Настолько тихо, что мужчина с трудом ее расслышал.

— А еще ты обещала вернуться домой.

— Я не могу.

— Без него?

— Да.

— Олиф, — серьезно сказал Лекс. — Тебе придется с этим жить.

— Как? — всхлипнула девушка.

— Как всегда. Просто вставать с утра и улыбаться. Даже если не хочется — вставать и улыбаться. Кнут хотел бы, чтобы ты так жила. С улыбкой, понимаешь?

— Он мертв, — бесцветным голосом ответила девушка, — как я могу улыбаться?

— Так же, как и я. Как мы все. Все Изгнанники, что попали сюда.

Олиф уставилась невидящим взглядом куда-то в пустоту.

— Убийца — я, а умер он. За меня. И ты предлагаешь мне улыбаться?

— Я предлагаю тебе сохранить ту жизнь, за которую он отдал свою.

Эти слова, словно хлесткая пощечина, отрезвили девушку. Она вздрогнула, как от удара. Кнут пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти ее — Олиф. Змей специально выбирал такое место, которое она запомнит. Он знал, что для нее это значит слишком много. И еще он знал, что уже не сможет увидеть, как она выберется. Но хотел этого: хотел, чтобы она смогла вдохнуть чистый воздух, не пропитанный маленькими песчинками. Он спас ее, чтобы она выбралась.

— Уведи меня отсюда, — жалостливо попросила девушка, чувствуя, как сердце разрывает от боли. Она почувствовала себя предателем, хотя и осознавала, что Кнут пожертвовал собой, что спасти одну никчемную человеческую жизнь.

Девушка сжала кулаки и почувствовала, как кожи коснулось несколько опавших чешуйчатых лепестков. Она схватила несколько себе в ладонку и подняла отчаянный взгляд на мужчину. Тому и самому пришлось не сладко, а тут еще и беспомощная девчонка. Но Лекс не выглядел злым, наоборот, на его лице появилась горькая усмешка.

— Сама идти не сможешь?

Олиф покрутила головой. Лекс вздохнул и присел рядом.

— Давай руки.

Он потянул Олиф на себя, и, подставив под ее тело свою спину, заставил девушку прижаться к себе. А затем вместе с ней поднялся на ноги. Олиф ахнула.

— С ума сошел?!

— Пошли, плебейка, — лишь усмехнулся в ответ тот.

— Ты же не дойдешь! Отпусти меня!

— Какая же ты несговорчивая, — поморщился Лекс.

— Я не хочу убить еще и тебя! — в отчаянии крикнула Олиф.

— Не волнуйся, не убьешь.

Сидеть у мужчины на спине было очень странно и непривычно. Он перехватил руками ее ноги, и если бы она не держалась за его плечи, то просто напросто перевернулась бы вниз головой. Лекс на последующие возражения не реагировал. Олиф чувствовала, как тяжело ему было идти, но сделать ничего не могла. Он упрямо делал небольшие шажки навстречу Песчаной Завесе.

Девушка знала, что никакие возражения не помогут. К тому же, она не сможет сделать это сама — не сможет дойти до Завесы, и выбраться наружу, чтобы не потратить время, которое подарил ей Кнут, зря. Без Лекса ей не справиться.

Олиф сильнее прижалась к телу мужчины, обхватила руками его шею, и положила голову ему на плечо.

Они двигались медленно, и каждый шаг, казалось, отдавался в сознании глухим ударом. Олиф смотрела на тянущуюся по всему периметру Завесу и вспоминала о словах Кнута. Змей хотел, чтобы она запомнила этот момент. Чтобы почувствовала себя счастливой. Она слишком привязалась к нему, и ненавидела себя за это. Ее ведь предупреждали, чем это может грозить, но она не послушала. И теперь, один за другим, умирали близкие ей люди. И звери тоже.

А Лекс шел вперед, и оставались какие-то считанные шаги до рубежа. До того момента, когда все кончится — когда жалость перестанет быть слабостью.

— Ринслер идет с нами? — чуть повернув голову, спросила девушка прямо в ухо мужчине.

— Он... да. Только другой дорогой.

Олиф не ответила. Она посмотрела на небо. На пески. На барханы. Перевела взгляд на Песчаную Завесу. А затем, неожиданно для самой себя, попыталась улыбнуться. Лицо исказила жалкая гримаса. Один уголок рта поднялся, другой — нет. Олиф почувствовала стыд. Однако спустя пару мгновений снова повторила попытку. Губы не желали раздвигаться. Выдавали лишь подобие улыбки, но Олиф и этого было достаточно. Глаза не улыбались, но на щеках появились ямочки. Она только надеялась, что Кнут видит это. Она надеялась, что он не осуждает ее.

Неожиданно Лекс остановился.

Олиф подняла голову и посмотрела на прозрачную стену, которая была буквально в локте от лица мужчины, и в двух — от ее. Один шаг и все кончится. Один шаг.

— Слезешь? — спросил Лекс.

Олиф кивнула и почувствовала, как мужчина отпустил руки. Девушка аккуратно встала на землю. Обернулась, словно запоминая пустыню. А затем взяла Лекса за руку и серьезно сказала:

— Пошли.

Они сделали этот шаг вместе. Вместе почувствовали, как каждую клеточку тела коснулся холодный воздух, как пробил с ног до головы озноб. Они вместе поняли, что задыхаются от переизбытка кислорода. Вместе не удержались на ногах, и, задыхаясь, упали на колени.

А под ногами у них была твердая земля и она больше не рассыпалась. Она была холодная, как камень, и одновременно жесткая, как лед.

Олиф легла на спину и почувствовала, как сжимает что-то в руке. Это были мертвые чешуйки со змеиного тела. Девушка посмотрела на светлое небо, которое больше не ослепляло, и закрыла глаза.

Теперь они стали по-настоящему свободны.

— Спасибо, Кнут, — прошептала Олиф.

* * *

Девушка лежала на зеленой траве так долго, что даже привыкшее к резкой смене температуры тело, пробила дрожь. Спине стало холодно, но Олиф не собиралась двигаться.

— Такая мягкая, — в который раз сказала девушка и провела руками по траве.

Лекс сидел рядом. Он старался не показывать, насколько ошарашен, удивлен, и в каком смятении находится. Но повернув голову, Олиф заметила, что он вцепился руками в маленькие зеленые стебельки. Он тоже наслаждается давно забытыми ощущениями.

— Солнце здесь другое, — сказала девушка. — Жаль только, что ни Хэнк, ни Кнут этого уже не узнают.

— Ты счастлива? — спросил Лекс.

— Наверное, да, — кивнула Олиф.

— Значит, и они сейчас счастливы. — Мужчина поморщился, сделав попытку сменить положение. На многих ранах виднелась застывшая кровь, но многие по-прежнему кровоточили. Однако главное, за что девушка беспокоилась больше всего — это его шов, который пока, слава Берегиням, не разошелся.

— Что теперь будет? — тихо спросила Олиф.

Лекс пожал плечами.

— Что угодно.

Он то и дело смотрел на Песчаную Завесу, которая виднелась совсем рядом с ними. Наверняка думал, правильно ли он поступил, решив пойти вместе с Олиф.

Они не говорили о том, что будут делать дальше. Им нужно было время, чтобы привыкнуть к тому, что вокруг все зеленеет, живет и дышит. В этом мире не нужно было бороться за жизнь каждую прожитую секунду. Здесь жажда не была такой иссушающей, как в пустыне. Здесь никто и никогда не видел зыбучих песков. И уж тем более, никто никогда не встречал Песчаников, не участвовал в смертельных Боях, не общался с говорящими змеями, и никогда не чувствовал приближающиеся мгновения смерти.

Олиф посмотрела на Лекса. Он явно находился в смешанных чувствах, впрочем, как и она сама.

Однако все явственнее на его разорванной рубахе проступали кровавые пятна. Олиф не вполне отдавала себе отчет в своих действиях. Она все еще не могла отойти от пережитого этой ночью, и, наверное, не до конца еще осознавала, что теперь они свободны. По-настоящему свободны. Но она видела, как тяжело приходилось Лексу. Его бледный вид, скорее напоминающий ходячего покойника, заставил ее мыслить трезво. Если они продолжают сидеть тут, Лекс просто истечет кровью.

— Мы должны найти лекаря, — сказала Олиф самой себе.

— Что?

— Мы должны найти тебе лекаря, — повторила она громче.

— Нашла о чем волноваться, — махнул рукой мужчина.

— Да, нашла, — с вызовом ответила девушка. — Посмотри на себя. Тебе нужен лекарь.

— Заживет, — поморщился Лекс.

— Нет, не заживет. Ты же знаешь, что без чужой помощи не заживет.

Мужчина повернул голову и пристально посмотрел на девушку. Олиф ожидала, что он, в своей любимой манере, снова начнет препираться и обзывать ее, но он неожиданно поднялся и подошел к девушке.

— Тогда не будем терять времени. — Лекс протянул ей руку и помог встать.

Да, он знал. Знал, что без посторонней помощи не заживет, и поэтому не хотел терять ни минуты. Почему-то именно сейчас умирать вдруг резко перехотелось.

... Они шли по лесу медленно, разглядывая непривычно зеленые деревья, свежую траву и слушая пение птиц. Олиф лишила этого на долгих три месяца, Лекса — на два года. Осознание того, что они вернулись домой, буквально прошибало насквозь. В глубине души девушка понимала, что возвращаться в родное село было нельзя. Она прекрасно помнила судьбу трех Изгнанников, но ей так хотелось увидеть всех своих близких, всю свою семью. Она не могла представить себе их реакцию, но отчаянно надеялась, что хотя бы не увидит в их глазах отвращения.

Размышления о семье длились недолго. Олиф видела, как тяжело было идти Лексу, как сильно он старался сфокусировать взгляд на земле и не споткнуться. Ей стало так жаль его,

что она сама удивилась, насколько сильно защемило сердце.

Они обязательно должны найти помощь.

Все будет хорошо. Все должно быть хорошо. Она не может потерять еще и его.

— Ты в порядке? — осторожно спросила девушка.

— Жить буду.

Олиф помрачнела еще больше. Если он так говорит, значит, дело совсем плохо.

— Я могу пойти вперед и привести помощь, — предложила она.

— Очень смешно. Я в порядке.

Лес тянулся бесконечно долго. В какой-то момент Олиф поймала себя на мысли, что больше не восхищается этими зелеными деревьями вокруг, а лишь хочет, чтобы они поскорее закончились. Лекс дышал все тяжелее, и теперь уже начал спотыкаться буквально о каждую торчащую из земли корягу. С каждой минутой волнение завладевало девушкой все сильнее.

Время тянулось мучительно долго. Может, от того, что пейзаж вокруг почти не менялся, а может от того, что шли они очень медленно, и каждый шаг им обоим давался слишком трудно.

Наконец, в какой-то момент они наткнулись на деревню. Сперва им попался указатель, с размазанными буквами. Олиф читать не умела, а Лексу было слишком плохо, чтобы еще пытаться что-то разглядеть. Они прошли мимо него, и вскоре вышли напрямик к старым, покосившимся воротам.

— Обойдем, — сказал Лекс.

— Что? — опешила Олиф. — Но ведь мы же...

— Обойдем, — жестко повторил мужчина. — Вряд ли мы напоминаем простых жителей.

Девушка догадалась, что он не хочет привлекать внимание. Выглядели они действительно ужасно, явно не напоминая даже пьяниц. Особенно Лекс, с его-то ранами на теле и синяками по всему лицу. Пришлось обходить деревню лесом и искать домик, который не выделялся из общей массы и вместе с тем находился на самом краю деревеньки.

Олиф сразу заприметила маленькую избушку, в отличие от других, скрывшуюся среди лесных деревьев. Крыльцо было сделано из темного, но уже прогнивающего дерева — прямо как в избе Олиф. Именно из-за этого девушка и выделила для себя именно этот домик. Она покрепче перехватила руку Лекса, и потянула его к крыльцу.

Они осторожно начали подниматься по ступенькам, но мужчина вдруг резко остановился.

— Что случилось? — испугалась Олиф.

— Ты... ты еще помнишь, как общаться с людьми? — спросил он, и в голосе послышалось неподдельное беспокойство.

— Мы справимся, — заверила его девушка, сама не веря собственным словам.

Она не представляла, как два таких оборванца смогут запроситься на ночлег.

Олиф глубоко вздохнула и постучала. Дверь не открывали. Пришлось постучать еще раз. Лекс устало облокотился о перила. Олиф продолжала стучать. Наконец, дверь распахнула грузная, широкая тетка в темном фартуке и с белыми, от муки, руками.

— Чего тебе, дочка? — удивилась тетка, заведя незваных гостей.

— Мы... мы, тетенька, нам помощь нужна, — жалобно простонала Олиф. — Мы гуляли по лесу, тут недалеко от соседней деревни, как на нас напали разбойники...

У девушки на душе было настолько противно и скверно, что интонацию даже не нужно

было подстраивать, все вышло само собой. И слезы на глазах выступили как-то совершенно незаметно.

— Только помогите ему, прошу вас, мой отец заплатит любые деньги, — умоляющее попросила Олиф.

Тетка посмотрела на израненного мужчину, который уже, кажется, не отличал небо от земли, и вновь перевела взгляд на девушку.

— Что-то не похожи вы на людей. — Она с сомнением оглядела девичью фигурку.

— Разбойники чуть не убили нас, — ошеломленно ответила Олиф, — я думала, что они — это последнее, что я увижу в жизни, если бы не он, — она указала рукой на Лекса. — Он спас меня, понимаете? Помогите ему, прошу вас.

— Ладно, — махнула тетка не пойми откуда взявшимся полотенцем. — Тащи его в дом.

* * *

Лекс лежал на лежанке за печкой с тремя зашитыми ранами и кучей повязок по всему телу. Олиф была так рада, что их все-таки впустили в дом и помогли обработать ранения мужчины, что готова была вновь рассмеяться, как тогда, в пустыне. Но на этот раз уже не так счастливо. Просто на ее лице заиграла улыбка. Искренняя, такая, какой и ждал от нее Лекс. И Кнут, наверное, тоже.

Тетку, что приютила их у себя, звали Хестер. Пока они с Олиф перевязывали раны полуживого мужчины, она все охала, как же сильно ему досталось. А выслушав выдуманный рассказ девушки, о прекрасном спасителе, который явился из ниоткуда и перебил всех разбойников, скептически усмехнулась, заявив, что сейчас таких благородных мужиков на свете не осталось.

Олиф молча кивала и мысленно задалась вопросом, как можно так говорить о человеке, которого совсем не знаешь. Ведь ни Лекс, ни Олиф не были героями, они были преступниками. Изгнанниками. А Хестер разбрасывала словами, не зная настоящей правды. Для девушки это выглядело глупо и неправильно.

Как только Лекс оказался на лежанке, Хестер напоила Олиф чаем и даже положила ей булку с маком. От вида такой еды девушка чуть не плюхнулась в обморок. Она честно старалась не показывать удивления, и есть медленно. Но когда ты три месяца питаешься не пойми чем, когда все твои мысли занимает лишь одна: «нужно выжить», от вида маковой булки становится действительно плохо. Олиф и забыла, какая она вообще на вкус. Зато теперь вспомнила.

Сладкая.

Они с Хестер сидели за столом напротив догоравшей свечи, и женщина обрабатывала рану на лбу девушки. Царапина была совсем неглубокой, но так просто оставлять ее было нельзя.

В какой-то момент Хестер усмехнулась.

— Вы ведь не встречали разбойников, верно?

— Что? — растерялась Олиф.

— Говоришь ты красиво, но ведь я не слепая. Не похожи вы на людей, — во второй раз повторила она.

— Я не понимаю, о чем вы, — пролепетала девушка.

— Да ладно, не притворяйся. Я видела его.

— Кого — его?

— Не кого, а чего. Клеймо, у тебя на ладошке.

Олиф непроизвольно повернула руку и представила тетке живое доказательство того, что она Изгнанница. У девушки кровь застыла в жилах. Глупо было предполагать, что все пройдет удачно. Два грязных человека, в истерзанной одежде, насквозь пропитанной кровью вперемешку с песком, не могли не вызвать подозрений. Тем более, Олиф выглядела такой пришибленной, как будто повстречала не пятерых разбойников, а целую армию. Да и ее реакция на обстановку вокруг была слишком неправильной, не такой, какая бывает у нормальных людей. Однако девушка тут же заставила себя собраться с мыслями. Она выкрутится, чего бы ей это не стоило. Теперь от нее зависит не только ее собственная жизнь, но и жизнь Лекса.

— Вы нас выгоните?

— Не знаю, — усмехнулась Хестер. — Зависит от того, что вы можете мне предложить.

— Вы хотите денег, — догадалась Олиф.

— А ты, видно, давно из-за Песчаной Завесы не выглядывала. — На лице женщины появилась еще одна усмешка.

Девушка вдруг осознала, какими наигранными были все вздохи и ахи этой тетки. Конечно, она давно догадалась, кого впустила в свой дом. Интересно, она представляет себе, какими Изгнанники бывают неуправляемыми? Наверняка представляет. Просто, наверное, в Олиф нет этой бесчеловечности, и Хестер вычислила это первой. И воспользовалась.

— У нас ничего нет, — покачала головой девушка.

— Тогда и у меня для вас ничего нет.

— Позвольте остаться хотя бы до утра.

— С чего бы? Меня могут из-за вас казнить, зачем мне подставлять так свою шкуру?

— Пожалуйста, — умоляюще попросила Олиф. — Посмотрите на него, — она кивнула в сторону Лекса, — он не может идти. Дайте нам отдохнуть до утра, и с рассветом мы покинем ваш дом.

Хестер скептически прищурилась.

— Ладно, малютка, даю вам, по своей доброте душевной, время до утра. — Она умилительно потрепала девушку по щеке и отправилась готовиться ко сну.

Олиф присела рядом с Лексом. Слава Берегиням, они хотя бы переночуют тут. Все могло быть хуже. Хестер могла сдать их властям. Возможно, если они не уйдут с утра пораньше, женщина так и сделает. Олиф тяжело вздохнула. Посидела так еще некоторое время, а затем медленно провела пальцами по повязкам Лекса. Не долго думая, она забралась на лежанку к мужчине, прижавшись к теплым кирпичам, и тихо прошептала в темноту:

— Поправляйся. Поправляйся скорее.

Олиф проснулась от звука какого-то копошения рядом. Открыла глаза, повернула голову и увидела, как мужчина слезает с лежанки — очень медленно, осторожно переставляя руки и двигая ногами.

— Ты чего? — опешила девушка.

Лекс повернулся к ней. За ночь синяки под глазами стали еще темнее.

— Проснулась? Вставай, пора уходить.

— Ты что, собрался куда-то идти в таком состоянии?!

— Плебейка, поднимайся живо. Либо мы уходим сейчас, либо эта овца приведет охрану, и тогда ты уже никуда не уйдешь. Никогда.

Мужчина поморщился от новой порции боли, но пересилив себя, слез с печи, подошел к ведру с водой, и брызнул на лицо несколько капель. Лекс чувствовал себя просто отвратительно: все тело ныло, глаз начал заплывать, скулы болели так сильно, что тяжело было говорить. Радовало одно — ребра были не сломаны: он дышал спокойно. Про себя мужчина усмехнулся. На тренировках, в родном доме, его, бывало, били и посильнее. Даже на Боях иногда доставалось похлеще.

Но тогда у него было время восстановиться, а сейчас нет.

Лекс поднял голову, глубоко вдохнул, чтобы собраться с силами. Опасные раны зашиты, а те, что не опасны, скоро затянутся. Все будет нормально. Мужчина повернулся к сонной девчонке, схватил ее за руку и потянул на себя, заставляя спрыгнуть с высокой лежанки. По-хорошему, им нужно было уходить раньше, но Лекс не мог заставить себя встать. Ему бы полежать еще денек, другой, но, увы, выбравшись из жестокой пустыни, они встретились с жестокими людьми.

Как будто и не уходили никуда.

В отличие от Олиф, мужчина не особо наслаждался переменой вокруг. Не потому, что был циничным эгоистом, он просто не понимал этого. Не умел восхищаться. Он знал, вернее, давно понял, что Песчаники не сильно отличались от людей: все они жаждали зрелищ. И если бы там, в подземелье, вместо Песчаников, были люди, они бы устроили те же развлечения в виде Боев. Лекс не мог похвастаться особой добротой и наивностью. Он знал, что пустыня от их мира отличается только пейзажем.

Мужчина потащил девушку к выходу, окинув удивленную хозяйку дома (она-то надеялась, что этот оборванец даже встать с лежанки не сможет) холодным взглядом, и вытолкнул плебейку за дверь. Уже на улице с каким-то злорадным удовольствием похлопал себя по уцелевшему карману штанов и не смог сдержать усмешки, правда, тут же поморщившись от боли.

Этой тетке стоило бы получше следить за своими деньгами.

— Ты идти-то можешь? — жалобно спросила Олиф.

— Я в порядке, — огрызнулся Лекс, и добавил: — Как там твое село называлось?

— Называется, — поправила девушка. — Чернь. А что?

Мужчина нахмурился.

— Нужна карта. — Остановился. Огляделся вокруг, и кратко приказал: — Пройдись по городу, поищи купеческие лавочки. Выискивай самые неприметные и недорогие. Там купишь карту Правского княжества, поняла?

— Я? Но почему я? А ты? — опешила Олиф.

— У тебя только царапина на лбу, и пара синяков. Ты будешь незаметнее. На, иди, — мужчина протянул ей горстку монет. Он врал. Олиф тоже привлечет внимание — в таком-то коротком платье. И с такими ножками.

Девушка вылупилась на него так, словно впервые увидела.

— Откуда они у тебя?!

— Одолжил, — коротко ответил Лекс, и вздохнул, понимая, что теперь придется тратить драгоценное время на объяснения.

— Как это одолжил?! У кого?! — не могла понять Олиф.

— У той сволочной бабы.

— Что-о?! Это же воровство! Нужно вернуть их немедленно!

— Ты что, издеваешься?! — даже восхитился Лекс. — Тебя жизнь вообще ничему не учит?! Эта дура выгнала тебя, больную и немощную, — эти слова мужчина подчеркнул особенно, — на улицу просто потому, что у тебя не было денег. И ты ее оправдываешь?!

— Я просто... это ведь неправильно.

— Неправильно — это требовать с людей взятки, а забирать эти взятки у таких людей — как раз правильно! Все, иди.

— Она ведь ничего плохого нам не сделала, — не сдавалась Олиф.

— Хорошего тоже, — отрезал Лекс. Подошел к девушке, взял ее за плечи и насильно повел вперед, в деревню. — Иди уже, хватит убиваться совестью.

— Лекс, — Олиф уперлась ногами в землю, но мужская сила, была, естественно, больше (даже несмотря на такое потрепанное состояние), — мы не должны так поступать. Из-за меня умирают люди! И звери. А мы ворует?!

— Я ворую, не ты.

— Ну и что?! Я иду покупать карту на ворованные деньги!

— Ладно, — неожиданно остановился мужчина. — Давай пойдем к той тетке, скажем, что мы так сильно раскаиваемся, что готовы вернуть ей все, до копейки. Она нас примет с распростертыми объятиями, угостит чайком с пончиками. А потом мы пойдем... ммм... постой-ка, куда же мы пойдем? — иронично спросил Лекс. — Ах ну да! У нас же нет карты, поэтому и идти нам некуда, — свою речь он закончил таким убийственным голосом, что Олиф сразу поняла: деньги он не вернет. И если она не пойдет за картой сейчас, он сделает это сам.

Девушка вздохнула, про себя обругнув подлого мужчину нехорошим словечком, развернулась и пошла в сторону деревни.

— Стой, — вдруг окликнул ее Лекс.

— Что еще? — устало повернулась она.

— В зеркало давно смотрелась? — Мужчина подошел к девушке и сказал: — Переплети косу, а то выглядишь, как нищая с помойки.

— Я и есть нищая с помойки, — насупилась Олиф.

Ей почему-то стало так обидно. В пустыне они выживали, им было все равно какая у кого прическа, какой у кого годовой доход, и сколько дней в неделю они едят пончики и пьют чай. В пустыне они выживали. Выживали... а тут меряются статусами.

— Только не с таким количеством денег, — покачал головой Лекс.

Он взял у той тетки немного, но по меркам обычных людей — для такой, как Олиф это было даже слишком.

— Убери это гримасу с лица, — посоветовал мужчина, — я не виноват в том, что люди так живут.

— Просто... это гадко.

— Ну, что делать. Привыкай.

Олиф распустила волосы, попыталась пальцами привести их в подходящий вид. Время шло, коса плелась долго. Лекс стоял и сверлил девушку своим любимым убийственным взглядом. Сначала это раздражало Олиф, потом ей просто надоело, а потом злость как-то сама прошла. Ее место заняла опустошенность. Девушка столько времени не покупала никаких вещей, что должна была бояться даже заговорить с продавцами. Но почему-то ей стало абсолютно все равно.

Она тут стоит и косу свою переплетает — это же так важно. Так важно видеть, сколько стоит ее платье и какой оно длины. Важно оценить фигуру: если девушка полная, значит, и богатая. А таких ценят больше. И людям главное, чтобы волосы лежали ровно. Может, внутри тебя образовалась огромная пропасть — черная... непроходимая... может, от тебя безжалостно оторвали часть души. Может, у тебя уже не получается чувствовать, потому что все эмоции непонятным образом притупились. Но это не важно. Важно, насколько красива твоя прическа.

Когда Олиф закончила переплестать свою косу, мужчина удовлетворенно кивнул. Оглядел ее пристальным взглядом, от которого у девушки мурашки поползли по коже, и все-таки неодобрительно нахмурился.

— Косорукая, — покачал головой он.

— Что? — опешила Олиф.

Лекс подошел к ней, присел на корточки, болезненно при этом поморщившись, и на глаз оценил нанесенный платью ущерб. Он аккуратно примерился, и безжалостно оторвал те части несчастной одежды, которые выпирали особенно четко. Линия подола стала почти идеально ровной.

— Ого, — удивилась девушка.

— Теперь иди, — сказал Лекс.

Олиф кивнула, развернулась, и зашагала в сторону деревни.

Платье доходило только до колен, и они оба знали, на кого она теперь похожа. Естественно, никто и никогда не подумает, что девчонка в такой короткой одежде на самом деле пыталась выжить в пустыне. Видимость создает свое впечатление.

Для окружающих Олиф превратилась в «лапочку».

Но ей было уже плевать.

Она быстренько разузнала, где здесь проходит ярмарка, при этом даже не запнулась ни разу. Надо же, а ей казалось, что она и забыла, каково это: общаться с людьми. Хестер была не в счет — тогда девушка могла пойти на что угодно, лишь бы помочь Лексу.

Ярмарка была шумной и зазывал, как всегда, было полно. Олиф проталкивалась сквозь толпу, ища взглядом лавку с картами. Эта ярмарка была красочнее, чем та, что бывала у них в селе. Даже удивительно, если учесть, что их село было больше. Девушка не обращала внимания на подмигивающие взгляды проходящих мимо мужчин, она упрямо двигалась вперед. Если бы рядом был Лекс, ей было бы намного спокойнее, но его тут не было, и Олиф нужно было справиться самой.

Спустя некоторое время она, наконец, откопала среди всего этого хлама лавку с картами. Купец со скучающим видом стоял за деревянным прилавком. Похоже, новые и

красочные веера, или серебряные бляшки для костюмов были важнее, чем окружающий мир. Впрочем, оно и не удивительно.

Олиф подошла к купцу и сходу выдала:

— Карту Правского княжества, пожалуйста.

Мужчина удивленно поднял взгляд. Его прищуренные глазки пробежались по всему телу девушки и остановились на лице.

— А денюшки, мадам, у вас есть?

— Да, есть, — сухо ответила Олиф. — Карту. Пожалуйста.

Купец понятливо кивнул, тут же засуетился и начал предлагать девчонке самые разные по величине и масштабу товары.

— Мне обычную, — в конце концов, резко прервала она его дурацкие лепетания по поводу и без.

— Какой позор, — послышалось позади нее, — хоть бы постыдилась в таком виде на улицу выходить.

Олиф обернулась, обвела ничего не выражающим взглядом полненькую даму, с пышным ярко-красным веером в руках, которым она обмахивала свое благородное личико. Если бы эта «принцесса» знала, через что Олиф пришлось пройти, она бы собственноручно воткнула себе в рот кляп. Но эта тетка не знала, и продолжала возмущаться видом девушки, получая в ответ согласные кивания своего кавалера.

Олиф поморщилась, в свою очередь выражая этим презрительное отношение к наряду благородной дамы, и отвернулась.

— Нет, ну вы только посмотрите какой вздор! — опешила от такой наглости благородная особа.

«Все равно ты толстая», — злобно подумала Олиф.

Она схватила карту, которую, наконец-то, ей соизволили выдать, отдала положенную сумму и начала пропихиваться обратно. В какой-то момент ее взгляд зацепил лавку с косметикой. Волей неволей Олиф остановилась. Она вдруг подумала, что еще никогда в жизни не пользовалась никакими примочками для кожи и вообще всего тела. Не то чтобы не хотелось, просто... просто не для кого было. А тут девушке вдруг пришло в голову, что выглядеть чуточку лучше — это же не преступление, это вполне обоснованное желание любого человека.

Успокаивая себя этой мыслью, Олиф начала проталкиваться к лавке.

Посмотрев на остальных дам, столпившихся вокруг счастливого, но уставшего, купца, она быстро разобралась в принципе покупок такого рода вещей. Ни «прекраснейших красок для ее милого личика», ни «волшебных помадок для обворожительных губок» ей не хотелось. А вот духи почему-то сразу привлекли ее внимание. К тому же, за это удовольствие можно было даже не платить.

Олиф судорожно припомнила, как Рэй флиртowała с Ринслером, и, сделав глубокий вдох, она вплотную прижалась к лавке.

— Здравствуйте, — попыталась обворожительно улыбнуться, — а не дадите-ка мне вон те духи, а? Я их из далека еще заметила.

Она начала наматывать кончик свисающей сбоку косы на палец, выпятив грудь вперед. Это единственные действия, которые ей удалось вспомнить из тех моментов, когда она видела Рэй рядом с мужчинами. Ну, конечно, наматывание волос на палец скорее просто усиливало впечатление от образа, а вот выпяченная вперед грудь почему-то всегда работала

безотказно. Вроде.

Купец быстро распознал в ней ту, кого Олиф и планировала изобразить, улыбнулся новой покупательнице и тут же залебезил:

— Хороший выбор, мадам! Прекрасный выбор! Эти духи как раз из новой коллекции заморского парфюмера Дикона Никона! Вот, опробуйте этот великолепный аромат!

Он брызнул чуть-чуть на платок и провел им прямо перед носом девушки.

— П-простите, — поперхнулась Олиф, — я не могу распознать этот аромат. Позвольте мне самой оценить их прелесть.

— О, нет, мадам, — покачал головой купец, — я не могу отда...

Девушка картинно вздохнула и снова выпятила грудь вперед.

— ... но если только разочек! — пошел на попятную мужчина.

Она мило улыбнулась, сама себе удивляясь (и откуда в ней только столько энтузиазма?), взяла духи, быстренько брызнула ими на себя и вернула их купцу.

— Нет, слишком резкий аромат, — фыркнула она, и развернулась, чтобы уйти.

— Но это же Дикон Никон! — крикнул ей вслед ошарашенный продавец.

Олиф снова фыркнула, только на этот раз искренне. Она все равно не имела ни малейшего понятия, кто это.

Девушка быстро пробиралась сквозь толпу и если бы кто-то впереди нее случайно не споткнулся, она бы так и не подняла взгляда. А зря. Навстречу к ней пробиралась красная от злости Хестер. Женщина злобно что-то рассказывала своей подружке, так грозно размахивая руками, что наверняка поставила синяк не одному десятку людей. Олиф почувствовала, как сердце сжалось от страха. Секунда на размышления, и вот девушка уже грохнулась на колени и на четвереньках начала пробираться сквозь множество сапог и туфелек. Все они так и норовили куда-нибудь ударить девушку. Как только Олиф отползла на достаточное расстояние от предполагаемой угрозы, она вскочила на ноги и со всей прытью понеслась обратно в лес.

Лекс ждал ее, привалившись к дереву. Он явно задремал, и видит Берегини, Олиф совершенно не хотелось мешать ему отдохнуть. Но, видимо, она бежала так громко, что мужчина проснулся сам.

— Ты как будто привидение увидела, — сказал он, завидев долетевшую до него девушку.

— Хуже, — мрачно ответила Олиф, — я видела Хестер.

— А она тебя? — тут же насторожился Лекс.

— Нет, но лучше нам поскорее отсюда убратся, — сквозь отдышку взволнованно сказала она.

— Ты все купила?

— Угу.

— Давай, посмотрим, где там твое село. Я так понимаю, название этой деревни ты не спросила?

Девушка удивленно подняла взгляд, а затем виновато потупилась. Да, надуться догадалась, а узнать, куда они попали — нет. Ну и дура же она.

— Ладно, — вздохнул мужчина, — я сам спросил.

— Когда? — опешила Олиф.

— Лесорубы мимо проходили, — коротко ответил он, и внимательно уставился на карту. — Мы вот здесь. Как там, Чернь?

— Да.

— Это... вот... здесь... — Лекс медленно провел взглядом из одного конца карты к другому. Олиф поняла, что сейчас услышит самые страшные слова после тех, что звучали в ее сознании с прошлой ночи — «Кнут мертв». Слишком далеко, и им до туда век не добраться. Но мужчина, наоборот, довольно хмыкнул.

— Если поймает телегу, за полдня доедем. У тебя деньги остались?

— Угу, — девушка отдала все монеты, что у нее были. — Если все хорошо, может, тогда пойдем уже?

— Боишься Хестер? — удивился мужчина.

— Немного, — кивнула Олиф.

— Ладно, идем. Пока твоя совесть снова не проснулась.

Лекс еще раз сверился с картой, свернул ее в четверо, и, подтолкнув девушку в спину, пристроился за ней. Тропинка была узкой, но их обоим это устраивало. Ни он не видел ее почему-то покрасневших щек, ни она не видела, как он сжимает зубы от постоянной боли, которая пульсировала во всем теле.

Спустя некоторое время Лекс почувствовал что-то неладное.

— Чем это пахнет? — удивился он.

Олиф слышала, как он пару раз шумно втянул воздух, а потом чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда почувствовала его дыхание на своей шее. По телу тут же пробежался табун мурашек.

— Это от тебя? — не поверил мужчина.

— Н-нет, — запинаясь, ответила девушка.

— А напоминает женский аромат.

— Когда бы я успела, ты что, — нервно махнула рукой Олиф.

Она мысленно прокляла себя за эту глупую идею надуться (зачем она вообще это сделала?!) и весь оставшийся путь чувствовала какой-то внутренний стыд, так и не увидев, как Лекс ухмыльнулся и покачал головой.

* * *

Телегу удалось поймать довольно быстро. Седой дряхлый дедушка вполне сносно отнесся к внешнему виду двух странных путников, особенно когда увидел, что эти путники объявились не с пустыми карманами. Старик был явно не из богатых, скорее всего, работал извозчиком у купцов: когда Олиф с Лексом забрались к нему в телегу, их строго предупредили, что если что-нибудь пропадет — они ответят за это головой (ну и деньгами тоже).

Девушка пристроилась на твердых мешках, наполненных белой мукой. Мужчина полусидя-полулежа облокотился о борт телеги и попытался не двигаться, чтобы лишний раз не тревожить раны. Однако чем дольше они ехали, тем сильнее создавалось впечатление, что по дороге кто-то нарочно прошелся с огромным молотом. Ям было настолько много, что ровных мест вообще не было видно. Телегу раскачивало из стороны в сторону, и казалось, еще немного, и она вообще перевернется.

Олиф видела, как тяжело Лексу приходилось от этой тряски. Стоило им подскочить на очередном ухабе, как он болезненно морщился. У него был измученный, ужасно уставший

вид. Под глазами залегли темные синяки, кожа осунулась, одна скула опухла. На белой ткани, послужившей прочной перевязкой, начали проступать красные пятна. Лексу нужно было отлежаться, подождать, когда швы хоть немного затянутся. Но он не мог.

Люди боятся Изгнанников. И Олиф знала — есть за что. Она не оправдывала Хестер нет. Просто понимала, что иногда страх играет решающую роль. Иногда только он управляет всеми человеческими поступками. Олиф прекрасно помнила это чувство, когда от кончиков пальцев до самой макушки все тело пробивает мощная молния, и земля уходит из-под ног. Первое, на что подталкивает страх — это бегство. Неважно от чего: от опасности, от признания, от необходимости, от долга, от чувств. Бежать хочется как можно дальше и как можно быстрее. Спрятаться, скрыться, уцелеть. Человеческие инстинкты всегда берут верх. И Хестер поступила разумно — никто не знает, на что они с Лексом были способны, кроме них самих.

Олиф давно пора было усвоить: нельзя никого жалеть. Никого. Никогда. Но почему-то, раз за разом, она все равно совершала одну и ту же ошибку.

Телега провалилась задним колесом в глубокую яму, и девушку тряхнуло с такой силой, что она чуть не вывалилась за деревянный борт. В животе появилось противное ощущение подкатывающей тошноты, хотя желудок прекрасно знал, что тошнить там нечем.

Первое время возница все пытался с ними заговорить и расспросить, что да как. Ему было страшно любопытно, почему эти двое находятся в таком потрепанном виде, да еще и одни. В лесу. Но девушка постоянно отмалчивалась, а ответы мужчины были настолько сдержанными и односложными, что, в конце концов, старик сдался.

Олиф отстраненно наблюдала за трясущимися деревьями, и подпрыгивающей землей, мечтая лишь об одном: уснуть. Ей так хотелось, чтобы мозг, наконец, отключился и никакие мысли не могли залезть к ней в голову. Она мечтала уснуть, чтобы не думать. Но при такой ухабистой дороге, от которой у нее не то, что мир в глазах завращался, а пустой желудок полез наружу, вряд ли можно было хотя бы голову пристроить так, чтобы не набить с десяток шишек.

Олиф перевела взгляд на Лекса. Тот сидел все в той же позе, с такой силой стиснув челюсть, что на шее проступили жевалки. Девушка поджала губы и отвернулась.

Видят Берегини, ей очень хотелось увидеть свою семью. Хотя бы мельком — просто убедиться, что с ними все хорошо. Что Марика нашла в себе силы взять ответственность на себя. Что Тимка выздоровел. Но кое в чем она была уверена так же, как и в том, что сейчас на улице был день: Изгнанники навсегда останутся Изгнанниками. Какими бы хорошими они ни были до Кровавого закона, какие бы хорошие поступки не совершали, из пустыни никто не должен возвращаться. Не потому, что это нарушение закона, а потому что пустыня меняет людей. За Песчаную Завесу отправляются убийцы. Убийцы борются за свое право выжить — и неважно, какими методами. Когда человек становится Изгнанником, уже неважно, кем он был в прошлой жизни. Важно, кем он стал.

Каждое живое существо на этой земле, каждый младенец знает, что если кто и возвращается из пустыни, то возвращается уже без души. Изгнанники не люди — они звери. Бесчеловечные звери.

Больше всего на свете Олиф боялась увидеть страх и отвращение в глазах своей семьи. Это будет слишком больно, слишком невыносимо. Эта боль прибавится к той, что уже, притупившись, поселилась внутри. Если в глазах Марики будет отвращение, Олиф этого просто не переживет.

Девушка попыталась расслабиться и не думать о том, что будет. В конце концов, этого все равно не избежать. Все произойдет именно так, как этому суждено, и если семья не примет ее — значит, это будет конец. Конец всему. Может, так и наступает смерть? Не с осознанием неизбежности и беспомощности, а с осознанием одиночества?

Олиф непроизвольно посмотрела на Лекса. В отличие от нее, Олиф, у него не было семьи. Ему не к кому было идти. Впервые она подумала о том, что ему, наверное, приходится намного труднее, чем ей. И не только в физическом смысле.

Когда Олиф попала в пустыню, у нее, по сути, ничего не было. А вот у Лекса было все. С самой высоты он упал в самую грязь, в одночасье лишившись всего. Всего.

Орлы должны летать в небе, а не ходить по земле. Именно поэтому, когда орлу ломают крылья, он умирает. Олиф сама поразилась сравнению, которым наградила Лекса и осторожно покосилась на мужчину, понимая, что сравнение оказалось верным. Орел с переломанными крыльями. Олиф не знала, чего именно хотел Лекс, зачем он вышел из пустыни. Там они с Ринслером были примером для подражания, а тут он никто, с огромным грузом неутраченной вины на плечах. Без дома. Без семьи.

Наверное, поэтому мужчина и решил ехать к ней в деревню. Больше им было просто некуда податься. Олиф убила Перводружинника, спасая свою сестру. Это было неправильно, ужасно, жестоко, но не бесчеловечно. Лекс убил своего брата. Родного брата. За такое и смерти мало. Олиф пришло в голову, что она бы согласилась облегчить его ношу, и взять часть этого непосильного груза на себя. Но каким бы сильным и искренним ни было это желание, Лексу придется мириться с этим одному. Пожизненно.

Телега вновь подскочила на очередном ухабе, попала к колею, и ее пару раз мотнуло из стороны в сторону. Олиф одной рукой судорожно вцепилась в мешок с мукой, а второй схватилась за деревянный борт.

«Скорее бы уже это кончилось», — с искренней злостью подумала она.

Словно отвечая ее мыслям, старик остановил старую клячу, в былые времена гордо именуемую лошастью.

— Ну все, приехали! — радостно объявил он.

— Как это приехали? — вздрогнула Олиф.

— Вот так вот! Вылазьте!

Девушка еще сильнее вцепилась в деревянные доски, из которых была сделана телега, боясь пошевелиться. Больше всего на свете ей захотелось превратиться в туман. Страх быстро и безжалостно пропитал каждую клеточку тела.

Старик удивленно наблюдал за странными изменениями на лице девушки, и каверзно усмехнулся:

— Вы прям, как будто на свадьбу идете!

Но ни Лекс, ни тем более Олиф, шутки не оценили. Девушка лишь только с ужасом обвела взглядом деревья, осознавая, что это место ей незнакомо.

— Вы уверены, что это Чернь? — хрипло выдавила она.

— Нет, — и глазом не повел старик.

— Вы же обещали. Обещали довести. — Олиф посмотрела на него с таким осуждением, что совесть проснулась даже у Лекса.

Мужчина выбрался из телеги, подошел к вознице, отдал ему обещанные деньги и вернулся к девушке.

— Отпусти, — посоветовал он.

— Что отпустить?

Лекс кивком указал на ее руки. Костяшки пальцев побледнели от напряжения. Олиф и не заметила, что продолжала стискивать ни в чем не повинный бортик.

— За что ты отдал ему деньги? — Она непонимающе уставилась на мужчину. — Он же обманул нас.

Лекс улыбнулся, не своей ужасной усмешкой, а безобидно и беззлобно.

— Чем ты слушала все это время? Он обещал довезти нас только до развилки. Между прочим, это ты тут живешь, и должна знать, что отсюда быстро дойти пешком до твоего села.

— Развилки?

Девушка еще раз огляделась. Да. Правда. Развилка. Одна дорога ведет напрямик в столицу, а другая в их село. Даже указатель виднеется... Олиф смущено уставилась на мешки с мукой. В глазах старика она наверняка уже выглядела не просто, как странная, а как сумасшедшая.

— Вылезай уже. На свадьбу опоздаем, — совершенно серьезным тоном приказал Лекс.

Девушка кинула на него злобный взгляд и принялась выбирать. Встала напротив мужчины и тут заметила, как старик расплылся в счастливой улыбке.

— Совет да любовь! — И осенил их обоих знаком Воссоединения Берегинь.

— Кому? — моргнула Олиф.

— Как кому? Вам! — Возница умиленно уставился на «молодоженов».

— Нам? — совсем растерялась девушка.

Улыбка на лице старика стала уже не такой уверенной. Лекс опомнился первым.

— Спасибо, — поблагодарил он, хватая девчонку за руку. — Это честь для нас принять от вас благословение, — отчеканил он положенную фразу.

— Хы! — улыбка вернулась. — А я вот недавно внуку замуж выдал! Ух, как мы погуляли! И вам так же погулять! Что б наутро ничего не вспомнить!

— И заново свадьбу играть? — безрадостно пошутил мужчина, увлекая растерянную Олиф за собой.

— Так это ж хорошо! — Старик оказался на удивление настырным, обогнал «влюбленную парочку» и остановился напротив них. — Главное — это любовь! Брак по любви, его, знаете, сами Берегини хранят! Но ты только ее не обижай, — наставлял он бедного Лекса, кивнув на девушку, — а то она у тебя аж вся побледнела.

— Это она от любви, — таким спокойным тоном ответил мужчина, что Олиф чуть не села прямо в яму.

— Это хорошо, что от любви-то! Подарочка у меня, жаль, для вас нет...

— Ничего страшного, — все тем же спокойным голосом сказал Лекс, и начал обходить старика стороной. — Ваши пожелания лучше любого подарка.

— Да? — обрадовался тот. — Тогда я желаю вам долгой и счастливой жизни! И детишек побольше! Хорошеньких, крепеньких! Что б по хозяйству помогали!

— Спасибо, — вздрогнули они одновременно с Олиф. Не сговариваясь, прибавили шаг.

— И тещу!!! — кричал вслед неугомонный возница. — Теща что б нормальная была!!!

Дорога сворачивала примерно через сотню локтей. Они быстро-быстро, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег, дошли до заветного поворота. Темно-зеленые ветви деревьев скрыли их от воодушевленного старика, заодно и приглушив его отчаянные пожелания. Пару минут они пытались скрыть друг от друга улыбку, все сильнее сжимая

губы. Олиф прыснула от смеха первой. Лекс тоже усмехнулся.

— Зато появился повод напиться, — пошутил он.

— Он и не пропадал, — закатила глаза девушка и тут же скривилась: — Меня после прошлого раз до сих пор мутит.

— Все познается в практике, — гаденько ухмыльнулся Лекс.

— Очень смешно, — надулась Олиф.

Только сейчас она вдруг поняла, что до сих пор держит его за руку. Вернее, он ее. Она попыталась незаметно освободить конечность, что, естественно, не осталось без внимания. Только вместо того, чтобы отпустить, Лекс вдруг еще крепче сжал ее пальцы, перестав улыбаться.

— Надо поговорить. — Его тон резко стал серьезным.

— О чем? — насторожилась девушка.

— Ты ведь понимаешь, что нам придется обойти село?

Да. Олиф понимала. Она поджала губы, и слабо кивнула.

— И ты же понимаешь, что, чтобы ты не делала, клеймо Изгнанника... его не снять.

— Я знаю, можешь не распинаться. Я знаю, что моя семья может не принять нас.

— Я не об этом. — Лекс отпустил ее руку. Коже сразу стало холоднее. — Ты не сможешь остаться с ними. Даже если они примут тебя.

— В смысле? Почему?

— Потому что ты Изгнанница. Ты подставишь под удар не только себя, но и их. Тебе придется уйти.

— Зачем ты мне говоришь это? — удивленно спросила Олиф. Чертов Лекс! Его слова били по ней, словно несколько хлестких пощечин разом.

— Чтобы ты не питала надежд. Никаких, плебейка.

— Зачем мы тогда вообще туда идем? — сердце болезненно защемило. Берегини! Она так старательно отгоняла от себя эти мысли. Она ведь прекрасно понимала все, о чем говорил ей мужчина. Все. Но понимать и принимать — разные вещи.

— Чтобы ты убедилась, что с ними все хорошо.

— И все равно оставила их? — опешила Олиф. — Ради этого мы тут? Посмотреть, как они счастливы и уйти?! Нет. Нет! — и с нескрываемой яростью добавила: — Не нужно было сюда приходить.

Она развернулась и зашагала прочь, злобно сжимая челюсть. Все с самого начала было бессмысленно. Бесполезно. Если она увидит их сейчас, а потом уйдет, это будет еще хуже, чем вообще с ними не встречаться. Еще большее. Она не переживет. О Берегини, помогите ей. Олиф так отчаянно надеялась увидеть Тару, Марику, Тимку... но в чем смысл, если ей все равно уже больше никогда не вернуться домой? Она Изгнанница. Навсегда. Еще и беглянка. Преступница.

Ей здесь не место. Ей не место в этом мире.

— Стой, ты куда собралась? — Лекс схватил ее за руку, резко развернув к себе лицом.

— Куда-нибудь.

— Ты должна увидеть их, пле... Олиф.

— Зачем? — Она вскинула руки. — Зачем?! Мне не место среди них! Я к ним не вернусь, понимаешь?

— Хочешь, чтобы они считали, что ты умерла? — поднял бровь мужчина.

Олиф дернулась, как от пощечины.

— Лучше бы умерла, — тихо выдавила она.

— Правда? О своей семье ты, конечно, не подумала. Тебе будет больно увидеть их, а им каково? Каково им сейчас? Если ты спасала свою сестру, значит, она в любом случае не держит на тебя зла. Она оплакивает тебя. А ты — эгоистка, вместо того, чтобы облегчить ее страдания, стоишь тут и размышляешь, как больно будет тебе. Только тебе.

— Ты не можешь знать, оплакивает ли она! — зло сказала Олиф.

— Оплакивает.

— Да с чего ты взял?!

— А ты бы не оплакивала?

Девушка на секунду замерла, а затем неловко сделала пару шагов назад. Посмотрела на землю. Оплакивала бы она? Конечно, оплакивала. Нет. Даже больше. Она бы никогда не смогла с этим смириться. Никогда... До этого момента Олиф и не представляла себе, что так же могла потерять Марику. И девчонка могла бы оказать там, в пустыне, вместо нее. О Беренини... Лекс прав. Она, Олиф, настоящая эгоистка.

— Я не могу... не могу увидеть их, и снова потерять, — прошептала тихо-тихо, но мужчина умудрился услышать.

— Если не увидишь, будет еще хуже.

Олиф немигающим взглядом уставилась на Лекса. Внутри царил хаос. Она ведь знала — в глубине души знала, что ей никогда не вернуться в это село. Изгнанникам нет пути на волю. Но Олиф отказывалась в это верить. И прямо сейчас нос к носу столкнулась с жестокой реальностью. Если ее поймают, то сразу же казнят. А если узнают, у кого она скрывалась, ее сестер и брата причислят, как сообщников, и кинут в темницу.

— Просто покажи, что ты жива.

Голос Лекса звучал спокойно и уверенно. Он оценивал все со стороны и точно знал, как нужно поступить. Или, возможно, поступил бы так. Если бы было, ради кого.

— Я не смогу оставить их.

— Придется.

— Нет... хватит. Прекрати так говорить!

— Олиф, ты — Изгнанница. Ты три месяца провела в пустыне. Ты побывала в лапах у Песчаников. Ты пережила смерть двоих своих лучших товарищей. И ты все еще не можешь перестать обманывать себя? Это жизнь. Она никогда не была легкой, тем более для тебя.

— И для тебя.

— Для всех. Привыкай к тому, что придется терять всех близких тебе людей.

— Я потеряла Хэнка, — покачала головой Олиф. — На моих руках умер Кнут. Из-за меня. Они оба умерли из-за меня. Я просто не переживу этого, понимаешь?

— Ты так же думала, когда попала в пустыню. Идем, твоя семья заслуживает право знать правду.

Лекс подошел к ней, взял под локоть и потянул по направлению ухабистой дороги.

— Я не смогу, — уперлась девушка.

Она думала, что ее сейчас скрутят и потащат силком, но мужчина неожиданно разжал хватку.

— Мне не жалко, — усмехнулся он. — Разворачивайся. Пойдем. Куда? Куда больше хочется, туда и пойдем. Хочу посмотреть, как «легко» тебе будет житься. Каждый раз, перед сном, ты будешь вспоминать, что у тебя был шанс увидеться со своей семьей — пускай в последний раз, но он был. А ты его упустила из-за своей трусости. Идем, чего встала?

Пошли-пошли, незачем тебе говорить, что ты жива. Пускай лучше все будут думать, что твои кости давным-давно засыпало песком. Идем.

Олиф не понимала, почему он так хочет, чтобы она увиделась со своей семьей. Но прекрасно понимала, что он был прав. Не хотела этого признавать, но все равно ведь понимала. Если она сейчас сбежит, то потом никогда себя за это не простит.

— Если бы на твоём месте оказалась твоя сестра, неужели ты бы не захотела знать, что она жива? — поднял бровь Лекс.

Это было последней каплей. Олиф резко сорвалась с места и почти бегом направилась вперед.

Она увидит их. Она скажет, обязательно скажет, что любит их всех. И неважно, кем она стала, и как ее теперь называют люди. Важно то, что обычный человек, Изгнанник, убийца, беглянка — все эти сущности внутри чувствуют одинаково. Кем бы Олиф ни была, она любит свою семью так же, как и прежде. Пускай они знают, что их старшая сестра жива. Она больше никогда не будет с ними, больше никогда не увидит, как Тара и Тимка играют во дворе, больше никогда не сможет помочь Марике зашить платье. Она больше никогда не вернется к ним, но она навсегда останется членом семьи. Так же, как мама. Как папа.

Она обязательно должна сказать, что жива. Должна.

Деревья мелькали, словно мотыльки. Олиф шла быстро, совершенно не разбирая дороги, полагаясь на свою память. Это как вышивать крестиком — один раз научился, и больше уже никогда не забудешь. Она прекрасно помнила обходную дорогу, пролегающую через пологий склон.

Девушка спиной ощущала взгляд Лекса позади себя, слышала его шаги. Да. Пускай идет за ней. Чтобы сделать решающий шаг, ей нужна будет помощь.

Олиф отстраненно подумала, что если бы не Лекс, она бы не смогла даже войти в село. Или вошла бы, и не нашла в себе сил уйти. Безвольная идиотка. Как она только умудрилась выбраться из пустыни? Девушка шла очень быстро, постоянно спотыкаясь, и лишь каким-то чудом умудрилась не разбить себе нос. Место, где кончается земля, она заметила сразу. Там деревья становились реже. Именно там она однажды навернулась так, что расцарапала себе все колени. Мама тогда была в ярости.

Чуть ли не на попе девушка скатилась со склона, цепляясь платьем за торчащие из земли корни деревьев. Оглянулась — на всякий случай, чтобы убедиться, что Лекс не бросил ее. Мужчина шел следом, и, в отличие от нее, такой отчаянной попытки спуститься не предпринимал. Он цеплялся за толстые стволы деревьев и аккуратно делал каждый шаг. Несмотря на разницу в скорости, мужчина спустился почти одновременно с ней.

Олиф подавила в себе укол зависти, и, собравшись с силами, пошла дальше. Путь пролегал через кузницу. Девушка непроизвольно дотронулась до своего клейма на ладони. Вздрогнула, вспомнив, какую невыносимую боль испытала, когда кожи коснулся раскаленный металл. Кузнец — этот паршивый гад, сидел, небось, в тепле и уюте, когда она, Олиф, умирала от жажды. Пока ее кожа обгорала на солнце, эта тварь прижигала руки другим Изгнанникам. И неважно, помогали они ему до этого, или нет.

Злость придала сил. Девушка пообещала себе, что обязательно еще нанесет визит этому предателю. Но не сейчас. Ей нужно идти быстрее, еще быстрее, пока она не передумала, пока не повернула назад. Их дом находился как раз рядом с еще двумя, в которых жили две главные сплетницы села. Черт побери. Если их заметят, из-за этого пострадает вся ее семья.

Олиф резко остановилась. Сделала шаг назад и уперлась спиной и в кого-то. Вернее, не

В кого-то.

— Дом с деревянным крыльцом — наш, — тихо сказала девушка.

— Тогда идем, — подтолкнул ее Лекс.

— Нет, нас могут увидеть.

— Надо было думать об этом прежде, чем нестись, как угорелая через половину села.

— О Берегини, — до Олиф, наконец, дошел весь смысл его слов. — Нас уже заметили, да?

— Вряд ли, — покачал головой мужчина и скрыл усмешку.

— Уверен?

— Я не знаю, кто нас может заметить, если в селе никого нет.

— Как это? — от неожиданности Олиф повернулась к нему лицом.

— Ты по сторонам вообще смотрела? Ни света в домах, ни людей.

— Как такое может быть? — недоуменно отозвалась она. — А какое сегодня число?

— Понятия не имею.

— Может, сегодня ярмарка?

— Может.

Олиф порывисто вздохнула. И впрямь, обычно на улицах слышалось хотя бы пара голосов, а сейчас стояла тишина.

— Все равно нужно проверить, — неуверенно сказала девушка. — Мы почти никогда не ходили на ярмарку.

Лекс промолчал. Она нервно сжала и разжала пальцы. Берегини помогите ей.

Олиф решительно прошла вдоль двух самых опасных в селе домов, которые впитывали в себя любую информацию, и переделывали ее до такой невообразимой чуши, что оставалось только диву даваться. Никто не выбежал, не замахал палками, не начал кидать камнями. Видимо, хозяев дома не было. Странно. Не похоже на них.

Девушка дошла до своего заветного маленького дворика, тут же заметив рядом с лужей маленькую деревянную лодку. Удивилась еще сильнее — Тимка не смог бы такое сделать. Марика тоже. Олиф недоуменным взглядом обвела двор, приметив кое-что совсем уж невероятное.

— Лекс, — ошарашено сказала она.

— Что?

— Земля... земля вспахана. Мы никогда ее не вспахивали! Только отдельный участок, для горстки семян.

Олиф повернулась к нему с таким лицом, будто только что увидела привидение.

— Держи себя в руках, — хмуро приказал Лекс. — Я пойду первым.

— Нет, лучше я, — покачала головой девушка и медленно зашагала к крыльцу.

На ватных ногах поднялась к двери, чувствуя, как больше не прогибаются под ее весом доски. А они всегда прогибались. Всегда.

— Их кто-то заменил, — тихо, себе под нос, сказала Олиф.

Подняла руку, чтобы постучать, и тут же ее одернула. Нет, она не сможет. Просто не сможет. Для этого нужна огромная смелость, которой у девушки не было. Олиф вздохнула. Вновь подняла руку. Поднесла к деревянной двери. Надо. Это ее семья. Они примут ее. Должны принять. Она же их сестра, и не важно, кем была до этого, и кем стала сейчас. Она всегда будет их сестрой. Всегда.

В непривычной тишине пустых улиц, глухой звук трех ударов маленького кулачка о

дерево, прозвучал слишком громко и почему-то неправильно. За ними вновь установилась тишина, которая заставила природу погрузиться в привычное спокойствие, а Олиф забыть себя от пронзившего ее ужаса. Никаких шагов, ни единого звука за дверью не раздалось. Она посмотрела на Лекса, и не смогла скрыть страха.

В этот момент дверь резко распахнулась, и на пороге показался огромный широкоплечный мужчина.

Олиф не было дома долгих три месяца. Она жила в пустыне среди сумасшедших, и возможно, давно уже спятила вслед за ними.

Но она была абсолютно уверена, что этот человек никогда раньше не жил в ее доме.

— Вы кто? — опешила девушка.

Мужчина хмуро сдвинул огромные брови, обвел ее недовольным взглядом, остановившись на полуголых ножках. Кажется, что-то понял. Вновь посмотрел на лицо.

— Ты от Себера? Передай ему, что долг вернем, но не сейчас.

Олиф вздрогнула. Себер. Себер — это имя было ей знакомо. Ну конечно, Перводружинник, у которого она подрабатывала.

— Вы что здесь делаете? — голос у Олиф почему-то пропал, вопрос вышел сиплым.

Мужик зло на нее зыркнул, и только после этого заметил Лекса.

— Вы кто такие? Опять своими духами торгуете? Нам ничего не надо! — Голос у этого дядьки был грубым, посаженным.

— Как вы сюда попали?! — Олиф не могла понять, кто это вообще такой, и что он забыл в их доме.

До этого вопроса Лекс терпеливо отмалчивался, но после такого заявления, устало вздохнул и подошел к девчонке вплотную. Со стороны она выглядела невероятно глупо, пытаясь выяснить у незнакомца, что он делает в доме, где живет. А в том, что этот мужик тут живет — Лекс не сомневался. Он взял Олиф под локоть и потянул на себя, спокойно при этом сказав:

— Мы ошиблись домом, извините.

Девушка так на него посмотрела, словно он только что предал ее.

— Ошиблись? Ошиблись?!

— Да, ошиблись, — и глазом не повел Лекс, утаскивая ее за собой.

— Как это ошиблись?! Мы не ошибались! Это вы ошиблись! Вы спутали чьи-то дома!!

Лекс одной рукой перехватил ее за талию, а второй закрыл ей рот. Олиф брыкалась, как новорожденная змея, но вырваться все равно не получалось. Мужик в дверях наблюдал за ними с нескрываемым удивлением и явным раздражением. Когда Лекс оттащил девчонку на приемлемое расстояние, «хозяин» дома резко захлопнул дверь.

— Ты что сделал?! — заорала девушка, когда почувствовала, что больше ничто не зажимает ей рот.

— Спас тебя.

— Спас? Спас?! Меня?! От чего?!

— От всего. Ты взгляни на него. Он живет в этом доме, Олиф.

— Он не может тут жить! Это же наш дом!

— Слушай, я тоже понятия не имею, что тут происходит. Но своими шизофреничными вопросами ты бы все равно ничего не добилась. Он бы не сказал, кто он, понимаешь? Хотя бы потому, что не знает тебя.

— Я его тоже не знаю! Пусть убирается из моего дома!

Олиф злобно взмахнула руками. Пару минут она буравила закрытую дверь тяжелым взглядом, пытаясь совладать с эмоциями, а затем вдруг вскинула голову.

— Надо осмотреть двор! — осенило ее.

— Зачем? — не понял Лекс.

— Не знаю. Вернее, не уверена. Я видела кораблик перед крыльцом. Если там есть Тимкины игрушки, то моя семья еще тут.

— Твой брат до сих пор играет в игрушки? — удивился мужчина.

— Конечно, ему ведь всего восемь.

Олиф недоуменно посмотрела на Лекса. Они никогда не говорили о своей прежней жизни. Ни о семье, ни об увлечениях, ни о чем. Она ничего о нем не знала, так же, как и он о ней.

— У меня две сестры и брат. Были мама с папой, но они умерли. Мама — когда мне было восемь. Папа... я не знаю. Он ушел в поход с воинами и не вернулся.

— Ясно, — не сводя с нее пристального взгляда, ответил Лекс.

Олиф смущено улыбнулась, неловко повернулась и зашагала обратно к дому. Мужчина пошел за ней. Она уже готовилась к тому, что будет корить себя за неожиданно прорвавшееся откровение, но вместо этого чувствовала лишь умиротворение. Относительное, конечно. Стоило подумать, что какой-то мужик поселился в их доме, и это умиротворение как рукой сняло. Олиф взволновано подошла к своему дому. На секунду замерла и пристально вгляделась в окно. Вроде никто не наблюдал за ними с прижатой к груди косой. Или топором — неважно. Девушка медленно обогнула крыльцо, и, чувствуя, как ступни проваливаются в рыхлую землю, пошла к заднему двору. Кораблик был не единственной новой деревянной игрушкой, одиноко валяющейся на их территории. Тут был и деревянный меч, щит и даже какая-то стена, видимо, изображающая крепость. За этой стеной слышались какие-то странные, непонятные звуки, вроде: «Ва-ай! Вшууушивах!!!».

Олиф испуганно остановилась, и почувствовала, как Лекс сзади чуть подтолкнул ее вперед. Да, он был прав: ей все равно придется проверить. Девушка медленно подошла ближе, до конца не понимания страх она чувствует или волнение. Или, может, еще что-то. Она аккуратно сделала шаг, другой... и в тот момент, когда уже хотела схватиться за край деревянной стены, из-за нее выскочил маленький мальчик, с грозным предупреждением:

— Вам не пройти смертные!!!

Олиф с Лексом так и замерли, ошарашено таращась на мелкого «воина», все лицо которого было раскрашено «боевыми» отметинами. «Воин» тоже удивился — он, конечно, ждал врагов, но не таких незнакомых.

Повисла неловкая пауза, пока три пары глаз разглядывали друг друга, и гадали: уже можно бежать, или еще стоять придется? Затем, наконец, в глазах мальчика появилось осознание. Он расплылся в улыбке и с радостным криком: «Олиф!!!» кинулся к девушке. Обхватил ее руками за талию, и уткнулся носом в живот. Олиф неловко дотронулась до его головы, с не меньшим удивлением выдавив:

— Тимка?!

Ее брат чуть отстранился и взглянул на нее снизу вверх, радостно явив всем дырку вместо переднего зуба.

— Я думал, ты усла навсегда!

— Что у тебя с лицом? — все еще не веря в то, что обнимает родного братишку, спросила девушка.

— Это мы в «войнушку» играем! — счастливо отозвался мальчик, потом вспомнил, как его сестра относится к дракам и мокрым босым ногам, добавил: — Ну, совсем чуть-чуть, и я все лужи обходил! — заверил он ее с самым честным лицом на свете.

Но Олиф отреагировала не на это.

— Мы? — переспросила она.

— Ага, я и...

— Тим, что там у тебя?! — раздался из окна грозный голос того самого незнакомого мужика, который неведомым образом поселился в их доме. Мужик тоже заметил старых знакомых. Опешил на секунду, а потом чем-то лязгнул и скрылся внутри.

— Он взял нож, да? — пискнула девушка.

Лекс кивнул. Подошел к ней ближе, готовясь, если что, тащить девчонку к оврагу и там уже в чащу леса. Семья, конечно, семьей, но собирать кишки по всему селу не очень-то хотелось. Лекс пошевелил затекшими плечами, понимая, что с таким великаном ему не справиться.

«То есть, конечно, справиться, — тут же ущемлено одернул он себя, — но не в таком потрепанном состоянии».

Когда громила появился на улице и угрожающе начал приближаться к ним наперевес с огромным ножом, для резки мяса, Лекс закрыл своей спиной девушку. Олиф, в свою очередь, закрыла собой Тимку.

— Вы кто такие?! — зарычал на них мужик, сопроводив свой вопрос изрядной долей мата.

— А вы кто? — злобно поинтересовалась спина Лекса.

— Что вам тут надо?! — Громила заметил, что мальчишки во дворе нет, и еще более грозно добавил: — А ну отпусти мальчугана!!!

— Чего-о? — возопила спина Лекса. — К вам?! Нет уж! Лучше умереть!

И незнакомый мужик и Олиф были настолько ошарашены и злы, что не замечали нелогичности в поступках друг друга. Только Лекс вдруг удивился: ведь если этот мужик — плохой парень, залезший в чужой дом, какого дьявола он беспокоится о мальчишке?

— Живешь тут? — коротко спросил Лекс, не церемонясь с «выканьем».

— А ты что, выгнать меня собрался, а?!

— Спрашиваю. Пока.

— Пока? — даже как-то восхитился громила. — Пацана отпустите, тогда и поговорим!!

Да, и впрямь беспокоится. Это было странно и совершенно не вязалось с понятием «вор», или кем он вообще был, забравшись в чужой дом. За мальчишку беспокоится — значит, друг семьи. Логично, в общем-то. Олиф давно не было дома, многое тут могло измениться.

— Давно ты тут живешь? — вместо ответа спросил Лекс.

— Не твое дело! — тут же набычился мужик.

А Лекс вдруг неожиданно ухмыльнулся. Олиф повезло — она этого видеть не могла, а вот незнакомец настолько удивился такой резкой перемене настроения, что замер на секунду в полном ступоре. Этого хватило, чтобы мужчина повернулся к девушке, взял ее за плечи и чуть подвинул в сторону. Тимка нервно теребил конец своей старой рубахи. Лекс с лукавым огоньком в глазах спросил:

— Знаешь его? — и кивком указал на замершего в немом удивлении громилу.

Мальчик слабо кивнул.

— Он хороший? — Голос у Лекса был спокойным, но в тоже время настойчивым.

Мальчик снова кивнул.

— Хорошо, — одобрительно сказал Лекс и повернулся к незнакомцу. — Не знаю, кем ты им приходишься, но вот она, — он кивком указал на девушку, — его родная сестра.

— Ты что меня за идиота держишь? — тут же вскипел мужик. — Я знаю ее сестер! А эту проشمандовку впервые вижу!

Олиф чуть не задохнулась от возмущения, но вовремя поймала предостерегающий взгляд Лекс. Тот вновь повернулся к мальчику.

— Скажи ему, что это твоя сестра.

— Это моя сестра! — тут же закивал Тимка.

— Тим, иди сюда, — резко приказал громила.

— Тимка, нет! — воскликнула Олиф.

— Закрой рот, дура! — резко гаркнул мужик и поманил мальчика к себе рукой.

Лекс вздохнул.

— Тебя не надо держать за идиота, — медленно сказал он, обращаясь к незнакомцу, — ты и есть идиот. Но раз ты нормальных слов не понимаешь, они разберутся сами. Между собой. Как семья.

— Ты что, совсем того? — опешил от такой наглости мужик. — А ну пошли вон с моего двора!

— Он не твой! — воскликнула Олиф.

— Где ее сестры? — спокойно спросил Лекс, не обращая внимания на девчонку.

— Где ее сестры? — передразнил громила. — Это же ее сестры, у нее и спроси.

— Где Марика и Тара?! — перебивая их обоих, громко спросила девушка. Она все терпела, терпела, пока эти двое пытались как-то прояснить ситуацию, но, в конце концов, ее терпение лопнуло. — Это не ваш дом! Еще три месяца назад вас тут не было! Что вы здесь делаете?! Кто вы вообще такой?! И что вы сделали с моей семьей?!

Громила опешил. Лекс молчал. Олиф злобно сопела. Повисла пауза. В этот момент Тимка слабо подергал сестру за платье и жалобно сообщил:

— Не кричи на него, он хороший...

— Ты знаешь ее? — Мужик, наконец-то, обратил внимание на мальчика.

— Это моя сестра. Олиф. Не надо так ругаться! Марика и Тара на ярмарке, за овощами пошли! — чуть не плача попытался все разъяснить мальчишка.

— Овощами? — еще больше удивилась девушка. — Откуда у них деньги на овощи?!

Тимка кивнул на растерянного громилу. Олиф недоуменно посмотрела на него, а затем почувствовала, как земля уходит из-под ног. Наконец-то, все всё поняли.

— Он живет с вами, да? — слабо спросила девушка, в душе лелея надежду, что на ее вопрос с ужасом воскликнут: «НЕТ!». Но младший брат порвал последнюю ниточку, за которую так отчаянно хваталась девушка, сказав с совершенно честным лицом:

— Да. Он хороший, видишь?

Наступил момент, когда все трое принялись разглядывать друг друга со смесью недоверия и любопытства. Мужик, даже несмотря на то, что оказался не вором и не убийцей, все равно был страшным. Не совсем прямо кошмарным, но все-таки его рост отпугивал любого желающего познакомиться. При такой широкой фигуре волосы, отросшие до самых плеч, смотрелись очень странно, скорее увеличивая габариты мужчины, нежели скрывая их. Брови на лбу незнакомца выглядели невероятно большими и густыми, а нос искривленной картофелиной как будто впечатался в лицо. В общем, он был похож на настоящего разбойника с большой дороги. И Олиф могла поспорить на что угодно — прежде его у них в селе не было. Она бы запомнила.

— Проверка окончена? — первым подал голос Лекс.

Мужик как-то странно покосился на них двоих, опустил нож и неловко махнул железным предметом в сторону дома.

— Идите за мной.

Он развернулся и твердой походкой отправился обратно в теплую обитель. Олиф приблизилась к Лексу и недовольно сказала, естественно, шепотом:

— Вот наглый! Не его дом, а все равно командует!

— Только ты особо не зарекайся на счет пустыни, ладно? А то он тебя прирежет до того, как вернутся твои сестры.

Олиф опасливо покосилась на маленькое крылечко. Если их захотят убить — это будет самое лучшее время. Весь народ на ярмарке, да и места внутри мало. Тесное пространство, легко горло перерезать... все равно бежать некуда. И не услышит никто.

От своих мыслей девушка ощутимо вздрогнула. Лекс покосился на нее с каким-то странным выражением лица, но ничего не сказал. Они в молчании зашли в дом. Олиф в одночасье почувствовала, как все тело покрылось мурашками. Ее словно вновь окунуло в давно минувшие дни. Вон печь — прямо напротив двери, и сковородка. Дурацкая сковородка... кто бы мог подумать, что этот предмет способен лишить человека свободы, права на выбор и даже жизни. Олиф почувствовала, как начали дрожать руки. Колени подогнулись. Она на ватных ногах добрела до маленького деревянного стола и села на первую попавшуюся табуретку. А потом вдруг с удивлением поняла, что ножки мебели больше не скрипят, и вообще, похоже, сделаны заново — из более прочного дерева.

— Я Дерек, — грубо представился мужик, облокотившись о печь и скрестив руки на груди.

— Я Олиф, — с трудом выдавила девушка.

— Лекстер, — кивнул Лекс.

— Что вы тут забыли? — недружелюбно осведомился громила.

— Домой вернулись, — тут же огрызнулась Олиф.

Она недоуменным взглядом обводила некогда родной дом. Ей правда казалось, что вернувшись сюда, она почувствует облегчение, но вместо этого, чувствовала только какую-то чужеродность. Земля была вспахана, ступеньки на крыльце больше не скрипели, стол не раскачивался из стороны в сторону, табуретки не шатались. И Марика с Тарой пошли покупать овощи. Это все было неправильно, не такой она представляла себе их жизнь. Нет, Олиф понимала, что им стало лучше — тем более, наконец, в хозяйстве появились сильные мужские руки. Но вместе с этим пониманием в душе поселилась обида.

Шестнадцать лет Олиф жила в этом доме. Она видела здесь столько ужасных вещей... она потеряла здесь маму, пережила рождение двоих сестер и брата. Она выживала здесь вместе с ними. И тут вдруг весь ее дом переделывают. Переделывают к лучшему. Но переделывают без нее.

Они вычеркнули Олиф из этой жизни.

— Откуда вы вообще взялись? — осторожно спросил Дерек.

— Я их старшая сестра. — Ответ вышел на удивление простым. Девушка и сама удивилась. Надо же, как будто за продуктами на рынок выходила, а не три месяца в пустыне... выживала.

— И где же ты раньше была, вся такая старшая, а? — издевательски поинтересовался мужик. — Ты хоть знаешь, в каком они тут дерьме жили? Марике всего четырнадцать, как она, по-твоему, справляться должна была? А ты на тепленькое местечко решила прибежать?

Дерек красноречивым взглядом обвел ее полуголые ноги, ясно давая понять, что не сомневается, чем все это время занималась девушка.

Олиф почувствовала, как неконтролируемый приступ обиды, злости, горечи и несправедливости разом рвется наружу. Кто знает, чем бы это обернулось для них двоих, если бы девушка неожиданно не почувствовала руку Лекса на своей ладони. Он так крепко стиснул ее пальцы, что Олиф чуть не вскрикнула от боли. Понятное дело, что когда вернуться ее сестры, все станет на свои места. Но сейчас нужно молчать. Если эта громадина узнает о том, что они — Изгнанники, да еще и незаконные, не отбывшие своего наказания, одним Берегиням известно, что он с ними сделает.

Олиф сглотнула и стойко воздержалась от ответа, поражаясь своей выдержке.

— Хахаля своего привела, — продолжал оскорблять ее мужик, видя, что она почему-то не реагирует. Совесть, небось, проснулась. — Зачем только, не понятно. Думаешь, они тебя обратно примут?

Девушка порывисто вздохнула, до боли стиснув край стола. Громила лишь хмыкнул — неплохая реакция, может, эта дура сбежит еще до возвращения девчонок.

— А ты, я смотрю, хорошо осведомлен о делах семьи, — спокойно сказал Лекс, и только Олиф поняла в его словах сарказм.

Дерек пожал плечами.

— Получше тебя.

— Да? Я вижу. Сколько тебе лет? — зачем-то спросил мужчина.

— Тебе какое дело?

— Любопытно.

— Любопытствуй в другом месте, — огрызнулся громила.

— Страшно отвечать? — насмешливо поднял бровь Лекс.

— Ты на кого тут бочку катишь, а?!

— Последние три минуты я сижу на стуле.

Дерек слегка растерялся. Он привык уже общаться в своем кругу на таком языке и как-то в прямом смысле его слова еще никто не воспринимал.

— Я не в этом смысле.

— Да все равно. Тебе на вид лет двадцать пять. Может, тридцать. Что ты забыл у четырнадцатилетней девчонки?

— Ты на что намекаешь?! — тут же зарычал Дерек.

— Ни на что, — пожал плечами Лекс, и сразу стало ясно: он намекает на то самое.

— Не смей даже слова гадкого про нее сказать, понял? — угрожающе предупредил мужик.

— Конечно, — таким тоном ответил мужчина, словно только что сказал: «Мне вообще нет до нее никакого дела».

Олиф поняла, что так и не перестала сжимать ни в чем не повинный стол. Она судорожно разжала пальцы, обвела жалостливым взглядом некогда старый, но родной и уютный дом, теперь больше похожий на обычную медвежью берлогу. Поймала на себе изучающий взгляд Дерек, источающий неприязнь, и решила осторожно спросить:

— Давно ты с ними?

— Да, — и глазом не повел мужик.

Олиф поняливо кивнула: не скажет. Не потому, что не хочет, а потому что это она спрашивает. Повисла тишина. Девушка чуть повернула голову и посмотрела на Лекса. Тот вроде сидел в расслабленной позе, однако видно было, что он напряжен. Причем явно не из-за «воссоединения с семьей», а из-за кое-кого очень странного, недвусмысленно

прокручивающего нож в руке. Тишина ни кем не нарушалась, и, в конце концов, стало слышно, как играет во дворе Тимка. Дерек медленно подошел к окну, чуть отодвинул некогда белую, но со временем пожелтевшую ткань в сторону и выглянул посмотреть, всё ли в порядке. Видимо, в порядке было не всё. Мужик повернулся к ним и, строго предупредив, чтобы они оставались на своих местах и даже шагу не посмели сделать, выскочил во двор.

Олиф с Лексом остались вдвоем, но ни ей, ни ему, сказать было нечего. Тишина начала давить с такой силой, что хотелось чашку уронить, лишь бы не было так тихо. Однако время шло, а они по-прежнему сидели и ждали, боясь пошевелиться. В какой-то момент Олиф почувствовала неловкость. Да, они никогда не обсуждали всякие там общие темы: погоду, цены на одежду, или что там обсуждают... люди. Обычные люди. Но, тем не менее, они всегда разговаривали. Грубо, с издевкой, но ведь разговаривали же. А тут вдруг так, что даже руку почесать — и то страшно, из-за боязни нарушить эту тишину.

Олиф осторожно покосилась на мужчину, и ей неожиданно пришла в голову идея, как можно избавиться от этого смущения и неловкости. Девушка вскочила на ноги.

— У нас тут были старые повязки, с Тимкиной болезни еще. Можно сменить твои... — она запнулась, рассматривая полки с нужными ей вещами, потом вдруг вспомнила, что недоговорила, смущено кашлянула. — Ну, твои повязки. Их уже пора. Менять.

Сил не хватило посмотреть на Лекса, и выдержать очередной насмешливый взгляд — а в том, что он обязательно будет, она не сомневалась.

— Не стоит, — ответил ей мужчина.

— Стоит. Это мой дом, я тоже имею право брать нужные мне вещи.

— Угу, с ходячей лопатой сама будешь разбираться.

— Ну и буду, — с вызовом ответила Олиф.

— Я почти восхищен твоей смелостью. — Ладно уж, пускай издевается, зато хоть заговорили.

— Это не смелость. Это естественное желание. — Девушка с нескрываемым злорадством повернулась к Лексу, надеясь, что уела этого наглого типа. Но он смотрел на нее таким взглядом, что она чуть не треснула себя по лбу, за глупость, которую додумалась сморозить. Тут же провокационно исправилась: — Помочь! Желание помочь!!

— Я так и подумал, — заверил он ее, скрывая усмешку.

Олиф повернулась к полкам, начиная неловко копаться в наставленных вещах. Мешочки какие-то странные, без всяких пометок. Что это вообще такое? И где лекарства?

— Эй, ты!! — взревел грубый голос прямо из входа. — Ты что там делаешь?!

Олиф вздрогнула, но нашла в себе силы бесстрашно посмотреть на приближающегося мужика. Этот монстр в одночасье преодолел разделяющее их расстояние, схватил девушку за руку и оттащил подальше от полок, как будто она могла найти там спрятанные сокровища.

— Я же сказал: сидеть и не дергаться!!

Девушка поморщилась от этого режущего слух тембра.

— Что из моих слов было тебе не понятным?! — продолжал орать он. — Вы здесь никто!!! Не смейте даже приближаться ни к Тимке, ни к кому-нибудь еще, ясно?! Сядь, и не дергайся!!!

Олиф зло сощурилась. Мужик был страшным, правда страшным. От одного его вида мурашки по телу бежали, а уж когда он находился так близко, да еще и угрожать начал... в самую пору было бы испугаться. Вот только Олиф все это уже видела. И глупую надменность, и обманчивое чувство превосходства. Он считал себя сильным, смелым и

ужасным. Он думал, что может командовать и распоряжаться. Он искренне верил, что все его будут слушаться. Его слова звучали грозно и вызвали дрожь в коленях.

Если бы не одно «но» — он все равно оставался никем.

— Я искала повязки, — холодно отозвалась Олиф.

— Какие еще повязки?! Зачем они тебе, рот свой заткнуть?!

— Я просто хотела заново перевязать его раны. — Девушка с невероятной злостью выдернула свою руку из его огромных пальцев и снова посмотрела на полки. — Тут должны были быть повязки. Где они?!

— Не твое дело. Это не твой дом, ясно? Сядь и помалкивай.

И видя, что девчонка никак не реагирует, он вновь схватил ее за руку и сам потащил обратно к табуретке. Грубо усадил на место.

Олиф с тихой ненавистью провожала каждое его действие, однако почему-то не чувствовала ни ярости, ни гнева. Она знала, что если бы оказалась сейчас на его месте — вела бы себя так же. Лекс был прав: он волнуется за Тимку, вообще за всю ее семью. Так он защищает их от опасности. От незнакомцев — странных, непонятно откуда взявшихся. Еще и с такой наглостью заявивших, что приходится родственниками. Они с Лексом выглядели действительно страшно, создавая впечатление настоящих разбойников. Вернее, разбойника и проститутки.

Олиф вдруг почувствовала, как от несправедливости в горле образуется комок, готовый в любой момент перерасти в слезы. Слезы горечи. Берегини, ну почему этот человек не мог появиться тут на три месяца раньше? Почему?!

Олиф была уверена: если бы он был с ними в тот день, Перводружинник даже в дом не смог бы войти. И она, Олиф, никогда не взвалила бы на себя это грех. Теперь ее руки в крови, невидимой крови, которую уже никогда не отмыть. Надо же, а ведь когда-то пустыня казалась ей чем-то нереальным.

Девушка ссутулилась. Зря они сюда пришли. Зря.

— Где тебя так отделали? — грубо спросил Дерек, обращаясь к Лексу.

Но тот молчал. И Олиф тоже.

— Я вопрос задал, — разозлился мужик.

Девушка недоуменно посмотрела на своего спутника. Лекс облокотился о стену и чуть прикрыл глаза, явно не настроенный отвечать. Или вообще разговаривать. Это было его привычной манерой: не влезать и отмалчиваться. Но если что-то пойдет не так, Олиф была уверена, он в любом случае ответит. И не словами, уж точно.

— Разбойники, — тихо ответила девушка, стараясь придерживаться выдуманной легенды. До поры, до времени.

— Серьезно? Сколько ж их было? Сотня?

— Много, — все так же тихо сказала Олиф.

— На наших дорогах? — хмыкнул Дерек. — Вы кто такие вообще? Раз на вас сотня разбойников нападает, должно быть, вы большие шишки среди знати.

— Мы не шишки, — не открывая глаз, подал голос Лекс. — Мы обычные люди. И на елках не растем.

Дерек удивился еще больше. Если в прошлый раз их прямолинейное восприятие каждого слова можно было списать на случайность, то в двойные случайности мужчина не верил.

— Откуда вы? — продолжил он допрос.

Олиф с Лексом переглянулись. До таких подробностей они не продумывали свою историю.

— С юга, — ответил мужчина. Все-таки загар на коже говорил сам за себя.

— Ну конечно. И как, тепло там? — с издевкой в голосе спросил мужик.

— Ага, — не без иронии хмыкнула Олиф. — До смерти тепло.

Их приструнили, как маленьких проказников. Теперь девушка чувствовала себя совсем чужой здесь. В собственном доме устроили допрос. Хотя, другого ожидать и не стоило.

— Когда ярмарка кончится? — без особой надежды на нормальный ответ, спросила Олиф.

— Когда кончится, тогда и кончится, — не опроверг ее предположений Дерек.

— С Тимкой все нормально? — зачем-то продолжала спрашивать девушка.

— Тебе какое дело?

— Он мой брат. Мне всегда есть дело.

— Братьев не бросают, дорогуша.

— Я и не бросала.

— О, так ты у нас святая великомученица? — приторно удивился мужик. — Никогда б не подумал.

Олиф вскинула голову и посмотрела на него с таким осуждением, что сама на секунду почувствовала укол совести. Не нужно было этого делать. Вот, теперь и он уставился на нее в немом недоумении.

— Я его не бросала, — покачала головой девушка и посмотрела в пол.

— Где ж ты была эти два месяца?

Два? Если бы два. Поздно же он нашел их.

— Там, где тепло, — тихо-тихо сказала Олиф, но ее умудрились услышать. — До смерти тепло.

Дерек подавил в себе приступ раздражения. Что за манеры у этих двоих, говорить, как ненормальные? Вообще какую-то чушь несут. Там, где до смерти тепло, ага.

В этот момент входная дверь хлопнула. Все трое вздрогнули и вскинули головы. Сперва Олиф подумала, что это Тимка. Но за хлопком послышалось веселое щебетание, а потом и вовсе смех. Шаги звучали настолько громко и непривычно в общей напряженной тишине, что буквально отдавались в висках тяжелым ударом.

У Олиф внутри все перевернулось. Сердце бешено застучало в груди, готовое вот-вот действительно выпрыгнуть наружу. Сколько таких моментов она уже пережила. Сколько раз думала, что от волнения задохнется, или сердце просто не выдержит такого притока крови. Даже леденящий ужас вызывал в ней такие ощущения, в сравнение с которым не могло встать что-то еще. Не было на свете эмоций сильнее.

Но каждый раз... каждый раз, когда ее жизнь поворачивала в новое русло, она испытывала эти эмоции раз за разом. Такие сильные, такие необъятные. Как люди это терпят? Как они только умудряются выжить? Это невозможно. Нереально. Сидеть на маленькой табуретке, слышать, как вместе с шагами, смехом и родными голосами, кровь бурлит в висках, и словно предупреждает: держись. Не переборщи. Если Олиф не сможет как-то с этим справиться, ее мозг просто умрет от кровоизлияния.

Девушка почувствовала, как за секунду ее бросило сначала в жар, потом в холод. Она даже не успела подумать, что ей делать и как себя вести. Как сдержать холодную гримасу на лице, после реакции своих сестер. Как объяснить появление раненного Перводружинника

рядом с собой.

Как объяснить свое появление.

Голоса приближались, и Олиф поняла, что никогда еще не испытывала такого страха. Нет, ужаса. Это было не похоже на тот страх, что терзал ее в пустыне. Там ей нужно было прислушиваться к человеческим инстинктам — лишь бы выжить. Тогда страх пропитывал каждую клеточку кожи, поселялся везде. Сейчас страх был в животе. И он явно норовил вырваться наружу, потому что такой натянутой струны, тянущейся буквально по всему позвоночнику, и комком застрявшей в горле, Олиф не чувствовала еще никогда. Никогда.

Она сцепила трясущиеся руки. Приподняла подбородок. Успела сделать вдох.

— А мы много чего вкусненького прикупили! — радостно сообщила Марика.

— Даже осталось немного мелочи! — поддержала Тара.

Девчонки влетели на кухню, словно только-только пробудившиеся птички — задорные и румяные. Олиф почувствовала, как сердце екнуло внутри. Она прекрасно помнила, как девчонки провожали ее на смерть, ведь ей, Олиф, не суждено было вернуться. А сейчас они казались такими беззаботными, такими счастливыми, как будто и не было ничего. Как будто жизнь действительно продолжалась.

Марика первая заметила, что Дерек стоит в какой-то напряженной позе, сжимая в руках кухонный нож.

— Что-то случилось? — улыбка тут же слетела с ее лица. Девушка в одну секунду напряглась, и приготовилась выслушать что-то ужасное.

Пробудившаяся птичка. Нет, теперь уже нет. Все-таки Марика стала другой. Такой, какой Олиф ее и представляла: взрослой, собранной... и убитой горем. Неожиданно стало заметно, как опустились ее плечи, чуть осунулась кожа вокруг глаз.

— Твоя сестра тут, — хмуро сказал ей Дерек.

Почему-то Олиф показалось, что ему совершенно не хотелось говорить ей об этой неприятной новости. Особенно после того, как изменилось ее лицо.

— Сестра? — побледнела девушка и так резко повернулась в их с Лексом сторону, что Олиф чуть не шарахнулась с табуретки.

Она думала, что сейчас увидит на лице своей младшей сестры непонимание, неприязнь или еще что-то. Она готовилась к тому, что придется выдавливать из себя какое-то нелепое оправдание и пытаться объяснить свое появление. Ведь Олиф была Изгнанницей, и Марика с Тарой должны были с осторожностью смотреть на нее и говорить с ней.

Но когда она увидела эту ужасную, всеобъемлющую боль в глазах сестры, то почувствовала невероятный стыд. Берегини, неужели она думала, что ее собственная сестра возненавидит ее?! Родная, любимая сестра. Олиф спасла ей жизнь, она поступила так, как должны была поступить. Для Марики она не была преступницей. Конечно, не была. Олиф осознала это настолько ясно, что была готова поклясться, будто слышала грохот, с которым рухнул огромный камень с ее души.

Марика не стала спрашивать, как и почему. Она просто прижала ладони к лицу и разревелась прямо перед ними.

— Я думала, ты больше никогда не вернешься... — сквозь всхлипы выдавила она.

Олиф неловко поднялась и подошла к младшей сестренке, осторожно обняв ее за плечи и прижав к себе. Чтобы с ними не случилось, как бы тяжело им не было, Марика навсегда останется все тем же ребенком, который так любил прижиматься к плечу старшей сестры и старательно сдерживать слезы.

Только вот на этот раз не сдержалась не только Марика.

Олиф уткнулась носом ей в плечо, и почувствовала, как соленая жидкость пропитала ее платье.

— Я бы вас не оставила, — выдавила Олиф, прижимая к себе сестру еще сильнее.

— Столько времени прошло, Изгнанники ведь не возвращаются, — она всхлипывала в руках Олиф с такой силой, что девушка боялась ее не удержать.

Берегини, неужели она еще сомневалась, стоит ли ей идти к ним?! Своим изгнанием она принесла им столько боли. Как после этого можно было так эгоистично лишать их шанса знать правду?! Олиф почувствовала себя последней сволочью, не лучше Хозяина Песчаников.

— Возвращаются, — прошептала девушка, — еще как возвращаются.

— Олии-и-иф, это все из-за меня-я-а-а... все это произошло из-за меня-а-а...

— Что?! — опешила она от такого заявления, оторвала сестру от себя и посмотрела в ее красные глаза. — С ума сошла?! Ты здесь не причем! Не смей винить себя!

— Ты попала туда из-за меня! — всхлипывала Марика, и слезы потекли из ее глаз с двойной силой. — Если бы не я, ничего бы этого не было!

Олиф вновь обняла ее, понимая, что словами она не сможет ее переубедить. Вина — настолько иссушающее чувство, от которого просто так не избавиться. Олиф это знала, как никто другой.

Неожиданно девушка почувствовала, как сзади к ней прижался еще один самый дорогой человек в ее жизни. Тара не плакала, но она с такой силой стиснула свою старшую сестру, что на секунду Олиф показалось, будто ее просто раздавят.

В этот момент она поняла, что все это время ей так же отчаянно хотелось вернуться в семью, как и вырваться из пустыни. Она была нужна здесь. Нужна своим мелким и противным сестрам и брату. Олиф так хотелось знать, что у них все хорошо... что они живут, что дышат. Она догадывалась, что Марика будет винить себя. И Дереку она ничего не рассказывала, потому что очень-очень боялась. Наверное, на какую-то долю секунды они поверили, что все будет хорошо. Что теперь, наконец-то, все будет, как раньше.

Но они забыли об одной очень маленькой детальке.

Изгнанники действительно не возвращаются.

Марика прижималась к старшей сестре с такой силой, будто боялась, что сейчас моргнет и наваждение исчезнет. Она положила голову на плечо Олиф и обхватила руками ее тощую талию. Позади девушки пристроилась Тара, зачем-то начавшая переплетать ее косу, расчесывая железными прутьями скопившиеся колтуны. Олиф то и дело болезненно морщилась.

Они устроились на заднем дворе, чтобы никто не увидел Изгнанницу. Им не мешали. Тимка был еще маленьким, чтобы в полной мере осознать случившееся. Порадовался возвращению сестры и побежал играть дальше. Лекс с Дерекком остались в доме. Именно из-за этого Олиф не могла заставить себя не прислушиваться к каждому шороху. Этим двоим только повод дай — тут же поцапаются, как дворовые собаки.

— Мы ведь тебя похоронили... — прошептала Марика, слегка пошевелившись на плече у девушки.

— Похоронили?

— Да. Я так не хотела верить, что ты ушла навсегда... но ведь Изгнанники не возвращаются, правда? Мы могилку вырыли, там, чуть подальше, чтоб не видел никто... и закопали там эту чертову сковородку, и еще пару твоих вещей. Я положила рядом Великий Завет Трех Берегинь мира Прави, молилась каждый день... неужели они меня слышали?

Марика стиснула объятия еще сильнее. Олиф поджала губы, не желая расстраивать сестру. В пустыне не было никаких Берегинь. Там были только Изгнанники и смерть. Больше там не было ничего. Но вслух девушка сказала:

— Я бы очень хотела в это верить.

Тара зацепила очередной колтун и, не удержавшись, Олиф зашипела от боли.

— Я не представляю, что ты пережила, — жалостливо проговорила Марика. — Что там, в этой пустыне? Там очень страшно, да?

— Там ничего нет, — голосом, не выражающим никаких эмоций, ответила девушка. — Пески и только пески. Очень жарко, даже слишком.

— У тебя все ноги и руки в ожогах, — кивнула ее сестра.

Олиф недоуменно посмотрела на указанные места. Надо же, и вправду вся кожа в ожогах. Она и не заметила этого. Наверное, боль была мизерной по сравнению с той, что девушке пришлось пережить. Олиф не собиралась рассказывать о своих впечатлениях, пока она была в пустыне, о Песчаниках и говорящих змеях. Пусть ее младшая сестра считает, что она только от солнца спасалась. Так будет лучше для всех. Они не должны знать об этих существах, тем более, раз их больше нет. Да, пусть думают, что Олиф каждый день видела солнце, перевязывала голову повязкой и куда-то шла. Не было там оазисов. Не было Хэнка. Она никогда не попадала к Песчаникам, не кидалась с ножом на Ринслера и не прозябала в холодных камерах. Она не знает, что значит слово «светожелы», никогда не видела говорящих змей, и в жизни не слышала про такое понятие, как «ловить молнии». Она не носила Лексу отвар от кашля, не зашивала его рану на спине. Никогда не знакомилась с Хозяином, и не чувствовала его песок у себя на лице.

Ничего этого не было.

Кнут не умирал у нее на руках, и нет у нее внутри этого ощущения, как будто тупым ножом, по маленьким кусочкам, отрезали часть ее.

— Я думала, Изгнанники не возвращаются, — в который раз с ужасом в голосе прошептала Марика, — как же ты смогла?

— Твои молитвы помогли мне. — Олиф посмотрела куда-то вдаль, между деревьев и оврага, что окружали их дом. Куда-то далеко-далеко. — Нам повезло, мы наткнулись на Песчаную Завесу. Там не было сторожевых башен.

— Мы, да? — Своим плечом Олиф почувствовала, как ее младшая сестра улыбнулась. — Он ведь тоже Изгнанник... ты не боишься его?

— Нет.

Ну конечно. Олиф была их сестрой. Они знали, что она сделала, но не винили ее, потому что для них она не совершала преступления. А Лекс был для них Изгнанником. Настоящим Изгнанником, и его они боялись. Интересно, неужели она ожидала чего-то другого? Она прекрасно помнила, как убили тех троих выживших. И с Лексом их ждала та же участь.

Марика чуть пошевелилась и выставила перед Олиф свою руку, намекая на кольцо на указательном пальце правой руки.

— Но ты ведь догадалась уже, да? — спросила она.

Олиф кивнула. Они, конечно, были далеко не из интеллигентной семьи, но правила приличия соблюдали всегда. Если бы Дерек начал жить с ними «просто так», Марика прослыла бы «лапочкой».

— Да, он не красавец, — с каким-то едва уловимым вызовом в голосе сказала младшая сестренка, как будто Олиф ее в чем-то обвиняла. — Но это же не главное.

— Не главное, — согласилась она.

— Он хороший. Смелый. Он нам помогает, всегда и во всем.

— Не оправдывайся, — улыбнулась Олиф. — Я не виню тебя.

— Я и не оправдываюсь. — Марика оторвалась от ее плеча. — Но ты так рано ушла от нас... если бы тот Перводружинник не пришел к нам, ничего бы не случилось...

— Прекрати. — Олиф резко прижала к себе сестру. — Прекрати. Былого не вернешь, ясно? Не смей винить во всем себя, поняла меня?

— Но это я... — Марика всхлипнула.

— Нет, не ты. Он пришел сюда, и с этим уже ничего не сделаешь. Если бы я тогда не... не убила его, он бы вернулся, понимаешь? Не смей больше думать, что это ты. Ты тут не причем, ясно?

— Как я могу не думать об этом? Его толстая рожа... я никогда этого не забуду.

Олиф злобно стиснула зубы. Как же она ненавидела этого Перводружинника. Он сломал судьбу не только ей, но и ее сестре. Олиф вдруг подумала, что он, как никто другой заслужил смерти. И плевать, кто у него остался дома. Таким тварям нет места на этой земле.

— Эй, послушай, — девушка прижалась щекой к темным волосам младшей сестры, — я не должна была вернуться, но я вернулась. Называй это как хочешь: чудо или судьба, но теперь я снова здесь, с вами, и я никуда не денусь. Я не умерла, и теперь тебе не за что себя винить.

— Но ты так изменилась, Олиф. Эта пустыня что-то сделала с тобой.

— Просто я чуть-чуть повзрослела. И разучилась нормально разговаривать. В пустыне не так много людей, с кем можно поболтать.

Марика оторвалась от старшей сестры, поерзала на месте, вытирая выступившие слезы.

— А кто это с тобой? Кто он?

— Изгнанник, — просто ответила Олиф.

— Понятно, что не Перводружинник, — улыбнулась Марика, — но как его зовут? Как вы встретились?

— Лекс...тер. Лекстер. Мы встретились довольно глупо, — смутилась Олиф, но поймав недоуменный взгляд сестры, продолжила: — В общем, я шла по пустыне, и мне показалось, что я увидела воду. И я шла к ней. К этой воде. А потом вдруг увидела парня, он выбирался из песка...

Марика округлила глаза.

— Из песка? А как он туда попал?

Олиф взглянула на младшую сестру, понимая, что девчонка почувствует себя еще хуже, если узнает, что в пустыне бывают зыбучие пески. И что Олиф вполне могла оказаться прямо в их центре.

— Ну, ночью был сильный ветер. И Лекса засыпало песком.

— О Берегини, — Марика в ужасе прижала ладони ко рту, — вас там ночью могло заживо засыпать?!

— Нет, конечно, нет, — девушка нервно махнула рукой. — Лекс просто долго спал, и поэтому его успело засыпать песком.

— А почему он долго спал?

— Он... он устал. После охоты.

— Охоты?! На кого?!

— На каракала, — вздрогнула Олиф.

— Кто это? — нахмурилась Марика. — Я о таком ничего не слышала.

— У них мясо... вкусное. В общем, Лекса засыпало песком, а я помогла ему выбраться. Так и встретились, ничего особенного. Лучше расскажи, как вы с Дерексом познакомились, — поспешила сменить тему девушка.

— Это было очень романтично! — Подала голос Тара, вновь принимаясь за измученные волосы своей сестры.

— Да ну перестань! — смутилась Марика. — Ничего не романтично.

Олиф напряглась. Этот громила не внушал ей доверия, и она серьезно опасалась, что девчонку просто-напросто принудили.

— Они приехали с другими батраками искать работу здесь...

— Зачем? — нахмурилась девушка. — Чем им в своей деревне не жилось?

Марика укоризненно посмотрела на сестру.

— Ты же сказала, что не осуждаешь!

— Я и не осуждаю. Просто спрашиваю.

— Ох, Олиф, — вздохнула Марика. — Тебя так долго не было... мне столько всего тебе нужно рассказать. В соседней деревне начался голод. Они приехали сюда искать работу.

— А жить им было негде! — подсказала за спиной Тара.

Марика цыкнула на нее и продолжила:

— Старейшины приняли их просьбу о помощи, и попросили приютить беженцев. В обмен на качественную работу, конечно.

— Как ты могла? — опешила Олиф. — На тебе же и так два голодных рта висели!

— А что мне оставалось делать? Он обещал, что поможет по хозяйству!

— Марика, а если бы он тебя...! — девушка не договорила, но и так все было понятно.

Ее младшая сестра вздохнула, каким-то затуманенным взглядом посмотрела на

деревянную стену дома, и уверено сказала:

— Нет, он бы так не сделал. Он хороший.

Олиф вздохнула. Бессмысленно переубеждать ее, все равно не послушает. Когда-то и она, Олиф, была такой — верила в то, что честные глаза разжалобят людей. Наверное, стоило оказаться в пустыне, что перестать воспринимать мир, как что-то доброе и справедливое.

— Ладно, — вздохнула девушка, — я верю тебе.

— Спасибо, — улыбнулась Марика. — Не все люди такие, как Перводружинник, — добавила она.

— Конечно. Я этого и не говорила.

— Я же вижу, он тебе не нравится.

— Перводружинник? Он и тебе не нравился.

— Олиф, ты же знаешь, о ком я!

— Нам просто нужно узнать друг друга поближе. — От этих слов Олиф непроизвольно вздрогнула. Узнать поближе громилу? От одной мысли холодок бежал по коже.

— Это здорово! — воодушевилась ее сестра, но тут же настороженно спросила: — А твой... друг, он не будет против?

— Он не мой, — машинально поправила Олиф, но заметив удивленный взгляд девчонки, поспешила исправиться: — То есть мой друг, конечно. С чего ему быть против?

— Ну, ты же знаешь этих Изгнанников... — виновато покосившись на нее, ответила Марика.

— Да, знаю, — ущемлено сказала Олиф.

— Я не хотела тебя обидеть. Просто, понимаешь, он весь в повязках, да еще и мужчина... просто мне страшно.

— Не бойся. — Девушка крепко обняла младшую сестренку, вызвав возмущенный писк Тары, только-только взявшуюся за последнюю прядь волос. — Если он с вами что-нибудь сделает, я его сама придушу.

— А он может? — вздрогнула Марика.

— Не волнуйся, с вами все будет в порядке. Тем более у вас такая лопата по дому ходит, вряд ли он позволит нам даже дышать рядом с вами.

— Он только с виду такой грозный, но он хороший! — тут же запротестовала ее сестра.

— Конечно, — не стала спорить Олиф.

Ей не слишком верилось, что Дерек на самом деле милый и заботливый дядечка. Вспомнив, как он кинулся на них с ножом, Олиф подумала, что он, наверное, чем-то опоил Марику. Хотя, кто знает, может и впрямь он не такой, каким кажется. Предвзятость — одно из любимых качеств всех людей, даже Изгнанников. Её, Олиф, тоже нельзя назвать праведницей. У нее уже столько грехов за душой, что Дерек, по сравнению с ней действительно становился милым и заботливым.

— Уже обед пора готовить, — с едва заметной горечью сказала Марика, — пойдем с нами? Мы и овощей купили.

— Да, пойдем, — отстраненно отозвалась Олиф.

Овощи. Она уже и забыла, что это.

Они вошли в дом и с любопытством покосились на двух совершенно невозмутимых мужчин. Дерек копошился возле каких-то коробок, переставляя вещи из них на полки шкафа, а Лекс сидел, привалившись к стене. Когда послышались шаги приближающихся девушек, он

устало открыл глаза и внимательно пригляделся сначала к Марике и Таре, затем уже перевел взгляд на Олиф. Дерек тоже обернулся.

— Все нормально? — настороженно поинтересовался громила.

— Да, не волнуйся, — тепло улыбнулась Марика.

Олиф украдкой закатила глаза. Да уж, понятно, почему такой жуткий тип вдруг стал для нее «самым-самым».

— Что делать нужно? — вздохнув, спросила девушка и почувствовала стыд. Докатились. В собственном доме, где раньше всем распоряжалась она сама, теперь спрашивает, что делать.

Марика тут же воодушевилась. Дерек послали к колодцу за водой. Правда, громила тут же заявил, что если кое-то (красноречивый взгляд достался Лексу) хочет тут жить, значит, должен свое место отрабатывать. Таким образом, к колодцу мужчины пошли вдвоем. Олиф осталась помогать сестрам. Марика мельтешила по кухне, приказав им с Тарой чистить картошку, свеклу и резать лук. Сама же девушка что-то начала жарить и очень внимательно за этим следить. Когда по дому распространился манящий и такой вкусный запах свежей пищи, у Олиф в животе начал раздаваться такой ураган, что она боялась, как бы кто еще не услышал.

Девушка тщательно водила ножиком по коже, наблюдая за младшей сестрой. Марика быстро управлялась и с кипящей кастрюлей, и с пышущей сковородкой. Как настоящая хозяйка. А Олиф еще за нее так боялась, вдруг не справится, но девчонка справилась. Действительно выкарабкалась. С таким грузом вины смогла и мужчину в дом впустить, и о брате с сестрой позаботиться.

Их жизнь налаживалась, и вроде все было хорошо. Но почему тогда на душе у Олиф было так скверно?

На маленькую, крохотную долю секунды, ей вдруг показалось, что она тут больше не нужна.

* * *

Лекс и Дерек шли к колодцу в полном молчании. Они все обсудили еще тогда, когда девушки пошли на задний двор — предаваться слезам радости о воссоединении семьи. Обсудили, на удивление, тихо и мирно. Один грозно предупредил, что если кое-кто приблизится к девчонкам и мальчугану, то навсегда может распрощаться с головой. Или руками — смотря, что дороже. Второй не менее грозно заверил его, что если кое-кто решит избавиться от новоявленных гостей, то может уже не заботиться, что ему там дороже — останется без всего.

Ни тот, ни другой, дураками не были. Оценив перспективы, они перекинулись парой злобных фраз и единогласно решили придерживаться хмурого нейтралитета.

Лекса в этом селе никто не знал, поэтому Дерек не боялся, что в нем признают Изгнанника и не без злорадства заставлял неокрепшего мужчину работать. И хотя тот, без лишних слов, совершенно спокойно крутил железный рычаг, поднимая ведро с глубокого темного дна, было видно, чем ему обходится это спокойствие. На шее даже сосуды посинели от напряжения.

Дерек хмуро наблюдал за Изгнанником, не собираясь проявлять ни щепотки жалости.

Они с этой его девчонкой ворвались в их жизнь слишком стремительно, и уж наверняка принесут еще очень много проблем.

Словно в подтверждение его мыслям к колодцу подбежали несколько девушек. Румяных, веселых и что-то возбужденно обсуждающих. Как оказалось, обсуждали ярмарку. Кто-то заколку себе купил, кто-то платье новое, а кто-то духи от Дикона Никона. Девчонки заметили Дерека, и тут же переключились на него, спрашивая, как там Марика с Тарой.

— Ой, а что ж это мы такие невежливые! — спохватилась одна из красавиц. — Не представишь нас?

Девчушка обвела изучающим взглядом странного спутника батрака, отметив многочисленные швы, помятый вид и заросшую щетину. Дерек даже устыдиться не успел, что забыл имя новоявленного гостя, как румяная девчонка счастливо воскликнула:

— Так вы что, воин?

Лекс кинул настороженный взгляд на Дерека, и коротко бросил:

— Да.

Девчонки уважительно ахнули.

— А вы у нас проездом, или останетесь? — спросила самая смелая, темноволосая.

— Проездом, — так же коротко отмахнулся мужчина.

«Вот сволочь. Мать вежливости не научила», — подумала Дерек.

«Какой таинственный», — подумали девчонки, одновременно начиная наматывать кончик толстых кос на палец.

— А вы к нам на праздник равноденствия придете? — кокетливо поинтересовалась все та же смелая девчушка.

Лекс таким тяжелым взглядом посмотрел на Дерека, что тот даже жалостью проникся. Понятливо кивнул и довольно резко сказал:

— Девчонки, нам пора уже. Заходите в гости как-нибудь.

— А чего это вы такое ведро тяжелое тягаете? — не желала отступить темноволосая. — Вам нельзя! Вон раны-то какие страшные!

Лекс с Дерексом на секунду растерялись, и, воспользовавшись их замешательством, девчонка подошла к перевязанному мужчине.

— Больно, да? — сочувствующе спросила она.

— Нет.

«Еще и слабость не показывает», — восхитились румяные девушки, жадно прислушивающиеся к его словам.

Темноволосая хотела еще что-то сказать, но сделав шаг назад, случайно поскользнулась в жидкой грязи вокруг деревянных досок, огораживающих колодец. Землю тут давно размочило из-за постоянного выплескивания ненужной воды. Реакция у Лекса была быстрее, однако из-за тугих повязок ловить всяких падающих девок ему было в два раза сложнее, и в три раза больнее. Но мужчина со сдержанным стоном ухватил девчонку под спину, дернул ее руку вверх и снова поставил на ноги.

— Осторожнее, — спокойно сказал он, схватил ведро с крючка и пошел прочь.

— О, Берегини, какой мужчина! — Девчонки прижали кулачки ко рту и восхищено уставились вслед удаляющемуся герою.

Дерек догнал его с таким хмурым лицом, что если бы не паршивое настроение, Лекс усмехнулся бы. Наверное.

— Ты им понравился, — сообщил ему батрак.

— Ага.

— Не боишься?

— Чего мне бояться?

— Я ведь и рассказать могу, — припугнул Дерек. — Девчонке твоей.

Лекс на секунду удивленно замер, посмотрел на прищурившегося мужика и совершенно искренне ему посоветовал:

— Если уж решил угрожать — угрожай, что все достоинство оторвешь. Так хоть эффект будет.

— А ты сволочь, — не остался в долгу Дерек. — Впрочем, как и все Изгнанники.

— Что, много Изгнанников видел?

— Мне не надо видеть, о вас и так достаточно говорят.

Лекс на это ничего не ответил, тем самым лишь увеличивая свое презрение перед словами собеседника. Слухами земля полнится, этим давно уже не хвастаются. Но мужик, похоже, и сам понял, что сморозил глупость. Они замолчали и шли в этой тишине довольно долго.

— Что там было, за Песчаной Завесой? — вдруг спросил батрак.

— Пустыня.

— И всё?

— И всё.

Дерек резко остановился, и, вытянув руку, заставил остановиться и Лекса. Тот зло посмотрел на огромную ладонь, упирающуюся ему в грудь, и раздраженно спросил:

— Что еще?

— Я что, на идиота похож? Да ты посмотри на себя. На тебя, как будто дом обрушился. Ты же еле на ногах стоишь.

— Спасибо за заботу, но в пеленках не нуждаюсь.

— Кто тебя так отделал? — пропустил мимо ушей слова Лекса батрак.

— Разбойники.

— Ага, — усмехнулся Дерек. — Это я уже слышал. А если правду? У нас тут таких разбойников не водится.

— Значит, водится.

— Мужик, прекрати юлить. Ты же не полный кретин, чтобы лезть на разбойников, которые могут так отделать. Что это было, и какого рожна ты с этим связался?

— Интересно? — какой-то странной, угрожающей интонацией спросил Лекс.

— Да.

— Интересуйся в другом месте, — не без злорадства ответил ему мужчина, отпихнул руку с груди и пошел дальше, к дому Олиф. Дорогу он запомнил. Лекс вообще убедился, что хорошее знание местности — это иногда единственное, что может спасти тебе жизнь.

* * *

Олиф ворочалась с бока на бок, не в силах провалиться в сон. На ее кровати теперь спал Дерек, поэтому старшей сестре заботливо постелили на чердаке. Тут было душно и ужасно неудобно, особенно под двумя стенами, наклоненными друг к другу. Вставать было трудно, а выпрямиться в полный рост вообще можно было только лишь в середине. То и дело девушка

билась головой о неудачно наклоненные стены, стараясь передвигаться ползком.

Лекса разместили на кухне, на полу, но ему, наверное, было даже удобнее, чем ей.

Олиф перевернулась на спину, посмотрела на темные, деревянные доски и подавила в себе приступ тошноты. Она слишком долго не ела, чтобы вот так вот, за один присест, слопать столько еды. Желудок не справлялся. Девушка перевернулась на бок. Ужин прошел в молчании. Марика и Тара переводили взгляд с Олиф на Лекса, с интересом наблюдая за их жалкими попытками не выглядеть оголодавшими нищими и не начать хватать еду руками. Тимка так вообще наблюдал только за Лексом, пытаясь спросить, откуда у мужчины столько ран и как он их получил. Но Лекс или отмалчивался, или так односложно отвечал, что в итоге мальчишка сдался. Олиф вообще заметила, что Лекс почему-то старается обходить ее брата стороной.

Она вдруг села, провела рукой по волосам. Тошнота усилилась. Если ее сейчас вырвет — это будет очень плохо. Высшая степень неуважения к приютившей ее семье. Стошнить тем, чем накормили — хуже быть не может.

Неожиданно по крыше ударило чем-то странным. Олиф испуганно подпрыгнула. Стук повторился, сперва еле слышно, а затем всё нарастая и нарастая. В конце концов, забарабанило так, словно их дом начали закидывать камнями. Девушка вскочила на ноги, стукнула головой о стену, присела и, полусогнувшись, добрела до маленького окошечка.

На улице шел дождь. Нет, скорее ливень.

У Олиф подкосились ноги.

Дождь.

«Не может быть. Настоящий дождь. Вода...», — мысли вихрем пронеслись в голове.

Она столько времени мечтала о том, чтобы, наконец, ей ниспослали хоть каплю, а тут их тысячи, миллионы, миллиарды. Олиф так давно не видела дождей, влаги. Не помнила уже, что это такое — стоять под дождем. Когда хочется пить, и ты можешь просто подставить руки к небу, а в них, словно по волшебству попадёт несколько капель. Люди не понимали, насколько это ценный дар. Дар Берегинь. Они не знали, что значит иссыхать под знойным солнцем и молить о пощаде, об одной капле воды. И вот она — вода, прямо перед ней.

Олиф не выдержала. Вскочила на ноги, снова стукнулась головой о наклоненные стены и, бухнувшись на колени, ползком выбралась с чердака. Гроыхая босыми ступнями, спустилась по лестнице. Вылетела на крыльцо.

Дождь. Настоящий дождь.

Сперва девушка выставила лишь руку. А когда вернула ее обратно, недоверчиво уставилась на свои пальцы — мокрые. Олиф прижала ладонь ко рту. Сделала несколько неловких шагов и почувствовала, как одежда миглом промокла, коса на голове отяжелела и начала стягивать в ту сторону, откуда свисала. Но Олиф было все равно. Она прошла по двору, впитывая кожей промокшую, вязкую землю. И все это время не разнимала сцепленных рук, в которых, словно в блюде, скапливалась вода, переливалась за край, и стекала по онемевшей коже.

Дождь.

Олиф подставила лицо грубым, безжалостным каплям. Те тут же начали хлестать ее по щекам, носу, губам, закрытым векам. Но это была такая сладкая боль. Особенно, когда влага пропитала губы. Вспомнилось, как они высыхали на солнце, требовали хоть капли воды.

Дождь.

Не может быть. Теперь Олиф окончательно убедилась, что Берегини прокляли пустыню — здесь этот волшебный дар был обычным делом, а там — чудом.

Дождь...

... Дерек услышал громкие шаги, и тут же настороженно поднялся. Вышел из комнаты, и заметил, как темный силуэт быстро пересек кухню. Хлопнула входная дверь. Дерек, в своей привычной манере никому не доверять, заподозрил неладное. Легким движением проверил на месте ли охотничий нож, и спустился вслед за тенью. Аккуратно открыл дверь, и заметил, как старшая сестра Марики подставляет ладошки дождю. Мужчина нахмурился, сделал еще пару шагов вперед, и вдруг ему в грудь уперлась чья-то ладонь. Дерек ошарашено поднял взгляд, и увидел Лекса. Тот стоял в самой-самой темной части крыльца, рядом с деревянным столбом, буквально сливаясь с темнотой. Если бы не жесткая ладонь, батрак его вообще бы не заметил.

— Не трогай ее, — тихо, чтобы девчонка не услышала, сказал Лекс.

— Просто узнать хотел, все ли в порядке, — так же тихо отозвался Дерек, отводя в сторону чужую руку.

— Дай ей время.

— На что? — не понял батрак.

— А ты не видишь?

Дерек перевел взгляд на девушку. Она счастливо улыбалась, подставляя лицо хлестким каплям. Как будто впервые в жизни видела дождь. И тут он вспомнил, что в какой-то мере так и есть.

— В пустыне вообще дождей не бывает? — с плохо скрываемой жалостью спросил он. В глубине души (очень-очень глубоко) девушка ему нравилась, к тому же за спасение Марики, она уж точно не заслужила стать Изгнанницей.

— Бывает. Но она их не видела, — сказал Лекс, не сводя с Олиф внимательного взгляда.

— Сколько она там была?

— Три месяца.

— А ты? — прозорливо осведомился Дерек.

— Дольше.

— Не скажешь, — кивнул мужчина, скорее для себя, констатируя факт.

Лекс не ответил, лишь подтверждая его слова. Мужчина скрестил руки на груди и неотрывно следил за каждым движением девушки.

— Присмотришь за ней? — вдруг спросил батрак

Лекс кинул на него удивленный взгляд, а затем медленно кивнул.

— Присмотрю.

Дерек хотел еще что-то сказать, но в последний момент передумал, и просто молча вернулся обратно в дом. Он бы остался, потому что не доверял этим двоим. Но там, на крыльце, у него вдруг зародилось стойкое ощущение, что ему там делать нечего. Дерек вдруг понял, что влезает во что-то очень-очень личное, сокровенное. Он никогда не был в пустыне, и поэтому не имел никакого права разделять эти минуты с ними. Они оба пережили что-то такое, о чем никогда никому не расскажут. И это мгновение принадлежало только им, потому что для Дерека оно не имело никакого значения. А для Олиф с Лексом это было чудо.

И только они двое видели это чудо. А значит, и принадлежало оно только им.

Мокрая, но счастливая Олиф уснула только под утро. Когда она проснулась, весь матрац был пропитан водой, поэтому и платье не высохло. Новую одежду Олиф не откуда было взять — лишних платьев в их семье не было.

Оказалось, солнце уже давно взошло. Марика и Дерек наверняка уже ушли работать — одна на поля, другой тоже, наверное, без дела не сидел. Олиф выползла из своего ужасного логова, с наслаждением потянулась и начала спускаться со второго этажа, как вдруг услышала голос Тимки:

— А што это ты делаешь? Нош точишь?! — Его голос был пропитан искренним удивлением.

Олиф выглянула из-за деревянных перил и увидела своего брата с изумлением глазающего на то, как Лекс точит нож.

— Да, — коротко ответил мужчина.

— А мне мощно? — дырка между зубов непроизвольно заставляла его шепелявить.

— Нет.

— Ну поша-а-алуйста! — заканючил ее младший брат.

— Иди лучше в куклы поиграй. — Лекс сидел на первой ступеньке и чуть отодвинулся от мальчика в сторону.

— Я не играю в куклы! — Тимка увидел освободившееся место и тут же сел рядом, с интересом наблюдая за движениями рук мужчины. — А зачем ты точишь нош? Чтобы убивать, да?!

— Нет, — хмуро отозвался Лекс. — Чтобы защищаться.

— А я тоже умею защищаться! — радостно подпрыгнул на месте Тимка.

Мужчина усмехнулся слову «защищаться». Поджал губы и с интересом посмотрел на мальчишку. А затем вдруг резко крутанул оружие в ладонке так, что пальцы мужчины схватили острое лезвие, а рукоять уткнулась в нос мальчугану.

— Показывай.

Тимка в свое счастье не поверил. Уставился на деревянную ручку с открытым ртом.

— Правда?!

— Быстрее, пока не передумал.

Мальчик тут же взял в свои руки довольно большой для него нож, вскочил на ноги и начал вытворять перед Лексом настолько хаотичные движения, что стоящим по бокам тумбочкам грозило немедленное поражение. Олиф, которая видела попытки своего брата показать, насколько он смелый, пришлось зажать рот руками, чтобы своим смехом не выдать себя. Тимка скакал по кухне так, словно ему за шиворот забрался жук. Если бы разбойники наткнулись на него в темном лесу, они бы разом забыли, кто они, что они тут делают, и что это за куропатка скачет прямо перед ними.

— Ладно-ладно, хватит! Я понял, ты всех победишь.

Тимка радостно улыбнулся, и, сделав еще несколько взмахов руками, уселся на прежнее место рядом с мужчиной. Протянул нож обратно, рассматривая его таким взглядом, словно провожал на войну.

Лекс забрал оружие, усмехнулся, и, словно забывшись, каким-то странным — Олиф даже показалось, будто очень привычным движением, шуточно толкнул мальчугана по

голове. И тут же одернул руку, вздрогнул, как будто только что осознал, что сделал, и отодвинулся еще дальше. Его движения об оселок стали резче, яростнее.

— А мощно мне поточить? — не замечая перемены в настроении мужчины, решил попытать удачу Тимка.

— Нет.

Мальчишка с любопытством заглянул Лексу под руку и стал следить за его движениями с чуть приоткрытым ртом.

— Иди побегай где-нибудь, — в конце концов, не выдержал мужчина.

— Ну мощно мне посмотреть? Я трогать нишего не буду, — пообещал Тимка, жадно приглядываясь к ножу.

— Иди. Гуляй. — Лекс посмотрел на него таким взглядом, что мальчик стушевался, обиженно насупился и выбежал во двор.

Лекс проводил мальчугана насмешливым взглядом, и как только тот скрылся за дверью, спокойно сказал:

— Плебейка, хватит там отсиживаться, спускайся.

Олиф нехотя вылезла из своего «укрытия», быстро спустилась вниз и села рядом с мужчиной. Он успел побриться и отстричь отросшие волосы, вновь став похожим на того Лекса, которого она видела на оазисе. Повязки еще вчера вечером заменили на новые, и теперь мужчина выглядел очень опрятным и ухоженным. Даже и не скажешь, что столько воинов перерубил.

— Вы неплохо ладили, — сказала девушка.

— У вас вся семейка такая приставучая?

— Нет, это просто ты необщительный, — беззлобно ответила Олиф.

— Почему бы тогда не приставать к тебе? Или к ходячей лопате?

Олиф уже открыла рот, чтобы объяснить мужчине, что отца Тимка не видел вообще, а ходячий громила — не самый прекрасный собеседник, и не стоит так предвзято относиться к мальчику, как входная дверь распахнулась, и внутрь вошел Дерек. Он сразу заметил двух как-то неприлично близко сидящих друг к другу парня с девушкой, и направился напрямик к ним. Олиф не успела испугаться, что ее сейчас станут за что-то бить, как грубый посаженный голос пояснил:

— Эй ты, вставай, поможешь нам бревна таскать.

«Эй, ты» — явно предназначалось Лексу. Тот внимательно посмотрел на батрака, но с места не сдвинулся. Было бы глупо требовать к себе должного обращения, но и показывать, что по первому зову готов в ноги броситься, Лекс тоже не собирался.

— Ему сковородку в руки брать нельзя, какие еще могут быть бревна, — заикнулась было Олиф, но Дерек невозмутимо сказал:

— Если хочет тут остаться, пусть отрабатывает.

— Но...

— Без «но». Или так, или на улице будет ночевать.

Олиф хотела еще что-то сказать, но Лекс вдруг положил на ступеньку нож с оселком и поднялся, разминая затекшие руки.

— Пошли.

Дерек удовлетворенно хмыкнул. Если девушка провожала мужчин недоуменным взглядом («Лекс же знает, что ему нельзя напрягаться, куда он собрался?!»), то батрак как раз прекрасно понимал мужика: вот еще, будет за него девка какая-то заступаться.

Они вышли на улицу в полном и взаимно недружелюбном молчании. Дерек подошел к стоящей посреди колдобистой дороги телеге, Лекс на секунду замер.

— Где бревна? — коротко спросил он.

— Что, испугался? Не здесь работенка, в другом конце села. Садись уже.

Лекс покосился на старую деревянную коробку, явно ошибочно называемую телегой, всю испещренную торчащими заусенцами. Поймав его удивленный взгляд, Дерек не без насмешки сказал:

— Вот тебе тряпка, не уколешься, принцесса.

Однако пока они ехали, Лекс все равно умудрился подцепить пару заноз. Как оказалось, телега вообще не предназначалась для людских перевозок, на нее и полагалось загружать бревна. Дерек вместе еще с несколькими мужиками вполне могли самостоятельно справиться с длинными, локтей в десять, бревнами, аккуратно лежащими друг на друге. Но разве можно было упустить шанс помучить новоиспеченного гостя?

Лекс осторожно выбрался из телеги. Мужики, которые терпеливо ждали обещанного помощника, удивленно присвистнули.

— А он не развалится? — спросил один из них.

— Куда он денется, — усмехнулся в ответ Дерек.

Батрак быстро отдал несколько распоряжений: как браться за бревна, как переносить и куда. Распределил всех по своим местам, не оставив никого без дела. Сперва мужики с недоверием и плохо скрываемой насмешкой косились на перевязанного «помощника», даже ставки сделали, когда тот с ног свалится. Но после третьего захода поняли — не свалится. Вроде и живого места на нем нет, но натренирован был хорошо. И помогал почему-то молча — за все время работы, батраки так и не услышали от него ни единого слова.

— Слышь, Дерек, — к мужчине подошел один из его друзей — Брон, крупный, но все равно, на удивление, нескладный мужчина. Он любил только две вещи: выпивку и девок, причем первое никогда не способствовало появлению второго. Из-за постоянного полупьяного состояния, он, казалось, вообще забыл про слово «мыться», и расхаживал по селу в грязной одежде и с сальными волосами. — Где ты его откопал? — Брон красноречиво покосился на Лекса.

— А, — отмахнулся в ответ мужчина, — так, приезжий.

— И откуда тут такой «фрукт»?

— Он не «фрукт», — подражая манере Изгнанников, Дерек принял все всерьез, потом опомнился: — Тьфу, то есть откуда-то с юга.

— Не нравится он мне, — как можно серьезнее сказал Брон.

— Он и не должен тебе нравиться.

Брон пропустил шпильку мимо ушей, продолжая рассуждать немного заплетающимся языком:

— Ты глянь на него. Он как будто всю жизнь бревна таскал. — Мужчина выждал красноречивую паузу и еще более подозрительно добавил: — Или не бревна, а кое-что похлеще.

— Ты о чем? — нахмурился Дерек.

— Он нож за спиной носит. Хороший нож, охотничий.

— И что? Я тоже ношу.

— Ну ты-то для дела, а ему зачем?

— К чему ты клонишь?

— Может, наемник? — наконец, выдал предположение Брон.

— Ага, а в селе он что забыл?

И хотя Дерек знал, что Лекс забыл в селе, покрывать Изгнанника он не собирався.

— От властей скрывается. Небось, кучу народу перебил. Ты посмотри, как он двигается. Точно наемник. И взгляд у него такой жуткий, я как посмотрел, так чуть не обмер.

— Да ты сказочник, — усмехнулся Дерек, хватаясь за очередное бревно. А взгляд у Лекс и впрямь был жуткий, иногда так посмотреть мог, что волосы на затылке шевелиться начинали.

Брон пристроился с другого конца, помогая напарнику.

— Я реалист. И этот мужик мне не нравится.

— С чего это ты проникся к нему такими «теплыми» чувствами?

Брон посопел-посопел, потом признался:

— Сеструха говорила, что встретила вас у колодца сегодня.

Дерек расхохотался.

— Ясно.

— Чего тебе ясно? — Брон раздраженно перехватил бревно поудобнее. — Она его так описала, что я сразу понял — что-то тут не так. Вот хошь докажу?

— Что ты доказывать собрался? — устало вздохнул Дерек, пытаясь рассмотреть дорогу через плечо.

— Что он наемник, — уверенно кивнул его полупьяный напарник.

— Вот только разборки тут еще не хватало. Потом разберешься с ним.

— А еще друг называется, — в лучших чувствах оскорбился Брон. — Даже не поддержишь.

— Не поддержу, потому что нечего поддерживать.

— Ну и ладно.

Они погрузили бревно поверх остальных, и Брон тут же ускакал к другому батраку, помогать уже ему. Спустя несколько минут стало ясно, чем была обусловлена такая резкая смена партнера. Когда Брон пристроился спереди, взвалив бревно на плечо, он, словно невзначай пару раз прошелся мимо Лекса. В один прекрасный момент, бревно Брона с такой силой задело бревно Лекса, что обоих мотнуло в разные стороны. И если Лекс свою ношу удержал, перекинув основной вес на себя, то Брону с напарником пришлось отскочить в сторону и пару раз подпрыгнуть, уворачиваясь от разбушевавшегося бревна.

Ущерб был минимальным, зато визгу поднялось, как будто какую-то девчонку изнасиловали. Орал, естественно, Брон.

— Ты че, мужик, давно по рылу не получал?! Это че за дела!!!

Лекс молча вперил взгляд в орущего мужика.

— Ты че, слов не понимаешь?! Че молчишь?! Я тебя спрашиваю!!! Ты че удумал, а, тварь?! Да мы знаешь, сколько эти бревна таскали, а?!

— Брон, успокойся, — сказал ему Дерек, но вмешиваться не стал.

— Да этот гад нарочно своим бревном нас поддел!! Да ты на рожу его глянь только!! Ты че здесь забыл вообще, а?!

Остальные батраки лишь усмехались, прекрасно зная характер Брона. Им было гораздо интереснее, как на все эти выпады отреагирует новенький. Новенький не произнес ни слова, даже когда начал получать такие оскорбления в свой адрес, что даже самый стойкий давно бы по роже заехал. Но Лекс молчал. Брон прыгал возле него, пытаясь хоть как-то вызвать

реакцию — безрезультатно. Но стоило ему замолкнуть, Лекс нарочито медленно и спокойно, явно выражая свое брезгливое отношение к собеседнику, сказал:

— Если ты так из-за какого-то бревна визжать начинаешь, что же происходит, когда тебе девки отказывают?

На секунду все, без исключения, опешили. Во-первых, потому что не ожидали, что мужчина скажет хоть слово. Во-вторых, потому что не ожидали такого слова. Когда, наконец, до всех дошел смысл фразы, послышались смешки. Брон общего веселья не разделил. Налился злобной краской, и, не раздумывая, размахнулся кулаком прямоком в ненавистную рожу. Кулак был крепким и цель свою находил почти всегда, но в этот раз описал косую линию и прямым ударом рассек воздух. От неожиданности хозяин кулака потерял равновесие и сделал несколько неловких шагов вперед. В этот момент сбоку появился Лекс и жестко схватил руку Брона, заставив вывернуться ее таким образом, чтобы ребро ладони безошибочно ударило по выпирающему локтевому суставу. Послышался хруст и в следующую секунду батрак согнулся пополам, хватаясь за поврежденную конечность.

— Вправишь, — резко сказал ему Лекс и отошел на несколько шагов.

Друзьям Брона вообще-то полагалось встать на его защиту и проучить зарвавшегося новичка, но с места никто не сдвинулся. В основном потому, что знали: батрак получил по заслугам. Но и перспектива остаться без рук никого тоже не прельщала. Новичок оказался на удивление сильным.

Дерек прищурился.

— Ладно, возвращаемся к работе.

А сам подошел к Брону и помог ему встать, профессионально вправляя обратно вывернутый сустав. Послышался жалкий вой никак не соответствующий грозному и злому виду мужика.

— Я тебе это еще припомню, — с ненавистью выплюнул он, пытаясь скрыть выступившие от боли слезы.

Лекс усмехнулся.

— С нетерпением буду ждать.

Брон остановился прямо напротив мужчины и начал ему что-то высказывать, прилагая к своим словам изрядную долю мата. Все, что Лекс успел подумать: «жизнь тебя ничему не учит», а потом он уже не слушал. Его внимание привлекла странная фигурка, стремительно бегущая навстречу к ним, огибая деревья. Лекс прищурился. По мере приближения фигурки, мужчина различал все больше настораживающих деталей. Фигурка оказалась пареньком в разорванной рубаше и спадающих штанах. Он несся так быстро, что можно было подумать, будто за ним кто-то гонится.

Брон все пытался нарваться на еще один вывих какой-нибудь конечности, и несказанно удивился, когда его не реагирующий собеседник вдруг сделал несколько шагов в сторону и как-то странно напрягся.

— Ты че, вообще совесть потерял?! Нарвался, а теперь в кусты?!

Лекс не ответил. Он наблюдал за пареньком очень, очень внимательно, отметив про себя странную пыль, летящую за ним попятам. Кажется, слетала она с одежды. Когда паренек приблизился на приемлемое для обзора расстояние, Лекс понял, что с беглеца сыпался песок.

— Тут рядом Песчаная Завеса? — резко спросил мужчина, перебивая расщедрившегося на лестные эпитеты Брона.

— Да, за лесом, а что? — порадовался смене темы Дерек.

Лекс напрягся еще больше. Паренек быстро добежал до группы кучковавшихся мужчин, и, словно не заметив их, явно намеревался бежать и дальше. Если бы не Лекс. Он так резко и неожиданно выставил в сторону руку, что шкет влетел в нее, как в стену, закатил глаза и рухнул на землю. Мужчина тут же поставил его на ноги, схватив за грудки.

— Ты что делаешь? — опешил Дерек.

— От кого ты бежишь? — грубо, словно на допросе, спросил Лекс, пропустив вопрос Дерека мимо ушей.

Паренек понял, что попал, и жалостливо залебезил:

— Дяденька, не убивайте меня!! У меня дома еще мама, папа, три сестры, пять братьев... столько голодных ртов... как они без меня, дяденька?!

— Никто не будет тебя убивать, — спокойно сказал ему Дерек, подходя ближе.

— Просто скажи, от кого ты бежишь, — добавил Лекс.

— Там... там... — Паренек осекся. Понял, что к чему.

— Успокойся, мы не стражники, мы не имеем права сажать Изгнанников, — твердо и немного грубо сказал Лекс, понимая опасения шкета.

Кто-то позади них сдавленно ахнул.

— От кого. Ты. Бежишь. Говори.

— Там... дяденька... там... а, ладно, можете и убивать меня! Лучше уж тут, чем там!

— Что происходит в пустыне?! — так рывкнул на него Лекс, что паренек чуть не потерял сознание.

— Да я... я... видел, только как пески на дыбы встали, а потом меня мужик какой-то схватил и сказал: «Беги!», ну я и побежал! Честное слово я не видел ничего больше!

— Что за мужик? — нахмурился Лекс, поднял взгляд и добавил: — А вот это, похоже, за тобой.

Паренек испуганно обернулся в руках мужчины и от страха чуть не сел на землю, принявшись стучать зубами.

— П-п-пуст-т-тите м-м-еня-аа!

Лекс не заставил просить себя дважды, одним движением толкнул слабую тушку в сторону и посмотрел на трех всадников, с яростным воплем хлеставших своих лошадей. Тот, что скакал впереди — явно был воином из Первой Дружины. А вот остальные два, скорее всего, телохранители. Странно, кто гонится за преступниками с телохранителями?

Лекс размял кулаки. До Песчаной Завесы нужно было добраться как можно быстрее, и лучше это было сделать не на своих двух. То, на что он только что решился, могло стоить ему рук. Но мужчина лишь отогнал навязчивые мысли в сторону. Сколько раз он так развлекался пока жил в столице. И сейчас все выйдет.

Когда всадники приблизились к застывшим в немом удивлении батракам, Лекс подобрал с земли камень, размахнулся и со всей силы кинул его прямо в одного из телохранителей. Всадник, не ожидавший такого странного нападения, схватился за горло, чувствуя, как камень, угодивший в солнечное сплетение, выбил из него не только дух, но и воздух. Опрометчиво поднял руки. В этот момент Лекс схватил лошадь за освободившуюся уздечку и дернул в сторону. Прочертил вместе с непослушной скотиной несколько десятков локтей, а затем отскочил в сторону, когда гнедая встала на дыбы, сбрасывая задыхающегося стражника.

Стоило лошади вернуться на все четыре копыта, как Лекс тут же взлетел на нее верхом

и с такой силой пнул ногами по бокам, что бедной скотине ничего не оставалось, как со всей дури поскакать обратно.

Батраки лишь в немом шоке пытались осознать произошедшее. Дерек, казалось, был поражен больше всех. Мало того, что его новоиспеченный гость имел ошеломительную реакцию, так он еще и умудрился лошадь на полном скаку остановить, при этом оставшись с обеими руками. Кому расскажешь — не поверят.

Лекс скакал быстро, заставляя лошадь делать такие удивительные маневры, что если бы это кто-нибудь видел — лег бы прямо там, вместе с травой.

Мужчина издалека заметил высокую Песчаную Завесу, но вот чтобы заметить какую-то неестественность в пустыне, пришлось подъехать ближе. Лекс сразу отметил, что пески движутся, причем движутся не так, как это бывает, когда три созвездия выстраиваются в ряд, а так, словно пески были людьми. По мере приближения, Лекс с непонятным ощущением какого-то зуда на спине, понимал, что не ошибся. По пустыне и впрямь шли песчаные люди. Или нелюди.

Ему вспомнились те палочки, что они с Олиф видели в помещении, в которое провалились из комнаты Хозяина. Мужчина как-то отстраненно подумал, что сегодня как раз был день равноденствия — темноволосая девчонка у колодца приглашала его на праздник. После того, как они с Олиф выбрались из пустыни, прошло три дня. И последнее полнолуние было три дня назад. А сегодня, получается, закончились и маленькие палочки. Значит, и время закончилось.

Зато началось что-то еще.

Лекс припорошил коня, чтобы выиграть немного времени и все обдумать. В пустыне творилось что-то странное — это факт. Интересно, успели эти песчаные люди захватить остальных Изгнанников? Или это новорожденные Песчаники? И что им вообще нужно?

Неожиданно внимание мужчины привлекли непонятные черные точки, появившиеся на пути восставших песков. Они двигались намного быстрее и, кажется, были даже объемнее по размерам, но не по числу. В какой-то момент Лексу показалось, что на ноги поднялась вся пустыня.

Он так и не погнал гнедого напрямик к Песчаной Завесе, потому что все никак не мог понять, что происходит в пустыне, и насколько оно опасно. Черные точки становились все отчетливее, и, наконец, мужчина узнал Бронированных Змей. И, хвала Берегиням, всадники на них тоже виднелись.

Помедлив, Лекс все-таки пнул коня по бокам и помчался напрямик к бывшему другу.

Вилять среди деревьев было не самым простым занятием, особенно если учесть, что Лекс не практиковался в этом деле уже два года. А раньше было легко.

Часовые на постах не знали, что делать — бежать или охранять территорию? Они, как никто другой, видели, что из песков медленно, но верно, формируются человеческие фигуры. А тут еще к ним присоединилось что-то вообще не поддающееся логике. В пустыне никогда не было таких объектов — огромные, чешуйчатые и бронированные чудища устремились напрямик к Песчаной Завесе. И если песочных людей еще как-то можно было задержать (хотя и это было под большим сомнением), то, что делать с этими тварями, никто не знал.

Часовые замерли в нерешительности, переглядываясь друг с другом, и надеясь, что найдется хоть кто-нибудь, готовый взять ответственность на себя. И он нашелся. Щупленький паренек на башне, расположившейся почти посередине, глубоко вздохнул и тоненьким, еще неокрепшим голосом объявил: «Лучники, целься!». Остальные часовые недоуменно покосились на парня, но следуя его примеру, натянули тетиву.

И хотя Лекс был довольно далеко, он прекрасно слышал треск каждого лука. Сразу, в общем-то, понял, что не успеет, но все равно саданул по бокам своей лошади с двойной силой. Можно было только диву даваться, как она только не окочурилась еще.

Первые стрелы были выпущены довольно резко и неожиданно. А может, это просто тоненький надрывающийся голос как-то не вязался с понятием «командирский приказ». Лекс очень надеялся, что решив явиться напрямик к Песчаной Завесе, Ринслер все просчитал, в том числе и стрелы.

Мужчина долетел до нерадивых лучников как раз в тот момент, когда те готовились уже ко второму выстрелу. Парнишка на средней башне только открыл рот, чтобы выкрикнуть: «Пли!», как громкий, посаженный голос, каким и следовало командовать отрядом (а может, и армией), оборвал его грубым: «Не стрелять!». Лучники даже не видели, кто отменил приказ, но один только тембр заставил их опустить стрелы. Парнишка испугано вздрогнул и вместо «пли» у него вырвалось писклявое «пля».

— Где ваш командир? — резко спросил Лекс.

Он припорошил коня, но бедная лошадь так разогналась, что чтобы остановиться, пришлось прочертить копытами глубокие борозды, и к тому же пару раз крутануться вокруг

собственной оси.

— А вы кто? — недоуменно спросил кто-то из лучников, наблюдая за странными манипуляциями человека, пытающегося удержаться в седле.

Лекс как можно сильнее натянул узды, наконец, заставив нерадивое животное принять горизонтальное (спокойное!) положение. Аккуратно запустил руку за пояс и продемонстрировал значок Перводружинника.

— Где ваш командир? — уже не так резко спросил мужчина.

Лучники переглянулись и единодушным жестом указали назад, в сторону леса. Там еще виднелась не улегшаяся пыль от проехавших недавно всадников. Лекс против воли усмехнулся. Значит, эти трусы гнались вовсе не за Изгнанником.

— Давно это началось? — спросил мужчина, вновь переводя взгляд на лучника.

— Что? — не понял тот. Ему вовсе не прельщала перспектива одному болтать с самим Перводружинником.

— Это. — Лекс указал на пустыню. Отметил про себя, что Бронированные Змеи почти добрались до Песачной Завесы.

— Ну-у, меньше двух часов назад.

— Начальству доложили? — все так же спокойно, но твердо продолжал допрос мужчина.

— К-какому начальству?

— В Правске об этом знают?

Лучник растерянно огляделся, ища поддержки. Но Лекс и так уже понял — нет. Вряд ли их командира заботила такая мелочь, если он сбежал еще тогда, когда даже паленым не запахло.

— Что прикажете делать? — решил озвучить мучивший всех вопрос какой-то паренек с дальних башен.

— Не стрелять и ждать приказа.

Лекс развернул возмущенно фыркнувшую лошадь и подъехал вплотную к Песчаной Завесе. Ринслер, не будь дураком, остановил своих людей на приемлемом расстоянии от часовых башен. Все-таки нормальные люди к таким чудесам природы, как Бронированные Змеи, вряд ли могли привыкнуть. Мужчина спешил и уже на своих двух подошел к бывшему лучшему другу.

— Что это такое? — не утруждая себя приветствием, сразу перешел к делу Лекс.

— Ни малейшего понятия, — покачал головой Ринслер. Оглянулся, словно не верил, что все это не последствия разбушевавшейся фантазии. — Они восстали неожиданно, но так резко, будто... по приказу, что ли.

— Ими кто-то управляет? — удивленно поднял бровь Лекс.

— Не знаю. Но эти твари вряд ли на солнышко посмотреть решили.

— Их можно как-то убить? — Если они хоть немного похожи на Песчаников, то убить их было нельзя — и этого Лекс боялся больше всего.

Ринслер покачал головой.

— Мы пробовали. Рассыпаются и спустя несколько минут восстают снова.

— Это новые Песчаники? — Лекс постарался взять себя в руки. Должен же быть способ, который их остановит.

— Нет. Вот уж в чем, а в этом я уверен. Песчаники были разумными, а эти тупые, как стадо баранов. Они не думают, просто прут вперед и все.

— Числом берут, — кивнул в ответ Лекс. Мозг начал лихорадочно искать хоть какой-нибудь способ спастись.

— Скоро они будут здесь, — предупредил Ринслер, внимательно наблюдая за бывшим другом. — Думаю, уж они-то смогут пройти сквозь Песчаную Завесу.

— И что? Есть идеи, как их остановить?

Ринслер как-то сочувствующе покачал головой.

— Ни единой.

— Ладно. Сколько у нас времени?

— Они идут пешком. Времени хватит, чтобы собрать вещи и свалить.

Лекс промолчал. Ринслер вздохнул, начиная кое-что понимать. Настороженно спросил:

— А где... девчонка?

— Дома у себя.

— Я так понимаю, бежать ты не собираешься?

Лекс стиснул челюсть.

— Нет.

— Слушай, я, конечно, жду не дождусь, когда ж ты сдохнешь... Но тебе ее не жалко? Перестанешь тупить, и еще будет шанс спастись.

— Нет, — упрямо ответил Лекс.

— Идиот. Ладно еще, если б только себя в могилу загнал.

— Тут куча людей, которых перебьют, как тупую скотину.

— Их и так перебьют, как тупую скотину, — раздраженно попытался воззвать к разуму бывшего друга Ринслер. — Они же даже не воины. Это рабочие, Лекс.

— Наплевать. Выход есть всегда.

— Да, и сейчас лучший выход — это бежать.

— Вот и беги, придурок, — огрызнулся Лекс. — Если эти твари выйдут за Песчаную Завесу, то вытравят, если не эту деревню, так другую.

— И как ты собрался их остановить?

— Как всегда.

Ринслер вздохнул. Он и не надеялся, что сможет переубедить этого остолопа, но попробовать стоило.

— И какой у тебя план?

— По ходу дела разберемся, — усмехнулся Лекс.

— Да, годы идут, а твои планы все не меняются.

— Зато они всегда работают. Кстати, тебе-то как раз еще не поздно уйти.

— И всю славу отдать тебе? Размечтался. Знаешь, у тебя за спиной стоят какие-то люди. Я бы промолчал, но они смотрят на нас, как на ожившую статую Берегинь.

Лекс обернулся. Батраки уже успели добежать до Песчаной Завесы и теперь стояли напротив мужчин с открытыми ртами. Да, не каждый день увидишь, как человек и Изгнанник разговаривают, словно закадычные друзья. Еще и спокойно так, как будто это обычное дело для них.

— Эй, Дерек, — окликнул его Лекс, — среди вас наберутся те, кто сможет оборону держать?

— Ч-что? — нахмурился батрак.

— Кулаками махать тут кто-нибудь умеет? — «перевел» Ринслер.

Мужики чуть на землю не сели от удивления. Мало того, что Изгнанник так близко к

Завесе подобрался, он еще и голос подает, причем вообще незнакомым людям.

— А что вообще происходит? — Дерек глубоко вздохнул и решил взять себя в руки.

— Да так, — пожал плечами Лекс. — Песок начал в людей превращаться, по пустыни озлобленная армия идет прямо сюда, чтобы всех тут перерезать. Ничего особенного.

Батраки недоверчиво уставились на бескрайние песчаные поля. Время неумолимо утекало, но нужно было заставить этих дурней поверить в то, что шутки кончились.

— Они же... как живые... — слабым голосом проблеял кто-то.

— Мы точно не знаем, чего хотят эти твари. Но они идут сюда, и явно не с самыми хорошими намерениями. — Лекс говорил негромко, но твердо и уверенно. Люди невольно начинали прислушиваться. — Если впустим их в село, они перебьют ваших жен и детей. Каждого. Такая армия подчистит вашу деревеньку, как загон от вонючего говна. Я спрашиваю вас, есть здесь кто-нибудь, кто сможет встать сюда и стоять до последнего?

Батраки переглянулись.

— А почему мы должны тебя слушать? — с вызовом спросил Брон, выступив вперед.

— Не слушай, — разрешил Лекс. — Единственный командир, что был тут, давно прихватил свое золото и смотался в безопасное местечко. А вам бежать уже поздно. И если ты сейчас не закроешь свою пасть, то потеряешь драгоценное время. Они придут сюда, и ты будешь молиться, чтобы я спас твою задницу из их рассыпающихся лапок. Но будет поздно. Я спрашиваю еще раз: есть здесь кто-нибудь, кто сможет задержать их?

Лекс на коне выглядел настолько внушительно, что после его не слишком дружелюбной речи, даже Брон пропитался уважением. Относительным, конечно.

Последние сомнения развеял Дерек. Уж он-то дураком не был. Если бы не Лекс, он бы, наверное, первым догадался, что что-то идет не так. Но к тому времени было бы уже слишком поздно.

— Есть несколько сильных ребят. Можем еще прихватить парочку юнцов, — спокойно сказал он.

— Оружие в селе есть? — облегченно спросил Лекс. Это не воины. Те беспрекословно подчинялись приказам, а этим пришлось доказывать, почему именно так, а никак иначе.

— Вилы, ножи... лопаты. Мы не воины вообще-то.

— Вы — нет, а вот они — да. — Лекс кивнул на внимательно прислушивающегося к диалогу Ринслера.

— Ты что, предлагаешь нам работать вместе с Изгнанниками? — опешил Дерек.

— Хочешь спасти свою задницу? А Тару с Марикой и Тимкой? Значит, будешь делать так, как я скажу. На данный момент, они единственные, кто может вам помочь.

— С чего ты взял, что им можно верить?! Это же Изгнанники! — влез Брон.

Лекс посмотрел на него таким взглядом, что все вопросы отпали сами собой.

— Они не выйдут за пределы Песчаной Завесы. Все, что от вас требуется — это продержаться некоторое время.

— До чего? — удивленно спросил сзади Ринслер. Он про такой план действий тоже слышал впервые.

— Я приведу дружину.

— Чего? — опешил Дерек. — Ты что, серьезно? Да их привилегированным мордочкам нет до нас никакого дела. Сами разберемся.

— Правда? — усмехнулся Лекс. — Горстка жалких батраков выстоит против не убиваемых Песчаников? — Мужчина по привычке обозвал новоявленных тварей

Песчаниками, но батраки вдруг вздрогнули. Если уж этот мужик им название дал, значит, и раньше с ними виделся. — Ладно, у меня нет времени на препирательства. Либо вы слушаете, либо проваливайте отсюда.

Надо отдать им должное. Даже среди лучников никто не дрогнул. Отчаянные ребята. Это заслуживало уважения.

— Возвращайтесь по домам, берите любое оружие, какое только сможете найти. Жен и детей по подвалам, и в случае чего, пусть будут готовы бежать в лес. Все всё поняли? Кстати, Дерек, в селе смола есть?

— Найдем, — уверенно кивнул батрак.

— Разлить по всему периметру. — Лекс повернулся к Ринслеру. — Лучше с вашей стороны. Как только нелюди приблизятся достаточно близко...

— ... подожжем, — закончил за него Ринслер.

— У вас есть десять минут. Время пошло.

Лекс дождался, когда лучники спустятся со своих башен, приказал Брону занять место часового и докладывать обо всех изменениях. После этого подъехал к Дереку.

— Подвал в доме есть?

— Есть.

— Значит, возвращайся и тащи девок с пацаном туда. — Лекс замолчал на секунду, а потом добавил, уже тише: — Олиф будет сопротивляться. Скрути ее как можно сильнее, и засунь в подвал любой ценой.

— Сопротивляться? — удивился Дерек. — Твоя девчонка боится темноты?

— Боится.

Лекс развернул лошадь, намереваясь пырнуть ее по бокам, но вдруг руки батрака схватили кожаные узды.

— Стой, а как ты собираешься привести сюда дружину? Они ведь не послушают.

Лекс усмехнулся, подкинул в руках значок Перводружинника и сказал:

— Меня послушают.

Лошадь взметнулась на дыбы, заставив Дерек отскочить на несколько шагов, и устремилась напрямик в густую чащу, оставив батрака в полном недоумении.

* * *

Олиф носилась по кухне из одного угла в другой, не находя себе места от беспокойства.

— Знаешь, — улыбнулась Марика, — у нас тут девчонка одна рожала недавно. Ее муж пока ждал, весь дом так же, как ты избегал. Успокойся, ничего с ними не случилось.

— Бревна так долго не таскают, — взмахнула руками Олиф.

— Дерек иногда далеко за полночь возвращается.

Олиф испугалась еще больше. Ходячий бугай заставил Лекса одного перетаскать все бревна, а этот идиот наверняка из гордости даже слова не сказал! И лежит теперь где-нибудь в овраге, остывает. Или еще хуже. Лекс так нарвался, наговорив всяких гадостей, что его всей гурьбой избили, не оставив даже мокрого места.

— А ты уверена, что твой Дерек ничего ему не сделает? — в сотый раз спросила девушка.

Марика укоризненно ударила полотенцем по коленке.

— Олиф! Он же не злодей какой-нибудь! Это твой Лекс может кому-нибудь что-нибудь сделать!

— Что-о? — Девушка споткнулась, чуть не влетев носом в полку с травами. — Да ты видела его? У него же все тело перевязано! Он в таком состоянии и муху не обидит!

Кто знает, сколько еще они могли решать, кто из мужчин слабее и безобиднее, если бы входная дверь не распахнулась, и в нее не вошел запыхавшийся Дерек.

— А где Лекс? — дрогнувшим голосом спросила Олиф.

— Где-где, далеко. Собирайте все необходимые вещи, тут это... плохо все.

После этих слов даже Марика настороженно поднялась.

— Что вы с ним сделали? — Ноги у Олиф подкосились, и она против воли опустилась на деревянный пол.

— С кем? — нахмурился Дерек, попутно пытаясь вытащить из-за печи старую кочергу.

— С Лексом.

— С Лексом? Ничего.

— Как это ничего?! А где он?!

— Дерек, — подала голос Марика, — что происходит?

Мужчина оторвался от своего занятия, посмотрел на бледных девушек, и понял, что отвертеться парой невразумительных фраз не получится.

— В общем, на село движется отряд песчаных людей, которые хотят нас убить. Поэтому живо собирайте вещи и залезайте в укрытие.

— Песчаники ожили? — испуганно воскликнула Олиф.

— Почему вы вдвоем их так называете? — удивился мужчина.

— О Берегини... не может быть...

— Вы что, встречались с ними раньше?

— Н-нет, только слышали... — голос у девушки дрогнул. Дерек посмотрел на ее лицо и прекрасно понял, что девчонка врет. Но на разборки времени не было.

— Ладно, вставайте и складывайте вещи. Берите только еду и теплую одежду, одеяло или еще что.

Посмотрел на остолбеневших девушек и прикрикнул:

— Быстро!

Марика вздрогнула, испуганно кивнула и побежала наверх. В это время в дом зашла Тара, которая тут же получила указание собирать всю еду, что попадется под руку. Олиф посмотрела на мельтешащих по крохотной кухоньке людей, и решила спросить:

— А Лекс где?

— Уехал.

— Как это уехал? Куда?

— За помощью. Да не волнуйся ты так, ничего с ним не случится. Лучше Тимку найди и закутай его во что-нибудь.

Олиф кивнула, понимая, что лучшее, что она сейчас может сделать — это помочь. Осторожно выскочила во двор, и заметила, что паника постепенно распространялась по всему селу. Люди выскакивали из своих домов, кто-то отчаянно выкапывал еще не поспевший урожай, кто-то хватал сумки и со всех ног мчался в лес. А кто-то в немом ужасе стучался к соседям, в поисках укрытия. Олиф забежала на задний двор, схватила брата на руки и понеслась обратно в дом, искренне надеясь, что ее никто не узнал.

Девушка посадила мальчика на стул, а сама сбегала наверх, взяла у Марики одно из

одеял и укутала Тимку в него.

— Мы что, ушаем? — надул губы мальчишка.

— Нет, просто... просто... — Олиф не знала, как оправдать все происходящее и решила сказать правду: — На нас напали враги, и нам нужно идти в укрытие.

— Напали враги? — вопреки ожиданиям девушки, глаза Тимки загорелись в предвкушении. — Мы што, драться будем?

— Нет, даже не думай об этом.

— Но пошему?

— Потому что ты еще маленький.

Тимка обиженно подскочил на месте.

— Дерек, — обратился он к батраку, собирающему любые предметы, которые могли сойти за оружие, ища поддержки, — мощно я пойду драться?

— Нет, — коротко ответил тот.

Мальчишка обиженно надулся, скрестив руки на груди и опустив голову. Так он просидел минуты две, но когда понял, что на него никто не обращает внимания, вскинул голову и спросил у Олиф:

— А где твой дядя?

— Какой дядя?

— Ну этот... с ношом.

— А, этот, — усмехнулась Олиф. — Он уехал.

— Навсегда? — расстроился Тимка.

— Надеюсь, да, — с чувством сказала девушка и отвернулась, помогая Таре складывать еду.

Она сама не могла понять, почему вдруг разозлилась на Лекса, но обиднее всего было осознавать то, что он даже попрощаться не заехал. Мог бы что-нибудь через Дерек передать, мол «как хорошо, что я, наконец, уезжаю». Но это же, наверное, так тяжело было — через гордость свою переступить. Олиф злобно сунула какую-то зелень в мешок.

— Ладно, все, полезайте вниз. — Дерек открыл дверцу в погреб и жестом приказал спускаться.

Олиф испуганно замерла.

— Он же под землей, — тихо выдавила она.

— Да, на то он и погреб, — раздраженно ответил ей Дерек.

— Там темно и сыро.

— Ничего страшного, переживешь.

— Нет. Нет, не переживу. Я останусь здесь.

— Олиф, ты чего? — Марика недоуменно высунулась из проема.

— Ладно, девка, не дури. Лезь вниз, — грубо приказал ей батрак.

— Я. Туда. Не полезу, — членораздельно произнесла Олиф и отступила на несколько шагов. Снова в темноту? Под землю? Нет уж. Что угодно, только не это.

Дерек растерянно огляделся. Вспомнил слова Лекса.

— Слушай, — начал он. — Я не хочу тебя силой принуждать. Просто залезь туда ради остальных, ладно? — Убеждать у него получалось хуже всего, и слова всегда выходили какими-то скомканными.

— Я... там... там так темно, — покрутила головой девушка.

— Мне все равно придется тебя туда затащить.

— Олиф, хватит, иди к нам, — взмолилась Марика.

— Я не могу!

Дерек сделал несколько шагов к ней навстречу. Девушка судорожно отступила, пока не уперлась спиной в деревянные полки.

— Не надо, пожалуйста...

— Из-за тебя мы теряем драгоценное время. Ты подставляешь всех.

— Я не...

Дерек устало вздохнул.

— Слушай, твой дружок предупреждал, что ты начнешь упираться, но я думал, у тебя своих мозгов хватит этого не делать.

Олиф ошарашено замерла. «Твой дружок» — это Лекс? Что значит «он предупреждал, что ты начнешь упираться»? Он знал?! Девушка отвлеклась всего на несколько секунд, но этого хватило, чтобы Дерек резко подскочил к ней, схватил за руку, и потащил в погреб.

Олиф и не сопротивлялась, только машинально ноги переставляла. Неловко ступила на первую ступеньку почти пологой лестницы, еле успела ухватиться за выступы, чтобы не упасть, и успела сообщить Дереку, прежде, чем тот захлопнул крышку:

— Он не мой.

Под землей было холодно, и пахло сыростью. Помимо четырех человек там еще находились несколько мешков с разными продуктами — запасами на зиму. Места было очень мало, но девчонки только рады были. В тесноте они плотно прижимались друг к другу, и от этого было не так страшно.

Олиф крепко прижимала к себе Тимку, и одновременно пыталась успокоить Марику, уверяя ее, что с Дерексом ничего не случится. Да и что с ним могло случиться? Это же ходячая лопата — сам кого хочешь прибьет.

— А кто же нас защищать будет, если с нами что-нибудь случится?! — всхлипывала девушка.

Олиф укоризненно посмотрела на младшую сестру. От ее причитаний, Тара начала дрожать в два раза сильнее, и Тимка весь сжался. Своими всхлипами, она лишь нагнетала страх. Причем на всех. Олиф глубоко вдохнула и резко оборвала чужие слезы:

— Успокойся, хватит! С ним ничего не случится. Он, хоть и батрак, но далеко не дурак, ясно? Он с пятью Перводружинниками одним махом разделается, тебе не о чем волноваться!

На счет пятерых Перводружинников Олиф, конечно, сильно приукрасила, но на сестру подействовало. Девчонка, наконец-то, перестала всхлипывать, и, вытерев мокрые дорожки на лице, благодарно улыбнулась.

— Да, у нас в селе мужики сильные, они быстро этих врагов выгонят, и вернуться. Главное, чтобы за это время ничего не случилось, вот и все.

Олиф хмуро потупилась. Если сельские мужики не справятся, придется бежать — далеко и надолго. Главное, не прозевать опасность. Девушка чуть подвинула брата с колен, и постаралась прислушиваться к тому, что происходило наверху. Пока все было тихо. Вроде.

...В темном погребе казалось, что время замерло. Как будто нарочно хотело помучить своих пленников. Сколько они уже тут сидят? Полчаса? Час? Три? Тимка мирно дремал, уткнувшись в шею старшей сестре. Тара тоже посапывала на плече у Марики. Вокруг стояла почти полная тишина, если не считать размеренного дыхания обитателей погреба. Но Олиф не давала себе шанса расслабиться. Пустыня показала ей, что далеко не все идеальное — действительно идеально. На том же оазисе, где она чувствовала себя в безопасности,

выяснилось, что находиться на нем было гораздо опаснее. Если бы не Лекс, вряд ли она бы выжила среди тех сумасшедших мужиков.

Олиф вдруг пришло в голову, что в случае чего — им даже защищаться нечем. Маленькое помещение, четыре человека еле-еле теснятся... если кто-то захочет их убить, ему даже напрягаться не придется. В этом погребе не было даже сковородки, которой можно было бы отбиться. Это, конечно, вряд ли бы помогло, но хоть что-то. Во всяком случае, это дало бы шанс убежать остальным.

Но без оружия шансов не было.

Олиф осторожно толкнула Марику в плечо и жестом указала на Тимку. Сестра недоуменно нахмурилась.

— Возьми его к себе, — пояснила Олиф.

— Зачем? — сонно удивилась Марика. — А ты куда?

— Наверх.

— Что?! Зачем?!

— Тс-с! Тише. Возьми Тимку.

— Олиф! Олиф, что ты задумала? Не ходи туда, пожалуйста! Там опасно, останься здесь, ну пожалуйста! Олиф! Олиф!!

Девушка пересадила младшего брата поближе к сестре, а сама на четвереньках поползла к лестнице. Медленно добралась до крышки погреба и со всей силы, на какую только была способна, навалилась на нее, пытаясь открыть. Деревянная конструкция поддавалась очень неохотно. Либо Дерек ее чем-то сверху придавил, либо Олиф за последнее время слишком ослабла. Наконец, ей все-таки удалось поднять тяжелую крышку. Девушка с грустью поняла, что ничем ее не придавливали. Да уж, куда только силы делись? Балансируя на неудобных ступеньках, Олиф кое-как опустила крышку за другой край на пол, не создавая сильного шума.

Аккуратно выбралась наружу, огляделась. Вокруг было тихо, даже с улицы никого не было слышно. Олиф понадеялась на то, что сельские мужики не пропустили Песчаников вглубь села. Она быстро-быстро обвела взглядом кухню, ища любой предмет, годный, как оружие. Увы, именно такие предметы искал и Дерек, поэтому на кухне пустовало все, что попадало под определение «колющее, режущее».

Девушка, уже не боясь, обошла помещение вдоль и поперек. Ничего. Она уже хотела было накидать какой-нибудь тяжести в мешок, чтобы можно было обрушить его на чью-нибудь голову, как вдруг случайно уловила взглядом кое-что, что Дерек пропустил. Нож, который точил Лекс, так и остался лежать на ступеньке, в самом углу. Его и сейчас было трудновато заметить, не то, что в суматохе. Олиф улыбнулась, схватила находку, и, мысленно поблагодарив Лекса, спустилась обратно в погреб.

— Что ты там делала? — тут же зашипела на нее Марика, стоило ей усесться на прежнее место.

Олиф продемонстрировала ей свою находку.

— Зачем?! — опешила младшая сестра.

— На всякий случай.

— Ты же сказала, что ничего ну случится!

— Я и сейчас так скажу. А это на всякий случай.

Удивительно, но с этим ножом, да к тому же совершенно точно хорошо заточенным, девушке стало намного спокойнее. Теперь она могла кого угодно встретить, и была уверена,

что на этот раз придется защищаться до последнего. Пускай и заведомо проиграв.

Олиф настороженно ждала, что вот-вот кто-то ворвется в их дом, и старалась как можно сильнее прислушиваться ко всему, что творилось наверху. Но время шло, и ничего не менялось. Вокруг было тихо, как в гробу. В какой-то момент, девушка поймала себя на том, что начала неохотно дремать. Вроде и не спала, но уже и не следила за каждым шорохом.

А зря.

Опасность, как это обычно бывает, застала всех врасплох.

Сперва Олиф почувствовала, как половые доски прогибаются слишком сильно и громко. Хотя вообще не должны были шевелиться. Девушка удивленно отпрянула от стены, на которую облокачивалась, недоуменно прислушалась, и, поняла, что тот, кто ходил по их дому явно был тут в первый раз, и совершенно этого не опасался. Олиф, не раздумывая, растолкала Марику и Тару, жестом приказав молчать. Тимка проснулся сам, почувствовав шевеление сестер.

— А что...? — начал он, но Марика вовремя догадалась закрыть ему рот рукой.

Шаги наверху на секунду затихли, а затем вновь возобновились. Половые доски прогибались одна за другой, и в напряженной тишине их скрип звучал, как смертный приговор. Прогнулась одна, за ней другая, и Олиф поняла, что неизвестный идет напрямик к крышке погреба. Терять было нечего. Девушка медленно, стараясь, чтобы ни одно ее движение не создавало и малейшего шума, прокралась к лестнице. Напряженно замерла.

Крышка погреба распахнулась настолько неожиданно и резко, что вздрогнули все.

Все-таки Олиф была не Лексом, и ей, чтобы оценить мотивы незнакомца — убить пришел, или, может, помочь? — понадобилось больше времени. Драгоценного времени.

Незнакомец зарычал, и в этот момент девушка поняла, что их спасти никто не будет. Она выскочила из темноты и с размаху прочертила острым лезвием по всему телу человека, от верха до самого низа. На нее тут же посыпался песок, заставив зажмуриться и прикрыть лицо рукой. Незнакомец оказался Песчаником.

Как только весь Песчаник рассыпался по полу, Олиф обернулась и прокричала:

— Бежим!

Но никто не шелохнулся. У Марики и Тары на лице отразился такой священный ужас, что Олиф не на шутку перепугалась за их психическое состояние. Но сейчас промедление могло стоить им жизни. Девушка схватила обеих девчонок за руки, увлекая их за собой. Вытащила наружу, понимая, что Тимка за ними пойти не догадался.

— Бегом в лес! Живо! — так резко приказала она, что сама себе удивилась.

Сестры, казалось, только после этих слов, наконец, опомнились. Марика слабым голосом спросила:

— А ты?

— Бегите!!!

И они побежали. Слава Берегиням, они побежали.

Олиф круто развернулась и спустилась за младшим братом. Мальчишка вжался в стенку и тихонько поскуливал.

— Иди сюда, надо бежать.

Она протянула ему руку, и как только почувствовала маленькую ладошку в своей, со всей силы дернулась ребенка на себя. Он врезался девушке в живот, и вцепился в ее платье так, словно это была единственная дощечка посреди бескрайнего океана.

— Идем, идем, — поторопила она его.

Поздно. Слишком поздно.

В проеме появилась еще одна тень, с которой недвусмысленно сыпался песок, прямо на ступеньки. Олиф заслонила собой брата и лихорадочно соображала, что же делать. Она медленно отступала к стене, не понимая, что тем самым сама же загоняет себя в угол. Девушка не выпускала из рук нож, вцепившись в его рукоятку так, словно вот-вот боялась выронить.

Песчаник заметил их почти сразу, спустился вниз и как-то неловко кинулся на вжавшуюся в стену девушку, особо не волнуясь о таких непонятных вещах, как «осознанное нападение». Просто кинулся и все. Как будто только хотел своим телом задавить. Олиф рванулась в сторону, увлекая за собой брата, споткнулась об мешки, но смогла сохранить равновесие. Песчаник врезался в стену, оставив на ней большой песочный след. Олиф удивленно обошла его, и быстро-быстро потащила Тимку наверх.

Они уже почти вылезли, но девушка зачем-то обернулась. В проем падал свет, и погреб было видно намного лучше. По всему телу Песчаника, от верха до самого низа, остался какой-то удивительный след. Это был не шрам, просто странная полоска. Именно такая полоска, которую Олиф оставила на теле прошлого Песчаника.

Девушка выбежала на улицу, заставив своего брата забраться к ней на спину. Так было тяжело, но даже, несмотря на это, бежать все равно получалось быстрее. А в голове билась лишь одна мысль: «Их нельзя убить. Их нельзя убить. Их нельзя убить».

Все-таки, батраки не справились. Десятки Песчаников забирались в дома, повсюду слышался грохот, в основном бьющегося стекла — жители выпрыгивали прямо из окон, лишь бы сбежать. И все бежали в лес. Олиф очень-очень надеялась, что Марика с Тарой не стали очередными жертвами, которых давили обычные люди своей массой, не гнушаясь идти прямо по мертвым телам.

В каком-то оторванном от реальности состоянии, девушка поудобнее перехватила Тимку и понеслась к лесу. К деревьям. К чаще, которая сможет их скрыть. Каким-то шестым чувством поняла, что нельзя бежать напрямик за толпой. Поменяла направление, чуть свернув в сторону. Еще немного. Еще чуть-чуть... Вот уже склонившиеся ветки деревьев почти скрыли их от нападавших врагов.

Олиф влетела в лес так, как будто все это время падала со скалы и вот, наконец, вошла в воду. Дыхание перехватило, она только сейчас осознала, как запыхалась, пока бежала. Едва не споткнулась о торчащий из земли корень. Опустила глаза, чтобы переступить еще один, такой же большой, и услышала утробный рык. За ним последовал истеричный визг Тимки.

А потом Олиф поняла глаза.

Откуда здесь взялся Песчаник, можно было только гадать. Люди бежали практически рядом, совсем близко, но остановиться не решился никто. У них у всех было оружие, у кого-то даже, кажется, была коса. Но... у всех была только одна мысль: «Уж лучшее ее, чем меня!». Олиф резко опустила руки, и Тимка полетел на землю.

— Беги, — твердо приказала она ему.

Песчаник снова зарычал. Мальчишка, наконец-то поднялся на ноги.

— Беги!

Песчаник сделал шаг вперед, Олиф — шаг назад. Она все еще слышала всхлипы у себя за спиной.

— Беги!!!

Еще один всхлип, пара неловких шагов, а затем листья, наконец-то, зашуршали под

маленькими ножками, унося свой шелест вместе с ним. Олиф облегченно прикрыла глаза. Она спасла его. Может, только на время, но этот нелюдь до него больше не доберется. Девушка вздохнула и резко сорвалась с места. Не слышала, погнался ли за ней Песчаник. Обернуться смелости не хватило. Она петляла и виляла, как только могла, перепрыгивая через выпирающие корни деревьев, поскользываясь на мокрой, после дождя, земле. Отстраненно вспомнила, что это не пустыня, и хотела уже мысленно закричать: «Берегини, помогите!!!», но не смогла. Какая разница — пустыня или нет? Олиф Изгнанница. Преступница. Таким, как она, Берегини не помогают.

Девушка, задыхаясь от нехватки воздуха, решила обернуться. Практически в этот же момент, ноги разъехались в разные стороны, и она полетела носом в землю. Позади раздалось победное рычание. Все-таки погнался.

Олиф перевернулась, и, не вставая, поползла как можно дальше, передвигая одновременно и руками и ногами. И тут заметила, что в лапах у Песчаника появилась коса. Ее не было раньше — это точно. Такое трудно было не заметить. Но откуда он ее взял?!

Песчаник замахнулся. Девушка пискнула, поджала ноги. Коса прочертила глубокую борозду в земле. Олиф в ужасе уставилась на эту полосу, пролежавшую в каких-то миллиметрах от ее ступней. Каким-то чудом умудрилась вскочить на ноги, и тут же почувствовала спиной шершавый ствол. Дерево. Девушка хотела дернуться, бежать дальше, но в последнюю секунду остановилась. А смысл? Эта тварь догонит. Сил бежать уже нет. Ноги не выдержат от усталости. Хотела сжать рукоять ножа, но вдруг поняла, что сжимает пустоту. Выронила.

Олиф уставилась на приближающуюся смерть с косой. Говорят, так смерть и должна выглядеть. Здорово, наверное, правда, не слишком красиво.

Песчаник замахнулся для нового — последнего — удара. Олиф не стала зажмуриваться, смерть все-таки. Она так ждала ее. Надо же было увидеть, какая она на самом деле.

Но в момент, когда все должно было закончиться, по телу Песчаника прошла дорожка крест-накрест, а затем коса упала на землю, оказавшись под засыпающим ее песком. Смерть снова отступила на неопределенный срок. Позади рассыпавшегося Песчаника стоял Лекс, с вытянутым вперед мечом. Он грубо встряхнул его и убрал в ножны.

Наверное, в этот момент стоило повиснуть на шее у мужчины, и расцеловать героя за спасенную жизнь, но Олиф, пренебрегая всеми устоявшимися канонами, со всей дури пнула Лекса по ноге.

— Ты что, девка, совсем сдурела?! — Мужчина настолько опешил, что даже матом выругался не сразу.

Олиф покрутила головой, едва сдерживая слезы, не в силах сказать ни слова. Куда делась вся ее смелость? Неужели это скатившееся по стволу существо без всякой задней мысли собиралось пожертвовать своей жизнью ради другой? Олиф оседала медленно, словно только сейчас осознала все, что произошло за последние несколько минут. Это было так тяжело для нее. Тащить всех одной — сестер, брата... каждый раз, когда она появлялась в родном доме, случалось что-то страшное. И каждый раз ей приходилось, не раздумывая, сохранять стойкость, холодность и расчетливость. Одна никчемная жизнь в обмен на молодую и здоровую. Это был достойный обмен.

— Мог бы и попрощаться, — тихо, чувствуя, как начинает сопливиться нос, пояснила Олиф, поймав недоуменный взгляд стоящего напротив нее мужчины.

— Что? — совсем растерялся тот.

— То! Уехал, и хоть бы слово сказал. — Голос звучал твердо и немного обиженно, как будто она и не чувствовала вставшего поперек горла комка.

— А что я должен был сказать?

— Ну хотя бы: «я тебя ненавижу, прощай»!

— Я тебя не ненавижу. — Лекс удивленно разглядывал укоризненно глазающую на него девчонку, и вообще ничего не понимал.

— Ненавидишь. — Комок в горле угрожал в любой момент превратиться в беспомощный поток слез.

— Если бы я тебя ненавидел, то не стал бы мешать снести твою глупую башку!

— А что ж тогда помешал?

— Ты что, хочешь заставить меня пожалеть об этом?

— Не хочу. — Олиф судорожно покрутила головой из стороны в сторону, сцепив пальцы обеих рук на коленях. — Просто... если бы ты не вернулся? Какие твои слова пришлось бы вспоминать?

Если бы Лекса не охватил полнейший ступор, он бы, наверное, рассмеялся. Мужчина растерянно огляделся, будто искал кого-то, кто смог бы ему объяснить, что происходит и за что на него обиделись. Вокруг, естественно, никого не было, и он, устало вздохнув, сел рядом с девчонкой.

— С чего ты взяла, что я бы не вернулся?

— Потому что... потому что... на нас напали. — Ответ вышел корявым, потому как вопрос застал девушку врасплох.

— И что? Я же не воевать скакал, а только за помощью. Что могло случиться за несколько часов?

— Да всё! С тобой вечно что-то случается.

Олиф вдруг вспомнила, как она полдня вся на нервах пребывала из-за этих дурацких бревен, а потом узнала, что этот гад не только жив, но еще и ускакал куда-то, даже не попрощавшись.

— И вообще! — Она со всей злостью стукнула Лекса кулаком в грудь. — Я думала, что ты умер! Что тебя этот Дерек в лепешку превратил, и ты теперь в овраге помираешь! А ты! Мне бы даже простого «пока» достаточно было!

Секунда понадобилась на то, чтобы мужчина осознал весь смысл сказанных слов, а затем возмущенно уставился на девчонку.

— Чего?! — Он выглядел так оскорблено, как будто она только что обвинила его в порочных связях с козой. — В овраге помираю?!

— Да, в овраге!

— Ты серьезно думала, что этот осел способен превратить меня в лепешку?!

Олиф подняла взгляд на мужчину, и растеряно хлопала глазами.

— Но... но ты ведь ранен был сильно...

— Я тебя от Хозяина спас, и после этого еще от кучи воинов! Ты что, вообще уже очумела?! За Дерек а стоило волноваться, а не за меня.

— За тебя тоже стоило, — тихо-тихо сказала Олиф.

— Что?

— Ничего.

Захотелось повернуть время вспять, и сделать вид, что не было этого разговора. Девушка глубоко вздохнула, призывая себя к спокойствию, и более уверенным тоном заявила:

— Мне нужно найти Тару, Марику и Тимку.

Она уже хотела решительно подняться, но Лекс ее огорошил:

— Они с Дерекком.

— Что? Откуда ты знаешь?

— Я много чего знаю.

Олиф удивленно уставилась на мужчину.

— Ты что, обиделся? — Она даже как-то свой пыл подрастеряла: настолько это было неожиданно.

— Нет, плебейка, я на глупости не обижаюсь. Мне просто интересно, с чего ты взяла, что Дерек сильнее меня?

Ничего себе, как она его задела.

— Ну он же... он же большой такой.

— Не в габаритах дело, а в мозгах.

Олиф сокрушенно потерела оборку чумазого платья.

— Извини. — И спустя несколько мгновений добавила: — Не злись.

— Я не злюсь.

— Тогда не обижайся.

— И, тем более, не обижаюсь.

— Тогда расскажи, откуда ты знаешь, что мои родные с Дерекком.

— Подожди секундочку.

Олиф благоразумно замолчала. Прошла минута, другая. Они все молчали. Девушку буквально распирало от неизвестности, но она продолжала молчать. Даже если Лекс так издевался — пускай. Ей тоже нужно было время, чтобы собраться с мыслями.

Но Лекс не издевался.

Неожиданно рядом с ними возник какой-то шум. Его Олиф узнала бы из тысячи других. Именно его она слушала на протяжении долгого месяца, медленно иссыхая — клеточка за клеточкой. Так шумел песок. Девушка перевела взгляд на косу. Прямо на ней шевелились песчинки, медленно перетекая в одно место и собираясь в хорошо знакомую фигуру Песчаника.

— Лекс... — прошептала Олиф.

— Я знаю.

— Лекс...

— Я знаю. Молчи.

— Лекс!

— Молчи, женщина!

— Я не женщина!

— Я знаю.

Он поднялся на ноги, вытащил меч и пару раз прокрутил его в руке. Дождался того момента, когда Песчаник «склеится» в человекоподобную фигуру, с двумя косыми полосами поперек груди, и резко добавил к ним еще одну. Песчанник вновь рассыпался.

— Их нельзя убить, — выдавила Олиф. Прижала ладошку ко рту и подавила в себе крик. Нет. Сильные люди не должны кричать.

— Нельзя, — хмуро кивнул мужчина.

— Что с Марикой, Тарой и Тимкой?

— Сейчас? Не знаю. Я последние пятнадцать минут провел с тобой.

— Нет. Как они оказались с Дерексом? Как... как ты нашел меня? — Олиф вдруг почувствовала, как начали дрожать руки.

Лекс вздохнул, вновь усаживаясь рядом с девушкой.

— После того, как оборону прорвали, мы поскакали к вам. Увидели твоих сестер, бегущих вместе с толпой прямо в лес. Догнали. Расспросили. Ну и я вернулся в дом, но тебя там уже не было. Пока в этой толпе пытались найти вас... в общем, в какой-то момент в меня влетел твой зареванный брат, сказал, как он рад, что я уехал не навсегда, и показал, где была ты. Была. Потом пришлось бежать за тобой через весь этот чертов лес, ради того, чтобы вместо нормальной благодарности получить с размаху по ноге.

Олиф смущенно опустила взгляд. Он ей жизнь спас, а она? Дура.

— Спасибо. — Запоздалая благодарность получилась совсем глупой.

— Спасибо? И это все?

— А что еще нужно?

— Ты так банально благодаришь, что тебя даже спасти не хочется.

— Я бы растеклась тут лужей, — зло сказала Олиф, не обращая внимания на взлетевшие от удивления брови мужчины, — но тут вон Песчаники умирают и возрождаются. И они явно не хотят нас всех по головке погладить.

В голову, словно ураган, ударили слова Лекса: «оборону прорвали». Интересно, это значит, что все совсем плохо или еще терпимо?

— Да, поэтому есть смысл встать и помочь остальным, — серьезно сказал Лекс, поднимаясь.

— Что? Ты пойдешь к остальным? — Олиф почувствовала, как недавно растворившийся комок в горле снова возвращается.

— Да, а ты в безопасное место.

— Пойдешь драться? Против этих?

— Да, плебейка, вставай.

— Их же нельзя убить.

— Значит, будет не скучно.

Олиф поджала губы.

— Это не смешно.

Лекс посмотрел на побледневшую девчонку, и подал ей руку, чтобы она встала.

— Идем. Людям тоже нужна помощь.

— Не надо... — беспомощно прошептала девушка и уткнулась носом в грязные коленки. Она знала, что ее никто не слушает. Кому какое дело до глупой девки? Тем более, ему.

— Чего не надо?

Олиф не ответила.

Она понимала, что Лекс хочет вернуться в гущу событий не из чувства долга. Просто ему отчаянно хочется в бой. Не отсиживаться, не оставаться в стороне. Так же, как и другие проливать свою кровь, чтобы доказать и себе и другим, что он не трус. Вот только Олиф никому ничего доказывать не хотела. Ей впервые в жизни захотелось свернуться калачиком и ни о чем не думать, не знать всего того, что происходит вокруг. Ей было так страшно, и так одиноко... даже если соберется с силами, она уже никуда не пойдет. Лучше уж тут под деревом, одной, чем там, среди криков и воплей.

— Я тут останусь, — хрипло выдавила она.

— На корм песчаным тварям?

Олиф не отрывала голову от колен и молчала. Берегини, как же это было тяжело. У нее две сестры, брат... она должна показать пример, что она сильная. Что бояться нечего, они же справятся. Всегда справлялись. Но сейчас ей было так страшно, что живот скручивало в болезненных спазмах. Песчаники восстали, напали на их село, и пытаются всех тут перерубить. Но самое ужасное было в том, что их нельзя убить. Никак. Бессмертные твари. И против них Лекс хочет мечом помахать?

— Иди, если так хочешь, — сухим, каким-то не своим голосом сказала ему Олиф. Это собственный выбор каждого — от чего умирать. Его все равно никто не остановит.

— Ты ведь так и сдохнешь. Здесь. И никто тебя не спасет.

— А ты там. В чем разница?

— Во всем. Твоя глупость тебя в могилу сведет.

— Значит, так тому и быть.

— Дура, — искренне сказал ей Лекс.

Олиф услышала, как хрустнуло несколько веток, и шаркающие шаги стали удаляться.

— Оставишь меня здесь? — На этот раз она не смогла сдержаться. Глаза застелила пелена.

— Да, оставлю, чтобы ты, наконец, научилась думать своей головой — что можно делать, а что нельзя.

Он уходил. Действительно уходил. Олиф оторвала голову от своих колен, но увидела лишь расплывчатую тень. Нет, она не может заплакать. Не может? Она уже плакала. Тихо-тихо, закусив губу, чтобы никто не услышал. А шаги становились все отдаленнее, все тише... Олиф стукнулась головой о шершавый ствол дерева. Он ведь уйдет. Пойдет туда, где батраки сейчас сражались со смертью. И ведь он не выживет. Чтобы там ни говорил про свои силы, против бессмертных тварей ему не выстоять.

Отпустить его? Это же его решение. Пусть идет прямо в лапы смерти? Ну да, он же сам так захотел. Кто сказал, что тут будет безопаснее? Олиф провела костяшками пальцев под глазами. Уже ушел? Девушка огляделась. Его не было. Ушел.

А тут было бы безопаснее. Если он уйдет один — он умрет. Если она останется одна — она умрет. Ни ей, ни ему в одиночку не победить тех, кого нельзя убить.

Олиф с трудом поднялась на ноги.

— Лекс?

Естественно, ответом ей была тишина. Ни людей, ни Песчаников. Никого.

— Лекс?

Олиф шмыгнула носом, протерла глаза грязными ладошками, чтобы не осталось никаких слез. Где он? Не мог же так быстро уйти. Девушка быстро зашагала вперед, заглядывая за каждое дерево. Ну где же ты, Лекс?! Она спотыкалась буквально о каждый выпирающий корень, пару раз все-таки упала, больно содрав кожу на ладошках. С каждым шагом хотелось грохнуться на колени и разреветься. От обиды, боли, несправедливости... страха. Что ей делать? Что делать тут одной? Берегини... какое же это страшное слово — одиночество. Вроде бы столько всего вокруг тебя, полно людей, а ты как будто в темной камере, и никого рядом нет. Наедине с собой.

Был кое-кто, кто спасал ее от одиночества. Но она только что, своими глупыми словами, сама же его отпустила.

Отпустила. И он ушел.

— Лекс!

Хоть бы кто-нибудь услышал.

— Лекс!!!

Олиф вспомнила, как точно так же, с таким же отчаянием в голосе звала когда-то Хэнка.

— Лекс!!!

Она не смотрела по сторонам. Куда она забрела? Далеко, наверное. Неужели Лекс специально сбежал? Лишь она бы не догнала. Не мог же он ее не услышать. Олиф сделала еще несколько неловких шагов, и вдруг уткнулась во что-то очень твердое, но теплое и приятно пахнущее.

— Лекс? — Она вцепилась в него так же, как недавно в нее вцепился Тимка.

— Ты меня сейчас удушишь.

Слава Берегиням, не ушел. Не оставил ее здесь. Она содрогнулась от одной мысли, что пришлось бы плутать по этому озябшему лесу в одиночку, и почувствовала, как ее объятия стали еще сильнее. Единственный вопрос, на который еехватило, был:

— Ты что, меня не слышал?

А потом она разревелась. Столько всего накопилась. Она так устала. Устала от этого всего. Ее собственная семья не принимает ее. Жизнь как-то в одночасье, резко и незаметно, потеряла смысл. Раньше Олиф пыталась защищать Марику, Тару, Тимку, а сейчас им, кажется, защитник в виде истерзанной сестры не нужен. У них все есть. Все, кроме Олиф, потому что теперь она стала Изгнанницей.

— Слышал, плебейка. Тебя всё Правское княжество слышало. — Лекс неловко положил ей руку на спину, не зная, что делать с ревущей девчонкой.

Услышав это, Олиф разревелась еще сильнее, хотя, казалось, сильнее уже некуда. У мужчины и так уже вся рубашка промокла, а тут он вообще кожей почувствовал соленую влагу. Вздогнул с непривычки. Олиф приняла этот жест на свой счет.

Заставила себя расцепить руки и отлепиться от его тела.

— Прости, — всхлипывая, икая, задыхаясь, еле выдавила из себя, — не думала, — всхлип, — что тебе будет так, — порывисто вздохнула, — противно.

Лекс с каким-то внутренним сожалением дотронулся до мокрой рубашки, а потом притянул девчонку обратно к себе.

— Мне не противно. Реву, сколько хочешь.

Первые минут пятнадцать по всему лесу были слышны только надрывные рыдания, смешивающиеся с невнятными просьбами не уходить. Лекс терпеливо стоял, и исполнял роль мочалки. Ему самому не нравилась эта идея оставить ее тут одну, но как еще можно было вбить в голову этой дурочке, что прежде, чем что-то говорить, нужно сперва подумать? Хотя, похоже, до нее все равно не дошло. Стоит, ревет. Удивительно, как сюда еще все новоиспеченные Песчанники не сбежались? Громче нее вопила только Рэй, правда, она вопила не от рыданий, а от...

Лекс тряхнул головой. Ладно уж, пускай ревет. Ему не жалко.

В какой-то момент мужчина почувствовал, что руки затекли. Да и стоять было неудобно — ноги устали. Он попробовал сделать шаг сторону, и тут же почувствовал, как плебейка резко вцепилась в его рубашку, царапая сквозь нее кожу, и шагнула вместе с ним. Лекс поморщился, но очень осторожно ему все же удалось добраться до ближайшего дерева. Сел, и уже облокотившись на него, принялся слушать заунывные рыдания дальше.

Олиф, казалось, выдавила из себя всю ту немногочисленную воду, что еще была в ее исхудалом организме. Зато так легко она себя не чувствовала еще никогда. Лекс не ушел, и это самое главное. Она вдруг с удивлением поняла, что сидит у него на коленях, уткнувшись носом в грудь. Вся его рубашка, естественно, промокла. Девушка постепенно начала приходить в себя и смущенно села, не решаясь посмотреть на мужчину.

— Прости, я знаю, женские слезы... это для вас, как... — Олиф не смогла подобрать подходящего сравнения, и, готовая принять неизбежный насмешливый взгляд, посмотрела Лексу в глаза. Но увидела там совершенно не то, что ожидала. — Ты что, спишь? — опешила девушка.

— Уснешь тут с тобой, — отозвался мужчина, глаз, впрочем, не открывая.

Он сидел и, казалось, наслаждался жизнью, закрыв глаза и облокотившись головой о ствол дерева.

— Тебе не холодно? — робко спросила Олиф, понимая, что сидит он на голой земле.

— Мне мокро, — признался Лекс. — Не думал, что в тебе может быть столько слез.

— П-прости, — заикаясь сказала девушка, не зная, что делать. — Я случайно.

Она хотела встать, но с удивлением поняла, что мужчина держит ее довольно крепко, и отпускать, похоже, не собирается.

— Ладно уж, сиди, — разрешил он, все так же не открывая глаз. — Будем считать, что ты так оригинально постирала мою рубашку.

Олиф поерзала немного, пытаясь привыкнуть к необычным ощущениям. Все-таки она еще никогда ни у кого на коленях не сидела. Кроме мамы. Но то была мама, а это Лекс. Девушке почему-то казалось, что она вдруг резко набрала в весе, и теперь под ее тяжелым телом, мужчина просто сломается. Девушка попыталась сесть поудобнее, чтобы облегчить мужскую ношу, но, кажется, сделала только хуже, потому что Лекс взмолился:

— Олиф, прекрати ерзать!

— Тебе не тяжело? — выдохнула она мучивший ее вопрос.

— Мне очень, очень тяжело. Поэтому сядь спокойно. И сиди. Не ерзя.

— Может, я лучше слезу?

— Сиди спокойно.

Олиф сдалась и просто легла на Лекса в ту же позу, в которой плакала. Уткнулась носом в мокрую рубашку и почувствовала стыд. Странно, что он над этим до сих пор не издевается. Совесть проснулась, или он ее, идиотку, пожалел? Подумав, со вздохом пришлось признать, что второе. Первое было уж слишком невообразимым.

Они сидели вот так вот долго, даже у Олиф спина немного затекла. Но зато у нее было время все обдумать. И свое возвращение, и странное нашествие Песчаников. Она долго размышляла над событиями, так печально изменившими ее жизнь, как вдруг ее осенило.

— Лекс, — затормошила она мужчину.

— Что? — устало отозвался тот.

— Ну... я тут подумала, что странно выглядят эти зомби-Песчаники, да?

— Да, и что?

— Ну, сам подумай. Они же даже драться не умеют, просто прут напролом и все. И есть у них только одно преимущество: бессмертие. На что это похоже?

Лекс заинтересованно открыл глаза.

— На что?

— На отвлекающий маневр! Как будто кому-то нужно просто отвлечь нас. Эти

Песчанники не могут убить самостоятельно, они хватают чужое оружие и действуют по нашему же принципу.

— С чего ты взяла?

— Песчанник с косой. Я видела это. Он где-то схватил ее, но орудовал ей неумело. Они с нас движения копируют.

Лекс посмотрел на Олиф, явно совершая в голове тяжелый мыслительный процесс.

— Но кому это нужно?

— Я не знаю. Но видно же, что Песчанники — это марионетки.

— Вообще-то у каждой марионетки есть кукловод. — Подумал немного, а затем кивнул:

— Да, они действительно больше на кукол похожи, чем на воинов. Получается, чтобы остановить их, нужно найти того, кто дергает за нити.

— Где найти? — нахмурилась девушка.

Они задумались. В голове не было никаких мыслей. Ведь это же мог быть кто угодно, да и где его в этом огромном княжестве найдешь.

— Если бы я был кукловодом, — решил вслух размышлять Лекс, — где бы я затаился?

— Там, где тихо? — предположила Олиф.

— Да, но так, чтобы удобно было наблюдать за полем битвы.

— Зачем?

— Потому что так поступают все военачальники.

— А если... мне не важен исход боя? Это же отвлекающий маневр. Не похоже, чтобы Песчанники действовали по какому-то плану.

— Тогда мне нужно просто тихое место. Но таких тут знаешь сколько...

— Но ведь Песчанники явились из пустыни, так? А если наше село не единственное? Заслать маленькую армию по кругу, чтобы не тревожили. И нескончаемый песчаный ресурс.

— Ты открываешься с новой стороны, плебейка, — уважительно похвалил Лекс. — Осталось узнать, там ли странный кукловод и что ему нужно.

— Как мы по пустыне-то будем передвигаться?

Мужчина по себя усмехнулся уверенному «мы», но вслух сказал:

— Есть кое-кто, кто сможет помочь.

* * *

Лекс вывел девчонку из леса, и после этого начались проблемы. «Проблемы» представляли собой озлобленных Песчанников, которые кидались на каждого человеческого выродка, не особо заботясь о наличии у этих самых выродков боевого оружия. Лекс без особых усилий расчищал им с Олиф дорогу, крутя своим мечом направо и налево. Их путь сопровождал сыпавшийся буквально отовсюду песок. Если бы не вопли, от которых закладывало уши, можно было бы подумать, что это их золотым дождем одарили сами Берегини.

Олиф держалась за пояс штанов Лекса, и когда он говорил присесть — она садилась, когда говорил встать — она вставала, когда говорил идти — шла. Наверное, единственное, чего ей сейчас отчаянно хотелось — это оказаться где-то не здесь, улететь, испариться. Кровавые дорожки оставленные ранеными, а может быть и мертвыми, воинами, вызывали в голове лишь одну единственную мысль: «Берегини, за что вы их так? Чем они это

заслужили? Что они такого сделали?».

Затем Олиф с удивлением осознала, что помимо батраков, с Песчаниками воюют и настоящие воины. Блестели на солнце мечи, и сверкали значки благородных особ, распределяющих их по Дружинам. Вот за какой помощью ездил Лекс. Интересно только, эти люди хоть как-нибудь смогут помочь?

— Руки отпусти, — приказал мужчина. Олиф послушно выполнила приказ, услышала привычный свист клинка, небольшое шуршание, и голос Лекса: — Хватайся за пояс. Быстро.

Схватила. Побежала за ним, не следя за дорогой. Вроде бы ее село, а Лекс в нем лучшее нее разбирался.

Они добежали прямо до Песчаной Завесы, как раз туда, откуда выходили все Песчаники. Олиф сразу отметила, что они выходят там, где могут, и сопротивляются, когда встречаются на пути существенную преграду — воинов. Таких людей обычно называют пешками — идут самые первые, стоят в эпицентре, и умирают почти всегда. Все.

Олиф ошарашено замерла, заметив среди воинов одного очень-очень знакомого.

— Вперед.

Но она не шелохнулась, впервые за это время. Лекс схватил ее за шиворот, и потащил за собой сам. Заставил присесть, разделался еще с парочкой Песчаников и вплотную подошел к Песчаной Завесе. С другой стороны к ним приблизился его бывший друг. Удивленно на них глянул.

— Ты, что ее... того? — опешил Ринслер.

— Нет, — удивился Лекс, посмотрел на Олиф, пытаясь понять, что в ней так насторожило бывшего лучшего друга.

— А чего она такая зареванная?

— Горевала о своей нелегкой судьбе, — усмехнулся Лекс.

— Конечно, судьба же свела ее с тобой. Я бы тоже горевал.

Олиф ошарашено уставилась на двух панибратски огрызающихся мужчин, и поняла, что дружба между ними никуда не делась. Это так, на словах.

...— Ринслер идет с нами?

— Он... да. Только другой дорогой.

— Но почему ты... там?! — выдавила Олиф, привлекая к себе внимание.

Ринслер нахмурился, недоуменно посмотрел на Лекса.

— Ты ей не сказал?

— Случая не представилось. Сзади.

Ринслер отреагировал незамедлительно: круто развернулся и с размаху снес голову приближающемуся к нему со спины Песчанику. Затем вновь повернулся к собеседникам.

— Тут вообще-то твари из пустыни штабелями валят, зачем вы сюда приперлись? — спросил он.

— Додумались кое до чего. — Лекс вкратце описал бывшему другу ситуацию, и свои доводы, после того, как они отошли от прямой угрозы чуть дальше вдоль Песчаной Завесы.

— Ясно, — кивнул Ринслер. — Девчонка с нами идет?

— Да, — уверенно кивнула Олиф.

— Видишь, как ей умереть хочется, — вздохнул Лекс.

— Там за дальней горой наши Змеи. Дойдете? — усмехнулся Ринслер, переводя взгляд с мужчины на девушку, и наоборот.

— Куда мы денемся.

Олиф вновь грохнулась на колени, стоило ей пересечь смертельную черту. Это уже становилось какой-то традицией. Переступил-упал-встал-пошел. Это был какой-то жуткий, нескончаемый круговорот. Ринслер повел их напрямик к Змеям, прихватив с собой несколько своих людей. Уже через минуту Олиф почувствовала, как все тело покрывается потом, становится нечем дышать, солнце начало обжигать своими зверскими лучами кожу. Та и так вся была в ожогах, а тут как будто добавка на второе. Берегини, ведь действительно — замкнутый круг. И никуда не спрятаться.

Песчаников совершенно не интересовал этот участок пустыни, для них, похоже, главной целью было выбраться за пределы Песчаной Завесы. За высоким скалистым возвышением действительно были Змеи. Олиф никого из них не знала, и почувствовала укол притупившейся боли. Кнут. Интересно, он был бы рад оказаться здесь? Участвовать в этой аванюре? Наверное, да.

Они забрались на Змей. Ринслер приказал нескольким воинам порвать рубашки, чтобы «новобранцы» смогли обвязать ими голову. Затем все обсудили варианты, где мог прятаться кукловод, и варианты отступления — на всякий случай. Лекс сперва махнул рукой, сказав: «по ходу дела разберемся», но Ринслер был категорически против такого плана, припомнив, что когда-то они уже так разобрались. Олиф на какой-то момент отключилась от всеобщего обсуждения, и попыталась заговорить со Змеем. Но тот, похоже, не был настроен на общение с незнакомцами.

Они тронулись в путь после приказа Ринслера. Олиф было очень непривычно ехать на этом змее. И хотя все эти животные были похожи между собой, она буквально всем своим нутром чувствовала — это не Кнут.

Было решено ехать вдоль песчаной Завесы. Вряд ли кукловод был таким безумцем, и забрался в самое пекло пустыни. Ринслер с Лексом ехали впереди и что-то возбужденно обсуждали. Олиф наблюдала за обыденным пейзажем, не прислушиваясь к их разговору.

Они ехали так долго, что осмотрели буквально каждое подозрительное место, но ничего не нашли. В какой-то момент Олиф поймала на себе раздраженный взгляд одного из воинов. И только после этого заметила, что и остальные уже подрастеряли ранний азарт. Девушка смутилась и начала теревить ключик на шее, и вместе с тем вспоминая легенду про Гурума Хахного. Портал, навки, созвездия — все это звучало, как сказка на ночь, или, скорее, страшилка, но Олиф друг поняла, что верит в нее. Или у нее просто не было другого объяснения действиям кукловода. Зачем отвлекать жителей от событий в пустыне? Они и так туда не слишком часто заглядывают. Но если посмотреть на это с точки зрения легенды, то объяснение было — бредовое, но хотя бы было.

Олиф наклонилась к своему змею.

— Слушай, я вижу, что они все начинают сомневаться. Но я знаю, что не ошиблась. Просто знаю и все. Если бы я была кукловодом, я бы выбрала это место, понимаешь? И ты бы выбрал.

Олиф почувствовала, как щеки начали краснеть от переизбытка эмоций. Как объяснить змею, что она верит в легенду о трех созвездиях и порталах? Ведь за сумасшедшую сочтет. Но как еще убедить его в своей правоте? Правда точно не вариант. И этот змей — не Кнут. Кнут бы ей поверил без всяких объяснений и доказательств.

— У меня там, в селе, осталась вся моя семья. Я люблю их больше жизни, и если не остановить этот поток Песчаников — они умрут, понимаешь? Я не могу их потерять. Мне очень важно найти этого кукловода, только так его можно остановить. И он здесь, в этой

пустыне.

«От меня-то ты что хочешь?», — прозвучал в голове грубый и посаженный голос, как будто говорил какой-то старик. Но девушка была готова закричать от радости. Слава Берегиням, заговорил!

— Ты знаешь эту пустыню, как никто другой. Помоги найти того, кто это устроил.

«Мы же и так ищем».

— Нет, мы колесим по кругу. Что в этой пустыне есть необычного? Чего-то такого, от чего следовало отводить внимание.

«Ничего такого нет».

— Ты уверен? Может что-то странное?

«Нет тут ничего странного».

— Точно?

«Да!».

— Ладно. — Девушка разочарованно вздохнула. — Но ведь... почему-то же он выбрал это место!

«Это еще не известно. Может, и не выбрал».

Но Олиф была уверена — он здесь. Не зря же старик хранил у себя загадочный ключ в виде шестиконечной звезды, да еще Фрида приказала беречь вещицу, как зеницу ока. Неспроста же они так беспокоились об этом.

— Эй, слушай, — не сдавалась девушка, — а если бы ты был кукловодом, где бы ты спрятался?

«Уж точно не тут. Тут негде спрятаться».

— Да, — нахмурилась Олиф. — Поэтому он и выпустил Песчаников. Ему не нужны лишние уши... Эм, можно я глупый вопрос задам?

«Еще глупее? Ну, давай».

— Если бы тебе нужно было сделать что-то очень плохое, я даже не знаю... обряд какой-нибудь провести, где бы ты стал это делать?

Змей задумался. Олиф посмотрела на Лекса с Ринслером, что-то оживленно обсуждающих, и неожиданно для самой себя ответила на свой же вопрос. В самой середине пустыни. Во-первых, туда добираться дольше. А во-вторых, лопасти, при помощи которых пустыня двигалась, наверняка находились там.

— А мы уже были в середине пустыни? — спросила девушка, тем самым разрешая змею перестать усердно раздумывать над ее прошлым вопросом. — В самой-самой середине.

«Нет, не были».

— Отвези меня туда.

«Зачем? Ты что, думаешь ваш кукловод там? Пф, это уж точно нет. Там даже оазисов поблизости нет, не то что чего-то странного».

— Отлично. Вези.

«Уверена?».

— Как никогда.

«Ладно, воля наездника — для меня закон».

Змей развернулся, и Олиф в лицо ударили сильные порывы ветра, перемешанные с песком. Она зажмурилась, прикрыла рукой лицо. Почувствовала, как приподнялось тело от быстрого движения, словно она собиралась взлететь. Они ехали очень быстро, и девушка почти ничего не видела, кроме пыли, застилавшей глаза и мешавшей свободно дышать. Да,

теперь она снова станет похожей на песчаный кокон.

Они ехали долго, или, может, это Олиф как-то совсем потерялась в пространстве и времени. Но когда змей, наконец, затормозил, это произошло так резко, что девушка не удержалась, и с середины змея проехала ему буквально до самой головы, еле успев схватиться за неё руками.

«Убери свои лапти с моих глаз!», — огрызнулось животное.

Олиф незамедлительно отпрянула. Пристыжено извинилась и начала слезать. Вернее, просто съехала по змею, прислонившись животом к чешуе, отчего платье немного задралось. Стоило ей встать на ноги и повернуться спиной, как темная тень чуть не заставила ее закричать от страха. Олиф судорожно схватилась за сердце, и только потом узнала в незнакомце Лекса.

— Это как понимать?! — зло спросил он.

— Что? — Она растерянно захлопала глазами. Сердце в груди все не собиралось успокаиваться.

— Тебе что, голову тут припекло?! Ты куда понеслась?!

Напугал ее, чуть ли не до смерти, теперь кричит. Олиф гневно глянула на него, но говорить о том, что ее сюда чутье привело, постеснялась. Пришлось гордо отмалчиваться, делая вид, что она только что узнала кое-что совершенно секретное и очень-очень важное.

— Ну?!

— Ну...

— Зачем вы рванулись сюда?! — Лекс едва сдерживался, чтобы действительно не заорать.

— Э-э... сейчас покажу, — стыдливо ответила девушка, уставившись в землю.

— Надеюсь, оно того стоит, — сдержанно сказал ей мужчина и раздраженно дернул подол её платья, опуская его до колен.

Олиф глубоко вдохнула, повернулась лицом к бескрайним пескам, которые здесь выглядели практически белыми, и пошла куда-то вперед. Что именно собиралась искать, она и сама не знала. Тут действительно ничего не было. Девушка рассекала ступнями пески, поднимая их вверх, но чего-то необычного так и не обнаружила. В итоге ее ходьба превратилась в какой-то абсурдный обход по кругу, как будто она местность проверяла.

— Плебейка, что ты делаешь? — не выдержал Лекс, подходя к ней.

— Что-то, — недружелюбно отозвалась Олиф. Перспектива выглядеть в глазах остальных совсем чокнутой как-то не вдохновляла.

— Скажи хоть, зачем ты ходишь по кругу? Время убиваешь?

— Нет, это должно быть где-то здесь!

— Что — это?

Олиф открыла рот, чтобы ответить, но именно в этот момент земля под ней провалилась и девушка поняла, что ездить верхом на змее, чувствуя, как взлетаешь, совсем не похоже на настоящий полет. При настоящем полете желудок перемещается к горлу, а сердце — в голову, чтобы пару раз стукнуть по мозгам. Особенно ужасно становится, когда летишь спиной вниз. При ударе из тела вышибает весь дух, вдохнуть первые несколько секунд невозможно вообще.

Но еще ужаснее бывает, когда ты понимаешь, что удар — это еще не конец, а твое еле живое тело начинает крутиться, съезжая куда-то вниз.

Когда, наконец, круговорот прекратился, Олиф болезненно застонала. Лежа на спине,

открыла глаза, и заметила, как сверху, в проеме, на нее смотрят множество пар глаз. Или это были последствия удара головы об землю, или их действительно было много.

— Ого, — уважительно присвистнул Ринслер, — тебя даже земля не выдержала.

Олиф встала только тогда, когда все остальные спустились вниз, и то при помощи Лекса, который, особо не церемонясь, просто поставил ее на ноги.

— Что это было? — с трудом выдавила она.

— Вход куда-то. Или выход.

Девушка оглянулась — позади нее расположилась довольная высокая горка. Такая же, как у бывших Песчаников. При помощи нее они выходили на поверхность. Олиф судорожно сглотнула. Куда они попали? Этим же вопросом задались и все остальные. Ринслер пошел первым, за ним двинулись его воины и только следом за ними Олиф с Лексом. Помещение больше напоминало какой-то коридор в замке. Со всех сторон стояло множество колон, правда, они были совершенно невысокими, стены были сделаны из золота, и каждый шаг отдавался гулким эхом.

Последнее не нравилось Лексу больше всего. При такой слышимости, кто-то, кто наверняка затаился здесь, мог их уже обнаружить.

Олиф потрясенно крутила головой по сторонам, с открытым ртом рассматривая золотые стены, украшенные чудным орнаментом. Все-таки такого удивительно красивого и блестящего помещения она не видела еще ни разу в жизни. Девушка так загляделась, что чуть не вскрикнула, когда уперлась носом в спину Лекса. Сразу почувствовала, как он напряжен и с удивлением заметила, что мужчина обнажил меч.

— Что случилось? — спросила Олиф шепотом, на всякий случай.

Ответа не получила, но догадалась сама. В этом помещении каждое движение отдавалось эхом, а впереди шагов больше не было слышно. Кто-то явно не обрадовался новым посетителям.

— Лекс, кто это? — голос, раздавшийся позади них, стал для обоих такой неожиданностью, что оба вздрогнули.

Олиф резко повернулась. Прямо перед ней стояла какая-то девушка, с длинными, пышными белыми волосами. Лицо у нее было такое приятное, — овальной формы с маленьким носиком, и довольно пухлыми губами, — что обвинить ее в чем-то ужасном язык не поворачивался. Девушка была стройной, в красивом черном платье. На бедре виднелся длинный разрез, оголявший ножку. И вроде бы все в ее виде было идеальным, кроме одного — главного.

Глаза у девушки были черными, полностью. Без зрачков.

И еще она назвала Лекса по имени.

— Что ты здесь делаешь? — Мужчина спросил это так хрипло, что Олиф удивленно на него посмотрела.

Лекс был таким бледным, словно только что увидел покойника. Кажется, даже когда его рана на плече чуть не довела его до смерти, на лице мужчины не было такого... ужаса?

— Разве так разговаривают со своими друзьями? — возмутилась блондинка. — Не познакомишь нас? — И кивком указала на Олиф.

— Что ты здесь делаешь? — Лекс явно не собирался тратить время на любезности.

— А ты в своей манере. — Девушка смерила его довольно раздраженным взглядом, хотя это трудно было определить — когда зрачки не двигались, казалось, что ее глаза вообще застекленели.

Она плавно, словно всю жизнь училась так привлекательно двигаться, подошла к Олиф и сама протянула ей руку, улыбнувшись скорее снисходительно, нежели дружелюбно, сказав:

— Я Шина, давняя подруга твоего спутника. А ты...?

— Олиф, — язык отказывался слушаться. В голове, словно удары молотом, бились слова: «давняя подруга твоего спутника».

— Славно. Вот и познакомились.

Она улыбнулась, не скрывая натянутости и очевидной фальши. Ей знакомство явно удовольствия не доставило.

— Что ты сделала с остальными? — холодно, скорее даже безэмоционально, спросил Лекс.

— С чего ты взял, что это я?

— Не я же.

— Ну-у, — девушка загадочно улыбнулась, — неужели эти люди дороги тебе, Лекстер?

— Не твое дело.

— А эта девчонка дорога тебе, Лекс? — Шина улыбнулась и заинтересованно склонила голову на бок.

— Не выйдет. Я никогда не покупался на твои игры.

— Ну, все когда-то бывает в первый раз. Это жизнь, Лекс. Тебе ли не знать?

— Как ты только докатилась до этого?

Их разговор напоминал скорее кружащих друг напротив друга волков — готовых к схватке, но все еще медлящих, потому что каждый надеялся, что противник одумается и сдастся без боя. Но даже притихшая Олиф понимала — не сдастся.

— До этого? — По помещению разнесся хриплый смех. — Скажи лучше, когда ты успел связаться с сельской девкой. Это на тебя не похоже.

— Ты не особо удивленна.

— Ладно-ладно, — примирительно подняла руки блондинка. — Мы уже успели познакомиться.

— Что? — опешила Олиф. Она еще не совсем с ума сошла, чтобы забыть такое «знакомство».

— Это из-за тебя у нее кровь пошла из пустяковой раны, — сказал Лекс, не обращая внимания на восклицания девчонки. — И это тебя я видел в том храме.

— Тебе показалось, что видел. Это разные вещи.

— Ты что, ударились в оккультизм? Занялась черной магией?

Они стояли совершенно неподвижно, но Олиф билась об заклад: чуть что, и оба среагируют незамедлительно.

— Все гораздо проще, — пожала плечами Шина. — Я стала Избранной.

— Избранной? — Лекс насмешливо изогнул бровь.

— Тебе не понять. Это великая честь. У меня особая миссия.

— Да, мы уже поняли. Оживить Песчаников и истребить деревни. Это ведь ты сделала, так?

— Да, Лекс. Но я не кукловод, как вы смели меня обозвать. Я просто исполняю свой долг.

— Убиваешь невинных людей? Достойный долг.

— Самоуверенный нахал, — вдруг оскалилась Шина. — Борец за справедливость. Спутался с какой-то грязью, и еще смеет учить меня жизни.

— Тебя бесполезно учить жизни, — ничуть не смутился Лекс. — В твоём случае только ремнем по заднице.

— Все еще строишь из себя заботливого дядечку? Кое о ком ты уже позаботился.

Мужчина вздрогнул, но в остальном его вид остался прежним.

— Да, ты все равно умудрилась во что-то вляпаться.

— Я говорила не о себе.

— А я о тебе.

— Лекс, ты такая заноза в одном месте, не поверишь. Мне будет даже приятно вас убить. Тебя и ее.

— Хотела бы — давно бы уже убила. Чего ж ты медлишь?

— Ты что, думаешь, я совсем бесчувственная тварь? — неприятно удивилась Шина, хоть и натянуто. — Я даю тебе шанс уйти.

«Тебе».

Олиф даже не вздрогнула. Просто поняла и все, как понимает, что солнце светит днем, а луна — ночью. Живым отсюда выйдет только Лекс, и то не факт. Эта девка была даже не человеком, она стала каким-то существом в человеческом сосуде. И было в ней что-то страшное, леденящее кожу... может, так действовали ее черные глаза, а может, как-то инстинктивно чувствовалось, что это существо способно делать страшные, ужасающие вещи.

— Спасибо, конечно. Но я, пожалуй, откажусь.

— Останешься тут? С ней?

— И с тобой.

— Будешь ее защищать? — с издевкой в голосе поинтересовалась блондинка.

— Нет, зачем.

— Из тебя не вышел благородный герой.

— Еще чего не хватало, — оскорбился Лекс. — Я тут, чтобы узнать, как это с тобой случилось.

— Как я стала Избранной? Это совсем неинтересная история. — Девушка провела своей пятерней по шелковистым волосам. Олиф тут же почувствовала укол зависти.

— А ты попробуй, — резко сказал ей Лекс. — Ты всегда принижала свои способности.

— Ну, раз ты настаиваешь... — Шина почти незаметно бросила взгляд за спину мужчины, и вновь посмотрела на своих собеседников. — Это произошло за неделю до твоего наказания. Мне прислали письмо. Да, представь себе — письмо. Они сказали, что я — Избранная. Сказали, что на меня возложена очень ответственная миссия. Но знаешь, чтобы пройти обряд, нужно было порвать все связи с прошлым. С родителями, с друзьями. Со всеми. Грош цена за то, чтобы стать Великой, не правда ли? Кстати, знаешь, я ведь видела тебя на Народном собрании. Когда тебя уводили трое стражников, и как Майлз передал тебе нож... схитрить у тебя всегда получалось лучше всего. И сейчас неплохо получается. Но не стоит так долго тянуть время, твои друзья все равно не вырвутся.

Лекс пожал плечами.

— Просто хотел узнать, куда делать прошлая Шина.

— Стала лучше.

— Что-то незаметно.

Они оба принялись сверлить друг друга внимательно-насмешливыми взглядами.

— О ком ты говорила? — нахмурилась Олиф. Она знала, что ей не следовало влезать, но удержаться не смогла, потому что слова девушки заставили волосы на затылке встать

дыбом. — Кто это — они?

Шина так улыбнулась, словно только что поймала свою жертву на крючок.

— А это те... — выдержала картинную паузу, — кого я впускаю сюда, открыв портал.

Олиф дернулась, как от пощечины.

— Нет...

— Да, так уж получилось, извини. Вам все равно пришлось бы умереть, рано или поздно. Теперь будет рано.

Олиф почувствовала, как начали слабеть ноги. Неужели старик оказался прав, и портал — это не бредни сумасшедшего? От этой мысли голова пошла кругом. Кто его знает, что скрывалось за порталом, но ничего хорошего это явно не принесет. Если уж они такое с этой блондинкой сделали, то что им мешает сделать это с остальными людьми?

Голос Лекса выдернул ее из мыслей. Он был тихим, но очень-очень серьезным:

— Ложись.

И Олиф, не раздумывая ни секунды, прислонилась животом к холодному полу. Даже спрашивать не стала, зачем — просто выполнила приказ. В этот же момент, над ее головой раздались страшные звуки — свист рассекаемого мечом воздуха, крик, а затем что-то посыпалось. Прямо рядом с лицом Олиф образовалась песочная горка. Берегини... конечно, как они об этом не подумали? Не одна же Шина сюда сунулась, любому злодею нужны были пешки, готовые отвлекать внимание.

Олиф подняла взгляд. Из-за угла выскочили Ринслер с четырьмя воинами, помогая Лексу справиться с десятком Песчаников, сомкнувших их в кольцо. Шина все тщательно просчитала: заговорила зубы, и нанесла удар. Умно. И остальных она наверняка застала врасплох, оставив нескольких нелюдей поджидать расторопных воинов за углом. Олиф искренне надеялась, что их внезапное появление означало только то, что они вырвались. А то ведь их могли и отпустить, чтобы разделаться уже сразу со всеми.

Девушка прикрыла голову руками, чтобы песок не засыпал ее полностью. Постаралась не прислушиваться к звону металла, и раздававшимся крикам. В какой-то момент рядом с ней упало безжизненное тело одного из людей Ринслера. Бледная кожа, фиолетовые губы, и навсегда застекленевший взгляд... но Олиф не позволила себе издать хоть один звук. Слишком уж хорошо знала, как это может отвлечь. Вместо этого девушка посмотрела в сторону, лишь бы не видеть этих мертвых глаз, и заметила, как Шина скрылась в самой темной части огромного помещения.

Олиф не стала долго думать, просто посмотрела на яростно сопротивляющихся мужчин, поняла, что они помочь не смогут, и поползла в сторону скрывшейся из вида блондинки. Лекс не зря называл Олиф дурой. Мозгов лезть на рожон без оружия могло хватить только у нее. Девушка не знала, что собиралась делать, но и оставить все как есть, просто не могла. Она доползла до темного угла и в этот момент поняла, почему он был такой темный. В который раз она почувствовала, как земля уходит у нее из-под тела — в прямом смысле, и с необычайной злостью Олиф полетела вниз. Вернее, покатилась.

Лестница. Как можно было не заметить лестницу?! Все тело пронзила острая боль от ударов о твердые ступеньки. Захотелось взвыть, но девушка только мученически схватилась за руки — они болели сильнее всего.

Шина удивленно обернулась на шум, и снисходительно улыбнулась, признавая глупость девчонки, посмевавшейся выйти против Избранной. Блондинка, не скрывая своего презрения, медленно приблизилась к Олиф. Она знала, что все ее спутники сейчас немного заняты, и

потому без единой задней мысли занесла над ней кинжал. Кто мог помешать ей прирезать эту бестолочь и продолжить проводить обряд?

Поэтому, когда клинок врезался в стальную преграду, Шина удивленно замерла. Это позволило Лексу очень аккуратно крутануть меч и выбить оружие у бывшей подруги. Блондинка сделала пару неловких шагов назад, стараясь взять себя в руки. Защитник чертов. Она что-то прошептала, выставила руку в сторону, и кинжал, словно по волшебству вернулся к законной хозяйке. И оказался парным.

Шина не стала церемониться и напала первой. Друг, не друг — теперь это уже не имело значения. Он стал помехой, и убивать его было совершенно не жалко. Казалось, что выстоять с парными кинжалами против меча было невозможно, но девушка наносила удары так искусно, что Лекс уже через несколько минут почувствовал отдых. Удивился этому даже сильнее, чем волшебному перемещению кинжалов. Он никогда не сбивался с дыхания за такое короткое время.

Олиф казалось, что каждый новый удар, каждый новый звон скрещенных вместе оружий в этом бою, она чувствовала на себе. Смотрела, как отбивается Лекс и ничем не могла ему помочь. Девушка попыталась подняться, но почувствовала под руками странные выступы, или, вернее сказать — выемки. Опустила взгляд, и поняла, что весь пол вдоль и поперек был испещрен то ли рисунками, то ли беспорядочно выведенными линиями. Олиф проследила, откуда они начинаются, и удивленно замерла. В середине зала находилось небольшое углубление, из которого выходили три огромных изветвления, больше похожие на три не до конца раскрывшихся веера. Они почти полностью сливались с каменным полом, и лишь едва заметные выступы по краям говорили — да-да, они реальны.

Олиф отвлек звук, совершенно не похожий на звон клинков — недолгий и приглушенный.

— Раньше ты никогда не бил женщин. — Шина сплюнула кровь с разбитой губы. Поднялась с колен на ноги, вновь принимая стойку. — Детей бил, но женщин никогда.

— Ради тебя я сделал исключение.

Блондинка вновь кинулась на мужчину, но тот больше не отбивал ее ударов, он просто уворачивался. В конце концов, девушка остановился и зло крикнула:

— Бей!

— Нет.

— Бей!!

Лекс только усмехнулся.

— А раньше ты даже палку в руки взять боялась.

— Я изменилась. В лучшую сторону.

— Нет, твоя лучшая сторона проявилась тогда, когда мы напились вместе с Майлзом, помнишь?

Шина вздрогнула, ее пальцы стали жестко сжимать и разжимать рукоятки кинжалов.

— Дерись.

— А сейчас ты стала похожа на ту, которой боялась быть больше всего.

— Дерись!

— Занудная стерва.

Шина не выдержала, со всей злости размахнулась — ударила. Затем еще, и еще. Каждый новый выпад Лекс либо блокировал, либо отклонялся в сторону. Она так ни разу и не задела его. И от этого злилась еще сильнее.

— От прежней Шины осталась только эта мразь. — Мужчина говорил тихо, но такие слова и не должны были быть громкими — они били в самое яблочко даже без интонации.

— Нет, я стала лучше!

В какой-то момент, когда девушка замахнулась для нового удара, Лекс заметил кое-что очень-очень странное — глаза у нее вдруг стали совершенно другими. Движения резко замедлились, она слабо опустила руки. И тут он понял, что случилось с ее глазами — в них появились зрачки.

— Что со мной, Лекс? — тихо-тихо выдохнула Шина. Посмотрела на мужчину так, словно он мог единственный объяснить ей, как так вышло, что выбрали именно ее. Почему именно она стала игрушкой в цепких лапках тех, у которых не было обличия, но зато везде были свои глаза и уши.

Лекс сделал шаг к ней навстречу, не веря, что ее темная сторона отступила. Именно в этот момент Шина перевела взгляд за его спину, и все вновь стало на свои места.

— У нее все это время был ключ... — шепот был пропитан такой откровенной яростью, что мужчина на мгновение растерялся.

Этого хватило, чтобы откинуть его в сторону — очень резко, и оттого еще более болезненно. Блондинка с абсолютно черными глазами, теперь только телом напоминающая его бывшую подругу, подошла к нему и провела двумя пальцами вдоль тела. Внешне ничего не изменилось, зато внутренне еще как. Она лишила его зрения. Жизни лишит чуть позже. Девушка резко подлетела к успевшей подползти к алтарю девчонке.

Олиф не знала, что делать, и из двух зол выбрала самое безрассудное. Отверстие в странном углублении показалось ей смутно знакомым. Она набрала побольше воздуха, и пока Шина с Лексом выясняли отношения, поползла напрямик к середине. А в середине, в этом углублении, откуда исходили лопасти, действительно было отверстие. Замочная скважина. В виде шестиконечной звезды.

Именно в тот момент, когда Олиф почти выяснила, совпадают ли грани ключа с гранями отверстия, как сильная рука схватила ее за волосы и дернула вверх. Олиф испуганно вскрикнула, дернулась, но почувствовала, как корни волос стали буквально выдирать из головы, и затихла. Шина особо и не рассчитывала на сопротивление. Она прижала девчонку к себе спиной и с нескрываемым удовольствием провела кончиком кинжала по тонкой, нежной шейке.

— Твой конец пришел, — прошептала ей на ухо очень нежно, улыбнулась, когда почувствовала дрожь жертвы, и... согнулась пополам от боли. Олиф ударила локтем еще раз, посильнее.

«Плебейка, — сказал ей однажды Лекс, — запомни раз и навсегда: бить нужно со всей силы. У тебя не будет второго шанса. Если на тебя нападают, закусываешь губу и бьешь».

Она и била. Правда, Шину ее удар просто на секунду выбил из равновесия. Блондинка резко выпрямилась и с нескрываемой ненавистью опрокинула Олиф лбом о каменный пол. Даже не стала слушать болезненный стон, или, скорее, вой — времени уже не было. Шина одним резким движением прочертила кинжалом полоску вдоль своей руки, и, закусив губу, поднесла кровоточащую конечность к алтарю. Но неожиданно услышала хриплый стон девчонки, что валялась у нее в ногах:

— Этот ключ ведь не даст тебе совершить обряд, — она не спрашивала, она просто это знала.

— Когда я закончу, это будет волновать тебя меньше всего.

— Я не позволю тебе.

— Попробуй, останови.

Шина усмехнулась, услышала шуршание платья. Оглянулась на секунду, и не без злорадства усмехнулась. Покачивающаяся девка, с разбитой головой не могла сделать ничего. Ни-че-го. Но эта дура все равно обошла Шину и встала прямо напротив ее лица, прислонившись ногами к выступу.

— Я останавлию.

Блондинка скривила губы, но вдруг заметила, что чертова подружка Лекса как-то странно занесла руку позади себя. На этот раз, Шина не стала медлить — и так уже слишком долго оттягивала этот момент. Олиф зажмурилась, чувствуя, как холодок смерти пробежал по коже, оставив после себя стоящие дыбом волосы. Блондинка резко занесла кинжал другой рукой. Послышался хлюп. Оружие довольно быстро нашло свою цель, впрочем, и в тело вошло как-то плавно, без особых усилий.

На платье Олиф капнуло несколько кровавых пятен. Девушка открыла глаза, и без страха посмотрела на темную жидкость, вытекающую изо рта своей противницы. Шина покачнулась, каким-то отстраненным взглядом посмотрела вниз, туда, где выходил конец проткнувшего грудь меча. Олиф знала это ощущение. Ощущение смерти. На секунду показалось, что она увидела, как медленно из тела выбирается отнятая жизнь. Губы блондинки резко потеряли цвет, а кожа стала еще бледнее. Но Шина все равно улыбнулась, и поблагодарила, просто тихо-тихо выдавив из себя:

— Спасибо.

Они не забрали у нее жизнь. Они спасли тех, кого еще можно было спасти.

Ринслер придержал падающее тело. Когда почувствовал, что девушка больше не дышит, медленно вытащил свой меч. Посмотрел, как Олиф опустилась на колени, и повернула ключ. Молния не загромыхала в небе, земля не разверзнула свои недра. Как будто они обычную дверь в доме открыли. Или закрыли.

Олиф поднялась и благодарно посмотрела на мужчину. Если бы эта смерть легла на плечи Лекса, он бы, наверное, уже никогда не смог жить дальше. Именно жить, а не существовать.

Девушка посмотрела за спину Ринслеру. Лекс сидел на другом конце зала и разминал кулаки, словно не верил, что снова может их видеть. Со смертью Шины развеялась и ее магия, которой в природе вообще не должно было существовать.

Олиф подошла к Лексу и села рядышком. Ей не хотелось ничего говорить, и она впервые в жизни поняла, что испытывал сам мужчина, когда пытался привести ее в норму после смерти Кнута. Казалось, что человек просто лишился рассудка. Он не смотрел ни на нее, ни в землю, вообще никуда. Его взгляд стал таким отстраненным, словно он больше не понимал, что происходит. Олиф хотела помочь ему, но совершенно не знала, как.

— Мне очень жаль, — выдавила она тихо.

Лекс не ответил, только вздрогнул, словно только что понял, что он тут не один. Они, наверное, могли просидеть так еще очень долго. Молча, отстраненно. Каждый в уме вспоминая красивую девушку, которая просто так, ни за что стала бесчувственной тварью. На ее месте мог оказаться кто угодно, но выбрали почему-то именно ее. Они могли долго размышлять об этом, и о том, почему судьба так любит играть с людьми в злую шутку, но спустя несколько минут, в помещение ворвался один из людей Ринслера и начал истошно вопить, что пустыня обезумела.

— ПЕСКИ! ПЕСКИ!!!

Ринслер вышел посмотреть, что случилось (и кто тут еще обезумел), и вернулся с таким обеспокоенным лицом, что даже говорить ничего не нужно было. Сразу стало понятно, что ключ повернулся не просто так.

— Эй, голубки, я, конечно, страшно не хочу прерывать вашу идиллию, но нам пора сваливать. Давай-давай, вставай, — поторопил он Олиф, и в ответ на ее недоуменный взгляд добавил: — Я выведу его, иди.

Пустыня действительно обезумела. Если, конечно, так можно назвать то, что творилось вокруг. Пески стали похожи на разъяренное чудовище. Вокруг не было ветра, но такой пустяк им был не нужен — они поднимались ввысь самостоятельно. Пустыня превратилась в одну сплошную песчаную бурю, вот только Олиф видела песчаную бурю, и могла точно сказать, что тогда пески не уносились вверх, куда-то в небо, словно песчаный тоннель. Когда девушка увидела эту огромную воронку, впитывающую в себя все то, что находилось в пустыне, она смогла лишь остановиться, и ошарашено глазеть на то, чего по определению быть не могло. Хотя, за последние несколько часов произошло столько всего, что грех было удивляться и этому. Но Олиф не могла пошевелиться, понимая, что повернув ключ, они закрыли загадочный портал. То есть, это ей казалось, что он был загадочным. Но все оказалось куда проще и примитивнее: пустыня и была порталом. Если они закрыли одно, закрыли и другое.

Неожиданно кто-то схватил ее за руку, и потянул за собой. Из-за непрекращающегося шума, она не слышала, что именно говорил ей Лекс, но чувствовала, что что-то явно нецензурное. Каким-то чудом в этом нескончаемом потоке засыпающих глаза песчинок, девушка различила на лице мужчины едва заметный покрасневший след с очертаниями человеческой руки. Ринслер явно не церемонился с бывшим другом.

Лекс довел девчонку до всхрипывающего от страха змея, и полностью пренебрегая всеми правилами приличия, обхватил ее за нижнюю часть тела, подсадил и буквально запихнул на высокое седло. Сам запрыгнул за ней следом. Для двоих тут было слишком мало места, но выбирать не приходилось. Лекс навалился на девушку сверху с такой силой, что ей показалось, будто ее сейчас просто расплющит.

Змей дернулся вперед с такой радостью, что мужчина еле успел схватиться за выпирающие поручни на седле. При общем песчаном ужасе, творившемся вокруг, как-то не чувствовалось ни радости полета, ни приятного ветра, вообще ничего. Единственное, чему Олиф искренне порадовалась, так это тому, что навалившийся сверху Лекс закрывал ее тело от кружащих песков. Так ей не нужно было прикрывать лицо руками и чувствовать во рту маленькие хрустящие кристаллики.

Они остановились резко и неожиданно. Мужчина тут же спрыгнул вниз, увлекая за собой растерянную девушку. Поймал ее съехавшее по чешуе тело, и потянул в направлении Песчаной Завесы.

— Стой, — крикнула ему Олиф, — а остальные?!

— Идем.

— Стой! Стой!!! Почему они не идут?!

Ни змеи, ни воины вместе с Ринслером со своих мест не трогались.

— Я не пойду без них!!!

Лекс остановился и так раздраженно сплюнул, что Олиф показалось, будто он сейчас нарушит свой принцип «не бить женщин» еще раз.

Вокруг творилось что-то невообразимое: пески, озверевшие от долгого бездействия, решили отыгаться на людях и Песчаниках за все эти годы, или даже столетия. И в этой атмосфере хаоса и завывания всем уже давно знакомой похоронной музыки пустыни, девчонка, решившая поиграть в благородного рыцаря, выглядела, как кусок мяса среди звезд. Нужно было бежать, а она стояла, и казалось, вообще не замечала ничего вокруг.

— Что, не идет? — спросил подошедший к ним Ринслер.

Его одежда и рубаха, повязанная поверх головы — все разметалось и колыхалось на нем под порывами ветра.

— Нет. Спрашивает, почему не идете вы, — сжал челюсть Лекс.

— Нужно было рассказать.

— Рассказать о чем?! — выкрикнула Олиф, боясь, что завывания песков заглушат ее вопрос.

— Мы не выйдем за вами, потому что не можем, — снисходительно пояснил Ринслер.

— Как это не можете?

Бывшие друзья переглянулись, и оба промолчали. Тут не нужны были слова, Олиф и так все поняла. Она посмотрела на спокойного Ринслера и хмурого Лекса так, словно только что узнала о них нечто такое, что навсегда изменило ее жизнь.

— Почему? — Она спросила это так тихо, что в общем окружающем шуме ее никто не услышал, но все догадались. Этот вопрос был закономерен.

Ринслер усмехнулся так, словно речь шла о чем-то совершенно обычном.

— Почему? Черт его знает. Может потому, что мы слишком долго были среди Песчаников.

— Но ведь вы не такие... — этих слов уже никто и не услышал, и по губам никто не разобрал.

Олиф, кажется, забыла, как дышать, и вдруг перестала моргать. Она тупо смотрела на Ринслера, на остальных воинов, которые перекидывались какими-то похабными шуточками, на змей, которые уже давно смирились с тем, что их миру пришел конец. Знали не только Ринслер с Лексом. Они все знали. И только Олиф, как последняя идиотка, снова ничего не понимала. Не знала. Не принимала.

— Вы останетесь тут? — вдруг на удивление громко спросила она.

— Да, где ж еще.

— Тогда я тоже останусь.

— С ума сошла?! — грубо прикрикнул на нее Лекс.

Но Шина была права: конец наступит, рано или поздно. Так что, пусть будет рано.

— Мы все должны остаться здесь. — Олиф взглянула на мужчину, и вздрогнула, потому что он смотрел на нее то ли с жалостью, то ли с болью. — Это нечестно, если кто-то выйдет, а кто-то нет. Или все вместе, или никак.

— Да она борец за справедливость, — как-то удивленно заметил Ринслер.

— Да. Напоминает кое-кого, да?

— Да уж. Помочь дотащить?

— Сам справлюсь.

Лекс подошел к Олиф сзади, аккуратно взял за локоть и потянул на себя.

— Идем, — тихо, но отчетливо приказал он.

— Что? Нет!

— Идем.

— Отпусти меня!

Олиф с такой силой треснула его по скуле, что сама не поверила в свои же действия. Она растерялась, и поэтому, когда Лекс перехватил ее руки и ноги, перекинул себе на плечо, ей осталось только истошно вопить. Она так брыкалась, что если бы не подошедший на помощь Ринслер, Лекс бы ее не удержал. Они вдвоем скрутили девчонку и потащили к Песчаной Завесе. Лекс так на нее злился, что в какой-то момент не выдержал и заорал, перекрикивая завывания ветра:

— Ты родилась, чтобы жить, дура!!!

Но Олиф было плевать и на слова, и на действия. Она не могла выбраться туда, обратно, в настоящий мир, оставив все, что когда-то обрела, погибать здесь. Жить, зная, что ты выбралась, а остальные не смогли? Нет. Нет, она не сможет. Потому что Олиф знала, что многие обитатели пустыни заслужили этого шанса спастись намного больше, чем она.

— Отпустите меня!!!

Ринслер отпустил ее, и почти сразу же залепил пощечину.

— Успокойся. Если есть шанс выжить, всегда, всегда хватайся за него.

Лекс крепко сжал ее плечо, и буквально вытолкнул за Песчаную Завесу.

Вдруг стало очень тихо.

Нет, крики людей все еще слышались вокруг, но почему-то они стали такими незначительными. Олиф не почувствовала ничего — ей было ни жарко, ни холодно. Не хотелось стоять, дышать, жить. Ничего не хотелось. Зачем они вытащили ее сюда? Девушка впервые почувствовала себя овощем.

— Эй, Лекс, — неожиданно окрикнул его Ринслер. — Похоже, я должен тебе аж две бутылки виски.

— Отдашь еще, дружище. — Лекс выдавил это так тяжело, словно в чем-то переступал через себя.

— Конечно, отдам. Кстати, — добавил Ринслер со смешком, — я одобряю твой выбор. Пусть закроет глаза.

Дальше Олиф почувствовала ненавистные пальцы на своих плечах, уперлась ладошками в грудь, но ослабевшие руки все равно согнулись пополам, и она уткнулась лицом в мужскую рубашку. Потом услышала, как зашелестел песок под ногами, как пронеслось мимо них то, что должно было принадлежать пустыне. Кажется, что-то бухнуло.

А потом наступила тишина. Настоящая тишина, потому что даже крики раненных людей вдруг прекратились. Олиф оторвалась от Лекса и посмотрела прямо перед собой.

Пустыни больше не было. Песчаной Завесы тоже. Они вдвоем стояли напротив черной пустоши. Тут не росла трава, потому что это место было проклято. Чернота простиралась на многие и многие километры, уходила куда-то вглубь и на границе с цветущей зеленью смотрелась так, словно кто-то специально выжег именно это место.

Все произошло настолько неожиданно, что ни Олиф, ни Лекс, не успели еще осознать, что всех, кого они когда-то знали, больше нет. Они, наверное, единственные не двигались с места, так и стояли напротив мертвой пустоши.

А потом на девушку сверху навалилось что-то очень тяжелое, заставив упасть на колени, человеческой рукой пригвоздило голову к земле и скрутило руки за спиной. Их чем-то связали, кажется, веревкой.

— Вы арестованы, — возвестил стражник.

— Изгнанники!!! — вопила позади них какая-то тетка.

Олиф сидела, облокотившись головой о холодную стену. В этих камерах было не так темно, как в тех, что были в пустыне. Здесь было несколько окошечек, огороженных решеткой, но девушке впервые в жизни захотелось увидеть вместо прозрачных лучей, проникающих внутрь, свечение светожелов. Как же она ненавидела этих людей. Эту жизнь. Ненавидела тех, кто спас ее. Лучше бы она умерла.

Дверь на входе хлопнула. Эта деревянная конструкция не скрипела, и выглядела очень даже новенькой. По шагам и перешептываниям, Олиф поняла, что вернулся Лекс. Его посадили в отдельную камеру, а потом за ним вдруг пришли стражники и куда-то увели. Теперь вот вернулись.

Вопреки ожиданиям девушки, остановились новоприбывшие напротив ее камеры. Спутник Лекса открыл решетчатую дверь, и впустил мужчину внутрь.

— Это Майлз, — зачем-то представил он стражника девушке. — Майлз, это Олиф.

— Наслышан, — ухмыльнулся в ответ парень. Все, что ей запомнилось в этом человеке — это его кудрявые рыжие волосы, которые шевелились при каждом движении. А еще задорная улыбка. Завидев эти растянувшиеся губы, Олиф брезгливо отвернулась.

Смеется. Улыбается. Ему весело? Конечно, он же не потерял тех, с кем провел смертельную, но лучшую часть жизни. Он не был виноват в смерти двоих друзей. Он никогда не узнает, что значит стоять за какой-то тоненькой стеночкой и слышать, как человек рассыпается на части, чтобы пропасть навсегда.

Входная дверь снова хлопнула. Ушел. Ну и слава Берегиням.

Олиф почувствовала, как рядом с ней сел Лекс.

— Почему ты здесь? — без особо интереса спросила она.

— Чуть-чуть влияния и деньги иногда делают удивительные вещи.

— Вы подкупили стражников? — тупо переспросила девушка.

— Внесли добровольную купу.

Олиф перевела взгляд на свое платье, которое полностью было засыпано песчаной пылью. Под девушкой уже скопилась небольшая горочка, но все смести не получилось.

— Что с нами будет? — спросила она, поджав губы.

— Нам вынесут приговор на Народном собрании.

— Мы же жизнь спасли этим людям, — непонимающе прошептала Олиф.

Берегини, да как после всего, что они пережили и сделали, можно считать их преступниками?!

— Для них это не имеет значения.

— Это ведь не честно. Мы потеряли всех. Всех. Никого не осталось, ни единой ниточки, даже воспоминания... и они с нами, вот так?! — Олиф вдруг сообразила, что соврала. Одно воспоминание у нее все-таки осталось, и оно бережно хранилось у нее за пазухой.

Лекс промолчал. Ему не нужно было объяснять, что для людей Изгнанники навсегда останутся Изгнанниками, она и так это знала.

— Зачем вы вытащили меня сюда? На собрании нас забьют камнями. Лучше было умереть там, рядом с верными друзьями. — Последние слова она выделила особенно, намекая, что не верит в то, что Лекс с Ринслером так и остались врагами. — Зачем вы вытащили меня сюда? — повторила свой вопрос.

— Мы узнали, что они не могут выйти за пределы Завесы в тот день, когда умер Кнут. И тогда Ринслер взял с меня обещание.

— Какое?

Судя по тому, какую паузу выдержал Лекс, ему очень не хотелось говорить.

— Он хотел, чтобы я вытащил тебя.

— Он так и сказал? — опешила Олиф. Удивленно посмотрела на мужчину и поняла, что тот не врет.

— Да.

— Но зачем?!

— Не знаю, — соврал Лекс.

— Врешь. Ты ведь знаешь, — сказала Олиф тихо. Она не требовала правды — это его право рассказывать или нет.

— Знаю, — не стал отнекиваться мужчина. — Ты дрожишь, — заметил он. — Боишься продолжения узнать?

— Нет, мне просто холодно, — поежилась девушка.

Лекс вздохнул, подвинулся ближе и обнял ее одной рукой. Его пальцы коснулись ее кожи, сначала случайно, затем он вдруг специально дотронулся костяшками пальцев до ее щеки. После этого приложил пальцы к ее носу. Кожа была теплая.

— Ты не замерзла, — усмехнулся он.

— Нет, — покачала головой Олиф и уткнулась носом в плечо мужчине.

— Однажды к Песчаникам попала одна девушка, — начал говорить Лекс, словно невзначай обхватывая рукой талию девчонки. — Ее звали Эва. Безбашенная была девка, но чем-то она Ринслера зацепила. Ну, в общем, что-то между ними было. Наверное. Но он мне кое-что сказал тогда, и, мне кажется, как раз из-за этой фразы он и хотел, чтобы мы спаслись.

— Что за фраза?

— Хоть один из нас должен быть счастлив.

Олиф удивленно оторвалась от плеча Лекса.

— Ты не смеешься надо мной?

— Что ты, видишь, как мне весело. Сижу тут шутки придумываю. Что за вопросы?

Девушка опарашено уставилась в темный пол. Неужели Ринслер решил, что Лекс будет счастлив рядом с ней? Чтобы как-то скрыть не пойми откуда взявшуюся неловкость, Олиф спросила:

— Что стало с девушкой?

— Она умерла.

— Иногда мне кажется, что ему было тяжелее всех, — тихо прошептала Олиф.

Лекс как-то невесело усмехнулся. Его друг никогда не жаловался ни на жизнь, ни на судьбу, но после смерти той девчонки стал так напиваться, что иногда даже не помнил собственного имени. Лексу не казалось, он знал, что Ринслеру было тяжелее всех.

— А теперь его нет. Никого из них нет, — голос девушки дрогнул.

Наверное, все слезы она выплакала там, в лесу, и теперь сидела и просто не знала, что делать с щемящей пустотой внутри.

— Мы еще встретимся. Когда-нибудь обязательно встретимся. Он мне еще две бутылки виски должен.

От этой его интонации стало еще хуже. Лекс пытался отшутиться, чтобы скрыть боль.

Но Берегини, почему перед ней он вечно вот так вот закрывается? Неужели они не достаточно пережили вместе?

— Мне очень жаль, — с искренней жалостью в голосе сказала Олиф. — Шину. Я ее не знала, но она, наверное, была очень хорошей.

— Да, — хрипло ответил ей Лекс.

— Как думаешь, почему выбрали именно ее?

— Понятия не имею. У Берегинь не шибко развито чувство юмора.

— Берегинь? Их же не существует. То есть не в прямом смысле, мы же им просто молимся.

— А кто с ней, по-твоему, это сделал?

Олиф удивленно посмотрела на Лекса.

— С ней связались Боги?! Ты серьезно в это веришь?!

— Я не знаю, чему верить. Но это уже их дела, не стоит вмешиваться в игры тех, кто заведомо сильнее.

Девушка обвела взглядом поникшие плечи мужчины, его отрешенный взгляд и сжатую челюсть. Он сдерживал в себе все свои чувства, не позволяя показать слабость. И Олиф решилась спросить то, что обязана была спросить, чтобы помочь ему облегчить эту ношу:

— Расскажешь о Шине? Какой она была?

Олиф очень хотела, чтобы он выплеснул эмоции наружу, и знала, что нет ничего хуже для этого, чем воспоминания. Даже самые изощренные пытки иногда не причиняют столько боли, сколько воспоминания. Но это нужно было мужчине, потому что все в себе держать невозможно. А у него уже накопилось достаточно того, о чем нужно было поговорить.

Лекс молчал долго, очень долго. Потом вздохнул и начал говорить. Не для того, чтобы излить свою душу, а просто чтобы плебейка не стала считать минуты до утра, когда настанет время Народного собрания.

* * *

Их разбудили на рассвете. Особо не возмутились тому, что эти двое «по непонятным причинам» оказались в одной камере. Стражники, на удивление, даже грубой силы не применили — вежливо просили выйти, вежливо надели кандалы, вежливо повели на выход. Как-никак, а парня со значком Перводружинника они узнали. Хоть он и оказался Изгнанником, но он им жизнь спас. Кто знает, где бы они сейчас были, не появись он тогда?

Заключенных вывели из темницы на светлую улицу, где уже столпилось куча народа. На этот раз на них пришло поглазеть все село. Интересно же, кто такие, и как с ними разделаются. К тому же, людям нужно было выплеснуть гнев. Кого-то обвинить в мертвых телах, которые больше уже никогда не вернуться домой.

Олиф, спотыкаясь, шагала по дорожке, усыпанной мелким гравием, и чувствовала необъяснимое чувство ностальгии. Изгнанники не возвращаются. Но ее вели на Народное собрание уже во второй раз. Неужели действительно не возвращаются?

... Олиф стояла в середине площади и молча ждала приговора. Вокруг витала атмосфера всеобъемлющей ненависти, словно именно в этот момент в окружающих ее людях проявлялись самые гадкие человеческие пороки. Они вылезали наружу под гул толпы, формируясь в настоящих чертиков, которые теперь с нетерпением ожидали приговора. На

лицах людей читалось открытое отвращение. Они кричали, махали руками, плевали под ноги, выражая злость, ненависть, презрение. И от этого было еще больнее искать в толпе знакомые лица.

Люди не знали правды. Им казалось, что выбравшиеся наружу Изгнанники и учинили всю эту заварушку с Песчаниками. Они даже не подозревали, что на самом деле Олиф с Лексом влезли в дела Берегинь, и спасли все это село ценой жизни своих друзей.

Главный Старейшина поднялся со своего места и попросил заключенных подойти. Как судить тех, кто пережил Кровавый закон, Старейшины не знали, и, в конце концов, решили, что на все воля Берегинь. Если эти двое и вправду невиновны, значит, так тому и быть.

— Издавна этим миром правили великие правители! — монотонно начал вещать Главный Старейшина. — Они столетиями поклонялись разным божествам, пока одному из царей не явилось откровение! К нему спустилась сама царица-Берегиня и сказала, что нашим миром правят девять ее сестер Берегинь! Три восседают в нижнем мире духов — Нави! Три — в среднем мире людей — Яви! И три — в верхнем мире Богов — Прави! Мы полагаемся на их волю и мудрость! Именно они дают нам четыре стихии, без которых не возможна была бы жизнь на этой планете — воду, огонь, землю, и воздух! Но вот, за грехи наши людские, ниспослали они нам в наказание смертельную пустыню! Каждый младенец знал, какое наказание полагается за преступление — это Кровавый закон! Но теперь, из недр ада вырвались к нам двое Изгнанников! Мы не вправе осуждать вас, за убийство того, что вырвалось к нам из пустыни, не имея видимых доказательств, но вы нарушили условие Кровавого закона — вернулись из пустыни раньше положенного срока!

После этих слов толпа грозно загудела.

— Но! — перекрикивая людей, орал Главный Старейшина. — Мы дадим вам шанс исповедаться! Расскажите нам, во всеуслышание, что же с вами произошло?

Шевеля своими огромными руками в широкой мантии, он, наконец, заставил толпу притихнуть.

— Так что же с вами произошло? — повторил вопрос Главный Старейшина.

— Ну, если коротко, — взял на себя слово Лекс. — Я перерубил кучу народа, а она вставила ключик в замочную скважину.

Кто-то среди людей хрюкнул.

— Не смей дерзить нам, юнец! — сказал ему один из Старейшин, восседавших по кругу.

— Что вы, как можно, — оскорбился мужчина. — Я никогда не позволяю себе лишнего в общении с праведниками, у которых долг и честь превыше всего. И которые никогда не осудят невинных людей.

— Лекс, — зашипела на него Олиф, — что ты делаешь?

Мужчина только хмыкнул и ничего не сказал.

— Пустыня испортила вас! — зло выкрикнул Главный Старейшина. Толпа вновь загудела. — Она изменила вас навсегда! Как бы хорошо вы не поступили, ваш приговор неизбежен! Вы нарушили условия Кровавого закона! Даже за это полагается лишь одно наказание — смерть!

Девушка вздрогнула, зажмурилась, не в силах выдержать этот рев вокруг. Многие жители узнали в Изгнаннице Олиф, но против приговора не возражали. Все-таки Изгнанница, все ведь знают, что они опасны.

Среди всех этих людей была и Марика, уткнувшаяся носом в грудь Дерека и рыдающая навзрыд. Одними губами Олиф попросила батрака:

— Позаботься о них. — И он кивнул ей в ответ.

— Ну что, готова? — подошел к ней Лекс.

— К чему? К смерти? Конечно, всегда была готова.

— Эх ты, пессимистка. Не думала, что, может, Берегини все-таки помогут нам, м?

— Какое им до нас дело, — грустно хмыкнула Олиф.

— Ну, не скажи.

— Привести приговор в... — начал кричать Главный Старейшина, но запнулся, с ужасом глядя куда-то в даль.

Олиф недоуменно обернулась и чуть не села от удивления. Между столпившимися людьми медленно ползли клубы дыма, пожирая вместе с собой людские конечности, скрывая их от человеческих глаз. Сначала люди кричали, одобряя приговор, теперь же начали вопить от ужаса.

Но на этом странности не закончились. Где-то возле часовни, которая располагалась буквально возле самой площади, что-то жახнуло. Причем настолько сильно, что земля подпрыгнула несколько раз, сбивая с ног людей. Что было дальше, Олиф так и не узнала, потому что Лекс толкнул ее плечом в плечо (руки были заключены в кандалы), привлекая к себе внимание, и приказал бежать за ним. Девушка без вопросов подчинилась. Им никто не мешал. Даже стражники, что попадались на пути, в страхе шарахались в сторону.

Лекс прекрасно ориентировался в этом селе. Они вместе добежали до самого его края. Там, прямо на выезде их ждал Майлз с топором и мешком в руках. Олиф испуганно замерла.

— Ты чего? Быстрее, — резко гаркнул на нее мужчина.

— Твой друг нас сейчас убьет! — воскликнула девушка.

— Идем! — Подошел к ней и подтолкнул ее сзади своим плечом. — Топор ему нужен, чтобы перерубить цепи, а в мешке вещи!

— Это все ты устроил? — опешила Олиф, но до Майлза добежала, больше не сопротивляясь.

— Нет, что ты, Берегини помогли, — саркастически ответил ей Лекс.

Майлз ждал их возле указателя, нервно трясая ногой. Когда парочка добежала до него, он заметно выдохнул и тут же расплылся в счастливой улыбке. Олиф вздрогнула. Этот человек что, всегда улыбается?

— Привет! — радостно воскликнул он. — Давайте помогу.

Олиф с Лексом подставили руки, скрепленные кандалами за спиной, и позволили ему перерубить цепь, соединяющую оба кованных браслета.

— А с этим придется самим справляться, — заметил парень, глядя, как его друг потирает затекшие руки, но запястья не трогает.

— Разберемся.

Да, придется найти отмычку.

— Вот тут еда, деньги и одежда, как ты и просил.

— Спасибо, дружище, — искренне поблагодарил его Лекс, забирая у него мешок с вещами.

— Так вы что, навсегда? — с оттенком горечи спросил парень. Ему, похоже, все равно. Изгнанником был его друг, или нет. Он был его другом, и этого было достаточно.

Лекс вопросительно взглянул на Олиф. Девушка растерянно оглянулась. Навсегда? Это очень, очень долго. Тут все-таки ее дом... был когда-то.

— Да, навсегда, — сказала она в ответ.

— Ну ладно, тогда вам лучше поторопиться, — улыбнулся Майлз, и похлопал Лекса по плечу. — Удачи вам!

— Спасибо за помощь. — Лекс в ответ потрепал своего друга по кудрявой рыжей голове.

— Да не за что. Обращайся, если что.

— Надеюсь, не придется. Но я у тебя в долгу, запомни. Давай, иди, посмотри на наши разрушения. И плюнь какому-нибудь Старейшине в лицо.

— Лекс! — возмутилась Олиф.

— Да он шутит, — рассмеялся Майлз и подпрыгивающей походкой пошел обратно в село. — Пока! — Развернулся, помахал двумя руками, и снова повернулся к ним спиной.

Они посмотрели ему вслед. Хороший парень, добрый. Неужели такие люди еще остались?

— Пошли, — нарушил молчание Лекс.

Олиф вздохнула, повернулась и с опущенной головой зашагала за мужчиной, пиная попадающиеся по ноги камни. Лекс понаблюдав некоторое время за этим ходячим примером вселенской скорби, и не выдержал:

— Жалеешь?

— Что? — удивилась Олиф, поднимая голову.

— Ты жалеешь, что не осталась в селе?

— С чего ты взял? Нет. — Она снова обернулась, посмотрела на виляющую дорогу, ведущую в ее родном дом. — С ними остался Дерек, уж он-то их в обиду не даст.

— Тогда что?

— В смысле — что? — нахмурилась девушка.

— Почему такое грустное лицо?

Олиф вздохнула.

— Мы ведь их так и не похоронили.

Лекс усмехнулся. Да, только эта девчонка могла думать о своих мертвых товарищах, покидая родное село, когда за ней вот-вот должны были объявить погоню.

— Они заслуживают памяти, — обиженно сказала девушка, не правильно расценив его усмешку.

— Заслуживают, — не стал спорить Лекс. — Отойдем подальше и похороним.

... Но «подальше» на деле оказалось очень-очень далеко. Мужчина разрешил остановиться только вечером, в лесу, когда они нашли приемлемую для сна поляну.

За весь день Олиф истоптала себе все ноги, но даже, несмотря на жуткую усталость, девушка упрямо стояла на своем. Они нашли несколько веток, сложили из них знак погребения, которым обычно осеняли умерших и ставили его на могилах.

Могилки у Олиф с Лексом не было, даже тел не было. У них не было ничего. Именно поэтому мужчина чуть не выронил хворост, который собрал для погребального костра, когда увидел, что девчонка руками все-таки роет яму напротив самодельного знака погребения.

— Ты что делаешь? — опешил он.

— У меня кое-что есть, и это нужно похоронить.

Лекс посмотрел на ее бледное лицо, хмуро кивнул и продолжил складывать хворост.

Когда они, наконец, встали напротив «могилки» было уже далеко за полночь. У Олиф было такое чувство, будто в этот момент она кого-то открывала от своего сердца. И вроде там не было никого, но эмоции были настолько скверными, что хотелось взвыть, словно

одинокому волку на луну.

Что следует говорить на таких церемониях, она не знала, и решила сказать то, что думает. Все равно ведь никто не смотрит. И вряд ли те, кто сгинул в пустыне, сейчас ее слышали, но Олиф нужно было знать, что она отдала им дань уважения.

— Когда я попала в пустыню, — тихо начала она, — Хэнк мне помог выжить. Когда я попала к Песчаникам, Фрида несколько раз спасала мне жизнь. Когда мы выбрались наружу, Кнут закрыл меня от стрел. Когда мы оказались в пустыне в тот последний раз, Ринслер вытащил меня за Завесу. Они все спасли мне жизнь, ценой своей. Но я не понимаю, за что? Почему кто-то решил, что моя жизнь ценнее, чем все их вместе взятые?

— Ты уничтожила пустыню, — сказал Лекс.

— Но какой ценой? Неужели это стоило их смерти?!

— Подумай о тех, кого еще не судили Кровавым законом. Таких же детей, которые защищали свою семью. Они больше никогда не узнают, что такое пустынный, иссушающий ад.

— Они все остались там... Хэнк, Фрида, Ринслер, Кнут, даже Рэй. А мы не можем их похоронить, просто потому, что от них не осталось ничего. Горстка песчаной пыли. О них никто не узнает, никогда. Никто не узнает, что они сделали для нас. Для всех.

Лекс промолчал. Он точно так же, как и плебейка, задавался этими же вопросами, и не имел ни одного ответа. Они были чуть ли не единственными, кому удалось спастись. Их жизни не стоят и гроша, но они все равно выбрались. Единственное оправдание, которое он смог найти — это то, что больше никто не узнает, что такое Кровавый закон. Рано или поздно, эта история обрастет легендами, и только лишь немногие будут знать правду, почему есть на планете такой участок земли, где не растет ничего живого. Как будто это место проклинали.

Олиф присела на колени рядом с неглубокой ямкой.

— Я не знаю, почему каждый раз смерть обходила меня стороной, а судьба давала еще один шанс... но они хотели, чтобы я жила.

Девушка достала из-за пазухи несколько почерневших чешуйчатых лепестков. Сжала кулак, прислонила его ко рту, и выпустила их на волю, позволяя оседать на земле так, как хотелось бы им.

Вот и все. Последняя память будет похоронена с теми, кто стал настоящими героями. Кто не побоялся выстоять в страшной игре со смертью. Олиф знала, что, сколько бы времени ни прошло, она никогда не забудет тех, кто спас ей жизнь. Девушка начала засыпать ямку пригоршнями земли, тихо прошептав:

— Спасибо.

Им нужно было поджечь костер. Но они с Лексом оба стояли и не решались запустить все лишь одну искорку. Тогда она навсегда унесет с собой тех, кто за последнее время стал им дороже всего. Эта искорка поставит точку в их мыслях, оборвав любой намек на надежду. Все те, кто остался в пустыне, мертвы. Навсегда. Их не вернуть. И они не вернутся. Искорка перерастет в высокое пламя, означающее начало новой жизни. Вот только какая может быть новая жизнь с таким прошлым?

Лекс не выдержал первым, глубоко вдохнул. Подошел к хворосту ближе.

— Ринслер, ты был огромной занозой в одном месте, но хорошим другом. — Замолчал на несколько секунд, и продолжил: — Шина, ты была слишком наивной для этой жизни, и мне жаль, что в тот день, когда это случилось с тобой, меня не было рядом. Прости. Если

слышишь.

Мужчина с плохо скрываемой яростью ударил камнями друг о дружку. Искра сорвалась сразу же, подпрыгнула на месте и устроилась на теплых деревяшках и еловых ветках. Чем уютнее она себя чувствовала, тем сильнее становилось пламя.

Олиф смотрела на играющие друг с другом блики, как огненные язычки то становились больше, то, наоборот, колыхались на ветру и грозились потухнуть. Долгое время в лесу слышался лишь треск древесины.

— Лекс, — прошептала девушка, — как можно жить, зная, что они все мертвы?

Мужчина взглянул на поникшую девчонку. Подошел ближе, и притянул к себе.

— Свобода стала нашей мечтой, а ради мечты стоит жить.

Олиф хотела оторваться от него, и что-то сказать, но Лекс удержал ее.

— Не надо. Ничего не говори. Просто обними и запомни этот момент.

Она уткнулась лбом ему в грудь и запела, тихо-тихо.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Спи спокойно, воин,
Жизнь дана лишь раз,
Куда пойдешь ты дальше,
Выбирай сейчас.
Спи спокойно, воин,
И не забывай,
Всех, кого ты в схватке,
Гибнуть оставлял.
Дух теперь бесплоден,
И надежды нет,
Но спи спокойно воин,
На много тысяч лет.